

И. П. Лысковъ.

ТЕОРІЯ СЛОВЕСНОСТИ

въ связи съ данными языковѣдѣнія и психологіи.

ОБЩІЙ КУРСЪ.

МОСКВА.

Типографія подѣ фирмою „Ломоносовъ“, 1-я Тверская-Ямская, 22.

1914.

Предисловіе.

Большинство учебниковъ теоріи словесности отличается догматическимъ характеромъ изложенія, вслѣдствіе чего учащіеся должны на вѣру принимать всѣ положенія и основанія этой науки. Догматичность эта зависитъ отъ отсутствія въ этихъ руководствахъ научности. Научный элементъ часто не вводится въ учебные курсы по тѣмъ соображеніямъ, что будто бы научное изложеніе предмета будетъ трудно усваиваться учащимися. Но съ этимъ согласиться нельзя, потому что наука, приводя знаніе въ систему и обосновывая его различными доводами, тѣмъ самымъ упрощаетъ свои положенія и содѣйствуетъ болѣе легкому усвоенію научныхъ истинъ. Отсутствіе научности ведетъ къ буквальному и мало осмысленному заучиванію наизусть учебнаго матеріала, вслѣдствіе чего у учащихся притупляется интересъ къ самой наукѣ. Авторъ этой книги за время своей педагогической практики слышалъ отзывы учащихся въ различныхъ учебныхъ заведеніяхъ о трудности изученія теоріи словесности и о меньшемъ интересѣ къ ней, чѣмъ къ исторіи словесности. Отъ сотоварищей по преподаванію этой науки и главное отъ тѣхъ, кто впервые преподавалъ ее, нерѣдко приходило слышать, что учебный матеріалъ въ существующихъ руководствахъ изложенъ по схоластическому плану и методу. Въ виду этихъ соображеній авторъ заботился о томъ, чтобы ни одно положеніе той науки, о которой трактуется въ этой книгѣ, не было принимаемо на вѣру и не отличалось бездоказательностью.

Для приданія книгѣ большаго интереса и занимательности и для устраненія въ ней схоластичности авторъ рѣшилъ поставить теорію словесности въ связь съ тѣми науками, на которыхъ она должна основываться и изъ которыхъ отчасти должна почерпнуть свое содержаніе, т. е. съ языковѣдѣніемъ, психологіей и логикой. Въ этомъ случаѣ составитель слѣдовалъ тѣмъ положеніямъ, которыя были разработаны покойнымъ профессоромъ Харьковскаго университета А. А. Потебней и развиты Д. Н. Овсянико-Куликовскимъ. Будучи вѣ-

ренъ основнымъ положеніямъ этихъ создателей научной теоріи словесности, авторъ во многихъ случаяхъ шелъ дальше, не боясь обобщеній и гипотезъ, и не ограничивалъ своихъ попытокъ къ тому или другому рѣшенію поставленныхъ имъ вопросовъ, зная, что при неподвижности мысли наука обрекается на застой.

Примѣры частію заимствованы изъ сочиненій А. А. Потебни, Д. Н. Овсянико - Куликовского, существующихъ учебниковъ по этому предмету и частію подысканы авторомъ изъ произведеній устной и письменной словесности.

За указаніе недостатковъ и слабыхъ сторонъ своего сочиненія авторъ заранѣе приноситъ свою благодарность.

Составитель.

СОДЕРЖАНІЕ.

	Стр.
Предисловіе	—
Введеніе	1
§ 1. Формы выраженія мысли.	3
§ 2. Предметъ теоріи словесности	6
§ 3. Методъ теоріи словесности.	14
§ 4. Связь теоріи словесности съ гуманитарными науками.	15
§ 5. Дѣленіе теоріи словесности.	19

ТЕОРІЯ СЛОВА.

§ 6. Связь слова со сложностью душевной организаціи чело- вѣка.	20
§ 7. Зависимость между языкомъ и культурностью чело- вѣка	21
§ 8. Зависимость познавательной дѣятельности отъ другихъ душевныхъ способностей	22
§ 9. Понятіе объ ощущеніи.	24
§ 10. Виды ощущеній.	25
§ 11. Значеніе ощущеній въ образованіи языка	27
§ 12. Видоизмѣненіе значенія слова подъ вліяніемъ закона ассо- ціаціи ощущеній	37
§ 13. Различныя стороны въ словѣ	38
§ 14. Внѣшняя, или звуковая форма слова	38
§ 15. Происхожденіе индо-европейскихъ языковъ отъ основного (праязыка).	40
§ 16. Фонетическія и нефонетическія звуковыя явленія	41
§ 17. Связь между индо-европейскими языками и праязыкомъ	52
§ 18. Распаденіе индо-европейскаго языка на отдѣльныя нарѣ- чія	53
§ 19. Процессъ образованія словъ	58
§ 20. Вымираніе словъ	59

	Стр.
§ 21. Архаизмы	61
§ 22. Омонимы	62
§ 23. Внутренняя форма слова	65
§ 24. Образованіе представленій и понятій	65
§ 25. Отношеніе слова къ представленіямъ и понятіямъ	68
§ 26. Значенія слова, связанныя съ его знаменательностью . .	72
§ 27. Грамматическое значеніе слова	72
§ 28. Переходъ словъ изъ одной грамматической категоріи въ другую	74
§ 29. Происхожденіе грамматической категоріи	75
§ 30. Дифференціація частей рѣчи	78
§ 31. Фиктивность въ грамматическихъ разрядахъ	83
§ 32. Знаменательныя и служебныя части рѣчи	85
§ 33. Синтаксическая сторона въ словѣ	87
§ 34. Этимологическая сторона слова	89
§ 35. Происхожденіе слова, какъ знака представленія	91
§ 36. Корень слова	92
§ 37. Аффиксы	102
§ 38. Синонимы	106
§ 39. Заимствованныя слова	110
§ 40. Барбаризмы	111
§ 41. Неологизмы	116
§ 42. Провинциализмы	117

ТЕОРІЯ ПРЕДЛОЖЕНІЯ.

§ 43. Понятіе о предложеніи	120
§ 44. Психологическій процессъ образованія сужденій	120
§ 45. Понятіе о сужденіи	122
§ 46. Различіе между сужденіемъ и предложеніемъ	125
§ 47. Зависимость сужденія отъ словесной формы	127
§ 48. Психологическое сужденіе	132
§ 49. Грамматическое предложеніе со стороны своего состава	134
§ 50. Психологическій процессъ образованія предложеній . .	136
§ 51. Виды предложеній	140
§ 52. Конкретныя предложенія	140
§ 53. Абстрактныя предложенія	143
§ 54. Раздѣленіе предложеній по содержанію	148
§ 55. Природа эмоцій	149
§ 56. Эмоціональныя предложенія	153
§ 57. Понятіе о волевыхъ процессахъ	158

	Стр
§ 58. Повелительныя предложенія	160
§ 59. Связь между логической и словесной стороной сужденія	162
§ 60. Виды слога	173
§ 61. Измѣняемость синтаксического строя	175
§ 62. Законы синтаксического строя	177
§ 63. Постепенный ходъ въ развитіи синтаксическихъ формъ	185
§ 64. Виды предложенія со стороны его синтаксического построения	187
§ 65. Понятіе о паратактическомъ строѣ	187
§ 66. Переходъ отъ паратактическаго строя къ гипотактическому	190
§ 67. Развитіе въ паратактическомъ строѣ второстепенныхъ членовъ предложенія	204
§ 68. Художественныя свойства предложенія	212
§ 69. Благозвучіе предложенія	212
§ 70. Оноματοпозитичность предложенія	218
§ 71. Понятіе о ритмѣ	221
§ 72. Развитіе стиха	222
§ 73. Виды стихосложенія	226
§ 74. Метрическое стихосложеніе	226
§ 75. Силлабическое стихосложеніе	230
§ 76. Тоническое стихосложеніе	238
§ 77. Народное тоническое стихосложеніе	245
§ 78. Внутренняя изобразительность рѣчи	248
§ 79. Тропы	253
§ 80. Синекдоха	256
§ 81. Метонимія	262
§ 82. Метафора	267
§ 83. Сравненіе	284
§ 84. Эпитеты	290
§ 85. Скрытые эпитеты	300
§ 86. Фигуры	301
§ 87. Логическое умолчаніе	304
§ 88. Грамматическое умолчаніе	309
§ 89. Логическій плеоназмъ	312
§ 90. Грамматическій плеоназмъ	320
§ 91. Понятіе о періодѣ	328
§ 92. Періоды со стороны ихъ грамматическаго строенія	332
§ 93. Періоды со стороны ихъ грамматическаго состава	335
§ 94. Классификація періодовъ	337
§ 95. Грамматическая связь между частями періодовъ и примѣры на разные виды періода	342

	Стр.
§ 96. Развитие періода	350
§ 97. Періодъ, какъ промежуточная ступень между предложе- ніемъ и сочиненіемъ	353

ТЕОРІЯ СОЧИНЕНІЯ.

§ 98. Стилистика	356
§ 99. Понятіе о сочиненіи	356
§ 100. Слово и сочиненіе	357
§ 101. Тема сочиненія и единство ея въ сочиненіяхъ прозаиче- скихъ	363
§ 102. Идея сочиненія	369
§ 103. Содержаніе сочиненія и требованія, предъявляемыя къ нему	375
§ 104. Матеріаль, входящій въ составъ содержанія	382
§ 105. Изложеніе сочиненія	386
§ 106. Планъ сочиненія	388
§ 107. Требованія, предъявляемыя къ изложенію и плану сочи- ненія	323
§ 108. Формы изложенія мыслей	395
§ 109. Выраженіе мыслей	399
§ 110. Выраженіе въ собственномъ смыслѣ	399
§ 111. Слово, какъ орудіе мысли	400
§ 112. Слово, какъ матеріаль для мышленія	402
§ 113. Слово, какъ форма мысли	411
§ 114. Логическая природа слога	412
§ 115. Процессъ образованія слога	415
§ 116. Устные и письменныя произведенія	417

ВВЕДЕНИЕ.

§ 1. ФОРМЫ ВЫРАЖЕНІЯ МЫСЛИ.

Мысль человѣка можетъ выражаться посредствомъ слова и безъ слова. Послѣдній способъ выраженія предшествуетъ первому. Дѣти въ первый годъ младенческой жизни свои мысли выражаютъ безъ слова. Мы увидимъ въ соотвѣтствующемъ мѣстѣ курса, что языкъ словъ слѣдуетъ за образованіемъ представлений, т.-е. слово по отношенію къ ощущеніямъ, представленіямъ и понятіямъ есть послѣдующій актъ мысли, поэтому мы сначала скажемъ о выраженіи мыслей безъ посредства слова. Безсловесное выраженіе мыслей имѣетъ двѣ формы: а) форму языка мимики и жестовъ и б) форму идеографическаго письма. Первая соотвѣтствуетъ устной рѣчи, а вторая—письменной. Мимика связывается съ жизнью чувства и проявляется въ безыскусственной игрѣ мышцъ лица и въ особенности глазъ. И прочія части организма не остаются безучастными въ выраженіи чувства. Но главенствующее значеніе принадлежитъ мышцамъ лица и глазъ. То или другое положеніе туловища и конечностей слѣдуетъ за тѣмъ или другимъ положеніемъ мышцъ лица и глазъ. Въ страхѣ за ослабленіемъ мышцъ лица слѣдуетъ ослабленіе и всѣхъ мускуловъ: руки опускаются, станъ сгибается и т. п. Такимъ образомъ, мимика—собственно языкъ не мысли, а чувства, самое чувство въ мимикѣ отражается не одинаково:—яркость и опредѣленность мимическаго выраженія зависитъ отъ интенсивности, т.-е. силы и напряженности чувствовленія. Поэтому въ чисто интеллектуальныхъ, т.-е. умственныхъ, процессахъ мысли выраженіе лица и всего организма одно и то же для всякой мыслительной дѣятельности. Такъ какъ мимика есть языкъ чувства, то о мысли мы узнаемъ не непосредственно, а чрезъ чувство, связывающееся съ тѣми или другими представленіями, и наши сужденія о мысляхъ, связанныхъ съ тѣми или другими чувствованіями, не могутъ поэтому отличаться точностью. Языкъ жестовъ отличается большей сложностью и опредѣленностью въ сравненіи съ мимикой. Это зависитъ отъ того, что языкъ тѣлодвиженій слагается изъ мимики конеч-

ностей и туловища и изъ движеній, характерныхъ для той или другой дѣятельности. Жесты отличаются отъ мимики тѣмъ, что они произвольны, такъ какъ они связываются не только съ явленіями чувства, но и главнымъ образомъ воли, тогда какъ мимика непроизвольна. Жестами поэтому легче высказывать свои мысли, нежели мимикой; жестами пользуются при незнаніи иностраннаго языка; ими объясняются съ глухонѣмыми и т. п. Но, впрочемъ, языкъ жестовъ и мимики употребляются совмѣстно. Языкъ тѣлодвиженій и мимики является существенною частью рѣчи дикарей, такъ что вечеромъ, вслѣдствіе отсутствія освѣщенія и бѣдности ихъ языка, они и сами съ трудомъ понимаютъ другъ друга. Въ жизни культурнаго общества этотъ способъ выраженія мысли непременно связывается со словомъ; только въ балетѣ рѣчь отсутствуетъ. Но языкъ тѣлодвиженій несовершененъ: многого на немъ нельзя рассказать; трудно описать отсутствующій предметъ, или передать что-либо изъ прошлаго. Но самый существенный недостатокъ языка тѣлодвиженій состоитъ въ томъ, что жесты и мимика связываются не непосредственно съ образами и представленіями, а черезъ волю и чувство; поэтому для пониманія требуется особенное усиліе, мысли и особая сосредоточенность, между тѣмъ какъ тѣлодвиженія часто отличаются мгновенностью ихъ проявленія. Въ этомъ послѣднемъ и лежитъ причина идеографическаго, или живописнаго изображенія мыслей. Уже первобытный человѣкъ пользовался для какихъ-то цѣлей рисункомъ. Подъ толстыми слоями земли въ пещерахъ отыскиваются вмѣстѣ съ костями человѣка и животныхъ грубые рисунки оленя, мамонта, лошади и т. п. Идеографическое письмо достигло высшаго своего развитія въ древнемъ Египтѣ; въ настоящее время оно существуетъ въ Китаѣ и Японіи. Но и этотъ видъ передачи мыслей имѣетъ крупные недостатки. Важнѣйшій состоитъ въ томъ, что живопись находится въ противорѣчій со всѣми явленіями жизни. Явленія жизни отличаются текучестью, мгновенностью, подвижностью. Это зависитъ отъ того, что жизнь есть безконечный и непрерывный рядъ движеній. Живопись же обрубаетъ эти явленія, разъединяетъ одно отъ другого и дѣлаетъ ихъ окаменѣвшими и неподвижными. Другой не менѣе важный недостатокъ состоитъ въ трудности рисованія; для выраженія мыслей посредствомъ живописи нужны талантъ и время. Поэтому египтяне упростили рисунокъ: вмѣсто человѣка они изображали въ видѣ кружочка голову, ноги на рисункѣ обозначаютъ бѣгущаго человѣка, вмѣсто быка рисовались рога и т. п. У сѣверо-американскихъ индѣйцевъ содержаніе пѣсни при посредствѣ идеогра-

фическаго письма передается такъ: изображень челоуѣкъ, и отъ его ушей исходятъ зигзагообразныя линіи. А самый текстъ долженъ читаться такъ: „Теперь я слышу волшебныя слова жреца, мои милые друзья, вокругъ меня сидящіе“. Дальше, къ этой же пѣснѣ относится слѣдующій рисунокъ: изображень челоуѣкъ съ двумя черточками на животѣ и четырьмя на связанныхъ ногахъ. Читается это такъ: „Цѣлыхъ два дня вы должны поститься, друзья; а четыре спокойно сидѣть и не двигаться съ мѣста“. Ясно, что весь рисунокъ въ этомъ письмѣ носить условный характеръ; и чтеніе его зависитъ отъ той или другой настроенности читателя. Трудность эта еще болѣе осложняется тѣмъ, что отвлеченныя понятія нельзя иначе выражать, какъ только символически. И, дѣйствительно, въ идеографическомъ письмѣ левъ обозначаетъ храбрость, шакаль — кровожадность, заяцъ — трусость и т. п. Иногда это обозначеніе понятій не имѣетъ съ нашей точки зрѣнія даже и отдаленнаго намека на то понятіе, которое обозначается этимъ символомъ. У тѣхъ же сѣверо-американскихъ индѣйцевъ, о которыхъ сейчасъ шла рѣчь, рогатая змѣя есть символъ жизни, — трубка, украшенная перьями, — миръ и т. д. Но самый существенный недостатокъ іероглифическаго письма заключается въ томъ, что у читателя нѣтъ критерія, по которому можно было бы судить, въ какихъ случаяхъ надо понимать рисунокъ въ символическомъ и въ какихъ въ буквальномъ смыслѣ. Поэтому идеографическое письмо, или способъ выраженія мыслей, вслѣдствіе своей трудности съ теченіемъ времени стало болѣе или менѣе доступно и извѣстно немногимъ людямъ, напр., у египтянъ жрецамъ.

Изъ разсмотрѣнія указанныхъ формъ выраженія мыслей можно сдѣлать тотъ выводъ, что эти способы неокончательны, что они только посредствующіе между понятіями и представленіями съ одной стороны, и словами съ другой. Что это — посредствующіе способы, это видно изъ того, они нуждаются въ словѣ, какъ въ конечной формѣ для выраженія мысли.

Тѣ недостатки, которые характерны для языка тѣлодвиженій (мимики и жестовъ) и идеографіи, до нѣкоторой степени устраниаются въ словесномъ выраженіи мыслей, хотя словесное выраженіе, о чемъ будетъ сказано въ соотвѣтствующемъ мѣстѣ, тоже имѣетъ такіе недостатки, которые отсутствуютъ въ другихъ способахъ выраженія мыслей. Но слово все же является по сравненію съ другими способами наиболѣе совершеннымъ средствомъ для выраженія мыслей.

Слово можетъ быть выражаемо въ двухъ формахъ: а) въ формѣ устной и б) письменной рѣчи.

§ 2. ПРЕДМЕТЪ ТЕОРІИ СЛОВЕСНОСТИ.

Тѣ произведенія человѣческой мысли, которыя выражаются при посредствѣ слова, называются словесными. Къ нимъ принадлежатъ и устные, и письменныя сочиненія (произведенія). Словесныя произведенія подлежатъ изученію двухъ наукъ: теоріи словесности и исторіи словесности. Предметомъ нашего курса служить теорія словесности, поэтому объ ней и будетъ рѣчь. Словами теорія словесности опредѣляется отчасти содержаніе науки и отчасти ея методъ. Содержаніе науки опредѣляется словомъ „словесность“; а ея методъ—словомъ теорія.

Сначала о содержаніи науки.

Слово „словесность“ понимается въ двухъ значеніяхъ. Въ одномъ значеніи подъ словесностью понимается совокупность словесныхъ, преимущественно художественныхъ (поэтическихъ) произведеній, и въ другомъ—наука, изучающая эти произведенія. Отсюда видно, что первое значеніе слова словесность отчасти опредѣляетъ предметъ науки, а именно: ея изученію подлежатъ словесныя произведенія и прежде всего поэтическія, а затѣмъ и тѣ изъ прозаическихъ, которыя имѣютъ то или другое отношеніе или связь съ поэтическими. Поэтическія произведенія подлежатъ прежде всего изученію этой науки потому, что, какъ мы увидимъ далѣе, поэзія предшествовала прозѣ, т.-е. изъ поэтическихъ произведеній путемъ дифференціаціи поэзіи выдѣлились прозаическія.

Итакъ, какія же изъ прозаическихъ произведеній подлежатъ изученію теоріи словесности?

Отвѣтъ на этотъ вопросъ выяснится послѣ уясненія природы поэтическихъ произведеній. Поэтическія произведенія отличаются слѣдующими свойствами: а) они воспроизводятъ дѣйствительность путемъ образовъ, или типичныхъ представленій о предметахъ; б) они общедоступны, и потому, хотя и въ разной мѣрѣ, но понятны для каждаго читателя; в) они способствуютъ пониманію душевной жизни человѣка, потому что предметомъ художественныхъ произведеній служитъ человѣкъ, и это касается не только романовъ и повѣстей, гдѣ дѣйствующими лицами выводятся люди, но и всѣхъ произведеній, поэтически воспроизводящихъ природу (внѣшній міръ), потому что и здѣсь отражается личность человѣка (поэта) со стороны тѣхъ или другихъ отношеній его къ природѣ, выражающихся въ особыхъ чувствахъ его къ природѣ; д) въ поэтическихъ произведеніяхъ изучается человѣкъ со стороны такихъ сторонъ его душевной организаціи, кото-

рыя общи большинству людей; е) поэтичскія произведенія отличаются субъективнымъ воспроизведеніемъ дѣйствительности, т.-е. одни и тѣ же предметы, подлежащіе поэтическому изученію, воспроизводятся поэтомъ-художникомъ сообразно съ особенностями его міровоззрѣнія, а потому поэтъ по-своему воспринимаетъ дѣйствительность и по-своему отражаетъ ее; f) поэтичскія произведенія вызываютъ въ душѣ читателя особое чувство эстетическаго удовольствія, отличающееся отъ интереса, возбуждаемаго прозаическимъ произведеніемъ, тѣмъ, что поэтическое произведение, какъ и всякое художественное созданіе, никогда не теряетъ своей занимательности, а потому поэтическое произведение можетъ съ неослабѣвающимъ вниманіемъ перечитываться вновь и вновь. Указанныя нами особенности всѣ характерны для каждаго художественнаго произведенія, хотя и въ разной степени. Прозаическія произведенія могутъ отличаться этими же особенностями, но такъ, что эти признаки входятъ въ нихъ не всей своей совокупностью, а по частямъ, порознь.

Сначала мы исключимъ прозаическія произведенія, которыя не подлежатъ теоріи словесности, а потомъ укажемъ и тѣ, которыя служатъ предметомъ ея. Естественно-историческія характеристики могутъ отличаться художественностью изображенія жизни тѣхъ или другихъ видовъ животнаго міра и этимъ удовлетворяютъ тому, что сказано подъ пунктомъ а, но онѣ должны быть свободны отъ субъективнаго воспроизведенія дѣйствительности, потому что главная особенность научныхъ произведеній, заключается въ ихъ объективности, зависящей отъ того, что прозаикъ мыслитъ о предметахъ не посредствомъ представленій, а посредствомъ понятій, изъ которыхъ все индивидуальное и случайное исключено. Поэтому историческія и естественно-историческія характеристики въ противоположность тѣмъ произведеніямъ, которыя даютъ представленія и образы предметовъ, не допускаютъ разнообразнаго толкованія и пониманія. Философскія сочиненія, въ тѣсномъ смыслѣ слова, также не подлежатъ изученію словесности, потому что, хотя въ нихъ и изучается человѣкъ, но эти произведенія не отличаются общедоступностью своего содержанія, и точно такъ же, какъ и всѣ научныя, они претендуютъ на объективность. Юридическія произведенія не изучаются словесностью потому, что объектомъ этихъ сочиненій служатъ такія словесныя произведенія, которыя имѣютъ цѣлью нормировать дѣятельность человѣка въ будущемъ, между тѣмъ какъ въ словесныхъ произведеніяхъ человѣкъ изучается со стороны дѣятельностей, уже проявившихся въ жизни и потому осуществившихся. Въ математическихъ сочиненіяхъ нѣтъ

ни одного признака, характернаго для поэтических произведений, а потому они исключаются изъ содержанія нашей науки.

Указаніе такихъ прозаическихъ сочиненій, которыя не входятъ въ содержаніе словесности, даю намъ критерій для тѣхъ прозаическихъ сочиненій, которыя могутъ быть объектомъ изученія словесности. Мы отказывали въ правѣ на изученіе такихъ прозаическихъ сочиненій, которыя не могутъ удовлетворять по крайней мѣрѣ тремъ признакамъ вмѣстѣ, характернымъ для поэтическихъ произведений, и изъ этихъ признаковъ на первомъ мѣстѣ ставили общедоступность содержанія, изученіе особенностей духовной природы человѣка и субъективное воспроизведеніе дѣйствительности. Итакъ, какія изъ прозаическихъ сочиненій подлежатъ изученію словесности? Поэтическія произведенія отличаются тѣмъ, что они допускаютъ широкое и разнорѣчивое толкованіе образовъ, входящихъ въ составъ произведенія, поэтому прежде всего изученію подлежатъ всѣ критическія сочиненія, уясняющія смыслъ и значеніе тѣхъ или другихъ художественныхъ образовъ. Публицистическія произведенія, какъ-то проповѣди, слова, поученія, также изучаются словесностью на томъ основаніи, что они, кромѣ общедоступности своего содержанія, отличаются тѣмъ, что освѣщаютъ различныя стороны общественной жизни и чрезъ это даютъ возможность изучать особенности душевной организаціи человѣка въ его социально-общественныхъ проявленіяхъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ объясняютъ тѣ художественныя произведенія, предметомъ которыхъ служитъ изображеніе жизни общества. На этомъ же основаніи въ предметъ нашей науки входятъ дневники, письма, лѣтописи, характеристики и т. д. Историческія произведенія постольку пользуются вниманіемъ со стороны словесности, поскольку исторія въ художественныхъ и типичныхъ образахъ воспроизводитъ явленія прошлой жизни, и поскольку эти произведенія отличаются субъективностью, отражающей личность автора.

Такъ какъ словесныя произведенія имѣютъ неодинаковое значеніе и достоинство какъ со стороны содержанія, такъ и со стороны формы, т. е. одни—классическія, въ родѣ произведеній Шекспира, Пушкина, Сервантеса, Гоголя, и т. п., отличаются крупными достоинствами, и другія, въ родѣ лубочныхъ изданій сказокъ о Бобѣ-Королевичѣ, повѣстяхъ о Гуакѣ и т. п., съ научно-критической точки зрѣнія имѣютъ за собой очень мало достоинствъ, то возникаетъ вопросъ должно ли вводить въ курсъ науки изученіе произведеній незначительныхъ въ художественномъ отношеніи? Въ прежнее время, когда литературныя произведенія оцѣнивались съ исключительно эстетической точки зрѣ-

нія, со стороны красоты ихъ формы и важности ихъ содержанія, второстепенные писатели XVIII и XIX в.в. лишены были вниманія со стороны словесности. Бѣлинскій предлагалъ изучать русскую словесность только съ произведеній Пушкина, и поэтому былъ необычайно строгъ къ тѣмъ современнымъ ему писателямъ, которые ему казались второстепенными. Таково отношеніе у него было къ Некрасову. Но такъ какъ понятіе красоты—относительное понятіе, и такъ какъ у различныхъ критиковъ оцѣнка произведеній со стороны ихъ красоты ведетъ къ разпорѣчивому и противорѣчивому пониманію художественныхъ произведеній, а это видно, между прочимъ, изъ того, что произведенія Шекспира, въ настоящее время признаваемые совершеннѣйшими образцами драматическаго творчества, оцѣнены были только черезъ нѣсколько вѣковъ послѣ ихъ появленія, то поэтическія произведенія въ исторіи литературы стали изучаться съ точки зрѣнія преемственной связи между произведеніями. Это преемственное изученіе художественныхъ произведеній указываетъ на то, что произведенія классиковъ стоятъ въ тѣсной связи съ предшествовавшими произведеніями второстепенныхъ писателей. Такъ произведенія Гоголя были подготовлены произведеніями его отца, Квитки, Нарѣжнаго, Котляревскаго, нѣмецкаго романтика Гофмана и т. п. „Донъ-Кихоть“ Сервантеса имѣетъ самую тѣсную связь съ рыцарскими романами предшествовавшихъ Сервантесу авторовъ, отличающимися ничтожными художественными достоинствами. По примѣру исторіи словесности и теорія словесности наряду съ классическими писателями должна изучать и второстепенныхъ. Необходимость изученія этихъ послѣднихъ обуславливается тѣмъ, что произведенія второстепенныхъ писателей элементарнѣе и проще по своей формѣ въ сравненіи съ классическими произведеніями, отличающимися большою сложностью содержанія и формы. Поэтому на изученіи второстепенныхъ писателей легче понять существенные признаки того или другого вида литературныхъ произведеній, легче понять вслѣдствіе односторонности этихъ произведеній. Если бы мы попытались изучать особенности романа на произведеніяхъ Достоевскаго, то мы пришли бы къ такому выводу, что въ романѣ долженъ входить философскій и публицистическій элементы, что въ романѣ авторъ долженъ производить психологическій анализъ того или другого героя въ присутствіи читателя и т. п. Изученіе романовъ Пушкина, Лермонтова, Тургенева привело бы насъ къ той мысли, что героями романовъ должны быть исключительныя личности. Эти выводы были бы ложными. Вѣрное понятіе о романѣ или какой-либо другой литературно-художествен-

ной формѣ можетъ составляться послѣ изученія не однихъ только классическихъ произведеній, но и произведеній такихъ писателей, какъ Даль, Загоскинъ, Нарѣжный, Григоровичъ, Писемскій и т. п.

Теорія словесности изучаетъ въ отличіе отъ исторіи словесности, имѣющей своимъ предметомъ содержаніе словесныхъ произведеній, форму ихъ. Въ виду того, что формѣ обычно придается второстепенное значеніе въ сравненіи съ содержаніемъ, возникаетъ вопросъ: вправѣ ли формѣ словесныхъ произведеній придавать такое же значеніе, какъ и содержанію ихъ, и создавать для изученія ихъ формы отдѣльную науку? Мы видѣли, что изученію словесности подлежатъ прежде всего поэтическія произведенія, а такъ какъ поэзія относится къ области искусствъ, то изученіе формы имѣетъ особенно важное значеніе, потому что въ искусствѣ форма болѣе значить, чѣмъ содержаніе. Содержаніе музыкальных пьесъ опредѣляется текстомъ, а если его нѣтъ, то мы имѣемъ дѣло только съ формой и на основаніи анализа этой формы влагаемъ въ пьесу то или другое содержаніе. Отъ формы архитектурнаго зданія зависитъ его красота. Если въ словесныхъ произведеніяхъ не чувствуется въ такой степени самостоятельность формы, какъ въ другихъ видахъ искусствъ, то это зависитъ отъ того матеріала, которымъ пользуется поэзія,—отъ слова. Въ словѣ внѣшняя сторона его, звуковая форма, настолько тѣсно сливается съ значеніемъ слова, что мы на эту форму обычно не обращаемъ особаго вниманія. Что форма дѣйствительно очень важна для поэтическаго произведенія, въ этомъ нетрудно убѣдиться. Разрушеніе мѣрной рѣчи, напр., въ „Демонѣ“ Лермонтова или въ любомъ стихотворномъ произведеніи понизитъ въ значительной степени достоинство этихъ произведеній; перестановка только словъ исказитъ все произведеніе. Произведенія, имѣющія пустое содержаніе, или даже такія, въ которыхъ нельзя отыскать никакого содержанія напр., стихи декадентовъ, будучи воплощены въ стихотворную форму, становятся интересными исключительно со стороны формы. Приведемъ отрывокъ изъ стихотворенія В. Брюсова въ качествѣ примѣра звучности стиховъ и отсутствія въ нихъ содержанія:

„Гаснутъ розовыя краски
Въ блѣдномъ отблескѣ луны;
Замерзаютъ въ льдинахъ сказки
О страданіяхъ весны.
Отъ исхода до завязки

Завернулись въ трауръ сны,
И безмолвіемъ окраски
Ихъ гирлянды сплетены.
Подъ лучами юной грезы
Не цвѣтутъ созвучій розы
На куртинахъ пустоты,
А сквозь окна сновъ безсвязныхъ
Не увидятъ звѣздъ алмазныхъ
Усыпленные мечты“.

Форма важна не для однихъ только стихотворныхъ произведеній, но и для всякихъ поэтическихъ. Трагедіи Шекспира потеряли бы въ значительной степени свой интересъ, если бы они были написаны въ формѣ повѣстей, потому что драматическая форма наиболѣе пригодна для изображенія дѣйствій человѣка и тѣхъ душевныхъ терзаній, которыя переживаетъ онъ во время борьбы съ различными препятствіями. Недаромъ Пушкинъ не согласился съ предложеніемъ Императора Николая I передѣлать свою драму „Борисъ Годуновъ“ въ форму повѣсти въ духѣ произведеній Вальтеръ-Скотта, не согласился потому, что содержаніе его произведенія не мирилось съ эпической формой. Переложеніе „Пиковой дамой“ Пушкина и „Фауста“ Гете въ драматическую форму невыгодно отразилось на ихъ содержаніи, и если эти оперы пользуются успѣхомъ на сценѣ, то исключительно благодаря музыкѣ.

Поэтическія произведенія отличаются отъ произведеній другихъ видовъ искусствъ тѣмъ, что форма первыхъ сливается очень тѣсно съ содержаніемъ; поэтому въ тѣхъ случаяхъ, когда форма не отдѣлима отъ содержанія, очевидно нужно изучать самое содержаніе произведеній для того, чтобы опредѣлить ихъ форму. Возникаетъ вопросъ, какимъ критеріемъ должна руководиться теорія словесности для того, чтобы при изученіи содержанія произведенія не смѣшать своей задачи съ задачами исторіи словесности, изучающей произведенія также съ точки зрѣнія содержанія, или иначе, какимъ образомъ изученіе содержанія произведенія можетъ дать необходимыя положенія для выводовъ объ ихъ формѣ? Исторія словесности изучаетъ словесныя произведенія съ тѣмъ, чтобы на основаніи этого изученія сдѣлать выводы объ особенностяхъ творчества того или другого писателя, а если авторъ этого произведенія неизвѣстенъ, то объ особенностяхъ самаго произведенія. Изъ этого видно, что исторія литературы должна изучать въ произведеніяхъ все индивидуальное, то-есть все то, что является результатомъ взглядовъ и міровоз-

зрѣнія того или другого писателя, зависящихъ отъ уклада его жизни. Въ этомъ отношеніи исторія литературы въ своихъ изслѣдованіяхъ должна руководиться тѣмъ же методомъ, что и исторія философіи. Личный элементъ въ особенностяхъ творчества поэта долженъ служить исходнымъ пунктомъ для всякихъ другихъ сужденій. Теорія словесности изучаетъ содержаніе произведеній съ тою цѣлью, чтобы найти въ нихъ опредѣленное, устойчивое, характерное для того или другого вида произведенія. Этимъ устойчивымъ и характернымъ и будетъ опредѣляться форма произведенія. Очевидно, что изученіе формы произведеній должно исходить отъ исключенія въ произведеніи всего личнаго, свойственнаго тому или другому писателю. Если бы мы существенныя свойства элегіи стали опредѣлять только на основаніи изученія элегій Пушкина, мы впали бы въ ошибку: мы должны бы были сказать, что существеннымъ свойствомъ элегіи служить не только скорбь поэта, но и примиреніе его съ жизнію вслѣдствіе благотворнаго вліянія природы на человѣка. Послѣдній выводъ оказался бы правильнымъ относительно элегій Пушкина и ложнымъ относительно элегіи вообще. Для правильнаго опредѣленія формы какого-либо произведенія нужно изучать однородныя произведенія разнообразныхъ писателей. При этомъ только условіи и возможно будетъ устранять изъ произведенія тотъ индивидуальный элементъ, о которомъ была рѣчь ранѣе. Но недостаточно устранить изъ произведенія индивидуальный элементъ. Въ немъ можетъ остаться національный элементъ, элементъ, свойственный произведеніямъ той или иной народности. Русская народная пѣсня отличается, напр., грустнымъ содержаніемъ, что въ особенности ярко выражается въ свадебныхъ пѣсняхъ. Если бы этотъ выводъ мы примѣнили вообще къ народной пѣснѣ, то допустили бы ошибку, потому что пѣсни другихъ народовъ могутъ и не имѣть этой чисто-русской особенности. Неправильный выводъ у насъ получился бы и въ томъ случаѣ, если бы мы героическій эпосъ вообще характеризовали на основаніи изученія русскихъ былинъ. Но произведенія литературы различныхъ народовъ имѣютъ между собою сходство, объясняемое тѣмъ, что въ литературѣ вообще вырабатывается одно общее направленіе, характерное для извѣстнаго времени, и поэтому отражающееся въ произведеніяхъ различныхъ національностей. Такъ, въ первой половинѣ XIX вѣка господствовали романтизмъ съ его различными развѣтленіями: нѣмецкимъ романтизмомъ, байронизмомъ и романтизмомъ Виктора Гюго. Если мы на основаніи изученія романовъ писателей одного какого-либо направленія составимъ общее понятіе о романѣ и сдѣ-

лаемъ тотъ выводъ, что въ романъ должна входить любовная интрига, то мы ошибемся. Въ эпоху господства ложноклассицизма въ идилліи изображалась жизнь простыхъ людей, чаще всего пастуховъ, на фонѣ полного довольства жизнью и счастья. Если мы характерное для ложноклассической идилліи примѣнимъ къ идилліи вообще, то сдѣлаемъ ложный выводъ. Такимъ образомъ для опредѣленія формы произведенія нужно выдѣлить изъ произведенія все то, что явилось въ немъ результатомъ вліянія того или другого литературнаго направленія, а поэтому нужно изучать однородныя произведенія разныхъ направлений. А это возможно сдѣлать только тогда, когда мы будемъ сравнивать произведенія, относящіеся по своему происхожденію къ разнымъ временамъ и эпохамъ. Такимъ образомъ уясненіе формы того или другого произведенія возможно только въ томъ случаѣ, когда изъ произведеній будетъ выдѣленъ индивидуальный, національный и временной элементы.

Формы словесныхъ произведеній поэтическихъ и прозаическихъ отличаются своею измѣняемостью. Они появляются, развиваются и вымираютъ. Съ этой стороны можно провести полную аналогію, съ одной стороны, между словомъ и содержаніемъ (сюжетомъ) произведеній и формой съ другой. Теорія словесности должна изучать не только существующія формы, но и отжившія. И это потому, что исчезнувшія формы вліяли и вліяютъ на развитіе новыхъ. Классическія поэмы Гомера „Одиссея“ и „Иліада“ по своему строенію отличались такимъ совершенствомъ и законченностью, что формы ихъ не могли развиваться въ другихъ поэмахъ безъ измѣненія существенныхъ признаковъ, характерныхъ для этихъ классическихъ формъ. Поэтому формы классической поэмы, какъ окончательно опредѣлявшіяся, надо считать вымершими. Но вліяніе этихъ формъ сказалось въ ложноклассическомъ эпосѣ XVII и XVIII вѣковъ, который въ свою очередь тоже вымеръ, передавши нѣкоторыя свои особенности романтической поэміи и поэміи новаго времени. Отсюда видно, что для пониманія поэмы новаго времени необходимо поставить ее въ связь съ предшествующими ей формами, и вмѣстѣ съ тѣмъ, отсюда уясняется необходимость изученія отжившихъ формъ. Нѣкоторыя формы произведеній, повидимому, вымерли окончательно. Къ таковымъ надо отнести басню. Но изученіе и такихъ формъ также необходимо. Детальное изученіе басни содѣйствуетъ пониманію другихъ формъ эпоса: пословицъ и сказокъ о животныхъ, и до сихъ поръ продолжающихъ свое существованіе. Не говоримъ уже о томъ, что изученіе теоріей словесности вымершихъ формъ весьма важно и для исторіи литературы.

§ 3. МЕТОДЪ ТЕОРИИ СЛОВЕСНОСТИ.

Изъ предыдущаго § отчасти уясняется тотъ методъ, которымъ должна пользоваться теорія словесности при изученіи словесныхъ произведеній. Но такъ какъ вопросъ о методѣ очень важный, то мы объ немъ скажемъ отдѣльно. На методъ науки указываетъ самое слово теорія. Слово теорія происходитъ отъ греческаго слова θεωρία наблюденіе, разсматриваніе, изслѣдованіе. Въ частности у грековъ это слово примѣнялось къ общественнымъ играмъ: Олимпійскимъ, Пинійскимъ и т. п. Самый глаголѣ θεωρεῖν въ противоположность глаголу δράω означаетъ не просто видѣть, а разсматривать. Этимологія слова теорія, такимъ образомъ, указываетъ на такое изученіе, или разсмотрѣніе словесныхъ произведеній, которое связывается съ возможно полнымъ знаніемъ произведенія со стороны всѣхъ признаковъ, характерныхъ для него, какъ типа той или другой формы произведеній. Такимъ образомъ, теорія словесности есть наука статическая, т.-е. описательная, и значить методъ ея тотъ же, что и всѣхъ описательныхъ наукъ, къ которымъ относятся естествознаніе, географія и т. п. Какъ описательная наука, она своей конечной цѣлью должна ставить изученіе литературныхъ формъ, существующихъ въ настоящее время. Но теорія словесности вмѣстѣ съ тѣмъ наука историческая. Мы видѣли, что къ правильнымъ выводамъ о сущности той или другой формы, характерной для извѣстныхъ произведеній, можно придти по устраненіи изъ произведенія тѣхъ элементовъ, которые обусловливаются даннымъ временемъ, и что поэтому нужно изучать формы произведеній въ ихъ развитіи, исторически. Къ этому же выводу мы должны придти и на основаніи другихъ соображеній.

Современные виды художественныхъ произведеній, напр., романы, драмы и т. п., отличаются большей сложностью своего строенія. Положимъ, на основаніи анализа современныхъ намъ романовъ, мы бы выяснили особенности этого рода произведеній и указали бы, что существенными признаками ихъ служатъ: изображеніе жизни общества въ лицѣ героя, типичность героевъ, идеализація ихъ, изображеніе приключеній героевъ, осмѣяніе тѣхъ или другихъ сторонъ жизни общества во имя идеаловъ поэта и т. п. Но всѣ эти выводы объ особенностяхъ романа у насъ были бы случайными, вслѣдствіе ихъ эмпирической обоснованности. Между тѣмъ изученіе романа со стороны историческаго развитія его особенностей ука-

жетъ намъ, что въ романѣ является самымъ цѣннымъ для различныхъ эпохъ, и какъ къ этимъ характернымъ особенностямъ присоединяются другія, и какимъ образомъ романъ отъ простѣйшихъ формъ переходитъ къ сложнымъ и дѣлается высшей формой художественныхъ произведеній. Такое изученіе эволюціи романа укажетъ намъ связь романа съ греческими любовными романами приключеній, съ средневѣковымъ романомъ, идеализировавшимъ рыцарство, съ плутовскими романами похождения, утопіями и т. п. Такъ какъ историческое изученіе формъ имѣетъ за собой ту особенность, что здѣсь изученіе начинается съ простѣйшихъ формъ, все болѣе осложняющихся, и оканчивается анализомъ самыхъ сложныхъ, то при этомъ методъ изученія словесныхъ произведеній теорія словесности вмѣстѣ съ наукою изложенія отличается и простотой. Другое преимущество историческаго метода состоитъ въ томъ, что онъ предостерегаетъ отъ ложныхъ и положеній, и выводовъ. При статическомъ изученіи словесныхъ произведеній господствовалъ такой взглядъ на происхожденіе формъ поэзіи, по которому эпосъ предшествуетъ лирикѣ, и лирика драмѣ. Историческое изученіе словесныхъ произведеній указало, что для первичныхъ произведеній характернымъ было смѣшеніе всѣхъ формъ. Въ пѣснѣ первобытнаго человѣка заключались элементы эпоса, лирики и драмы. Обобщая сказанное въ этомъ и предшествующемъ § о методѣ, мы должны придти къ тому заключенію, что методъ изученія словесныхъ произведеній долженъ быть сравнительно—историческимъ.

§ 4. СВЯЗЬ ТЕОРИИ СЛОВЕСНОСТИ

съ гуманитарными науками.

Такъ какъ предметомъ словесности служитъ изученіе человѣка со стороны проявленій его духовныхъ интересовъ въ словѣ, или, что то же, въ словесныхъ произведеніяхъ, то теорія словесности имѣетъ связь съ тѣми науками, которыя изучаютъ человѣка со стороны проявленій его духовной организаціи. Самую тѣсную связь теорія словесности имѣетъ съ исторіей словесности. Такъ какъ при изученіи особенностей тѣхъ или другихъ формъ поэтическаго или прозаическаго творчества теорія словесности должна отвлекаться отъ индивидуальнаго и національнаго элементовъ въ произведеніи и такъ какъ изученіе этихъ элементовъ входитъ въ задачи исторіи литературы, то теорія словесности данна по вопросу о томъ, что не характерно для той или другой формы,

заимствуетъ изъ исторіи словесности. При изученіи той же самой формы въ ея историческомъ развитіи теорія словесности возвращается къ тѣмъ даннымъ исторіи литературы, отъ которыхъ отвлеклась при опредѣленіи этой формы. Мы видѣли, что изученію словесности подлежатъ произведенія не однихъ классическихъ писателей, но и второстепенныхъ. Но произведенія второстепенныхъ писателей появлялись и появляются въ такомъ количествѣ, что теорія словесности будетъ подавлена массою этого матеріала, если она рѣшится подвергнуть этотъ матеріаль разбору. Исторія словесности укажетъ, что изъ произведеній второстепенныхъ писателей подлежатъ изученію только тѣ, которыя пользовались наибольшей популярностью, и которыя, связываясь съ предшествовавшими и послѣдующими, имѣли то или другое отношеніе къ произведеніямъ классическихъ писателей. Такъ какъ формы произведеній зависятъ отъ содержанія, а содержаніе отъ разнообразныхъ условій, подлежащихъ изученію исторіи вообще, то теорія словесности чрезъ исторію словесности соприкасается съ разными видами исторіи. Такъ, исторія укажетъ, что особенности мѣщанской драмы, или слезной комедіи, выражающіяся въ разработкѣ сюжетовъ изъ жизни средняго сословія, зависятъ отъ того, что въ политической жизни западно-европейскихъ государствъ XVIII вѣка начинаетъ пользоваться большимъ вліяніемъ и значеніемъ буржуазія. Исторія объяснитъ также, что романтическія поэмы конца XVIII и начала XIX вѣка, изображающія жизнь среднихъ вѣковъ въ общихъ чертахъ и притомъ въ чудесной, фантастической обстановкѣ, потому не могли описывать жизни правдиво, что не существовало и самой науки исторіи въ томъ смыслѣ, какъ она понималась потомъ. Въ виду того, что поэтическія произведенія первоначально появились въ устной формѣ, и въ виду того, что устные произведенія стали записываться черезъ много вѣковъ послѣ ихъ появленія и поэтому не сохранили въ первичномъ видѣ своего содержанія и формы, въ виду этого теорія словесности для сужденія о предполагаемой формѣ устныхъ произведеній данныя заимствуетъ изъ этнографіи и соціологіи, и пользуется наблюденіями надъ жизнью тѣхъ, мало культурныхъ и некультурныхъ народовъ, у которыхъ поэтическое творчество стоитъ на самой низкой стадіи развитія; и при помощи этихъ данныхъ освѣщаетъ свой матеріаль.

Теорія словесности должна имѣть близкую связь съ грамматикой и сравнительнымъ языковѣдѣніемъ. Словесныя произведенія выражаются посредствомъ слова. Слово есть такой же актъ творческой мысли, какъ и сочиненіе, и также разнообразно по

своимъ функціямъ, какъ и сочиненіе, и подлежитъ тѣмъ же законамъ развитія со стороны внѣшней, звуковой формы и значенія, какъ и сочиненіе. Сравнительное языковѣдѣніе, возстановляя первичный смыслъ корней-словъ индо-европейскаго языка, имѣвшихъ въ періодъ созданія языка поэтическое значеніе, вмѣстѣ съ тѣмъ указываетъ на особенности поэтическаго мышленія, проявлявшіяся и проявляющіяся въ употребленіи троповъ, эпитетовъ и сравненій, а разрушаетъ прежнее мнѣніе о томъ, что тропы и остальные изобразительныя средства рѣчи явились въ поэзіи вслѣдствіе стремленія украсить рѣчь. Посредствомъ сравненія словъ, сходныхъ по своей звуковой формѣ и значенію, сравнительное языковѣдѣніе отчасти приводитъ въ извѣстность слова общія для индо-европейскаго праязыка и чрезъ то даетъ возможность теоріи словесности указать объекты поэтическаго творчества въ эпоху созданія языка; а такъ какъ слово есть вмѣстѣ съ тѣмъ и поэтическій образъ, то чрезъ сравнительное языковѣдѣніе теорія словесности изучаетъ поэтическіе образы въ самомъ началѣ ихъ появленія. Природа слова должна изучаться теоріей словесности не только потому, что слово есть матеріалъ для поэтическаго мышленія, но и потому, что слово есть такой же творческій актъ мысли, какъ и сочиненіе, но предшествующій ему, и потому уясняющій природу творчества вообще. Уясненіе природы слова важно не только для теоріи поэзіи, но и для теоріи прозы. Если возстановимо значеніе слова, то оно указываетъ, какой признакъ или дѣйствіе легли въ основу наименованія того или другого представленія, тѣмъ или другимъ словомъ. Не удовлетворяясь однимъ частнымъ значеніемъ въ словѣ, творческая мысль создаетъ для словъ общія значенія, подводя ихъ подъ тѣ или другія грамматическія категоріи, и тѣмъ уясняетъ природу предмета, обозначаемого словомъ. Въ словѣ вмѣстѣ съ тѣмъ проявляется способность его сочетаться въ той или другой формѣ съ другими словами. Вслѣдствіе употребленія слова въ разныхъ смыслахъ для обозначенія различныхъ представленій слово теряетъ связь съ первичнымъ представленіемъ и дѣлается знакомъ понятія. Развиваясь еще далѣе, слово перестаетъ быть знакомъ понятія и, переходя изъ знаменательной части рѣчи въ служебную, становится знакомъ различныхъ логическихъ отношеній. На исторію слова, мы, такимъ образомъ, можемъ изучать основы прозаическаго, или научнаго мышленія. Понятно, что въ теоріи словесности слово должно изучаться съ точки зрѣнія этой науки. Изъ грамматики сюда должны входить общіе вопросы о природѣ слова, связанные съ психологіей мысли и слова. Въ

теорію словесности входить изученіе виѣшней стороны произведеній—слога. Эта наука должна давать не только указанія о связи слога съ мыслью, т.-е. изучать не одни логическія свойства слога, но и слогъ въ его постепенномъ развитіи, въ постепенномъ переходѣ отъ паратактическаго строя рѣчи къ гипотактическому. Это свое содержаніе теорія словесности должна заимствовать изъ синтаксиса. Такъ какъ предложеніе является прототипомъ сочиненія, и такъ какъ само сочиненіе состоитъ изъ сочетанія предложеній, то изъ того же синтаксиса должно быть заимствовано и ученіе о предложеніи, но должно быть вмѣстѣ съ тѣмъ освѣщено данными логики и психологій и приспособлено къ спеціальнымъ задачамъ теоріи словесности.

Такъ какъ словесныя произведенія являются результатомъ духовной дѣятельности человѣка и основываются на законахъ психической организаціи человѣка, и такъ какъ изученіе духовной организаціи человѣка является предметомъ психологій, то теорія словесности въ своихъ сужденіяхъ о словесныхъ произведеніяхъ, поскольку они зависятъ отъ этихъ психологическихъ законовъ, должна опираться на данныя психологій. Психологія указываетъ прежде всего на связь и зависимость слова отъ виѣшнихъ чувствъ и такимъ образомъ выводитъ основы слова изъ особенностей душевной организаціи человѣка. Въ поэтическихъ произведеніяхъ слова являются въ качествѣ знаковъ представленій, поэтому теорія словесности должна уяснить связь между словомъ и представленіемъ (образомъ) на основаніи данныхъ психологій и языковѣднія; а такъ какъ въ прозаическихъ произведеніяхъ словами обозначаются понятія, то такая же связь и на основаніи тѣхъ же данныхъ должна быть указана между словомъ и понятіемъ. Теорія словесности чрезъ посредство той же психологій должна выяснить природу сужденія и его словесной оболочки—предложенія, и вмѣстѣ съ тѣмъ раскрыть особенности поэтическаго мышленія, выражающіяся въ тропяхъ и фигурахъ. Психологія должна объяснить также и особенности поэтическаго творчества вообще и отличіе его отъ научнаго творчества. Дѣленіе словесныхъ произведеній на роды и виды должно быть обосновано на почвѣ психологій.

Какъ поэтическія, такъ и прозаическія произведенія имѣютъ своей цѣлью или уяснить наше знаніе о предметахъ, или расширить его, и вслѣдствіе этого они должны состоять изъ сужденій, согласныхъ съ законами логики. Поэтому оцѣнка содержанія словесныхъ произведеній со стороны ихъ истинности должна опираться на данныя логики и исходить изъ нихъ.

Ученіе о содержаніи сужденія и сочиненія должно войти въ теорію словесности изъ логики.

Поэтическія произведенія относятся къ типу художественныхъ произведеній въ обширномъ смыслѣ слова. Съ этой точки зрѣнія поэзія есть такое же искусство, какъ музыка, живопись, архитектура и, имѣя свои спеціальныя законы, она подчиняется общимъ законамъ художественнаго творчества, каковыя изучаются въ эстетикѣ. Мы указывали, что поэтическія произведенія отличаются отъ научныхъ тѣмъ, что они вызываютъ особое чувство эстетическаго волненія. Такое же чувство эстетическаго волненія вызывается и всѣми другими видами искусствъ. Это чувство эстетическаго волненія характерно только для прекраснаго въ искусствѣ, но не въ природѣ. Чувство эстетическаго волненія въ природѣ осложняется другими чувствами. Плоды, воспроизведенные посредствомъ живописи, не вызываютъ желанія съѣсть ихъ или обонять. Поэтому комическое воспроизведеніе жизни въ драмѣ не то же, что созерцаніе или участіе въ комическомъ жизни. Эстетика, такимъ образомъ, даетъ критерій для отличія искусства отъ дѣйствительности и вмѣстѣ съ тѣмъ указываетъ, въ какомъ отношеніи искусство должно находиться къ жизни: копировать ли ее или отражать чрезъ призму художественнаго настроенія. Эстетика вмѣстѣ съ тѣмъ даетъ признаки, по которымъ то или другое произведеніе человѣческой мысли должно считаться произведеніемъ искусства. А это очень важно для рѣшенія вопроса о томъ, какія изъ поэтическихъ произведеній должно считать классическими, и на какихъ поэтовъ должно останавливать наибольшее вниманіе и подвергать болѣе подробному и полному изученію.

§ 5. ДѢЛЕНІЕ ТЕОРІИ СЛОВЕСНОСТИ.

Теорія словесности дѣлится по своему содержанію на двѣ части: общую и частную теорію. Общая теорія словесности изучаетъ законы, равно обязательныя для всѣхъ видовъ сочиненій, и подраздѣляется на три отдѣла: на теорію слова; теорію предложенія и теорію сочиненія, вообще. Частная теорія раздѣляется на два отдѣла: на теорію научнаго или прозаическаго мышленія и на теорію художественнаго или поэтическаго мышленія, иначе говоря, на теорію прозы и теорію поэзіи.

Общая теорія словесности.

Теорія слова.

§ 6. СВЯЗЬ СЛОВА СЪ СЛОЖНОСТЬЮ ДУШЕВНОЙ ОРГАНИЗАЦІИ ЧЕЛОВѢКА.

Явленія познавательной, чувствовательной и волевой дѣятельности находятся въ тѣсной связи со словомъ. Всѣ эти явленія, взятые въ совокупности, сначала обусловливаютъ происхожденіе слова, а потомъ и сами находятся въ сильнѣйшей отъ него зависимости. Существенное различіе между человѣкомъ и животнымъ со стороны душевной организаціи состоитъ въ томъ, что животное—эгоистическое существо: оно руководится въ своей жизни исключительно инстинктомъ самосохраненія. Всѣ его дѣйствія направлены къ удовлетворенію фізіологическихъ потребностей къ пищѣ, къ защитѣ отъ враговъ и къ продолженію своего рода въ потомствѣ. Если животное и представляетъ какъ-нибудь внѣшній міръ, то существующимъ только для него самого, для удовлетворенія его насущныхъ потребностей. Эгоистическія потребности человѣку общи вмѣстѣ съ животными, но изъ этихъ потребностей у человѣка развилось постепенно стремленіе къ чистому знанію, чѣмъ онъ и отличается отъ животного. Человѣкъ познаетъ міръ, независимо отъ какой бы то ни было пользы, онъ стремится къ знанію изъ одной любви къ нему. Всѣ такъ называемыя теоретическія науки: исторія, словесность, математика, географія или имѣютъ очень небольшое значеніе для жизни, или совсѣмъ не имѣютъ. Изъ любви къ знанію человѣкъ часто подвергаетъ себя смертельной опасности: многіе путешественники по полярнымъ, арктическимъ странамъ, многіе воздухоплаватели и естествоиспытатели, движимые научными побужденіями, погибли. Объ искусствахъ: архитектурѣ, скульптурѣ, живописи, музыкѣ и поэзіи животныя ничего не знаютъ. Мы наслаждаемся

сочетаніями разныхъ цвѣтовъ въ природѣ и искусствѣ, а быкъ и индокъ приходятъ въ ярость отъ краснаго цвѣта. Собаки и кошки не выносятъ музыки. Гармоническихъ промежутковъ нѣтъ даже въ пѣніи пѣвчихъ птицъ; ихъ звуки нельзя разложить на основные звуки гаммы. Эта сложность духовной организаціи чело-вѣка служитъ причиною накопленія въ его душѣ массы пред-ставленій о самомъ себѣ и внѣшнемъ мірѣ и является причиною созданія обозначеній для этихъ представленій при посредствѣ слова; и чрезъ слово, такимъ образомъ, чело-вѣкъ познаетъ себя и міръ. Животное же не говоритъ ничего не потому только, что у него нѣтъ органовъ рѣчи, а потому, что оно не знаетъ міра и ска-зать ему о немъ нечего, такъ какъ всѣ его представленія, если они и есть, обусловливаются его фیزیологическими потребностями, не-достаточными для познанія міра.

§ 7. ЗАВИСИМОСТЬ МЕЖДУ ЯЗЫКОМЪ И КУЛЬТУР-НОСТЬЮ ЧЕЛОВѢКА.

Если мы, съ одной стороны, сравнимъ нашъ современный лите-ратурный языкъ съ языкомъ лѣтописей и другихъ древне-рус-скихъ памятниковъ, и съ другой—съ языкомъ былинь, сказокъ и народныхъ пѣсень, и сейчасъ продолжающихъ свою жизнь въ народной массѣ, то мы замѣтимъ большую разницу. Въ языкѣ народныхъ произведеній и древне-русскихъ памятниковъ гораздо меньше словъ или, какъ говорятъ, онъ бѣднѣе современнаго своей лексической стороною. Болѣе внимательное наблюденіе укажетъ намъ и на то, что въ народномъ и древне-русскомъ языкѣ проще синтаксическій строй и, благодаря этому, какъ увидимъ далѣе, на древне-русскомъ или народномъ языкѣ гораздо труднѣе выразить мысль, чѣмъ на современномъ. Сравнивая же языки культур-ныхъ европейскихъ народовъ съ языками дикарей, мы поражаем-ся бѣдностью языка дикарей: у нихъ даже нѣтъ надлежащаго понятія о числѣ. Нѣкоторые племена дикарей умѣютъ считать только до трехъ, потому что для обозначенія другихъ чиселъ у нихъ нѣтъ словъ, и четыре они уже обозначаютъ словомъ „много“. Если англійскій рабочій, въ культурномъ, образовательномъ отно-шеніи стоящій выше рабочихъ другихъ національностей, въ сво-емъ обыденномъ языкѣ располагаетъ только тремястами словъ, то легко себѣ представить насколько бѣденъ въ лексическомъ отношеніи языкъ дикаря. Заклучая, отъ языка малокультурныхъ людей дикарей къ языку первобытнаго чело-вѣка, мы должны признать, что первобытный чело-вѣкъ имѣлъ самое минимальное

количество словъ и, слѣдовательно, чѣмъ ниже человѣкъ стоитъ въ культурномъ развитіи, тѣмъ въ его запасѣ меньше словъ и наоборотъ.

§ 8. ЗАВИСИМОСТЬ ПОЗНАВАТЕЛЬНОЙ ДѢЯТЕЛЬНОСТИ ОТЪ ДРУГИХЪ ДУШЕВНЫХЪ СПОСОБНОСТЕЙ.

Принято всѣ душевные процессы подводить къ тремъ главнымъ способностямъ уму, сердцу и волѣ. Явленія умственной дѣятельности, каковы: ощущеніе, представленіе, понятіе, сужденіе, память и т. п., относятся къ познавательнымъ процессамъ. Различные виды чувствъ: удовольствія и неудовольствія, физической боли, холода, голода, гнѣва, любви и т. п., называются эмоціональными процессами. Третій классъ душевныхъ процессовъ это волевые акты: желаніе, стремленіе, рѣшительность, нерѣшительность, апатія и т. п.

Познаніе вѣшняго міра и самого себя совершается, главнымъ образомъ, при посредствѣ умственныхъ способностей: представленія, понятія, сужденія, памяти и т. п., но съ значительнымъ участіемъ эмоціональныхъ и волевыхъ актовъ. Для того, чтобы получить извѣстный рядъ чувственныхъ воспріятій—выслушать, положимъ, исполненіе какой-либо музыкальной пьесы, или разсмотрѣть какую-либо художественную картину, или прочесть книгу, для этого требуется *рѣшеніе воли*. Благодаря дѣятельности воли, своей собственной настойчивости, мы вытѣсняемъ изъ своей души всѣ тѣ явленія, которыя не вяжутся съ новымъ рядомъ чувственныхъ воспріятій, или какихъ-нибудь иныхъ душевныхъ процессовъ и настраиваемъ себя или свою душу къ новымъ познавательнымъ процессамъ. Если мы послѣ одного рода умственныхъ занятій переходимъ къ другому, то мы на время какъ бы забываемъ первое занятіе и настраиваемъ свой душевный организмъ для другого предмета или дѣла. Значитъ волевые акты безусловно предшествуютъ каждому новому роду душевныхъ процессовъ. Но они не только предшествуютъ, но часто и сопутствуютъ. Положимъ, книга, которая предназначена нами для прочтенія, неинтересна по своему содержанію, но мы ее продолжаемъ читать, потому что волевые акты принуждаютъ насъ читать эту книгу вслѣдствіе своего соупотребленія со всѣми совершающимися въ насъ процессами, связанными съ нашимъ занятіемъ.

Роль эмоціи въ дѣлѣ познанія еще болѣе очевидна, чѣмъ воли. Дѣятельность волевыхъ актовъ, если мы заинтересовались музыкой, картиной, книгой, совершенно незамѣтна; она какъ бы исче-

заетъ отъ нашего сознанія: отъ интересной книги мы не можемъ оторваться, забываемъ о пищѣ, о снѣ и т. п. Отъ чего это происходитъ? Да оттого, что чувство окрашиваетъ каждый познавательный процессъ, начиная отъ самаго простого и кончая самымъ сложнымъ. Чувство является какъ бы цѣнителемъ каждаго новаго душевнаго воспріятія, выражаясь или въ формѣ удовольствія или въ формѣ неудовольствія. Когда ребенокъ видитъ зажженную свѣчку или блестящій предметъ, то онъ выражаетъ или крикомъ чувство своего удовольствія, или тянется къ нему руками, или то и другое вмѣстѣ. Хорошее исполненіе музыкальной пьесы, художественная картина вызываютъ въ насъ опять чувство удовольствія. Интересъ къ той или другой книгѣ, наукѣ поддерживается въ насъ благодаря тому же чувству удовольствія. Если же возникаетъ въ насъ чувство неудовольствія, то и интересъ къ этому ряду душевныхъ процессовъ исчезаетъ. Изъ-за плохо усвоеннаго отдѣла у насъ пропадаетъ всякая склонность къ предмету. Такимъ образомъ, мы видимъ, что безъ чувства, безъ его оцѣнки познавательная дѣятельность невозможна.

Сейчасъ у насъ шла рѣчь только о чувствѣ удовольствія и неудовольствія, но не изъ этихъ только эмоцій складывается жизнь чувства. Есть еще много и другихъ чувствъ: горе, радость, страданіе, любовь, ненависть и т. п. Человѣка невозможно себѣ представить безъ какого-либо чувства ни на одну минуту: постоянно его волнуютъ тѣ или другія эмоціи. Незамѣтность ихъ теченія въ нашей жизни, какъ бы своего рода отсутствіе ихъ, можно сравнить съ незамѣтностью теченія рѣки.

Говоря о дѣятельности волевыхъ актовъ, мы указали на то, что воля вытѣсняетъ изъ нашей души все то, что будетъ противо-дѣйствовать новому ряду познавательныхъ процессовъ, и настраиваетъ нашу душу къ новой дѣятельности. А такъ какъ эмоціи и познавательные акты различнаго характера, то они живутъ совместно, не вытѣсняя другъ друга. Совмѣстность познавательныхъ актовъ и эмоцій можно сравнить съ слѣдующимъ родомъ физическихъ явленій. Если въ стаканъ, наполненный водою, мы будемъ вливать воду или какую-либо другую жидкость, то та жидкость, которой удѣльный вѣсъ плотнѣе, или, какъ говорятъ, тяжелѣе, будетъ вытѣснять другую. Но, если въ тотъ же стаканъ съ водою мы будемъ всыпать соль (хлористый натрій), то получится такъ называемое химическое соединеніе: ни вода не вытѣснитъ соли изъ стакана, на оборотъ. И вмѣстѣ съ тѣмъ вода пріобрѣтаетъ новое свойство: она дѣлается соленою такъ, что въ каждой каплѣ ея имѣется соль. То же самое надо сказать и о соединеніи чувствъ (эмоцій) съ познавательными актами (идеями). Эмоціи и идеи

влияют другъ на друга, окрашивая взаимно себя; между ними существуетъ какъ бы свего рода химическое сродство. Если человѣкъ потрясенъ какимъ-либо горемъ или несчастіемъ, то всякій разсказъ о чемъ бы то ни было будетъ печаленъ. Въ стихотвореніи Пушкина (элегіи) „Брожу ли я вдоль улицъ шумныхъ“ грустное чувство окрасило весь остовъ произведенія. Возьмемъ только тѣ внѣшніе факты изъ жизни поэта, о которыхъ онъ самъ говоритъ въ своей элегіи. Поэтъ былъ на шумныхъ улицахъ какого-то многолюднаго города, находился среди пирующей и веселящейся безумной молодежи, любовался мощностью и крѣпостью уединеннаго дуба, пережившаго не одно поколѣніе, ласкалъ ребенка, какъ представителя новаго, грядущаго поколѣнія. Эти факты, взятые сами по себѣ, не вызываютъ грустнаго чувства: они даже должны возбуждать въ человѣкѣ жизнерадостное, восторженное настроеніе. Но все это произведеніе носить грустный, элегическій характеръ, потому что въ тотъ моментъ, когда Пушкинъ писалъ его, онъ находился подъ вліяніемъ чувства о смерти. Въ элегіи Лермонтова „Выхожу одинъ я на дорогу“ величественная природа съ ея красотою не измѣнила его взглядовъ на жизнь, какъ одно сплошное страданіе, а еще болѣе усилила господствовавшее въ душѣ поэта недовольство жизнью. Въ стихотвореніи „Бородино“ Лермонтовъ находился подъ вліяніемъ сильнаго чувства удивленія передъ храбростью солдатъ, участниковъ войны 1812 года, и это чувство удивленія окрасило такіе факты, которые должны бы были вызвать горестное чувство по поводу громаднаго количества жертвъ, убитыхъ на войнѣ, но этого не произошло. Война описана, какъ радостный праздникъ:

„И умереть мы обѣщали
 „И клятву вѣрности сдержали
 „Мы въ Бородинскій бой...
 „Вамъ не видать такихъ сраженій!
 „Носились знамена, какъ тѣни.
 „Въ дыму огонь блестялъ,
 „Звучалъ булатъ, картечь визжала,
 „Рука бойцовъ колоть устала,
 „И ядрамъ пролетать мѣшала
 „Гора кровавыхъ тѣлъ.

§ 9. ПОНЯТІЕ ОБЪ ОЩУЩЕНІИ.

Внѣшній міръ и самихъ себя, т.-е. состояніе собственнаго организма, мы познаемъ при помощи ощущеній. Ощущеніемъ называется такой сознательный актъ, въ которомъ черезъ раздраже-

ніе первинныхъ волоконъ, разсѣянныхъ по всему организму, мы познаемъ свойства тѣхъ предметовъ внѣшняго міра и тѣхъ состояній самого организма, которыя вызвали въ насъ дѣятельность нашихъ тѣлесныхъ органовъ. Положимъ, я слышу какой-либо шумъ или стукъ. Это значитъ, что движеніе частицъ воздуха, происходящее отъ измѣненія частицъ въ предметѣ: въ колоколѣ, струнѣ и т. п., достигая до уха, раздражаетъ нервныя волокна, находящіяся въ этомъ органѣ, передаетъ это раздраженіе специальному центру большого мозга, и я воспринимаю ощущеніе звука колокола, струны и т. п. Ощущенія сходны съ фیزیологическими отправленіями организма. Какъ фیزیологическія отправленія, такъ и ощущенія совершаются въ организмѣ чловѣка. Для дѣятельности тѣхъ и другихъ нужна первная среда. Раздраженіе нервовъ, видоизмѣненіе нервнаго вещества и колебанія его—равно необходимое условіе какъ для фیزیологическихъ отправленій, такъ и для ощущеній. Но въ дальнѣйшемъ они различаются. Ощущенія сознательны: при помощи ихъ мы узнаемъ и о самихъ себѣ и о внѣшнемъ мірѣ, тогда какъ при помощи чисто-фیزیологическихъ актовъ: дыханія, пищеваренія, кровообращенія мы узнать ничего не можемъ. Второе отличіе ощущеній состоитъ въ ихъ произвольности. Мы можемъ всегда устранить причину, вызывающую то или другое ощущеніе. Въ нашей власти заключается то, чтобы не слышать пѣнія, музыки, не видѣть того или другого предмета, не ѣсть горькаго, соленатаго и т. п. Значитъ, для дѣятельности ощущенія нужны волевые акты. Между тѣмъ фیزیологическіе процессы пищевареніе, кровообращеніе, уподобленіе вещества необходимы, и мы управлять ими не можемъ, не въ состояніи ни остановить ихъ безъ ущерба для нашего здоровья, ни придать имъ большей энергіи.

§ 10. ВИДЫ ОЩУЩЕНІЙ.

Всѣ ощущенія раздѣляются на три класса: а) ощущенія мускульныя, б) органическія и в) пяти внѣшнихъ чувствъ.

Мускульныя ощущенія это—движенія всего организма, сопряженныя съ выходомъ изъ него силы. Эти ощущенія мы испытываемъ во все время жизни: повороты головы, туловища, рукъ, ногъ, глазъ и т. п.—все это относится къ области мускульныхъ или, иначе, моторныхъ ощущеній. Съ этихъ ощущеній, т. е. ощущеній движенія, начинается жизнь дитяти, они проявляются у ребенка еще въ утробѣ матери. Необходимое условіе ихъ—сокращеніе мышцъ, передающееся при посредствѣ нервовъ сознанію. Если

мы беремъ въ руки какую-нибудь тяжесть, то отъ этого сокращенія мышцъ мы и получаемъ моторное ощущеніе тяжести. Органомъ этихъ ощущеній, такимъ образомъ являются мускулы или мышцы.

Органическія или системныя ощущенія даютъ намъ свѣдѣнія о всѣхъ тѣхъ перемѣнахъ, которыя совершаются въ нашемъ тѣлѣ. Посредствомъ ихъ мы узнаемъ объ измѣненіяхъ температуры (о холодѣ, жарѣ, ознобѣ), о голодѣ или жаждѣ, о недостаткѣ воздуха для дыханія, объ усиленномъ кровообращеніи и т. п. При нормальныхъ (правильныхъ) отравленіяхъ организма они нами не сознаются. Но особенно сильно даютъ знать о себѣ эти ощущенія во время болѣзненнаго состоянія организма: при тифѣ, лихорадкѣ и другихъ заболѣваніяхъ. Системныя ощущенія сознаются нами или въ качествѣ удовольствія или неудовольствія—страданія. Удовольствіе мы испытываемъ послѣ сытнаго обѣда, послѣ правильного сна, во время прогулки, отдыха и т. п. Ярче всего это чувство удовольствія переживается нами во время выздоравливанія, послѣ перенесенія какой-либо болѣзни. При нормальныхъ же отравленіяхъ это чувство общаго здоровья не доходитъ до нашего сознанія. Чувство неудовольствія сопряжено со всѣми расстройствами физиологическихъ отравленій, и оно испытывается нами сильнѣе, чѣмъ чувство удовольствія. Голодъ, холодъ, жажда, удушье, кашель, сонливость, болѣзненность—всегда связаны съ чувствомъ страданія (неудовольствія). Определеннаго органа для этихъ ощущеній нѣтъ, дѣли, вѣрнѣе, органомъ этого чувства является весь организмъ.

Третья группа ощущеній это—ощущенія пяти внѣшнихъ чувствъ: вкуса, обонянія, осязанія, зрѣнія и слуха. При помощи этихъ чувствъ мы узнаемъ внѣшній міръ, природу. Ощущенія пяти внѣшнихъ чувствъ дѣлятся на два разряда: соматическія и духовныя.

Къ первымъ относятся вкусъ и обоняніе. Эти ощущенія называются соматическими (*σῶμα* гр. сл.—тѣло), потому что они необходимы болѣе всего для жизни тѣла, для охраненія здоровья и защиты его отъ разныхъ неблагопріятныхъ условій. Обоняніе даетъ намъ знать объ испорченномъ воздухѣ, вкусъ о степени доброкачественности пищи. Расстройство въ отравленіяхъ этихъ ощущеній свидѣтельствуютъ о болѣзненномъ состояніи всего организма. Органомъ вкуса служатъ языкъ и мягкое небо, а обонянія—полость носа.

Осязаніе, зрѣніе и слухъ называются духовными ощущеніями,

или интеллектуальными, потому что при посредствѣ ихъ мы узнаемъ о вѣ́шнемъ мірѣ. Осязаніемъ мы пользуемся для знанія поверхности предмета: отличаемъ твердость, мягкость, шероховатость и получаемъ вмѣстѣ съ тѣмъ понятіе о двухъ измѣреніяхъ: о длинѣ и ширинѣ.

Зрительныя ощущенія даютъ намъ знаніе о цвѣтахъ и формѣ предметовъ: шарѣ, эллипсисѣ, квадратѣ и т. п.

Посредствомъ слуховыхъ ощущеній мы воспринимаемъ звуки и шумы. Органомъ осязанія служить вся кожа человѣка, а въ особенности кончики пальцевъ и языка, органомъ зрѣнія—глазъ и слуха—ухо.

Всѣ ощущенія имѣютъ слѣдующую отличительную особенность. Каждое изъ нихъ взаимно нуждается въ другомъ, которымъ дополняется или сопровождается. Очень часто одно ощущеніе замѣняется совокупностью другихъ. Вкусовые ощущенія живутъ совмѣстно съ осязательными, температурными, обонятельными, даже зрительными: часто даже одинъ только видъ пищи вызываетъ вкусовое раздраженіе. Осязательныя ощущенія становятся такими только при легкомъ прикосновеніи кожи къ предмету, въ противномъ случаѣ къ нимъ примѣшиваются мускульныя ощущенія. Слуховое ощущеніе дополняется зрительнымъ. Мы не удовлетворяемся тѣмъ, что слышимъ пѣніе или музыку, а стараемся видѣть и исполнителей. Намъ недостаточно видѣть только, но надо и осязать. У слѣпыхъ зрительныя ощущенія замѣняются слуховыми, осязательными и моторными.

§ 11. ЗНАЧЕНІЕ ОЩУЩЕНІЙ ВЪ ОБРАЗОВАНІИ ЯЗЫКА.

Мы видѣли, что первичными духовными, сознательными процессами является ощущеніе въ разныхъ видахъ, и что при посредствѣ ощущеній мы познаемъ не только вѣ́шній міръ, но и самихъ себя. Познаніе своего я и природы совершается въ словѣ, поэтому слово должно имѣть самую тѣсную связь съ ощущеніями и во многомъ зависѣть отъ нихъ. Жизнь человѣка, какъ мы видѣли, начинается съ моторныхъ ощущеній, т.-е. ощущеній мускульнаго чувства. Благодаря этому ощущенію, мы знаемъ, что такое движеніе,—что такое выходъ силы изъ организма, и что такое сопротивленіе этому выходу. Жизнь природы есть непрерывный рядъ движеній, и мы узнаемъ объ этомъ, потому что и сами движемся. Въ языкѣ существуетъ цѣлая категорія словъ, въ которую вкладываются всѣ роды и виды движеній—это глаголь. Глаголь обычно опредѣляется, какъ часть рѣчи, показывающая дѣйствіе

или состояніе предметовъ. А такъ какъ дѣйствіе проявляется въ движеніи, въ выходѣ силы, энергіи изъ предмета, то глаголь можно опредѣлить такъ: онъ есть часть рѣчи, обозначающая движеніе силы въ предметѣ, познаваемое нами по аналогіи съ нашими мускульными движеніями. Идея движенія обуславливаетъ и другую очень важную идею въ познавательныхъ процессахъ— идею времени. Время есть смѣна разныхъ состояній въ предметѣ: движенія и покоя, жизни и смерти. Въ природѣ все движется непрерывно, и переходъ отъ одного вида движенія къ другому, отъ утра къ дню, отъ дня къ вечеру и ночи весьма ясно сознается нами, какъ другое явленіе. Это и послужило основаніемъ идеи времени въ глагольныхъ формахъ; этимъ обуславливается формы настоящаго, прошедшаго и будущаго времени, а также и виды глаголовъ: совершенный и несовершенный.

Моторныя чувства имѣютъ и другое очень важное значеніе для звуковой стороны каждаго слова. Звуки, изъ которыхъ слагаются слова, образуются въ гортани и полостяхъ рта и носа при помощи движенія активныхъ органовъ рѣчи: толосовыхъ связокъ, языка и губъ, приводимыхъ въ дѣйствіе разными мускулами. Мускульной работой органовъ рѣчи объясняется также измѣненіе внѣшней звуковой формы слова. Языкъ стремится облегчить работу произношенія различныхъ звуковъ и затратить на нее меньшее количество мышечной энергіи. Это облегченіе работы совершается двумя способами: вставкой гласныхъ звуковъ между согласными и опущеніемъ согласныхъ звуковъ. Вставка гласныхъ увеличиваетъ количество звуковъ и вмѣстѣ съ тѣмъ удлинняетъ звуковую форму слова. Изъ древне-славянскаго *огнь* (ignis) произошло современное русское *огонь*, хитеръ изъ *хытръ*, тѣсенъ изъ *тѣснъ*. Въ южно-африканскихъ и китайскомъ языкѣ стеченіе двухъ согласныхъ звуковъ не допускается, поэтому заимствованныя слова тамъ принимаютъ такую форму: англійское *to baptize* превратилось въ *bapitizesha*, *gold* (золото) — *igolidè*, *camel* (верблюдъ) — *inkamela* и т. п. Опущеніе согласныхъ звуковъ и вмѣстѣ съ тѣмъ сокращеніе звуковой формы слова свойственно романскимъ языкамъ, происшедшимъ отъ латинскаго, и въ особенности французскаго. Опущеніе согласныхъ звуковъ объясняется тѣмъ, что главная работа при произношеніи слова обращается на ударяемый слогъ, не ударяемые слоги и гласные сначала слышатся неясно, а потомъ и совсѣмъ исчезаютъ изъ произношенія. Такимъ образомъ, изъ латинскаго слова *liberare* (освободжать) получилось французское *livrer*, изъ *regula* (палка) *règle* изъ *porticus* (крыльцо) *porche* изъ *bonitatem* (винит. пад. отъ *bonitas*, доброта) нарѣчіе *bohtë*

и т. п. Это опущеніе не только согласныхъ звуковъ, но и цѣ-
лыхъ слоговъ свойственно также и русскому языку. Изъ Де-
брянскъ образовалосъ Брянскъ изъ государь—сударь и съдарь
изъ тысяча въ просторѣчій тышща, изъ Ивановна—Иванна и т. п.

Ограническія или системныя ощущенія слагаются изъ своего
спеціальнаго ощущенія голода, холода, сонливости, сытости, теп-
ла, бодрости и сопутствующихъ имъ чувствъ удовольствія или
страданія, причемъ послѣднія нами всегда сильнѣе сознаются,
чѣмъ первыя. Это чувство удовольствія или страданія, развиваясь
на почвѣ системныхъ ощущеній, потомъ связывается со всякаго
рода душевными движеніями, или являясь тормазомъ для проявле-
нія ихъ (страданіе) или придавая имъ больше интенсивности,
напряженности (удовольствіе). Въ процессѣ образованія языка
чувство удовольствія проявляется въ томъ, что мускульная работа,
совершаемая органами рѣчи для образованія словъ, становится са-
ма по себѣ пріятною. Когда ребенокъ послѣ извѣстныхъ усилій
выучивается произносить какое-либо звуковое сочетаніе: „папа“,
„мама“, „баба“, то это чувство удовольствія выражаетъ повто-
реніемъ слова „папа“, „папа“ и т. п. Это же чувство удовольствія,
связывается всегда и со смысловой стороною слова, съ его значе-
ніемъ. Очень часто мы не бываемъ въ силахъ подыскать слово
для нашего представленія и поэтому не можемъ его выразить. За-
бывая, напр., фамилію извѣстнаго лица, какой-либо провинціа-
лизмъ (мѣстное слово), просто названіе вещи или дѣйствія, мы
испытываемъ чувство неудовольствія, которое сейчасъ же смѣня-
ется противоположнымъ чувствомъ, какъ только припомнимъ
забытое. Въ этомъ случаѣ характеренъ разсказъ Чехова „Лошади-
ная фамилія“. Чувство страданія въ процессѣ образованія зву-
ковъ слова принуждаетъ насъ облегчать мускульную работу: мы
произносимъ не обвлаго, а облако; не дыпчанъ, а чанъ; не что,
а што; не шило, а шыло; не жиръ, а жыръ и т. п.

Въ области смысловой стороны слова то же чувство служить
причиною того, что мы, не довольствуясь широкимъ значеніемъ
слова, создаемъ слова съ частными значеніями. Слово „дерево“
для обозначенія разныхъ породъ дерева кажется намъ недоста-
точнымъ, и мы употребляемъ слова: сосна, ель, дубъ. Когда мы
видимъ разнородныя машины, то не удовлетворяемся однимъ на-
званіемъ „машина“, а прибѣгаемъ къ другимъ: паровозъ, автомо-
биль, сѣнокосилка и т. п. Системныя ощущенія, давая знать о
всѣхъ тѣхъ перемѣнахъ, которыя происходятъ въ нашемъ орга-
низмѣ, и, переходя впослѣдствіи въ болѣе сложныя и высшія
чувствованія (эмоціи) радости, гнѣва, любви, страха, ожиданія и
т. п., служатъ причиною появленія въ языкѣ субъективныхъ словъ,

обозначающихъ эти чувства. Этимъ ощущеніямъ обязаны такіа слова, какъ „холодный“, „горячій“, „болѣзнь“, „здоровье“, „радоваться“, „любить“, „очень“, „сильно“ и многія другія.

Ощущенія пяти внѣшнихъ чувствъ по степени своей связи со словомъ имѣютъ неодинаковое значеніе. Наименѣе важны соматическія ощущенія: чувство вкуса и обонянія. Малая цѣнность этихъ ощущеній для слова объясняется ихъ неустойчивостью, подвижностью и субъективностью. Вкусовые ощущенія пріятны только передъ процессомъ принятія пищи и во время его. По насыщеніи намъ даже непріятенъ видъ неубраннаго стола. Вкусъ къ одному и тому же роду пищи, если этотъ видъ пищи непрерывно повторяется, у насъ притупляется: намъ надоѣдаетъ постоянно мясо или рыба. У различныхъ людей, кромѣ того, вкусы также различны, поэтому и образовалась пословица: о вкусахъ не спорятъ (*de gustibus non disputandum est*). Въ этомъ состоитъ субъективность вкусовыхъ и вмѣстѣ обонятельныхъ ощущеній. Вслѣдствіе неустойчивости и субъективности ощущенія этого рода съ большимъ трудомъ воспроизводятся въ нашемъ сознаніи. Горчицу, перецъ, мясо, рыбу, резеду, сѣно мы представляемъ не въ формѣ обонятельныхъ и вкусовыхъ ощущеній, а въ формѣ зрительныхъ и осязательныхъ. Когда мы думаемъ о горчицѣ, то мы представляемъ ее, какъ желтый измелченный порошокъ, резеду представляемъ въ формѣ травы съ такимъ-то стеблемъ, листьями и цвѣтками. По причинѣ той же субъективности мы и во снѣ очень рѣдко воспроизводимъ эти ощущенія: во время сновидѣній мы рѣдко пьемъ, ѣдимъ, обоняемъ, а говоримъ и видимъ.

Обращаясь къ фактамъ языка, мы замѣчаемъ, что тѣ слова, которыя должны бы обозначать вкусовые ощущенія, заимствованы отъ корней, имѣющихъ связь съ другими ощущеніями. Словомъ „горькій“, „горчица“ мы обозначаемъ соотвѣтственные вкусовые ощущенія, но самый корень слова „горькій“, „горчица“ имѣетъ связь съ корнемъ „гор“ въ горѣть, а это послѣднее слово связано съ зрительнымъ ощущеніемъ. Слово „квасъ“ родственно съ старославянскимъ словомъ **кысхъ** обозначающимъ, какъ и первое вкусовое ощущеніе, но корень этихъ словъ восходитъ къ корню „кыс“ въ словѣ **кысати** что значитъ подыматься, ср. подымается тѣсто, дрожжи и т. п. Опять и здѣсь мы имѣемъ дѣло съ зрительнымъ и слуховымъ ощущеніемъ броженія ферментовъ вещества. „Укусъ“ по церковнославянски **оуцъ**, а послѣднее слово одного корня съ латинскимъ словомъ *acetus*, что значитъ „острый“, а это слово имѣетъ связь съ осязательными и мускульными ощущеніями; и самое слово „вкусъ“ родственно слову „кусать“, которымъ обозначаются мускульныя движенія зубовъ.

Можетъ быть такія слова, какъ сладкій—солодъ, смрадъ—смородина и немногія другіе связаны съ обонятельными и вкусовыми ощущеніями, но такихъ словъ въ языкѣ во всякомъ случаѣ очень мало.

Но въ виду того, что вкусовые ощущенія имѣютъ очень важное значеніе въ жизни дитяти, а также и у большинства людей, сосредоточившихъ свои интересы вслѣдствіе отсутствія умственныхъ и духовныхъ запросовъ на вопросахъ питанія, то въ виду этого въ языкѣ появилось много словъ, связанныхъ съ вкусовыми ощущеніями, но относимыхъ къ понятіямъ, ничего общаго не имѣющимъ съ вкусовыми ощущеніями. Отсюда возникли такія словесныя выраженія, какъ „сладость“ молитвы, „горечь“ обиды, музыкальный, эстетическій „вкусъ“, „соль“ остроты, духовная „пища“ и мн. другія.

При помощи осязательныхъ ощущеній мы познаемъ свойства, качества предметовъ: гладкость, шероховатость, тупость, остроту, твердость, мягкость, а также до нѣкоторой степени и величину ихъ. Отсюда ясно, что многія имена прилагательныя находятся въ ближайшей зависимости и связи съ чувствомъ осязанія. Но сами по себѣ осязательныя ощущенія точнаго знанія о предметахъ не даютъ: они нуждаются въ зрительномъ дополненіи предмета. Душю зуба для языка и пальцевъ кажется большимъ, чѣмъ для глаза¹⁾. Зато осязательныя ощущенія имѣютъ въ высшей степени важное значеніе при образованіи звуковъ рѣчи. При произношеніи того или другого гласнаго и согласнаго мы своимъ языкомъ касаемся различнымъ частей ротовой полости: мягкаго или твердаго неба, зубовъ, сближаемъ между собою или разъединяемъ губы—и всѣ эти положенія языка и губъ, если направимъ мы на нихъ свое вниманіе, ясно отражаются въ нашемъ сознаніи въ видѣ чувства осязанія; и эта локализация чувства осязанія у ребенка, т.е. сознаніе того, что для произнесенія звука „п“ нужно сблизить до соприкосновенія между собою губы и разъединить ихъ для того, чтобы получился требуемый звукъ, принуждаетъ его припоминать артикуляцію губную, зубную, твердо-небную и пр. въ случаѣ произношенія тѣхъ или другихъ звуковъ рѣчи.

Зрительныя ощущенія имѣютъ весьма важное значеніе для познанія внѣшняго міра. Представленія о разныхъ предметахъ у насъ чаще всего возникаютъ въ формѣ зрительныхъ образовъ. Представляя свой домъ, городъ, деревню, знакомаго намъ человѣ-

¹⁾ При слѣпотѣ чувство осязанія можетъ достигать высокой степени совершенства: скульптурныя произведенія слѣпыхъ ничѣмъ не отличаются по своей точности отъ статуи зрячихъ художниковъ.

ка, мы всегда вызываемъ въ своемъ сознаніи соотвѣтствующіе образы. Насколько важно въ познавательныхъ процессахъ ощущеніе зрѣнія можно судить потому, что слово вижу въ разныхъ языкахъ значить также и знаю: *video*, *видѣю*, *видѣю*, *видѣю*—во всѣхъ этихъ словахъ корнемъ является сочетаніе „вид“; выраженія „очевидно“, „ясная мысль“, „туманное знаніе“, „свѣтлая точка сознанія“ имѣютъ ближайшую связь съ этими же ощущеніями. Зрительныя ощущенія, все болѣе и болѣе повторяясь, даютъ, наконецъ, ясное представленіе предмета; а ясность представленія является причиной того, что мы предмету даемъ названіе. Ребенку вслѣдствіе смутности представленій всѣ животныя кажутся или лошадами или собачками; неизвѣстную породу дерева или камня мы называемъ просто деревомъ или камнемъ, пока у насъ не образуется отчетливый зрительный образъ. Мѣстоименія, какъ это признано языковѣдѣніемъ, возникли въ языкѣ вмѣстѣ съ глагольными корнями раньше всѣхъ другихъ частей рѣчи. Мѣстоименія тотъ, ты, онъ, кто, что и др. вслѣдствіе обширности своего значенія и своей малой содержательности или, какъ говорятъ, малой знаменательности, можно относить къ самымъ разнороднымъ предметамъ. Эти мѣстоименія, иначе говоря, могутъ быть замѣстителями безконечнаго множества предметовъ и качествъ. Не имѣя для себя опоры въ своемъ собственномъ корнѣ, не выражая своей звуковой формой никакого признака, они связываются съ зрительнымъ образомъ. Въ предложеніяхъ „это—береза“, то—камень, подлежащія можно выразить такъ: тотъ зрительный образъ, который мною воспроизводится, есть—береза. Согласно съ этимъ мѣстоименіе можно опредѣлить такъ: оно есть непосредственный знакъ предмета въ противоположность имени, обозначающему собой представленіе. Мѣстоименія могутъ сопутствовать и другимъ ощущеніямъ, кромѣ зрительныхъ, но они въ этомъ случаѣ появились по аналогіи, вслѣдствіе вліянія зрительныхъ ощущеній.

Зрительныя ощущенія въ связи съ движеніями мышцъ глаза и мускуловъ головы служатъ причиной появленія идеи пространства. Разстояніе между предметами мы измѣряемъ не только шагами, но и глазомѣромъ. Въ языкѣ же для обозначенія пространственныхъ измѣреній существуютъ предлоги и падежныя окончанія. Въ древнихъ языкахъ—въ греческомъ, латинскомъ, старославянскомъ и старорусскомъ именныя окончанія разныхъ падежей обозначили пространственныя отношенія и безъ помощи предлога: *terraque marique* значить на сушѣ и на морѣ (въ латинскихъ оборотахъ предлоговъ нѣтъ), *ruri*—въ деревнѣ, *idoneo loco*—въ удобномъ мѣстѣ, *Romam*—въ Римѣ, *Corinthum*—въ Коринѣ; въ старорусскомъ языкѣ на вопросъ „куда“ часто употребляется

дат. п. безъ предлога Киеву—въ Кіевъ, на вопросъ „гдѣ“—предложный „Киевѣ“, „Вифлеемѣ“, избывая гуси и лебеди за-троку, обѣду и ужинѣ“ (Слово о полку Игоревѣ)—вмѣсто тепе-решнихъ къ завтраку и обѣду. „Заложі Володимеръ стѹю Союю Новѣгородѣ“. Значить, въ языкѣ пространственныя отно-шенія обозначались безпредложными падежами, потомъ къ этимъ падежнымъ окончаніямъ, какъ въ современномъ русскомъ, стали присоединяться предлоги, а въ такъ называемыхъ аналитическихъ (романскихъ) языкахъ падежныя окончанія уничтожились (въ французскомъ, англійскомъ) и пространственныя отношенія обо-зняются исключительно предлогами.

Въ жизни языка слуховыя ощущенія имѣютъ еще болѣе важ-ное значеніе, чѣмъ зрительныя. Глухонѣмые никогда не дости-гаютъ той степени умственного развитія, на какой стоятъ слѣпые. И это понятно. Мы уже знаемъ, что языкъ и мысль взаимно себя обусловливаютъ, и что каждое представленіе, понятіе и каждая идея нуждаются въ своемъ обозначеніи, или, какъ увидимъ далѣе, представленіе требуетъ для себя замѣстителя.

Слуховыя ощущенія являются первопричиной образованія языка. Звукоподражательными процессами въ жизни дитяти для обозначенія предметовъ начинается и самый языкъ. Собаку взрослые въ разговорѣ съ дѣтьми называютъ „хамъ“, „хамъ“, кошку—„мяу“, „мяу“, корову—„мы“, „мы“; овцу—„бэ“, „бэ“ и т. д. Эти сочетанія звуковъ, хотя создаются и не самими дѣтьми, но всеобщность этого приѣма при обученіи ребенка и бессознатель-ность указываютъ на то, что и въ доисторическій періодъ образо-ванія языка подобныя наименованія должны были имѣть мѣсто. Обращаясь къ даннымъ современнаго русскаго языка, мы нахо-димъ въ немъ слѣдующія звуко-подражательныя (ономатопеэти-ческія) слова: „квакать“, „чирикать“, „жужжать“, „мяукать“, „кукушка“, „щебетать“, „хохотъ“ и др. Но всѣ эти и подобныя имъ ономатопеэтическія слова въ языкѣ сравнительно новаго образованія. Хохотать по-древнерусски звучало, какъ „клектати“, кукушка—зегзица, по-малорусски и польски—зазуля. Звукопо-дражательныя слова дѣтскаго языка очень быстро исчезаютъ изъ употребленія. Собаку дитя скоро перестаетъ называть „хамкой“: у него образуются новыя звуковыя формы—сначала „бака“, а по-томъ и собака; бляшка—названіе овцы—такъ же, какъ и многихъ другихъ предметовъ, называется обычно принятымъ наименова-ніемъ.

Недолговѣчность звукоподражательныхъ словъ зависитъ отъ разныхъ причинъ. Прежде всего отъ неодинаковаго воспроизведенія

звуковъ, отъ разной артикуляціи ¹⁾ одного и того же согласнаго или гласнаго звука. Возьмемъ нѣсколько примѣровъ изъ русскаго, старусскаго греческаго и латинскаго языковъ. „Мычать“ по-древнерусски—„мыкати“, по-латински—*magire*, по-гречески *μυῖον*. Въ произношеніи указаннаго слова поименованные языки сходятся относительно звука „м“ (m). Но этотъ звукъ „м“ (m) разнаго качества и требуетъ разнаго произношенія, что видно изъ слѣдующихъ за нимъ гласнаго „ы“, и, опредѣляющаго и природу согласнаго „м“. Въ русскомъ и древнерусскомъ языкахъ этотъ звукъ „м“ чистый губной и болѣе открытый въ сравненіи съ звукомъ „m“ поименованныхъ родственныхъ словъ чужихъ языковъ, и поэтому онъ требуетъ болѣе широкаго открытія рта. Въ латинскомъ языкѣ природа этого звука другая: губы выступаютъ впередъ и между ними образуется узкая щель для прохода воздуха, и языкъ вмѣстѣ съ тѣмъ дѣйствуетъ задней частью спинки, слегка приподнимаясь къ мягкому нёбу и вмѣстѣ съ тѣмъ укорачиваясь. Въ греческомъ языкѣ мы имѣемъ опять новую артикуляцію для звука μ (m): звукъ здѣсь палатализируется, смягчается, вслѣдствіе чего онъ выше по своему тону съ низкимъ m латинскаго слова и болѣе высокаго „м“ въ русскомъ словѣ. Языкъ въ произношеніи этого греческаго звука принимаетъ положеніе нужное для „у“, приподымаясь передней спинкой къ твердому нёбу: греческое υ надо произносить такъ же, какъ нѣмецкое ü въ словахъ über, Müttern и т. п. Греческое слово блеяніе звучитъ, какъ βλήχῃ (bleche). Корень этого слова и въ греческой и русской формахъ „бл“ β λ одинъ и тотъ же. Но произношеніе этихъ словъ разное, и артикуляція органовъ рѣчи поэтому нетождественная. Греческій звукъ β („б“) въ гомеровскую эпоху не могъ произноситься, какъ русское „в“, потому что для этого звука въ алфавитѣ было другое обозначеніе дигамма Ϝ, но тотъ же самый звукъ не могъ произноситься и какъ „б“, потому что изъ этого звука развился впоследствии звукъ „в“. Стало-быть, греческое β произносилось, какъ среднее между „б“ и „в“ ²⁾. Слово βλήχῃ должно было звучать въ общегреческую эпоху, передъ распаденіемъ греческаго языка на діалекты, какъ „бвлехе“. Современное звукоподражаніе въ дѣтскомъ языкѣ является въ звуковой окраскѣ б'э ³⁾, между тѣмъ, какъ древнерусскій и гречесскій корни своимъ начертаніемъ указываютъ другое звукоподражаніе βλ „бле“.

¹⁾ Артикуляція—способъ укладки разныхъ органовъ рѣчи: языка, зубовъ, губъ, неба для произношенія какого либо звука.

²⁾ Примѣръ такого промежуточнаго произношенія мы имѣемъ въ дѣтской рѣчи для звука „р“, близкаго къ л; сравни трли (три).

³⁾ Апострофомъ ' обозначается мягкость согласнаго звука б' = бь; б'э = бьэ.

Въ нихъ является новый звукъ „л“. Этотъ звукъ „л“ въ свою очередь указываетъ на то, что губное б въ древнерусскомъ и греческомъ языкахъ не могло сочетаться съ мягкимъ передне-небнымъ „е“ и требовало новаго звука „л“; сравни любити не любйу, а „люблю“; не „земя“, а „земля“. Во многихъ индо-европейскихъ языкахъ тожество звукоподражанія невозможно по различію артикуляцій. Возьмемъ приведенный ранѣ примѣръ, изображающій мяуканье кошки „мяу“-„мяу“. Въ нѣмецкомъ, французскомъ, англійскомъ, греческомъ, латинскомъ, старославянскомъ языкахъ такое звукоподражаніе невозможно по отсутствію артикуляціи для мягкихъ согласныхъ звуковъ губныхъ (б, п, м, ф, в) и переднеязычныхъ (д, т, з, с, р, л, ш); эти мягкіе согласные звуки въ указанныхъ языкахъ не существуютъ.

Кромѣ того, трудность воспроизведенія различныхъ шумовъ и звуковъ природы зависитъ и отъ того, что въ различныхъ языкахъ развиваются свои системы произношенія звуковъ. Въ французскомъ языкѣ гласные развиваются въ передней части рта, соотвѣтственно съ этимъ и мѣста для артикуляціи согласныхъ тоже передвигаются туда. Въ англійскомъ языкѣ, наоборотъ, гласные и согласные образуются главнымъ образомъ въ задней полости рта, ближе къ гортани. Русскій языкъ, а также и нѣмецкій между этими двумя языками занимаютъ срединное положеніе. Звукоподражательныхъ, ономапоэтическихъ словъ мало въ индо-европейскихъ языкахъ еще и потому, что слуховыя ощущенія, производимыя колебательными движеніями частицъ предметовъ природы, напр., визгъ пилы, трескъ дерева, стукъ мостовой, шелестъ деревьевъ, неточно передаются и произносятся нами, потому что звуки и шумы, образуемые въ полостяхъ рта, носа и зѣва, часто не совпадаютъ съ звуками и шумами природы. Тембръ звука скрипки, рояля, гармоніи нельзя передать при помощи голосовыхъ связокъ; можно только воспроизвести звукъ со стороны высоты силы и продолжительности. Въ такомъ положеніи дѣло съ чистыми звуками. Шумы же воспроизводить и еще труднѣе. Трудность эта зависитъ отъ того, что шумы неразложимы на составныя части. Когда мы передаемъ мяуканье кошки звуками: „мяу“-„мяу“, лай собаки—„вау“-„вау“, мычаніе коровы—„мыу“, то мы обманываемъ себя, разлагая простой по природѣ звукъ на разные м, а, у—в, а, у и т. п.

Звукоподражательныхъ словъ въ индо-европейскихъ языкахъ мало еще и потому, что слуховыя ощущенія, находясь въ зависимости отъ артикуляціонныхъ укладовъ органовъ рѣчи, у различныхъ народностей и племенъ весьма субъективны. А эта

субъективность слуховых ощущений и является тормазомъ для ономатопоэтическихъ словъ. Приведемъ примѣры звукоподражаній изъ французскаго и нѣмецкаго языковъ. Лаять по-нѣмецки—bellen, по-французски—aboyer; ржать по-нѣмецки wiehern по-французски—hennir; мяукать по-нѣмецки—miauen, по-французски—miauler; квакать по-нѣмецки—quaken, по-французски—croisher; визжать по-нѣмецки—summen, по-французски—bourdonner; ворковать по-нѣмецки—girren; кудахтать по-нѣмецки—gackern; топотъ по-нѣмецки—das Stampfen. Прежде всего одно замѣчаніе. Звукоподражаніе рѣдко выражается однимъ звукомъ, а чаще всего сочетаніемъ изъ двухъ или трехъ и по своему строенію не отличается отъ корня слова. Акустическое (слуховое) впечатлѣніе лая воспринимается въ русскомъ языкѣ посредствомъ звуковъ ај въ нѣмецкомъ bell, во французскомъ boу, кудахтанье курицы въ русскомъ языкѣ, какъ ко-ко (кокотать), а въ нѣмецкомъ, какъ gack, тивканье собаки въ русскомъ, какъ „тяв“, въ французскомъ, какъ jarr (jarrer), ржаніе лошади въ нѣмецкомъ wieh и въ русскомъ, какъ и-го-го. Отсюда тотъ выводъ, что ухо въ различныхъ языковыхъ группахъ воспринимаетъ разные звуки. То же самое можно видѣть даже и изъ такихъ дуплетовъ русскаго языка, какъ „гоготать“ и „хохотать“; „кудахтать“, „клоктать“ и „кокотать“; „каркать“ и „граяти“ (въ Словѣ о полку Игоревѣ). Надо замѣтить еще, что вслѣдствіе тѣсной связи между звуковой стороной слова и его значеніемъ мы склонны видѣть звукоподражаніе даже и въ тѣхъ словахъ, въ которыхъ его совѣмъ нѣтъ. Шумъ по-нѣмецки das Lärm, рычать по-нѣмецки brüllen, гоготать (о тусяхъ) schnattern—такія слова для тѣхъ, кому извѣстенъ только свой материнскій языкъ, могутъ казаться звукоподражаніемъ, какового на самомъ дѣлѣ можетъ и не быть.

Въ доисторическомъ языкѣ первобытнаго человѣка могло быть много ономатопозическихъ словъ, но они вслѣдствіе фонетическихъ причинъ настолько видоизмѣнились въ разныхъ языкахъ, что эти слова трудно въ настоящее время отнести къ словамъ звукоподражательнымъ. Слово „быкъ“ по-гречески βούς (bus), по-латински bos — звукоподражательное по своему происхожденію („bus“ значитъ „ревушій“, мычащій), но объ этомъ мы знаемъ только изъ данныхъ сравнительнаго языкознанія. Великорусское слово „куковать“ въ малорусской народной пѣснѣ звучитъ, какъ „закувала“ („закувала та сиза зазуля“). Въ словѣ „закувала“ звукоподражательность идетъ на убыль.

Неточное воспріятіе ухомъ звуковыхъ ощущений ведетъ къ ослышкамъ. Вслѣдствіе этихъ ослышекъ слова измѣняются въ своей звуковой формѣ. И это касается не только заимствован-

ныхъ, иностранныхъ словъ, но и коренныхъ русскихъ. Такимъ образомъ, французское слово „*plaisir*“, будучи неточно воспринято слухомъ, дало въ народной рѣчи слово „близирь“, „Барклай-де-Толли“—„Болтай да и только“, по фамиліи англичанина „*Holiday*“ возникло названіе острова Голодай на Невѣ, около Петербурга; англійское *yes*, да у нашихъ матросовъ превратилось въ „есть“. Подобныя видоизмѣненія заимствованныхъ словъ нельзя объяснять только одной ослышкой. Могли быть и другіе факторы (дѣятели), напр., отсутствіе необходимой артикуляціи въ русскомъ языкѣ для передачи чужого звука: изъ французскаго *pure* появилось *пюре*, изъ *Kostüme*—*костюмъ*. Желаніе осмыслить заимствованное слово повело къ его искаженію и къ сближенію съ корнями другихъ неродственныхъ словъ: вмѣсто „клирость“ появилось „*крыласъ*“ (крыло), вмѣсто пелеринка—*перелинка*, вмѣсто португеза—*протугеза*, вмѣсто аналогій—*налой* и т. п. Но этимъ не исключается и дѣйствіе фактора ослышки. Трудно чѣмъ-либо другимъ, кромѣ ослышки, объяснить московское произношеніе слова *старовѣръ* въ формѣ *столовѣръ*. Необходимая артикуляція для произношенія слова *старовѣръ* имѣется въ органахъ рѣчи. Звуковыя сочетанія *старый* и *вѣра* (*старо-вѣръ*) даютъ слову определенное значеніе. Но искаженіе слова произошло, и оно въ этой звуковой формѣ „*столовѣръ*“ является безсмыслицей, извращающей ясное значеніе.

§ 12. ВИДОИЗМѢНЕНІЕ ЗНАЧЕНІЯ СЛОВА ПОДЪ ВЛІЯНІЕМЪ ЗАКОНА АССОЦІАЦІИ ОЩУЩЕНІЙ.

Слово „ассоціація“—французское и въ переводѣ на русскій языкъ обозначаетъ содружество, сосѣдство. Воспринимая при помощи какого-либо органа чувствъ ощущеніе отъ одного предмета, мы воспринимаемъ ощущеніе и другого, находящагося съ нимъ въ смежности. Мы не только видимъ картину, но и раму, въ которой она заключена, и стѣну, на которой она виситъ, и цвѣтъ. Подъ именемъ же ассоціаціи ощущеній надо понимать то содружество между разнородными ощущеніями, ту связь между ними, о которой мы говорили ранѣе, а именно, что зрительныя ощущенія дополняются слуховыми, осязательными—мускульными и т. п. Благодаря этой связи между ощущеніями и ихъ содружеству, значеніе слова, полученное при помощи одного ощущенія, переносится въ группу другихъ. По тому чувству удовольствія или неудовольствія, которыми сопровождается каждое ощущеніе, сло-

ва, выработавшіяся на основѣ органическихъ ощущеній, переносятся ко всякимъ другимъ видамъ ощущеній: мы говоримъ о пріятномъ цвѣтѣ, голосѣ, непріятномъ вкусѣ, о тармоніи тоновъ, цвѣтовъ, красокъ и т. п. Слова „острый“, „рѣжущій“, „тупой“, „мягкій“, „жесткій“, образовавшіеся на почвѣ мускульныхъ и осязательныхъ ощущеній, связываются съ другими: мы говоримъ объ остромъ вкусѣ, о рѣжущихъ звукахъ, о бархатистомъ голосѣ, о твердыхъ и мягкихъ согласныхъ, о тупой чувствительности и воспріимчивости и т. п. Слово милый, находясь въ этимологической связи со словами молоть, размельчать, мелкій, имѣетъ для себя основаніе также въ чувствѣ осязанія и обозначаетъ мягкость, но въ настоящее время въ своемъ прямомъ значеніи это слово не употребляется. Слово „суровый“, находясь въ родствѣ со словами „сыръ“ и „сырой“, тоже относится къ области осязательныхъ ощущеній, но оно съ этими ощущеніями потеряло свою связь. Зрительныя ощущенія, сближаясь со слуховыми, а равно и со всѣми другими, значеніе словъ, выработавшееся на ихъ почвѣ, передаютъ другимъ группамъ: мы говоримъ о ясныхъ звукахъ, о высокихъ и глубокихъ тонахъ, о широкихъ и узкихъ гласныхъ, о цвѣтномъ слухѣ и т. п. Слова, образовавшіеся на почвѣ зрительныхъ ощущеній, точно такъ же могутъ терять связь съ этими послѣдними и основываться къ другимъ. Слово „руда“ имѣетъ этимологическую близость со словомъ „рѣдѣти“—краснѣть, но это родство въ настоящее время потеряно. Слово „горѣть“, относясь къ области тѣхъ же ощущеній, даетъ чуждое отъ него по своему значенію слово „угарь“.

§ 13. РАЗЛИЧНЫЯ СТОРОНЫ ВЪ СЛОВѢ.

Въ словѣ различаются двѣ стороны: а) внѣшняя или звуковая форма его и б) внутренняя его форма, тотъ смыслъ, который связывается съ звуковой формой.

§ 14. ВНѢШНЯЯ ИЛИ ЗВУКОВАЯ ФОРМА СЛОВА.

Подъ внѣшнею или звуковой формой слова понимается та оболочка, подъ которой скрыто его содержаніе. Такимъ образомъ, понятіе о жилищѣ человѣка мы выражаемъ звуковой формой слова „домъ“; понятіе о томъ химическомъ растворѣ, который употребляется для письма, формой—„чернила“; о томъ орудіи,

которымъ пишемъ,—„перо“ и т. д. Изъ приведенныхъ примѣровъ видно, что для образованія слова нужно сочетаніе членораздѣльныхъ звуковъ: гласныхъ и согласныхъ. Въ словѣ домъ такими звуками являются: д, о, м; въ словѣ перо—п, е, р, о. и т. д. Наше опредѣленіе звуковой формы слова надо дополнить: звуковая форма слова есть оболочка, въ которую скрыто содержаніе слова, выраженное сочетаніемъ звуковъ членораздѣльной человѣческой рѣчи. Слово „членораздѣльный“ мы вводимъ въ опредѣленіе, потому что не всѣ звуки человѣческаго голоса членораздѣльны. Къ таковымъ не принадлежатъ: рыданіе, хохотъ, крикъ. Членораздѣльными звуками называются тѣ, которые образуются въ ртовой или вмѣстѣ въ ртовой и носовой полостяхъ при дѣятельности языка и губъ. Изъ этого видно, что участіе голоса въ смыслѣ дрожанія голосовыхъ связокъ необязательно. Безъ участія гортани мы образуемъ глухія согласныя п, т, с, к, х и т. п. Обычно мы звуковую форму въ словѣ не отличаемъ отъ содержанія слова, отъ его значенія, чему причиной является тѣсная ассоціативная связь между ними. Произношеніе звукового комплекса к, н, и, г, а (книга) сейчасъ въ насъ вызываетъ и соотвѣтствующее представленіе о печатныхъ сброшюрованныхъ листахъ бумаги. Звуковую форму слова мы отличаемъ при обученіи иностранному языку, когда еще отсутствуетъ связь между звуковымъ комплексомъ и значеніемъ слова. Взявши латинское слово „formica“, греческое *πύρι*, нѣмецкое „das Mädchen“ или французское „le garçon“ и, не зная ихъ значенія, мы будемъ имѣть только звуковую форму слова.

Процессы образованія звуковой формы слова большей частью совершаются въ области безсознательнаго мышленія. Сознательными эти процессы становятся тогда, когда мы, обучаясь какому либо иностранному языку, вмѣстѣ съ тѣмъ обучаемся и произношенію чуждыхъ намъ по артикуляціи звуковъ. Сознательными эти процессы бываютъ также и тогда, когда мы слышимъ рѣчь чужого говора, напр., сѣверно-великорусскаго окающаго или рѣчь другого діалекта бѣлорусскаго или малорусскаго. Сознательны, наконецъ, они и тогда, когда мы ошибаемся въ произношеніи, употребляя вмѣсто однихъ звуковъ другіе (напр., „некреновать“ вмѣсто „рекомендовать“) или произнося какой-либо звукъ въ чуждой для нашего слуха разновидности, картавое р, напр., или замѣну р—л, или „л“ мягкое вмѣсто „л“ твердаго и т. п. Короче сознательнымъ процессъ образованія звуковой стороны становится тогда, когда или видоизмѣняется или перемѣщается артикуляція при производствѣ тѣхъ или другихъ звуковъ.

§ 15. ПРОИСХОЖДЕНИЕ ИНДОЕВРОПЕЙСКИХЪ ЯЗЫКОВЪ ОТЪ ОСНОВНОГО (ПРАЯЗЫКА).

Русскій языкъ находится въ генетическомъ родствѣ съ индо-европейскими: съ санскритомъ, литовскимъ, кельтскимъ, латинскимъ, греческимъ и др. Но родство съ указанными языками у него не прямое, а черезъ посредство общеславянскаго языка, потому что русскій языкъ выдѣлился изъ общеславянскаго языка, т.-е. изъ того славянскаго праязыка, на которомъ въ доисторическія времена говорили всѣ славяне: сербы, болгаре, чехи, поляки, словинцы, русскіе и т. п. Тотъ языкъ индо-европейской семьи, который впослѣдствіи распался на отдѣльныя нарѣчія, называется основнымъ. Общеславянскій языкъ основной по отношенію къ языкамъ: сербскому, болгарскому, русскому и т. п.; латинскій языкъ основной по отношенію къ французскому, итальянскому, румынскому и т. п. Основные языки по отношенію къ тому языку, изъ котораго они произошли (индо-европейскому праязыку), называются вѣтвями индо-европейскаго праязыка. Языки, происшедшіе отъ основного, всѣ вмѣстѣ составляютъ семью этого основного языка. Этотъ праславянскій языкъ нельзя представлять въ его строеніи словъ языкомъ одинаковымъ: въ немъ были уже діалектическія различія, подобно тому, какъ эти звуковыя различія существуютъ и въ настоящее время не только во всѣхъ нарѣчіяхъ русскаго языка, но даже и въ одномъ великорусскомъ, напр.: слово цѣпочка одни произносятъ, какъ чапочка, другіе—чапочка, чепочка; весна одни, какъ ясна, другіе—какъ вісна и т. п. Значитъ, при сравненіи звуковыхъ формъ русскаго языка съ звуковыми формами родственныхъ языковъ, принадлежащихъ къ другимъ вѣтвямъ индо-европейской семьи: санскритской, греческой, латинской, литовской и т. п., мы должны возводить эти русскія формы къ праславянскимъ (общеславянскимъ) путемъ сопоставленія ихъ съ формами польскими, чешскими, сербскими, болгарскими и т. п. и черезъ посредство этихъ возстановленныхъ формъ производить сравненіе съ языками чужихъ вѣтвей. Это возстановленіе праславянскихъ формъ и сравненіе ихъ съ формами чужихъ языковыхъ вѣтвей указываетъ на то, что общеславянскій языкъ не непосредственно выродился изъ основнаго праязыка: онъ въ началѣ составлялъ одно цѣлое съ литовскимъ языкомъ, и эта эпоха совмѣстной жизни славянскаго языка съ литовскимъ называется балтійско-славянскою, или литовско-славянскою. Возможно что и эта эпоха восходила къ какой-либо

другой, напр., германо-балтійско-славянской, но это еще въ наукѣ сравнительнаго языковѣдѣнія научно не обосновано. Что сказано относительно русскаго языка, то же надо сказать и относительно любой вѣтви индо-европейской семьи языковъ: французской, нѣмецкой, румынской и т. п. Путемъ сравненія между собою родственныхъ языковъ индо-европейской семьи наука пришла къ слѣдующимъ выводамъ, что а) всѣ они произошли изъ недошедшаго до нашего времени языка, который принято въ наукѣ языковѣдѣнія называть праязыкомъ; б) что въ праязыкѣ существовала своя система звуковъ гласныхъ и согласныхъ и с) что измѣненіе внѣшней звуковой стороны слова происходило по опредѣленнымъ фонетическимъ (фізіологическимъ) и по не вполне изслѣдованнымъ психическимъ законамъ.

§ 16. ФОНЕТИЧЕСКІЯ И НЕФОНЕТИЧЕСКІЯ ЗВУКОВЫЯ ЯВЛЕНІЯ.

Прежде, чѣмъ перейти къ указанію родственной связи между языками индо-европейской семьи, мы скажемъ о тѣхъ законахъ, по которымъ происходитъ измѣненіе звуковой формы слова, и чрезъ это отчасти уяснится то глубокое различіе, какое существуетъ между отдѣльными индо-европейскими языками. Звуки измѣняются въ различныхъ частяхъ слова: въ корнѣ, префиксѣ, суффиксѣ, флексіяхъ или по законамъ фонетическимъ или по причинамъ нефонетическимъ. Сначала объ измѣненіи звуковъ по законамъ фонетическимъ. Объясненіе этихъ законовъ находится въ зависимости отъ фізіологическихъ условій образованія звуковъ. Къ указанію ихъ мы и перейдемъ. При произношеніи звуковъ рѣчи нѣтъ рѣзко опредѣленнаго артикуляціоннаго уклада: одинъ и тотъ же звукъ при различныхъ условіяхъ произносится съ уклоненіями отъ той постановки органовъ, которая характерна для произношенія этого звука при изоляціи его отъ другихъ звуковъ. Органы рѣчи при произношеніи предшествующаго звука приспособляются къ послѣдующимъ и наоборотъ. Глухой согласный приспосабливается къ звонкому, мгновенный къ длительному „Здѣсь“ въ древнерусскомъ языкѣ имѣло форму „сьде“. По выпаденіи глухого мягкаго ь с ассимилировалось по степени звучности съ слѣдующимъ звонкимъ д, и получилось слово въ современной звуковой формѣ. Тотъ же самый звукъ с при встрѣчѣ съ длительнымъ соотвѣтственно этому дѣлается также длительнымъ: ш шапкой (съ шапкой), ж жечь (сжечь) и т. п. и затѣмъ слѣдующій согласный дѣлается долгимъ: шапкой, жечь. Если та-

кое перерождение звуковъ происходитъ на почвѣ одного и того же языка, то при странствованіи какого-либо слова по различнымъ вѣтвямъ индо-европейской семьи это перерождение звуковъ бываетъ еще болѣе значительнымъ. Возьмемъ слово кто въ его возстановленной индо-европейской формѣ. Это слово въ праязыкѣ должно было звучать *kwas*¹⁾. Первый звукъ этого слова к есть глухой, что видно по его отраженіямъ въ отдѣльныхъ языкахъ индо-европейской семьи: *кто* слав., *quis* лат., *kas* др.-инд. и др. перс. Этотъ звукъ вмѣстѣ съ тѣмъ и губной (лабиализованный), что доказывается тѣмъ, что въ западныхъ вѣтвяхъ индоевропейской семьи языковъ слѣдующій звукъ послѣ к есть губной звукъ: *qui* лат., *hwas* готск., *hwer* древн.-врхн.-нѣм. Кромѣ того, этотъ звукъ былъ задненебный. Это видно изъ того, что въ древне-индійскомъ и латинскомъ языкахъ онъ не смягчается въ с, др.-инд. *kas*, но не *cas*, лат. *quis*, но не *cis*. Отсюда, мы видимъ, что этотъ звукъ въ праязыкѣ при извѣстныхъ условіяхъ отличался сложностью артикуляціи. Поэтому въ разныхъ языкахъ начинается упрощеніе его, но вездѣ съ своими особенностями. Въ восточной группѣ индо-европейскихъ языковъ и отчасти въ греческомъ устраняется лабиализація, и появляются слѣдующія формы: *kas* др.-инд. и др.-перс., греч. іоническое *κοῖ*, *κῶς*, *kās* лит., *кто* слав. и *кто* русск. Въ армянскомъ языкѣ к, оставаясь тѣмъ же глухимъ звукомъ, дѣлается вмѣстѣ съ тѣмъ длительнымъ придыхательнымъ: *khan* (что). Въ языкахъ западной вѣтви и греческомъ языкѣ развиваются изъ простого лабиализованнаго уклада *k^w* различные лабиализованные звуки. Въ греческомъ и нѣмецкомъ при этомъ происходитъ исчезновеніе самого звука к: *πῶς* греч., *wer* нѣмецк. Въ греческомъ языкѣ вмѣсто *w* длительного звонкаго развивается глухой мгновенный *π*. Въ германской семьѣ языковъ вслѣдствіи отсутствія ударенія въ словѣ **kwas*, такъ какъ оно было энкиктикой, т.-е. односложнымъ словомъ, развился изъ к звонкій *h*, срвн. готское *hwas*. Въ латинскомъ языкѣ при к развивается билабиальное неслоговое *u*: *quis*. Въ нѣмецкомъ вслѣдствіе слабаго произношенія звука *h* это послѣднее выпадаетъ, и получается современная звуковая форма *wer*. Различныя измѣненія звука к въ разныхъ языкахъ индо-европейской семьи объяснимы фонетически, т.-е. этотъ звукъ к остается во всѣхъ случаяхъ звукомъ одного и того же образованія: к и *h* оба задненебные. Выпаденіе этого звука въ различныхъ вѣтвяхъ индо-европейской семьи также объяснимо: Въ греческомъ звукъ к исчезъ, потому что трудно произносить два глухихъ взрывныхъ *k + p* Объяс-

¹⁾ Звѣздочкой наверху впереди слова * обозначается возстановленная звуковая форма на основаніи показанія родственныхъ языковъ.

нимо изъ лабиализаціоннаго уклада *k^w развитіе различныхъ губныхъ, р, w, u и т. п., такъ какъ всѣ эти губные звуки одного образованія. Такимъ образомъ, въ данномъ случаѣ фонетическое объясненіе обосновывается данными фізіологіи звуковъ. Но и здѣсь непонятно, почему въ разныхъ языковыхъ группахъ развиваются свои звуковые законы, т.-е. почему фізіологическіе звуковые законы не совпадаютъ въ разныхъ языкахъ. Но имѣются и другого рода фонетическіе законы, отличающіеся отъ первыхъ тѣмъ, что они не объяснимы при посредствѣ данныхъ фізіологіи звуковъ. Возьмемъ для примѣра церковно-славянскія слова съ основой на задненебные: **богъ, пророкъ, духъ** и прослѣдимъ измѣненіе конечныхъ согласныхъ при встрѣчѣ съ гласными **е и и**: им. пад. мн. ч. будетъ **бози, пророци, дуси**, а зв. пад. ед. ч. **боже, пророуе, дуси**. Здѣсь г, к, х, перешли въ звуки другого образованія. Изъ звука х задненебнаго развился звукъ с зубной, а изъ задненебныхъ г и к появились вмѣсто простыхъ аффрикаты, т.-е. сложные звуки **с** (дз) и **ц** (тс). Это передъ и. Передъ е изъ г и х развились альвеолярные зубные ж и ш, а изъ к аффриката ч (тш). Если мы обратимся къ звуковымъ соотвѣтствіямъ индо-европейскихъ языковъ, то мы увидимъ, что такое перерожденіе звуковъ индо-европейскаго праязыка въ звуки другихъ образованій явленіе обычное. Задненебное *k^w переходитъ въ с не только въ славянскомъ, но и въ санскритскомъ, древнеперсидскомъ и ирландскомъ. Средненебное к, переходитъ въ санскритскомъ въ **с** (ш). въ др.перс., др.слав., армянскомъ—въ **с**, въ литовскомъ въ **š**; общеиндо-европейское зубное **dh** въ лат.—въ губное **f** и т. п. Но въ разсматриваемыхъ случаяхъ, какъ это мы увидимъ изъ ниже приведенныхъ примѣровъ, имѣется закономерность, т.-е. во всѣхъ случаяхъ эти звуки отражаются для каждаго языка одинаково. Если въ праязыкѣ стоитъ средненебное **g**, то оно при всякихъ условіяхъ должно отразиться въ санскритѣ какъ **j**, въ персидскомъ, славянскомъ **z**, въ литовскомъ **ž** и т. п. Но во многихъ случаяхъ эта закономерность исчезаетъ: вмѣсто ожидаемаго звука появляется новый, и онъ такимъ образомъ становится въ противорѣчіе съ фактами языка. Для разъясненія этого обратимся къ даннымъ русскаго языка. Въ народныхъ говорахъ этого языка замѣчается смѣшеніе **к** съ **т** и переходъ **д** въ **г**: тистъ (кисть), типѣть (кипѣть), кіятеръ (театръ), коклеты (котлеты), диря (гиря), андель (ангелъ). Смѣшеніе **к** и **т** характерно не только для великорусскихъ говоровъ, но и для старорусскаго языка. Въ словѣ витязь **т** появилось вмѣсто **к**: ср.-др.-врх.-нѣм. **viking**. Возьмемъ другое явленіе чередованіе въ новгородскомъ нарѣчьи **ц** и **ч** (чарь, чернечь, дѣвица, улича), восходящее къ

XIII—XIV вв. и сейчас отражающееся въ окающемъ говорѣ. Эти два ряда явленій нельзя объяснить фонетическими причинами, потому что смѣшеніе к и т спорадическое, частное явленіе— оно не простирается на всѣ случаи: нѣтъ словъ тидать вмѣсто кидать, тивотъ вм. кивотъ. кина вм. тина, киски вм. тиски. Въ окающихъ сѣверорусскихъ говорахъ смѣшеніе ц и ч также не всегда выдерживается: возможно произношеніе церква и черква, чудо и цудо и т. п. Если мы обратимся къ фактамъ родственныхъ индо-европейскихъ языковъ, то мы увидимъ, что подобныя явленія— отсутствіе законмѣрности—имѣются и тамъ. Прежде всего обратимся къ старославянскому языку. Въ этомъ языкѣ индо-европейское дифтонгическое сочетаніе еи переходитъ въ *ок*; изъ *уѣFоc*—*новъ* изъ *плѣFω*—*плохъ* изъ *хлѣFоc*—слово и т. д. Но вмѣсто довать срвн. лат. *povein* въ слав. появляется *девать* ¹⁾. Въ латинскомъ языкѣ вмѣсто *d* изъ индо-европейскаго *d* возникаетъ *l*: *lacrīma* вмѣсто древнелатинскаго *dacrīma*, срв. гр. *δακρυ*; изъ индо-европейскаго *dh*, измѣнившася на латинской почвѣ въ *f*, появляется *b*: на ряду со словомъ *rufus* (рыжій) срв. скр. *rudhigas* имѣются слова: *rubigo*, *ruber*. Эти неожиданные звуки вмѣсто обычныхъ объясняютъ вліяніемъ другой языковой среды: на латинскій самнитской, на окающій великорусскій-финской; но чрезъ это вопросъ не рѣшается, а только отодвигается. Эти звуковыя явленія, необъяснимыя при современномъ состояніи языковѣдѣнія фонетическими причинами, называются спонтантеическими звуковыми явленіями.

Указавши различіе между фонетическими и спонтантеическими звуковыми явленіями, постараемся классифицировать фонетическіе законы. Звуковые законы можно свести къ пяти видамъ: 1) законъ сохраненія прежнихъ звуковъ; 2) ихъ дифференціаціи; 3) исчезновенія прежнихъ звуковъ; 4) распаденія сложныхъ, и 5) приобрѣтенія новыхъ. О сохраненіи прежнихъ звуковъ можно говорить только въ предѣлахъ одной какой-либо вѣтви индо-европейскаго праязыка: о вѣтви славянской, романской, кельтской и т. п. Что же касается до сохраненія прежнихъ звуковъ въ языкахъ вообще индо-европейской семьи, то о такомъ сохраненіи не можетъ быть рѣчи, потому что системы гласныхъ и согласныхъ звуковъ индо-европейскаго праязыка отражаются въ разныхъ вѣтвяхъ различно въ зависимости отъ различныхъ условий. Это измѣненіе звуковъ касается главнымъ образомъ простыхъ непридыхательныхъ глухихъ и звонкихъ. Такъ въ германской языковой семьѣ съ ея нарѣчіями: готскимъ, нѣмецкимъ

¹⁾ Де въ словѣ девять появилась, можетъ быть, вслѣдствіе агрессивной ассимиляціи съ слѣдующимъ числительнымъ десять.

исландскимъ и др. простые глухіе звуки перешли въ глухіе фрикативные (длительные) въ слогахъ безъ ударенія, и такимъ образомъ изъ **p* возникло *f*, изъ *t*—*ḥ*, **k*₁—*h*, а въ слогахъ послѣ ударенія явились соотвѣтствующія глухимъ звонкія; наоборотъ, простые звонкіе въ этой языковой средѣ замѣнились простыми глухими, такъ же, какъ и въ армянскомъ языкѣ: изъ **b*—*p*, изъ **d*—*t*. Изъ тѣхъ же простыхъ глухихъ въ армянскомъ языкѣ развились придыхательные глухіе: изъ **t*—*th*, изъ **k*_w—*kh*. Такимъ образомъ, исключивши изъ семьи индо-европейскихъ языковъ германскую группу и армянскій языкъ, можно сказать, что въ остальныхъ группахъ индо-европейской семьи глухіе простые *p*, *t* и звонкіе простые *b*, *d* сохранились въ языкахъ: санскритскомъ, др.-персидскомъ, славянскомъ, литовскомъ, греческомъ, латинскомъ. Звонкіе придыхательные **bh*, **dh* въ греческомъ и латинскомъ языкахъ перешли въ глухіе фрикативные *φ*, *f*. Звонкіе придыхательные индо-европейскаго праязыка остались придыхательными только въ санскритскомъ и сохранились въ качествѣ простыхъ звонкихъ въ языкахъ др.-персидскомъ, старославянскомъ, литовскомъ, армянскомъ, и въ германской семьѣ. Еще большому перерожденію, какъ мы видѣли, подверглись задненебные **k*₁ **k*_w **g*_{1w}, **g*_{1h}, **g*_{1wh}. И это касается уже не только германской и армянской семьи, но и остальныхъ семействъ индо-европейскихъ языковъ. Не меньшему видоизмѣненію подверглись гласные звуки и дифтонгическія сочетанія. Въ славянской языковой вѣтви утеряно количество, т.-е. и долгіе, и краткіе гласные совпали; дифтонги перешли въ простые гласные: *au* въ *u* (*y*), *oi*—въ *ѣ*, *i* и т. д. Но все же нѣкоторые гласные и согласные праязыка остались неизмѣнными во всѣхъ индо-европейскихъ языкахъ. Это надо сказать о носовыхъ согласныхъ *m* и *n*. Но они удержались только въ началѣ слова, а въ срединѣ и концѣ *n* и *m* или исчезали, или *n* перерождалось въ *m*, въ зависимости отъ перерожденія сосѣдняго гласнаго ¹⁾. Менѣе значительнымъ измѣненіямъ подверглись звуки въ одной какой-либо звуковой группѣ. Такъ славянскія нарѣчія въ большинствѣ случаевъ удержали звуки общеславянскаго языка, хотя и тамъ тоже произошли значительныя измѣненія. Приведемъ соотвѣтствія изъ славянскихъ языковъ: русск. трава, польск. *trawa*, чешск. *tráva*, сербск. *tráva*; русск. море, польск. *morze*, сербск. *mòrje*; русск. пить, польск. *pić*, чешск. *pití*, сербск. *пити*.

Дифференціація звуковъ языка состоитъ въ томъ, что одинъ и тотъ же звукъ гласный или согласный въ зависимости отъ сосѣд-

¹⁾ Примѣры см. въ § 17

ства съ другимъ гласнымъ или согласнымъ или отъ какихъ либо другихъ причинъ развѣтвляется на два звука. Эти два звука въ началѣ отличаются сходствомъ образованія, имѣютъ ту же сонорность, но различаются въ одномъ какомъ-либо отношеніи. Для примѣра возьмемъ общеславянскій дифтонгъ *iē*, возникшій изъ индо-европейскихъ *i*, *ai*. Этотъ дифтонгъ въ славянскомъ праязыкѣ отличался только характеромъ долготы. Если въ этомъ дифтонгѣ выдѣлялась въ произношеніи первая часть его *i*, то этотъ дифтонгъ имѣлъ длительную долготу, и поэтому е произносилось слабѣе, чѣмъ *i*; если же въ этомъ дифтонгѣ выдѣлялось произношеніе второго элемента *e*, то въ немъ развивалась прерывистая долгота, и *i* слышалось слабѣе, чѣмъ *e*. Впослѣдствіи изъ этого дифтонга развились звуки, обозначаемые буквами *i* и *ѣ*: первый возникъ изъ длительной долготы и послѣдній изъ прерывистой. Длительная долгота развивалась въ особенности въ томъ говорѣ общерусскаго языка, изъ котораго выдѣлилось малорусское нарѣчіе, а прерывистая въ великорусскомъ нарѣчій. Поэтому по-малорусски *лісь*, *віра*, *міра*; а по-великорусски — *бѣсь*, *вѣра*, *мѣра* и т. д. Въ особенности сильному процессу дифференціаціи подверглись заднебные **k₁*, **g₁*, **k_w* **g_w*, **g₁h*, **g_wh*. Сначала *k* и *g* въ праязыкѣ дифференцировались по степени придыхательности въ соотвѣтствіи съ тѣмъ, что и остальные согласные дифференцировались прежде въ этомъ отношеніи, и такимъ образомъ явились звуки **k₁*, **k₁h*, **g₁*, **g₁h*. Далѣе, эти звуки дифференцировались въ отношеніи лабіализаціи. Они могли быть или чистыми или губными, и, кромѣ приведенныхъ разновидностей *k* и *g*, появились новыя **k_w*, **g_w*, **g_wh*. И эти разновидности *k* и *g* по неизвѣстнымъ пока причинамъ видоизмѣнились въ различныхъ языкахъ въ *š*, *ç*, *s*, *t*, *c*, *j*, *z*, *ž*.

Объ исчезновеніи звуковъ вообще не можетъ быть рѣчи. Не только сохранились всѣ звуки индо-европейскаго языка, но на почвѣ отдѣльныхъ языковъ развились и новыя. Но зато можно говорить объ измѣненіи артикуляціи при производствѣ звуковъ. Въ праязыкѣ существовали придыхательные звуки, о чемъ можно судить по показаніямъ санскритскаго, греческаго и латинскаго языковъ, но сохранились только они въ видѣ *bh*, *dh*, *gh* въ санскритскомъ языкѣ, а въ прочихъ языкахъ они остались или въ видѣ звонкихъ или фрикативныхъ, и различаются они отъ звуковъ праязыка тѣмъ, что одинъ звукъ рѣчи слѣдуетъ безъ прерыва за другимъ, тогда какъ въ праязыкѣ за звонкимъ или глухимъ придыхательнымъ прерывалась артикуляція, и ея мѣсто занимало простое выдыханіе. Изъ всѣхъ индо-европейскихъ языковъ исчезли также и лабіализованные **k_w* и **g_w*. Но за то

можно говорить объ исчезновеніи отдѣльныхъ гласныхъ и согласныхъ въ словѣ при извѣстныхъ условіяхъ. При этомъ условія выпаденія звуковъ въ различныхъ языкахъ различны: тѣ сочетанія звуковъ, которыя въ одномъ языкѣ кажутся невозможны, нормальны въ какомъ либо другомъ языкѣ. Для примѣра возьмемъ слово гнѣздо въ его восстановленной индо-европейской формѣ *nizdo (мѣсто, гдѣ сидятъ); оно родственно съ греческимъ *κλῖζω* сажусь, древн.-перс. *nizdas*, съ лит. *lizdas*; но въ латинскомъ языкѣ и въ санскритскомъ звукъ *z* исчезъ, и получаются звуковыя формы—для санскритскаго *nidas* и для латинскаго *nidus*. Возьмемъ примѣръ изъ русскаго и польскаго языковъ, важный въ томъ отношеніи, что оба эти языка принадлежатъ къ одной и той же славянской вѣтви. Въ русскомъ языкѣ не допустимы сочетанія *dl* и *tl*, поэтому въ немъ зубные *d* и *t* выпадаютъ, а въ польскомъ эти же звуки остаются на своихъ мѣстахъ: русск. молиться, польск. *modlić*, чешск. *modliti*; русск. шель, польск. *szedł*; русск. плель, польск. *pletł* и т. п. Выпаденіе звуковъ для каждаго языка опредѣленной территоріи и эпохи подчинено законамъ, не знающимъ исключеній. Такъ: для общеславянскаго и старославянскаго языковъ нетерпимы были въ концѣ слова согласные звуки, и потому въ этихъ языкахъ каждое слово должно было оканчиваться на гласный звукъ, пережитокъ чего имѣется и въ настоящее время въ видѣ конечныхъ *ъ* и *ь*, свойственныхъ русскому языку. Такимъ образомъ изъ древнеинд. *taḍ* получилось слав. *то* и русск. *то*, изъ лит. *supus* слав. *сынъ*, изъ о. и. е. **mater* слав. *мати*, русск. *мать* и т. д. Потомъ въ жизни русскаго языка и другихъ славянскихъ нарѣчій наступаетъ новая эпоха, и становятся возможными окончанія на согласные. Эта эпоха связывается съ исчезновеніемъ изъ славянскихъ нарѣчій глухихъ гласныхъ. Законъ исчезновенія гласныхъ имѣетъ свое значеніе только для опредѣленной языковой территоріи. Наблюденіе, дѣйствительно указываетъ, что среди великоруссовъ сибирскаго края Якутской области развилось исчезновеніе *л* и *р* передъ согласнымъ звукомъ: йубію (люблю), ёмъ (ромъ), йовію (ловлю) и т. п. Исчезновеніе окончаній 2 и 3 лица *ш* и *т* характерно для бѣлорусскаго и малорусскаго нарѣчій: читае, пише и т. п. Исчезновеніе звука можетъ совершаться безъ какихъ-либо послѣдствій для слова и можетъ отражаться на строеніи слова. Сначала о первомъ. Конечныя согласныя общеславянскаго языка *s*, *t*, *d*, *m*, *n* отпали, не оставивши послѣ себя никакого слѣда. Изъ формы вин. пад. **gabon* получилась форма **gabun* и затѣмъ *ръзъ* изъ лит. *astrus* получилось слав. *остръ* изъ выднуги—вынуть, изъ обвлаго—облако и т. д. Въ болгарскихъ говорахъ безслѣдно

исчезаетъ звукъ х: снаа (изъ *снихъ*) ладна (изъ *хладно*). Но во многихъ случаяхъ исчезновеніе звука повело къ измѣненію всей звуковой формы слова. Это въ особенности характерно для французскаго языка, о чемъ у насъ уже и было сказано ранѣе. Но то же самое произошло и въ нѣкоторыхъ славянскихъ нарѣчіяхъ. Въ общеславянскомъ языкѣ до эпохи его распада на діалекты для системы гласныхъ характерно было дѣленіе ихъ на гласные твердые а, о, *оу*, ы, ѣ, ѿ, и мягкіе я, е, и, ѣ, а. Но въ сербскомъ языкѣ эта система гласныхъ исчезла, и вмѣстѣ съ нею исчезло различіе между ы и и, ѣ и ѣ: ы перешло въ и и ѣ въ а. Отсюда сынъ по-сербски син, сонъ (*сынъ*) сан, день (*день*) дан. Исчезновеніе глухихъ гласныхъ отразилось въ русскомъ языкѣ на характерѣ предшествующаго этому глухому согласнаго: на согласномъ отразился характеръ исчезнувшаго глухого гласнаго; если конечнымъ гласнымъ былъ мягкій глухой, то и согласный остался мягкимъ: пен' (пень), тѣн' (тѣнь). и наоборотъ: сын (сынъ), пир (пиръ) и т. д. Звучные по истеченіи глухихъ сдѣлались отзвучными: родъ стало произноситься рот, роѣ—рох и т. д. Но измѣненіе звонкихъ въ глухіе на концѣ характерно только для великорусскаго говора, а въ малорусскомъ и по исчезновеніи глухихъ согласные остаются тѣми, какими были: ніжъ вм. вѣкр. нош, хлѣбъ. вмѣсто вѣкр. хлѣпъ. и т. д. Вмѣсто исчезнувшихъ могутъ появляться на ихъ мѣстѣ новые, фонетически не родственные исчезнувшимъ: изъ общерусской формы доброго по исчезновеніи г на его мѣстѣ возникаетъ в: доброва. Въ сербскомъ на мѣстѣ исчезнувшаго х появляется также в: уво (ухо), мува (муха).

Распаденіе звуковъ связывается съ вопросомъ объ измѣненіи аффрикаты, т.-е. сложныхъ звуковъ въ родѣ русскихъ ц (те) и ч (ти), но имѣющихъ акустически характеръ простыхъ вслѣдствіе того, что составные звуки, напр., въ ч, т и ш возникли путемъ неполнаго образованія. Такъ какъ аффрикаты состоятъ изъ двухъ частей, то при распаденіи ихъ можетъ удерживаться въ языкѣ или первая часть ея или вторая. Въ русскомъ языкѣ аффриката ч, распадаясь передъ н, сохраняетъ свою вторую часть: сердешный, конешна изъ сердешный, изъ конешно. Въ греческомъ, латинскомъ и славянскомъ точно также сохраняется вторая часть изъ аффрикаты с: въ греческ. отъ *φείδω* буд. время *φείσομαι* изъ **φείδσομαι*. Въ древнеиндійскомъ языкѣ сохраняется первая часть аффрикаты с: *atti* (ѣть) изъ **adsti*¹⁾; s утратилось и d уподобилось t. Такому же распаденію могутъ подлежать и сложные сочетанія звуковъ, обознача-

1) Срв. лат. *edo*.

емя одною буквою. Примѣромъ такихъ сложныхъ сочетаній можетъ служить русское щ (штш), латинское х (кс), греческое ξ (кс) и φ (пс). Такъ, русское щука произносится диалектически штука, штюка. Латинское axis, греч. ἄξων въ русский и славянскій перешло съ сохраненіемъ второй части звука: ось. Латинское vox въ др.-инд. стало звучать, какъ vak; здѣсь сохранилась первая часть сочетанія—к.

Въ отдѣльныхъ индо-европейскихъ языкахъ являются новыя звуки гласные и согласные, и вслѣдствіе этого различіе между индо-европейскимъ праязыкомъ и его вѣтвями еще болѣе углубляется. Въ числѣ гласныхъ, развившихся на почвѣ отдѣльныхъ языковъ, мы укажемъ на русское и славянское ы, на носовыя а и ѡ, на нѣмецкое ѳ, греческое ѳ и т. д. Изъ согласныхъ въ латинскомъ и греческомъ возникли f, φ, v, F, въ славянскомъ, латинскомъ, греческомъ x, ch, χ, въ славянскомъ, французскомъ ж, j, въ древнеиндійскомъ, литовскомъ и славянскомъ c, š, ш. Видоизмѣненію звуковой формы слова много способствовало появленіе новыхъ звуковъ въ этомъ словѣ, неизвѣстныхъ для этого слова въ семьѣ индо-европейскихъ языковъ, хотя и существующихъ въ другихъ словахъ того же языка. Возьмемъ примѣры: слово острый по-латини звучитъ безъ t: aser, хотя это t для другихъ словъ обычный звукъ; значитъ для слова остръ надо предполагать первоначальную форму *ostrъ; формѣ снѣха соотвѣтствуетъ латинское nixus; первичною формою для общеславянскаго языка надо признать форму *pъsa. Это появленіе новыхъ лишнихъ звуковъ диалектически извѣстно и въ современномъ русскомъ языкѣ: ндравъ, страженіе, Устрѣтенка, воспа, вотчина, вострый и т. п.

Въ заключеніе обзора фонетическихъ явленій мы скажемъ о перестановкѣ звуковъ въ словѣ, также удаляющей слово отъ его первичной формы. Изъ нѣмецкаго Berg появилось славянское бръгъ изъ латинскаго orbus—слав. робъ и ракъ. Примѣромъ той же перестановки можетъ служить заимствованное слово монастырь въ формѣ намастырь.

Измѣненію звуковой формы слова содѣйствуютъ также и психическіе факторы, при настоящемъ состояніи науки еще не вполне изученные. Наиболѣе важными изъ этихъ психическихъ факторовъ считаются народная этимологія и законъ аналогіи. Сначала о первомъ. Въ словѣ различаются двѣ стороны—внутренняя и звуковая. Внутренняя сторона слова, соединенная съ его значеніемъ, очень часто непонятна въ словахъ заимствованныхъ, потому что происходитъ сближеніе чужого слова со своимъ черезъ искаженіе его звуковой формы. Такимъ образомъ изъ лат. summa появилось русское сума; латинское centaurium (кентавровово зелье), бу-

дучи заимствовано съ греческаго, сближено съ латинскими словами *centum* и *aureus*; перейдя въ нѣмецкій, оно приняло звуковую форму: *Tausendgüldenkraut*, откуда малорусское золототысячникъ и великорусское тысячелистникъ.

Законъ аналогіи состоитъ въ томъ, что одни звуковыя формы вслѣдствіе ихъ привычнаго употребленія оказываютъ вліяніе на другія звуковыя явленія. Въ старославянскомъ и старорусскомъ языкахъ были свои особыя окончанія для разныхъ падежей множественнаго числа мужескаго рода. Въ послѣдствіи подъ вліяніемъ склоненія существительныхъ женскаго рода эти окончанія были замѣнены окончаніями женскаго рода. Въмѣсто древнерусскихъ формъ им. п. мн. ч. столы по образцу слова жены появилось столы, вм. д. п. мн. ч. столомъ стало столамъ, вм. тв. столы—столами и т. д. Вслѣдствіе вліянія формъ 1 л. ед. ч. и 3 л. мн. ч. глаголы типа пеку, теку въ другихъ лицахъ стали употребляться безъ смягченія к въ ч, и такимъ образомъ сдѣлались возможными формы: пекете, пекемъ; наоборотъ въ малорусскомъ нарѣчьи вслѣдствіе вліянія формъ 2 и 3 л. ед. ч. и 1 и 2 мн. 1 л. ед. ч. стало звучать печу, течу. Законы аналогіи имѣютъ обязательную силу для всѣхъ явленій извѣстнаго рода.—Всякое е послѣ мягкаго согласнаго передъ слѣдующимъ твердымъ должно переходить въ о; м'од, в'ол, н'ос, в'оз и т. п. Всякій двусложный и многосложный глаголъ съ соединительной гласной на і долженъ спрягаться по 2-му спряженію: пустить, бросить, ходить. Законъ аналогіи имѣетъ громадное значеніе на измѣненіе звуковой формы слова и часто нарушаетъ дѣйствіе фонетическихъ законовъ. Такъ называемыя исключенія въ большинствѣ случаевъ объясняются дѣйствіемъ аналогіи. Тв. пад. ед. ч. отъ словъ семья, стамья должны бы оканчиваться на ей, потому что за мягкимъ м слѣдуетъ мягкій ј но по образцу словъ твердаго склоненія душа, жена, книга вмѣсто ей имѣется окончаніе ой—скам'юй, сем'юй. Но это дѣйствіе аналогіи не распространилось въ московскомъ говорѣ на тѣ же падежи мѣстоименія весь, мой и твой, между тѣмъ какъ въ оающемъ говорѣ сдѣлались возможными формы вс'ой, моюй, твоюй и т. д. Изъ этого мы видимъ, что фонетическіе законы перекрещиваются съ психическими и вслѣдствіе неясности этихъ психическихъ факторовъ многія звуковыя явленія трудно объяснимы.

Дѣйствіе этихъ фонетическихъ законовъ позволимъ себѣ иллюстрировать разсмотрѣніемъ русскаго слова серыга. Для того, чтобы понять происхожденіе этого слова, мы возьмемъ его въ славянской формѣ *оусергъ*. Вторая часть его, очевидно, сходна съ нѣмецкимъ словомъ *Ring* (кольцо). И дѣйствительно нѣмецкое сочетаніе *in* въ словахъ, заимствованныхъ въ родѣ рфе-

ning, viking, kuning и др., въ славянскій переходить съ носовой гласной е (а); g передъ мягкимъ ъ переходитъ на славянской почвѣ въ з, что можно видѣть изъ тѣхъ же примѣровъ. Значеніе слова Ring кольцо даетъ намекъ и на первый членъ этого славянскаго слова *оусеразъ*; очевидно, что это кольцо для уха (ушное). Обращаемся къ показаніямъ индо-европейскихъ языковъ для возстановленія первой части. Ухо литовское *ausis*, готское *auso*, лат. *auris*, греч. *οὖς*, въ дорич. *ως* изъ *ὄφος*, др.-перс. *uši*, нѣм. *Ohr*. На основаніи этихъ языковъ мы возстановляемъ общеиндо-европейскую форму слова. Такою формою должна быть *a°usos*; а склонное къ о а° мы ставимъ въ качествѣ начальнаго звука въ виду того, что въ греческомъ языкѣ на мѣстѣ а стоитъ о; слѣдующій звукъ и (и неслоговое) возстановленъ на томъ основаніи, что этотъ звукъ 1) неслоговой въ родственныхъ языкахъ и 2) въ славянскомъ языкѣ *оу* можетъ появиться только изъ дифтонга съ вторымъ неслововымъ элементомъ, каковымъ и должно считать *au*. Третій звукъ показанъ потому, что онъ имѣется въ родственныхъ языкахъ, кромѣ латинскаго и древнеперсидскаго. Въ латинскомъ *г* произошелъ изъ *с* въ положеніи между гласными, срв. *mos*—*moris*; въ положеніи передъ согласнымъ *с* стоитъ правильно: *ausculto*—внимательно слушаю. Въ персидскомъ яз. стоитъ *š* въ положеніи послѣ и. Окончаніе *os* придано этому слову въ виду показанія греческаго *ος* и лат. *us* изъ **os*. Теперь посмотримъ, въ какой формѣ это слово должно перейти въ славянскій языкъ. Изъ дифтонга *au* должно получиться *у*: *sausas* лит., *соухъ* сл., *taugus* лат., *тиръ* слав. Изъ общеиндо-европейскаго *с* на славянской почвѣ развивается *х*: *musca* лат., муха русск., *vetus* лат., *ветѣхъ* слав., *dausas* лит., *доухъ* слав. Первый членъ сложенія въ словѣ *оусеразъ* — *оусе* указываетъ также на первичность звука *с*. Нельзя въ славянскомъ словѣ *оухъ* окончаніе *о*, потому что изъ *os* должно бы возникнуть *ъ*. Здѣсь мы, очевидно, имѣемъ дѣло не съ фонетическимъ закономъ, а съ дѣйствіемъ какой-то аналогіи. Теперь возвратимся къ слову *серьга*. Изъ всего сказаннаго вытекаетъ, что, слово *серьга* родственно со словомъ *оусеразъ*. Это послѣднее, очевидно, заимствовано изъ нѣмецкаго языка и въ ту эпоху жизни славянскаго языка, когда въ немъ *с* не успѣло перейти въ *х* и, по всей вѣроятности, это слово заимствовано уже въ ту пору, когда прекратилось образованіе изъ индо-европейскихъ *en* на славянскихъ *е*, *о* (а, ѧ), потому что въ противномъ случаѣ это слово должно бы быть воспринято съ звукомъ *і* на мѣстѣ *а*: *оусериъ*, въ виду словъ *исто* изъ литовск. *inkstas* и *лыко* изъ литовск. *lunkas*. Въ дальнѣйшей жизни этого слова *оусеразъ* на русской почвѣ произошло выпаденіе перваго звука *у* и непонятное фонети-

чески исчезновеніе *м*; подѣ влияніемъ аналогіи оно стало склоняться по образцу словъ женскаго рода на *а*, а вслѣдствіе этого возстановился первичный звукъ *г*. на *мѣстѣ* славянскаго *з*, и такимъ образомъ получилось слово въ его современной звуковой формѣ—серьга.

§ 17. СВЯЗЬ МЕЖДУ ИНДО-ЕВРОПЕЙСКИМИ ЯЗЫКАМИ И ПРОЯЗЫКОМЪ.

Генетическая, т. е. родственная связь между индо-европейскими языками доказана нѣмецкимъ ученымъ первой половины XIX вѣка Францемъ Боппомъ, который, воспользовавшись замѣчаніями своихъ предшественниковъ о звуковыхъ сходствахъ въ нѣкоторыхъ словахъ между санскритомъ, персидскимъ, греческимъ и латинскимъ языками, научно обосновалъ единство происхожденія этихъ языковъ черезъ изученіе системы спряженій въ нихъ, т. е. онъ нашелъ сходныя окончанія между этими языками въ глагольных формахъ. Такимъ образомъ, Фр. Боппъ доказалъ не только тожество корней въ этихъ языкахъ, но и флексій. Впослѣдствіи наукою сравнительнаго языковѣдѣнія установлена и общность системы склоненій. Для большей наглядности и доказательности нашихъ утвержденій о родствѣ индо-европейскихъ языковъ приведемъ нѣсколько примѣровъ, родственныхъ по значенію и звуковой формѣ словъ. **Матѣ** ц.-сл., матъ русск., *mata* скр., *μήτηρ* (*mater*) греч., *mater* лат., *mote* лит.; **дань** ц.-сл. и русск. *dan*, *nam* скр., *δοῦν* гр., *do-num* лат., *do-nis* лит.; **небо** ц.-с. и русск., *nabhas* скр., *νέφος* греч., *nei-ula* лат. **домъ** старо-сл. и русск. *domъ*, *dam-as* скр., *δῶμος* греч., *dom-us* лат.; **про** ц.-сл. и русск. *pro*, *pra* скр., *πρῶ* греч., *pro* лат., *pra* лит.; **пи-тіе** ц.-сл. и русск., *pi-tis* скр., *πίον* (пью) греч., *мышь* старо-слав. и русск. *mys*, *mus* скр., *μῦς* греч., *mus* лат.; ц.-слав., **лнь** русск. *lenъ*, *λίον* греч., *linum* лат., *linas* лит.; **сѣ-мя** русск., *se-men* лат., *sēmens* лит.; **лѣвъ** ц.-сл., **лѣвый** русск., *λαίψος* греч., *laevus* лат. Приведенными примѣрами созвучій не исчерпываются всѣ слова съ звуковыми соотвѣтствіями между корнями родственныхъ языковъ—ихъ гораздо больше: въ западно-европейской литературѣ имѣются спеціальныя этимологическіе словари подобныхъ соотвѣтствій между рассматриваемыми нами языками. Сходство личныхъ окончаній въ глагольных формахъ индо-европейскихъ языковъ является еще болѣе поразительнымъ доказательствомъ происхожденія всѣхъ указанныхъ языковъ отъ основ-

ного праязыка. Сходство это выражается въ томъ, что къ глагольному корню, къ его основѣ, присоединяется личное мѣстоименіе: для образованія перваго лица единственнаго числа къ корню глагола прибавляется личное мѣстоименіе перваго лица *m* (*м*) (оно сохранилось въ косвенныхъ падежахъ русскаго и славянскаго мѣстоименія: *меня, мнѣ, мною* ¹⁾). Такимъ образомъ, черезъ присоединеніе къ корнямъ *да, въ, яд, ес* мѣстоименія перваго лица въ звуковой формѣ *m* получается первое лицо глаголовъ *да-мь, въ-мь, яд-мь, ес-мь*. Для образованія втораго лица присоединяется мѣстоименіе втораго лица въ звуковой формѣ *s*, сохранившееся въ греческомъ мѣстоименіи *συ*, и получаются формы *даси, въси, яси* (изъ *ядси*), *еси*. Такъ же точно образуется и глагольная форма третьяго лица черезъ прибавленіе къ глагольной основѣ указательнаго мѣстоименія, сохранившагося въ старославянскомъ языкѣ въ формѣ „*тъ*“, (тотъ) и такимъ образомъ получаемъ формы *види-тъ, люби-тъ, рече-тъ, иде-тъ* т. д. Временныя формы образовались изъ глагольной основы, дополненной вспомогательнымъ глаголомъ „*быть*“, *esse* (лат.) и указанными мѣстоименными окончаніями. Тѣ же мѣстоименные суффиксы, присоединяясь къ именнымъ и глагольнымъ корнямъ словъ въ разныхъ падежахъ прямомъ и косвенныхъ, дали начало склоненію. Въ склоненіи старославянскихъ членныхъ прилагательныхъ (опредѣленныхъ съ окончаніемъ на *ый* черезъ *ти*). напр., *добрыи сныи* можно ясно различить косвенные падежи мѣстоименія *и* (онъ): *добраго* изъ *добраго добротѣмоу* изъ *добротѣмоу* и т. д. Суффиксы причастныхъ формъ во всѣхъ индо-еврейскихъ языкахъ также восходятъ къ одной праиндо-европейской формѣ.

§ 18. РАСПАДЕНІЕ ИНДО-ЕВРОПЕЙСКАГО ПРАЯЗЫКА НА ОТДѢЛЬНЫЯ НАРѢЧІЯ.

Въ жизни индо-европейскаго праязыка нельзя представлять единства звуковъ и тожества произношенія словъ въ различныхъ мѣстностяхъ индо-европейской прародины и въ различное время. При сродствѣ лексической стороны слова, или, върнѣе, внѣшней звуковой формы его существовали различія въ звукахъ и ихъ произношеніи, т.-е. артикуляціи. Поэтому тожество звуковой формы слова въ различныхъ индо-европейскихъ языкахъ не можетъ служить доказательствомъ родства этихъ языковъ, потому что отъ индо-европейскаго праязыка остались неизмѣнными для всѣхъ языковъ только носовые *m, n* и плавные *r, l* и отчасти зубные *t, d*.

¹⁾ Въ праязыкѣ это *m* (*м*) было послѣднимъ звукомъ именительнаго падежа „*я*“ по-санскритски „*aham*“.

и то только въ извѣстныхъ положеніяхъ. Такимъ образомъ, слова русское пеня, греческ. *πομή* латинск. *роена*, др. врх. нѣм. *ripa* слѣдуетъ считать заимствованными словами, потому что звукъ „к“ индо-европейскаго слова **kʷ oipa* въ разныхъ языкахъ отражается различно. Нѣчто подобное этому мы видимъ и въ нашемъ русскомъ языкѣ. Въ разныхъ говорахъ и нарѣчіяхъ развились свои звуковыя особенности. Въ южно-русскомъ акающемъ (московскомъ) говорѣ безударное о произносится, какъ а: вмѣсто хорошо говорятъ хърашо, вмѣсто потолокъ—пѣталокъ, вмѣсто корова—карова. Звукъ „л“ въ великорусскомъ оающемъ говорѣ сталъ произноситься, какъ согласный „у“, средній между „у“ и „в“, поэтому говорятъ не „волкъ“, а „воу́къ“; не былъ“, а „бу́у“. Въ тотъ же средній звукъ между „у“ и „в“ выродился и звукъ „в“, такъ что въ указанномъ говорѣ появилось произношеніе не „лавка“, а „лау́ка“, не веревка“, а „ве-реу́ка“, не „дѣвка“, а „дѣу́ка“. Въ бѣлорусскомъ нарѣчій напрімѣръ, произошло отвердѣніе звука „р“, поэтому тамъ сдѣлалось возможнымъ слѣдующее произношеніе: писарь, царь, румка, грибъ. Въ малорусскомъ развился звукъ „г“, какъ длительный придыхательный, существующій въ немногихъ великорусскихъ словахъ, какъ: „благъ“, „Богъ“, „недугъ“, „упругъ“ и т. п. Кромѣ того, въ этомъ нарѣчій развилось чистое, безъ всякаго придыханія простое „і“ ¹⁾, каковое мы видимъ въ слѣдующихъ словахъ: бисъ, лисъ, віра, міра, (мѣра). Характерною особенностью малорусскаго нарѣчія является также развитіе въ немъ дифтонговъ, двогласныхъ звуковыхъ сочетаній: дуомъ (домъ), піечь (печь), вуоль (воль), нуось (носъ) и т. п. Кромѣ указанныхъ нами звуковыхъ особенностей, въ русскомъ языкѣ имѣются и многія другія. Что сказано о русскомъ языкѣ, то относится къ жизни всякихъ другихъ языковъ индо-европейской вѣтви. Подобными же звуковыми особенностями отличался и индо-европейскій праязыкъ; эти его звуковыя особенности, все болѣе, и болѣе развиваясь, послужили причиной его распада на отдѣльныя нарѣчія, а потомъ и на отдѣльные языки. Передъ эпохой распада на нарѣчія индо-европейскій праязыкъ имѣлъ слѣдующую систему звуковъ. Гласными были: а, е, і, о, у. причемъ тѣ и другіе могли быть долгими и краткими звуками. Въ санскритѣ „е“ и „о“ въ нѣкоторыхъ случаяхъ выродились или, вѣрнѣе, совпали съ краткимъ и долгимъ „а“, поэтому слово *वर्या* въ скр. звучало какъ „*bharami*“,

¹⁾ Въ великорусскомъ нарѣчій это простое непридыхательное і существуетъ въ немногочисленныхъ словахъ въ срединѣ корня или основы, напр., „видѣть“, „крестить“, „бить“, „вить“, „сила“.

„слово возъ, какъ „vahan“¹⁾ и, кромѣ того, изъ тѣхъ звуковъ „ē“ и „ō“, которые не совпали съ звукомъ „а“, въ послѣдствіи въ другихъ языкахъ, напр., въ греческомъ, литовскомъ, возникли дифтонгическія сочетанія: ai, oi, ei, au, eu. Такимъ образомъ, изъ „eti“ „онъ идетъ“ получилось греческое εἶσι литовское „eiti“ и „éit“, изъ скр. veda ~~вѣда~~ греческое *Foīda* литовско-прусское „waisei“. На славянской же почвѣ изъ дуфтонговъ ај и ој возникли „ѣ“ „и“, изъ „ei“—„и“, изъ „au“ и „eu“—у. Такимъ образомъ; изъ литовскаго „baisus“ получилось бѣсъ, изъ литовскаго keistas—чистъ, изъ sausas—сухъ и т. п. Въ системѣ согласныхъ звуковъ индо-европейскаго праязыка также есть свои особенности. Въ качествѣ согласныхъ здѣсь имѣются слѣдующіе звуки—простые глухіе р, t, kw (лабиализованное); звонкіе: b, d, gw; звонкіе придыхательные, отличавшіеся отъ простыхъ звонкихъ своей длительностью вслѣдствіе перерыва въ произношеніи: bh, dh, g₁h, g^wh и глухіе придыхательные k₁h и th. Къ этимъ звукамъ надо прибавить очень краткое билабиальное w, среднее между „у“ и „в“, диалектически извѣстное и въ русскомъ произношеніи: срв. воу́къ (вовк) бы́у (быв) и т. п. и спира́нтъ s. Изъ этого перечня согласныхъ мы видимъ что въ немъ отсутствуютъ звуки: f, š, ž, х, с, ^vс и v. Эти отсутствующіе звуки развились уже на почвѣ отдѣльныхъ индо-европейскихъ языковъ. Кромѣ того, указанные основные согласные праязыка на почвѣ отдѣльныхъ языковъ могли видоизмѣняться, перерождаться и даже исчезать. Такъ изъ литовскаго „s“ въ славянскомъ выработался „х“, изъ ž (ж) „з“, изъ „g“—„ж“, изъ „k“—„ч“ изъ основного праязыкаго „r“—„л“ и т. п. Литовскія звуковыя формы givas, kirmis, sausas, geltas, keistás žemá въ общеславянскомъ языкѣ приняли слѣдующую звуковую форму: ~~жикъ, урикъ, соухъ, жельтъ, (желтъ) зимъ, уистъ~~. Но это перерожденіе основныхъ звуковъ праязыка въ разныхъ языковыхъ группахъ носило разный характеръ. Изъ какого-либо придыхательнаго „bh“ въ одномъ, напр., славянскомъ и литовскомъ развивался чистый звукъ b (б): изъ „bhagami“ образовалось ~~берѣа~~, а въ другомъ, напр., греческомъ и латинскомъ звукъ f: ~~фѣро~~, fero; изъ звука dh на литовско-славянской почвѣ развился чистый d изъ о. и. е. * dhumos развилось литовское dumai и слав. дымъ а въ латинскомъ и греческомъ звуки θ и f: ~~ѳѣмос~~, fumus; изъ санскритскаго कश् (kš) въ латинскомъ и гречес-

1) Звукъ „г“, переходитъ въ звукъ „s“ „богъ“, „bosъ“, „боси“, нога, nosъ, „носи“

комъ х, ξ, въ литовскомъ š (ш) и въ славянскомъ „с“: aksas ᾱξωv axis, ášis, ось; dakšinas, δεξιός, dexter, dešine, десня.

Перерождение звуковъ праязыка происходило медленно на протяжении цѣлыхъ эпохъ, столѣтій и имѣло свои хронологическія и пространственныя границы. Это происходитъ отъ того, что звуковые законы имѣютъ обязательное значеніе и не допускаютъ никакихъ исключеній для извѣстной эпохи и для извѣстной территоріи. Но точныхъ границъ для какой-либо языковой эпохи указать нельзя. Въ жизни языка замѣчается такого рода явленіе. Звуковой законъ сначала распространяется на факты только одного какого-либо порядка, а потомъ уже дѣйствіе его проявляется и на фактахъ другого рода. Пояснимъ это примѣромъ. Въ общеславянскомъ языкѣ мягкими (палатальными) звуками были звуки, образовавшіеся изъ смягченія заднеязычныхъ (гортанныхъ) „г“, „к“, „х“ и губныхъ б, п, в, м, передъ j. Но въ общеславянскую же эпоху начинается процессъ смягченія и всѣхъ прочихъ звуковъ въ положеніи ихъ передъ ж и ѡ (ен, ем ом, он малымъ и большимъ юсомъ), потому что въ польскомъ языкѣ передъ носовой гласной е можетъ стоять иногда мягкій согласный: mięso—месо, święty—святѣ, это во первыхъ; во вторыхъ въ польскомъ изъ славяскаго о (ѡ) возникаетъ е: ręka изъ rьka, będa изъ bьda, głęboki изъ gьbokьki, geба изъ gьka, и въ третьихъ въ польскомъ возможно чередованіе а и е въ одномъ и томъ же словѣ: dąb—deby gołąb—gołębie и т. д. Въ эпоху же общерусскаго языка законъ перехода твердыхъ согласныхъ въ мягкія начинаетъ примѣняться и ко многимъ другимъ случаямъ. Исчезновеніе, напр., въ срединѣ и концѣ слова глухого мягкаго ь повело къ смягченію предшествующаго согласнаго: ось стало произноситься, какъ ос', „тьма“ какъ „т'ма“, днь, какъ д'ен' и т. п. Послѣ процесса смягченія согласныхъ звуковъ передъ палатальными (мягкими) гласными е, ѣ, і происходитъ противоположный процессъ отвердѣнія шипящихъ ж, ш, щ, ц, и такимъ образомъ вмѣсто прежнихъ звуковыхъ формъ мжжъ, отьць, ножь, лещь появляются видоизмѣненные ножъ, мужъ, отецъ, лещъ. Этотъ процессъ отвердѣнія шипящихъ, такимъ образомъ, становится въ противорѣчіе съ процессомъ общеславянской эпохи смягченія гортанныхъ г, к, х, въ мягкіе ж, ч, ш. Въ исторіи русскаго языка замѣчается и другой процессъ, противорѣчащій звуковымъ законамъ общеславянской эпохи, процессъ непереходнаго смягченія „г“ и „к“ въ мягкіе „г“ и „к“, нетерпимые въ старославянскомъ языкѣ. Поэтому вмѣсто древнихъ формъ „Кысь“, „хитрь“, „гыбнѣти“ возникаютъ формы Кіевъ, хитрь, гибель. Мало того, смягченіе звуковъ „г“, „к“ идетъ еще дальше: артикуляція для ука-

занных звуковъ перемѣщается съ задней спинки языка на переднюю, и появляются звуковыя сочетанія чайкю, ручкя и т. п. Въ эпоху развитія общерусскаго языка происходитъ перерожденіе звука „е“ въ „о“ сперва въ началѣ слова передъ слѣдующимъ мягкимъ звукомъ „е“, и „і“, и такимъ образомъ изъ общеславянскихъ езеро, елень, единъ появляются озеро, олень, одинъ и т. п. Потомъ въ дальнѣйшій періодъ жизни общерусскаго языка е переходитъ въ о послѣ мягкаго согласнаго передъ слѣдующимъ твердымъ согласнымъ звукомъ и вмѣсто древнихъ медь, береза, села, іелка возникаютъ м'одъ, бер'оза, јолка, с'ола и т. п. Но этотъ процессъ не распространяется на переходъ е въ о передъ ж, ш, ц, потому что эти согласные къ тому времени не успѣли отвердѣть и потому наряду съ формами в'оль, н'ось продолжаютъ существовать въ языкѣ болѣе древнія от'ецъ, дѣл'ецъ, ов'ецъ и т. п. Мы указали здѣсь только на нѣкоторые звуковые процессы въ жизни русскаго языка, потому что полное разсмотрѣніе всѣхъ процессовъ принадлежитъ другой наукѣ. То, что мы сказали о перерожденіи звуковъ русскаго языка, относится и ко всякому другому индо-европейскому языку съ тѣмъ различіемъ, что тамъ совершаются звуковые процессы другого характера. Такъ въ греческомъ языкѣ изъ звука „к“ возникаетъ „р“ (п), изъ „kas“ πῶς изъ sequor—ἐπομαι, изъ звука „g“ въ литовскомъ языкѣ ž, изъ γυνώσκω, (g)nosco лит. žinau, вмѣсто русскаго зеленый въ литовскомъ žalias; изъ d въ латинскомъ дымъ=fumus; руда=rufus и т. д.

Благодаря указаннымъ перерожденіямъ звуковъ, совершающимся въ разныхъ языкахъ по своимъ законамъ, полного соответствія между словами разныхъ языковъ не можетъ быть и болѣе того, часто между родственными по значенію словами, безъ сомнѣнія, происшедшими изъ одного праиндоевропейскаго корня совершенно нѣтъ сходства. Приведемъ сначала примѣры неполнаго звукового сходства: ц.-сл. прасл. поросѣ, др.-русск. порося, греч. πῶρος, лат. porcus, лит. paršas; ц.-сл. снѣгъ, греч. νίφει, лат. nix, лит. snėgas; ц.-сл. горяти, греч. θερμός, лат. formus; ц.-слав. мѣлѣж (дою), др.-русск. молозиво (молоко), греч. ἀμῆλγω, лат. miŕgeo, лит. melžti; ц.-слав. зимѣ, греч. χειμῶν, лат. hiems, лит. žėma; ст.-слав. соль, лат. sal, греч. αἶς. Приведемъ теперь такія звуковыя соответствія, между которыми или нѣтъ никакого совпаденія или есть незначительное соответствіе, но которыя восходятъ къ одному корню: лат. nurus: ст.-сл. снѣхѣ, русск. сноха; лат. aser, русск. и слав. острѣ; лат. jus (похлебка), русск. уха; нѣм. schlafen, русск. слабѣть; лат. Caesar, нѣм. Kaiser, русск. царь; нѣм. Kind, ст.-сл. чадѣ и русск. чадо.

§ 19. ПРОЦЕССЪ ОБРАЗОВАНІЯ СЛОВЪ.

Изъ сказаннаго легко замѣтить что различные звуки или измѣняются въ своемъ качествѣ, переходя въ звуки другихъ образованій (изъ г возникаютъ ж и з, изъ к, ц и ч, изъ с—х и т. п.), или же видоизмѣняются отчасти, оставаясь звуками того же образованія (изъ б, п, д твердыхъ возникаютъ мягкія, изъ звучныхъ б, в, д, г, ж появляются глухія п, ф, т, к, ш: лоп, лапка, гот, сапок, нош), или же не подвергаются совсѣмъ никакому измѣненію. Поэтому изученіе лексическаго богатства языка показываетъ, что слова какой-либо одной эпохи языка, напр., современнаго русскаго, по своему происхожденію относятся къ различнымъ періодамъ. Одни, находясь въ родствѣ со всѣми индо-европейскими языками, обязаны своимъ происхожденіемъ періоду совмѣстной жизни индо-европейскихъ народовъ и выработались въ эпоху праязыка, таковы, напр., мать, домъ, дати, плетъ ¹⁾, вѣдати, мышъ и т. д. Нѣкоторые изъ словъ, развившихся на почвѣ жизни общеиндо-европейскаго языка, претерпѣли видоизмѣненія, а многіе настолько, что не сохранили ни одного первичнаго звука. Укажемъ примѣры такихъ словъ, въ которыхъ при различіи звуковъ корня имѣются и сходства: *жизнь*, скр. *dživas*, лат. *vivus*, греч. *βίβος*, лит. *givas*; *иска* греч. *πέσσω* (*πεισσω), лат. *coquo*, лит. *kerú*; *кръкъ*, скр. *kravya*, греч. *κρέας* лат. *caro*; скр. *yus*, *yusha*, лат. *jus*, лит. *juše*, русск. уха. Приведемъ теперь примѣры русскихъ словъ, развившихся на индо-европейской почвѣ, но потерявшихъ въ своемъ корнѣ всякое сходство: лат. *sum*, греч. *συν*, сл. и русск. съ; гр. *ἐν*, лат. и нѣм. *in*, слав. и русск. въ и у; скр. *aham*, гр. *ἐγώ*, лат. *ego*, лит. аѣ.-слав. азъ, русск. я; сл. и русск. поясъ, скр. *jastas*, гр. *ζωστής*, лит. *justas*. Гораздо большее количество словъ относится по своему происхожденію и образованію къ жизни индо-европейскихъ языковъ послѣ ихъ отдѣленія отъ праязыка. Поэтому звуковое сходство словъ славянскаго языка, а также и всякаго другого языка индо-европейской вѣтви не простирается на всѣ языки этой семьи. Отсюда славянолитовскія слова частью сходны или только съ нѣмецкими, или греческими, или латинскими, или санскритскими. Приведемъ примѣры этихъ соотвѣтствій: *злато* (*жальть*), нѣм. *Gold*, лит. *geltas*, *želtis*; *срѣбро*, лит. *sidabras*, нѣм. *Silber*, готск. *silubr*; *мѣдъ*, др.-нѣм. *smida*, сѣкира, лат. *securis*; старо-сл. *лѣжа*, лат. *lancea*, лит. *lankas*, греч. *λόγχι*, русск. *лукъ* (оружіе); *стѣкло*, готск. *stikls*, лит. *stiklas*; готск. *kintus*, ст.-сл. *цѣта* (монета); герм. *pflug*, лит. *plugas*, слав. и русск.

¹⁾ πλέχω, plecto., praesna (скр. корзина).

плугъ; греч. πλῦθος, ст.-сл. плнѣа (киричь); слав. кѣдъ греч. κηδος; нѣм. Kaiser, изъ лат. Caesar, русск. царь; нѣм. Kind, слав. чѣдо русск. чадо; слав. и русск. Богъ, скр. Bahaas; слав. сынъ, лит. и скр. supus; сл. вѣдока, русск. вдова, лит. и скр. vidua. По отдѣленіи славянскаго языка изъ славянолитовской группы въ немъ возникаютъ слова, не имѣющія сходства съ языками индо-европейской семьи и поэтому не отражающіяся въ другихъ языкахъ. Къ числу такихъ словъ возможно отнести: лѣсъ, нога, дождь, гнути, рыба, решти, отрокъ, звѣзда, зрѣти, заря и др. По выдѣленіи русскаго изъ общеславянскаго языка въ первомъ возникаютъ свои лексическія особенности въ видѣ словъ, свойственныхъ исключительно русскому языку, таковы: глазъ, щека, правый, палецъ, говорить, сказать пахать, и др. По выдѣленіи изъ общерусскаго языка нарѣчій и изъ нарѣчій говоровъ въ нихъ въ свою очередь опять образуются свои слова.

§ 20. ВЫМИРАНИЕ СЛОВЪ.

За время своего многовѣковаго существованія въ индо-европейскихъ языкахъ должно образоваться безчисленное множество словъ. Но не всѣ слова отличаются жизнеспособностью. Многія исчезаютъ, иногда не оставляя послѣ себя никакого слѣда. Изъ древнерусскаго языка, напримѣръ, исчезли слѣдующія слова: лада (мужъ или жена), хотъ (супруга), зегица (кукушка), свада (ссора), комонь (конь), близокъ (свойственникъ), рокотати (славить, громко хвалить), стягъ (знамя), паполома (покрывало), трепетица (осина), ть днь (воскресенье) и многія другія. Исчезновеніе звуковой формы слова совершается по слѣдующимъ причинамъ. Исчезнувшія слова могли существовать въ языкѣ діалектически, т.-е. они были извѣстны только одному какому-либо говору и неизвѣстны другимъ. Примѣры исчезнувшихъ словъ нами, главнымъ образомъ, заимствованы изъ „Слова о плъку Игоревѣ“, а этотъ памятникъ написанъ на южно-русскомъ нарѣчій, и возможно, что многія изъ этихъ словъ въ то время употреблялись, какъ провинціализмы, т.-е. областныя слова. Распространенность словъ на какой-либо малой территоріи, т. о. служить причиной сначала болѣе рѣдкаго употребленія ихъ и, наконецъ, вымиранія. Исчезновенію звуковой формы слова содѣйствуютъ также и политическія событія. Послѣ татарскаго погрома въ XIII вѣкѣ тогдашнее южно-русское населеніе отхлынуло со своихъ насиженныхъ мѣстъ на сѣверъ Россіи и тамъ поселилось среди неславянскихъ народностей: веси, мери, чуди, а частью смѣшалось съ сѣверно-русскимъ населеніемъ новгородскаго княжества.

На новыхъ мѣстахъ прежнее южно-русское населеніе не могло поселиться сплошными массами и не могло находиться въ такомъ непосредственномъ сосѣдствѣ съ своими ближайшими сородичами по говору и языку, въ какомъ оно находилось до выселенія на новыя мѣста. А это не давало возможности развиваться говору въ одномъ направленіи и удерживать свои особенности. Сосѣдство съ финнами оказывало также свое вліяніе на языкъ въ томъ, что изъ финскихъ языковъ заимствовались новыя слова и исчезали изъ звукового обихода свои русскія. Названія многихъ городовъ, рѣкъ, мѣстностей на сѣверѣ Руси заимствованы отъ финновъ. Вымираніе словъ происходитъ не вслѣдствіе какихъ-либо случайностей, а тѣмъ болѣе какой-либо болѣзни языка, подобно тому, какъ это бываетъ въ мірѣ физическомъ, а по своимъ законамъ. Жизнеспособность слова находится въ зависимости отъ строенія корня. Тѣ корни словъ, которые конечнымъ своимъ звукомъ имѣютъ гласный или плавный звукъ (гор-ѣти да-ти, бра-ти, зна-ти), способны производить изъ себя безчисленное множество словъ, которыя, составляя одно семейство, поддерживаютъ другъ друга сходствомъ значенія и звука и взаимно охраняютъ отъ вымиранія. Между тѣмъ корни, оканчивающіеся на согласный (рот-а, клятва; хот-ь, жена; стяг-ть, знамя; мѣд-а, награда и др.), не отличаются эластичностью послѣдняго звука и не въ состояніи производить изъ себя этого потомства. Способны къ вырожденію также и тѣ слова, которыя потеряли свою связь съ корнемъ и родственными словами, и которыя поэтому находятся въ одиночествѣ, въ изолированномъ положеніи. Въ качествѣ примѣра такихъ словъ въ современномъ языкѣ можно привести такія звуковыя формы, какъ: подушка, почва, водка, обувь, супругъ, память и многія другія. Въ словѣ подушка корнемъ является „ухо“, о чемъ трудно догадаться безъ знанія грамматики; составъ слова почва сводится къ слѣдующимъ частямъ: подъ-шка (то, что находится подъ швомъ). Въ древнерусскомъ языкѣ къ числу такихъ словъ, потерявшихъ родство, относятся: молозиво (молоко), яругъ (оврагъ), паполома (покрывало), косситеръ (олово) брашно (пища) и мн. др.

Кромѣ вымиранія корневой части слова, въ языкѣ замѣчается еще другой процессъ—процессъ вымиранія у какого-либо слова его формальныхъ частей, или окончаній. Въ этомъ случаѣ исчезаютъ всѣ формы, за исключеніемъ какой-либо одной. Любопытномъ примѣромъ этого явленія можетъ служить русское сочетаніе „благимъ матомъ“, въ которомъ послѣднее слово, какъ это видно изъ его „омъ“, представляетъ изъ себя форму творительнаго падежа отъ какого-то, не сохранившагося до нашего времени, слова „мать“. Междоетное слово „чу“ предполагаетъ форму аориста, давно

исчезнувшего въ русскомъ языкѣ и отразившагося только въ этой безличной формѣ. Въ сочетаніи „заржай конь“ — „заржай“ съ его окончаніемъ ѣ есть остатокъ отъ формы древнерусскаго имперфекта. Такими же одинокими остатками отъ именит. пад. двойственного числа съ окончаніемъ на „и“ являются слова: очи, уши, колѣни, сани и т. п. Процессу вымиранія звуковой формы слова содѣйствуютъ военныя и культурныя сношенія одной націи съ другими. Но въ этомъ случаѣ вымираніе внѣшней формы слова находится въ зависимости отъ исчезновенія или видоизмѣненія значенія слова, о чемъ будетъ сказано ниже.

§ 21. АРХАИЗМЫ.

Мы выше привели примѣры вымершихъ словъ изъ языка и окончательно исчезнувшихъ. Но часто такія слова, прекращая свое существованіе въ обыденной рѣчи, сохраняются въ литературныхъ произведеніяхъ, или даже въ особыхъ случаяхъ употребляются и въ разговорномъ языкѣ. Такія слова и формы, которыя мало употребительны въ живой рѣчи и которыя по своему происхожденію восходятъ къ эпохѣ славянскаго или старорусскаго языковъ и вмѣстѣ съ тѣмъ доступны для пониманія, называются архаизмами. Архаизмы могутъ быть словами и формами или древнерусскими или славянскими. Древнерусскіе архаизмы узнаются по особенностямъ строенія русскихъ словъ и формъ, имѣющихъ свои звуковыя законы. Такъ: 1) вмѣсто обычныхъ славянскому языку сочетаній шт и жд, возникшихъ изъ соединенія т и д съ j, русскому языку свойственны звуки „ж“ и „ч“ 2) вмѣсто старославянскихъ сочетаній ра, ла, рѣ, лѣ, въ русскомъ языкѣ употребляются полногласныя сочетанія оро, оло, ере, еле. Поэтому 1 лицо единственного числа настоящаго времени отъ глаголовъ видѣть, хотѣть, ходить, побѣдить по церковнославянски должно имѣть звуковыя формы: виждѣ, хоштѣ, хомдѣ, побѣждѣ, а по-русски: вижу, хочу, побѣжу, хожу. По отсутствію полногласія такія слова, какъ брада, злато, сребро, илько должны быть признаны чистославянскими, а борода, золото, серебро, молоко — русскими. Но въ современномъ общерусскомъ языкѣ подъ вліяніемъ церковнославянской письменности и богослужебнаго языка не только въ литературѣ, но даже и въ народной рѣчи указанныя русскія особенности не выдерживаются. И въ литературномъ языкѣ и частью въ народномъ мы встрѣчаемъ такія славянскія слова, какъ одежда, надежда, пещера, время, бремя, молнія, древесный, прибрежный и др. Приведемъ примѣры старорусскихъ архаизмовъ. Въ словосочетаніяхъ „Кіевопечерскій монастырь“ второй членъ сложенія въ первомъ словѣ будетъ архаизмомъ, потому что въ виду слова пещера нужно бы образовать

Кіевопещерскій монастырь. Слова молонья, моровой, беремья, шеломъ, Володиміръ, полонъ (плѣнь), какъ полногласныя звуковыя формы, но малопотребительныя, надо считать старорусскими архаизмами. Иногда русскія полногласныя слова въ отличіе отъ ц.-славянскихъ имѣютъ свой оттѣнокъ значенія. Такъ полногласныя русскія слова головной (главный), передать (предать), передокъ (предокъ), волость (власть), порохъ (прахъ) и т. п. отличаются отъ церковно-славянскихъ заимствованій большей конкретностью и узостью своего значенія. Русскій языкъ отличается отъ славянскаго и въ лексическомъ отношеніи, т.-е. въ послѣднемъ для обозначенія однихъ и тѣхъ же понятій въ качествѣ ихъ наименованій имѣются слова съ другой звуковой формой. Русскія слова: глазъ, лобъ, ротъ; сочетанія: правая рука, лѣвая рука, сегодня въ славянскомъ языкѣ выражаются словами: око, уело, оуста, десница, шница, дньсь. Хотя эти оба разряда словъ и выражаютъ одни и тѣ-же понятія, но все-таки они не совпадаютъ въ своемъ значеніи и поэтому не могутъ употребляться безразлично. Къ основному значенію славянскихъ архаизмовъ примѣшивается побочное значеніе: вносится сюда или элементъ чувства, и рѣчь съ этими архаизмами принимаетъ возвышенный характеръ, или 2) употребленіемъ этихъ старинныхъ выражений читатель настраивается такъ, что онъ мысленно переносится въ тѣ отдаленныя эпохи, которыя изображаются историкомъ. Примѣры архаизмовъ перваго рода мы видимъ въ одахъ, въ произведеніяхъ церковнаго краснорѣчія и религіозныхъ стихотвореніяхъ: къ таковымъ относятся слѣдующія сочиненія: „На смерть князя Мещерскаго“ Державина, „Слово въ Великій Пятокъ“ архіепископа Иннокентія, „Пророкъ“ Пушкина и т. п. Архаизмы второго рода встрѣчаются въ историческихъ романахъ, драмахъ, балладахъ и т. п. Примѣры ихъ можно найти въ произведеніяхъ: „Князь Серебряный“ А. Толстого, „Борисъ Годуновъ“ Пушкина, „Василій Шибановъ“ А. Толстого и др.

§ 22. ОМОНИМЫ.

Слово омонимъ составное и заимствовано изъ греческаго языка. Оно производится отъ словъ *омос*—равный, одинаковый *онома*—имя, названіе. Слово омонимъ можно перевести на русскій языкъ одинаково названный, однозвучный. Приведемъ примѣры омонимическихъ выраженій: коса—заплетенные волосы, и коса—орудіе для срѣзыванія травы, и коса—узкая полоса земли, вдавшаяся въ море; носъ—часть человѣческаго лица и носъ—передняя часть корабля; ключъ—орудіе для отпиранія замка, ключъ—источникъ воды, пробивающійся изъ земли, ключъ—знакъ въ потномъ письмѣ, опредѣ-

ляющій звуковую высоту нотъ; топить печку и топить въ рѣкѣ бѣлье; провести—показать дорогу и провести—обмануть; больно—нарѣче для выраженія чувства болѣзненности и больно— въ смыслѣ очень. По своему происхожденію омонимы различны. Одни могутъ возводиться къ различнымъ корнямъ по звуковой формѣ и значенію и другіе къ одному и тому-же корню. Омонимы перваго рода образовались вслѣдствіе измѣненія звуковой формы двухъ разныхъ корней. Различные по своему образованію гласные и согласные звуки, перерождаясь и видоизмѣняясь, въ концѣ-концовъ совпадаютъ въ звукахъ. Слово топить (печку) происходитъ отъ древнерусскаго слова топѣль—теплый, а однозвучное слово съ нимъ топить что-либо въ водѣ отъ глагола топить—тонуть; слова везти (произносится, какъ вести) имѣетъ общій корень со словомъ возъ, и вести и другой глаголъ однороденъ съ глаголомъ веду. Орфографическое написаніе парныхъ словъ родъ и ротъ, порогъ и порокъ, лугъ и лукъ, произносимыхъ совершенно одинаково, указываетъ на разницу корней. Примѣромъ такого же случайнаго совпаденія словъ могутъ служить малороссійскіе предлоги з, образовавшіеся изъ предлоговъ изъ и съ:шли зъ дому—вышли изъ дому, карбованци зъ дому—деньги съ дома. Но не всегда омонимы можно возводить къ русскимъ корнямъ. Дифференціацію корня часто можно обнаружить только посредствомъ сравненія тѣхъ же корней въ родственныхъ языкахъ ¹⁾ Возьмемъ для примѣра слова лукъ—огородное растеніе и лукъ—орудіе для метанія стрѣлъ. Въ первомъ случаѣ это слово восходитъ къ греческому λούχῃ, литовскому lankas, во второмъ случаѣ оно тождественно съ литовскимъ lukaī, заимствованнымъ изъ славянскаго ²⁾,

Нѣкоторые омонимы могутъ быть подводимы къ одному корню и быть между собою въ нѣкоторомъ сродствѣ по значенію. Возьмемъ такіе примѣры: ручка у ребенка, ручка для письма, ручка дверная; перо птицы, перо для письма; рукавъ платья, рукавъ рѣки, рукавъ насоса; рубашка въ одеждѣ и рубашка въ игральной картѣ; острый ножъ, острый вкусъ, острое зрѣніе, острый слухъ. Рука человѣка есть орудіе какой-бы то ни было работы; ручка, которою мы пишемъ, также есть орудіе для письма; дверная ручка—орудіе для открыванія двери. Въ уменьшительной степени даны наименованія этимъ представленіямъ, потому что вещи, соотвѣтствующія имъ, малы по величинѣ. Гусинымъ перомъ до изобрѣтенія стальныхъ прежде писали, и наименованіе пера перешло, т. о. къ стальному по

¹⁾ Хотя этотъ путь не всегда бываетъ надеженъ въ виду случайныхъ совпаденій между словами индо-европейскихъ языковъ. Къ такимъ случайнымъ созвучіямъ относятся слова, сходныя по звуковой окраскѣ. Приведемъ примѣры: воля греч. βούλη, поле греч. βούλος, грязь греч. ὑρῖος, лысый греч. λίσος.

²⁾ Въ литовскомъ языкѣ существуетъ для обозначенія этого понятія свое коренное слово kermušis.

одинаковости того и другого предмета въ ихъ назначеніи. Листъ бумаги, желѣзный листъ и листъ древесный получили одно наименованіе вслѣдствіе того, что они очень тонки. Въ основѣ этого рода омонимовъ лежитъ въ обширномъ смыслѣ слова метафора. Вслѣдствіе часто отдаленнаго и случайнаго сходства наименованіе съ одного предмета можетъ передаваться другому, и употребленіе (usus) узаконяетъ за несродными между собою предметами одно названіе. Отъ поэтической метафоры омонимъ отличается тѣмъ, что сходство между предметами въ послѣднемъ основывается на такомъ признакѣ между двумя предметами, который въ настоящее время при другомъ народномъ міросозерцаніи, отличающемся отъ міросозерцанія, господствовавшаго въ эпоху созданія омонимовъ, не выдвигается въ нашемъ сознаніи, какъ сходный съ признакомъ другого предмета. При анимистическомъ міровоззрѣніи понятно было непонятное теперь сближеніе между собою барашковъ съ облаками; сближеніе ключа, подземнаго источника воды, съ ключомъ для отмыканія до нѣкоторой степени можетъ быть разъяснено, когда мы вспомнимъ, что, по народному міровоззрѣнію, власть надъ водою и источниками водными принадлежала Егорію, отмыкавшему ключами воду. Но во многихъ случаяхъ невозможно установить связь между омонимами. Второе отличіе омонима отъ метафоры состоитъ въ полной его прозаичности вслѣдствіе исчезновенія связи между однозначашими выраженіями. Омонимовъ очень много въ корневыхъ языкахъ, т.-е. въ тѣхъ, которые не выработали флексій, какъ напр., китайскій, а также и въ тѣхъ первоначально флективныхъ, которые потомъ потеряли свои флексіи, напр., въ англійскомъ.

Хотя омонимами и выражаются различныя понятія, но они не вредятъ ясности рѣчи, потому что слово имѣетъ смыслъ не само по себѣ, не въ отдѣльности, но въ связной рѣчи: смыслъ слова опредѣляется другими словами, относящимися къ нему, или построеніемъ говорящихъ и тѣми условіями, которыми опредѣляется характеръ рѣчи. Когда просятъ пришить къ шляпѣ перо, то ясно о какомъ перѣ здѣсь говорится; когда говорятъ, что бумаги упали или поднялись въ цѣнѣ, то, очевидно, что здѣсь идетъ рѣчь о бумагахъ, какъ денежныхъ знакахъ. Когда о листахъ говорятъ въ типографіи, бумажномъ магазинѣ, желѣзной лавкѣ, въ лѣсу, на биржѣ, то самымъ мѣстомъ опредѣляется и смыслъ слова. Замеченіе рѣчи вслѣдствіе омонимическихъ выраженій возможно чаще всего съ опредѣленнымъ умысломъ; въ этомъ случаѣ двусмысленность является намѣреннымъ, сознательнымъ актомъ, въ основѣ котораго лежитъ каламбуръ—игра словъ. Примѣры каламбура: когда въ овсѣ (произносится во всѣ) колокола звонять? Зачѣмъ много дровъ нагружаете на корабль? корабль топить; я въ лѣсу нашель

три ключа; въ деревнѣ Вовки (волки) всѣ избы изъ ели (изѣбли); когда листь бываетъ тяжелъ? Когда онъ исполнительный.

§ 23. ВНУТРЕННЯЯ ФОРМА СЛОВА.

Подъ внутренней формой слова понимается значеніе слова, связь слова съ тѣмъ представленіемъ или понятіемъ, замѣстителемъ котораго слово является. Когда мы говоримъ о собакѣ или кошкѣ, то мы при желаніи можемъ вызвать въ нашемъ сознаніи образъ или представленіе собаки или кошки, а не другого животного; когда мы говоримъ о деревѣ, то мы думаемъ не о травѣ и не о кустарникѣ, а о такомъ растеніи, которое имѣетъ стволъ, корень, вѣтви, листья и т. п.; когда мы говоримъ о бѣломъ снѣгѣ, то качество, что онъ бѣлъ, мы не смѣшиваемъ съ вещью, что онъ снѣгъ и т. п. Внутренняя форма слова стоитъ въ тѣсной связи и находится въ ближайшей зависимости отъ особенностей мышленія, къ чему мы теперь и переходимъ.

§ 24. ОБРАЗОВАНИЕ ПРЕДСТАВЛЕНІЙ И ПОНЯТІЙ.

Дальнѣйшей ступеню въ познавательныхъ процессахъ послѣ ощущеній являются представленія и понятія. Мы ранѣе ощущение опредѣлили, какъ раздраженіе нервовъ подъ вліяніемъ внѣшняго дѣятеля. Но и послѣ устраненія внѣшняго дѣятеля ощущение нѣкоторое время продолжаетъ сознаться въ нашей душѣ, какъ слѣдъ его. По выходѣ изъ концертной залы мы продолжаемъ слышать уже исполненныя музыкальныя пьесы; чувство боли отъ укола булавки или иглоки сознается и по устраненіи причины. Этотъ слѣдъ ощущенія имѣетъ весьма важное значеніе при повторныхъ ощущеніяхъ. Благодаря ему, мы въ состояніи помнить прежде бывшія ощущенія, какъ однородныя съ совершающимися. Этотъ процессъ можно назвать процессомъ узнаванія ощущенія. Другая отличительная черта ощущенія состоитъ въ его измѣнчивости, непостоянствѣ. Получая въ разныя времена зрительныя ощущенія отъ какого-либо дома, мы всякій разъ схватываемъ какія-либо новыя черты его: сначала высоту, потомъ окраску, затѣмъ гармонію частей и т. д. Поэтому всякій разъ въ ощущеніяхъ отъ одного и того же предмета мы получаемъ новыя его качества и дѣйствія. Это зависитъ отъ измѣняемости самого предмета и отъ узости нашего сознанія, вслѣдствіе которой мы свое вниманіе можемъ останавливать только на одной какой-либо особенности предмета и ей подчинять всѣ другія. Благодаря узнаванію ощущеній и ихъ повторяемости, полученные нами различные признаки предмета и дѣйствія, проявляющіеся въ немъ, соединяемъ въ одно

цѣлое, относя ихъ къ субстанціи вещи или предмета. Въ этомъ случаѣ въ нашей душѣ происходитъ сложеніе признаковъ, отличающееся отъ арифметическаго процесса тѣмъ, что слагаемыя въ первомъ процессѣ остаются сознаваемыми, не исчезая въ суммѣ, или что тоже въ субстанціи вещи. Воспроизведеніе признаковъ, данныхъ намъ въ ощущеніи, подѣ влияніемъ собственныхъ волевыхъ импульсовъ, безъ какого-либо участія внѣшнихъ дѣятелей, называется представленіемъ.

Представленія такъ же, какъ и ощущенія, отличаются своей измѣчивостью и непостоянствомъ, что зависитъ отъ количества и суммы повторенныхъ ощущеній. Такимъ образомъ, яркость и живость представленія находится въ зависимости отъ повторяемости ощущенія. Вслѣдствіе измѣчивости и непостоянства представленій они имѣютъ свойство разрушаться и распадаться. Этотъ процессъ распада и разрушенія представленій можно уподобить арифметическому дѣйствію вычитанія. Распаденіе представленія находится также въ зависимости отъ повторяемости ощущенія. Положимъ, мы нѣсколько разъ получали зрительныя впечатлѣнія отъ какого-либо дерева, напр., березы. Мы попеременно видѣли нѣсколько березъ съ искривленнымъ стволомъ, съ оборванной корой, съ подрѣзанными вѣтками, обросшую мхомъ, стройную, съ правильнымъ расположеніемъ вѣтокъ. Всѣ эти признаки березы будутъ случайными, потому что они будутъ рѣдко восприниматься нашимъ органомъ глаза, и потому эти признаки нами будутъ забываться, а сильнѣе всего выступить ея характерное свойство—близина ствола. И въ нашемъ сознаніи получается не единичное представленіе объ этой березѣ, а общее, подѣ которое подойдетъ любое представленіе о какой угодно березѣ. Такимъ образомъ, появляются у насъ общія представленія о предметахъ, грамматически называемыя нарицательными существительными.

Но процессъ распада единичнаго представленія на этомъ не кончается. Въ нашей душѣ образуется громадное, безчисленное количество такихъ общихъ представленийъ. У насъ имѣются, положимъ, общія представленія о львѣ, тигрѣ, шакалѣ, гіенѣ, волкѣ. Всѣ представленія связываются между собою признакомъ хищности этого рода животныхъ, который, ярче выступая, вытѣсняетъ изъ нашего сознанія другіе признаки, къ нему не относящіеся. Такимъ образомъ, общія представленія при сопоставленіи ихъ съ сходными имъ другими общими представленіями сливаются между собой въ сходныхъ признакахъ, отбрасывая несходства и противорѣчія. Сліяніе общихъ представленийъ въ ихъ сходныхъ признакахъ и является причиной образованія понятій. Понятіемъ поэтому называется воспроизведеніе въ нашемъ сознаніи признаковъ или дѣй-

ствій общихъ извѣстной группѣ представленій, объединенное въ сознаніи при помощи слова. Образованіе понятій по тому самому есть болѣе сложный актъ познавательной дѣятельности, чѣмъ представленій.

Разлагая тотъ матеріалъ, который дается намъ для познанія вѣшняго міра нашими чувствами, и вмѣстѣ съ тѣмъ группируя этотъ матеріалъ по требованіямъ нашего интеллекта, мы тѣмъ самымъ видоизмѣняемъ этотъ вѣшній міръ, какъ бы искажаемъ его. Въ самомъ дѣлѣ, взявши такія понятія, какъ животное, растеніе, минераль, вещь и т. п., мы легко замѣтимъ, что въ природѣ не существуетъ ни животнаго, ни растенія, ни камня, ни жидкости, а существуетъ эта лошадь, этотъ дубъ, этотъ камень и т. п. И чѣмъ алѣе мы углубляемся въ этой обобщающей работѣ мысли, чѣмъ большее количество группъ различныхъ понятій будемъ соединять на основаніи однородныхъ признаковъ, тѣмъ далѣе мы удаляемся отъ дѣйствительнаго міра.

Физиологическій процессъ образованія представленій отличается слѣдующими особенностями. Въ ощущеніи раздражаются тѣ нервные пути, которые непосредственно прикрѣплены къ органамъ чувствъ и свои раздраженія передаютъ въ тѣ центры головного мозга, съ которыми они сами связаны непосредственно. Значитъ, слуховыя раздраженія передаются въ слуховой центръ, осязательныя—въ осязательный, зрительныя—въ зрительный и т. д. Полагаютъ, что при воспроизведеніи представленій та же работа совершается, но только въ обратномъ порядкѣ: раздражается какой-либо центръ головного мозга, завѣдующій извѣстнымъ ощущеніемъ и свое раздраженіе передаетъ нервнымъ путямъ, результатомъ чего является представленіе. Въ доказательство этого приводятъ то, что ударъ по головѣ иногда вызываетъ шумъ въ ушахъ, и это объясняютъ тѣмъ, что этотъ ударъ вызвалъ колебаніе въ слуховыхъ центрахъ; иногда же вслѣдствіе этого удара сыплются искры изъ глазъ, что объясняется раздраженіемъ зрительныхъ центровъ. Процессъ образованія понятій имѣетъ свои физиологическія особенности. Мозговые центры, завѣдующіе дѣятельностью органовъ чувствъ, связываются особыми нервными путями съ ассоціаціонными центрами того же большого мозга, и вмѣстѣ съ тѣмъ они являются въ качествѣ управителей надъ всѣми процессами умственной жизни и объединителями всей этой дѣятельности. По образованіи представленія процессъ еще не закончился: онъ передается своей высшей инстанціи—ассоціаціоннымъ центрамъ, и тамъ тоже появляется раздраженіе мозговыхъ клѣтокъ. Значитъ, при образованіи понятій дѣйствуетъ раздраженіе ассоціаціонныхъ центровъ; оно дѣлится между органами, завѣдующими ощущеніями, и оттуда передается на периферію, т. е. нервнымъ проводникамъ,

завѣдующимъ своими спеціальными органами чувствъ. Отсюда легко замѣтить, что процессъ образованія понятій и съ физиологической стороны такъ же, какъ и съ психологической отличается большой сложностью, чѣмъ процессъ образованія представленій.

Представленія отличаются отъ понятій еще однимъ весьма важнымъ свойствомъ. Представленіе о какомъ-нибудь предметѣ: объ этомъ домѣ, о Большомъ театрѣ, о Мясницкой улицѣ, о картинѣ Иванова „Явленіе Христа“, о какой-нибудь сонатѣ Бетховена можно вызвать въ душѣ, и это представленіе можетъ отличаться не меньшей яркостью, чѣмъ и ощущение. Но вызвать понятіе вообще о домѣ, вообще о человѣкѣ, о треугольникѣ невозможно. Люди бываютъ и малые ростомъ и большіе, разныхъ половъ, съ разнымъ цвѣтомъ кожи, разнаго возраста. Очевидно, вызвать понятіе съ признаками, взаимно исключаящими себя, невозможно. Немыслимо треугольникъ представлять одновременно и прямоугольнымъ, и остроугольнымъ, и тупоугольнымъ. Вслѣдствіе этого свойства понятія считались даже фикціей нашего ума. Но сомнѣваться въ существованіи ихъ нельзя. Эту невозможность вызова понятій отчасти можно объяснить, если стать на физиологическую точку. Мѣстомъ храненія понятій являются ассоціативные центры большого мозга. Но всѣ умственные процессы, совершающіеся въ нихъ, безсознательны, что мы увидимъ изъ § 50. Но такъ какъ понятія связаны съ представленіями о предметахъ, а мѣстомъ храненія представленій служатъ спеціальныя органы большого мозга, то какъ только мы вызываемъ понятіе о какомъ-нибудь предметѣ, то сейчасъ же мозговая дѣятельность изъ ассоціативныхъ центровъ переносится въ спеціальныя мозговые центры, и у насъ появляется представленіе о предметѣ, вмѣсто желаемого понятія. Принимая во вниманіе эту связь представленій съ понятіями, отчасти можно говорить о представленіяхъ, какъ о замѣстителяхъ понятій.

§ 25. ОТНОШЕНІЕ СЛОВА КЪ ПРЕДСТАВЛЕНІЯМЪ И ПОНЯТІЯМЪ.

Эта обобщающая дѣятельность человѣка въ дѣлѣ образованія представленій и понятій не имѣетъ для себя границъ: она простирается до безконечности. И, кромѣ того, всѣ представленія и понятія отличаются своей измѣнчивостью и неустойчивостью. Душу человѣка въ этомъ случаѣ можно сравнить съ вѣчно текущей рѣкой. Понятно, что для познанія внѣшняго міра, если-бы эти процессы отличались только однимъ признакомъ измѣнчивости, они бы не имѣли никакого значенія. Человѣкъ жилъ-бы только однимъ моментомъ, а всѣ прошлые безслѣдно исчезали-бы. Душа человѣка

походила-бы на калейдоскопъ. Но этого, на самомъ дѣлѣ, нѣтъ. Непонятнымъ для насъ путемъ всѣ эти измѣнчивыя состоянія сознанія закрѣпляются посредствомъ слова и посредствомъ того-же слова они нами и познаются. Но, несмотря на эту тѣсную связь между словомъ и обозначаемымъ имъ понятіемъ, слово и понятіе, а также и представленіе по своей природѣ не тождественны. По своему содержанію слово въ сравненіи съ представленіями и понятіями и больше и меньше и даже иногда и совсѣмъ не отвѣчаетъ и не соотвѣтствуетъ никакому представленію. Сначала укажемъ, что оно меньше представленія. Убѣдиться въ этомъ нетрудно, взявши любой примѣръ конкретнаго, единичнаго представленія. Корова въ нашемъ представленіи не только рогатое животное (*servus*), но что она ѣстъ траву, живетъ при домѣ, имѣетъ такую-то шерсть, четыре ноги, туловище, хвостъ, что она даетъ молоко и т. п. Между тѣмъ, въ словѣ изъ всѣхъ этихъ признаковъ данъ только одинъ, что она рогата. Въ представленіи о горницѣ заключаются признаки комнаты, предназначенной для приѣма гостей, а потому отличающейся большимъ порядкомъ и изяществомъ въ сравненіи съ другими комнатами, и о комнатѣ болѣе свѣтлой; но первоначальное значеніе этого слова горница—сначала крыша, а потомъ верхняя комната теперь совсѣмъ не мыслится никѣмъ, кромѣ филологовъ. Признакъ того, что братъ, какъ показываетъ родство этого слова съ индо-европейскими языками и въ частности съ санскритскимъ *bhar*—носить, есть носильщикъ тяжестей, въ нашемъ представленіи совершенно отсутствуетъ, точно такъ же, какъ въ нашемъ представленіи дочери нѣтъ того признака, что она доильщица, и въ представленіи дверь не мыслится, что она дыра или щель. Изъ представленныхъ нами примѣровъ видно, что въ основѣ образованія слова всегда лежитъ какой-нибудь одинъ признакъ, и поэтому надо думать, что слово находится въ ассоціаціи не съ представленіемъ въ его цѣломъ со всѣми характерными для этого представленія признаками, а только съ однимъ изъ этихъ признаковъ, хотя этимъ не исключается возможность связи слова и съ представленіемъ въ его цѣломъ. Но и эта ассоціативная связь слова съ частью представленія не отличается прочностью, неразрывностью: слово легко отдѣляется отъ самого представленія. Это можно доказать тѣмъ, что при образованіи въ нашемъ сознаніи какихъ-нибудь конкретныхъ представлений, на примѣръ, представленія парового двигателя, динамо-машины и т. п., мы со словами паровой двигатель, динамо-машина вызываемъ представленіе объ этихъ предметахъ до тѣхъ поръ, пока отчетливо не запечатлѣется и не уяснится самый образъ предмета, а потомъ довольствуемся вызовомъ одной части, и, наконецъ, разрывается всякая связь съ

представленіемъ. Когда мы, напр., рассказываемъ о какомъ нибудь сложномъ происшествіи, о какой нибудь торжественной процессіи, или о какихъ нибудь военныхъ подвигахъ, то въ нашемъ сознаніи могутъ представленія совершенно отсутствовать: мы ихъ замѣняемъ словами. Если бы слово не могло быть въ качествѣ замѣстителя представленія, то наша умственная работа вслѣдствіе вызова представлений происходила-бы очень медленно и была-бы трудна по своей сложности. Эту связь слова съ представленіями, вызвавшими его къ жизни, можно назвать знаменательностью слова. Эта знаменательность идетъ всегда на убыль, и въ концѣ-концовъ слово является только знакомъ представленія, символомъ его. Мы сказали, что слова иногда даже не соответствуютъ и не могутъ вызвать никакого представленія. Это такъ называемыя служебныя слова. Они раздѣляются на двѣ группы. Къ одной относятся тѣ слова, которыя явились въ нашемъ сознаніи помимо дѣятельности ощущеній, но по поводу различныхъ комбинацій между ощущеніями и представленіями. Сочетаніе между собою различныхъ представлений обуславливается связью между предметами въ природѣ. Дѣятельность мысли здѣсь проявляется только въ регистраціи этой связи. Къ этимъ незнаменательнымъ словамъ относятся предлоги и союзы, и выражаются ими ассоціаціи смежности и послѣдовательности. Въ основѣ-же этихъ послѣднихъ ассоціацій лежатъ идеи времени и мѣста, а иногда того и другого вмѣстѣ. Союзъ „и“ можетъ выражать идею смежности, сосѣдства предметовъ въ пространствѣ и идею послѣдовательности дѣйствій во времени. Предлогъ „въ“ можетъ обозначать и время и мѣсто. Другую группу служебныхъ словъ составляютъ мѣстоименія и числительныя. Эти части рѣчи въ противоположность предлогамъ и союзамъ имѣютъ связь съ содержаніемъ представлений. Но отличіе ихъ отъ знаменательныхъ частей заключается въ томъ, что или а) представленіе не отличается ясностью вслѣдствіе неопредѣленности признаковъ, входящихъ въ это представленіе, или-же б) ясность представленія нарочито исключается изъ сознанія съ тѣмъ, чтобы, объединивши всѣ представленія, вмѣстѣ съ тѣмъ считать ихъ раздѣльными. Неясны по самой своей природѣ всѣ тѣ представленія знаками которыхъ служатъ мѣстоименія: ты, онъ, здѣсь, тамъ, вездѣ и т. п. Мѣстоименія отличаются той особенностью, что въ основѣ этихъ словъ нельзя найти того характернаго признака, которымъ опредѣляется содержаніе слова. Поэтому предполагается, что мѣстоименія возникли изъ языка жестовъ. Этимъ объясняется и то свойство мѣстоименій, по которому они нуждаются въ сопутствующемъ представленіи. Безъ этого сопутствующаго представленія мѣстоименіе не имѣетъ смысла: оно непременно съ нимъ ассоці-

ируется. На этомъ основаніи мѣстоименіе нельзя считать замѣстителемъ представленія. Въ именахъ числительныхъ исключаются всѣ различія между предметами, подлежащими объединенію. Безъ этого условія невозможенъ счетъ, потому-что считать можно только такіе предметы, которые въ сознаніи представляются однородными. Для того, чтобы сосчитать количество фруктовыхъ деревьевъ въ саду, надо отрѣшиться отъ различій между грушами, яблонями, вишнями и т. п. Мы сказали, что по своему содержанію слово больше представленія. И, дѣйствительно, яркостью и полнотою отличается только представленіе объ единичномъ предметѣ или дѣйствіи. Общее представленіе и понятіе блѣднѣе, потому что изъ нихъ исключаются индивидуальныя признаки. Слово-же приложимо къ всякому представленію, будетъ-ли то единичное или общее. Словомъ собака мы можемъ обозначать вообще то животное, которое носитъ это названіе, или ту собаку, эту собаку, какъ отдѣльныхъ индивидовъ.

Слово придаетъ яркость представленію. Мы видѣли, что чѣмъ отвлеченнѣе понятіе, тѣмъ оно смутнѣе въ нашемъ сознаніи, и эта смутность понятія устраняется при посредствѣ слова. Нѣкоторыя представленія и понятія, замѣняющія названія качествъ на примѣръ: бѣлизна, глубина, пестрота, хотя и представимы, но непременно съ какимъ-нибудь предметомъ, носителемъ этого качества. Бѣлизну мы можемъ представить не иначе, какъ совмѣстно съ цвѣтомъ бумаги, стѣны, пестроту вмѣстѣ съ матеріей, глубину совмѣстно съ колодеземъ или рвомъ и т. п. При этомъ въ полѣ нашего сознанія ярче всего выступаетъ самый предметъ, носитель этого качества, а самое качество выступаетъ только какъ признакъ, какъ придатокъ предмета. То же самое надо сказать и объ отглагольныхъ существительныхъ: ходьба, гулянье, чтеніе и т. п. Между тѣмъ слова гулянье, чтеніе, пѣніе, краснота, теплота, опредмечивая эти качества, замѣняютъ блѣдныя представленія.

Слово по своему содержанію больше представленія еще и потому, что оно заключаетъ въ себѣ побочное значеніе. Мы видѣли, что познавательные процессы находятся въ связи съ эмоціональными и волевыми. Такъ какъ слово есть актъ познавательной дѣятельности, то его значеніе окрашивается и соотвѣтственно тому видоизмѣняется подъ вліяніемъ чувства и воли. Мы также изъ предыдущаго знаемъ, что чувство-эмоція, сопутствуя умственнымъ процессамъ вмѣстѣ съ тѣмъ является цѣнителемъ этихъ актовъ, внося въ нихъ свою критику. И, дѣйствительно, въ словахъ домикъ, домичекъ, домина, домище легко замѣтить въ одномъ случаѣ отглагольное нѣжнаго отношенія, въ другомъ—удивленія и въ третьемъ пренебреженія. Въ словахъ очи, чело, супруга, мужъ (vir), стражъ

къ ихъ основному значенію примѣшивается элементъ возвышеннаго, важнаго отношенія къ этимъ предметамъ. Побочное значеніе слова съ элементомъ эмоціи составляетъ особенность не однихъ только уменьшительныхъ, ласкательныхъ и уничижительныхъ именъ какъ существительныхъ, такъ и прилагательныхъ (маленькій, сладенькій, красненькій), хотя въ нихъ сильнѣе всего проявляется этотъ оттѣнокъ но также и всѣхъ другихъ знаменательныхъ частей рѣчи. Въ словахъ книга, перо, рука, птица отражается элементъ спокойнаго, уравновѣшеннаго отношенія къ этимъ представленіямъ, и это уравновѣшенное и спокойное отношеніе является результатомъ гармоніи душевныхъ проявленій; значить, и здѣсь сказывается вліяніе чувства. Дѣятельность волевыхъ процессовъ видоизмѣняетъ значеніе глаголовъ. Сильнѣе всего желаніе, просьба, повелѣніе, приказаніе замѣтны въ наклоненіяхъ повелительномъ, сослагательномъ и неопредѣленномъ. Различіе между изъявительнымъ наклоненіемъ и другими состоитъ въ томъ, что волевой процессъ связывается не съ говорящимъ лицомъ, а съ предметомъ дѣйствія, съ подлежащимъ. Въ предложеніи: „наступила осень“ выражается проявленіе воли подлежащаго „осень“.

§ 26. ЗНАЧЕНІЯ СЛОВА, СВЯЗАННЫЯ СЪ ЕГО ЗНАМЕНАТЕЛЬНОСТЬЮ.

Во внутренней сторонѣ слова, въ его значеніи различаются три стороны: грамматическая, этимологическая и лексическая. Грамматическая сторона придаетъ слову самое общее значеніе, подводя его подъ категорію (разрядъ) самыхъ общихъ понятій, которыя въ грамматикѣ называются частями рѣчи. Происхожденіе категорій частей рѣчи является результатомъ обобщающей дѣятельности мышленія, выражающейся, какъ мы видѣли, въ устраненіи, или вычитаніи признаковъ изъ понятій. Этимологическая сторона находится въ прямой зависимости отъ жизни слова, отъ его исторіи, вслѣдствіе чего видоизмѣняются признаки слова, какъ знака понятія, и слова принимаютъ новое значеніе. Психическая природа этого явленія стоитъ въ связи съ измѣнчивостью и непостоянствомъ понятій. Лексическую сторону слова составляетъ его ближайшее значеніе то, которое приводится, обыкновенно, въ словаряхъ. Оно тѣсно связывается съ количествомъ признаковъ, входящихъ въ составъ понятія.

§ 27. ГРАММАТИЧЕСКОЕ ЗНАЧЕНІЕ СЛОВА.

Выясненіе психологической природы слова показываетъ, что сначала образовалось въ немъ лексическое значеніе и потомъ уже

остальные, и поэтому естественнѣе всего начать изученіе природы значенія съ этой именно стороны, но такъ какъ лексическая сторона опредѣляется ярче и яснѣе отъ его грамматическаго и этимологическаго значеній, то мы будемъ разсматривать внутреннюю природу слова въ обратномъ порядкѣ. Грамматическая сторона слова, какъ мы видѣли, указываетъ общее значеніе слова, подводя слова подъ тотъ или другой разрядъ частей рѣчи путемъ флексій. Но это подведеніе слова подъ общій грамматическій разрядъ есть конечная степень грамматическаго значенія. Въ словѣ могутъ быть и болѣе узкія грамматическія значенія. Въ существительныхъ, прилагательныхъ, причастіяхъ, мѣстоименіяхъ при посредствѣ тѣхъ-же флексій, которыя опредѣляютъ слово, какъ извѣстную часть рѣчи, уясняется категория рода, числа, падежа. Въ глаголахъ флексіями же указывается, кромѣ числа, рода, время, залогъ, видъ, наклоненіе. Своей отличительной флексіи не имѣютъ только предлоги и союзы. Грамматическая природа слова отличается тѣмъ, что она протекаетъ за порогомъ сознанія, въ бессознательной сферѣ мысли. Сознательною она бываетъ только при грамматическомъ разборѣ, когда слово напримѣръ, „перо“ мы опредѣляемъ, какъ имя существительное средняго рода, единственнаго числа, а слово „писать“, какъ глаголъ дѣйствительнаго залога, неопредѣленнаго наклоненія несовершеннаго вида. И еще сильнѣе сознательность грамматическаго значенія выступаетъ при обученіи иностранному языку. Не зная лексическаго значенія иностраннаго слова, а имѣя понятіе о грамматическихъ флексіяхъ, объ окончаніи и о членѣ (мѣстоименіи), какъ отличительномъ признакѣ существительнаго, мы опредѣляемъ тѣмъ самымъ грамматическую природу слова. Слова *der Mensch, das Kind, der Bauer, die Frau, le pere la fils, le tonnerre, le fracas* для насъ ясны только со стороны грамматическаго значенія. Мы знаемъ, что все это существительныя и того рода, на который указываетъ стоящій передъ ними членъ. О латинскихъ словахъ *ursus, ager, vir, mensa, vacca, mors, lacunar, lac, dies*, имѣя въ виду ихъ флексій (окончанія), также мы можемъ съ увѣренностью сказать, что все это именительные падежи единственнаго числа именъ существительныхъ того рода, который указывается окончаніемъ. Черезъ посредство флексій мы опредѣляемъ съ такой же увѣренностью грамматическое значеніе и другихъ частей рѣчи: глаголовъ, именъ прилагательныхъ, нарѣчій и т. п. Такимъ образомъ, внѣшнимъ признакомъ грамматической категоріи является наличность въ словахъ флексій, а при существительныхъ еще и члена. Но этотъ признакъ имѣетъ существенное значеніе только для флективныхъ языковъ: греческаго, латинскаго, славянскаго, русскаго, нѣмецкаго. Въ языкахъ, утрачивающихъ флексіи, какъ

французскій, или утратившихъ, какъ англійскій, признакъ этотъ ненадеженъ. Въ указанныхъ языкахъ надежныя окончанія утратились, и значеніе падежа опредѣляется стоящимъ при имени предлогомъ. Въ англійскомъ языкѣ утрачено даже и внѣшнее различіе между частями, такъ что одна и та же звуковая форма слова можетъ быть и существительнымъ, и прилагательнымъ и глаголомъ, и нарѣчіемъ. Англійское like значитъ и любить и любовь, и похожій, и очень. Въ языкахъ аналитическаго строенія, т.-е. нефлексивныхъ грамматическое значеніе слова узнается не посредствомъ морфологін, а синтаксиса ¹⁾. О принадлежности слова къ той или другой грамматической категоріи мы судимъ по тому мѣсту, какое занимаетъ слово въ предложеніи. Мы знаемъ, что въ большинствѣ индо-европейскихъ языковъ, а въ особенности въ древнихъ, первое мѣсто въ предложеніи занимаетъ подлежащимъ и членами къ нему относящимися, а послѣднее сказуемымъ; короче, значеніе одного слова находится въ связи и зависимости его съ другими словами, какъ членами предложенія.

§ 28. ПЕРЕХОДЪ СЛОВЪ ИЗЪ ОДНОЙ ГРАММАТИЧЕСКОЙ КАТЕГОРИИ ВЪ ДРУГУЮ.

Во всѣхъ вымершихъ и живыхъ индо-европейскихъ языкахъ замѣчается неустойчивость грамматической категоріи, вслѣдствіе которой слово опредѣленной грамматической категоріи можетъ легко перейти въ другую категорію: имя существительное можетъ имѣть значеніе прилагательнаго и, наоборотъ, глагольная форма можетъ сдѣлаться именною, предлогъ—именемъ, союзъ—мѣстоименіемъ и т. п. Такія русскія существительныя, какъ портной, становой, городской, столовая, передняя, обѣдня, заутреня указываютъ своими окончаніями на тожество ихъ съ именами прилагательными. Славянскія нечленныя прилагательныя такъ-же, какъ и русскія усѣченныя: *кыськы, добръ, крѣпъкы, силны, богаты, велико, мало, злато* по своей формѣ ничѣмъ не отличаются отъ именъ существительныхъ. А въ славянскомъ языкѣ, какъ и въ народномъ русскомъ эти прилагательныя и склоняются по образцу существительныхъ. Существительныя *знать, напасть, стать, течь, печь* ничѣмъ не отличаются по своему морфологическому строенію отъ неопредѣленнаго склоненія. Въ нѣмецкомъ языкѣ глаголѣ неопредѣленнаго склоненія, если передъ нимъ поставленъ членъ „*das*“, по своему значенію дѣлается именемъ существительнымъ: *das Lesen*—чтеніе, *das Wissen*—знаніе, *das Sterben*—умираніе. Предлоги между, кромѣ,

¹⁾ Тотъ же синтаксическій принципъ одинаково примѣнимъ и къ флексивнымъ (синтетическимъ) языкамъ.

около, вблизи своими конечными звуками и предлогами стоящими передъ ними (въ близи, о коло), ясно указываютъ на то, что они образовались изъ именъ существительныхъ. Въ свою очередь, существительное подъ (печной подъ) по своему звуковому строенію и по лексическому значенію не отличимо отъ предлога „подъ“. Мѣстоименіе „самъ“ въ народной рѣчи является съ значеніемъ существительнаго, хозяинъ. Польское существительное *pan* (господинъ) перешло въ категорію мѣстоименія второго лица „вы“.

Мы уже сказали, что переходъ словъ изъ одной грамматической категоріи въ другую обычное явленіе въ индо-европейскихъ языкахъ. Подтвердимъ это примѣрами: Малые люди придоша въ землю глубокую по-русски надо перевести такъ: мало людей пришло внутрь страны; латинское *seri hostes urbem intraverunt* значить враги поздно вторглись въ городъ, гдѣ *seri* имя прилагательное, согласованное съ *homines*; *in medios hostes irrumpere*—ворваться въ средину неприятеля; *medios* винит. пад. множ. числа согласованъ съ *hostes*. По-гречески *τῆν ταχίστην*—значить ближайшимъ путемъ (слово *ὁδός* путь пропущено), прилагательное *ὁ καλός*—красавецъ, *ἡ καλή*—красавица; неопредѣленные наклоненія *τὸ ἀποθνήσκειν*—умираніе, *τὸ ἀποθανεῖν*—смерть; нарѣчія *ὁ πῆλας*—ближайшій (въ смыслѣ существительнаго); *οἱ ὄντες*—нынѣшніе (современники); *εὐδον πανούχους*—спали всю ночь и т. п. Такое же смѣшеніе замѣчается и въ категоріи рода. Возница, судья, воевода, старо-сл. братиа, господа по своему окончанію женскаго рода, а по значенію мужскаго; нѣмецкія *das Mädchen*—дѣвушка, *das Weib*—женщина—по значенію существительныя женскаго рода, а грамматически—средняго. Изъ послѣднихъ примѣровъ мы видимъ, что родъ именъ существительныхъ въ различныхъ языкахъ не совпадаетъ: одно и то же понятіе въ одномъ языкѣ обозначается однимъ родомъ, а въ другомъ—другимъ. Нѣтъ этого совпаденія между родомъ одного и того же слова относительно разныхъ эпохъ языка въ русскомъ: оужина (Слово о плѣку Игоревѣ) и современное ужинъ, началъ (въ выраженіи „отдать кого подъ началъ“) и начало, лouchа и современное лучъ, лиса и лись. Не всегда бываетъ совпаденіе между народной рѣчью и литературной; яблокъ и яблоко, облакъ и облако, конопля и конопель, юноша и въюношъ.

§ 29. ПРОИСХОЖДЕНІЕ ГРАММАТИЧЕСКОЙ КАТЕГОРІИ.

Смѣшеніе грамматическихъ категорій, наблюдаемое въ живыхъ и вымершихъ языкахъ, а въ послѣднихъ оно даже болѣе обычное и распространенное явленіе, чѣмъ въ новыхъ, даетъ основаніе предполагать, что въ праязыкѣ не существовало рѣзкаго раз-

личія между частями рѣчи; и возможно, что въ началѣ развитія языка существовали только категоріи вещи и дѣйствія, потому что безъ нихъ трудно допустить образованіе сужденій, или, иначе, грамматическихъ предложеній, исходной точки нашего мышленія. Но и при допущеніи въ праязыкѣ двухъ категорій вещи и дѣйствія нельзя представлять существенной разницы между глаголомъ и существительнымъ. Глаголь отъ имени отличался въ общендо-европейскомъ языкѣ не по своему морфологическому строенію, а по значенію: если въ сужденіи мыслилось время дѣйствія, то слово могло имѣть функцію глагола, а если время исключалось, то это же слово являлось именемъ. Что дѣйствительно въ праязыкѣ не существовало разницы между глаголомъ и именемъ со стороны ихъ строенія, это можно видѣть изъ анализа причастныхъ формъ старославянскаго и литовскаго языковъ, въ которыхъ сохранилось болѣе древнее морфологическое строеніе, и потому болѣе близкихъ къ праязыку. Въ указанныхъ языкахъ причастіе дѣйствительнаго залога (причастіе страдательнаго залога сравнительно позднѣйшее новообразование), настоящаго времени ничѣмъ не отличается отъ третьяго лица множественнаго числа соотвѣтствующаго времени. 3 лицо множественнаго числа отъ глаголовъ *жръѣ*, *плочѣ*, *дѣнѣжѣ*, *знаѣ*, *хвалѣ*, *будетъ жръѣти*, *плочѣти*, *дѣнѣжити*, *знаѣти*, *хвалѣти*, а именительный падежъ причастія женскаго рода *жръѣшти*, *плочѣшти*, *дѣнѣжшти*, *знаѣшти*, *хвалѣшти*. Въ этихъ причастныхъ формахъ „и“ есть родовое окончаніе, ш явилось фонетически изъ смягченія т. передъ слѣдующимъ палатальнымъ (мягкимъ) и. Близость между глагольными формами и именами доказывается еще и тѣмъ, что въ сравнительной степени именъ прилагательныхъ старославянскаго языка имѣется общая флексія съ причастіемъ прошедшаго времени *ѣс*. Обращаясь къ фактамъ сказуемости въ старорусскомъ, старославянскомъ и литовскомъ языкахъ, мы замѣчаемъ, что сказуемое въ нихъ выражается, главнымъ образомъ, посредствомъ причастныхъ формъ съ вспомогательнымъ глаголомъ, а въ языкахъ латинскомъ и греческомъ въ этихъ случаяхъ сказуемое выражается формой имени и вспомогательнаго глагола. Приведемъ нѣкоторые примѣры изъ старорусскаго языка: *соуть же грѣшн хытро сказующе*—греки искусно рассказываютъ, *мнѣлаха доухъ видѣти*—думали, что видѣли духа; и не бысть, кто помнѣлахъ ихъ—и не было, кто бы пожалѣлъ ихъ; и не вѣдати ко са кто творѣше—не знаютъ, что они дѣлають. И чѣмъ далѣе углубляемся въ старину языка, тѣмъ замѣчаемъ большее количество сказуемыхъ, выраженныхъ причастными формами. Объ отсутствіи морфологическаго различія между глаголомъ и именемъ можно судить еще и потому, что по своему строенію именныя и глагольныя основы, каковыми считаются формы звательнаго падежа и повелительнаго наклоненія

ед. числа въ древнихъ индо-европейскихъ языкахъ имѣютъ одинаковый конечный гласный „е“.

При одинаковости грамматической формы для имени и глагола могла ли рѣчь соответствовать своему назначенію, т.-е. отличаться ясностью и точностью? Въ ту отдаленную отъ насъ эпоху, когда вырабатывался языкъ, первобытный человѣкъ находился въ совершенно другихъ культурныхъ условіяхъ жизни, чѣмъ теперь. Языкъ появился не вслѣдствіе стремленія познать внѣшній міръ, не изъ научной любознательности, а по практической необходимости. Языкъ началъ создаваться, когда создавалось общество, и дѣятельность общества или рода опредѣлялась потребностями защиты отъ различныхъ неблагопріятныхъ условій, нарушающихъ теченіе жизни. Въ виду этого люди соединялись въ общество для совмѣстной работы, которая во много разъ продуктивнѣе, чѣмъ работа отдѣльныхъ единицъ. Поэтому люди сообща строили себѣ хижины, сообща создавали укрѣпленія, сообща защищались отъ дикихъ звѣрей, сообща производили и охоту на нихъ. Языкъ, такимъ образомъ, создавался, приспособляясь къ утилитарнымъ потребностямъ общественной дѣятельности. Кромѣ того, мысли выражались не только посредствомъ слова, но жестовъ и мимики.

Отсюда видно также и то, что въ языкѣ первобытнаго человѣка при несложности и простотѣ работъ число корней словъ было незначительно. Максъ Мюллеръ ихъ насчитываетъ всего только 21. Во время работы корни копай, плети, неси, дроби могли обозначать названіе дѣйствія—глаголь, а въ отсутствіи работы означали, смотря по условіямъ рѣчи, имя дѣйствователя, имя орудія, произведенія, мѣста, времени. Словомъ „копай“ могло обозначаться лицо, специализировавшееся въ этой работѣ; каменная или деревянная лопата, которой разрыхлялась земля; яма, какъ результатъ работы; названіе мѣста и времени, гдѣ производилось копаніе. Понятно, что съ развитіемъ культурныхъ условій жизни, выражающихся въ большей сложности работы, языкъ отставалъ отъ жизни, дѣлался недостаточнымъ для сообщенія мыслей. Дальнѣйшимъ шагомъ въ его развитіи является образованіе мѣстоименія. Указательные жесты, которыми сопровождалась рѣчь или, вѣрнѣе, наоборотъ, послужили поводомъ для образованія категоріи мѣстоименія, оно и стало присоединяться къ корню—слову. Мѣстоименіе 1 и 2 лица стало обозначать въ соединеніи съ корнемъ глаголь, а 3 лица „тъ“—имя и вмѣстѣ глаголь: копай тъ стало значить онъ копаешь, и копатель. Значить первой грамматической категоріей по времени ея происхожденія нужно признать мѣстоименіе; а оно же вмѣстѣ съ тъмъ дало смутную идею морфологическаго различія между глаголомъ и именемъ. Дальнѣйшей дифференціаціей

между глаголомъ и именемъ послужило чередованіе въ корнѣ двухъ гласныхъ „е“ и „о“. Первый гласный звукъ сдѣлался отличительнымъ признакомъ глагола, а второй имени. Примѣры: беру (со) боръ; везу—возъ; несу—ноша; реку, (про)рокъ; теку—истокъ; плету—плотъ; бреду—бродъ и т. п. Далѣе въ языкѣ происходитъ потеря знаменательности глагола „есмь“¹⁾, а вслѣдствіе этого въ немъ развивается способность сочетаться съ разнообразными глаголами; этотъ вспомогательный глаголъ дѣлается своего рода глагольнымъ мѣстоименіемъ для выраженія идеи времени. Присоединяясь въ своихъ различныхъ формахъ къ корню слова, онъ образуетъ систему спряженія. Сравни въ латинскомъ языкѣ: eram—rogav—eram, ero—tex—ero и т. п.

§ 30. ДИФФЕРЕНЦІАЦІЯ ЧАСТЕЙ РѢЧИ.

Изъ предшествующаго § легко видѣть, что первоначально имя и глаголъ не различались, и что это различіе между глаголомъ и именемъ явилось результатомъ развитія въ первобытномъ языкѣ мѣстоименія. Анализъ спряженія индо-европейскихъ языковъ указываетъ на то, что спряженіе образовалось изъ присоединенія къ основѣ личныхъ мѣстоименій 1 и 2 лицъ и указательнаго „тъ“ для 3 лица. Изъ предыдущаго § мы замѣтили родство между именемъ и глаголомъ въ языкѣ первобытнаго человѣка. Глаголъ въ своей личной формѣ могъ быть не только сказуемымъ предложенія, но и подлежащимъ, а въ самомъ началѣ образованія языка онъ обозначалъ цѣлое предложеніе, и въ каждомъ словѣ чувствовались не только его сказуемость, или предикативность, но и субстантивность, существительность. Пока существовало равновѣсіе между субстантивностью и предикативностью одного и того же слова, до тѣхъ поръ не было нужды въ частяхъ рѣчи. Нарушеніе этого равновѣсія и повело за собою образованіе существительнаго и глагола. Если большее значеніе придавалось предикативности, т.-е. обращалось вниманіе на время и лицо дѣйствія, то получался глаголъ; если же мысль сосредоточивалась на дѣятелѣ, производящемъ дѣйствіе, то—имя существительное. Изъ именъ существительныхъ въ языкѣ прежде всего появились названія дѣятелей—*nomina agentis* въ родѣ такихъ словъ, какъ: земледѣлецъ, пастухъ, скотоводъ и т. п. Что въ языкѣ прежде всего возникли имена дѣятелей, это можно прослѣдить даже на анализѣ словъ современнаго языка.

1) Что этотъ глаголъ имѣлъ ранѣе конкретное значеніе, это видно изъ того, что въ русскомъ и славянскомъ языкѣ есть слово быліе, былье—трава.

Возьмемъ такія сложные слова: звѣроловъ, скороходъ, водовозъ і другія. Всѣ эти слова не только въ ихъ прежнемъ употребленіи, но и въ современномъ означаютъ имена дѣйствующихъ лицъ; но отдѣльно взятые вторые члены сложенія ловъ, возъ, ходъ въ настоящее время не обозначаютъ названій дѣйствующихъ лицъ; ловъ значитъ наловленное, добыча—*nomen acti*; слово ходъ означаетъ *nomen instrumenti* (здѣсь нѣтъ ходу); возъ обозначаетъ *nomen acti*, то что везутъ—везомое. Но слова скороходъ, звѣроловъ, водовозъ и т. п. обозначаютъ имена дѣятелей, очевидно, потому что въ прежнее время вторые члены этихъ словъ обозначали также названія дѣйствующихъ лицъ, утерянныя въ современномъ языкѣ. Затѣмъ современные слова, употребительныя теперь только въ одномъ какомъ-либо разрядѣ, въ древне-русскомъ языкѣ обозначали имена дѣйствующихъ лицъ. Такъ, въ современномъ языкѣ слово разбой обозначаетъ *nomen actionis* (имя дѣйствія), въ томъ же разрядѣ находятся слова громъ, скокъ, толкъ и т. п. Но въ древнерусскомъ языкѣ всѣ эти слова обозначали имена дѣйствующихъ лицъ. Разбой значитъ разбойникъ (*дѣла разбоя ксте*); громъ въ сказкѣ называется царемъ-громомъ, убивающимъ людей; скокъ—верховая лошадь; тлѣкъ—переводчикъ. Обиліе въ праязыкѣ именъ, обозначающихъ дѣятелей (*nominum agentis*) объясняется прежде всего тѣмъ, что существительныя образовались или черезъ прибавленіе къ корню указательнаго мѣстоименія ть, которое уже само по себѣ есть названіе дѣйствующаго лица; или же отъ причастій дѣйствительнаго залога, каковыя тоже обозначаютъ имена дѣйствующихъ лицъ. Образованію этого разряда существительныхъ содѣйствовало и то, что мышленіе первобытнаго человѣка отличалось анимистическимъ характеромъ въ большей степени, чѣмъ теперь; онъ поэтому всю природу одухотворялъ и очеловѣчивалъ. Благодаря этому одухотворенію и очеловѣченію явленій природы, всѣ предметы природы ему представлялись болѣе ясными и конкретными и съ большимъ количествомъ признаковъ.

Изъ имени существительнаго въ послѣдствіи выдѣляется имя прилагательное. Этотъ процессъ образованія прилагательнаго должно представлять процессомъ продолжительнымъ. Ему предшествовалъ процессъ такъ называемаго атрибутивнаго употребленія существительнаго при другомъ существительномъ въ качествѣ опредѣленія. Сюда нужно отнести всѣ тѣ приложенія, которыя можно замѣнить прилагательными въ качествѣ опредѣленій. Приведемъ примѣры изъ стараго и современнаго языковъ: вода холодица, травица мокрица, подводы усталъ, села купля, помѣстье жалованье, дубъ столъ, книга новое письмо и т. п. Въ современномъ языкѣ, въ особенности литературномъ, число существительнымъ съ атрибутивнымъ

употребленіемъ существительныхъ гораздо меньше. Можемъ привести слѣдующіе примѣры: люди дрянъ, бой дѣвка, капризь баба, пададь курица, мука залежь, товаръ заваль, несчастье замужество (несчастное замужество) и т. п. Затѣмъ, такіа существительныя, какъ храбрець, удалецъ, молодець могли образоваться только отъ существительныхъ же, потому что тѣ предполагаемыя слова, отъ которыхъ произошли указанные существительныя и признаваемыя въ современномъ языкѣ прилагательными: храбръ, удалъ, молодъ въ прежнемъ языкѣ считались существительными. И дѣйствительно слово „храбръ“, по произношенію древнерусскаго лѣтописца „храборъ“, означаетъ богатырь. Храборомъ въ лѣтописи названъ Алеша Поповичъ; авторъ житія свв. братьевъ Кирилла и Меодія назывался черноризцемъ Храборомъ. Въ языкѣ народныхъ пѣсень встрѣчаются имена существительныя, не употребительныя въ современной ихъ звуковой формѣ бѣль и чернь („что не бѣль забѣлѣлася, что не чернь зачернѣлася“). Эти неупотребительныя существительныя, дошедшія и до настоящаго времени въ качествѣ существительныхъ, еще болѣе утверждаютъ насъ въ томъ, что въ праязыкѣ имена прилагательныя вторичнаго происхожденія. Наблюденіе надъ употребленіемъ именъ прилагательныхъ въ старорусскомъ языкѣ указываетъ на то, что въ языкѣ преобладаютъ прилагательныя относительныя и притяжательныя надъ прилагательными качественными, и что прилагательныхъ относительныхъ было гораздо больше, чѣмъ теперь. Въ настоящее время такіе обороты, какъ: въ мое Иваново мѣсто, полевая распахка (распахка поля), приказное сидѣнье (сидѣнье въ приказахъ), лавочная татьба (кража изъ лавки) кѣнижное ученье (ученье грамотѣ) или водная жажда (жажда воды), смертная память (память о смерти), стрѣльная рана (рана отъ стрѣлы), почитаніе книжное (чтеніе книгъ)—или невозможны, или возможны, но съ другимъ смысломъ. Въ древнерусскомъ языкѣ такіе обороты предпочтительнѣе оборотовъ съ двумя существительными, потому что эти прилагательныя еще не потеряли своей субстанціональности (существительности); если можно такъ выразиться, они сдѣлали только одинъ шагъ на пути къ потерѣ своей существительности—приняли только окончаніе именъ прилагательныхъ. Эти прилагательныя похожи на такіа же прилагательныя, каковыя служатъ для обозначенія фамилій, и которыя съ большимъ основаніемъ можно считать за существительныя, чѣмъ за прилагательныя: Петровъ, Ивановъ, Коровинъ и т. п. Даже названія качествъ и признаковъ въ древнерусскомъ и старославянскомъ языкахъ вслѣдствіе склонности малокультурнаго человѣка къ конкретному мышленію и вмѣстѣ вслѣдствіе стремленія понимать анимистически, человѣкообразно всѣ явленія природы, и тѣ употреби-

тельны въ формѣ именъ существительныхъ. Качества, взятые во всей ихъ суммѣ, связанныя между собою, по возрѣнію прежнихъ книжниковъ, напр., Иоанна, экзарха Болгарскаго, составляли душу предмета: такимъ образомъ, свѣтъ и теплота—душа солнца; влажность и сухость—душа земли и т. п.

Видоизмѣненію именъ существительныхъ въ прилагательное могла способствовать неопредѣленность субстанціи, предмета, обозначаемого существительнымъ. Возьмемъ такіе примѣры, какъ постное, скоромное, яровое, рыбное, озимое. Указанныя слова могутъ быть относимы въ качества опредѣленій къ цѣлому ряду предметовъ, и представленіе, возбуждаемое ими менѣе конкретно, чѣмъ, напр., отъ прилагательныхъ, приведенныхъ нами выше: водная жажда, смертная память, стрѣльная рана и т. п. Съ другой стороны, имѣются и такія существительныя („бѣль“, „чернь“, „высь“), которыя очень бѣдны содержаніемъ, и у которыхъ поэтому конкретность мнимая. Вотъ эти-то существительныя съ неопредѣленной субстанціональностью и мнимой конкретностью и могли прежде всего оторваться отъ имени существительнаго и послужить началомъ для именъ прилагательныхъ. Наблюденіе надъ древнерусскимъ языкомъ указываетъ на распространенность относительныхъ и притяжательныхъ прилагательныхъ надъ качественными. То же наблюденіе даетъ возможность судить и о характерѣ вообще прилагательнаго въ періодъ образованія этой части рѣчи, а именно, что имена прилагательныя въ періодъ своего происхожденія принадлежали къ разряду относительныхъ прилагательныхъ. Такимъ образомъ, слово просторъ обозначало и пространство, и просторный; „плахъ“—и страхъ, и робкій; „ажикъ“—и кривой, и лукъ (самострѣлъ); „старъ“—старецъ и стоячій (о деревѣ въ сербскомъ языкѣ). Изъ относительныхъ прилагательныхъ въ послѣдствіи стали выдѣляться и имена качественныя.

Въ приведенныхъ примѣрахъ „люди дрянъ“, „товаръ заваль“, „помѣстья жалованье“ шла рѣчь объ атрибутивномъ употребленіи существительныхъ при подлежащемъ; но и при сказуемомъ въ старославянскомъ и древнерусскомъ языкахъ могли стоять свои атрибуты и отвѣчать на вопросъ какой, но только при знаменательныхъ, но не служебныхъ сказуемыхъ въ родѣ быть, стать, казаться, дѣлаться и т. п. Въ качествахъ атрибута стоять или имя прилагательное, или причастіе, изъ которыхъ въ послѣдствіи образуется или нарѣчіе, или дѣепричастіе. Приведемъ примѣры: сидиль еси правъ—судилъ справедливо; видѣ ныи стоять празди на тръзници—стоятъ праздно на базарѣ, оукохъ новѣже Олегъ—Олегъ, испугавшись, побѣжалъ; граждани же слышавше се и созвоиши кѣхъ граждане, услышавъ это, созвоили вѣче“ и т. п. Въмѣсто прилагательнаго изъ атри-

бута при сказуемомъ образуется нарѣчіе вслѣдствіе того, что это прилагательное или причастіе, сначала тяготѣя въ равной мѣрѣ и къ подлежащему и сказуемому, потомъ начинаетъ тяготѣть исключительно къ сказуемому и такимъ образомъ теряетъ тѣ признаки, которыми оно отличалось, какъ прилагательное-опредѣленіе, и вмѣсто признака предмета такой атрибутъ начинаетъ обозначать признакъ дѣйствія. Въ предложеніи „сѣднѣ еси правъ“—правъ относилось одинаково и къ подлежащему ты и къ сказуемому судилъ, но такъ какъ „правъ“ есть вмѣстѣ и признакъ дѣйствія „судилъ“, то это „правъ“ болѣе тяготѣетъ къ сказуемому и, окончательно разорвавши связь съ подлежащимъ, дѣлается нарѣчіемъ „справедливо“. Что сказано объ образованіи нарѣчій изъ прилагательнаго, то же надо сказать и объ образованіи дѣепричастія изъ причастія съ тѣмъ только дополненіемъ, что дѣепричастныя формы развились въ языкѣ уже въ историческое время около XIII—XIV столѣтій. Изъ именъ существительныхъ, обозначающихъ пространство, образовалась часть предлоговъ. Предлоги могли образоваться только при косвенныхъ падежахъ именъ существительныхъ; стало-быть, отсюда исключаются падежи именительный и звательный. Предлоги въ языкѣ появились вслѣдствіе обилія падежей. Въ языкахъ старославянскомъ, латинскомъ, греческомъ, литовскомъ насчитывается большее количество падежей, чѣмъ принято въ грамматикахъ: такъ, родительный подраздѣляется на родительный аблятивный—удаленія и родительный паритивный—раздѣлительный. Въ творительномъ различаются творительный соціативный, творительный причины, орудія, превращенія и т. п. Но по своимъ флексіямъ эти падежи не различались: всѣ родительные имѣли свое одно окончаніе и всѣ творительные тоже свое. Языкъ, такимъ образомъ, для различенія этихъ разныхъ функций въ падежахъ частію создалъ предлоги, а частію развилъ ихъ изъ именъ существительныхъ. Для удаленія при родительномъ аблятивномъ въ русскомъ языкѣ присоединяется къ существительному предлогъ отъ, для выраженія раздѣлительности „изъ“, при творительномъ соціативномъ употребляется „съ“ и т. п. Предлогами, образовавшимися изъ именъ существительныхъ, являются слѣдующіе: кромѣ, между (русс. межю), около, вмѣсто и др. Приведемъ примѣры, въ которыхъ указанные слова еще не имѣютъ характера предлоговъ: И рече Святославъ, кромѣзря—и сказалъ Святославъ, смотря въ сторону (кромѣ не предлогъ, а существительное); въ мое Иваново мѣсто—вмѣсто меня Ивана; въ рыбы мѣсто,—вмѣсто рыбы—гдѣ мѣсто также не чувствуется предлогомъ. Необходимымъ условіемъ образованія предлога изъ имени существительнаго является потеря послѣднимъ своей знаменательности, такъ называемый субстантивности.

Процессъ образованія грамматическихъ категорій, вызванный первоначально маловажными причинами, является затѣмъ важнымъ средствомъ для познанія. Все знаніе, получаемое нами о внѣшнемъ мірѣ и самихъ себѣ, группируясь по опредѣленной системѣ, выработанной языкомъ, укладывается въ душѣ какъ бы въ своего рода отдѣленія, разъединяется, и, благодаря этому, мы можемъ изъ хаоса разнообразныхъ впечатлѣній, даваемыхъ намъ ощущеніями, распредѣлять все по одному стройному плану и все это легко вызывать изъ безсознательной сферы въ область сознанія.

§ 31. ФИКТИВНОСТЬ ВЪ ГРАММАТИЧЕСКИХЪ РАЗРЯДАХЪ.

Существеннымъ признакомъ грамматической категоріи является двойственность ея опредѣленія: существительное отвѣчаетъ на вопросъ *кто, что* и обозначаетъ *названіе предмета*; прилагательное опредѣляется вопросомъ *какой, чей* и обозначаетъ *качество предмета* и т. д. Изъ этого опредѣленія частей рѣчи мы можемъ усмотрѣть, что существо каждой части рѣчи опредѣляется съ двухъ точекъ зрѣнія: грамматической и логической. Что имя существительное отвѣчаетъ на вопросъ *кто и что*, нарѣчіе—на вопросъ *какъ, гдѣ, когда* и т. п.—это точка зрѣнія—грамматическая (синтаксическая); что глаголъ обозначаетъ дѣйствіе или состояніе предмета, а нарѣчіе—качество дѣйствія, это—точка логическая. Во многихъ случаяхъ логическая и грамматическая точки зрѣнія совпадаютъ. Рука, камень, старый, гнилой, лисій, читать, носить, здѣсь, вчернѣ и т. п. слова могутъ быть подведены подъ опредѣленную грамматическую категорію на основаніи обѣихъ точекъ зрѣнія: и грамматической и логической. Но есть много и такихъ словъ, которые не могутъ быть подведены съ такой же безусловностью подъ тотъ или другой грамматическій разрядъ. Возьмемъ слова *ширина, бѣлизна, пѣніе, забота, портной, становой* и другія, и мы замѣтимъ, что къ приведеннымъ словамъ примѣнима только одна какая-либо точка зрѣнія. *Ширина* отвѣчаетъ на вопросъ *что*, но это не предметъ, а качество, связанное съ какимъ-нибудь предметомъ; слова *часовой, портной*, хотя и отвѣчаютъ на вопросъ *кто*, но по своему окончанію и склоненію они принадлежатъ къ именамъ прилагательнымъ. Грамматическая точка зрѣнія къ этимъ словамъ, хотя и приложима, но не вполне: къ разряду существительныхъ они относятся на основаніи логическаго принципа. Вышеприведенныя слова при всякомъ ихъ положеніи въ предложеніи фиктивны, и ихъ фиктивность поэтому не зависитъ отъ сосѣдства какого-либо члена предложенія.

Вышеприведенную фиктивность можно назвать морфологическою, или этимологическою фиктивностью. Но во многих случаях фиктивность слова, члена предложенья, зависит отъ влѣянiя на этотъ членъ другого члена предложенья. Имена существительныя конкретныя, употребляемыя въ качествѣ атрибутовъ, или опредѣлений при другомъ существительномъ, что свойственно именамъ прилагательнымъ, являются фиктивными существительными. Приведемъ примѣры изъ древнерусскаго языка: церковь Спась=Спасская церковь; поновлена бысть церковь Святой Егорей=поновлена святоегорьевская церковь. Синтаксическая фиктивность свойственна всѣмъ частямъ рѣчи. Нарѣчіе можетъ перейти въ предлогъ, мѣстоименіе въ союзъ и т. д. Примѣровъ приводить не будемъ, потому что они извѣстны изъ курса грамматики.

Это явленіе фиктивности, свойственное всѣмъ языкамъ, уже нами отчасти объяснено. Качества предметовъ вслѣдствіе анимистическаго склада мышленія опредмечивались. Процессъ опредмечиванія качествъ совершался по тѣмъ же логическимъ законамъ, по которымъ производилось отождествленіе однородныхъ и разнородныхъ предметовъ. Камни, дома, животныя имѣютъ разную форму, разный цвѣтъ, разную величину, но это нисколько не служитъ препятствіемъ къ наименованію разныхъ породъ камней однимъ словомъ „камень“. Такой же процессъ происходитъ и съ отвлеченіемъ качествъ. Выдѣляются изъ разнородныхъ предметовъ признаки, касающіеся ихъ длины, цвѣта, поверхности, однородные обобщаются, и получаютъ опредмеченныя качества—предметы: бѣлизна, глубина, шероховатость и т. п. Это опредмечиваніе качествъ и дѣйствій и всѣ подобныя этому процессы имѣютъ весьма важное значеніе для расширенія знанія и экономіи мышленія. Сначала о первомъ. Имя прилагательное и глаголъ не могутъ быть подлежащими и, стало-быть, предметами мысли въ виду той тѣсной связи и зависимости ихъ отъ именъ существительныхъ, носителей этихъ качествъ и дѣйствій. Самостоятельнымъ предметомъ мысли они могутъ быть только въ томъ случаѣ, когда они освобождаются отъ этой своей зависимости. Если въ древнихъ языкахъ—греческомъ, латинскомъ и старославянскомъ—имена прилагательныя и встрѣчаются въ качествѣ подлежащихъ и прямыхъ дополненій, то они непремѣнно употребляются во множественномъ числѣ и при томъ въ среднемъ родѣ. А это послѣднее и служитъ показателемъ начальной ступени процесса опредмечиванія качествъ, потому что при множественномъ числѣ прилагательнаго, вслѣдствіе подразумеваемости многихъ субстанцій, могущихъ быть отнесенными къ этимъ качествамъ, въ прилагательномъ яснѣе чувствуется его субстантивность, чѣмъ если бы оно было употреблено въ единствен-

номъ числѣ. Средній родъ въ виду своей неопредѣленности, которая видна изъ сопоставленія однихъ и тѣхъ же существительныхъ разныхъ языковъ, еще болѣе содѣйствуетъ этому опредмечиванію прилагательнаго. Съ развитіемъ языка, находящемся въ зависимости отъ просвѣщенія, это опредмечиваніе качествъ и дѣйствій совершается съ еще болѣею интенсивностью. Предметомъ механики служитъ *движеніе*, физика изучаетъ законы *упругости, непроницаемости, притяженія, энергіи, теплоты* и т. п. Въ новыхъ языкахъ опредмеченныя качества и дѣйствія и по формѣ перестаютъ отличаться отъ существительныхъ конкретныхъ. Опредмечиваніе качествъ и дѣйствій содѣйствуетъ экономіи мышленія. Вмѣсто того, чтобы выдвигать въ сознаніи качество и дѣйствіе нераздѣльно съ ихъ носителями, т.-е. представленіями и понятіями, мы выдвигаемъ только опредмеченныя качества, или, что то же, представленія и понятія, и, такимъ образомъ, наше мышленіе становится болѣе гибкимъ и эластическимъ.

§ 32. ЗНАМЕНАТЕЛЬНЫЯ И СЛУЖЕБНЫЯ ЧАСТИ РѢЧИ.

Изъ § 30 мы замѣтили, что процессъ образованія частей рѣчи, т.-е. перехода словъ изъ одной грамматической категоріи въ другую, продолжаетъ совершаться за все время жизни языка. Такъ въ историческое время въ русскомъ языкѣ появились изъ причастій категорія дѣепричастія, въ современномъ разговорномъ великорусскомъ нарѣчій развивается категорія члена *тъ, та, то*, присоединяемого не только къ именамъ, но и глаголамъ (читать-то книгу некогда, домъ-то высокъ, хорошаго-то въ этомъ мало, въ томъ-то саду деревья высокія и т. п.). Этотъ процессъ образованія грамматическихъ категорій ведетъ за собой другой процессъ дѣленія этихъ категорій на знаменательныя и служебныя части рѣчи. Въ праязыкѣ отдѣльное слово представляло изъ себя вмѣстѣ съ тѣмъ и предложеніе. Слово-предложеніе первобытнаго языка не надо понимать такимъ предложеніемъ, въ которомъ подлежащее и сказуемое мыслились бы совершенно раздѣльно, и которое свойственно позднѣйшему развитію языка. Это слово-предложеніе представляло изъ себя нерасчлененное воспріятіе предмета и его дѣйствія. Такое предложеніе можно сравнить съ безсубъектными и безпредикатными предложеніями новыхъ языковъ. Въ безличномъ предложеніи „гремятъ“ не выдѣлено подлежащее, но имѣется на лицо сказуемое; подлежащее въ немъ, безъ сомнѣнія, есть: оно по-нѣмецки выражается частицею *es*—что-то, нѣчто. Такіе обороты, какъ „гремятъ“,

„стучить“, „смеркается“, послужили началомъ для образованія глагола. Безпредикатныя выраженія „молнія“, „пожаръ“, „воры“, „морозъ“ и т. п.—тоже предложенія, но съ наклономъ мысли въ сторону подлежащаго; въ этихъ предложеніяхъ можно подразумѣвать общее сказуемое въ родѣ есть или какое другое. Но подобныя безпредикатныя предложенія нужно подразумѣвать не съ именными окончаніями, каковыя позднѣйшаго происхожденія, но глагольными (см. § 29). Эти безпредикатныя выраженія повели за собою образованіе имени существительнаго, вслѣдствіе устраненія въ нихъ всякой глагольности.

Имя существительное и глаголь наиболѣе знаменательныя части рѣчи. Имена существительныя отличаются конкретностью, потому что всякій предметъ, за исключеніемъ фиктивныхъ существительныхъ, представимъ со своими признаками и качествами; другими словами, названіе имени существительнаго можетъ вызвать въ насъ представленіе о предметѣ и понятіе о немъ. Такою же знаменательностью отличаются и глаголы. Они тоже конкретны, потому что при нихъ могутъ быть свои признаки—обстоятельства: говорить громко, тихо, шопотомъ, нараспѣвъ; итти медленно, скоро, спотыкаясь, ровнымъ шагомъ и т. п. Въ остальныхъ частяхъ рѣчи знаменательность идетъ на убыль. Качество предмета, выражаемое именемъ прилагательнымъ, представимо, но вмѣстѣ съ представленіемъ самого предмета—носителя этого качества. Отдѣльно взятые прилагательныя глубокій, бѣлый, сильный не представимы безъ какихъ-либо предметовъ: глубокій колодезь, бѣлое полотно, сильный человѣкъ и т. п. То, что сказано о знаменательности прилагательнаго, надо сказать о знаменательности нарѣчія.

Прочія части рѣчи: мѣстоименіе, числительное, союзъ и предлогъ считаются служебными частями рѣчи. Въ мѣстоименіяхъ и мѣстоименныхъ нарѣчіяхъ (тамъ, здѣсь, гдѣ, куда и т. п.) знаменательности еще менѣе, чѣмъ въ прилагательныхъ и нарѣчіяхъ. Для того, чтобы сообщить силу знаменательности мѣстоименіямъ, необходимо ихъ замѣнить именемъ того предмета, который они замѣняютъ въ рѣчи. Въ предложеніи „этотъ садъ тѣнистъ“ вызывается представленіе у говорящаго и слушающаго объ извѣстномъ садѣ сосѣда, знакомаго и т. п.: представленіе о садѣ здѣсь суживается. Въ числительныхъ, предлогахъ и союзахъ замѣчается полное отсутствіе знаменательности; имъ ничто не соотвѣтствуетъ въ природѣ, и потому они являются фикціей нашего мышленія. Но эта фикція необходима. Знаніе о природѣ и человѣкѣ выражается въ образованіи понятій и представленій; но сама природа даетъ намъ только неупорядоченный матеріалъ и притомъ матеріалъ огромный. Этотъ матеріалъ и приводится нами въ систему при помощи этихъ слу-

жебныхъ частей рѣчи. Представленія, понятія и сужденія связываются и объединяются при посредствѣ союзовъ; пространственныя отношенія между предметами обозначаются предлогами; количество ихъ—именами числительными.

Дѣленіе частей рѣчи на знаменательныя и служебныя имѣетъ для себя и психологическое основаніе. Всѣми конкретными представленіями, которыя ярче всего выражаются въ языкѣ существительными и глаголами, завѣдуютъ спеціальныя мозговые центры—слуховой и зрительный, а всѣми абстрактными понятіями, каковыми, главнымъ образомъ, являются служебныя части рѣчи, завѣдуютъ ассоціаціонныя центры головного мозга.

§ 33. СИНТАКСИЧЕСКАЯ СТОРОНА ВЪ СЛОВѢ.

Ту грамматическую сторону слова, о которой шла рѣчь въ предшествующихъ §§, и которая указываетъ намъ общее значеніе слова, можно назвать формальной стороной слова. Но уже и въ этой формальной сторонѣ есть болѣе частныя значенія. Мы узнаемъ не только принадлежность слова къ извѣстной грамматической категоріи, но и величину предмета (ручка, домище, старчище), степень качества (черноватый, умнѣйшій), однократность и многократность дѣйствія (читалъ, хаживалъ) и во всѣхъ измѣняемыхъ частяхъ рѣчи число. Эта сторона окончанія въ словѣ служить переходомъ отъ формальнаго значенія къ матеріальному, вещественному. Еще большую знаменательность получаетъ слово отъ синтаксической стороны, заключающейся не во флексіи только слова, но и во всемъ его звуковомъ составѣ. Эта сторона слова нами такъ же слабо чувствуется и сознается, какъ и въ собственномъ смыслѣ грамматическая, формальная. Синтаксическая сторона слова состоитъ въ способности такого или иного сочетанія слова, какъ члена предложенія, съ другими членами предложенія. Для большаго пониманія синтаксической стороны слова приведемъ примѣры изъ древнерусскаго языка: „Коньчаша церковь пишуще; не прѣста оковыдѣши. Значеніе словъ въ приведенныхъ примѣрахъ извѣстно, но переводъ этихъ предложеній затруднителенъ. Въ самомъ дѣлѣ какой смыслъ получится изъ буквального перевода: „пишущіе кончили церковь“; „цѣлующая не переставала“? Между тѣмъ, знаніе синтаксической стороны словъ даетъ возможность перевести эти фразы съ сохраненіемъ точнаго смысла: „кончили писать церковь; не переставала цѣловать. Знаніе этой синтаксической стороны словъ указываетъ, что въ первомъ примѣрѣ вин. пад. церковь зависитъ не отъ глагола кончати, а отъ глагола пишуще, потому что кон-

чаща пишущее" составное сказуемое и винительнымъ падежомъ можетъ управлять только второй глаголь. Во второмъ примѣрѣ глаголь не прѣста принадлежитъ къ типу такихъ глаголовъ, которые могутъ сочетаться съ причастіями и образовать сказуемое, а поэтому и причастіе въ этомъ примѣрѣ, какъ и въ первомъ, переводится неопредѣленнымъ наклоненіемъ, потому что въ древнерусскомъ языкѣ причастіе въ нѣкоторыхъ случаяхъ замѣняло неопредѣленное наклоненіе.

Отсюда мы видимъ, что синтаксическая сторона слова сводится къ управленію одного слова другимъ. Возможность такого или иного управленія одного слова другимъ зависитъ, какъ мы сказали, не только отъ флексіи слова, но и отъ его лексического значенія. Въ приведенныхъ примѣрахъ глаголы кончаща и прѣста могли быть по своему лексическому значенію въ качествѣ служебныхъ глаголовъ для образованія составного сказуемаго, а въ современномъ языкѣ они уже такой роли не имѣютъ. Значитъ, и синтаксическая сторона слова такъ же, какъ и грамматическая имѣетъ свое развитіе и свою исторію. И дѣйствительно, въ древнерусскомъ языкѣ возможно было такое управленіе словъ: „вси же услышаша гласа его“; позримъ синего Дону; а скажите мнѣ, молодцы, прямого пути ко святому граду Ерусалиму. Въ приведенныхъ примѣрахъ теперешніе дѣйствительные глаголы услышать, посмотреть и сказать требуютъ послѣ себя не винительнаго падежа, а родительнаго. „И вси похвалиша ему“—дат. пад. вмѣсто винит. „его“. Унитъ купимъ хлѣбъ—купимъ на что въ современномъ языкѣ, а въ старомъ чѣмъ. Отлукснъ събориша бѣдѣтъ=будетъ отлученъ отъ собранія, пашни отсталъ=отсталъ отъ пашни. Глаголы сложные съ предлогами въ старорусскомъ языкѣ не требовали вторичнаго употребленія предлога передъ именемъ, какъ это видно изъ только что приведенныхъ примѣровъ. Вслѣдствіе этого синтаксического значенія въ словѣ возможно только такое управленіе словъ: домъ отца (а не домъ отцомъ), работа головой (а не работа голову), отчаяніе въ успѣхѣ (а не отчаяніе успѣхомъ). Въ однихъ случаяхъ, такимъ образомъ, имя или глаголь вслѣдствіе своего лексического значенія требуютъ одной формы, а въ другихъ—другой и т. п. Заслуживаетъ здѣсь особаго упоминанія разсмотрѣніе синтаксической стороны глаголовъ, въ которыхъ эта сторона наиболѣе ярко проявляется. Глаголы по отношенію къ возможности сочетаться съ неопредѣленнымъ наклоненіемъ дѣлятся на два разряда. Одни не допускаютъ сочетанія съ неопредѣленнымъ наклоненіемъ, каковы: читаю, лежу, купаюсь, занимаюсь и т. п. Нельзя сказать занимаюсь писать, или лежу читать. Другой разрядъ глаголовъ допускаетъ сочетаніе неопредѣленнаго наклоненія. И въ этомъ сочетаніи различаются двѣ осо-

бенности. Въ однихъ случаяхъ это наклоненіе указываетъ на то же лицо, которымъ выражено подлежащее сказуемаго. Въ выраженіяхъ хочу ѣсть, стремлюсь путешествовать, любишь читать, старается работать, начинаю сердиться неопредѣленные наклоненія имѣютъ то же лицо, что и стоящія при нихъ сказуемые: хочу ѣсть, хотя это будетъ и не по-русски, можно выразить такъ: я хочу, чтобы я ѣлъ; ты любишь, чтобы ты читалъ. Въ выраженіяхъ же прошу садиться, велишь учиться, заставляетъ работать, приказываю замолчать, уговариваю трудиться неопредѣленное наклоненіе указываетъ на другое лицо: я прошу васъ садиться, я прошу, чтобы вы сядились; онъ, уговариваетъ меня трудиться, онъ уговариваетъ, чтобы я трудился ¹⁾).

§ 34. ЭТИМОЛОГИЧЕСКАЯ СТОРОНА СЛОВА.

Грамматическую форму слова мы опредѣлили, какъ общее значеніе слова. Этимологическую форму, въ противоположность этому, мы опредѣляемъ, какъ частное значеніе слова, ближайшее его содержаніе. Изученіе внѣшней звуковой формы указало намъ на измѣнчивость слова въ его составныхъ элементахъ, звукахъ. Эта измѣнчивость слова въ его значеніи является характерной особенностью смысловой стороны слова, внутренней его формы. Эта измѣняемость внутренней стороны слова не зависитъ отъ его звуковой формы, т.-е. фонетически слово можетъ измѣниться, но остаться съ тѣмъ же значеніемъ. Слова *изгнѣж*—изгону, *отній*—отеческій, *мнихъ*—монахъ, *дочка*—цурка и въ своей вторичной формѣ: *изгону*, *отеческій*, *монахъ*, *цурка* остались съ тѣмъ же прежнимъ значеніемъ. Измѣненная звуковая форма слова и измѣненное значеніе въ немъ обуславливаются дифференціаціей значенія въ словѣ. Въ словѣ, отличавшемся ранѣе неопредѣленнымъ значеніемъ, выясняются два значенія, и оба значенія настолько обособляются и взаимно удаляются, что требуютъ для себя особой звуковой формы. Результатомъ такой дифференціаціи значенія явились въ языкѣ слова: *обвязать* изъ *объязати* и *обязать* изъ *обвязать*, *честить* и *чтить* изъ *чѣстити*; *пища* (изъ **питја*) и *питье*; *цвѣтъ* и *свѣтъ*; *мыкать* и *мычать* и т. п.

Но во многихъ случаяхъ, несмотря на обособляемость значеній, слово можетъ быть носителемъ разныхъ смысловъ, столько же сходныхъ или столько же несходныхъ, какъ и приведенныя выше слова

¹⁾ Первый видъ неопредѣленнаго наклоненія называется субъективнымъ, а второй—объективнымъ.

обязать и обязать, честить и чтить. Въ нѣмецкомъ языкѣ слово Glas обозначаетъ оконное стекло, чайный стаканъ, стекло ламповое, рюмку и т. п. Слово корешки можетъ обозначать засушенные корни растений, переплеты книгъ и скрытыя въ деснѣ части зубовъ; языкъ—органъ рѣчи, совокупность словъ того или другого народа, пестъ колокола и т. п. Почему въ однихъ случаяхъ вмѣстѣ съ измѣненіемъ значенія измѣняется звуковая форма слова, а въ другихъ нѣтъ, сказать трудно. Языки въ этомъ случаѣ отличаются субъективностью. Этой субъективностью объясняются идиотизмы разныхъ языковъ и ихъ національный характеръ.

Слова могутъ постепенно терять свои значенія и приобрѣтать новыя. Это зависитъ отъ историческихъ и культурныхъ условий жизни народовъ. Словомъ гривна сначала обозначалось просто ожерелье, а потомъ серебряное ожерелье (это видно изъ того, что къ слову гривна стало въ XIII—XIV вв. присоединяться опредѣленіе рублевая ¹⁾ гривна); такъ какъ гривны имѣли приблизительно одинъ вѣсъ, то слово гривна стало обозначать вѣсовую единицу; потомъ гривна обозначаетъ медаль, которою награждали великіе князья своихъ бояръ и, наконецъ, монету — три копѣйки. Словомъ Перунъ въ языческой Руси называлось божество молніи и грома, близкое къ греческому Зевесу, а теперь этимъ словомъ обозначается просто молнія; срвн. у Дмитріева: „Се Ветхій деньми перуны сѣтъ по земли“. Сопоставляя прежнее, первичное значеніе словъ гривна и перунъ съ значеніемъ тѣхъ же словъ въ современномъ языкѣ, мы тѣмъ самымъ указали на двѣ крайнія точки въ значеніи слова: на его первоначальное и конечное значеніе. Но между этими двумя значеніями въ словѣ можетъ быть много посредствующихъ. Слово гость, hostis въ латинскомъ языкѣ обозначало иноземца-непріятеля, врага, а въ древнерусскомъ языкѣ иноземца-купца, а въ современномъ языкѣ челоуѣка, пользующагося кровомъ въ чужомъ домѣ. Слово верста въ литовскомъ языкѣ (warstas) значитъ поворотъ плуга; въ русскомъ языкѣ первичное значеніе а) длина борозды, а потомъ б) рядъ предметовъ по прямой линіи—

1) Слово рублевый въ приложеніи къ слову гривна и слово рубль въ значеніи деньги нельзя возводить къ древнерусскому слову рубль, клинъ, обрубокъ: 1) потому что серебро никогда не разрубалось на части,—оно сплавлялось въ слитки; 2) если бы слово рублевый употреблялось въ значеніи разрубленный, то въ этомъ случаѣ оно должно бы имѣть звуковую форму, осложненную не суффиксомъ ев (рублевый), а суффиксомъ ен (рубленный); 3) слово рубль надо считать заимствованнымъ словомъ. Оно близко къ скрт. слову гируат—серебро. Можетъ быть, въ этомъ значеніи это слово заимствовано отъ генуезцевъ, которые вели обширную торговлю съ Азіей. Слово гируат на русской почвѣ слилось съ ранѣе существовавшимъ словомъ рубль обрубокъ, клинъ и сообщило этому послѣднему слову свое значеніе.

рядъ кирпичей въ домѣ, с) пара предметовъ, ровня, d) возрастъ, время жизни, e) опредѣленная мѣра пути — сначала 700 сажень, а потомъ 500, f) верстовой столбъ, g) высокорослый человѣкъ, верзило. Слово благо въ своей полногласной формѣ болого (Слово в полку Игоревѣ) обозначаетъ жито, зерновой хлѣбъ; то же слово въ формѣ прилагательнаго (благимъ матомъ) означаетъ очень сильный, напряженный; слово блажить значить юродствовать, притворяться глупцомъ и, наконецъ, церковнославянское заимствованное слово благой значить добрый. Изъ этихъ примѣровъ мы видимъ, что изъ слова могутъ исчезать нѣкоторые значенія. Такъ, слово верста, какъ рядъ параллельныхъ предметовъ и какъ возрастъ, въ современномъ языкѣ, не существуетъ. Слово должность, употреблявшееся въ XVIII вѣкѣ въ значеніи долгъ, теперь имѣетъ свое особенное значеніе. Слово „подлый“, находящійся подъ чѣмъ-либо, обозначало сословіе подъ дворянами, крѣпостныхъ, потомъ это слово стало обозначать низкій и, наконецъ, сдѣлалось браннымъ словомъ. Измѣняемость значенія слова находится въ зависимости отъ культурныхъ условій жизни. Съ теченіемъ времени жизненный опытъ въ человѣчествѣ увеличивается, и вслѣдствіе этого знаніе о вѣншнемъ мірѣ и о себѣ видоизмѣняется.

§ 35. ПРОИСХОЖДЕНІЕ СЛОВА, КАКЪ ЗНАКА ПРЕДСТАВЛЕНІЯ.

Видоизмѣняемость значенія въ словѣ находится въ зависимости отъ видоизмѣняемости представленія о предметѣ. А если смыслъ слова и его идея опредѣляются подвижностью представленія, то, очевидно, слово является наименованіемъ не вещи и не предмета, а представленія объ этомъ предметѣ или, вѣрнѣе, того впечатлѣнія, которое производитъ предметъ на сознаніе ощущающаго. Что дѣйствительно наименованіе—слово дается не предмету, а впечатлѣнію отъ этого предмета, это можно доказать слѣдующимъ. Предметъ мы познаемъ не самъ въ себѣ, не природу его, которая намъ никогда неизвѣстна, а только качества, дѣйствія и состоянія его. И эти качества и дѣйствія его воспринимаются нами вслѣдствіе узости нашего сознанія не въ ихъ суммѣ, а раздѣльно, по одиночкѣ. Въ одинъ моментъ мы узнаемъ объ одномъ его свойствѣ, въ другой о другомъ и такъ далѣе. А вслѣдствіе такого устройства нашей психической организаціи мы можемъ давать названіе только одному впечатлѣнію о предметѣ. Если же потомъ мы замѣчаемъ другое качество или дѣйствіе въ томъ же предметѣ, то мы въ дополненіе къ первому названію даемъ второе и такъ далѣе.

Словомъ, каждое новое впечатлѣніе въ насъ мыслится отдѣльнымъ актомъ, и мы всегда имѣемъ дѣло только съ этимъ единичнымъ актомъ нашего воспріятія. Это во-первыхъ. Во-вторыхъ, предметовъ въ природѣ существуетъ безконечное количество, не только различающихся между собою, но и однородныхъ. Существуютъ милліоны березъ, сосенъ, елей, дубовъ, камней, травъ и т. п., и если бы давалось отдѣльное наименованіе для каждой единицы, то какое бы громаднѣйшее до безконечности количество словъ существовало въ языкѣ! Эта безконечность корней-словъ исключала бы и самую мысль объ языкѣ, между тѣмъ, число корней-словъ въ самыхъ развитыхъ языкахъ насчитываютъ только сотнями. Значить, самая ограниченность корней - словъ принуждаетъ предполагать, что наименованія даются представленіямъ, а не предметамъ.

Процессъ наименованія происходитъ такимъ образомъ. Названіе дается не единичному впечатлѣнію отъ одного какого-либо предмета, а одинаковымъ повторнымъ воспріятіямъ отъ одного предмета или отъ разныхъ единицъ той же разновидности, потому что это впечатлѣніе можетъ яснѣе сознаваться только въ томъ случаѣ, если оно получено въ разныхъ комбинаціяхъ и отлечено, такимъ образомъ, отъ другихъ воспріятій. Для иллюстраціи нашихъ положеній обратимся къ даннымъ филологіи. Возьмемъ слово *человѣкъ*, какъ оно выражается въ разныхъ индо-европейскихъ языкахъ: по-гречески *ἄνθρωπος*, по-латински *homo*, по-нѣмецки *Mann*, по-санскритски *marā*, по-русски и славянски *человѣкъ*. Переводъ этихъ словъ на русскій языкъ укажетъ, что при наименованіи *человѣка* указанными словами выражаются различныя впечатлѣнія. Греческое *ἄνθρωπος* значитъ смотрящій вверхъ, этимъ *человѣкъ* отличается отъ животныхъ; латинское *homo*, имѣя родство съ *humus* — земля, одинаково по значенію съ еврейскимъ *адамъ*, что значитъ земной, нѣмецкое *Mann* значитъ мыслящій, санскритское *marā* — смертный и славянское *человѣкъ*, слово темное по своему этимологическому составу и потому непере-водимое. Если мы возьмемъ русскія синонимическія выраженія, то увидимъ, что синонимы, обозначая наименованіемъ одинъ и тотъ же предметъ, даютъ разныя впечатлѣнія о немъ. Слово *покои* означаетъ комнату, предназначенную для отдыха; *горница* — комнату, находящуюся вверху, *свѣтлица* — свѣтлую комнату; *инокъ* — иной *человѣкъ* въ сравненіи съ другими; *чернецъ* тотъ, кто носить черную одежду, *отшельникъ* — удалившійся отъ міра и т. п.

§ 36. КОРЕНЬ СЛОВА.

Значеніе слова, его внутренняя сторона познается изъ сопоставленія его съ другими родственными словами по звуковой сторонѣ

и через приведение этихъ родственныхъ словъ къ одному знаменателю, — къ одному корню-слову. Корнемъ слова называется тотъ комплексъ звуковъ, то сочетание ихъ, которымъ определяется основное значеніе слова, его идея, и по выдѣленіи котораго изъ слова образуются родственныя слова, составляющія семейство корня, путемъ измѣненія звуковъ самого корня или же путемъ присоединенія къ корню добавочныхъ словъ мѣстоименнаго или какого-либо другаго происхожденія (см. § 37). Изъ § 29 мы видѣли, что языкъ образовался изъ практическихъ потребностей для большей продуктивности совмѣстной работы. Понятно, языкъ первобытнаго человѣка на первыхъ порахъ долженъ былъ отличаться бѣдностью, недостаткомъ корней-словъ. Но жизнь не останавливалась и ви́шній міръ продолжалъ человѣку давать громадный матеріалъ, и впечатлѣнія отъ воздѣйствія на него природы увеличивались все болѣе и болѣе и въ значительной степени опережали словесный запасъ его понятій и представленій. Но тѣ же понятія и представленія группируются въ душѣ человѣка не только при посредствѣ ассоціаціи смежности и послѣдовательности, но также и черезъ посредство ассоціаціи сходства. Познавая различные предмѣты, мы стараемся находить въ нихъ общія сходныя черты и на основаніи сходства группировать. Левъ, кошка, корова, олень, мышь, свинья, овца, заяцъ — сходны въ томъ отношеніи, что они имѣютъ по четыре ноги, и у насъ образуется общее представленіе о четвероногомъ животномъ. Береза, осина, дубъ, груша, яблоня, сосна, ель — имѣютъ стволъ, и у насъ является общее понятіе о деревѣ. Отсюда можно думать, что одно и то же слово служило въ языкѣ первобытнаго человѣка знакомъ многихъ представлений. И дѣйствительно, русскимъ словомъ „дерево“ обозначается родовое, общее понятіе для каждаго дерева: ели, сосны, березы, груши и т. п. Въ греческомъ языкѣ словомъ *δρῦ* называется дубъ. Если въ славянскій и русскій языки это слово перешло изъ общиндо-европейскаго съ общимъ значеніемъ, то потому что самое слово *δρῦ* — дубъ было знакомъ наименованія различныхъ древесныхъ породъ. Словомъ дубъ могли обозначаться представленія о разныхъ деревьяхъ, подобно тому, какъ словомъ береза на сѣверѣ Россіи (въ Вологодской губерніи) обозначаются и ель, и сосна, и т. п. Латинское слово *pecus* обозначаетъ домашній скотъ, а русское и славянское *песъ* — собаку. Въ русскомъ словѣ развилось послѣднее значеніе потому, что въ праязыкѣ подъ именемъ домашнего скота чаще всего подразумевалась собака. Но изъ этого нельзя дѣлать того вывода, что корень слова отличался абстрактностью. Слова съ общимъ значеніемъ являются результатомъ дальнѣйшей жизни языка. Первобытный корень - слово долженъ былъ отличаться гибкостью своего значе-

нія, а это послѣднее не исключаетъ въ словѣ конкретности: слово *resus* въ одномъ случаѣ могло обозначать собаку, въ другомъ—рогатый скотъ: корову, овцу и т. п.

Но эта многозначность слова въ языкѣ съ развитіемъ постепенно устраняется черезъ присоединеніе къ корню различныхъ звуковъ, называемыхъ опредѣлителями. Пояснимъ это примѣромъ изъ жизни древнеиндійскаго языка. Первобытный человѣкъ, составивши себѣ представленіе о звучаніи путемъ повторныхъ воспріятій звука отъ разныхъ предметовъ, выразилъ свое впечатлѣніе при посредствѣ корня-слова *ka*—звучать. Это слово „*ka*“ первоначально обозначало всякій звукъ, всякое звучаніе. Но впослѣдствіи человѣкъ не удовлетворился такимъ общимъ словомъ, потому что онъ сталъ различать виды звучанія: звонъ, смѣхъ, шумъ, крикъ, чириканье, кашляніе, рыданіе, болтовню и т. п., и явилось у него потребностію точнѣе обозначать эти виды звучанья, и онъ, воспользовавшись ранѣе созданнымъ словомъ „*ka*“, началъ видоизмѣнять его. Получаются новыя слова: „*ka-p*“—звенѣть, „*ka-k*“—смѣяться, „*ka-g*“—звать, „*ka-rk*“—смѣяться, каркать, *krar*—шумѣть, *krus*—слышать, *kuk*—кричать, быть и т. д. Слово - корень *khan*—копать путемъ такого же видоизмѣненія своей звуковой природы сдѣлалось родоначальникомъ многихъ словъ, близкихъ по своему значенію съ своимъ родителемъ. И образовались слова: *khana* — копатель, воръ, мышь, *khanitra*—ломъ, *khani*—конь, *khata*—яма, *kha*—углубленіе, паръ, ничто и т. п. Возьмемъ корень въ русско-славянской формѣ *gor* (горѣть). Отъ этой основной формы образовались слова: горѣніе, жаръ, грѣть, нагрѣвать, горѣлка, горькій, горечь, угаръ, пожаръ и мн. др.

Слово-корень въ началѣ своего происхожденія даже и не было въ собственномъ смыслѣ словомъ. Оно какъ по своему морфологическому строенію, такъ и по значенію приближалось къ междометію. Мы уже знаемъ, что всѣ познавательные процессы тѣсно связаны съ эмоціональными, и послѣдніе при первичныхъ воспріятіяхъ различныхъ предметовъ выступаютъ ярче познавательныхъ, какъ бы заглушаютъ ихъ. Новый предметъ возбуждаетъ въ насъ сначала чувство удивленія, страха, удовольствія и т. п., и только, спустя нѣкоторое время, мы отдаемъ себѣ отчетъ въ нашихъ ощущеніяхъ. Насколько силенъ эмоціональный элементъ въ нашихъ ощущеніяхъ, это можно видѣть даже изъ того, что глухонѣмые при видѣ неизвѣстныхъ имъ предметовъ выражаютъ свое чувство при помощи нечленораздѣльныхъ звуковъ. При встрѣчѣ, напр., съ медвѣдемъ въ лѣсу или какимъ-либо другимъ хищнымъ животнымъ мы невольно издали бы крикъ въ формѣ междометій *охъ*, *ей*, *ай* и т. п. Потеря какого-либо дорогого существа также про-

является прежде всего въ области чувства, и свое горе мы выражаемъ или плачемъ или междометными словами. Короче, каждое психическое явленіе, каково бы оно ни было по своему характеру, производя въ отправленіяхъ нашего организма реакцію, проявляясь такъ или иначе фізіологически, требуетъ для себя непременно исхода, каковымъ и являются рефлекторные звуки.

Междометія по ихъ происхожденію можно раздѣлить на два отдѣльныхъ разряда. Въ однихъ случаяхъ предметы природы, реагируя на органы внѣшнихъ чувствъ и, главнымъ образомъ, на органы зрѣнія и слуха, слабо захватываютъ своимъ дѣйствіемъ общее самочувствіе человѣка, связанное, главнымъ образомъ, съ мускульными и органическими ощущеніями. Къ такого рода междометіямъ относятся прежде всего звукоподражанія: ку-ку, хамъ-хамъ, бацъ, хлопъ, толкъ и т. п. Затѣмъ, къ числу такихъ же междометій надо отнести и всѣ тѣ восклицанія, при помощи которыхъ мы дѣлаемъ оцѣнку предметовъ. Матеріалъ для этой оцѣнки даютъ намъ, главнымъ образомъ, зрительныя ощущенія. Восторгъ или отвращеніе отъ какого-либо предмета выражается междометіями: ахъ, фуй, ну и т. п. Въ этихъ междометіяхъ эмоціональность ихъ, въ смыслѣ близости къ самочувствію, сказывается сильно, чѣмъ въ междометіяхъ ономапоэтическихъ. Къ другому разряду междометій принадлежатъ всѣ восклицанія, непосредственно связанныя съ самочувствіемъ организма и съ его мускульной затратой силъ. Чувства удущья, болѣзненности, радости, тяжести выражаются звуко сочетаніями: ой, охъ, ай, ухъ и т. п. Воздѣйствуютъ на человѣка и въ этомъ случаѣ тѣ же внѣшнія явленія, но они глубже потрясаютъ его организмъ, и въ этомъ случаѣ органы внѣшнихъ чувствъ являются проводниками не для сознанія непосредственно, а для органическихъ и мускульныхъ ощущеній, которыя уже и передаютъ окончательно полученный ими матеріалъ сознанію. Опасность отъ приближающагося паровоза, воспринимаемая чувствомъ зрѣнія, передается всему организму и въ немъ вызываетъ сложныя реакціи. Междометіе, какъ выраженіе внутренняго состоянія организма, перемѣнъ, происходящихъ въ немъ, есть актъ чувства, а не мысли, а поэтому оно и не можетъ быть названо словомъ. Поэтому какъ междометія, связанныя съ эмоціями, такъ и междометія, возникшія на почвѣ дѣятельности внѣшнихъ чувствъ, въ начальный періодъ своего образованія не были въ собственномъ смыслѣ словами, а такими же рефлекторными движеніями, къ какимъ относятся всѣ фізіологическія проявленія чувствъ: блѣдность лица при страхѣ, краска на немъ при стыдѣ и т. п. Но дальше замѣчается различіе въ природѣ междометій. Междометія перваго рода при воспроизведеніи ихъ

вслѣдствіе ассоціативной связи ихъ съ предметами природы, теряютъ постепенно свою эмоціальность и становятся уже актами мысли—словами. Значить, существеннымъ признакомъ слова служить потеря или, вѣрнѣе, убыль въ корнѣ-междометіи эмоціальности.

Междометія, второй группы, слабо связанные съ обыквой впечатлѣній отъ внѣшняго міра въ виду того, что они служатъ знаками собственныхъ состояній организма, не становятся въ собственномъ смыслѣ словами-корнями. Это объясняется тѣмъ, что эти междометія являются такими же произвольными рефлексами, какъ и всѣ сопутствующіе фізіологическіе рефлексы и, стало-быть, не заключаютъ въ себѣ того условія, которое необходимо для образованія слова, какъ акта мысли, — произвольности вызова ихъ. Междометіе безъ сопутствующихъ ему душевныхъ потрясеній—пустой звукъ. Поэтому, одно и то же междометіе ахъ, охъ можетъ быть знакомъ самыхъ противоположныхъ эмоцій: горя и радости. Когда этими междометіями хотятъ выразить то чувство, знаками котораго они являются, то поясняютъ ихъ другими словами: ахъ, какъ мнѣ скучно! ахъ, какъ это хорошо! и т. п.

Междометія первой группы, приближающіяся къ звукоподражаніямъ, на первыхъ порахъ своего образованія, тоже нельзя считать словами, потому что они связываются съ такой массой различныхъ впечатлѣній отъ одного предмета, получаемыхъ при посредствѣ разнообразныхъ органовъ чувствъ, что не могутъ связываться съ цѣльнымъ и опредѣленнымъ представленіемъ о предметѣ, и они являются сначала также знаками душевнаго волненія—эмоцій. При повтореніи этихъ воспріятій сопутствующія имъ эмоціи первоначально тѣсно связанные съ ними, ослабѣваютъ, и это служитъ причиной того, что сложное нераздѣльное представление начинаетъ подвергаться анализу и вслѣдствіе дѣятельности мысли становится все болѣе и болѣе яснымъ. Постепенный анализъ этого сложнаго представленія, оболочкой котораго служитъ междометный корень, и является причиной образованія многихъ словъ. Такъ, изъ о.-н.-е корня *t, *st толкать, опираться на путемъ добавочныхъ звуковъ образовались латинскія слова: tundo—толкаю, studeo—стараюсь, stupere—столбенѣть и многія другія.

Но этотъ процессъ анализа сложнаго представленія нельзя считать мыслительнымъ актомъ, направленнымъ на изученіе этого самаго представленія. Это послѣднее характерно только для научныхъ изслѣдованій. Анализъ, способствовавшій обогащенію словъ отъ одного и того же корня, совершался безсознательно въ рѣчи и притомъ о самыхъ разнородныхъ предметахъ, не имѣющихъ связи съ тѣмъ сложнымъ представленіемъ, которое давало матеріалъ для новаго слова. Для примѣра возьмемъ слово голубъ (со-

lumba). Въ однихъ случаяхъ, когда изъ сложнаго представленія о голубѣ выдѣлялся въ сознаниі его цвѣтъ, образовалось слово голубой въ приложеніи къ какому-либо предмету, напр., небу; въ другихъ случаяхъ, когда, напр., замѣчалась нѣжность въ отношеніяхъ одного лица къ другому, возникало слово приголубить и т. д.

Само собой понятно, что всѣ слова сводить къ звукоподражательнымъ междометіямъ нѣтъ основаній, потому что далеко не всѣ предметы внѣшняго міра реагируютъ на чувство слуха. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ возможно допустить образованіе корней вслѣдствіе мимическихъ движеній самого органа рѣчи — языка, губъ и т. п. Такъ, чередованіе звуковъ *λ* въ греческомъ словѣ *λάλειо* — болтаю указываетъ на мимическія движенія языка, изображающія самымъ движеніемъ языка болтовню. Такими же мимическими словами можно считать литовское *lėžuvis* — языкъ и русское лопотать.

Относительно строенія корня, морфологіи его, не установилось согласіе. Одни признаютъ характерной особенностью корня односложность, а другіе число слоговъ въ корнѣ не ограничиваютъ. Анализъ звуковаго состава словъ, общихъ большинству индо-европейскихъ языковъ, скорѣе подтверждаетъ послѣднее мнѣніе. Глаголь есмь въ скр. яз. *asmi*, въ греческомъ *εἰμι*, въ латинскомъ *sum* (изъ **esum* — начальное *e* выпало, примѣры чего мы имѣемъ и въ русскомъ языкѣ: государь, осударь, сударь) состоитъ изъ двухъ слоговъ. Мѣстоименіе перваго лица по-скр. *aham*, по-латински *ego*, по-гречески *εγώ*, по-славянски *азъ*, гдѣ „*а*“ гласный звукъ, своимъ строеніемъ указываетъ на двусложность. Та же двусложность характерная особенность въ склоненіи личныхъ мѣстоименій. А личные мѣстоименія наравнѣ съ вспомогательнымъ глаголомъ есмь тоносятся къ самымъ раннимъ словамъ, выработавшимся въ языкѣ. Въ междометіяхъ, этихъ древнѣйшихъ звуковыхъ формахъ языка, односложность не есть ихъ характерная звуковая особенность, срвн.: увы, ура и т. п. Двусложность слова зависитъ часто отъ повторенія основы слова, которое всегда усиливаетъ значеніе слова, знаменательность его. Такъ род. пад. ед. числа отъ славянскаго мѣстоименія *азъ* менѣ выводятъ отъ **мене* (п во второмъ слогѣ явилось, какъ результатъ расподобленія звуковъ „*м*“, диссимиляціи ихъ). Въ словахъ колоколь, пепель, прапоръ, глаголь, папа, мама, дядя и т. п. мы имѣемъ дѣло съ тѣмъ же повтореніемъ основы. Повтореніе корня, или его удвоеніе можетъ быть полное и неполное. Полное, или интенсивное повтореніе состоитъ изъ удвоенія нѣсколькихъ звуковъ корня. Оно употребительно въ глаголахъ, обозначающихъ многократность дѣйствія, а также и въ именахъ, происшедшихъ отъ этихъ глаголовъ: глаголати, тараторить, прапоръ и др. Весь звуковой комплексъ корня повторяется рѣдко и

конечный согласный, за исключеніемъ сонорныхъ г, л, м, п—никогда. При повтореніи корня гласные измѣняются и переставляются: корень „гол“ при повтореніи перешло въ „гла“—*глаголати*; „пор“ въ „пра“—*прапоръ*. Неполное, или нормальное удвоеніе корня состоитъ въ чередованіи одного согласнаго съ гласнымъ, при чемъ гласнымъ бывають опредѣленные звуки или і, или е. Съ гласнымъ і образуется настоящее время глаголовъ: скр. *pī-pag-mī* (наполняю), гр. *πi-(μ)-πλi-μι*, *γi-γινμι* (рождаюсь), лат. *gigno*; *di-dōmi*—даю. Съ гласнымъ е—перфектъ: *мѣ-мо-ва*, *те-мини*. Этотъ видъ удвоенія мало свойствененъ славянскому языку: *де-ждѣ* отъ глагола *дѣ-ти*.

Такъ какъ въ словѣ мы различаемъ стороны лексическую и грамматическую, то эти же стороны должны различать и въ корнѣ. Обращаясь къ фактамъ русскаго языка, мы замѣчаемъ, что слова одного и того же корня въ разныхъ формахъ, сохраняя тотъ же характеръ согласныхъ звуковъ (за исключеніемъ тѣхъ случаевъ, когда согласные по законамъ фонетики должны измѣниться), имѣють чередованіе гласныхъ звуковъ: *у-бр-ать*, *у-бер-у*, *у-бир-аю*; *у-мр-у*, *у-мер-еть*, *у-мир-аю*; *при-нес-ти*, *при-нош-у*; *про-чит-ать*, *про-чт-у*. Изъ приведенныхъ примѣровъ чередованія (отсутствіе гласнаго (нуль): е:і; е:о; і: нуль) легко замѣтить, что во всѣхъ этихъ случаяхъ лексическое значеніе слова остается неизмѣннымъ, но зато измѣнилось ихъ грамматическое значеніе: *убрать*—неопр. накл., *уберу*—буд. вр. и *убираю*—наст. Изъ этого можно сдѣлать тотъ выводъ, что гласные корня характеризуютъ слово со стороны его грамматическаго значенія, а согласные со стороны лексическаго. Явленіе аналогичное этому мы замѣчаемъ и въ другихъ индо-европейскихъ языкахъ—новыхъ и древнихъ. Приведемъ примѣры изъ латинскаго и греческаго языковъ: наст. вр.—*do* (даю), прошедш. сов.—*dedi*, неопр. накл.—*dare*; *frango* (ломаю) наст. вр., *fregi*—прош. сов.; *facio-feci*—*factum*; *possideo-possedi*; изъ греческаго—*φαίνω* (показываю) наст. вр., *ἔφαλλον* аор. 1 дѣйств. зал., *ἀγγέλλω* (возвѣщаю) аор. 1 *ἤγγειλα*; *πέμπω* (посылаю), прош. соверш. *πέπομφα*. Анализъ индо-европейскихъ языковъ даетъ основаніе предполагать, что въ индо-европейскомъ праязыкѣ грамматическая сторона корня опредѣлялась гласными е и о. Поэтому, корень слова, какъ носитель лексической стороны, въ индо-европейскомъ праязыкѣ не могъ заключать въ себѣ не только этихъ гласныхъ, но и вообще какихъ бы то ни было, и онъ поэтому приближался къ семитскимъ трехбуквеннымъ корнямъ. Гласные въ немъ были только показателями его грамматическаго значенія, поэтому индо-европейскій корень въ его полной звуковой формѣ надо считать основой той или другой грамматической формы.

Гласные элементы этого индо-европейскаго корня отличались большимъ разнообразіемъ, и это разнообразіе ихъ зависѣло отъ сложнаго чередованія гласныхъ. Чередованіе заключается въ замѣнѣ однихъ гласныхъ другими; оно возможно или въ разныхъ формахъ одного и того же слова или же въ разныхъ словахъ одного семейства. Чередованіе можетъ быть количественнымъ и качественнымъ. Количественное чередованіе, свойственное древнимъ языкамъ, состояло въ замѣнѣ краткихъ гласныхъ долгими: $\mu\eta\iota\sigma\iota$ — $\mu\eta\iota\sigma\iota\epsilon$, $\tau\epsilon\mu\epsilon\sigma$ — $\tau\epsilon\mu\epsilon\sigma\epsilon$; $\mu\alpha\tau\eta\rho$ — $\mu\alpha\tau\epsilon\rho\epsilon\varsigma$, $\delta\epsilon\omega$ — $\delta\epsilon\omega\omega$ — $\epsilon\delta\eta\tau\alpha$. Качественное чередованіе, характерное не только для древнихъ, но и для новыхъ индо-европейскихъ языковъ, отличается смѣной гласныхъ разнаго образованія: е, о и полной редукиці ихъ (исчезновенія гласнаго). Формула качественного чередованія слѣдующая: е:о: нуль. Примѣры этого чередованія были приведены. Количественное и качественное чередованіе могли между собою сочетаться и получался сложный видъ: $\epsilon:\acute{o}:\alpha^1$: $\epsilon:\acute{o}:\circ^1$). Примѣры: $\sigma\theta\eta\tau\alpha\varsigma$ (др.-инд. стоящій), гдѣ і получилось изъ α , $\sigma\tau\alpha\iota\varsigma$ (стояніе), $\sigma\tau\alpha\tau\iota$ слав. ²⁾. Это чередованіе еще болѣе осложняется чередованіемъ дифтонгическихъ сочетаній. Дифтонгическія чередованія отъ простыхъ отличаются тѣмъ, что въ нихъ къ гласнымъ е и о разнаго количества присоединяются сонанты, т.-е. такіе звуки, которые при извѣстныхъ условіяхъ могутъ быть то гласными, то согласными. Къ сонантамъ относятся і, у, г, л, м, н. Сочетаніе гласныхъ съ сонантами на нулевой ступени гласнаго е или о даетъ новые гласные: і, у, г, л, м, н ³⁾: срвн. лит. $keistas$ и слав. $уи\acute{s}t\acute{a}$; $\lambda\epsilon\acute{\iota}\omega$ греч., $лѣж\acute{a}$ слав.; греч. $\mu\acute{o}\tau\eta\iota$ (вознагражденіе) изъ $*k^w\acute{o}i\alpha$ и слав. $чѣм\acute{a}$; лат. $pleo$ (наполняю) и слав. $плѣн\acute{a}$ ($pl\acute{n}$), гдѣ $\acute{a}$ слоговое. Эти дифтонгическія сочетанія въ корняхъ, какъ то показываетъ сравненіе различныхъ индо-европейскихъ языковъ первичнаго происхожденія въ сравненіи съ гласными, происшедшими отъ нихъ: і, у, г, л и т. п., и поэтому въ большинствѣ индо-европейскихъ языковъ имѣются эти сочетанія: $e\acute{i}$, $o\acute{i}$, $e\acute{u}$, $o\acute{u}$, $e\acute{g}$, $o\acute{g}$ и т. д., и только въ послѣдствіи изъ-за редукиці перваго слогового элемента они перешли въ простые гласные. Въ древнеславянскомъ языкѣ всѣ дифтонги сдѣлались чистыми гласными:

1) ϵ (перевернутое e) обозначаетъ неопредѣленный гласный звукъ, происшедшій изъ сокращенія долгихъ. Его можно сравнить съ русскими безударными гласными: $\acute{c}e\omega$ (чего), $\acute{c}a\omega$, $\acute{c}i\omega$; $\circ$ (о малое) означаетъ очень краткій неопредѣленный гласный, образовавшійся изъ краткихъ гласныхъ. Его можно сравнить съ вторымъ безударнымъ, предшествующимъ ударенію: $\acute{g}e\omega\omega$ (годовой), $\acute{p}\acute{t}\alpha\omega\omega$ (потолокъ). Этотъ гласный отличается шопотнымъ произношеніемъ.

2) Всѣ ступени этого сложнаго чередованія въ одномъ и томъ же корнѣ не встрѣчаются.

3) Кружочекъ подъ буквами $\acute{g}$, $\acute{l}$, $\acute{m}$, $\acute{n}$ обозначаетъ слоговое свойство звуковъ, обозначаемыхъ этими буквами, т.-е. эти буквы надо считать гласными.

dirghas скр., *δολιχος* греч., *dulgs* готск., *дмѣтъ* слав.; *purnas* скр., *ple-nus* лат., *pilnas* лит., *илѣнь* слав.; *εἶμι*—иду греч., *eo*—*is* лат., *eiti* лит., *ити* слав., *ζαμβας* греч., *žambas* лит., *зѣмѣ* слав.

Двусложный корень индо-европейскаго языка тоже отличается своими особенностями. Эти особенности слѣдующія: 1) Въ немъ не можетъ быть двухъ одинаковыхъ гласныхъ *e* и *o*; поэтому одинъ изъ этихъ гласныхъ, чаще всего предшествующій, переходитъ въ *a* и затѣмъ подлѣжитъ полной редукціи, изъ *o*—и—*e* корня **regək* вслѣдствіе редукціи *e* получается корень *prek*: лат. *preces*, слав. *просити*, лит. *preŭ* (спрашиваю); изъ того же корня *regə* вслѣдствіе редукціи *a* получилось др. врхн. нѣм. *fergon*—просить. Чаще всего двусложный корень съ нулевой ступенью гласнаго появляется въ результатѣ распространенія корня разными опредѣлителями изъ согласныхъ *m*, *n*, *g*, *k*, *gk* и т. п. въ томъ случаѣ, если эти опредѣлители сочетаются съ гласнымъ однороднымъ гласному корня ¹⁾. Такъ, изъ корня **rel* появилось готское *filu*—много; по присоединеніи къ этому корню **rel* опредѣлителя *k* съ предшествующимъ гласнымъ *e* другой гласный *e*, принадлежащій корню, редуцировался и появился корень **plek*: *πλέχω*—плету, *πλοκή*—ткань, лат. *duplex*—двойной. 2) Двусложный корень индо-европейскаго праязыка долженъ оканчиваться на долгій гласный звукъ. Такимъ образомъ, изъ корня **relə* получается *ple*: срвн. греч. *ἐπλήτο* (онъ былъ полонъ) и лат. *plenus*—полный. 3) Односложный корень не можетъ оканчиваться на гласный: *e*, *o*, ^o, но долженъ оканчиваться на гласный + сонантъ: *ei*, *eu*, *eg* и т. п.

Сонантические элементы корня индо-европейскаго праязыка точно такъ же подчинены своимъ законамъ: 1) Второй элементъ дифтонга всегда долженъ быть неслоговымъ, потому что дифтонгъ составляетъ только одинъ слогъ. 2) Два сонантическихъ элемента, хотя бы они были и разнаго образованія, не могутъ быть рядомъ: и не можетъ находиться въ содѣствіи съ *l*, *g*, *n* и т. п., въ этомъ случаѣ происходитъ перестановка этихъ элементовъ. Корень **teul* невозможенъ, но возможенъ типъ **tleu*, **tloeu* и т. п. 3) Въ случаѣ перестановки элементовъ дифтонга плавный гласный дифтонга *m*, *n*, *g*, *l* дѣлается долгимъ и сонантъ становится согласнымъ: срвн. нѣм. *Berg* и слав. *връгъ*, гдѣ *г* изъ праславянскаго долгаго гласнаго *e*; *velku* лит., *влѣкъ* слав.; *οἶστος* греч., *orbis* лат., *ръкъ* слав.; *καρδία* и *κράδις*; *τὸν-ός* (греч.)—пронзительный и *τι-τρώ-τις*—раню.

Относительно согласныхъ звуковъ для корня имѣются слѣдующія правила: 1) Если корень слова начинался взрывнымъ звонкимъ непридыхательнымъ, то онъ долженъ и оканчиваться

¹⁾ Опредѣлители вводятся въ корень для измѣненія значенія корня съ цѣлью придать ему новый оттѣнокъ.

таковымъ же, не переходя въ фрикативный звукъ. 2) Если корень начинался придыхательнымъ, то онъ таковымъ же и оканчивался. Поэтому корни *g^wed, *bheut—невозможны. Согласные корни, кромѣ того, могутъ подвергаться, въ зависимости отъ различныхъ условій, разнымъ измѣненіямъ, о чемъ сказано было въ § 16.

Въ дальнѣйшей жизни языка корень—основа слова можетъ распространяться даже гласными окончаніями слова, т.-е. флексіями. Въ латинскихъ словахъ mensa, lupus, въ греческихъ χώρα, φόβος послѣдніе слоги въ раннюю эпоху жизни этихъ языковъ относились къ окончаніямъ, а потомъ окончаніемъ сталъ только конечный согласный, а гласный, какъ это видно изъ системы склоненія, приросъ къ корню. Въ русскихъ словахъ камень, мать, дочь, церковь и другихъ корень распространился вслѣдствіе сращенія съ нимъ окончаній и, такимъ образомъ, вмѣсто прежнихъ основъ—корней кам, мат, доч, церк появились новые камн, матер', дочер', церкв и т. п. Другой особенностью корня въ дальнѣйшей жизни слова является изолированность, обособленность родственныхъ словъ одинаковаго происхожденія. Въ словахъ ходить и шель, подушка и ухо, вода и водка, пиво и пить, подошва и почва замѣчается такая сильная разница въ ихъ строеніи и значеніи, что они чувствуются теперь словами чуждыми между собою, не родственными, тогда какъ ихъ родство не подлежитъ никакому сомнѣнію. Потеря словами ихъ звукового единства и родства въ значеніи называется опрощеніемъ слова.

Идея слова опредѣляется черезъ приведеніе его къ своему корню путемъ сопоставленія съ родственными словами. Такъ, слово городъ, градъ черезъ сопоставленіе его со словами городить и жердь указываетъ, что городомъ ¹⁾ называлось мѣсто, обнесенное жердями; слово хитръ, хитрый, находясь въ родствѣ со словомъ хватать, хватати, означаетъ человѣка, легко что-либо схватывающаго; пчела—бжуати, бучати—значить жужжащая; кнѣга—гънѣати, разгибати—разгибающаяся и т. п. Но такъ какъ индо-европейскіе языки находятся между собою въ родствѣ, и корни многихъ словъ того или другого языка общіе съ корнями другихъ языковъ, то русскій или славянскій корень сопоставляется съ корнями другихъ языковъ, и идея слова еще болѣе уясняется. Слово берегъ, бръгъ, имѣя звуковое родство со словами беречь, оберегать, будучи возведено къ нѣмецкому слову Berg, означаетъ гору, которая охраняетъ воду въ рѣкѣ отъ разлива; слово слабѣть, находясь въ родствѣ съ нѣмецкимъ словомъ schlafen, характеризуетъ состояніе утомленнаго человѣка, который похожъ въ этомъ случаѣ на засы-

¹⁾ Срв. лит. gardas—овчарня.

пающаго; море, моръ, умереть, будучи сопоставлено съ латинскими словами *mare* и *moris*, означает сокрушающее; дерево, древо, имѣя одинаковую звуковую форму съ греческимъ *δρῦ*, обозначает дубъ; нарѣчіе вонъ въ сопоставленіи съ санскритскимъ словомъ *vaṇa*—лѣсъ, получаетъ болѣе опредѣленное значеніе: словомъ вонъ опредѣляется мѣсто изгнанія. Во многихъ случаяхъ вслѣдствіе изолированности слова и малочисленности семьи, происходящей отъ него, значеніе слова, черезъ сопоставленіе его съ другими словами того же языка, совсѣмъ не опредѣляется, и въ этомъ случаѣ оно узнается исключительно черезъ сопоставленіе съ корнями другихъ языковъ. Возьмемъ слова: птица, выдра, пѣсь, уха. Какія бы русскія слова мы къ нимъ ни подыскивали, они не опредѣляютъ идеи этихъ словъ. Между тѣмъ сопоставленіе слова птица съ греческимъ *πέτομαι* (летать) значитъ летающая; выдра *ὑδωρ*, вода—значитъ водяная; пѣсь, *resus* латинское означаетъ домашній скотъ, и словопроизводство этого слова указываетъ на то, что собака есть первое животное, прирученное человѣкомъ; уха, по-латински—*jus*, скр. *yuḥ*, лит. *juše*, слав. *юхъ*, значитъ похлебка или, вѣрнѣе, вытопившееся во время жаренія сало; слово калѣка въ сопоставленіи съ литов. „*koja*“ нога, означаетъ человѣка лишившагося ноги; Калуга—значитъ ножная лужа и т. п. Но не для всякаго слова возможно найти идею его значенія, потому что не всѣ слова можно сопоставить со словами родственныхъ языковъ за неимѣніемъ въ нихъ родственныхъ по звукамъ корней. Славянское и русское слово рыба, литовское—*žuvis*, латинское—*piscis* и греческое—*ἰχθύς* имѣютъ разную звуковую форму и поэтому не разъясняютъ слова рыба.

Анализъ родственныхъ словъ со стороны значенія и строенія и сопоставленіе ихъ съ корнями другихъ языковъ даетъ возможность возстановить корень словъ, какъ общей звуковой формы для многихъ словъ, принадлежащихъ къ индо-европейской семьѣ. Но этотъ корень самъ по себѣ, безъ сопоставленія его со словами, происшедшими отъ него, ничего не объясняетъ: идея первичнаго корня-слова навсегда останется темною, за исключеніемъ словъ звуко-подражательныхъ. Почему слова: рыба, нога, братъ, дочь, стрѣла—въ ихъ индо-европейской звуковой окраскѣ выражены этими звуками, а не другими, это для науки останется тайной.

§ 37. АФФИКСЫ.

Аффиксами называются тѣ звуки, которые по присоединеніи ихъ къ корню слова, видоизмѣняютъ его значеніе. Къ аффиксамъ относятся префиксы и суффиксы. Префиксы и суффиксы появи-

лись не въ одно время. Въ индо-европейскомъ праязыкѣ префиксовъ не было: они возникли въ позднѣйшую эпоху. Къ суффиксамъ относятся такіе звуки, какъ: *ик*, *тель*, *ств*, *ка*, *ич* и т. п.; къ префиксамъ чаще всего предлоги: *при*, *на*, *у*, *въ*, *раз*, *из*, *воз* и т. п. Для современнаго языковаго чутія суффиксы кажутся звуками, не имѣющими самостоятельнаго значенія, потому что они отдѣльно не употребляются, а только въ связи съ корнемъ слова¹⁾. Но суффиксы въ начальный періодъ жизни языка имѣли самостоятельное значеніе, т.-е. могли употребляться, какъ отдѣльныя слова. Это видно изъ анализа индо-европейскихъ языковъ. Въ русскихъ словахъ *краснобай*, *злодѣй*, *лицедѣй* слогъ „ба“ и „дѣ“ глагольнаго происхожденія: самый смыслъ приведенныхъ словъ указываетъ, что ба тождественно съ ба въ словѣ *баять* и дѣ съ словомъ *дѣ-яти*, *дѣ-лать*. Въ латинскихъ нарѣчіяхъ *velociter*, *atrociter* и др. суффиксъ *ter* образовался изъ сокращенія слова *iter*—путь. Нѣмецкій суффиксъ *keit* и *heit* въ древнее время употреблялся въ значеніи словъ *качество*, *свойство*. Въ современномъ нѣмецкомъ языкѣ *keit* и *heit* возможны только въ соединеніи: *Sicherheit*—безопасность, *Freiheit*—свобода, *Schönheit*—красота, *Krankheit*—болѣзнь. Въ словѣ *Schumacher*—сапожникъ *macher* суффиксъ, потому что слова *macher* въ нѣмецкомъ языкѣ нѣтъ. Слова *voll*—полный и *reich*—богатый въ нѣмецкомъ становятся суффиксами въ словахъ *reizvoll*, *geistvoll*, *geistreich*. Французскій суффиксъ *ment* въ нарѣчіяхъ *fierement*, *doucement* восходитъ къ творительному падежу латинскаго слова *mens-mente*. Неупотребительность суффиксовъ въ качествѣ отдѣльныхъ словъ не можетъ служить доказательствомъ противъ ихъ значенія, потому что и слово, взятое само по себѣ, выдѣленное изъ предложенія, лишается своего значенія и является только грамматическимъ препаратомъ. Между суффиксомъ и словомъ то же отношеніе, какое между словомъ и предложениемъ. Суффиксъ имѣлъ прежде самостоятельное значеніе, могъ употребляться въ качествѣ слова, это можно видѣть также изъ сравненія суффикса съ префиксомъ. Префиксы *при*, *въ*, *у*, *объ* и въ настоящее время имѣютъ свое отдѣльное существованіе, какъ предлоги. Что суффиксъ измѣняетъ значеніе слова, это доказывается тѣмъ, что корни, не имѣющие между собою никакого родства, принимая въ свой звуковой составъ одни и тѣ же суффиксы, становятся, благодаря этимъ суффиксамъ, родственными. Въ словахъ *книжка*, *стѣнка*, *ножка*, *печка* суффиксомъ „к“ обозначается уменьшительность предметовъ. Въ древней стадіи языка суффиксы образовывались отъ мѣстоименій, и, благодаря этому

¹⁾ Но есть пословица: „наши вичи дѣлятъ калачи“, гдѣ вичи суффиксъ, употребленный въ качествѣ слова.

свойству, каждый глагольный корень въ соединеніи съ мѣстоименіемъ становился не только словомъ, но и словомъ-предложеніемъ, такъ что слова рубить, копаеть на современный языкъ можно перевести такъ: рубить тотъ, копаеть тотъ, стрѣляю я и т. п. Кромѣ того, суффиксы въ древнюю эпоху жизни языка могли происходить и отъ вспомогательнаго глагола есмь. При посредствѣ этого глагола въ латинскомъ языкѣ образованы глагольныя формы прошедшаго и будущаго времени.

Анализъ такихъ глаголовъ, какъ *parcepi*, *ēgredī*, *prosum*, *desum* и нѣмецкихъ словъ *weiblich*, *männlich*, указываетъ вмѣстѣ съ тѣмъ и на то, что въ древнюю пору жизни языка господствовало такъ называемое несобственное сложеніе: языкъ первобытнаго челоуѣка по своему строенію приближался къ агглютинирующимъ языкамъ, т.-е. части слова въ немъ можно было легко разлагать и получать знаменательныя слова. Примѣры такого сложенія существуютъ и въ русскихъ словахъ: море-плаваніе, водо-возъ, сѣно-косъ, гдѣ обѣ половины слова имѣютъ свое опредѣленное значеніе. Но такъ какъ суффиксами для праязыка были мѣстоименія и вспомогательный глаголь, отличающіеся малой знаменательностью своего значенія и, кромѣ того, бѣдностью звуковъ, то они сильнѣе спаивались съ корнемъ и стали чувствоваться какъ бы составной частью корня. Происходилъ поэтому процессъ поглощенія корнемъ слова суффиксовъ. Въ русскихъ словахъ солнце, сердце, кольцо ѣц не чувствуется суффиксомъ, между тѣмъ слова сердобольный, коловратный, солнопекъ указываютъ на отсутствіе въ нихъ ѣц. Но, кромѣ служебныхъ частей рѣчи, корни впослѣдствіи стали соединяться и съ знаменательными словами, примѣръ чего мы видимъ въ русскихъ словахъ краснобай, злодѣй, лицедѣй и т. п. Суффиксы, происшедшіе отъ знаменательныхъ частей рѣчи, по соединеніи ихъ съ корнемъ теряютъ свою знаменательность и по своему значенію приближаются къ мѣстоименнымъ корнямъ. Но все же одинъ и тотъ же суффиксъ въ одномъ и томъ же словѣ можетъ имѣть разновременно два значенія. Такъ, суффиксы *к*, *ик*, *ище* могутъ обозначать уменьшительность или увеличительность предмета, а также и чувство ласки и пренебреженія, срв.: головка, домикъ, домище.

Въ большинствѣ случаевъ суффиксы, разграничивая слова по различнымъ категоріямъ, теряютъ свою многозначность и являются носителями только одного значенія. Такъ, суффиксъ *тель* обозначаетъ дѣйствующее лицо: создатель, учитель; *ло*—орудіе дѣйствія: шило, мыло, било; *ива*, *ива*, *ова*—длительность дѣйствія: читываль, спрашиваль и т. п. Но это значеніе въ суффиксѣ вырабатывается исторически и приобрѣтается имъ не сразу. Суффиксъ *ина* въ началѣ означалъ единичность предмета. Дружина первоначально обо-

значало друга, родина — родственника, осина — единичное дерево. Потомъ тотъ же суффиксъ начинаетъ употребляться съ значеніемъ собирательности: дружина означаетъ совокупность близкихъ людей, соединившихся во имя одной цѣли, скотина — совокупность домашнего скота, лозина — породу извѣстныхъ деревьевъ и т. п. Этой постепенностью развитія въ суффиксѣ значенія и объясняется разный смыслъ одного и того же суффикса въ различныхъ словахъ. Суффиксъ, приобретаая новый оттѣнокъ въ значеніи, не теряетъ и прежняго; отсюда имена — дружина, барщина — собирательныя; а мужчина, женщина, осина — единичныя. Въ суффиксахъ замѣчается также омонимичность. При одномъ звуковомъ строеніи они могутъ быть выразителями разныхъ категорій. Суффиксъ „ня“, означая мѣсто: кухня, баня, плотомойня, башня, вмѣстѣ съ тѣмъ можетъ служить для обозначенія имени лицъ женскаго пола: княгиня, графиня и вмѣстѣ для обозначенія породы деревьевъ: вишня, яблоня и т. п. Суффиксъ ецъ, обозначая родъ занятій: кузнецъ, купецъ, торговецъ, можетъ обозначать принадлежность къ мѣстожительству: японецъ, петербуржецъ, и даже орудія дѣйствія — рѣзецъ и т. п.

Суффиксы такъ же, какъ и слова имѣютъ неодинаковую жизненность. Соединяясь съ корнемъ слова, поглощаясь имъ, суффиксъ теряетъ свои звуки, и отъ него часто остается только одинъ согласный звукъ: м, н, к, л и т. п. Въ словахъ храмъ, дымъ, станъ, весна, крѣпкій, высокій, сладкій, шило, рыло, сало, мыло (польск. mydło) перечисленные нами согласные м, н, к, л — суффиксы. Эти согласные вслѣдствіе исчезновенія звуковъ, опредѣлившихъ ранѣе природу значенія суффикса, въ настоящее время для языковаго чутья являются звуками безъ всякаго значенія, а потому современный языкъ при образованіи новыхъ словъ не пользуется этими звуками, и они продолжаютъ оставаться только въ словахъ, выработавшихся въ раннюю эпоху жизни языка.

По своему образованію суффиксы, подобно словамъ, могутъ дѣлиться на простые и сложные. Такъ суффиксъ ик можетъ измѣняться въ ичекъ, очекъ: мужикъ, мужичекъ, часикъ, часочекъ; суффиксъ ен можетъ сочетаться съ суффиксомъ к: ручка, рученка, тела, теленокъ и т. п. Суффиксы распространяются часто въ тѣхъ случаяхъ, когда прежній суффиксъ слился съ корнемъ и пересталъ чувствоваться частью слова. Солнце, кольцо, сердце, мужикъ, конецъ были прежде уменьшительными словами, но съ теченіемъ времени эта уменьшительность исчезла, появляются отъ этихъ прежде уменьшительныхъ новыя уменьшительныя: солнышко, колечко, сердечко, кончикъ, мужичекъ, личико и т. п.

Въ качествѣ префиксовъ употребляются чаще предлоги. Мы уже сказали и о томъ, что префиксы способны болѣе сохранять свою

знаменательность, чѣмъ суффиксы. Это зависитъ, во-первыхъ, отъ того, что префиксы въ сравненіи съ суффиксами болѣе поздняго происхожденія, а, во-вторыхъ, и отъ того, что въ индо-европейскихъ языкахъ большей неустойчивостью и способностью къ разрушенію отличается не начало слова, а его конецъ. Въ качествѣ префиксовъ могутъ употребляться и знаменательныя слова. Такъ, въ словѣ жаворонокъ первый слогъ же произошелъ отъ слова гай, садъ, и буквальное значеніе этого слова будетъ садовой воронкой. Въ словахъ калѣка и Калуга первый членъ сложенія восходитъ къ литовскому слову *koja*—нога.

§ 38. СИНОНИМЫ.

Слово синонимъ греческое *συνώνυμος* значитъ соименный, однозначащій. Синонимами называются такія слова, которыя одно и то же представленіе выражаютъ словами, происшедшими отъ разныхъ корней. Таковы, напримѣръ, слова: мужество, храбрость и доблесть, путь и дорога; старый, древній и ветхій; прекрасный, прелестный, красивый; обмануть, провести; трудиться, дѣлать, работать и т. п. Въ языкѣ первобытнаго человѣка на первыхъ ступеняхъ развитія этого языка при бѣдности корней-словъ синонимическихъ выраженій не было. Наоборотъ, въ немъ однимъ словомъ обозначались самыя разнообразныя понятія. Слово *kam* въ санскритѣ обозначало и любить и хлебать, *da*—давать и вязать; *indh* уязвлять, жечь, горѣть; *ga* идти и пѣть; *ag* шевелить, прилагивать, нападать и т. п. Изъ этого видно, что въ праязыкѣ преобладали омонимическія выраженія. Процессъ образованія синонимовъ происходилъ слѣдующимъ образомъ. Предметы и явленія внѣшней природы давали при повторныхъ воспріятіяхъ различныя впечатлѣнія, потому что одинъ и тотъ же предметъ въ различное время проявляетъ себя со стороны разныхъ качествъ и дѣйствій. Это различіе качествъ и дѣйствій предметовъ вызывается еще и тѣмъ, что при воспріятіяхъ человѣкъ улавливаетъ въ предметѣ то, что въ немъ ему казалось неизвѣстнымъ. Возьмемъ для примѣра образованіе слова *человѣкъ* въ индо-европейскихъ языкахъ. Въ санскритѣ понятіе *человѣкъ* выражено словомъ *martya*, что значитъ смертный. Главнымъ признакомъ взята черта, общая для всѣхъ живыхъ организмовъ, его разрушаемость, смертность. Но потомъ наблюденіе надъ строеніемъ человѣческаго организма дало новый признакъ, что онъ питается продуктами земли и послѣ смерти становится той же землею, отсюда появляется въ латинскомъ языкѣ слово *homo*, взятый отъ земли. Наблюденіе продолжается дальше

и обращается на то, что человѣкъ въ отличіе отъ другихъ живыхъ существъ можетъ поднимать голову вверхъ, смотрѣть на небо и въ греческомъ языкѣ создано слово—смотрящій вверхъ—*ἀνθρῶπος*. Въ германской семьѣ народовъ былъ выдвинутъ новый признакъ: человѣкъ въ отличіе отъ животныхъ мыслить, и его стали называть словомъ Мапп. Для примѣра возьмемъ русскія синонимическія выраженія: жена, супруга, подружіе, лада, хоть. Слово жена по сродству этого слова съ санскритскимъ *gan*—рождать значитъ рожающая. Супруга *смиргга* происходитъ отъ корня *прагти*, запрягать и это обозначаетъ запряженная совместно съ мужемъ для общей работы; подружіе, имѣя родство со словомъ другъ, своей этимологіей ясно указываетъ на особенную близость жены къ мужу; лада, совпадая по своему строенію со словомъ Ладо, богъ веселья, и съ прилагательнымъ ладный, согласный, означаетъ человѣка, вносящаго въ семью радость, согласіе, и, наконецъ, слово хоть, будучи сближено съ словомъ хотѣть, обозначаетъ желанное существо въ семьѣ. Въ жизни тѣхъ народовъ, у которыхъ не успѣло развиваться рефлексивное мышленіе, и которые поэтому живутъ подъ непосредственнымъ вліяніемъ природы, не перерабатывая представленій въ понятія, синонимическихъ словъ весьма много. Въ санскритѣ солнце обозначается 20 словами: свѣтъ, теплота, родитель, предохранитель, разрушитель, небесный глазъ, волкъ, левъ, отецъ жизни и т. п. Въ арабскомъ языкѣ имѣется 500 названій льва, 200—для змѣи, 5744—для верблюда. Такое богатство синонимическихъ словъ находится, между прочимъ, въ зависимости отъ изощренности вѣшнихъ чувствъ, наблюдательности.

Синонимическія выраженія нельзя считать тождесловными выраженіями: всѣ они обозначаютъ разные признаки одного и того же предмета и вмѣстѣ съ тѣмъ явились результатомъ разныхъ впечатлѣній.

Другимъ условіемъ образованія синонимическихъ выраженій является забвеніе первоначальнаго значенія корня, потеря корнемъ своей знаменательности. Вслѣдствіе постоянного употребленія въ словѣ, какъ въ монетѣ, стирается его связь съ вызвавшимъ его къ жизни словомъ-корнемъ, и оно становится похожимъ на алгебраическое выраженіе, дѣлается знакомъ знака представленія. И это мало знаменательное выраженіе нуждается въ своемъ дальнѣйшемъ опредѣленіи. Это новое опредѣленіе слова, потерявшего свою знаменательность, совершается черезъ посредство сужденія. Слово, разорвавши свою связь съ представленіемъ, потерявши свою знаменательность, становится неизвѣстнымъ членомъ сужденія, *x*—мѣ, подлежащимъ, а тотъ новый признакъ, который въ немъ познанъ, какъ въ названіи понятія или представленія, дѣлается сказуемымъ сужденія. По-

ложимъ, въ словѣ дѣвица утеряно этимологическое значеніе этого корня див, диво, дивный, *divinus* въ значеніи восхитительный, и обращено вниманіе на другой признакъ красоты дѣвицы, выражающуюся прежде всего въ окраскѣ лица „крас“, потомъ въ гармоніи очертаній и движеній, и результатомъ этого является сужденіе: эта дѣвица есть красавица. Это сужденіе примѣняется ко всѣмъ дѣвицамъ, и оно изъ частнаго дѣлается общимъ. Вслѣдствіе того, что красота дѣвицы есть ея постоянное свойство, связка есть исчезаетъ и сказуемое дѣлается приложеніемъ къ слову дѣвица, его эпитетомъ, и получается парное слово дѣвица-красавица. Такія парныя слова долгое время не разрываютъ своей связи и чувствуются какъ бы однимъ гонятіемъ. Выраженія „подступила рать-сила великая“, „скажу не утаю“, „открою всю правду-истину“, „путь дорогу кажетъ“, „пала злодѣй печаль-тоска въ ретиво сердце“, „раскипѣлося, разгорѣлося ретиво сердце“ заключаютъ въ себѣ синонимы, употребительные въ современной народной поэзії и донынѣ. Эти парныя синонимическія выраженія яснѣе и ярче опредѣляютъ природу соответствующаго имъ понятія, чѣмъ одно слово. А когда уже вслѣдствіе долгаго употребленія въ языкѣ природа понятія опредѣлилась, то въ такихъ парныхъ выраженіяхъ больше не чувствуется нужды, и они начинаютъ разъединяться, и въ языкѣ получаютъ отдѣльныя синонимическія слова.

Затѣмъ, синонимы могли развиваться въ разныхъ говорахъ языка діалектически. Говоры одного и того же нарѣчія отличаются не только фонетическими особенностями, сводящимися къ произношенію словъ, но и лексическими. Въ различныхъ говорахъ одинъ и тотъ же предметъ могъ называться словами разныхъ корней, безразлично собственными или заимствованными. Въ одномъ говорѣ употребляется слово заборъ, а въ другомъ заплоть (сибирск.); въ одномъ сарай, а въ другомъ завозня (сибирское), чердакъ—вышка, круто (волог.)—скоро и т. п. Далѣе, происходитъ заимствованіе однимъ говоромъ словъ другого говора (напр., сорочка и рубашка, чердакъ и вышка), а такъ какъ заимствованныя слова изъ другого говора могли въ своемъ значеніи ничѣмъ не отличаться отъ тѣхъ же синонимовъ другого говора, то въ языкѣ появляются слова тождественныя по значенію.

Различіе между синонимами познается по словопроизводству, т. е. по ихъ родству съ однокоренными словами и по употребленію ихъ въ рѣчи. Но этимологическій принципъ сопряженъ со многими трудностями; идею корня не всегда можно опредѣлить посредствомъ сравненія словъ только своего языка, такъ какъ корни словъ уходятъ въ родственные языки, и тамъ только опредѣляется ихъ смыслъ. Для примѣра возьмемъ синонимы путь-

дорога. Слово путь, *путь* родственно съ греческимъ словомъ *πυτος*, море и латинскимъ *pons, pontis*—мостъ, и отсюда заключаемъ, что первоначальное значеніе слова путь есть направленіе. И дѣйствительно, выраженіе изъ „Слова о полку Игоревѣ“ „солнце ему путь кажетъ“ надо понимать не въ томъ смыслѣ, что солнце освѣщаетъ дорогу, а что оно показываетъ Игорю направленіе, по которому онъ долженъ итти. Посредствомъ этимологіи слово „дорога“ мы и совсѣмъ не опредѣлимъ, потому что корень этого слова темный. Этимологія не всегда можетъ быть надежнымъ средствомъ для отличенія синонимовъ еще и потому, что слово за многовѣковые періоды своего существованія пріобрѣтаетъ въ разныя времена по нѣскольку значеній и вмѣстѣ съ тѣмъ постепенно эти значенія теряетъ. Возьмемъ синонимическія выраженія трудъ и работа. Слово трудъ въ „Словѣ о полку Игоревѣ“ означаетъ отраву, ядъ („чръпахуть ми синее вино съ трудомъ смѣшено“), тѣмъ же словомъ обозначается и болѣзнь, въ смыслѣ страданія: *дніе лѣтъ нашихъ, въ нѣхъже сѣмьдесятъ лѣтъ, аще же въ силѣхъ, сѣмьдесятъ лѣтъ, и множае ихъ трудъ и болѣзнь* (пс. 89); объ умирающемъ говорятъ, что онъ трудится. Слово работа, происходя отъ корня *раб-ъ*, указываетъ на то, что работа, трудъ есть свойство раба ¹⁾. Такимъ образомъ, филологія опредѣлила только прежнее употребленіе словъ трудъ и работа, но не указала тѣхъ существенныхъ признаковъ, по которымъ эти синонимы различаются въ современномъ языкѣ. Этотъ принципъ дается употребленіемъ словъ, ихъ *usus*-омъ въ живой рѣчи. Для разграниченія рассматриваемыхъ словъ возьмемъ народное выраженіе: „не трудна моя работа, угодить мнѣ вамъ охота“, и это выраженіе укажетъ, что въ понятіи трудъ мыслится усиліе, напряженіе, результатомъ котораго можетъ быть ослабленіе организма. Уясненіе природы слова „трудъ“ отрицательно опредѣлило смыслъ слова „работа“: въ немъ не мыслится усиліе и напряженіе. И, дѣйствительно, выраженіе „трудиться языкомъ“ возможно развѣ только въ юмористическомъ смыслѣ, а выраженіе трудиться головой и совершенно невозможно ни въ какомъ смыслѣ; можно говорить только *работатъ* языкомъ, головой и т. п. Въ языкѣ возможно выраженіе: „нашъ работникъ настоящій труженикъ“, но наоборотъ, въ томъ же смыслѣ: „нашъ труженикъ настоящій работникъ“—невозможно. Изъ этого мы заключаемъ, что по своему значенію слово работа обозначаетъ болѣе широкое понятіе, чѣмъ слово трудъ, потому что первое можетъ быть сказуемымъ сужденія.

Процессъ вызова тѣхъ или другихъ синонимовъ совершается за порогомъ сознанія. Но онъ отражается въ *lapsus*-ахъ языка.

¹⁾ Первоначальное значеніе слова работа по сравненіи съ нѣмецкимъ *Arbeit* означаетъ распаханіе земли.

Иногда говорят вмѣсто надо — нужно, вмѣсто нужно — нудо, вмѣсто закройте дверь — заприйте. Эти ошибки языка свидѣлствуютъ о томъ, что при выборѣ словъ синонимическія выраженія сталкиваются между собою и оставляютъ слѣдъ въ произношеніи слова. Отсюда же мы видимъ, что, такъ какъ этихъ ошибокъ бываетъ сравнительно мало, то этотъ выборъ синонимовъ отличается ничтожной затратой умственной энергіи.

§ 39. ЗАИМСТВОВАННЫЯ СЛОВА.

Каждая отдѣльная нація имѣетъ въ своей жизни свои особенности и, благодаря этимъ особенностямъ, развивается иначе, чѣмъ другой народъ, или другое племя. Эти особенности въ исторической жизни народовъ находятся въ зависимости отъ многихъ причинъ: географическихъ, климатическихъ, этнографическихъ, политическихъ и т. п. Такъ, вслѣдствіе своего приморскаго положенія Финикія сдѣлалась торговымъ государствомъ; въ ней развивалось мореплаваніе. А все это и должно было отразиться на языкѣ финикійянъ. Въ древней Греціи, благодаря незначительности ея территоріи и рѣзкимъ естественнымъ границамъ, отдѣлявшимъ греческія племена одно отъ другого, и вслѣдствіе благоприятныхъ климатическихъ условій, рано выработалась своеобразная политическая жизнь и своеобразная античная культура съ ея высокоразвитой литературой. Все это также должно было вліять и на развитіе греческаго языка. Римская имперія по причинѣ своего политическаго могущества покорила своей власти чуждыя римлянамъ народности, и, благодаря этому, выработалась точная система права, и латинскій языкъ долженъ былъ обогатиться соотвѣтственно тому и особенными характерными для этой культуры словами. Если мы обратимъ вниманіе на жизнь новыхъ европейскихъ народовъ, то мы также и въ ихъ жизни найдемъ свои особенности, отличающія одну націю отъ другой. Италія — страна искусствъ и, въ частности, музыки и пѣнія, Франція является законодательницею моды, въ Англіи особенно развились торговля и морское дѣло и т. п. Отдѣльныя націи, каждая развиваясь въ своихъ особенностяхъ, не живутъ изолированно, въ разобщеніи другъ съ другомъ. Между отдѣльными народами происходятъ международныя сношенія — торговые и военныя, и, благодаря этому, одинъ народъ заимствуетъ отъ другого его культуру, усваиваетъ новыя идеи и новыя понятія. При чемъ для этихъ новыхъ понятій и идей въ языкѣ народа, усваивающаго чужую культуру, не хватаетъ своихъ словъ, и поэтому вмѣстѣ съ идеями, выработавшимися на чужой почвѣ, заимствуются и чужія слова. Заимствованныя слова отливаются въ форму барбаризмовъ, неологизмовъ и провинціализмовъ.

§ 40. БАРБАРИЗМЫ.

Слово барбаризмъ происходитъ отъ латинскаго слова *barbarus*, что значить чужеземецъ. Подъ именемъ барбаризмовъ понимаются слова, заимствованныя изъ чужихъ языковъ. Слова могутъ заимствоваться или изъ языковъ одной и той же индо-европейской семьи: изъ греческаго, нѣмецкаго, французскаго, итальянскаго и т. п., или же изъ языковъ чужихъ, неродственныхъ: еврейскаго, арабскаго, турецкаго, татарскаго и т. п. Наконецъ, заимствованныя слова могутъ различаться и по времени своего происхожденія. Одни слова появились въ раннюю историческую эпоху, а другія въ болѣе позднюю.

Кромѣ того, въ заимствованныхъ словахъ надо различать способъ ихъ проникновенія въ языкъ. Барбаризмы могутъ заимствоваться черезъ письменность и съ голоса. Такъ какъ между произношеніемъ словъ и ихъ написаніемъ нѣтъ полного соотвѣтствія въ виду того, что написаніемъ словъ отражается преждее, исчезнувшее произношеніе, съ одной стороны, и съ другой—правописаніе основывается на морфологическихъ законахъ, то при заимствованіяхъ черезъ письменность, при незнакомствѣ съ произношеніемъ чужихъ словъ, слово воспринимается въ его написаніи. Вслѣдствіе этого непронизносимые въ французскомъ языкѣ конечные согласные въ русскомъ произносятся: изъ *ballet* возникло балетъ, изъ *présent*—презентъ и т. п.; англійское *peer*, произносимое пир, въ русскомъ стало произноситься, какъ пѣръ; *slobo* (клубъ) въ началѣ XIX вѣка произносилось, какъ клубъ. Иногда одно и то же слово проникаетъ и съ голоса и черезъ письменность. Слово штатскій перешло въ этой своей формѣ изъ нѣмецкаго языка съ голоса, потому что сочетаніе *st* произносится, какъ *št*; а статскій—черезъ письменность.

Въ тѣхъ случаяхъ, когда заимствованныя слова не подверглись звуковымъ измѣненіямъ, согласно фонетическимъ особенностямъ русскаго языка, въ нихъ удерживаются признаки тѣхъ языковъ изъ которыхъ они заимствованы. Эти признаки могутъ быть двухъ родовъ: фонетическіе и морфологическіе. Фонетическіе признаки это тѣ, которыми характеризуется строеніе слова и, главнымъ образомъ, его корневой части со стороны свойственныхъ этому языку звуковыхъ сочетаній. Такъ сочетаніе *ya* свойственно французскому языку (*вуаль*, *будуаръ*), *шт*—нѣмецкому, *ia*, *ya*, *io*—итальянскому (*піанино*, *адажіо*, *фортепьяно*), повторяемость гласныхъ (*гармонія*) и чередуемость гласныхъ твердыхъ съ твердыми и мягкихъ съ мягкими тюркскимъ (*башмакъ*, *амбаръ*, *кушакъ*, *колчанъ*). При посредствѣ морфологическихъ признаковъ опредѣляется происхо-

жденіе суффиксовъ, префиксовъ и окончаній, а черезъ нихъ и происхожденіе всего слова (хотя чужеземные префиксы и суффиксы, какъ увидимъ дальше, могутъ соединяться и съ русскими корнями). Такъ, суффиксъ пре характеренъ для славянскаго языка (прелестный, прекрасный), анти—для греческаго (антифонъ, антиминсъ), ир-овать—для французскаго (репетировать, манкировать), ці-я—для латинскаго (экзерциція, ассоціація); гласныя окончанія о и е въ несклоняемыхъ словахъ для французскаго (жюри, бюро, депо, кофе).

Въ русскомъ языкѣ различаются заимствованія варяжскія, греческія, татарскія, финскія, латинскія, англійскія, нѣмецкія, итальянскія. При чемъ въ различные періоды жизни языка преобладаютъ заимствованія то изъ одного языка, то изъ другого. Въ эпоху образованія русскаго государства, когда вслѣдствіе призванія варяговъ, русскій народъ познакомился съ особенностями варяжской культуры, было усвоено много варяжско-нѣмецкихъ словъ. Къ числу такихъ варяжско-нѣмецкихъ словъ относятся князь, кнѣзь, Kuning; ~~мѣло~~ молоко, Milch; ~~църкы~~ церковь, Kirche¹⁾, ~~хлѣбъ~~ hlaibs, витязь, viking, варягъ (мелочной торговецъ, офеня), varing, пѣнязь, pfening. Къ числу словъ заимствованныхъ непосредственно изъ варяжско-нормандскаго языка относятся слѣдующія: глазъ, безмень, тіунъ вира, верфъ, грузъ. Многія варяжскія заимствованія, напр., названія днѣпровскихъ пороговъ (ессупи, геландри, анфаръ и т. п.) вымерли еще въ древній періодъ жизни языка. Съ принятіемъ христіанства изъ Византіи русскій языкъ начинаетъ обогащаться греческими словами, которыя употребляются для обозначенія христіанскихъ религіозныхъ понятій. Къ такимъ заимствованиямъ принадлежатъ слова: ангель, апостоль, архіерей, діаконъ (дьякъ, дьячокъ—передѣлки изъ слова дьяконъ), ектенія, елей, клиросъ, икона, иконостасъ, епитимія, каедрa и многія другія. Нѣкоторыя греческія слова заимствованы въ позднѣйшую эпоху черезъ посредство латинскаго языка и поэтому въ своемъ произношеніи отличаются отъ заимствованныхъ непосредственно изъ греческаго. Таковы тема (ѳема), теологія (ѳеологія), театр (ѳеатръ) тезисъ, теорія (ѳеорія), поэтъ (піита). Къ числу греческихъ заимствованій надо отнести и всѣ искусственно составленные слова изъ греческихъ корней для обозначенія предметовъ техники: телеграфъ, телефонъ, аэропланъ и др. Названія многихъ наукъ и научные термины заимствованы также изъ греческаго языка. Таковы: анатомія, фізіологія, психологія, біологія, антропологія, географія, геометрія и т. п. Научные термины: ода, трагедія, комедія, эпосъ, центръ, діаметръ, электричество, эпоха, динамическая, кинематическая энергія, семасіологія,

¹⁾ Это же слово Kirche въ русскій языкъ было въ XVI столѣтіи заимствовано исторично и уже въ другой звуковой формѣ: кирка.

фонетика, морфологія и мн. другія. Финская языковая группа дала русскому языку слѣдующія слова: пасмо (лѣну), пахтатъ (сметану), тина, товаръ. Татарское иго было причиною того, что въ нашъ языкъ вошло много словъ татарскаго происхожденія. Таковы слова: алтынъ, алый, башлыкъ, башка, амбаръ, лошадь, собака, тараканъ, хозяинъ, ясакъ, кнутъ, арбузъ, деньги, бахча, хорохориться (отъ слова Карокоры, столица хановъ, ставка, куда на поклонъ пріѣзжали наши князья, и надъ которыми ханы „хорохорились“) и мн. другія. Польскихъ заимствованій въ общелитературномъ языкѣ и великорусскомъ нарѣчій мало. Къ нимъ относятся: панъ, пановать, вирша (черезъ латинское *versus*), вензель (черезъ старо-славянское вазати, вязать), бляха, бричка, булка, рыдванъ. Но зато польскихъ заимствованій очень много въ бѣлорусскомъ и малорусскомъ нарѣчійхъ. Къ числу южно-славянскихъ заимствованій — сербскихъ относятся слѣдующія: пастыръ, русское пастухъ, старѣйшина русское староста, жертва русское треба, чрево — утроба, свидѣтель древнерусское послухъ. Слова эти проникли въ языкъ богослужбныхъ книгъ послѣ раздѣла митрополіи на московскую и кievскую, въ періодъ образованія литовско-польскаго государства, въ которомъ высшее духовенство иногда (митр. Кипріанъ, Григорій Цамвлакъ) по политическимъ соображеніямъ избиралось изъ южныхъ славянъ. Въ петровскую эпоху множество словъ къ намъ проникло изъ латинскаго языка, потому что этотъ языкъ въ XVIII вѣкѣ былъ языкомъ науки: на немъ писались почти всѣ ученые сочиненія. Латинскія заимствования петровской эпохи слѣдующія: викторія, екзерциція, квалитетъ, фортеція, аддиціо, решпектъ, персона, кондуитъ, конфузія, сатисфакція и многія другія. Въ современномъ языкѣ эти латинскія заимствования не существуютъ: они исчезли, потому что не вызывались необходимостью. Всѣ эти заимствования легко замѣнялись даже и въ то время русскими словами. Въ царствованіе Петра Великаго и послѣ него вошло много нѣмецкихъ и англійскихъ словъ для обозначенія предметовъ военнаго и морскаго дѣла. Таковы слова: солдатъ, офицеръ, генераль, фельдмаршалъ, фельдшеръ, адмираль, рынду-бей, битенгъ, боцманъ, борть, боть, ботикъ, шлюпка, рубка и многія другія. Со второй половины XVIII вѣка сдѣлалось сильно замѣтнымъ вліяніе французской литературы на русскую и одновременно съ этимъ проникаютъ въ русскій языкъ въ изобиліи французскія слова. Примѣры этой смѣси русскихъ словъ съ французскими можно видѣть въ „Недоросли“ Фонвизина и сатирическихъ журналахъ того времени. Такъ, рѣчь Иванушки и Совѣтницы пересыпана галлицизмами (французскими словами). Примѣры: фасонъ, церемонія, комплиментъ, резонъ, канабельна, жени, дискюрировать, бильеду, эндиферанъ,

комплезанъ и мн. другія. Но большинство и этихъ словъ за ихъ ненужностью исчезло. Сохранились въ качествѣ французскихъ заимствованій въ нашемъ языкѣ слова модной терминологіи и названія многихъ предметовъ роскоши и домашняго быта. Таковы: абажуръ, аграмантъ, блонды, блуза, бордюръ, будуаръ, браслетъ, вуаль, газъ, жилетъ, капотъ, коленкоръ, кушетка, пудра, ридикюль, пальто, портмоне, рояль, сервизъ, тротуаръ, туалетъ, фасонъ и мн. другія. Музыкальная терминологія заимствована изъ итальянскаго языка. Примѣры: фортепьяно, піанино, віолончель, піанистъ, минорная, мажорная гаммы, басъ, альтъ и т. п.

Барбаризмы по своему происхожденію раздѣляются на усвоенные и чужіе. Усвоенными называются тѣ слова, которые вошли въ широкое употребленіе и одинаково умѣстны какъ въ литературной рѣчи, такъ и въ народной. Многія слова усвоены языкомъ въ очень давній періодъ времени. Къ числу такихъ относятся барбаризмы, заимствованные изъ греческаго и татарскаго языковъ. Многіе изъ нихъ чувствуются уже какъ бы своими, природными словами, напр.: дьячокъ, крылашь, монастырь, безменъ, амбаръ, алый, налой и мн. др. Но и слова, заимствованныя въ недавнее время, чувствуются тоже своими, русскими словами. Таковы: солдатъ, рубка, протупея (портупея), шапка, пальто, мода, дышло (нѣм. Deichsel) и мн. др. Наоборотъ, барбаризмы, вошедшіе въ языкъ съ давнихъ поръ, чувствуются и до настоящаго времени чужими, не усвоенными. Къ таковымъ относятся: епископъ, архимандритъ, эшитрахиль, каюзма, тропарь, кондакъ, епархія и мн. другіе. Усвоенныя слова отъ чужихъ отличаются по своему морфологическому строенію. Въ нихъ чуждые звуки для русскаго произношенія видоизмѣнились, сообразно законамъ фонетики русскаго языка. Въ словѣ дьяконъ звукъ „д“ произносится мягко, чего не можетъ быть въ чужомъ произношеніи слова, і измѣнилось въ j, о, какъ безударный гласный, по правиламъ того же акающаго великорусскаго произношенія въ „а“ — дьяканъ. Слово пальто тоже чувствуется русскимъ словомъ. Въ немъ происходитъ чередованіе основы: пальто — полта. Затѣмъ, усвоенныя слова отличаются отъ неусвоенныхъ еще и тѣмъ, что отъ нихъ можно производить, какъ отъ своихъ словъ, родственныя слова и пользоваться для этого русскими суффиксами и префиксами: шапка, шапочка, шапченка; лимонъ, лимончикъ, слимонить, налимониться. Между тѣмъ отъ словъ эпось, абберрація, экваторъ, гипотенуза, епископъ нельзя произвести словъ, а если можно, то они будутъ казаться искусственными: епископствовать, трагедійка, идеяка и т. п. Усвоенныя слова отличаются отъ чужихъ еще и тѣмъ, что въ нихъ въ чужое значеніе корня вкладывается свое содержаніе черезъ звуковое сближеніе этого

корня со своимъ русскимъ. Такъ, слово семафоръ въ переводѣ съ греческаго языка значить показатель (несущій знакъ), а въ народномъ произношеніи замахворъ сближено со словомъ махать; китайское названіе хлѣбнаго растенія гаолянъ народъ сблизилъ съ русскимъ словомъ ковыль, и получилось слово ковылянь; слово пиджакъ переходитъ въ спинжакъ, это слово ассоциируется со словомъ спина; слово литеры, латинское litterae, письмо, науки, сближено съ русскимъ словомъ лить и получилось литеры въ значеніи типографскаго шрифта. Филологія XVIII и раннихъ вѣковъ сближала, такимъ образомъ, многія иностранныя слова съ русскими. Лютеръ получилъ такое имя, по мнѣнію книжниковъ временъ Грознаго, за то, что онъ лютый еретикъ. Фамилія Яна Гусса послужила поводомъ для созданія легенды о томъ, что за гусемъ явится другая болѣе сильная птица—орелъ (намекъ на Лютера). Тредьяковскій слово Британнія сближалъ со словомъ пристань—Пристаннія, этруски—хитрушки, Мадридъ—мудрить, Испанія—Вышпанія; Шлецеръ слово бояринъ сближалъ со словомъ баранъ и т. п.

Барбаризмы могутъ исчезать изъ языка, вымирать, подобно кореннымъ русскимъ словамъ. Такъ, слова алатырь, индрикъ, канонеръ, булатъ, тонцы, тавлея въ живомъ употребленіи не встрѣчаются. Они составляютъ особенность народной поэзіи. При этомъ вымираніе можетъ быть неполнымъ, а частичнымъ. Слово можетъ исчезнуть изъ литературнаго языка и употребляться въ народной рѣчи. Таковы слова оказья, близиръ, гризеть и другія. Наконецъ, слово можетъ войти въ живой языкъ и не сдѣлаться достояніемъ литературнаго: шерамыга, халтура, форсить, айда и др.

Отъ заимствованныхъ словъ надо отличать коренныя русскія слова, которыя на первый разъ могутъ казаться иностранными въ виду отсутствія звуковой связи съ другими словами и полной ихъ обособленности. Таковы, напр., крынка, колбаса, опекунь. Слово крынка родственно съ бѣлорусскимъ скрыня - сундукъ и съ польскимъ sęgna (сундукъ), и хотя они сходны съ латинскимъ scīna, но этому сходству они обязаны еще въ періодъ общинно-европейскаго единства. Слово колбаса славянскаго происхожденія: первый членъ сложенія его коло-кругъ. Кажется это слово чужеземнымъ потому, что непонятенъ второй членъ сложенія. Слова опекунь, опекать стоятъ особнякомъ, потому что въ нихъ корень пек взять не въ смягченной и болѣе распространенной употребительной формѣ печ, а въ формѣ новѣйшаго образованія (пеку, пекешъ, пекемъ), и въ качествѣ приставки взять предлогъ о, мало употребительный въ сложеніи словъ. Такимъ образомъ, для различенія иностранныхъ словъ отъ коренныхъ русскихъ нужно поль-

зоваться морфологическимъ принципомъ, т.-е. изучать это слово со стороны его строенія.

Языкъ можетъ заимствовать не только знаменательныя части слова, но и аффиксы, т.-е. префиксы и суффиксы, и спаивать съ русскими корнями. Изъ польскаго языка, напр., заимствованъ префиксъ наи для соединенія его съ прилагательными превосходной степени: наилучшій, наивѣрнѣйшій, наименьшій и т. п. Префиксъ пре заимствованъ изъ церковно-славянскаго языка и по образцу славянскихъ словъ преблагій, премудрый образовались слова прекрасный, претрудный, премилый. Заимствованными суффиксами являются части словъ про-вать, теи и инъ. Первый суффиксъ заимствованъ изъ французскаго, а второй и третій изъ греческаго языковъ. При помощи перваго составлены слова бронировать, лакировать, пикироваться; втораго — богатѣй, зажитей, а третьяго — одобринъ, мозолинъ, антимолинъ и т. п.

§ 41. НЕОЛОГИЗМЫ.

Слово неологизмъ греческое составлено изъ словъ *νέος*—новый и *λόγος*—слово. Неологизмами называются вновь составленные слова изъ корней своего языка. Въ языкѣ они появляются по тѣмъ же причинамъ, по какимъ и барбаризмы. Въ жизни народовъ бываютъ эпохи особеннаго подъема умственныхъ силъ, ведущія за собою развитіе науки и литературы. И тогда-то появляется потребность въ новыхъ словахъ для обозначенія новыхъ понятій. Собственно, каждое слово въ періодъ его возникновенія считается неологизмомъ, но принято считать неологизмами слова, недавно вошедшія въ употребленіе. Слова—предметъ, утонченный, трогательный, сосредоточить были неологизмами въ карамзинскій періодъ жизни языка, но для нашего времени они таковыми не чувствуются. Неологизмы слагаются чаще всего по образцу иностранныхъ словъ. Изъ чужихъ языковъ берется идея слова и облекается она въ русскую звуковую форму. Поэтому неологизмы этого рода можно считать скрытыми барбаризмами. Въ эпоху принятія христіанства идея для новыхъ словъ заимствовалась изъ греческаго языка, и тогдашніе неологизмы были переводомъ греческихъ словъ. Такимъ образомъ, появились слова: беззаконіе (*ἀνομία*), благодѣтель (*εὐεργέτης*), предатель (*πρόδο-της*), сѣпругъ (*σείρυρος*). Въ петровскую эпоху и въ слѣдующіе періоды жизни языка возникаетъ въ нашемъ языкѣ очень много неологизмовъ. Кантемиромъ созданы слѣдующія слова: средоточіе, понятіе, временщикъ; Ломоносовымъ — сѣверное сіяніе; Тредьяковскимъ естественность (*essentia*), разумность (*intelligentia*), подлежа-

щее (subectum), Провидѣніе (Providentia), искусство (experientia), внимание, великолѣпный; Карамзинымъ—переворотъ (revolution), развитие (developpement), занимательно (interessant), влияние (influence); Шишковымъ—пріемъ вм. аудіенція, пайщикъ вм. акціонеръ, оружейная вм. арсеналь; Гречемъ придумано слово пароходъ по образцу русскихъ словъ, существовавшихъ въ языкѣ ранѣе скороходъ, водовозъ, сѣнокосъ и т. п.

Иногда неологизмы не имѣютъ никакой связи съ иностранными словами, и въ этомъ случаѣ они являются плодами народнаго творчества: изобрѣтателями ихъ является толпа, народъ. Къ такимъ неологизмамъ относятся: доброволецъ, конка, чугунка, присяжный повѣренный, полустанокъ, вольноопредѣляющійся, забастовка и т. п. Эти слова, въ отличіе отъ заимствованныхъ неологизмовъ, скорѣе входятъ въ общее употребленіе, дѣлаясь достояніемъ не только общелитературнаго языка, но и живой рѣчи. Неологизмомъ слово становится и тогда, когда въ немъ измѣняется суффиксъ или второй членъ сложенія, а первый членъ остается прежнимъ. Вмѣсто опрятство Карамзинъ ввелъ опрятность, карамзинское изящество замѣнилось изящество, долженствовали—должны, добледушіе—доблесть и т. п.

Неологизмы, подобно барбаризмамъ, могутъ не усваиваться языкомъ. Державинъ предложилъ слово горорытство вмѣсто добываніе руды, Карамзинъ—намоствы вмѣсто тротуары. Въ особенности замѣчательны были по своей бесплодности попытки Шишкова. Онъ хотѣлъ изгнать изъ языка даже научные термины. Слово параллельный при словѣ линія онъ предлагалъ замѣнить словомъ минующій, а слово линія словомъ чертъ, хорда словомъ подтягивающая, центръ—остъ, тротуаръ—пѣшникъ. Вслѣдствіе такой нетерпимости со стороны Шишкова къ иноземнымъ словамъ противники его составили характерную пародію: они передали шишковскимъ языкомъ предложеніе: „франтъ идетъ по бульвару изъ цирка въ театръ въ калошахъ“ слѣдующими неологизмами „хорошилище идетъ по гутьбищу изъ ристалища на позорище въ мокроступахъ“.

§ 42. ПРОВИНЦІАЛИЗМЫ.

Провинціализмъ—латинское слово, происходитъ отъ слова provincia—завоеванная область. Названіе это произошло отъ того, что населеніе провинцій или не знало языка побѣдителей, или говорило на испорченномъ латинскомъ. Подъ именемъ провинціализмовъ понимаются областныя слова, свойственныя одной какой-либо мѣстности.

Областные слова могутъ имѣть сходную звуковую форму съ господствующимъ общелитературнымъ языкомъ, измѣняясь въ произношеніи сообразно съ діалектическими особенностями говора. Такъ, въ новгородскомъ говорѣ ч и ц смѣшиваются между собою и слова царь, чернецъ, червякъ, отецъ звучать какъ чарь, чернечь, червякъ, отецъ и т. п. Въ бѣлорусскомъ нарѣчіи д' и т' переходятъ въ дз и тс: дзядзя (дядя), тсется (тетя), дзетси (дѣти); мягкій р отвердѣваетъ: румка, писарь, грибъ и т. п. Въ малорусскомъ нарѣчіи образуются дифтонгическія сочетанія: дѹомъ (домъ), пѣчь, мѹодъ; ѣ переходитъ въ и віра, лісь, місто; вмѣсто ж появляется звуковое сочетание дж: роджу, суджу, меджа и т. п. Въ различныхъ говорахъ и нарѣчіяхъ вырабатываются свои особенности въ системахъ спряжений и склоненій. Образецъ новгородскаго говора: „Наша Новгородская сторона богата чюдными монастырями, не хотитію ли и вы, сударыня, пожаловать посѣтить ихъ. Москвичъ слишкомъ баско говорить, по гово бы надо сказать харашо“. Образецъ вышеволоцкаго говора: „Жадная, жадобная нявистушка, да покушай жа. Дядя Пантялій нынѣшная лита три путины сходили—ахти, кармилица, смяріотушка мая! Дивки! пайдіоти ли вы на бясиду?“ Образецъ новоторжскаго нарѣчія: „Нашей рицы цыщи въ свйци нить“.

Въ различныхъ мѣстностяхъ и говорахъ, кромѣ того, имѣются свои областныя слова, имѣющія другую звуковую форму въ сравненіи со словами общелитературнаго нарѣчія. Примѣры вологодскаго говора: взаболъ (въ правду), зобенька (корзина), баско (красиво), гаркать (кричать, звать), порато (очень, больно); говора сибирскаго: завозня (сарай), заимка (дача), хіюсь (зимній вѣтеръ), потылица (плечевая лопатка), пимы (валенки), заплоть (заборъ), тайга (непроходимый лѣсъ); махотка (кринка) московскаго говора, клуша (наѣдка) московскаго говора, шваберъ (сосѣдь) владимирскаго говора, лонись (въ прошломъ году) костромскаго говора и т. п. Происхожденіе провинціализмовъ этого рода можно объяснить тѣмъ, что эти слова отчасти являются остатками прарусскаго языка, случайно сохранившимися въ однихъ говорахъ и исчезнувшими изъ другихъ, отчасти же областныя слова заимствованы въ древнія времена изъ другихъ языковыхъ группъ—финскихъ, татарскихъ и т. п. Что многіе провинціализмы дошли до нашего времени изъ древнерусскаго языка, это видно изъ сравненія областныхъ словъ съ древнерусскими. Такъ, въ вологодскомъ говорѣ квилить значитъ приводить въ слезы, огорчать; въ „Словѣ о плѣку Игоревѣ“ то же слово употреблено въ формѣ цвѣлити, и смыслъ этого слова мы узнаемъ по сравненію его съ провинціализмомъ: „О, моя сыновча... рано еста начала Половецкую землю мечи цвѣлити“. Въ лѣтописи Нестора очень часто упоминается о банномъ строеніи:

то въ одномъ городѣ по лѣтописи появляется банное строеніе, то въ другомъ и т. д. Эти слова лѣтописи толковали такъ, что, будто бы, въ русскихъ городахъ устраивались бани греческаго типа, но слово баня въ малороссійскомъ нарѣчій и въ новгородскомъ говорѣ означаетъ куполь, и, очевидно, Несторъ говоритъ о постройкѣ церквей съ куполами взамѣнъ шатровыхъ или какого-либо другого типа. Многіе провинціализмы заимствованы изъ другихъ языковъ. Такъ, сибирскій провинціализмъ „хюсю“ (зимній вѣтеръ) татарское слово, айда въ казанскомъ говорѣ пойдемъ—татарское, мишугинъ въ бѣлорусскомъ нарѣчій сумасшедшій—еврейское заимствование. Изученіе провинціализмовъ имѣетъ еще то важное значеніе, что мы при помощи ихъ узнаемъ внутреннюю идею слова общерусскаго говора. Значеніе слова безалаберный мы уяснимъ, когда мы знаемъ, что во владимирскомъ говорѣ алаберъ значить порядокъ; слово оскомины познается изъ провинціализма скомить, причинять боль; въ выраженіи не видно не зги, слово зга уясняется изъ сопоставленія со словами згинка, згиночка рязанскаго говора, что значить искра, искорка. Насть (волог.)—подмерзшій весенній снѣгъ, отсюда ненастье—первоначально значить отсутствіе дороги. Въ качествѣ провинціализмовъ иногда употребляются общерусскія слова, но съ другимъ значеніемъ. Въ Орловской губерніи слово „орель“ значить торговецъ-разносчикъ, слово крутой, круто въ Вологодской губерніи значить скорый, скоро; круто идешь въ переводѣ съ вологодскаго говора на общерусскій значить скоро идешь; дивный, дивно въ сибирскомъ говорѣ значить хорошій, много; въ этому году дивно снѣгу значить много снѣгу.

Теорія предложенія.

§ 43. ПОНЯТІЕ О ПРЕДЛОЖЕНІИ.

Предложеніемъ называется сужденіе, выраженное словами. Возьмемъ примѣры: „соль растворяется въ водѣ“, „земля вращается около солнца“, „птицы летаютъ“. Изъ этого опредѣленія предложенія вытекаютъ два отличительныхъ его свойства: одно относится къ мыслительной логической дѣятельности нашего сознанія, по которому мы указываемъ тѣ или другія отношенія между понятіями: между водой и солью, между землею и солнцемъ, между птицами и ихъ способностью летать. Другое свойство предложенія состоитъ въ томъ, что отношенія между понятіями выражаются словами, согласно съ законами грамматики. Значить, и въ предложеніи мы должны разсматривать двѣ стороны: а) идею предложенія, то, что, обычно, называется сужденіемъ и б) выраженіе этой идеи, то, что, въ собственномъ смыслѣ слова, называется предложеніемъ.

§ 44. ПСИХОЛОГИЧЕСКІЙ ПРОЦЕССЪ ОБРАЗОВАНІЯ СУЖДЕНІЙ.

Всякое ощущеніе оставляетъ послѣ себя слѣды, какъ бы своего рода копію того предмета, который производилъ раздраженіе на органы чувствъ и вмѣстѣ съ тѣмъ производитъ измѣненіе въ тѣхъ нервныхъ путяхъ, при помощи которыхъ передается раздраженіе сначала мозгу, а потомъ и сознанію. При ощущеніи раздражаются органы чувствъ, и черезъ нервные пути это раздраженіе передается мозгу, и мозговой процессъ при ощущеніяхъ является послѣднимъ процессомъ. Этотъ путь раздраженій называется раздраженіемъ отъ периферій къ центру. То колебаніе моз-

гового вещества, которое явилось результатом периферического раздраженія, не исчезаетъ изъ мозга безслѣдно: въ мозгу происходитъ измѣненіе вещества, такъ что при повтореніи того же самаго ощущенія къ воспріятію его подготовлены и нервныя пути, и самое мозговое вещество. Поэтому повторныя ощущенія отъ однихъ и тѣхъ же предметовъ (объектовъ) легче воспринимаются сознаниемъ. Если бы не было слѣдовъ отъ прежнихъ ощущеній, то невозможнымъ становилось бы узнаваніе предметовъ, и каждый прежній объектъ воспринимался бы сознаниемъ, какъ новый. Въ ощущеніи главнымъ дѣятелемъ является внѣшній органъ чувства. Но когда устранена причина внѣшняго раздраженія, или самый объектъ, то таковымъ же главнымъ дѣятелемъ можетъ быть самъ мозгъ. Сознаніе передаетъ мозгу о какомъ-либо изъ прежнихъ его состояній и, благодаря подготовкѣ мозга при посредствѣ прежнихъ ощущеній, мозгъ о своемъ состояніи передаетъ соотвѣтствующимъ нервнымъ путямъ, и результатомъ этой дѣятельности сначала мозга, а потомъ и нервныхъ путей является представленіе о предметѣ, или его идея. При чрезмѣрно напряженной работѣ мозга и нервныхъ путей эта идея предмета, или представленіе объ немъ бываетъ настолько сильно, что оно не отличается отъ ощущенія. Таковы иллюзіи и галлюцинаціи. Процессъ образованія сужденій тѣсно связанъ съ процессомъ образованія представленій и понятій. Мы уже сказали, что каждое новое ощущеніе оставляетъ слѣдъ въ мозгу и сознаниі. При повтореніи того же ощущенія новое раздраженіе отъ объекта сливается съ прежнимъ слѣдомъ, или, выражаясь метофорически, какъ бы накладывается на него. Положимъ, мы видимъ домъ, человѣка, какое-либо животное, слышимъ музыкальную пѣсню, осязаемъ твердое, мягкое, шероховатое и т. п., и положимъ, что всѣ эти ощущенія для насъ не новыя, а повторныя. Въ душѣ у насъ происходитъ такой процессъ: прежнія впечатлѣнія о домѣ, человѣкѣ, музыкальной пѣснѣ признаются тождественными съ тѣми ощущеніями, которыя получаютъ въ данное время. Стало-быть, воспоминанія о прежнихъ объектахъ въ нашемъ сознаниі являются въ качествѣ подлежащихъ, а повторныя воспріятія ихъ въ качествѣ сказуемыхъ. Въ переводѣ на языкъ психологіи: „это дерево“, значитъ— „мое впечатлѣніе отъ того предмета, который я вижу сейчасъ, сливается съ теперешнимъ ощущеніемъ этого предмета. Указанное сліяніе прежнихъ впечатлѣній съ ощущеніями происходитъ вслѣдствіе того, что въ представленіяхъ объ объектѣ и въ ощущеніи сознаніе видитъ одни и тѣ же свойства, качества и дѣйствія. При образованіи представленій и понятій дѣятельность сознанія устремляется только на сходства между представле-

ніемъ объ объектѣ и ощущеніемъ отъ него или же между представленіями разныхъ объектовъ. Если же сознание устремлено на различіе между объектомъ и представленіемъ, или на различіе между представленіями, то тогда сліянія не происходитъ, и понятіе не образуется. Этотъ сознательный процессъ ведетъ за собою образованіе сужденія, въ которомъ, благодаря различію, сознание имѣетъ дѣло уже не съ однимъ объектомъ, а съ двумя: подлежащимъ и сказуемымъ. По своей природѣ и понятіе, и сужденіе есть актъ одной и той же способности интеллекта (ума). Разница состоитъ въ томъ, что въ одномъ случаѣ сознание обращаетъ свое вниманіе только на сходство, а въ другомъ только на различіе.

§ 45. ПОНЯТІЕ О СУЖДЕНІИ.

Вслѣдствіе того, что объекты мысли въ актѣ сужденія не сливаются, не совпадаютъ, существенною особенностью сужденія нужно признать раздѣльность представленій или понятій. Изъ этого вытекаетъ то, что въ сужденіи должно быть два члена: подлежащее и сказуемое. Отсутствіе подлежащаго въ безличныхъ предложеніяхъ „гремятъ“, „стучить“, „моросить“, „мнѣ скучно“ и т. п. нисколько не опровергаетъ выставленнаго нами положенія. Отсутствіемъ подлежащаго не отвергается его наличность, а утверждается его неопредѣленность, неизвѣстность вслѣдствіе недоступности этого дѣятеля для нашихъ внѣшнихъ чувствъ. Что, дѣйствительно, въ безличныхъ предложеніяхъ скрывается какое-то подлежащее, это видно изъ анализа отрицательныхъ безличныхъ предложеній. Предложеніе „не гремятъ“ можетъ имѣть двойкій смыслъ: или отрицается дѣйствіе *грома* и въ этомъ случаѣ въ сознаніи говорящаго и слушающаго вниманіе сосредоточивается на предметѣ, но не на дѣйствіи; „не гремятъ“ можетъ обозначать въ другихъ случаяхъ дѣйствіе какихъ-либо иныхъ предметовъ, но не грома, и это выраженіе можно выразить такъ: не гремятъ, а стучить отъ ѣзды по мостовой, или грохочетъ пушка; въ послѣднемъ случаѣ вниманіе наше устремляется не на предметъ, а на дѣйствіе. Итакъ, для образованія сужденія необходимы или два представленія или два понятія. Но если мы возьмемъ два представленія „домъ“ и „высокій“, „дерево“ и „расти“, „человѣкъ“ и „мыслить“ и соединимъ ихъ въ тѣхъ грамматическихкихъ формахъ, которыя приведены нами, то, очевидно, что сужденія не получатся. Для этого нужно поставить эти представленія или понятія въ извѣстное „отношеніе“, напр., „домъ высокъ“, „де-

рево растеть“, „человѣкъ мыслить“ и т. п. Это отношеніе между понятіями грамматически выражается согласованіемъ сказуемаго съ подлежащимъ. Съ логической стороны этотъ процессъ согласованія или отношенія сводится къ тому, что часть понятія, заключающаяся въ сказуемомъ, сливается съ частью понятія, заключающаго въ подлежащемъ. Отрицательныя сужденія, хотя въ подлежащемъ этихъ предложеній и отвергается тотъ признакъ, который является его сказуемымъ, не отличаются отъ утвердительныхъ предложеній. Предложенія „камень не организмъ“, „китъ не рыба“, „дерево не животное“ образовались изъ вопросительныхъ: „организмъ ли камень?“ „рыба ли китъ?“ „животное ли дерево?“ А въ этихъ предложеніяхъ сознаніе наше убѣждается въ частичномъ сліяніи подлежащаго съ сказуемымъ. Въ грамматическомъ отношеніи отрицательныя предложенія также подчиняются закону согласованія подлежащаго со сказуемымъ: „солнце не вѣчно сіяетъ, счастье не вѣчно везетъ“; „не сіяетъ на небѣ солнце красное, не любятъ имъ тучки синія“. Изъ сказаннаго мы можемъ сдѣлать тотъ выводъ, что сужденіе есть отношеніе между понятіями (представленіями), въ которомъ при различіи между объектами замѣтно ихъ частичное сліяніе.

Теперь самъ собою выдвигается вопросъ: какое значеніе для нашего мышленія имѣетъ сужденіе? При посредствѣ ощущеній у насъ появляется безчисленное множество идей объ объектахъ. Ощущеніями эти идеи или представленія не приводятся ни въ какую связь, и если бы не было какой-либо другой сознательной дѣятельности, упорядочивающей эти представленія, то человѣкъ былъ бы подавленъ этой безчисленной и разнородной массой представленій, и, что еще главнѣе всего, онъ даже бы и не зналъ ничего объ объектахъ своей мысли вслѣдствіе неустойчивости представленій. Дѣятельность сужденія, такимъ образомъ, сводится къ изученію природы объектовъ своей мысли, копій нашихъ ощущеній. Природа объектовъ мысли можетъ быть изучаема двоякимъ путемъ: а) или понятіе, или представленіе расчленяется на части, изъ которыхъ оно состоитъ; или б) одни объекты мысли связываются съ другими объектами мысли. Тѣ сужденія, которыя своимъ предметомъ имѣютъ изученіе природы объектовъ, самихъ по себѣ, независимо отъ природы другихъ объектовъ, называются аналитическими сужденіями. „Птица летаетъ“, „человѣкъ мыслить“, „прямая линія есть кратчайшее разстояніе между двумя точками“—вотъ примѣры аналитическихъ сужденій. Анализъ этихъ сужденій указываетъ на то, что въ подлежащемъ содержатся и самыя сказуемыя, какъ необходимыя свойства этихъ предметовъ. Значить, сказуемое этихъ

суждений получается путем выдѣленія изъ подлежащаго его признаковъ. Плаваніе рыбы, летаніе птицы, паденіе камня, ковкость металла—это все такіе признаки, безъ которыхъ нельзя мыслить и самые предметы. Природа объектовъ въ аналитическихъ предложеніяхъ обуславливается выдѣленіемъ свойствъ и признаковъ, находящихся уже въ самомъ объектѣ.

Но природу объектовъ можно опредѣлять и иначе, путемъ сопоставленія однихъ объектовъ съ другими. „Соль растворяется въ водѣ“, „земля вращается вокругъ солнца“, „древніе персы поклонялись огню“—вотъ примѣры суждений, въ которыхъ природа одного объекта опредѣляется природой другого: соль—водой, земля—солнцемъ, персы—огнемъ. Такія сужденія называются синтетическими. Эти послѣднія, какъ то видно изъ приведенныхъ примѣровъ, опредѣляя природу объектовъ, вмѣстѣ съ тѣмъ связываютъ разнородные объекты между собою и приводятъ въ систему все безконечное разнообразіе понятій и представленій и вслѣдствіе этого содѣйствуютъ ихъ сохраненію въ нашемъ сознаніи. Аналитическія сужденія можно назвать апіорными сужденіями, потому что знаніе о свойствахъ и признакахъ предметовъ и о самыхъ предметахъ получается одновременно вслѣдствіе обоюдной обусловленности предмета и признака. Синтетическія же сужденія можно назвать апостериорными или опытными потому, что знаніе объ отношеніяхъ между разнородными предметами получается путемъ опыта и наблюденія. То, что кислородъ необходимъ для дыханія и горѣнія, что травоядныя животныя имѣютъ рога, что твердыя тѣла могутъ быть въ жидкомъ и газообразномъ состояніи—все это мы узнаемъ путемъ опыта или наблюденія и уже послѣ того, какъ у насъ составились общія понятія объ этихъ предметахъ и ихъ свойствахъ. Отсюда мы выводимъ новое свойство суждений: природа одного объекта (подлежащаго) опредѣляется природой другого объекта—(сказуемаго) или черезъ посредство умозрѣнія (аналитическія сужденія), или черезъ посредство опыта (синтетическія сужденія).

Само собой понятно, что сужденіе есть сознательный актъ мыслительной дѣятельности человѣка; поэтому подлежащее и сказуемое сужденія всегда берутся съ извѣстнымъ опредѣленнымъ содержаніемъ. Если ребенокъ или необразованный человѣкъ скажутъ, что алюминій получается изъ глины, что Колумбъ открылъ Америку, не имѣя никакого представленія объ этихъ предметахъ рѣчи, то ихъ сочетанія словъ нельзя назвать сужденіями. Въ подлежащемъ и сказуемомъ сужденій сознаніе распредѣлено неравномѣрно. Подлежащее представляетъ изъ себя неизвѣстный членъ сужденія до тѣхъ поръ, пока онъ не опредѣленъ сказуе-

мымъ. Сказуемое есть всегда отвѣтъ на вопросъ, что такое подлежащее.

Изъ сказаннаго не трудно замѣтить и то, что сужденіе есть подготовительный актъ мысли для образованія болѣе полныхъ и болѣе точныхъ понятій. И, въ самомъ дѣлѣ, зная *a priori*, до опыта, что вода есть жидкость, мы *a posteriori*—черезъ посредство опыта узнаемъ также и то, что она состоитъ изъ кислорода, водорода и солей, и чрезъ это понятіе о водѣ становится болѣе полнымъ; зная *a priori* о томъ, что молнія есть огонь, мы *a posteriori* узнаемъ и то, что этотъ огонь, эта искра образуется вслѣдствіе соединенія, притяженія двухъ видовъ электричества—отрицательнаго и положительнаго, и знаніе о томъ, что такое молнія у насъ становится не только полнымъ, но и точнымъ. Обобщая все сказанное о сужденіи, мы можемъ сужденіе опредѣлить такъ: сужденіе есть такой подготовительный процессъ мысли для образованія понятій, гдѣ отношеніемъ между объектами, выражающимся въ сознаніи между ними различія и въ частичномъ сліяніи ихъ, опредѣляется подлежащее черезъ свое сказуемое или *a priori* или *a posteriori*.

§ 46. РАЗЛИЧІЕ МЕЖДУ СУЖДЕНІЕМЪ И ПРЕДЛОЖЕНІЕМЪ.

Очевидно, что подъ указанное нами опредѣленіе сужденія не подойдутъ многія предложенія. Вопросительныя предложенія, а также предложенія, въ которыхъ сказуемое выражается повелительнымъ или сослагательнымъ наклоненіемъ должны быть исключены изъ этого опредѣленія, потому что въ вопросительныхъ предложеніяхъ имѣются налицо только стремленіе, попытка опредѣлить природу подлежащаго, а въ предложеніяхъ, сказуемое которыхъ выражено повелительнымъ наклоненіемъ, дѣйствіе его не зависитъ отъ лица говорящаго, а отъ воли слушающаго, и только по исполненіи этого дѣйствія подлежащее можетъ быть опредѣлено, но не иначе, какъ въ другомъ сужденіи. Что сказано объ этихъ послѣднихъ предложеніяхъ, то же надо сказать и о вопросительныхъ. Приведемъ примѣры предложеній вопросительныхъ: „Кто скачетъ, кто мчится подъ хладною мглой?“ (Жуковский). „...А ты любишь ли меня? Не скучны ли тебѣ непрощенныя ласки? Не слишкомъ часто ль я твои цѣлую глазки? Слеза моя ланить твоихъ не обожгла ль?“ („Ребенку“. Лерм.). Отвѣтъ на эти предложенія и будетъ тѣмъ сужденіемъ, которое опредѣлитъ природу подлежащаго. „Отворите мнѣ темницу, дайте мнѣ сіянье дня“. (Лерм.) „...Все равно, ты Расскажи всю правду ей,

пустого сердца не жалѣй, пускай она поплачетъ“. (Лерм. „Завѣщаніе“). И въ этихъ случаяхъ сужденіе можетъ произойти только по исполненіи повелѣнія. Отсюда слѣдуетъ, что вопросительныя и повелительныя предложенія только подготавливаютъ путь для сужденія логическаго, или для сужденія въ собственномъ смыслѣ; отсюда вытекаетъ также и то, что объемъ грамматическихъ предложеній шире, чѣмъ объемъ логическихъ сужденій, потому что въ понятіе предложенія входятъ всѣ виды предложеній.

Существуетъ и еще различіе между сужденіемъ и предложеніемъ. Для выраженія предложенія всегда должна быть словесная оболочка. Сужденіе же можетъ и не выражаться въ словѣ. Когда ребенокъ, не умѣющій говорить, отстраняетъ свою руку отъ зажженной свѣчи, когда мы перепрыгиваемъ черезъ канаву, переходимъ черезъ рельсы, то во всѣхъ этихъ случаяхъ производится актъ сужденія, но онъ не высказывается нами. Въ виду того, что словесная форма не обязательна для сужденія и имѣетъ для него второстепенное значеніе, въ виду этого одно и то же сужденіе можетъ быть выражено въ самой разнообразной словесной формѣ, и сужденіе по существу остается тѣмъ же самымъ. Основная мысль сужденія: „всякій человѣкъ долженъ умереть“ можетъ быть выражена слѣдующими предложеніями: человѣкъ смертенъ; всѣ люди смертны; смерть есть удѣлъ всякаго человѣка; никто не избѣжитъ смерти; если я человѣкъ, то я смертенъ и т. п. Плоскость, ограниченная тремя прямыми линіями, есть треугольникъ; треугольникъ есть геометрическая фигура, образуемая тремя прямыми; треугольникъ образуется отъ пересѣченія трехъ прямыхъ въ трехъ точкахъ. Обжегшійся ребенокъ боится огня—если ребенокъ обжегся, то онъ боится огня. Въ виду второстепенности словесной формы для сужденія подлежащее сужденія можетъ быть выражаемо не только въ именительномъ и звательномъ падежахъ, но и въ любомъ изъ косвенныхъ, какъ съ предлогомъ, такъ и безъ предлога. Смыслъ сказуемаго въ сужденіи узнается по мѣсту логическаго ударенія. Древніе персы поклонялись огню — сказуемое персы, отсюда подлежащее — огню.

древніе персы поклонялись огню—сказуемое будетъ огню. Соль растворяется въ водѣ—водою растворяютъ соль. Знакомъ ударенія въ приведенныхъ примѣрахъ указано логическое сказуемое. А мѣстомъ логическаго сказуемаго опредѣляется и мѣсто логическаго подлежащаго. Значитъ, логическое подлежащее опредѣляется не формою слова, а сознаніемъ производящаго сужденіе. То слово, на которомъ фиксируется вниманіе говорящаго, и будетъ сказуемымъ сужденія. Логическое сказуемое совпадаетъ съ грамматическимъ сказуемымъ только въ аналитическихъ сужде-

нїяхъ: рыба плаваетъ, орелъ есть птица; дерево—растеніе. Въ синтетическихъ сужденїяхъ: „земля вращается *около солнца*“. „Наполеонъ родился *на островъ Корсикъ*“. „Воздухъ состоитъ изъ *кислорода и азота и водяныхъ паровъ*“ сказуемыми будетъ то, что обозначено курсивомъ: „около солнца“, „на островъ Корсикъ“, „изъ кислорода, азота и водяныхъ паровъ“, а грамматическія сказуемыя; вращается, родился, состоитъ будутъ связками, соединяющими подлежащее со сказуемымъ.

§ 47. ЗАВИСИМОСТЬ СУЖДЕНІЯ ОТЪ СЛОВЕСНОЙ ФОРМЫ.

Хотя словесная форма и не обязательна для выраженія сужденія, но тѣмъ не менѣе она имѣетъ весьма важное значеніе. Сужденіе, какъ оно понимается въ логикѣ, состоитъ изъ двухъ членовъ: подлежащаго и сказуемаго, или, иначе говоря, для существа сужденія требуется соединеніе двухъ понятій субъекта и предиката. Въ сужденіи: „И выстраданный стихъ, пронзительно унылый, ударить по сердцамъ съ невѣдомою силой“ (Пушк.)—два понятія стихъ и сердце, а остальные, второстепенные грамматическіе члены, распредѣляются между этими двумя понятіями и составляютъ ихъ содержаніе. Если лишить эти оба понятія ихъ содержанія, то сужденіе получитъ такой видъ: стихъ дѣйствуетъ на сердце. Очевидно, что послѣднее сужденіе говоритъ гораздо меньше, чѣмъ взятое у Пушкина. И это произошло оттого, что мы лишили понятія ихъ своеобразнаго содержанія, и получилась искаженная мысль. Значитъ, сужденіе нуждается въ словесной оболочкѣ для того, чтобы чрезъ то стать яснымъ и полнымъ. При помощи слова содержаніе понятія разсѣкается на свои части, и чрезъ это разсѣченіе оно становится яркимъ и точнымъ. Въ предложеніи понятія опредѣляются своими признаками, второстепенными членами, и оно получаетъ вмѣстѣ съ тѣмъ большую устойчивость. Въ сужденіи „стихъ дѣйствуетъ на сердце“ можно стихъ и сердце опредѣлять самымъ разнообразнымъ содержаніемъ. Можно думать о веселомъ, непонятномъ, неритмичномъ стихѣ и смотря по этому мы должны соотвѣтственно опредѣлять и понятіе „сердце“. Но то же слово, являясь средствомъ сдѣлать мысль полною, ясною и точною, вмѣстѣ съ тѣмъ служить тормазомъ для выраженія мысли. До тѣхъ поръ, пока мысль не выражена въ словѣ, она кажется яркою, богатою содержаніемъ, но выраженіе отнимаетъ отъ нея силу. Художники русскаго слова, наши поэты, оставили въ своихъ твореніяхъ признаніе о томъ, что

слово губить мысль. Пушкинъ такъ говорить о своей борьбѣ со словомъ:

„Блаженъ, кто про себя тайлъ
Души высокія созданья
И отъ людей, какъ отъ могилъ,
Не ждалъ за чувства воздаянья!
Блаженъ, кто молча былъ поэтъ!“

Также говорить и Лермонтовъ:

„Случится ли тебѣ въ завѣтный, чудный мигъ
Открыть въ душѣ, давно безмолвной,
Еще невѣдомый и дѣвственный родникъ,
Простыхъ и сладкихъ звуковъ полный—
Не вслушивайся въ нихъ, не предавайся имъ,
Набрось на нихъ покровъ забвенья:
Стихомъ размѣреннымъ и словомъ ледянымъ
Не передашь ты ихъ значенья!“

И у А. Толстого то же недовольство словомъ. Опъ о думѣ такъ говорить:

„Промелькнетъ она безъ образа,
Вспыхнетъ дальнею зарницею,
Озарить на мигъ думу темную,
Много вспомнится забытаго,
Много смутнаго, непонятнаго
Въ мигъ тотъ ясно сердцу скажется.
А рванешься за нею, погонишься—
Только очи ее и видѣли,
Только сердце ее и чуяло!
Не поймать на лету вѣтру буйнаго,
Тѣнь отъ облака летучаго
Не прибить гвоздемъ ко сырой землѣ“.

Надсонъ недовольство словомъ выражаетъ въ слѣдующихъ прочувствованныхъ стихахъ:

„О, если бъ огненное слово
Я въ даръ отъ музы получилъ,
Какъ беспощадно бъ, какъ сурово
Порокъ и злобу я клеймилъ!
Я бъ поднималъ всѣхъ на бой со мглою,
Я бъ знамя свѣта развернулъ

И въ міръ бы пѣснею живою
Стремленіе къ истинѣ вдохнулъ!
Какимъ бы смѣхомъ я смѣялся,
Какой слезой бы прожигалъ!“

И прозаики въ своихъ произведеніяхъ говорятъ о томъ же безсиліи справиться съ мыслью, о той же невыразимости мысли словомъ. И, дѣйствительно, факсимиле рукописей нашихъ писателей, какъ нельзя болѣе наглядно подтверждаютъ мысль о мукахъ творчества и слова. Рукописи Пушкина, Лермонтова, Гоголя, Л. Н. Толстого перечеркнуты, перемараны, испещрены вставками и т. п. И эти муки слова повели къ своеобразнымъ особенностямъ произведеній писателей. Гоголь для того, чтобы сдѣлать мысль болѣе яркой и точной, впадаетъ въ гиперболизмъ; въ его изображеніи всѣ предметы кажутся преувеличенными. Баратынскій, поэтъ-мыслитель, много потрудившійся надъ обработкой своего стиха съ цѣлью придать ясность мысли, такъ въ концѣ концовъ отзывается о дѣятельности ума:

„Но чувство презрѣвъ, онъ довѣрилъ уму,
Вдался въ суету изысканій,
И сердце природы закрылось ему,
Нѣтъ на землѣ прорицаній“.

И этотъ мучительный процессъ невозможности цѣликомъ выразить свою мысль, свое сужденіе есть общее явленіе не для однихъ только поэтовъ и художниковъ, а для всѣхъ людей. Герой Г. Успенскаго, ходокъ въ „Наблюденіяхъ одного лѣбтяя“, о невозможности выразить свою мысль говоритъ такъ: „Я бы тебѣ, другъ ты мой, сказалъ вотъ какъ, эстолькаго вотъ не утаилъ бы, да языка-то нѣту у нашего брата... Вотъ что я скажу! будто какъ по мыслямъ-то и выходитъ, а съ языка-то не слѣзаетъ“. Версильовъ, герой романа Достоевскаго „Подростокъ“, проводитъ ту же мысль о страданіи: „А и ты иногда страдаешь, что мысль не пошла въ слова! Это благородное страданіе, мой другъ, и дается лишь избраннымъ; дуракъ всегда доволенъ тѣмъ, что сказалъ“. Эта невозможность передать свою мысль посредствомъ слова объясняется самыми особенностями мышленія. Мы знаемъ, что мышленіе, какъ самостоятельный актъ, независимый отъ другихъ процессовъ психической дѣятельности, не существуетъ. Мысль всегда тѣсно связана съ эмоціями, чувствованіями и волевыми процессами, выражающимися въ напряженности вниманія. Чувства удовольствія, восторга, сознанія великости своей мысли всегда сопутствуютъ умственной дѣятельности, всегда сопутствуютъ, когда

мысль преодолѣла всѣ препятствія и успѣла опредѣленнымъ образомъ сформироваться. Но эти эмоціи, чувство удовольствія и восторга передать словами очень трудно. Какъ на рисунокѣ можно передать форму, краски и переливы цвѣтовъ, но нельзя сообщить имъ ихъ аромата и запаха, такъ и въ словѣ можно передать до нѣкоторой степени мысли, но нельзя вложить въ нихъ того чувства, какое испытываешь во время самого мыслительнаго процесса. Мы, такимъ образомъ, видимъ, что невозможность передать ароматъ мысли создаетъ мучительныя препятствія для самаго выраженія мысли.

Но чувство въ тѣхъ случаяхъ, когда оно служитъ фономъ для мысли, когда оно управляетъ мыслию, опять-таки создаетъ новыя трудности для выраженія мысли въ ея чистомъ видѣ. Гоголь, описывая красоту южно-русской степи, восторгается всѣми тѣми явленіями, какія онъ наблюдалъ въ степи. О дикихъ коняхъ, живущихъ въ степи, онъ такъ говоритъ: „Ничто въ природѣ не могло быть лучше ихъ“. Ясно, что здѣсь мы имѣемъ дѣло съ преувеличеніемъ мысли вслѣдствіе непомѣрнаго восторга автора. Эпитетъ „заплатанной“ къ существительному „неупотребительному“, по выраженію Гоголя, „въ свѣтскомъ разговорѣ“, а просто-на-просто къ ругательному слову, вызвалъ въ душѣ Гоголя чудное лирическое изліяніе о живописи и красотѣ русскаго слова, несоотвѣтствующее той ничтожной мысли, съ которой оно связано. Даже эпически безпристрастный и спокойный Гомеръ подъ вліяніемъ чувства презрѣнія къ Терситу за его „трусость“, „непристойность“ и физическое уродство, вызывая въ читателѣ чувство отвращенія къ Терситу, тѣмъ самымъ создаетъ такое настроеніе, при которомъ обличительныя рѣчи Терсита противъ корыстолюбія Агамемнона, его алчности, въ силу которой греки должны вести войну съ троянцами,—всѣ благородныя, исполненныя возвышеннаго негодованія рѣчи, теряя свою важность, еще болѣе настраиваютъ читателя противъ Терсита (Иліада, пѣснь II, ст. 211—255). Изъ этого мы видимъ, что чувство, способствуя выразительности мысли, въ то же время часто и искажаетъ эту мысль, или даетъ ей невѣрное освѣщеніе.

Но и само мышленіе, взятое независимо отъ своей связи съ другими душевными процессами, можетъ быть тормазомъ для выраженія сужденія. Мы знаемъ, что тѣ понятія подлежащаго и сказуемаго, которыя входятъ въ составъ сужденія, должны быть опредѣлены со стороны ихъ содержанія второстепенными грамматическими членами; въ противномъ случаѣ мысль становится блѣдною, неустойчивою, неясною. Нерѣдко одно слово, характерное для содержанія понятія и, повидимому, маловажное,

въ синтаксическомъ отношеніи придастъ особенную цѣну выразительности предложенія. Любопытенъ разсказъ Григоровича о чтеніи имъ своихъ „Шарманщиковъ“ въ рукописи Достоевскому. Рѣчь идетъ о пятакѣ. У Григоровича было написано: „чиновникъ изъ окна бросаетъ пятакъ, который падаетъ къ ногамъ шарманщика“—„Не то, не то,—раздраженно заговорилъ вдругъ Достоевскій,—совсѣмъ не то! У тебя выходитъ слишкомъ сухо: пятакъ упалъ къ ногамъ... Надо было сказать: пятакъ упалъ на мостовую, звеня и подпрыгивая“. Приведемъ еще примѣры изъ нашихъ классическихъ писателей, въ которыхъ мысль приобращаетъ особенную изобразительность въ зависимости отъ выбора тѣхъ или другихъ признаковъ, живописующихъ предметъ: „Отъ свѣжихъ, золотисто-бѣлыхъ щепокъ вѣяло особеннымъ, чрезвычайно пріятнымъ, горькимъ запахомъ (Тургеневъ). Косые лучи солнца были еще жарки; платье, насквозь промокшее отъ пота, липло къ тѣлу; лѣвый сапогъ, полный воды, былъ тяжелъ и чмокалъ; по испачканному пороховымъ осадкомъ лицу каплями скатывался потъ. (Л. Толстой). Этотъ процессъ опредѣленія объектовъ мысли признаками въ высшей степени труденъ, какъ потому, что нужно представлять въ своемъ сознаніи всѣ признаки, возможные въ предметѣ, такъ и потому, что изъ всѣхъ возможныхъ признаковъ нужно выбирать исключительно характерные и притомъ такъ выбирать, чтобы одни не нагромождались на другіе и тѣмъ не раздвояли вниманіе у читателя и не заслоняли лишними признаками наиболѣе важные. Итакъ, при выдѣленіи изъ предмета его признаковъ требуется напряженность вниманія, умѣнье разобраться въ свойствахъ предмета, и наличность воспроизводящей творческой способности. Но если даже и опредѣленъ объектъ со стороны его признаковъ, этимъ не исчерпана мыслительная дѣятельность. Требуется найденныя понятія облечь въ словесную форму, найти подходящія выраженія. Эта работа также очень трудная. Дѣло въ томъ, что слово часто не поспѣваетъ за мыслью, а мысль не ждетъ: она опять устремляется на новую работу, и происходитъ мучительная погоня за словомъ, и часто, чѣмъ больше энергіи тратишь на приисканіе слова, тѣмъ попытки становятся безплоднѣе и безплоднѣе; между тѣмъ какъ вымученное, придуманное слово совсѣмъ не выражаетъ того, что хочешь выразить. Далѣе, языкъ еще и въ другомъ отношеніи сковываетъ мысль. Мысль чрезвычайно разнообразна, она имѣетъ много оттѣнковъ, а словъ въ языкѣ мало и не хватаетъ ихъ для выраженія всѣхъ тѣхъ понятій съ ихъ оттѣнками, которыя образуются въ сознаніи.

§ 48. ПСИХОЛОГИЧЕСКОЕ СУЖДЕНИЕ.

Переходною ступеню отъ логическихъ сужденій, для которыхъ необязательна словесная форма, къ грамматическимъ предложениямъ служатъ предложения психологическія, которыя по своему строенію отличаются тѣмъ, что въ нихъ выражается словесной формой только одинъ какой-либо членъ сужденія, а другой не высказывается. Приведемъ примѣры:

„Буря на небѣ вечернемъ,
Моря сердитаго шумъ;
Буря на морѣ и думы—
Много мучительныхъ думъ.
Буря на морѣ и думы—
Хоръ возрастающихъ думъ;
Черная туча за тучей,
Моря сердитаго шумъ“.

А. Фетъ.

Въ приведенномъ стихотвореніи нѣтъ сказуемыхъ.

„Бой барабанный, клики, скрежетъ,
Громъ пушекъ, топотъ, ржанье, стонъ,
И смерть, и адъ со всѣхъ сторонъ“.

Пушкинъ.

И здѣсь при многихъ подлежащихъ отсутствуетъ сказуемое. Заглавія различныхъ произведеній: „Евгеній Онѣгинъ“, „Дворянское гнѣздо“, „Обрывъ“, „Братья Карамазовы“ и т. п. представляютъ изъ себя примѣры такихъ сужденій, въ которыхъ или нѣтъ подлежащаго или сказуемаго. Обыденная, разговорная рѣчь состоитъ почти всегда изъ неполныхъ сужденій: „Чаю“, „обѣдать“, „воды“ и т. п. Въ особенности много неполныхъ по своему строенію предложений можно найти въ беллетристическихъ произведеніяхъ: романахъ, повѣстяхъ, разсказахъ, драмахъ, комедіяхъ и т. п. Неполнота всѣхъ этихъ сужденій зависитъ оттого, что вниманіе говорящаго фиксируется только на выраженномъ членѣ, который для него считается наиболѣе важнымъ, а остальные члены словеснымъ образомъ не выражаются. Но это не значить, что нѣтъ другихъ членовъ. Недостающіе члены имѣются въ сознаніи говорящаго, а вмѣстѣ и слушающаго. Хотя эти предложения и отличаются неполнотою, но рѣчь не теряетъ своихъ основныхъ свойствъ ясности и понятности. Этотъ строй предложений можно наблюдать какъ въ монологической формѣ изло-

женія мыслей, такъ и въ діалогической. Не касаясь особыхъ случаевъ опущенія и умолчанія, о чемъ будетъ идти рѣчь въ отдѣлѣ объ особенностяхъ поэтическаго творчества, теперь мы скажемъ, что сочетаніе неполныхъ предложеній, замѣчаемое въ художественныхъ произведеніяхъ, вызываетъ въ душѣ читателя особое чувство лирической настроенности, что зависитъ оттого, что особымъ подборомъ однородныхъ грамматическихъ членовъ сгущаются одни и тѣ же краски, и чрезъ то увеличивается сила впечатлѣнія. Такъ, изъ приведеннаго стихотворенія Фета мы замѣчаемъ, что мрачное настроеніе поэта идетъ *crescendo*, все болѣе и болѣе усиливаясь въ связи съ бурей на небѣ и на морѣ. Сказуемая въ приведенномъ стихотвореніи Фета и въ отрывкѣ изъ „Полтавы“ Пушкина подразумѣваются легко, такъ что эти сужденія не стоятъ въ противорѣчій съ тѣмъ опредѣленіемъ сужденія, какое нами было дано ранѣе. Труднѣе подвергать логическому и грамматическому разбору сужденія, обычные для заглавій различныхъ произведеній: „Исторія Государства Россійскаго“, „Герой нашего времени“, „Капитанская дочка“ и т. п. Думать, что въ этихъ сужденіяхъ подразумѣвается подлежащее, напр., „это“ со связкой „есть“, нельзя, потому что сужденіями „Это есть Обрывъ“, „Это есть Дядя Ваня“ ничего не говорится, или говорится столько же, сколько и самимъ заглавіемъ. Ближе къ истинѣ считать заглавія произведеній подлежащими, отвѣтъ на который дается всѣмъ содержаніемъ произведенія. Сказуемымъ для этихъ подлежащихъ будетъ служить впечатлѣніе читателя, и, понятно, что смыслъ сказуемаго будетъ зависеть отъ степени пониманія произведенія.

Въ разговорной рѣчи неполныя предложенія самое обычное явленіе. Да и странно было бы слышать въ разговорѣ рѣчь, построенную изъ предложеній, составленныхъ по всѣмъ правиламъ синтаксиса, гдѣ бы въ отвѣтѣ повторялся весь вопросъ и т. п. Эта рѣчь шла бы въ разрѣзъ съ законами языкового чутія. Отрывочная разговорная рѣчь, съ одной стороны, представляетъ изъ себя по своему строю тотъ пережитокъ отдаленныхъ временъ изъ жизни первобытнаго человѣка, когда языкъ отличался бѣдностью своего лексическаго строенія, когда не доставало словъ для выраженія самыхъ общеизвѣстныхъ понятій. Съ другой стороны, строй разговорной рѣчи теперь, при богатствѣ языка, поддерживается закономъ экономіи мысли, закономъ, по которому производится трата энергіи въ ея минимальномъ количествѣ. Законъ этотъ общій какъ для жизни физической природы, такъ и для жизни психической. Теперь возникаетъ вопросъ: какимъ образомъ при неполнотѣ рѣчи, при ея отрывочности дости-

гается пониманіе слушающимъ говорящаго? Объясняется это особой настроенностью среды. Вслѣдствіе этой настроенности члены семьи, люди одной и той же профессіи съ полслова понимаютъ другъ друга. Настроенность эта создается общностью интересовъ. Для посторонняго человѣка отсутствіе этой настроенности будетъ служить препятствіемъ для пониманія чужой рѣчи. Но эту настроенность рѣчи создаютъ не только умственные и иные интересы говорящихъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ и самая обстановка внѣшнихъ вещей. Воскликанія „чаю“, „лимонъ“, „рыбы“ будутъ имѣть одинъ смыслъ въ буфетѣ и другой въ бакалейномъ магазинѣ.

§ 49. ГРАММАТИЧЕСКОЕ ПРЕДЛОЖЕНІЕ СО СТОРОНЫ СВОЕГО СОСТАВА.

Сужденіе, рассматриваемое со стороны его логическаго строенія, имѣетъ два члена: подлежащее и сказуемое. Грамматическое предложеііе отличается тѣмъ, что оно, кромѣ главныхъ членовъ, можетъ имѣть и второстепенныя.

Но наиболѣе существенное различіе между грамматическимъ предложеііемъ и сужденіемъ касается подлежащаго. Въ курсахъ грамматики подлежащее опредѣляется, какъ предметъ рѣчи, грамматическою формою котораго служить именительный падежъ. Въ этомъ опредѣленіи подлежащаго переплетаются двѣ точки зрѣнія—логическая и грамматическая. Что подлежащее есть предметъ рѣчи, или сужденія это—точка зрѣнія логическая, а что формой его выраженія служить именительный падежъ, это—точка зрѣнія грамматическая. Но это опредѣленіе, опирающееся на логическомъ и грамматическомъ основаніяхъ, правильно только для тѣхъ случаевъ, когда логическое подлежащее выражается именительнымъ падежомъ. Но такъ какъ для логическаго подлежащаго форма падежа безразлична, то во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, когда субъектъ сужденія выраженъ въ формѣ какого-либо косвеннаго падежа, это опредѣленіе теряетъ свою силу. Въ самомъ дѣлѣ въ предложеііяхъ-сужденіяхъ: „Я имѣю деньги“, „Молодецъ имѣетъ коня-пахаря“, предметъ рѣчи „я“ и „молодецъ“; значитъ, эти падежи обозначаютъ одинаково какъ логическое, такъ и грамматическое подлежащее. Но стоитъ только обратить эти утвердительныя сужденія въ отрицательныя, и сейчасъ же, если держаться логическаго опредѣленія подлежащаго, эти предметы рѣчи окажутся въ косвенныхъ падежахъ: „Нѣтъ у меня денегъ“, „Нѣтъ

у молодца коня-пахаря“. Отсюда, одно изъ двухъ: или форма падежа для грамматическаго подлежащаго не имѣетъ значенія, или она единственно считается характерною для него (подлежащаго). Съ первымъ, т.-е. съ тѣмъ положеніемъ, что форма падежа для грамматическаго подлежащаго безразлична, нельзя согласиться, потому что допустить это—значить отказаться грамматикѣ отъ своей грамматической точки. Изъ этого слѣдуетъ, что понятія о логическомъ и грамматическомъ подлежащихъ разныя. Поэтому надо исходить изъ формальнаго опредѣленія природы грамматическаго подлежащаго, т.-е. изъ указанія на форму его падежа и, опираясь на это, указывать другіе характерные признаки подлежащаго.

Съ формой именительнаго падежа подлежащаго тѣсно связана форма сказуемаго. На эту связь подлежащаго съ сказуемымъ и надо прежде всего обратить вниманіе.

Связь между подлежащимъ и сказуемымъ неразрывная: сказуемое глагольное и именное съ нимъ всегда согласуется, послѣднее если не прямо, то черезъ свою глагольную связку. Попробуемъ опредѣлить грамматически сказуемое: „сказуемое обозначаетъ дѣйствіе предмета, или его признакъ, или его свойство“. Это опредѣленіе никакому сомнѣнію не подвергается, и потому оно безусловно вѣрное. Если есть дѣйствіе, свойство и признакъ,—то все это должно относиться къ какому-либо предмету, долженъ же быть какой-либо предметъ носителемъ этого дѣйствія, состоянія, свойства. Такимъ носителемъ дѣйствія, свойства и состоянія и должно считаться подлежащее. Значить, подлежащимъ называется носитель того дѣйствія, которое выражается сказуемымъ. Изъ этого ясно вытекаетъ и то свойство подлежащаго, а также и тотъ его признакъ, по которому съ подлежащимъ всегда связывается его активность, т.-е. способность самостоятельно проявлять себя въ дѣйствіи. Въ предложеніи „быть бычку на веревочкѣ“—слово „бычку“ нельзя считать подлежащимъ не только потому, что это существительное стоитъ въ косвенномъ падежѣ, но и потому, что слово бычекъ въ этой формѣ не является носителемъ дѣйствія, а лицомъ пассивнымъ, страдательнымъ, неспособнымъ проявлять себя со стороны дѣйствія. Принявъ то опредѣленіе подлежащаго, по которому оно является носителемъ дѣйствія, вмѣстѣ съ тѣмъ нужно согласиться и съ тѣмъ, что подлежащее не обязательно можетъ быть главнымъ предметомъ рѣчи: это его свойство случайное. Если грамматическое подлежащее совпадетъ съ логическимъ, тогда оно является главнымъ предметомъ рѣчи, а въ предложеніи „не заботьтесь о завтрашнемъ днѣ“ оно не совпадаетъ со словомъ

день, а потому второстепенный предмет рѣчи „вы“, даже и невыраженный словомъ, будетъ подлежащимъ.

Въ тѣхъ предложеніяхъ, гдѣ сказуемое выражено страдательнымъ залогомъ, носителемъ дѣйствія является какъ будто бы дополненіе, стоящее въ творительномъ падежѣ:

„И Нева *пальбой* тяжелой
Далеко потрясена“.

Пушкинъ.

„Каждый родъ, ступень для жизни новой,
Будетъ *смертью* въ камень превращень“.

Мережковский.

Но это не значить, что эти творительные падежи сдѣлались подлежащими, а означаетъ только то, что знаменательность подлежащаго, какъ подлежащаго, пошла на убыль, подобно тому, какъ въ глаголахъ быть и стать и другихъ имъ подобныхъ исчезло первоначально ихъ конкретное содержаніе, и по своему значенію они сдѣлались мало знаменательными, но все же глаголами, но какъ эти глаголы остались глаголами, такъ и подлежащія „Нева“ и „родъ“ остаются подлежащими. Но такія подлежащія можно назвать мнимыми, фиктивными подлежащими въ противоположность тѣмъ подлежащимъ, знаменательность которыхъ не подверглась измѣненію. Что нельзя считать подлежащими дополненій, выраженныхъ въ творительномъ падежѣ, это видно изъ того, что предложенія со сказуемыми въ страдательномъ залогѣ могутъ совсѣмъ обходиться безъ этихъ дополненій: „Оно (имѣніе) было давно запущено“. (Тургеневъ). „Все тамъ (въ сочиненіи) будетъ разрѣшено и приведено въ ясность“. (Тургеневъ). „Всѣ сказки, которыя только могла запомнить ключница, были мнѣ пересказаны“. (Пушкинъ). Отсутствіе дополненій въ творительномъ падежѣ, какъ видно изъ приведенныхъ примѣровъ, не дѣлаетъ рѣчи туманною, между тѣмъ какъ эти же предложенія безъ своихъ фиктивныхъ подлежащихъ не имѣли бы смысла.

§ 50. ПСИХОЛОГИЧЕСКІЙ ПРОЦЕССЪ ОБРАЗОВАНІЯ ПРЕДЛОЖЕНІЙ.

Мы знаемъ, что предложеніе есть внѣшняя, словесная форма сужденія въ широкомъ смыслѣ слова. Сужденіе является идеей предложенія, а потому первоначальный процессъ образованія предложенія совпадаетъ съ процессомъ образованія сужденія.

Физиологически процессъ сужденія заканчивается въ ассо-

пационныхъ центрахъ большого мозга, которые считаются хранилищемъ всѣхъ представлений. Но эти ассоціационные центры большого мозга связаны при посредствѣ нервныхъ волоконъ съ слуховымъ, зрительнымъ и моторнымъ центрами, которые, въ свою очередь, непосредственно связаны при помощи тѣхъ же нервныхъ путей съ органами чувствъ. Послѣ того, какъ въ ассоціационныхъ центрахъ образовалось сужденіе, выражающееся физиологически въ раздраженіи этихъ центровъ, послѣ того это раздраженіе передается слуховому центру (центру Вернике), и вызывается слуховой образъ слова; въ свою очередь, это раздраженіе изъ слухового центра передается центру рѣчи (центру Брока), который черезъ посредство нервныхъ волоконъ связанъ съ мышцами, управляющими органами рѣчи: языкомъ, губами, жевательными мышцами и мышцами голосовыхъ связокъ. Одновременно съ дѣйствіемъ этихъ мышцъ происходитъ и самый процессъ рѣчи, предложенія—словесное выраженіе сужденія. Значитъ, процессъ образованія сужденія и конечнаго выраженія его въ словесной формѣ связанъ со сложнымъ процессомъ своего рода путешествія по нервнымъ путямъ и разнымъ центрамъ большого мозга.

Этотъ процессъ не на всѣхъ стадіяхъ своего путешествія является одинаково сознательнымъ. Работа мысли при образованіи сужденія, предложенія происходитъ въ сферахъ: безсознательной, полусознательной и сознательной. Опишемъ этотъ процессъ съ его чисто-психологической стороны. Ощущенія, которыя даютъ матеріаль для представленія и потомъ сужденія, если на нихъ не направлено вниманіе, совершаются въ безсознательной сферѣ мысли. Положимъ, мы, возвращаясь съ прогулки, въ то время, когда наше вниманіе и сознаніе были заняты какими-нибудь объектами мысли, встрѣтили во дворѣ неизвѣстнаго намъ человѣка. На вопросъ: „не попался ли намъ во дворѣ кто-либо навстрѣчу“, мы описываемъ внѣшность этого человѣка, его костюмъ, походку, хотя на него нами совсѣмъ не обращено никакого вниманія. Безсознательный процессъ сдѣлался сознательнымъ во время вызова представленій. Но матеріаль для сужденій доставляется не непосредственно ощущеніями, а чрезъ посредство представленій. Зрительный, слуховой или какой-либо иной центръ раздражаетъ тѣ пути, которыми онъ завѣдуетъ, а послѣдніе передаютъ черезъ новые пути свое раздраженіе ассоціационнымъ центрамъ. Здѣсь мозговые клѣточки приходятъ въ связь между собою и вызываютъ сужденіе. Но процессъ образованія сужденія, связанный съ колебаніемъ мозговыхъ клѣточекъ ассоціационныхъ центровъ, несознательнъ, но зато сознательны подготовительные

къ нему процессы, хотя и не въ равной мѣрѣ. Положимъ, мы вышли на улицу утромъ и замѣтили, что трава мокрая. Это сужденіе могло образоваться съ мало сознаваемой дѣятельностью ощущеній и представленій, но все же эта сознательность была. Теперь прослѣдимъ, какъ это сужденіе вылилось въ словесную форму. Повидимому, произошелъ только одинъ процессъ выраженія предложенія въ его словесную форму. Но это иллюзія. У многихъ людей, у которыхъ преимущественно преобладаетъ слуховая память, слово, прежде его выраженія въ словесной формѣ, предносится въ слуховой формѣ: мы какъ бы внутренне слышимъ его безъ всякаго произношенія. Здѣсь уже начинается работа слуховыхъ центровъ, происходящая тоже въ мало сознательной сферѣ, но ее все же можно сознавать, если мы обратимъ на нее вниманіе. Что эта работа происходитъ за порогомъ сознанія, это ясно изъ того, что мы на нее не затрачиваемъ никакой энергіи. Она совершается безъ всякихъ усилій, даромъ. Изъ слухового центра работа переходитъ въ центръ рѣчи и оттуда къ органамъ рѣчи и тоже совершается въ полусознательной сферѣ. Когда мы молча думаемъ о чемъ-нибудь, то легко замѣтить, что въ это время органы рѣчи: языкъ, губы, голосовыя связки приходятъ какъ бы въ своего рода движеніе: мы чувствуемъ ихъ слабую дѣятельность и напряженность. И эта работа мысли тоже совершается за порогомъ сознанія. Описанные нами малосознательные процессы подвергаются потомъ нѣкоторому контролю сознанія, но многіе процессы совершаются безъ всякаго контроля—это процессы перехода изъ одного мозгового центра въ другой. Одновременно съ этими процессами вызова словъ изъ памяти совершается процессъ синтаксическаго согласованія и управленія словъ. Ему предшествуетъ наиболѣе важный процессъ предикцірованія, или сказуемости, около котораго и группируются акты согласованія и управленія. Что процессъ предикцірованія, или постановки сказуемаго имѣетъ весьма важное значеніе, это мы можемъ наблюдать на насъ самихъ во время чтенія. Если въ какомъ-либо предложеніи—у Ломоносова или Карамзина—сказуемое слишкомъ удалено отъ подлежащаго, то мы прежде всего устремляемся на поиски этого сказуемаго, и если его мы не можемъ найти, то испытываемъ чувство неудовольствія, тогда какъ противоположный процессъ легкаго воспріятія сказуемаго вызываетъ въ душѣ особое чувство удовольствія. Этотъ процессъ предикцірованія является наиболѣе сознательнымъ процессомъ въ ряду другихъ, сопутствующихъ ему. Такъ какъ этотъ процессъ отличается большей напряженностью вниманія, то онъ и совершается на порогѣ вниманія, въ самой свѣтлой точкѣ со-

знанія. Процессъ согласованія и управленія словъ совершается за порогомъ вниманія въ сферѣ неполнаго сознанія, или, какъ говорятъ, полубезсознательной сферѣ. Что этотъ процессъ не происходитъ внѣ контроля сознанія, это видно изъ того, что мы во время процесса рѣчи слѣдимъ за работой мысли по управленію и согласованію, и еще потому, что ошибки противъ согласованія быстро замѣчаются слушающими нашу рѣчь. Процессы предписыванія и согласованія съ управленіемъ совершаются въ ассоціативныхъ центрахъ большого мозга, но такъ какъ эти процессы связываются съ установленіемъ различныхъ отношеній между понятіями и представленіями, выражающихся въ самомъ процессѣ согласованія и управленія, то они постольку и сознательны, поскольку они связаны съ раздраженіями тѣхъ специальныхъ центровъ мозга, которые непосредственно завѣдуютъ органами высшихъ чувствъ. Но зато процессъ вызова словъ, о которомъ намъ приходилось говорить въ § 47, отличается полной сознательностью, что объясняется тѣмъ, что этотъ процессъ совершается въ специальныхъ мозговыхъ центрахъ: въ слуховомъ и моторномъ при слабомъ участіи ассоціативныхъ центровъ, а можетъ быть и безъ всякаго участія.

Но сужденія съ однимъ и тѣмъ же содержаніемъ не отливаются въ одну и ту же форму. Они у каждаго индивидуума разнообразятся. Одинъ привыкъ выражать свои мысли въ формѣ краткихъ предложеній, другой — въ формѣ распространенныхъ, вопросительныхъ; у одного индивидуума подлежащее занимаетъ одно мѣсто, у другого — другое; у одного опредѣленіе называється одно на другое, у другого — мало опредѣлений и т. п. Значить, у каждаго индивидуума образуются какъ бы свои излюбленныя рамки для предложеній. Этотъ процессъ отливки сужденій въ опредѣленныя формы отличается полной безсознательностью. И эта форма, въ которую отливаются предложенія, зависитъ отъ упражненія нервныхъ путей. Понять этотъ процессъ можно только метафорически. Если мы перегибемъ листъ бумаги, то въ мѣстѣ сгибовъ образуются складки, и въ повторныхъ случаяхъ складыванія этого листа мы съ каждымъ разомъ все легче и легче будемъ складывать этотъ листъ по имѣющимся сгибамъ. Во время ливня вода, преодолевая препятствія, вырываетъ въ почвѣ для себя русло. Во время новаго дождя или ливня она уже течетъ по своимъ прежнимъ путямъ. То же самое надо предположить и относительно нервныхъ путей. Они приготавливаются по одному шаблону для одной и той же дѣятельности. Тамъ образуются своего рода расчищенные дорожки, по которымъ и совершаетъ мысль безчи-

сленный рядъ своихъ путешествій. Такимъ-то образомъ и образуются у каждаго человѣка свои рамки, свои формы для отливки мыслей въ предложенія.

О словѣ мы говорили, что оно есть замѣститель представленія въ дѣлахъ мысли, потому что, какъ мы видѣли раньше, слово не связывается (не ассоціируется) съ тѣмъ представленіемъ, котораго оно является символомъ. Но все же при нашемъ желаніи мы можемъ вмѣстѣ со словомъ вызвать и представленіе о предметѣ. Но мысль о мысли сужденія мы никогда не вызовемъ: въ нашемъ сознаніи появляется только сочетаніе словъ. Поэтому, какъ слово является замѣстителемъ представленія, такъ и предложеніе является тоже замѣстителемъ сужденія, но въ еще большей степени, чѣмъ слово. Для того, чтобы яснѣе понять эту особенность сужденія сравнимъ сужденіе съ представленіемъ. Представленія о летящей птицѣ, о падающемъ камнѣ, о поднимающемся шарѣ могутъ быть вызваны въ нашемъ сознаніи при условіи ихъ неразложимости, т.е. и камень, и процессъ его паденія мы должны представлять одновременно. Въ сужденіяхъ: „камень падаетъ“, „шаръ поднимается“ произошло раздѣленіе представленія. И мы не въ состояніи поэтому представить птицу внѣ покоя и внѣ движенія и летаніе какъ нѣчто отдѣльное отъ предмета.

§ 51. ВИДЫ ПРЕДЛОЖЕНІЙ.

Въ качествѣ основанія дѣленія предложеній на виды можно взять два принципа: одинъ принципъ—происхожденія предложеній и другой—качества того содержанія, изъ котораго составляется самое предложеніе. Въ логикѣ принимаются инныя основанія для дѣленія сужденій, обусловливаемые природой науки. Но въ цѣляхъ теоріи словесности предлагаемое нами дѣленіе является наиболѣе отвѣчающимъ задачамъ науки. По своему происхожденію предложенія дѣлятся на конкретныя и абстрактныя. По качеству содержанія дѣлятся на интеллектуальныя, эмоціональныя и повелительныя предложенія.

§ 52. КОНКРЕТНЫЯ ПРЕДЛОЖЕНІЯ.

Для того, чтобы опредѣлить яснѣе природу этихъ предложеній приведемъ примѣры: „Ночевала тучка золотая на груди утеса-великана“. „И Терекъ, прыгая какъ львица, съ косматою гривой на хребтѣ, ревѣлъ“. (Лермонтовъ). „Острою сѣкирой ранена береза“. (Некрасовъ). „Совѣсть—когтистый звѣрь, скребящій серд-

це, совѣсть—незванный гость, докучный собесѣдникъ, заимодавецъ грубый; это вѣдьма, отъ коей меркнетъ мѣсяцъ, и могилы смущаются и мертвыхъ высылаютъ“. (Пушкинъ). „Что не ласточки, не касаточки вокругъ тепла гнѣзда увиваются: увивается тутъ родна матушка; она плачетъ, какъ рѣка льется, а родна сестра плачетъ, какъ ручей течетъ, молода жена плачетъ, какъ роса падетъ“. (Народная пѣсня). „Съ души какъ бремя скатится; сомнѣнье далеко, и вѣрится, и плачется, и такъ легко-легко“. (Лермонтовъ). „Красный лѣсъ любить землю глинистую, иловатую, а сосна преимущественно песчаную“. (Аксаковъ). „Мы черпали кипучую воду ковшикомъ изъ коры или дномъ разбитой бутылки“. (Пушкинъ). Особенностью этихъ сужденій, какъ видно изъ указанныхъ примѣровъ, служить ихъ наглядность, стремленіе воспроизвести дѣйствительность такую, какъ она познается нашими ощущеніями. То основное свойство конкретныхъ предложеній, по которому они отличаются наглядностью, объясняется тѣмъ, что эти сужденія стоятъ въ тѣсной связи съ представленіями о предметахъ. Связь эта выражается въ томъ, что они произошли изъ представлений. Мы указывали ранѣе въ § 24 на то, что представленія это есть своего рода копіи предметовъ. Путемъ повторныхъ ощущеній одного и того же предмета, дѣйствующаго на различные органы внѣшнихъ чувствъ, наше представленіе о немъ все болѣе осложняется, и вслѣдствіе этого осложненія представленіе вытравляется въ своей яркости. Признаки предмета въ представленіи не группируются по степени ихъ цѣнности или важности для существа предмета. Такое свойство группировки признаковъ принадлежитъ понятіямъ. Въ представленіяхъ же признаки наслаиваются одинъ на другой, и если одни выдѣляются изъ ряда другихъ, то потому, что одни болѣе ярки, а другіе менѣе; а ярки потому, что они чаще вызывались въ сознаніи, благодаря ихъ связи съ тѣми ощущеніями, которыя чаще воспроизводили именно эти признаки. Представленія поэтому не различаютъ существенныхъ признаковъ отъ случайныхъ, и часто случайные признаки имѣютъ больше значенія для жизни представленія, чѣмъ существенные. Изъ такихъ-то представлений конкретныя сужденія и берутъ свое содержаніе, или, какъ говорится въ логикѣ, свою матерію. Дѣятельность мысли въ этихъ предложеніяхъ сводится исключительно къ одному выбору этихъ признаковъ. Оцѣнка того матеріала, который составляетъ содержаніе этихъ сужденій не производится: преслѣдуется только одна цѣль—представить сущее, природу такую, какою она воспринимается нашими ощущеніями.

Всѣ конкретныя сужденія считаются непосредственными сужденіями, въ противоположность опосредствованнымъ, о которыхъ

будетъ итти рѣчь дальше. Они относятся къ непосредственнымъ сужденіямъ на томъ основаніи, что имѣютъ всеобщую значимость, такъ какъ опираются непосредственно на ощущенія. Если для меня эта вещь представляется красною, сладкою, круглою, то и для всякаго другого, въ силу тождества психической организаціи, эта вещь должна представляться съ тѣми же свойствами. Отъ одинаковой значимости этихъ сужденій зависитъ и ихъ достовѣрность и безусловность для всѣхъ людей. Если и можно говорить о провѣркѣ ощущеній, то только для утвержденія, что во всякое время и у всякаго субъекта одно и то же ощущеніе считалось однимъ и тѣмъ же. Указанными свойствами конкретныхъ сужденій объясняется и та особенность ихъ, по которой предложенія связаны съ описаніемъ предметовъ и повѣствованіемъ о нихъ. Конкретныя предложенія вмѣстѣ съ тѣмъ—предложенія или повѣствовательныя, или описательныя. И это понятно почему. Ощущенія группируются въ сознаніи на основаніи ассоціаціи смежности или послѣдовательности. Законъ ассоціаціи смежности лежитъ въ основѣ всякаго описанія, а законъ ассоціаціи послѣдовательности, преемства предметовъ и ихъ признаковъ во времени—въ основѣ повѣствованія. Мышленіе конкретными предложеніями вслѣдствіе тѣсной связи его съ ощущеніями—есть начальный актъ всякаго мышленія: у дѣтей и у первобытнаго человѣка мышленіе непремѣнно отличается нагляднымъ характеромъ. Мы увидимъ впослѣдствіи, что мифологія и анимизмъ выросли именно на почвѣ этого мышленія. Вслѣдствіе того, что мышленіе этого рода требуетъ гораздо меньше затраты психической энергіи, этотъ типъ мышленія преобладаетъ и въ обыденной жизни. На этомъ же основаніи художественныя, беллетристическія произведенія пользуются большою распространенностью въ сравненіи съ научными. Особую разновидность конкретныхъ предложеній представляютъ изъ себя поэтическія предложенія, примѣры которыхъ приведены въ началѣ этого §. Объ этихъ предложеніяхъ мы будемъ здѣсь говорить постольку, поскольку они являются актомъ умственной, интеллектуальной дѣятельности человѣка, но пока умолчимъ о томъ, что въ эти предложенія входитъ эмоціональный элементъ, о чемъ скажемъ дальше. Прежде всего, способность мыслить поэтическими сужденіями связывается съ той типичною индивидуальностью выражать свои мысли, о которой мы говорили въ § 50. Поэтому, не всѣ люди могутъ мыслить поэтическими образами: для этого мышленія требуется прирожденный талантъ. Люди, обладающіе поэтической организаціей, въ своей психической структурѣ имѣютъ нѣкоторыя особенности. Всѣ интеллектуальные процессы, связанные съ дѣятельностью по образованію пред-

ставленій, у нихъ повышены и болѣе напряжены, чѣмъ у обыкновенныхъ людей. Они отличаются особенною остротою чувства, вслѣдствіе которой отъ объектовъ внѣшняго міра получаютъ гораздо больше впечатлѣній, чѣмъ обыкновенный смертный. Возьмемъ для примѣра начальную строчку описанія Днѣпра Гоголя изъ его повѣсти „Страшная мѣсть“. „Чуденъ Днѣпръ при тихой погодѣ, когда вольно и плавно мчитъ сквозъ лѣса и горы полныя воды свои“. Сколько здѣсь воспринято такихъ впечатлѣній, которыя проходятъ мимо нашего сознанія! Прежде всего установленъ фонъ для этой картины: тихая погода и на этомъ фонѣ разсматривается не просто теченіе Днѣпра, а то, что онъ *мчитъ* не просто воды, а *полныя* воды и мчитъ вольно и плавно; подмѣчена не только свобода теченія, но и его *ритмичность* („*плавно*“); и Днѣпръ мчитъ свои волны не черезъ лѣса, а *сквозъ* лѣса и горы. И эта острота чувствъ связывается вмѣстѣ съ тѣмъ съ особой силой наблюдательности. Что можно сказать о березѣ и о ея признакахъ? Аксаковъ сказалъ вотъ что: „Хороша развѣсистая, бѣлоствольная, свѣтлозеленая, веселая береза“, и онъ сказалъ это между прочимъ, мелькомъ. Вмѣстѣ съ остротою чувствъ и силой наблюдательности замѣчается особенная легкость и свобода теченія представленій. Границъ для ассоціаціи представленій въ творческомъ сознаніи какъ-будто совсѣмъ нѣтъ: связываются такія представленія, между которыми, повидимому, нѣтъ общихъ точекъ. *Туча* и *грудь* утеса и *ночлегъ* тучи—все это ассоціировано. Представленіе о совѣсти мыслится вмѣстѣ съ представленіями о незваномъ гостѣ, о докучномъ собесѣдникѣ, о заимодавцѣ грубомъ, о вѣдьмѣ и т. п. Эта свобода теченія представленій находится въ зависимости отъ силы творческаго воображенія и отъ полета фантазіи. Кромѣ того, поэтъ-художникъ отличается особенной способностью выбора мѣткихъ словъ, сразу опредѣляющихъ природу понятія. Такъ какъ при помощи ощущеній мы познаемъ какъ внѣшній міръ, такъ и свой внутренній, то мы можемъ имѣть представленія не только объективныя, но и субъективныя. А потому и содержаніе конкретныхъ сужденій можетъ обнимать какъ явленія внѣшней природы, такъ и явленія внутреннего душевнаго міра. Послѣдніе три примѣра, приведенные въ стихотворной формѣ, имѣютъ своимъ содержаніемъ изображеніе душевнаго міра человѣка, а первые три воспроизводятъ міръ внѣшней природы.

§ 53. АБСТРАКТНЫЯ ПРЕДЛОЖЕНІЯ.

Матеріаломъ конкретныхъ предложеній (сужденій) служатъ представленія, а для абстрактныхъ—понятія.

Слово *abstractio* въ переводѣ съ латинскаго языка означаетъ отвлеченіе. Психологически природа абстракціи выражается въ слѣдующемъ. Для нашего сознанія предметъ самъ по себѣ, безъ тѣхъ признаковъ, свойствъ и дѣятельностей, которыми онъ проявляется, не представимъ. Но, несмотря на это, нашъ интеллектъ выдѣляетъ изъ предмета его признаки, свойства и дѣятельности. Черезъ это разсѣченіе, черезъ эту анатомію предметовъ, онъ старается познать все сущее и найти въ этомъ сущемъ однообразіе. Но и признаки, выдѣленные изъ предметовъ, отличаются тѣмъ же свойствомъ непредставимости. Сладость нельзя представить безъ того вещества, съ которымъ она соединяется; бѣлизну—безъ того предмета, который является ея носителемъ; вѣсъ—безъ матеріи и т. п. Эти отвлеченные отъ предметовъ признаки въ отдаленнѣйшую эпоху жизни языка, въ періодъ паратактическаго строя рѣчи (см. § 65), выражаются именами существительными, съ переходомъ же отъ паратактическаго строя къ гипотактическому — категоріей имени прилагательнаго и причастія, а потомъ съ дальнѣйшимъ развитіемъ языка происходитъ опредмечиваніе этихъ прилагательныхъ, и получаютъ абстрактныя существительныя: бѣлизна, глубина, горечь, прогулка, пѣніе, игра и т. п. Изъ послѣднихъ примѣровъ видно, что опредмечиваться могутъ не только признаки, но и дѣйствія, выраженные въ языкѣ глаголами. Приведемъ примѣры абстрактныхъ сужденій: „Треніемъ вызывается процессъ горѣнія“, „ощущеніе возрастаетъ, какъ логаріемъ раздраженія“, „склоненіе есть измѣненіе именъ по падежамъ, родамъ и числамъ“, „грамматика есть наука о языкѣ“. Изъ представленныхъ примѣровъ видно, что въ нихъ и подлежащее, и сказуемое суть абстрактныя имена. Треніе и горѣніе не представимы безъ матеріи; измѣненіе безъ того предмета, который измѣняется; ощущеніе—безъ своего органа и т. д. Но въ качествѣ абстрактныхъ сужденій могутъ быть и такія, въ которыхъ одинъ членъ конкретный, а другой—абстрактный. „Эти часы металлическихъ“, „заблужденіе свойственно всѣмъ людямъ“, „растенія выдѣляютъ кислородъ“, „прямоугольный треугольникъ имѣетъ всѣ свойства треугольниковъ“ и т. п. Въ первомъ примѣрѣ конкретное представленіе ¹⁾ объ этихъ часахъ связывается съ абстрактнымъ понятіемъ металла; въ третьемъ абстрактное понятіе о растеніи связывается съ конкретнымъ представленіемъ о кислородѣ и т. д. Что понятія

1) Всѣ представленія конкретны и всѣ понятія абстрактны. Эти выраженія допущены ради наглядности.

о растеніи, металлѣ, заблужденіи, свойствѣ дѣйствительно понятія, а не представленія въ томъ легко убѣдиться, потому что съ содержаніемъ этихъ словъ не соединяется вызовъ представленій. Можно вызвать какое-нибудь представленіе дерева, травы, золота, мѣди, но не растеніе и не металлъ. Въ предшествующемъ § мы говорили, что конкретныя сужденія, поскольку они основываются на представленіяхъ, не нуждаются ни въ какой провѣркѣ, потому что ощущенія, какъ первичныя акты познанія, не могутъ подвергаться никакому контролю за неимѣніемъ этого контроля. Не такъ дѣло обстоитъ съ абстрактными сужденіями. Они подлежатъ оцѣнкѣ. И эта оцѣнка сводится къ тому, чтобы въ понятіяхъ найти тѣ основныя элементы, которые получены изъ ощущенія, или же составить такое противоположное сужденіе, черезъ которое познавалась бы истина перваго сужденія. Сужденіе „это есть металлъ“ пріобрѣтаетъ полную степень достовѣрности, когда мы скажемъ, что металлы отличаются блескомъ, ковкостью, тепло- и электропроводностью. О ковкѣ, блескѣ, тепло- и электропроводности насъ удостовѣряютъ ощущенія.

За ощущеніями, такимъ образомъ, признается ихъ несомнѣнность, истинность. Этотъ законъ приведенія понятій къ несомнѣннымъ истинамъ въ логикѣ называется закономъ достаточнаго основанія. Но не все знаніе носитъ опытный характеръ, а потому и не всѣ понятія можно доказывать со стороны ихъ истинности разложеніемъ ихъ на тѣ элементы, которые образовались при посредствѣ ощущеній, т.-е. опыта и наблюденія, потому что такихъ элементовъ въ понятіи можетъ и не оказаться. И, дѣйствительно, имѣется много понятій, абстрактныхъ по своему происхожденію и природѣ, а потому не разложимыхъ ни на какіе элементы. Къ такимъ понятіямъ относятся всѣ построенія нашего ума, создавшіяся внѣ зависимости отъ опыта, но только по поводу опыта. Эти неразложимыя понятія относятся къ области, главнымъ образомъ, математическихъ наукъ, но отъ нихъ несвободно и опытное знаніе. Понятіе о точкѣ, не имѣющей никакого измѣренія, стоитъ въ противорѣчій съ опытомъ, потому что предметы познаются въ пространствѣ. Понятіе о линіи, что она имѣетъ одно измѣреніе только въ длину, не можетъ быть доказано, потому что, гдѣ есть длина, тамъ должна быть и ширина. Прямой линіи въ природѣ и совсѣмъ не существуетъ, а имѣются только кривыя: прямая есть фикція нашего ума. Понятіе о числѣ, пространствѣ, времени и многія другія точно также образовались въ нашей душѣ не опытнымъ, а умозрительнымъ путемъ. Законъ единообразія явленій природы и закономерности между ними, тотъ законъ, безъ котораго немислимо существованіе опытныхъ,

наукъ, не можетъ быть самъ доказанъ данными опыта. На недоказуемыхъ положеніяхъ, аксіомахъ построена достовѣрнѣйшая изъ всѣхъ наукъ—геометрія. Несомнѣнность всѣхъ подобныхъ истинъ можно не доказать, а объяснить. Всѣ аксіомы, т.е. положенія, созданныя дѣятельностью самого ума, только въ силу одинаковаго устройства мышленія являются несомнѣнными или самоочевидными. Отсюда вытекаетъ другое положеніе: тѣ абстрактныя сужденія, которыя не доказуемы при посредствѣ данныхъ опыта и наблюденія, должны быть сводимы къ несомнѣннымъ, самоочевиднѣйшимъ истинамъ, къ аксіомамъ. Очевидно, что и это сведеніе къ недоказуемымъ истинамъ есть тотъ же законъ достаточнаго основанія.

Возьмемъ другой примѣръ: „люди суть разумныя существа“. Для провѣрки истинности этого сужденія можно составить другое, обратное этому сужденіе: „люди не суть разумныя существа“. Или еще примѣръ: „люди—смертны“, „люди—безсмертны“. Очевидно, что съ обратными предложеніями мы согласиться не можемъ и должны признать истинность первыхъ сужденій, потому что есть еще логическій законъ, по которому третье ничего не дается (*tertium non datur*). Законъ противопоставленія одному сужденію другого называется закономъ противорѣчія. Значить, истинность абстрактныхъ сужденій-предложеній познается или черезъ анализъ подлежащаго и сказуемаго, вслѣдствіе котораго понятія черезъ представленія разлагаются, и основа ихъ открывается въ ощущеніяхъ, или же составляются противорѣчащія сужденія, и на основаніи ложности этихъ послѣднихъ умозаключается объ истинности первыхъ.

Но этотъ путь доказательства абстрактныхъ сужденій путемъ закона достаточнаго основанія длинный и громоздкій. Для доказательства какого-нибудь абстрактнаго сужденія требуется цѣлая цѣпь другихъ сужденій. Мышленіе выработало болѣе краткій путь для этихъ доказательствъ. Это—доказательства при посредствѣ умозаключеній. Существуютъ два вида умозаключенія: дедуктивное и индуктивное. Возьмемъ примѣръ дедуктивнаго умозаключенія. Положимъ, намъ нужно доказать, что киты суть теплокровныя животныя. Для этого мы составляемъ рядъ сужденій. Теплокровныя животныя дышатъ легкими, киты дышатъ легкими, слѣд., киты суть теплокровныя животныя. Намъ надо доказать, что земля есть планета. Составляемъ опять рядъ сужденій: Планеты вращаются около солнца, земля вращается около солнца, слѣд., земля есть планета. Изъ этого мы видимъ, что для образованія дедуктивнаго умозаключенія изъ доказуемаго положенія нужно выдѣлить его термины, т.е. подлежащее и сказуе-

мое и составить изъ этихъ терминовъ два новыхъ сужденія при посредствѣ третьяго понятія, которое бы своимъ объемомъ входило, какъ часть, хотя бы въ составъ одного изъ этихъ терминовъ. Третьимъ (среднимъ) терминомъ въ приведенныхъ нами примѣрахъ будутъ понятія: „дышать легкими“ и „вращаются около солнца“. Въ результатѣ сочетанія этихъ двухъ сужденій появится то же сужденіе, которое мы старались доказать, но уже достовѣрное, истинное. Значить, для правильности дедуктивнаго умозаключенія требуется непременно наличность трехъ терминовъ, и при этомъ средній терминъ не долженъ входить въ составъ послѣдняго сужденія, заключенія. Кромѣ того, одна изъ этихъ посылокъ непременно должна быть общимъ сужденіемъ, потому что изъ двухъ частныхъ сужденій нельзя вывести никакого сужденія, такъ какъ средній терминъ въ частныхъ сужденіяхъ не можетъ быть распределенъ. Сужденія „теплокровныя животныя дышатъ легкими“ и „планеты вращаются около солнца“ болѣе общія сужденія въ сравненіи со слѣдующими за ними: „киты дышатъ легкими“ и „земля вращается около солнца“. Поэтому дедуктивныя умозаключенія и называются умозаключеніями отъ общаго къ частному.

Возьмемъ примѣръ индуктивнаго умозаключенія: ѣдкій натрій въ соединеніи съ жиромъ даетъ мыло; ѣдкій натрій въ соединеніи съ пальмовымъ или кокосовымъ масломъ даетъ мыло. Ўдкій кали въ соединеніи съ жиромъ даетъ мыло; ѣдкій кали въ соединеніи съ коноплянымъ масломъ даетъ мыло. Ўдкіе кали и натрій суть щелочи. Заключение: щелочное вещество въ соединеніи съ маслянистымъ даетъ мыло. Другой примѣръ: когда мы ударяемъ звонокъ, находящійся подъ воздушнымъ колоколомъ, то звукъ слышенъ, если подъ колоколомъ есть воздухъ; подъ колоколомъ воздуха нѣтъ, и звукъ не слышенъ. Слѣд., воздухъ есть необходимое условіе для образованія звука. Изъ приведенныхъ примѣровъ видно, что индуктивное умозаключеніе по своему строенію отличается отъ дедуктивнаго большимъ количествомъ сужденій, и что вмѣсто общихъ сужденій, которыя предшествуютъ въ дедуктивномъ умозаключеніи частному (сужденію), въ индуктивномъ прежде ставятся частныя сужденія, и изъ нихъ дѣлается выводъ, каковымъ является общее сужденіе. Правильность каждаго индуктивнаго умозаключенія обуславливается признаніемъ двухъ аксіомъ, что а) все въ природѣ единообразно и б) законосообразно. Эти аксіомы являются идеями каждаго индуктивнаго умозаключенія, хотя онѣ въ посылкахъ не высказываются. Въ этихъ умозаключеніяхъ

такъ же, какъ и въ индуктивныхъ имѣются также и большая и меньшая посылки. Но разница въ томъ, что большая посылка состоитъ изъ нѣсколькихъ предложеній, и матеріалъ для нихъ берется непременно изъ опыта или наблюденія, поэтому-то она и состоитъ изъ частныхъ сужденій. Меньшая посылка („ѣдкіе кали и натрій суть щелочи“) часто не высказывается. И въ индукцію такъ же, какъ въ дедукцію долженъ входить средній терминъ, но средній терминъ здѣсь выражается не однимъ словомъ, а многими („кали“, „натрій“ и т. п.); количество обозначеній для средняго термина зависитъ отъ количества сужденій, составляющихъ большую посылку. Изъ анализа индуктивнаго умозаключенія съ очевидностью слѣдуетъ, что это умозаключеніе есть обратный видъ дедуктивнаго. Для большаго доказательства возьмемъ еще примѣръ этого вида умозаключенія: 1) Коза имѣетъ рога; овца имѣетъ рога; корова имѣетъ рога; зубръ имѣетъ рога; олень имѣетъ рога; серна имѣетъ рога. 2) Всѣ эти животныя жвачныя. 3) Слѣд., всѣ жвачныя животныя имѣютъ рога. Переставимъ посылки этого умозаключенія и получится силлогизмъ (дедуктивное умозаключеніе): 1) Всѣ жвачныя животныя имѣютъ рога. 2) Олень жвачное животное. 3) Слѣд., олень имѣетъ рога. Индуктивный процессъ, такимъ образомъ, есть дополненіе дедуктивнаго и наоборотъ. На этомъ основаніи истинность большой посылки дедуктивнаго умозаключенія можетъ быть провѣрена при посредствѣ индуктивнаго умозаключенія, опирающагося на данныя опыта, и выводъ дедуктивнаго умозаключенія послѣ этой обоснованности его большой посылки принимаетъ еще болѣе несомнѣнную истинность. Такимъ образомъ, абстрактныя сужденія подвергаются оцѣнкѣ закона достаточнаго основанія, закона противорѣчія и закона умозаключенія дедуктивнаго и индуктивнаго или порознь, или обоимъ вмѣстѣ.

Абстрактныя сужденія свойственны научнымъ или прозаическимъ сочиненіямъ. И это понятно. Наука пытается все разнообразіе знанія свести къ единству, а это можно сдѣлать только при помощи абстракціи, отвлеченія. И самыя абстрактныя сужденія можно назвать прозаическими сужденіями.

§ 54. РАЗДѢЛЕНІЕ ПРЕДЛОЖЕНІЙ ПО СОДЕРЖАНІЮ:

Изъ § 10 мы видѣли, что всю сложность психической организаціи человѣка можно свести къ тремъ видамъ ощущеній: а) къ ощущеніямъ интеллектуальнымъ, б) органическимъ и в) моторнымъ. Ощущенія интеллектуальныя: осязаніе, зрѣніе и слухъ

составляют основу познавательных процессов; органические ощущенія измѣненій организма, а также ощущенія вкуса и обонянія лежатъ въ основѣ эмоцій или чувствованій, и с) моторныя ощущенія, связанныя съ дѣятельностью мускуловъ, тѣсно связаны съ волевыми процессами. Всѣ указанные нами психические процессы локализуются въ своихъ мозговыхъ центрахъ, а эти послѣдніе, въ свою очередь, связываются съ ассоціационными центрами, т. е. съ тѣми центрами, которые заведываютъ храненіемъ и образованіемъ понятій и сужденій. Такимъ образомъ, въ нашей душѣ могутъ образоваться не только процессы, связанные съ дѣятельностью интеллекта, но и процессы, зависящіе отъ дѣятельности воли и сердца. А если возможны понятія объ эмоціяхъ и волевыхъ актахъ, то возможны объ нихъ и сужденія. Итакъ, повторяемъ, сужденія по своему качеству или содержанію дѣлятся на интеллектуальные, эмоціональные и повелительные. Природа интеллектуальныхъ предложеній нами разобрана въ §§ 52 и 53. О связи ихъ съ эмоціональными процессами сказано въ § 47, поэтому мы теперь прямо и перейдемъ къ предложеніямъ эмоціональнымъ.

§ 55. ПРИРОДА ЭМОЦІЙ.

Прежде, чѣмъ говорить объ эмоціональныхъ сужденіяхъ, мы должны указать природу эмоцій или чувствованій. Долгое время эмоціямъ не придавалось самостоятельнаго значенія: они считались актами только сопутствующими интеллектуальнымъ процессамъ и съ ними связанными. Утверждали, что чувства появляются только въ томъ случаѣ, когда для нихъ есть объектъ, находящійся внѣ насъ. Для того, чтобы чувствовать страхъ, нуженъ такой предметъ, который бы вызывалъ это чувство; возбудителемъ эстетическихъ эмоцій должно быть то или другое произведеніе искусства и т. д. Но наблюденія показываютъ, что эмоціи могутъ возникать и безъ внѣшнихъ объектовъ и даже въ этомъ случаѣ они ярче выражаются, чѣмъ безъ этихъ послѣднихъ: въ состояніи опьяненія подъ вліяніемъ алкоголя, опиума, гашиша, когда умственная дѣятельность притуплена, наблюдается сильное проявленіе различныхъ эмоцій, напр., горя, радости и т. п. Дѣти, родившіяся раньше срока, — недоноски, отличаются отъ родившихся своевременно тѣмъ, что у нихъ спеціальныя центры большого мозга, центры представленій, недоразвиты. Но они тотчасъ же послѣ рожденія реагируютъ на свои собственные рефлексy плачемъ, улыбкой и т. п. У идиотовъ чувства глѣба и ярости про-

текають сильнѣе, чѣмъ у людей съ нормальнымъ устройствомъ головного мозга. Собаки, у которыхъ удалены полушарія большого мозга, теряя способность узнавать прежнія ощущенія, связанные, напр., съ пищевыми продуктами, въ то же время проявляютъ своимъ лаемъ сильную ярость.

Хотя эмоціи и могутъ быть независимы отъ интеллектуальныхъ процессовъ, но онѣ въ качествѣ самостоятельныхъ душевныхъ актовъ очень рѣдки. И эта рѣдкость проявленія ихъ въ чистомъ видѣ не составляетъ для нихъ исключенія изъ ряда другихъ психическихъ процессовъ. Мы знаемъ, что и интеллектуальныя дѣятельности связаны или съ эмоціями, или съ волевыми актами, или съ тѣми и другими вмѣстѣ. Эмоціи болѣе всего ассоціируются съ интеллектуальными процессами и въ весьма сильной степени отъ нихъ зависятъ. Всѣ эмоціи, начиная съ тѣхъ, которыя связаны съ органическими процессами дыханія, пищеваренія, температуры, и кончая сложными—эстетическими и религіозными,—всѣ эмоціи нуждаются въ объектахъ. Объектомъ чувства голода служитъ состояніе организма, эстетическія волненія вызываются произведеніями искусства, религіозныя чувствованія зависятъ отъ идеи о Богѣ и т. п. Замѣчено также, что чѣмъ сложнѣе проявленія интеллектуальной дѣятельности человѣка и чѣмъ богаче его опытъ, тѣмъ эмоціи больше идутъ на убыль. Дикарь приходитъ въ восторгъ отъ дѣтскихъ игрушекъ и стекляшекъ, и этотъ восторгъ проявляетъ гораздо сильнѣе, чѣмъ мы передъ величайшими созданіями искусства. Мы умѣемъ владѣть собою при чувствѣ гнѣва и мести, сдерживаемъ себя или пытаемся сдерживать, а у дикаря эти чувства тотчасъ же принимаютъ реальное выраженіе. Эта особенность въ проявленіи чувства, находящаяся въ зависимости отъ культурности, обусловливается тѣмъ, что чувствованія первоначально имѣли въ организмѣ особое назначеніе, особую цѣль, но съ богатствомъ опыта въ этомъ специальномъ назначеніи человѣкъ сталъ нуждаться менѣе. Чувствованія первоначально служили человѣку для его самозащиты, и они поэтому тѣсно связаны съ инстинктивными проявленіями, произвольными фізіологическими актами. Органическія чувствованія и до настоящаго времени продолжаютъ служить самозащитой человѣку. Чувствомъ голода поддерживается питаніе организма, чувство усталости принуждаетъ смѣнить вредную дѣятельность для организма состояніемъ отдыха. Если мы проанализируемъ фізіологическое выраженіе какого-либо сложнаго чувствованія, то въ основѣ этихъ фізіологическихъ процессовъ вскроемъ ту же идею самозащиты. Въ гнѣвѣ мышцы напрягаются, и вмѣстѣ съ тѣмъ наблюдается необычайный подъемъ всѣхъ фізіологическихъ от-

правлений, и даже оскалываются зубы—все это происходит въ организмѣ какъ бы для того, чтобы напасть на врага и уничтожить его. Въ страхѣ, наоборотъ, весь человѣкъ съеживается какъ бы для того, чтобы одѣлаться незамѣтнымъ для врага, и вмѣстѣ искажаются черты лица и поднимаются дыбомъ волосы какъ бы для того, чтобы утѣшить своего противника. Съ накопленіемъ опыта и знанія, съ большимъ развитіемъ интеллектуальныхъ процессовъ человѣкъ предвидитъ опасности и старается ихъ устранить заблаговременно. И понятно поэтому, что съ культурнымъ развитіемъ человѣка эмоціи со стороны силы проявленія становятся слабѣе. Съ своей фізіологической стороны эмоціональный процессъ есть процессъ центробѣжный. Это значитъ, что онъ свои импульсы получаетъ всегда изъ центра,—изъ головного мозга, тогда какъ въ интеллектуальныхъ процессахъ наблюдается и центробѣжное и центростремительное раздраженіе: въ ощущеніяхъ раздражаются сначала органы чувствъ, а потомъ головной мозгъ, а въ представленіяхъ—сначала центры головного мозга, а потомъ нервные пути, идущіе отъ него. Всѣ эмоціональные процессы сосредоточиваются въ среднемъ мозгѣ. По удаленіи у собаки полушарій большого мозга она забываетъ всѣ прежнія представленія: не узнаетъ пищи, хозяина, не можетъ отойти отъ опасности, но въ то же время въ сильной степени проявляетъ чувство ярости, гнѣва; реагируетъ на чувство боли. На этомъ основаніи заключаютъ, что эмоціональные процессы у собаки совершаются въ среднемъ мозгѣ, потому что назначеніе мозжечка и продолговатаго мозга извѣстно.

Чувствованія отличаются отъ интеллектуальныхъ процессовъ еще той особенностью, что они имѣютъ свой языкъ, свое обнаруженіе, отличное отъ языка мыслей. Мысль выражается словомъ, и передать различныя оттѣнки мысли при посредствѣ слова другому все же возможно, хотя и для этого, какъ мы видѣли, имѣются свои преграды. Чувство же словами передавать очень трудно отчасти потому, что какъ только мы направимъ свое сознаніе на передачу чувства въ словесной формѣ, такъ вмѣстѣ съ тѣмъ слабѣетъ и самое чувствованіе въ своей силѣ: анализъ мыслию чувства убиваетъ послѣднее. Недаромъ Лермонтовъ сказалъ: „И страсти ослабѣютъ *при словѣ* холодномъ *разсудка*“. Горе, переживаемое молча, сопровождается рыданіемъ, плачемъ и слезами. При передачѣ своего горя другому оно слабѣетъ въ своей интенсивности. Трудность передачи своихъ чувствованій при посредствѣ слова сопряжена еще и съ другими болѣе важнѣйшими причинами. Эмоціи имѣютъ свое фізіологическое выраженіе, проявляющееся въ ускореніи или замедленіи всѣхъ фізіологиче-

скихъ процессовъ: дыханія, пищеваренія, кровообращенія, напряженія или раздраженія мускульной силы и т. п. Эти физиологическіе способы выраженія эмоцій отличаются особеннымъ богатствомъ выраженія. Каждое чувство проявляется всегда свойственнымъ ему способомъ. Во время гнѣва одно выраженіе лица, глазъ, стана; во время страха чувство опять проявляется новымъ способомъ; радость сопровождается своимъ физиологическимъ языкомъ и т. д. При этомъ обычное наблюденіе проявленій чувства и обычное описаніе его физиологій даетъ намъ очень мало знанія о природѣ этого чувства. Гораздо больше данныхъ дается намъ научнымъ изученіемъ, соединеннымъ со сложными измѣрительными приборами, изслѣдующими дыханіе, сердцебіеніе, кровообращеніе, пульсацию, измѣреніе напряженія мускульной силы и т. п. Имѣя свой очень богатый физиологическій языкъ, чувства не нуждаются въ словесномъ языкѣ. И мы знаемъ, что чувство радости сопровождается не словами, а пѣніемъ, чувство страха—крикомъ, горя—рыданіемъ, боли—стономъ. Въ крикѣ, стонѣ, рыданіи, пѣніи и т. п. важны не самыя слова, въ которыя облекается радость или горе, а важна самая сила стога, рыданія, плача и т. п. Въ радости мы распѣваемъ что угодно, не обращая вниманія на содержаніе самой пѣсни. Голосовыя связки при выраженіяхъ чувства важны, только какъ струны музыкальнаго инструмента, а не какъ органъ рѣчи.

Память чувствованій имѣетъ также свои особенности въ сравненіи съ интеллектуальной памятью. И самый процессъ сохраненія чувствованій поэтому отличается большей физиологической сложностью, чѣмъ процессъ храненія и вызова представленій и понятій. Для припоминанія какого-либо чувствованія требуется сначала раздраженіе специальныхъ органовъ большого мозга зрительнаго, слухового и т. п. Этотъ процессъ передается ассоціационнымъ центрамъ и сѣрому корковому веществу мозга, гдѣ сосредоточиваются волевые процессы, отсюда это раздраженіе передается среднему мозгу, потому что оно идетъ въ продолговатый мозгъ, заведующій физиологическими отправленіями организма: сердцебіеніемъ, кровообращеніемъ, дыханіемъ и т. п., и въ концѣ концовъ чувство проявляется физиологически. Такимъ образомъ, времени для проявленія чувства вонѣ требуется, по изслѣдованію Рибо, больше, чѣмъ времени для проявленія мысли словомъ, въ 12 разъ. И, дѣйствительно, при полученіи какого-либо извѣстія, будь то печальное или радостное, сначала наступаетъ нѣчто въ родѣ столбняка, такое состояніе, при которомъ останавливаются какъ будто все процессы, и послѣ этого столбняка уже слѣдуетъ и самое чувство съ его физиологическимъ проявленіемъ.

Поэтому-то припоминать чувствованія гораздо труднѣе, чѣмъ представленія, и на этомъ основаніи долгое время даже отказывали чувству въ его памяти: утверждали, что оно не способно сохраняться въ душѣ человѣка. Но факты доказали противное. Хотя у многихъ, дѣйствительно, припоминается не самое чувство, а только объекты этого чувства, представленія, но это обусловливается тѣмъ, что, вызвавши необходимыя представленія, связанные съ тѣмъ или другимъ чувствомъ, мы довольствуемся ими и не пытаемся затрачивать нервную энергію и вызывать самое чувство съ его физиологическимъ проявленіемъ. Что, дѣйствительно, припоминаніе чувства и полный вызовъ его возможны, въ этомъ легко убѣдиться уже изъ того, что артисты во время игры воспроизводятъ въ своей душѣ всѣ чувствованія и со всѣми физиологическими способами ихъ проявленія. Лирическіе поэты, если бы они вновь не переживали своихъ прежнихъ чувствованій, не могли бы намъ оставить и ихъ описанія.

§ 56. ЭМОЦИОНАЛЬНЫЯ ПРЕДЛОЖЕНІЯ.

Въ виду того, что эмоціи имѣютъ свой особенный языкъ и въ виду того, что онѣ воспроизводятся памятью гораздо труднѣе, чѣмъ представленія, то въ словесныхъ описаніяхъ эмоцій, т.-е. во всѣхъ сужденіяхъ, которыя своимъ предметомъ имѣютъ изображеніе жизни чувствованій, мало соотвѣтствія между дѣйствительностью и ея словеснымъ воспроизведеніемъ. Эмоціональныя сужденія, выражаясь метафорически, походятъ на переводъ съ одного языка на другой, съ языка чувствованій на языкъ представленій; изображеніе чувства при посредствѣ слова можно сравнить со словесной передачей и со словеснымъ толкованіемъ музыкальных сюжетовъ. Какъ посредствомъ слова дается смутное понятіе о музыкальной пьесѣ, такъ при помощи того же слова можно сказать о чувствѣ только намеками. Приведемъ примѣры эмоціональных предложеній:

„Въ непогоду вѣтеръ
Воетъ, завываетъ;
Буйную головку
Злая грусть терзаетъ“.

Кольцовъ.

„Подите прочь, какое дѣло
Поэту мирному до васъ?“

Пушкинъ.

„И жизнь, какъ посмотришь съ холоднымъ вниманіемъ
вокругъ,
Такая пустая и тлупая шутка“.

Лермонтовъ.

„Повидайся со мною, родимая!
Появись легкой тѣнью на мигъ!
Всю ты жизнь прожила нелюбимая,
Всю ты жизнь прожила для другихъ“.

Некрасовъ.

„Вотъ и осень прошла. Убранъ хлѣбъ золотой,
Все гумно у сосѣда завалено.
У меня только смотритъ оно сиротой,—
Ничего-то на немъ не поставлено“.

Никитинъ.

Словесная передача чувствованій отличается несовершенствомъ. Языкъ очень мало выработалъ словъ для названія эмоцій. Въ особенности бѣденъ языкъ для эмоцій стеническихъ, т. е. тѣхъ, которыя повышаютъ жизнерадостность организма, каковы: радость, любовь, дружба и т. п. Въ русскомъ языкѣ, напр., глаголъ любить обозначаетъ самыя разнообразныя эмоціи: любить можно и вкусный обѣдъ, и тонкія вина, и крѣпкій табакъ, и друга, и женщину, и музыку, и поэзію, и Бога. Такое же общее значеніе имѣетъ и слово радость. Большое разнообразіе словъ выработано для эмоцій астеническихъ, понижающихъ жизнерадостность организма. Тогда какъ для обозначенія радостнаго настроенія въ языкѣ имѣется только два слова: радость и веселье; для противоположныхъ этимъ понятіямъ настроеній языкъ пользуется сравнительно большимъ лексическимъ запасомъ, таковы слова: печаль, тоска, горе, скука, хандра и т. п. Душевное состояніе, противоположное гнѣву, выражается словомъ общаго значенія—спокойствіе; между тѣмъ какъ для обозначенія гнѣва, кромѣ приведеннаго слова, имѣются еще слова: ярость, буйство и т. п. Понятно, что языкъ для изображенія эмоціональных процессовъ долженъ прибѣгать къ описательнымъ приѣмамъ. Мы уже приводили изображеніе совѣсти у Пушкина, характерное въ смыслѣ описанія одного предмета чрезъ посредство другихъ. Изъ того же произведенія Пушкина „Скупой Рыцарь“ можно привести еще и другой примѣръ, тоже очень яркаго изображенія чувства при посредствѣ другихъ представленій:

„Да, если бы всѣ слезы, кровь и потъ,
Пролитые за все, что здѣсь хранится,
Изъ нѣдръ земныхъ всѣ выступили вдругъ,
То былъ бы вновь потопъ“...

Для изображенія силы и качества чувства поэты чаще всего вызываютъ интеллектуальныя представленія, сопутствующія тому или другому душевному настроенію. Чувство одиночества Кольцовымъ изображается такъ:

„Нѣтъ у молодца
Молодой жены,
Нѣтъ у молодца
Друга вѣрнаго,
Золотой казны,
Угла теплаго,
Бороны-сохи,
Коня-пахаря“.

Въ качествѣ примѣра, въ которомъ сопутствующія интеллектуальныя представленія являются замѣстителями чувствъ, можно привести элегію Пушкина „Опять на родинѣ“. Сила эмоциональных состояній очень часто также изображается посредствомъ параллелизма, сравненія душевныхъ процессовъ съ фیزیологическими или съ явленіями природы. У Кольцова очень много примѣровъ перваго рода, т.-е. вмѣсто чувствъ, изображается его фیزیологія:

„И щемить, и ноетъ,
Болишь ретивое;
Все—изъ рукъ вонъ-плохо,
Нѣтъ ни въ чемъ удачи!
Болишь моя головушка,
Щемить въ груди ретивое;
Печаль моя всесвѣтная...
И сила есть, да воли нѣтъ...
Ходи, гляди да мучайся,
Толкуй съ башкой порожнею“.

Этотъ примѣръ описанія чувства изображеніемъ фیزیологическихъ процессовъ, сопутствующихъ ему, наиболѣе естественный, потому что, какъ мы видѣли изъ предшествующаго §, фیزیологическими процессами болѣе всего выражается природа чувствованій—волненій.

Вслѣдствіе того, что олицетвореніе природы, такъ называемый анимизмъ, состоящій въ одухотвореніи и очеловѣченіи всѣхъ силъ и явленій внѣшняго міра, составляетъ существенную особенность мышленія человѣка, то жизнь чувства очень часто изображается черезъ сравненіе съ явленіями природы. О воинственномъ настроеніи Петра Великаго Пушкинъ такъ говоритъ: „Онъ весь, какъ Божія гроза“. А. Толстой о гнѣвѣ Грознаго: „И очи царя загорѣлись вдругъ“. Пушкинъ душевное настроеніе Онѣгина и Ленскаго такъ характеризуетъ: „Ледъ и пламень, стихи и проза, волна и камень“. У Кольцова: „любовь—огонь; съ огня пожаръ“. И въ обыденной рѣчи очень часты сравненія чувствованій съ явленіями

внѣшняго міра. Въ языкѣ обычны выраженія: „у меня на сердцѣ камень“, „тоска-змѣя подколодная“ и т. п.

Анализъ содержанія приведенныхъ въ этомъ § примѣровъ указываетъ, что эти сужденія, изображая какое-либо определенное чувство, и въ душѣ читателя вызываютъ то же специальное чувство, напр., чувство грусти, одиночества, восторга и т. п. Это надо сказать не только о поэтическихъ сужденіяхъ, но и о всѣхъ тѣхъ обыденныхъ сужденіяхъ, содержаніемъ которыхъ служить изображеніе внутренняго міра человѣка, его душевныхъ состояній. Но есть разница между прозаическими эмоціональными сужденіями и поэтическими. Для того, чтобы яснѣе понять это различіе между тѣми и другими предложеніями, приведемъ примѣры эпическихъ сужденій,—т.-е. тѣхъ, въ которыхъ изображается внѣшній міръ, явленія природы:

„За зеленымъ лѣсомъ зорька золотая
Гаснетъ, доторая алыми лучами;
Съ вышины лазурной ночка голубая
Смотритъ внизъ на землю звѣздами-очами;
Надъ рѣкой клубятся легкіе туманы,
И бѣжитъ шалунья, нивы обвивая,
Пробуждая плескомъ сонныя поляны,
Темный лѣсъ веселой струйкой оживляя“.

Надсонъ.

„Кипитъ вода, реветъ ручьемъ,
На мельницѣ и стукъ, и громъ;
Колеса то въ водѣ шумятъ,
А брызги вверхъ огнемъ летятъ;
Отъ пѣны то бугоръ стоитъ,
Что мостъ живой, весь полъ дрожитъ.
Шумитъ вода, рукавъ трясетъ,
На камни рожь дождемъ течетъ,
Подъ жерновомъ муку родить,
Идетъ мука,—въ глаза пылитъ“.

Никитинъ.

„Буря мглою небо кроетъ,
Вихри снѣжные крутя;
То какъ звѣрь она завоесть,
То заплачетъ какъ дитя;
То по кровлѣ обветшалай
Вдругъ соломой зашумитъ,
То, какъ путникъ запоздалый,
Къ намъ въ окошко застучитъ“.

Пушкинъ.

Всѣ эти предложенія конкретныя, и матеріалъ для нихъ данъ представленіями о внѣшнихъ явленіяхъ природы, такъ что съ этой стороны эти предложенія различаются отъ эмоціональныхъ сужденій тѣмъ, что въ первыя не входитъ изображеніе душевныхъ волненій человѣка. Но, несмотря на это, приведенныя эпическія предложенія все же вызываютъ въ душѣ читателя особую эмоцію, особое чувство удовольствія. Это особое чувство удовольствія тождественно съ чувствованіями, возникающими подъ вліяніемъ различныхъ произведеній искусства. Это чувство удовольствія носить названіе эстетическаго чувства. О природѣ эстетическихъ эмоцій вообще мы будемъ говорить особо въ соотвѣтствующемъ отдѣлѣ курса. Теперь же укажемъ на одну характерную особенность этого рода чувствованій, состоящую въ ритмичности образовъ. Эта ритмичность состоитъ въ гармоническомъ, правильномъ сочетаніи образовъ, вызываемыхъ соотвѣтствующими представленіями. Въ приведенныхъ примѣрахъ изъ Надеона, Никитина и Пушкина мы замѣчаемъ разнообразіе образовъ, но такое, которое свободно, безъ всякаго затрудненія, воспринимается сознаніемъ. Эта легкость воспріятія образовъ зависитъ отъ того, что всѣ они подчинены одной идеѣ, одной главной мысли, объединяющей ихъ. У Надеона этой главной идеей является мысль о своеобразныхъ явленіяхъ природы подъ вліяніемъ наступающей ночи; у Никитина всѣ мысли объединяются представленіемъ о плотинѣ, направляющей воду подъ мельничныя колеса; у Пушкина—разложеніемъ сложнаго представленія о бурѣ на рядъ отдѣльныхъ дѣйствій.—Значить, ритмичность образовъ должна состоять въ подчиненіи ихъ одному, главенствующему надъ ними. Этимъ все разнообразіе сводится къ единообразію. Другая существенная сторона этой ритмичности выражается въ пропорціональности между этими образами. Изъ приведенныхъ примѣровъ легко усмотрѣть, что одинъ образъ не поглощается другимъ, и одному на счетъ другого не отводится больше мѣста, чѣмъ то слѣдуетъ. Эти образы чередуются между собою подобно тому, какъ чередуется вдыханіе съ выдыханіемъ, подобно тому, какъ за сокращеніемъ одного мускула слѣдуетъ дѣйствіе другого и т. п.

Если мы обратимся къ разбору чисто эмоціональныхъ, лирическихъ предложеній, приведенныхъ въ началѣ этого §, то мы замѣтимъ, что то эстетическое чувство, о которомъ у насъ идетъ рѣчь, осложняется другими чувствами. Въ отрывкѣ изъ произведенія Некрасова „Рыцарь на часъ“ высказывается чувство любви поэта къ своей матери, соединенное съ чувствами скорби и грусти, по поводу несправедливаго отношенія къ ней со стороны окружавшихъ ее. Въ отрывкѣ изъ стихотворенія Пушкина

„Чернь“ поэтомъ выражается чувство негодованія, презрѣнія къ толпѣ. Эти чувства тоски, боли, страха и т. п. отличаются тѣмъ, что имъ сопутствуетъ всегда чувство неудовольствія. Но изображеніе этихъ чувствъ въ лирикѣ не вызываетъ за собой этого чувства неудовольствія: читатель, наоборотъ, испытываетъ чувство нѣ-котораго пріятнаго волненія, мало похожее на тѣ волненія, которыя испытываются и переживаются нами внѣ вліянія на насъ предметовъ искусства въ будничной жизни. Эстетическія эмоціи могутъ соединяться съ самыми разнообразными чувствованіями какъ стеническими, такъ и астеническими и оставаться по существу съ однимъ и тѣмъ же характеромъ, выражающимся въ чувствѣ пріятнаго волненія. Мы увидимъ впослѣдствіи, что изображеніе пошлости, комическаго въ поэтическихъ произведеніяхъ не отталкиваетъ читателя отъ чтенія этихъ произведеній, а сопровождается чувствомъ особаго интереса къ этой пошлости, тогда какъ въ дѣйствительности, мы никогда не миримся съ явленіями пошлости.

§ 57. ПОНЯТІЕ О ВОЛЕВЫХЪ ПРОЦЕССАХЪ.

Волевые процессы очень тѣсно связаны съ моторно-двигательными ощущеніями и инстинктивными безсознательными явленіями. Если въ чувствованіяхъ мы производимъ оцѣнку тѣхъ объектовъ, которые познаются нами черезъ посредство ощущеній; если чувствованія служатъ отвѣтомъ на качество нашихъ ощущеній, то волевые процессы являются реакціей нашего духа на явленія внѣшняго міра; посредствомъ этихъ актовъ мы воздѣйствуемъ такъ или иначе на окружающее насъ, на внѣшнюю природу. Волевые процессы въ сравненіи съ эмоціональными и интеллектуальными отличаются большей сложностью. Положимъ, мы намѣраемся въ лѣтнее время совершить какое-либо путешествіе. Мысль о путешествіи въ чужіе края должна прежде всего основываться на нѣкоторыхъ представленіяхъ объ этихъ краяхъ. Насъ прельщаетъ Италія тѣмъ, что это приморская страна, отличающаяся прекраснымъ климатомъ, роскошной растительностью, своеобразной культурностью; что эта страна имѣетъ тысячелѣтнюю исторію, и въ ней много памятниковъ искусства. Но у насъ одновременно съ этими мыслями о путешествіи въ Италію могутъ быть и другія мысли, напр., о томъ, что это путешествіе сопряжено съ хлопотами о заграничномъ паспортѣ, что на осуществленіе его потребуется много средствъ, что намъ придется разстаться на нѣкоторое время съ своей семьей, что это путешествіе

отвлечьъ насъ отъ любимыхъ занятій. Могутъ возникать и многія другія разнообразныя мысли по поводу этого предполагаемаго путешествія. И всѣ эти мысли будутъ вызывать за собою разнообразныя чувства удовольствія и неудовольствія. И всѣ эти мысли и чувства въ сознаниі должны вести между собою борьбу, такъ что само сознание является какъ бы сценой, на которую выступаютъ для этой борьбы разныя мысли и чувства. Борьба между этими разнородными мотивами совершилась, и сознание производитъ выборъ изъ этихъ мотивовъ, а за выборомъ слѣдуетъ и наше рѣшеніе: „Итакъ, я отправляюсь въ Италію“. Съ этого момента и начинается собственно дѣйствіе волевыхъ актовъ. Мы приготавливаемся къ этому путешествію: запасаемся необходимыми для дороги вещами, заканчиваемъ наши текущія дѣла, ѣдемъ на вокзалъ, беремъ билетъ и садимся въ поѣздъ. Эти-то послѣдніе акты и связаны съ моторно-двигательными ощущеніями. Значить, въ составъ того понятія, которое обычно обозначается словомъ воля, входятъ слѣдующіе психическіе процессы: представленія и понятія о предметахъ; чувствованія, связанные съ ними; желанія этихъ объектовъ; оцѣнка представлений и чувствованій, выражающаяся въ борьбѣ мотивовъ; стремленіе къ избранному объекту; рѣшеніе и осуществленіе его при посредствѣ мускульныхъ ощущеній.

Тѣ волевые процессы, которые связаны съ инстинктивными проявленіями нашего организма, выражающимися въ чувствѣ самосохраненія и самозащиты, имѣютъ въ своемъ теченіи нѣкоторыя особенности, обусловливаемыя природою инстинкта. Вслѣдствіе инстинкта самосохраненія мы утоляемъ голодъ и жажду, устраиваемъ для себя жилище, защищаемъ себя посредствомъ одежды отъ неблагоприятныхъ климатическихъ условій, устраняемъ отъ себя страданіе, неудовольствіе и т. п. Инстинктивныя дѣйствія отличаются безсознательностью и непроизвольностью. Ребенокъ тотчасъ же послѣ рожденія, когда не можетъ быть рѣчи ни о какомъ сознаниі у него, уже чувствуетъ порывъ къ пищѣ. Мы инстинктивно закрываемъ лицо и голову рукой даже раньше, чѣмъ появилась у насъ мысль о самой опасности. Непроизвольность инстинктивныхъ дѣйствій состоитъ въ томъ, что они совершаются въ насъ автоматически. Мы непроизвольно, автоматически поворачиваемъ свое лицо въ сторону отъ рѣжущаго свѣта; затыкаемъ уши отъ рѣзкихъ звуковъ; поскользнувшись, стараемся удержать свое тѣло отъ паденія перемѣщеніемъ центра тѣла и т. п. Инстинктивные процессы отъ сознательныхъ волевыхъ отличаются тѣмъ, что въ нихъ нѣтъ борьбы между представленіями и нѣтъ выбора, и рѣшеніе тотчасъ же приводится въ исполненіе.

Фізіологическимъ центромъ для волевыхъ импульсовъ служить сѣрое корковое вещество головного мозга, служащее покровомъ для бѣлаго вещества. Нервные пути этого сѣраго вещества связаны съ мышцами, мускулами ¹⁾, облегающими весь костный остовъ организма. Нѣкоторые мускулы: глазъ, уха, челюстей связаны непосредственно съ сѣрымъ веществомъ мозга, а мышцы конечностей связаны съ этимъ веществомъ черезъ посредство спинного мозга.

§ 58. ПРЕДЛОЖЕНІЯ ПОВЕЛИТЕЛЬНЫЯ.

Изъ сказаннаго о природѣ волевыхъ процессовъ видно, что повелительныя предложенія сравнительно съ предложеніями интеллектуальными и эмоціональными должны отличаться по своему строенію большей сложностью. Они напоминаютъ дедуктивныя умозаключенія. Та посылка, содержаніемъ которой служить сумма представленій и чувствованій о желаемомъ предметѣ, будетъ замѣнять мѣсто большой посылки дедуктивнаго умозаключенія; другая посылка, въ которой сознаніе останавливается на болѣе сильныхъ чувствованіяхъ и представленіяхъ, вытѣснившихъ болѣе слабыя, будетъ меньшей посылкой, и то сужденіе, въ которомъ сознаніе производитъ свой приговоръ, формулируетъ рѣшеніе, будетъ выводомъ, умозаключеніемъ въ собственномъ смыслѣ слова. Это волеовое умозаключеніе отъ дедуктивнаго будетъ отличаться большей сложностью строенія большой посылки; она будетъ включать въ себя нѣсколько сужденій, потому что, въ противномъ случаѣ, не изъ чего сознанію будетъ сдѣлать выборъ. Эту схему для повелительныхъ предложеній надо считать идеальной, т.е. такою, которую можно принимать за образецъ. Но въ дѣйствительности наблюдаются постоянныя отклоненія отъ нея: часто пропускаются не только большая, но и меньшая посылка. Но это не значить, что и въ мысленіи нѣтъ этихъ посылокъ, а это значить только то, что онѣ по какимъ-либо причинамъ не выражены въ словесной формѣ, подобно тому, какъ и въ психологическомъ сужденіи не выражаются его члены. Обратимся къ нашимъ классическимъ авторамъ за примѣрами волевыхъ сужденій. Въ элегіи Пушкина „Брожу ль я вдоль улицъ шумныхъ“ повелительное предложеніе имѣетъ такое содержаніе:

„И пусть у гробового входа

Младая будетъ жизнь играть,

¹⁾ Мускулы, или мышцы это—то, что въ просторѣчій называется мясомъ.

И равнодушная природа
Красою вѣчною сіять“.

Этому умозаключенію предшествуютъ мысли и чувства поэта о скоромъ наступленіи смерти. Мысли о смерти на шумныхъ улицахъ, среди пирующей молодежи и т. п. и предположенія поэта о возможномъ видѣ для него смерти: „въ пиру ли, въ странствіи ль, въ бояхъ“ и т. п.—составляютъ содержаніе большой посылки. Предложеніе „и хоть безчувственному тѣлу равно повсюду истлѣвать, но ближе къ милому предѣлу мнѣ бѣ все хотѣлось почивать“—меньшая посылка. Заключение уже нами приведено. Въ монологѣ Барона изъ драмы Пушкина „Скупой Рыцарь“ содержаніе большой посылки состоитъ изъ припоминанія мыслей и чувствъ Барона о тѣхъ усиліяхъ, при помощи которыхъ онъ скапливалъ свое богатство, и той побѣды надъ совѣстью, которая заглушила въ немъ его лучшія душевныя качества и сдѣлала его безсердечнымъ рабомъ своей страсти. Вторая—меньшая посылка состоитъ изъ мыслей о томъ, что богатство, нажитое съ такимъ упорствомъ, перейдетъ „въ дырявые атласные карманы его сына“. Волевое предложеніе выражено такъ:

„О, если бѣ могъ отъ взоровъ недостойныхъ
Я скрыть подвалъ!.. о, если бѣ изъ могилы
Прийти я могъ сторожевою тѣнью
Сидѣть на сундукѣ и отъ живыхъ
Сокровища мои хранить, какъ нынѣ!“

Въ качествѣ примѣра сокращеннаго волевого умозаключенія можно привести первую строфу стихотворенія Тютчева „Листья“:

„Пусть сосны и ели
Всю зиму торчатъ,
Въ снѣга и метели,
Закутавшись, спятъ,
Ихъ тощая зелень,
Какъ иглы ежа,
Хоть вѣкъ не желтѣетъ
Но вѣкъ несвѣжа“.

Здѣсь имѣется только большая посылка: „Ихъ тощая зелень... вѣкъ несвѣжа“, а меньшая совсѣмъ не выражена. Изъ этого примѣра мы видимъ также и то, что посылка и умозаключеніе могутъ переставляться: въ приведенномъ примѣрѣ прежде слѣдуетъ заключеніе (волевое сужденіе), а за нимъ большая посылка. Въ повелительныхъ предложеніяхъ могутъ не выражаться ни та, ни другая посылка. Такова эпиграмма Дмитріева:

„Какое хочешь имя дай
Твоей поэмѣ полудикой:
Петръ малый, Петръ большой,
Но только Петръ Великій
Ее не называй“.

Примѣромъ произведенія, въ которомъ всѣ мысли выражены въ формѣ волевыхъ сужденій можно считать „Желаніе“ Лермонтова, начинающееся словами: „Отворите мнѣ темницу“...

Волевые сужденія вслѣдствіе тѣсной связи между волевыми процессами и эмоціями могутъ быть замѣстителями эмоціоанальныхъ сужденій. Такъ, отрывокъ изъ Пушкина: „Подите прочь, какое дѣло поэту мирному до васъ? Въ развратѣ каменѣйте смѣло“ есть предложеніе и волевое, и вмѣстѣ эмоціоанальное, потому что въ немъ выражается негодованіе Пушкина на толпу и презрѣніе къ ней. „Желаніе“ Лермонтова, о которомъ нами сказано ранѣе, также рядъ и волевыхъ, и вмѣстѣ эмоціоанальныхъ предложеній, поскольку въ нихъ высказывается чувство свободы и независимости. Какъ эмоціоанальныя, такъ и волевые сужденія могутъ выражаться не только въ формѣ простыхъ предложеній, но и сложныхъ. Въ послѣднемъ своемъ видѣ они встрѣчаются чаще всего.

Словесное выраженіе сужденій.

§ 59. СВЯЗЬ МЕЖДУ ЛОГИЧЕСКОЙ И СЛОВЕСНОЙ СТОРОНОЙ СУЖДЕНІЯ.

Мы знаемъ, что слово есть замѣститель представленія или понятія въ дѣлахъ мысли, и отсюда предложеніе есть такой же замѣститель сужденія. Въ виду этого словесное выраженіе имѣетъ очень важное значеніе для существа мысли. Въ слогѣ поэтому различаются его логическія свойства. Такихъ свойствъ въ слогѣ насчитывается четыре: ясность, точность, правильность и чистота. Отъ этихъ свойствъ зависитъ удобопонятность сочиненія, но такъ какъ предложеніе является основнымъ элементомъ сочиненія, то мы и будемъ говорить о ясности, точности и правильности предложенія, и то, что будетъ говориться о предложеніи, то все будетъ относиться вмѣстѣ съ тѣмъ и къ сочиненію, а такъ какъ и предложеніе и сочиненіе называются рѣчью, то мы оба эти термина и замѣнимъ тамъ, гдѣ это будетъ нужно, послѣднимъ, т.е. рѣчью.

Ясность сужденія зависитъ отъ степени ясности элементовъ, входящихъ въ составъ сужденій, т.е. отъ ясности понятій или

представлений. Сначала скажемъ о ясности представлений. Представленіе о какомъ-либо предметѣ можетъ отличаться ясностью только въ томъ случаѣ, когда мы можемъ это представленіе отличить отъ сходнаго съ нимъ. Представленіе о грушѣ будетъ яснымъ, когда мы можемъ въ нашемъ сознаніи не только вызвать образъ груши, но отличить это представленіе отъ представленія о яблони, вишнѣ или какомъ-либо другомъ фруктовомъ деревѣ. Для ясности представленія требуется знаніе возможно большаго количества признаковъ, отличающихъ это представленіе и вмѣстѣ съ тѣмъ этотъ самый предметъ отъ другихъ однородныхъ представлений и предметовъ. Эта совокупность признаковъ, входящихъ въ составъ представленія, называется содержаніемъ представленія. Значить, содержаніе представлений зависитъ отъ полноты признаковъ, входящихъ въ это представленіе. Но этой одной полноты для ясности еще недостаточно. Мы сказали, что вторымъ условіемъ ясности представленія является умѣнье отличить одно представленіе отъ какого-либо сходнаго съ нимъ, а это зависитъ отъ степени легкости выдѣленія этихъ признаковъ изъ него самого, и вслѣдствіе этого отъ степени отвлеченія ихъ отъ самаго предмета. Такъ, если мы можемъ въ своемъ сознаніи воспроизвести образъ локомотива, это еще не значитъ, что наше представленіе о локомотивѣ отличается ясностью: для ясности необходимо, кромѣ того, выдѣлить тѣ существенныя части локомотива, которыми онъ отличается отъ какихъ-либо другихъ, сходныхъ съ нимъ паровыхъ машинъ. Мы знаемъ, что членами сужденій могутъ быть не только представленія о предметахъ, но и понятія о нихъ; стало-быть, должны отличаться ясностью и понятія. Понятіе мы опредѣлили въ § 24, какъ воспроизведеніе въ нашемъ сознаніи признаковъ или дѣйствій, общихъ извѣстной группѣ представлений, объединенное въ сознаніи при помощи слова. Понятіе, поэтому, отличается отъ представленія какъ по объему, такъ и по содержанію. Относительно объема представленія можно сказать, что его въ единичныхъ представленіяхъ совсѣмъ нѣтъ. Представленія: этотъ столъ, этотъ человѣкъ, этотъ дубъ должны соответствовать только этимъ предметамъ, другіе предметы не должны входить въ нихъ. Общія представленія: сосна, дубъ, домъ, церковь, т.-е. всѣ тѣ существительныя конкретныя, которыя называются въ языкѣ вещественными существительными, должны включать въ себя представленія только именно объ этихъ предметахъ. Значить, и въ данномъ случаѣ объемъ представленія складывается изъ однородныхъ единицъ. Объемомъ представленія опредѣляется и содержаніе его: чѣмъ уже объемъ, тѣмъ богаче его содержаніе признаками. Изъ общаго представленія о березѣ исключаются

только случайные ея признаки: высота ствола, его кривизна, ширина и т. п. Понятіе отъ представленія отличается тѣмъ, что оно складывается изъ разнородныхъ группъ представлений: въ понятіе дерево входятъ и береза, и дубъ, и сосна, и ель и т. п.; въ понятіе растеніе входятъ и дерево, и кустарникъ и трава; въ понятіе зданіе входятъ представленія и о церкви, и о дворцѣ, и о театрѣ, и о домѣ, и о сараѣ и т. п. Значить, одни понятія, какъ, напр., понятіе дерево, могутъ включать въ себя меньшее количество представлений, а другія, напр., растеніе—большее. Ясно, что въ болѣе общихъ понятіяхъ количество признаковъ по сравненіи съ менѣе общими меньше. Въ понятіи растеніе не могутъ заключаться признаки о стволѣ, вѣткахъ и листьяхъ, потому что въ травѣ этихъ признаковъ нѣтъ. Значить, и въ данномъ случаѣ справедливо то положеніе, что чѣмъ шире объемъ понятія, тѣмъ бѣднѣе его содержаніе и, наоборотъ,—чѣмъ уже объемъ, тѣмъ богаче содержаніе.

Мы уже сказали, что ясность представлений о понятіи требуется самымъ существомъ сужденія, потому что подлежащимъ и сказуемымъ сужденій бывають только представленія и понятія, а черезъ неясное никогда нельзя сдѣлать рѣчь ясною. Наибольшею ясностью должно отличаться то понятіе или представленіе, которое служитъ для обозначенія сказуемаго, потому что сказуемымъ опредѣляется и самая природа подлежащаго, такъ какъ сказуемое есть отвѣтъ на вопросъ, что такое подлежащее. Если у насъ нѣтъ яснаго представленія о локомотивѣ, то не можетъ быть о немъ и яснаго сужденія. Если мы скажемъ, что „локомотивъ есть паровая машина“, то мы скажемъ очень мало, потому что словами паровая машина не объясняется, почему паръ является причиною движенія; если мы прибавимъ къ этому, что „локомотивъ есть паровая машина, предназначенная для передвиженія грузовъ и пассажировъ“, то мы опять не отвѣтимъ на вопросъ, что такое паровая машина, а только обойдемъ его. Произошло это оттого, что въ нашемъ представленіи о паровой машинѣ очень мало признаковъ, что оно бѣдно своимъ содержаніемъ. Ясность рѣчи нарушается также и въ томъ случаѣ, когда мы опредѣляемъ одно понятіе другимъ, для насъ неяснымъ. Марлинскій о чувствѣ говоритъ, что оно „есть мысль, переплавленная въ горнилѣ сердца“. Непонятно, какимъ образомъ мысль можетъ видоизмѣниться въ чувство. У Жуковского есть такое неясное выраженіе мысли: „Небеса, какъ благодать, слетѣли“. Ясность сужденія зависитъ отъ того, какой объемъ вкладывается въ подлежащее или сказуемое. Если будемъ говорить о растеніи, а указывать признаки, свойственные только дереву, то

сужденіе опять-таки не будетъ отличаться ясностью, потому что у слушающаго или читающаго въ объемъ растенія будутъ включены и понятія о кустарникахъ, травъ, мхахъ и т. п., т.-е. то, чего не было въ объемѣ понятій у говорящаго. Или, если мы будемъ говорить о городахъ вообще, а сказуемая будутъ относиться только къ западно-европейскимъ или русскимъ городамъ, то опять не будетъ взаимнаго пониманія между говорящимъ и слушающимъ. Отсюда слѣдуетъ, что ясность рѣчи обусловливается знаніемъ: а) того содержанія, которое скрывается въ извѣстномъ понятіи, и б) того объема, который свойствененъ этому понятію. Знаніе содержанія понятія зависитъ отъ знанія признаковъ, входящихъ въ это содержаніе; а знаніе объема—отъ другихъ понятій, входящихъ въ него и ему подчиненныхъ. Содержаніе понятія складывается изъ множества признаковъ, опредѣляющихъ его природу. Опредѣлить содержаніе понятія это значитъ перечислить его признаки. При перечисленіи этихъ признаковъ необходимо руководствоваться извѣстнымъ основаніемъ, въ противномъ случаѣ, это опредѣленіе или не будетъ соответствовать логической природѣ понятія, или же будетъ отличаться спутанностью. Опредѣленіе не будетъ соответствовать логической природѣ въ тѣхъ случаяхъ, когда признаки выбираются случайно. Если мы льва будемъ опредѣлять, какъ животное четвероногое, позвоночное, млекопитающее, обитающее въ жаркомъ климатѣ, то наше опредѣленіе не будетъ соответствовать логической природѣ понятія. Изъ того, что это животное четвероногое, слѣдуетъ и другой признакъ его, что оно млекопитающее; слѣд., послѣдній признакъ лишній; лишній также и тотъ признакъ, что левъ животное позвоночное. Что онъ обитаетъ въ жаркомъ климатѣ, это характерно не для одного только льва. Опредѣленіе будетъ соответствовать логической природѣ предмета въ томъ случаѣ, когда избрано опредѣленное основаніе дѣленія. Основанія дѣленія могутъ быть различны, въ зависимости отъ того, какой изъ характерныхъ признаковъ выдвигается въ качествѣ главнаго. Такъ родъ человѣческій, если въ принципѣ дѣленія поставить религію, можно раздѣлить на христіанъ, магометанъ, іудеевъ, буддистовъ и язычниковъ; если же принципомъ дѣленія сдѣлать морфологическое строеніе языка, то людей можно раздѣлить на говорящихъ языками: корневыми (изолирующими), агглютинирующими (склеивающими) и флективными (гибкими); если дѣлить по окраскѣ кожи, то составятся понятія о бѣлолицыхъ, чернокожихъ и желтолицыхъ. Тотъ признакъ, на основаніи котораго объединяются различныя группы представленій и понятій, называется существеннымъ. Для одного и того же понятія, смотря по той точкѣ зрѣнія, которая уста-

навливается для него, можетъ быть нѣсколько существенныхъ признаковъ. Напр., существеннымъ признакомъ квартиры, отдаваемой въ наемъ, для домовладѣльца будетъ ея доходность, а для квартирнанимателя—ея удобство, а для городскихъ думъ западно-европейскихъ городовъ тамъ, гдѣ берется налогъ съ оконъ,—количество оконъ. Въ каждой наукѣ для одного и того же понятія устанавливаются свои точки зрѣнія и вмѣстѣ съ тѣмъ свои существенныя качества. Въ физикѣ существеннымъ признакомъ воды будетъ то, что она жидкость и поэтому принимаетъ форму сосуда; для химіи существеннымъ признакомъ воды будетъ то, что это сложное тѣло, состоящее изъ такихъ-то частей кислорода и водорода, что она разлагается на составные элементы при такихъ-то условіяхъ; для геологіи это—дѣятель, измѣняющій земную поверхность; для гигиены это—пищевой продуктъ, и поэтому, обладающій съ этой точки зрѣнія своими признаками. Отсюда ясно, что характеръ рѣчи опредѣляется идеей сочиненія, его темой (см. § 101). Поэтому, если мы будемъ говорить о водѣ, какъ красѣ природы, то въ этомъ сочиненіи неумѣстны будутъ другія сужденія о водѣ, потому что они будутъ затемнять смыслъ темы. Ясность сужденія, такимъ образомъ, обусловливается связью этого сужденія со всѣми остальными.

Сужденіе можетъ отличатся ясностью для говорящаго, но не можетъ быть понято слушающимъ. Эта неясность зависитъ отъ грамматическаго строя предложенія. Мы знаемъ, что въ предложеніи наиболѣе важное значеніе имѣютъ подлежащее и сказуемое. Поэтому падежъ подлежащаго долженъ выдѣляться отъ падежа второстепенныхъ членовъ, напр., дополненія; отсюда въ предложеніяхъ не допустимы падежи одинаковаго окончанія съ подлежащимъ. Въ предложеніяхъ „грузъ потопилъ корабль“, „мать любить дочь“, „притѣсненіе производитъ отчаяніе“, правильныхъ грамматически, нѣтъ ясности, потому что мы не знаемъ, какіе члены нужно считать подлежащими и какіе дополненіями, и вслѣдствіе этого получается двусмысленность. Для устраненія этой двусмысленности нужно или сказуемыя обратить въ формы страдательныхъ залоговъ, или при дополненіи поставить опредѣленіе. Неясность рѣчи можетъ также зависѣть отъ неправильной разстановки въ предложеніи его членовъ; поставленное не на своемъ мѣстѣ то или другое слово, будучи удалено отъ того слова, къ которому оно относится, ошибочно можетъ быть отнесено читателемъ къ сосѣднему слову. Примѣры: „О львенкѣ отъ всѣхъ лишь слышать похвалу“. Крыловъ (вмѣсто—лишь похвалу). „Хоть строго данную ей власть въ монастырѣ она блула. Жуковский („строго“ должно относиться къ слову „блула“). „Скорѣе обличи-

те Кантемира въ невѣжествѣ, нежели въ пристрастіи“. Батюшковъ („скорѣе“ относится не къ „обличите“, а къ „невѣжествѣ“).

Ясность рѣчи зависитъ также отъ правильности дѣленія объема понятія. А эта правильность состоитъ въ томъ, чтобы въ понятіе вошли всѣ виды, ему подчиненные. Отъ этого зависитъ полнота дѣленія и его непрерываемость. Если мы раздѣлимъ исторію на древнюю и новую, то не будетъ полноты, потому что пропущена вторая часть ея—средняя исторія. Теорію поэзіи нельзя дѣлить на теорію эпоса, лирики и комедіи, потому что здѣсь вмѣсто рода—драма поставленъ видъ—комедія, и получилась прерываемость.

Каждое предложеніе должно отличаться точностью. Точность это такое свойство, по которому мысль, выраженная въ извѣстной словесной формѣ, понимается совершенно одинаково какъ говорящимъ, такъ и слушающимъ, т.-е. вызываетъ въ сознаніи ихъ одни и тѣ же понятія и одни и тѣ же представленія. Такимъ образомъ, точность рѣчи, или все одно предложенія, зависитъ отъ словеснаго выраженія понятій. Мы знаемъ, что одно и то же слово часто употребляется для обозначенія различныхъ понятій—таковы, напр., омонимы. Омонимы могутъ вредить точности рѣчи чаще всего въ силлогизмахъ, являясь тамъ въ качествѣ средняго термина. Выводъ вслѣдствіе двусмысленности средняго термина получится неправильный. Приведемъ примѣры: Ученикъ NN—лѣннинецъ. Лѣннинецъ есть животное. Слѣдовательно, ученикъ NN—животное. Летящее имѣетъ крылья. Вѣтряныя мельницы имѣютъ крылья, слѣдовательно, вѣтряныя мельницы летаютъ. Точность рѣчи можетъ также нарушаться неправильнымъ употребленіемъ синонимовъ, т.-е. словъ сходнаго значенія. Для обозначенія одного и того же предмета въ языкѣ существуетъ множество разнообразныхъ наименованій, и всѣ эти наименованія по своему смыслу не совпадаютъ, потому что имѣютъ разный оттѣнокъ. Если мы скажемъ, что въ Москвѣ очень много старыхъ церквей, то слушающаго введемъ въ заблужденіе и дадимъ ему поводъ думать, что въ Москвѣ много церквей развалившихся, заколоченныхъ. Другой примѣръ—„Въ Третьяковской галереѣ собраны прекраснѣйшія произведенія искусства“—тоже нельзя считать точнымъ, потому что подъ произведеніями искусства понимаются не одни произведенія живописи, но и архитектуры и скульптуры. Точность рѣчи достигается тогда, когда для каждаго представленія или понятія имѣется свое особое слово. И дѣйствительно, въ научныхъ изслѣдованіяхъ и во всѣхъ системахъ наукъ имѣется множество своихъ специальныхъ словъ для обозначенія тѣхъ или другихъ понятій. Такія спеціальныя научныя

слова называются техническими словами или терминами. Въ грамматикѣ техническими словами будутъ подлежащее, сказуемое, опредѣленіе, суффиксъ, префиксъ, придаточное предположеніе; въ геометріи—перпендикуляръ, касательная, параллельная линия, гипотенуза; въ словесности—эпосъ, лирика, драма, романъ, повѣсть, сказка и т. п. Термины придаютъ рѣчи большую точность, потому что съ этими словами непременно соединяется только одно значеніе, и, кромѣ того, термины содѣйствуютъ краткости рѣчи. вмѣсто того, чтобы сказать—носитель того дѣйствія, которое обозначается сказуемымъ, мы говоримъ подлежащее; вмѣсто того, чтобы сказать—прямая линия, лежащая въ прямоугольномъ треугольникѣ противъ большого угла, мы говоримъ гипотенуза и т. д. Точности рѣчи вредятъ обороты, извѣстные подъ именемъ тавтологій, плеоназмовъ и параллелизмовъ. Тавтологія—греческое слово *ταυτος*—тотъ самый и *λόγος*—слово, въ переводѣ на русскій языкъ означаетъ тождество. Тавтологіей называется такой оборотъ, въ которомъ связываются между собою слова одного и того же корня, напр., „*всеобщая любовь всѣхъ людей*“, „*думу думать*“, „*сказки сказывать*“, „*мосты мостить*“, „*огородъ городить*“ и т. п. Въ тѣхъ случаяхъ, когда первоначальное значеніе корня измѣнилось, другое слово того же корня, стоящее рядомъ съ нимъ, не дѣлаетъ рѣчи тавтологическою, напр., слово чернила по первичному значенію корня означаетъ черную жидкость для письма, но когда стали для письма употреблять жидкость другого цвѣта, то прежнее слово осталось въ смыслѣ вообще жидкости для письма. Поэтому въ выраженіяхъ: черныя чернила, красная краска тавтологія не будетъ. Слово плеоназмъ¹⁾—греческое слово и въ переводѣ значитъ излишество. Этимъ словомъ называются такіе обороты, въ которыхъ одно и то же понятіе объясняется синонимическими выраженіями, т. е. словами, разными по звуковому составу, но сходными по значенію, напр., „воротиться назадъ“, „молодой юноша“, „грусть-печаль“, „спуститься внизъ“, „подняться вверхъ“, „радость-веселье“ и т. п. Параллелизмами называется сочетаніе предположеній, развивающихъ одну и ту же мысль, но разными словами, напр., „онъ не хотѣлъ меня простить, не хотѣлъ помиловать“.

„Говорить Илья таково слово:

Да неладно у святыхъ отцовъ написано,

Неладно у апостоловъ удуманно:

Написано было у святыхъ отцовъ,

¹⁾ *πλεονασμός*.

Удумано было у апостоловъ:

Не бывать Ильѣ въ чистомъ полѣ убитому“.

(Былина объ Ильѣ Муромцѣ и Жидовинѣ).

„На кого Ты насъ оставляешь?

На кого Ты насъ покидаешь“.

(Съ какихъ поръ появились калики).

Никто ко книгѣ не приступится,

Никто ко книгѣ не пришатнется“.

(Стихъ о Голубиной книгѣ).

Тавтологическія выраженія, плеоназмы и параллелизмы вредятъ краткости и точности рѣчи, но зато содѣйствуютъ ея ясности. Точности рѣчи они вредятъ потому, что мы въ каждомъ словѣ ищемъ новый отгѣнокъ мысли; а всѣ эти выраженія этого новаго отгѣнка не даютъ. Они содѣйствуютъ ясности, потому что одно и то же представленіе дѣлаютъ яркимъ и болѣе сильнымъ, заставляя насъ останавливать на немъ большее вниманіе влѣдствіе подбора словъ и предложений одного значенія. Отсюда ясно, что эти выраженія болѣе всего умѣстны въ поэтической рѣчи.

Удобопонятности рѣчи содѣйствуетъ также ея правильность, то-есть такое свойство, по которому рѣчь отливается въ тѣ или другія формы предложенія съ тѣмъ или другимъ грамматическимъ строеніемъ, и чѣмъ привычнѣе для насъ та форма, тѣ рамки, въ которыя отливаются сужденія, тѣмъ легче мы можемъ понять смыслъ фразы. Правильность предложенія можетъ находиться въ зависимости отъ этимологіи и синтаксиса, или, вѣрнѣе, отъ способа соединенія словъ въ простомъ предложеніи и отъ способа соединенія предложений въ одно синтаксическое цѣлое. Сначала скажемъ о соединеніи словъ въ простомъ предложеніи. Правильности рѣчи вредитъ смѣшеніе грамматическихъ формъ, т.-е. употребленіе одной формы вмѣсто другой. Приведемъ примѣры: „въ *земли* заключены неисчерпаемыя минеральныя богатства“—здѣсь вмѣсто дательнаго падежа употреблена форма родительнаго. „У моей *хатѣ* крыльцо покосилось“—въ этомъ предложеніи, наоборотъ, дательный падежъ стоитъ вмѣсто родительнаго. „Такъ что мы сегодня не *пимши*, не *ѣмши*“—сказуемое выражено дѣепричастными формами, что въ настоящее время несвойственно литературному языку. Указанные нами примѣры неправильности рѣчи зависятъ отъ особенностей мѣстнаго склада рѣчи—это синтаксическіе провинциализмы. Но очень часто эта неправильность обусловливается вліяніемъ на нашъ языкъ иностранной конструкціи: чужой строй предложений становится на мѣсто, свойственного

языку. Эти иностранные синтаксическіе обороты называются солецизмами. Последнее слово заимствовано отъ греческаго названія малоазійскаго города *Soly*, Солы, жители котораго, первоначально греки, смѣшавшись въпослѣдствіи съ туземнымъ населеніемъ, говорили на испорченномъ греческомъ языкѣ, или, вѣрнѣе, на испорченномъ аттическомъ нарѣчій. Сolecизмы въ зависимости отъ строя того языка, который перешелъ въ строй чужого языка, называются по имени народовъ, говорящихъ этими языками. Такъ въ языкѣ получаются полонизмы—обороты, свойственные польской рѣчи, грецизмы—греческой, германизмы—нѣмецкой, галлицизмы—французской, латинизмы—латинской. Приведемъ примѣры этихъ оборотовъ: „Смѣяться съ бѣднаго челоувѣка нечестно“ (полонизмъ)—предлогъ „съ“ употребленъ вмѣсто предлога „надѣ“. Полонизмы свойственны произведеніямъ южно-русскихъ ученыхъ конца XVI и XVII столѣтій. Сначала полонизмы явились въ Исторіи Іоанна Грознаго, составленной Курбскимъ. Въ особенности много полонизмовъ у южно-русскихъ проповѣдниковъ XVII вѣка: Іоанникія Голятовскаго, Лазаря Барановича и другихъ. Примѣры полонизмовъ: „Велми много зашкодило (повредило) панству (господству) русскому, же (то, что), не могли шкоть и наукъ посполитыхъ (гражданскихъ) розширять, и оныхъ не фундовано (не основано); бо коли бы науку мѣли (имѣли), тогда бы за невѣдомостью своею не припили до таковыя погибели“. „Государство отъ великихъ историковъ прославляемое“ (грецизмъ и латинизмъ)—вмѣсто творительнаго падежа употребленъ родительный съ предлогомъ „отъ“, кромѣ того, опредѣленіе удалено отъ опредѣляемаго слова. Грецизмы были свойственны древнерусской рѣчи, сейчасъ они встрѣчаются въ богослужебныхъ пѣснопѣніяхъ. Латинизмы: „Тебя душа моя быть чаеть“. „Не мнить лишь смертный умирать, и быть себя онъ вѣчнымъ чаеть“. Эти выраженія введены въ русскую рѣчь Ломоносовымъ, и господство ихъ въ литературной рѣчи продолжалось до выхода въ свѣтъ произведеній Карамзина. „Онъ выглядить хорошо“, „Мы пріѣхали съ пароходомъ“, „Малютка дѣлаетъ зубы“—германизмы. Германизмы были введены въ русскую рѣчь Карамзинымъ. „Я получилъ урожай“, „Сдѣлать свое состояніе“, „Позвольте мнѣ, чтобъ я умылъ вамъ руки и лицо“ (Жук.)—герм. „Имѣя право выбирать оружіе, жизнь его была въ моихъ рукахъ“ (Пушк.)—галлицизмы. Эти обороты очень часто встрѣчаются въ рѣчи аристократическихъ классовъ вслѣдствіе вліянія на ихъ рѣчь языка французскаго. Примѣры галлицизмовъ—въ „Бригадирѣ“ Фонвизина и „Войнѣ и мирѣ“ Л. Толстого.

Правильность рѣчи нарушается вслѣдствіе такого строенія предложеній, въ которыхъ логическая связь мыслей не соотвѣтствуетъ грамматическому строю. Это несоотвѣтствие между мыслью и ея словеснымъ выраженіемъ чаще всего замѣчается въ сложныхъ предложеніяхъ: сочиненныхъ и подчиненныхъ. Зависитъ это или отъ того, что 1) грамматически неясно установлена связь между предложеніями, или отъ того, что 2) въ главномъ предложеніи имѣются два члена, къ которымъ вслѣдствіе сходства ихъ грамматической формы можно относить придаточное предложеніе. Сначала о первомъ, т.-е. о связи между предложеніями. Въ синтаксическомъ цѣломъ — „Мой пріятель разсказывалъ, что одинъ мельникъ, вставъ ночью, во снѣ молюлъ муку, и это продолжалось до зари“ — неясно, къ какимъ предложеніямъ относятся реченія и это: мельникъ ли молюлъ муку до зари или разсказъ продолжался до зари. Другой примѣръ: „Какъ бѣшеный Зорабъ впился руками въ его серебряныя кудри, разсыпанныя по плечамъ, въ сраженіи выпавъ изъ подъ шлема“. Жуковский. Здѣсь неудачно связано послѣднее придаточное предложеніе „въ сраженіи выпавъ изъ подъ шлема“ съ главнымъ „Зорабъ впился... въ его... кудри“. Дѣепричастная форма характерна для придаточныхъ обстоятельственныхъ, но она употреблена у Жуковского въ качествѣ опредѣленія къ слову „кудри“. По грамматическому строенію это предложеніе надо такъ понимать: „Зорабъ впился руками въ его серебряныя кудри, разсыпанныя по плечамъ послѣ того, какъ онъ выпалъ изъ подъ шлема“, между тѣмъ по смыслу выходитъ, что Зорабъ впился руками въ кудри, выпавшія изъ подъ шлема. Теперь о неправильномъ расположеніи словъ въ предложеніи. „Лезгины бросались на прохожихъ, связывали имъ руки и ноги и убѣгали съ ними“. Лермонтовъ. Если бъ не прислоненная къ постели трубка, или самъ хозяинъ, лежащій на ней (на постели или трубкѣ?), то можно было бы подумать, что тутъ никто не живетъ“. Гончаровъ. „Ревъ источника, образованнаго снѣгомъ, который стрѣлою протекаетъ по каменному дну между скалъ гранитныхъ“... Батюшковъ. Разберемъ послѣднее предложеніе. Здѣсь могутъ нуждаться въ опредѣленіи два члена „источника“ и „снѣгомъ“, и къ обоимъ членамъ можетъ быть приложенъ одинъ и тотъ же вопросъ: какого къ слову „источника“ и какимъ къ слову „снѣгомъ“. На оба эти вопроса отвѣчаетъ предложеніе: „который стрѣлою протекаетъ“. На письмѣ эта грамматическая двусмысленность можетъ быть отчасти устранена постановкой знаковъ, но болѣе надежнымъ средствомъ является соотвѣтствующая перестановка членовъ предложенія. Въ предложеніи—„Одному наслѣднику

завѣщено поставить статую золотую пику держащую—два смысла: можно слово золотой относить къ словамъ—статуя и пика.

Часто грамматическая неправильность является результатом логической неясности связываемыхъ между собою сужденій. Это, главнымъ образомъ, относится къ предложеніямъ винословнымъ, въ которыхъ одно сужденіе является основаніемъ, а другое—слѣдствіемъ. Эта неправильность происходитъ отъ того, что въ основаніи и слѣдствіи разные предметы мысли, разные логическія подлежащія, вслѣдствіе чего мысль сбивается. Эти примѣры чаще всего можно встрѣтить въ придаточныхъ предложеніяхъ, сокращенныхъ при посредствѣ дѣепричастія. Такіе обороты часто встрѣчаются у писателей XVIII вѣка. Еще Ломоносовъ въ своей Грамматикѣ о нихъ замѣтилъ, „что весьма погрѣшаютъ тѣ, которые по свойству чужихъ языковъ дѣепричастія отъ глаголовъ личныхъ лицами раздѣляютъ, ибо дѣепричастіе должно въ лицѣ согласоваться съ главнымъ глаголомъ личнымъ, на которомъ всей рѣчи состоитъ сила“. Такіе обороты часто встрѣчаются у Фонвизина: „не имѣя третій мѣсяцъ никакого объ васъ извѣстія, нетерпѣніе наше было не-сказанное“. Возьмемъ другой примѣръ изъ стихотворенія Лермонтова „Пророкъ“:

„Завѣтъ Предвѣчнаго храня,
Мнѣ тварь покорна вся земная“.

Здѣсь вслѣдствіе неудачнаго сокращенія предложеній неясно, кто хранить завѣтъ Предвѣчнаго: самъ ли пророкъ, или тварь земная? Чистота рѣчи состоитъ въ употребленіи словъ и выраженій, свойственныхъ тому языку, которымъ авторъ пользуется.

Чистотѣ рѣчи могутъ вредить архаизмы, барбаризмы, провинциализмы и нелогизмы, или, точнѣе, заимствованныя слова. Изъ § 39 мы видѣли, что заимствованныя слова появляются въ языкѣ вслѣдствіе необходимости, за неимѣніемъ своихъ словъ для обозначенія усвоенныхъ отъ другого народа понятій. На этомъ основаніи нельзя изгонять изъ языка заимствованныхъ словъ, потому что своихъ словъ можетъ не хватить. Такимъ образомъ, чистотѣ рѣчи не вредятъ тѣ слова и выраженія, которыя обогащаютъ нашъ языкъ новыми понятіями и вмѣстѣ съ тѣмъ увеличиваютъ сумму нашихъ знаній. Само собой понятно, что заимствованныя слова должны употребляться въ рѣчи только въ томъ случаѣ, когда значеніе ихъ понятно и говорящему, и слушающему. Противъ неумѣстнаго употребленія иностранныхъ словъ вооружаются уже въ XVII вѣкѣ. Одинъ грамотей въ предисловіи къ азбуковнику такъ говоритъ объ употребленіи барбаризмовъ. Во скатыхъ книгахъ словенскаго языка многи рѣчи недобѣ раздѣлкаемы обрѣтаются, такоже се есть къ

канѣнѣ Покровѣ Пресвѣтой Богородицы: свѣтъѣшеся, Владычице, ѡмѡфѡръ тѣѡй пѣче ѡлѣктора, а неждѣщѣи сѣлы слѡва рѣчь тѣ пишѣхѣтъ сѣще пѣче ѡлѣктора, и не хотѣхѣтъ раздѣлѣти, тако ѡно ѡсть ѡлѣкторъ: ѡлѣкторъ во ѡсть пѣтеля (пѣтухъ).

§ 60. ВИДЫ СЛОГА.

Слово можетъ имѣть два значенія—собственное и несобственное, или переносное. Собственнымъ значеніемъ слова называется то значеніе, которое у всѣхъ людей вызываетъ одно и то же представленіе. Всеобщность смысла есть отличительная черта слова въ его собственномъ, переносномъ значеніи. Если мы скажемъ слово серебро, то у всѣхъ насъ появляется представленіе о томъ металлѣ, съ представленіемъ котораго соединяется это слово; если мы употребляемъ слово ревъѣть, то мы знаемъ, что этимъ словомъ обозначается крикъ животнаго. Но эти же слова „серебро“ и „ревѣть“ въ соединеніи съ другими словами могутъ получить иной смыслъ. Въ предложеніи „серебро течетъ по лугу“, очевидно, рѣчь идетъ не о серебрѣ въ собственномъ смыслѣ, а о томъ, что походитъ на серебро,—о ручѣ. Въ предложеніи—

„И Терекъ, прыгая какъ лъвица

Съ косматою гривой на хребтѣ, ревъѣлъ“—

рѣчь идетъ не о ревѣ животнаго, а о шумѣ горной рѣки, похожемъ на ревъ звѣря. Въ выраженіи „перо его мѣстїю дышитъ“ значеніе дышитъ не приложимо къ неодушевленному предмету, каковымъ является перо. Несобственнымъ или переноснымъ значеніемъ слова называется то значеніе, по которому слову придается новый необычный оттѣнокъ, измѣняющій ближайшее, лексическое значеніе слова. Если въ предложеніи преобладаютъ слова съ собственнымъ значеніемъ, съ тѣмъ, которое называется его лексическимъ значеніемъ, то получается рѣчь прозаическая, или научная. Примѣры прозаической рѣчи мы видимъ во всѣхъ ученыхъ сочиненіяхъ, учебникахъ и т. п. Когда же словамъ придается переносное значеніе, не совпадающее съ лексическимъ, тогда получается рѣчь художественная, или поэтическая. Въ примѣръ поэтической рѣчи приведемъ изъ романа Пушкина „Евгеній Онѣгинъ“ описаніе зимы и курсивомъ отмѣтимъ несобственные переносныя выраженія:

„Вотъ сѣверъ, тучи нагоняя,

Дохнулъ, завылъ, и вотъ сама

Идетъ волшебница-зима.

Пришла, разсыпалось, клоками

Повисла на сукахъ дубовъ,

*Легла волнистыми коврами
Среди полей, вокруг холмовъ;
Брега съ недвижною рѣкой
Сравняла пухлой пеленой.
Блеснулъ морозъ. И рады мы
Проказамъ матушки-зимы“.*

Обращая вниманіе на способъ соединенія словъ въ предложеніе, мы замѣчаемъ, что грамматика не устанавливаетъ особыхъ законовъ сочетанія различныхъ членовъ предложенія, т.-е. мѣста для подлежащаго, сказуемаго и второстепенныхъ членовъ не опредѣлены особыми правилами: мы разставляем слова по собственному усмотрѣнію. Мы также знаемъ, что при произношеніи того или другого слова одинъ слогъ выдѣляется отъ другихъ грамматическимъ удареніемъ, а что въ самомъ предложеніи наиболѣе важное слово по смыслу, логическое сказуемое, тоже выдѣляется удареніемъ, которое называется логическимъ. Благодаря этой свободѣ разстановки членовъ предложенія, можно такъ сочетать слова между собою, что ударяемые слоги въ словахъ черезъ строго опредѣленный промежутокъ времени, или что то же, черезъ известное количество неударенныхъ слоговъ, будутъ чередоваться между собою. Приведемъ примѣръ чередующихся по ударенію словъ.

„Мч^ат^я|т^учи,|вь^ют^я|т^учи|,

Не^ви|д^им^ко|ю лу|на.

Освѣ|ща^етъ|снѣ|гъ лет^уч^ий|“.

„Послѣ|д^ня|т^уча|разсѣ|ян^ной бу|ри!

Од^на|ты|нес^ешь|ся|по я^сной|лаз^ури|“.

Такая рѣчь, въ которой ударяемые слоги чередуются съ неударяемыми, называется рѣчью размѣренной, или стихотворною; а та рѣчь, въ которой нѣтъ опредѣленнаго чередованія, называется рѣчью неразмѣренной, нестихотворною.‡

Литературная рѣчь можетъ состоять изъ предложеній простыхъ и сложныхъ. Рѣчь, состоящая изъ простыхъ предложеній, называется отрывочною, а изъ сложныхъ—періодическою.

Итакъ, получается шесть родовъ слога: слогъ поэтический, прозаическій, мѣрный и немѣрный, отрывочный и періодическій. Эти виды слога сочетаются согласно тремъ принципамъ дѣленія, указаннымъ выше, поэтому слогъ художественный можетъ быть мѣрнымъ и немѣрнымъ, отрывочнымъ и періодическимъ; то же надо сказать и о слогѣ прозаическомъ, хотя прозаическія сочиненія рѣд-

ко пишутся мѣрной рѣчью ¹⁾. Такимъ образомъ изъ каждой пары дѣленія одинъ членъ дѣленія можетъ сочетаться съ однимъ изъ членовъ остальныхъ паръ дѣленія, и такимъ образомъ получаются слѣдующія разновидности слога: 1) слогъ художественный мѣрный отрывочный 2) слогъ художественный немѣрный отрывочный 3) слогъ художественный мѣрный періодическій, 4) слогъ художественный немѣрный періодическій, 5) слогъ прозаическій мѣрный отрывочный, 6) слогъ прозаическій немѣрный отрывочный, 7) слогъ прозаическій мѣрный періодическій, 8) слогъ прозаическій немѣрный періодическій. Прозаическія сочиненія въ настоящее время не пишутся мѣрной рѣчью. Таковая была употребительна въ періодъ господства схоластической литературы. Въ прежнее время въ XVI—XVII вв. ею писались предисловія къ азбукамъ, къ сборникамъ поученій и т. п.

§ 61. ИЗМѢНЯЕМОСТЬ СИНТАКСИЧЕСКАГО СТРОЯ.

Характеръ указанныхъ разновидностей слога въ сильной степени зависитъ также и отъ синтаксическаго строя предложенія. Выше мы видѣли, что слово въ языкѣ постоянно видоизмѣняется и съ внутренней, и внѣшней стороны. Тѣмъ же законамъ измѣненія и развитія подчиняется и сочетаніе словъ въ предложеніи; и предложеніе такъ же, какъ и слово, имѣетъ свою исторію. Для сравненія современнаго строя предложенія съ древнерусскимъ возьмемъ нѣсколько примѣровъ рѣчи отрывочной и періодической. Отрывочный строй предложеній: сына моего примите собѣ князя=сына моего примите къ себѣ княземъ; слыша брата ята=услышалъ, что братъ схваченъ; грѣхъ сладко, а человекъ падко; медь сладко, а муха падко; левъ страшно, а обязына смѣшно. Володимеръ извенъ труденъ въѣха въ городъ свой=Владимиръ въѣхалъ въ городъ свой тяжело раненый. Твориться ида=притворяется, что онъ идетъ. Количество примѣровъ изъ древнерусскаго языка можно еще болѣе увеличить. Предложеніе „слыша брата ята“ на современный языкъ должно перевести двумя предложеніями: винительный падежъ брата становится именительнымъ—подлежащимъ дополнительнаго предложенія, а другой винительный причастія дѣлается сказуемымъ и принимаетъ полную глагольную форму. Въ примѣрахъ „грѣхъ сладко, а человекъ падко“ нѣтъ согласованія сказуемыхъ „сладко“ и „падко“ съ

¹⁾ Образцомъ мѣрной прозаической рѣчи можетъ служить посланіе Ломоносова къ Шувалову о пользѣ стекла.

своими подлежащими. Въ предложеніи „Володимеръ язвенъ трудень вѣха“ въ качествѣ нарѣчія употреблено прилагательное, и притомъ это нарѣчіе-прилагательное поставлено послѣ того слова, къ которому оно относится. „Творится ида“ такъ же, какъ и разобранное предложеніе „слуша брата ята“, буквально нельзя перевести на современный русскій языкъ; переводъ притворяется идущи (идуцій) не имѣть того смысла, который вложенъ въ это предложеніе древнерусскимъ лѣтописцемъ. Періодическая рѣчь древнерусскаго языка также имѣетъ свои особенности, неизвѣстныя теперешнему языку. Приведемъ примѣры: „О Донче! не мало ти величія лелѣявшу князя на влѣнахъ, ставшущу ему зелену траву на своихъ сребреныхъ брѣзехъ, одѣвавшу его теплыми мѣглами подѣ сѣнію зелену дрѣву; стрѣжаше ꙗко гогодемъ на водѣ, чайцами на струяхъ, чрънядьми на вѣтрахъ“. („Слово о полку Игоревѣ“). Въ этомъ періодѣ употреблены вмѣсто современныхъ придаточныхъ времени дательные самостоятельные: лелѣявшу... ставшущу... одѣвавшу, зелену дрѣву, и притомъ дательные съ усѣченнымъ окончаніемъ. Князь, конь, его же любиши и ѣздиши на немъ, отъ того ти есть умерети—здѣсь въ главномъ предложеніи подлежащее конь не имѣетъ своего сказуемаго, и съ точки зрѣнія теперешняго языка лишнія слова или „отъ того“, „или конь“. На современный языкъ эту фразу надо перевести такъ: князь, тебѣ надлежитъ умереть отъ коня, котораго ты любишь и на которомъ ты ѣдишь. Древнерусская періодическая рѣчь отличается отъ современной меньшей связностью: въ ней меньше союзовъ и меньше подчиненныхъ предложеній, чѣмъ въ теперешней рѣчи. Синтаксическія особенности встрѣчаются и въ слогѣ писателей XVIII вѣка, хотя этотъ слогъ и приближается къ современному: „Теперь къ церкви соблазну библию честь стали“ (Кантемиръ)—предлогъ „къ“ разобщенъ отъ управляемаго имъ слова „соблазну“. „Съ ума сошелъ, кто души силу и предѣлы испытаетъ—съ ума сошелъ тотъ, кто испытываетъ силу и предѣлы души; здѣсь сказуемое „испытуетъ“ поставлено на концѣ, дополненіе души передъ управляемыми словами „силу и предѣлы“.

„Поля покрыла мрачна ночь,
Взошла на горы черна тѣнь...
Открылась бездна, звѣздъ полна“...

(Ломоносовъ).

Здѣсь преобладаютъ усѣченные окончания прилагательныхъ, мало свойственныя теперешнему языку. „Разсудивъ таковую пользу отъ книгъ церковныхъ словянскихъ въ роССійскомъ языкѣ, всѣмъ любителямъ отечественнаго слова безпристрастно объявляю и

дружелюбно совѣтую, увѣрясь своимъ искусствомъ, дабы съ прилежаніемъ читали всѣ церковныя книги, отъ чего къ общей и къ общественной пользѣ воспослѣдуетъ" (Ломоносовъ). Разсудивши о такой пользѣ отъ церковно-славянскихъ книгъ для русскаго языка, удостовѣрившись своимъ опытомъ, я безпристрастно объявляю и дружелюбно совѣтую всѣмъ любителямъ отечественнаго слова, чтобы они съ прилежаніемъ читали всѣ церковныя книги, что послужить для общей [и общественной пользы. Изъ переложения ломоносовской рѣчи на современный языкъ видно, что конструкція ея отличается другимъ расположеніемъ словъ, чѣмъ теперь, и что глаголь разсудить употребленъ въ дѣйствительномъ залогѣ вмѣсто средняго (сравни у него же „управляетъ небо, землю и море вмѣсто „небомъ, землей и моремъ“). Карамзинская рѣчь, хотя и въ значительной степени приближается къ современной, но тоже имѣетъ свои особенности: въ ней отчасти удерживается ломоносовская конструкція.

§ 62. ЗАКОНЫ СИНТАКСИЧЕСКАГО СТРОЯ.

Синтаксическій строй, т.-е. способъ сочетанія словъ въ предложенія, какъ мы видѣли, не остается неподвижнымъ, разъ навсегда застывшимъ въ своихъ формахъ. Измѣнчивость его, способность принимать другія рамки зависитъ отъ того, что синтаксическій строй развивается не случайно, а по законамъ. Такихъ законовъ жизни синтаксическаго строя пять: а) законъ сохраненія прежнихъ формъ, б) ихъ дифференціаціи, в) разрушенія прежнихъ синтаксическихъ категорій, г) распадающія сложныхъ формъ и е) приобращенія новыхъ.

Законъ сохраненія прежнихъ синтаксическихъ формъ состоитъ въ удержаніи ранѣе выработавшихся формъ синтаксическаго сочетанія. Приведемъ нѣсколько фактовъ этого рода. Еще въ общевропейскую эпоху жизни индо-европейскихъ языковъ развилось прямое дополненіе (вин. пад.) послѣ глаголовъ дѣйствительнаго залога. Этотъ фактъ и теперь остается фактомъ: Ольга же повелѣла ископати яму велику—Ольга приказала выкопать большую яму. Глаголь выкопать, какъ дѣйствительный и до настоящаго времени, продолжаетъ требовать послѣ себя прямого дополненія въ винительномъ падежѣ. Въ ту же общиндо-европейскую эпоху выработался второй именительный при сказуемомъ ¹⁾, именительный предикативный. Этотъ именительный предикативный ос-

¹⁾ Первымъ именительнымъ называется падежъ подлежащаго.

тается въ силѣ, хотя онъ теперь и рѣже употребляется, чѣмъ прежде. Богъ послухъ тому—Богъ свидѣтель тому. И въ современномъ русскомъ также: „Я царь, я рабъ, я червь, я богъ“. (Державинъ).

Законъ дифференціаціи, или различенія состоитъ въ слѣдующемъ. Одна и та же синтаксическая форма употреблялась, какъ и теперь въ современномъ языкѣ часто употребляется, для выраженія разныхъ оттѣнковъ мысли; одна грамматическая форма исполняетъ нѣсколько функций. Въ выраженіяхъ „итти дорогой“, „плыть моремъ“ творительные падежи могутъ пониматься различно. Можно дорогу представлять идущею вмѣстѣ съ нами, т.-е. и мы идемъ, и дорога идетъ съ нами; мы плывемъ, и вода въ морѣ плыветъ съ нами. Если понимать творительный падежъ въ этомъ смыслѣ, то тогда нужно назвать этотъ творительный въ приведенныхъ выраженіяхъ творительнымъ соціативнымъ. Возможно и другое пониманіе этого творительнаго. Можно, напр., къ неопредѣленнымъ наклоненіямъ плыть и итти приставить вопросы посредствомъ чего. Отвѣтомъ на этотъ вопросъ и будетъ творительный, который можно передать такъ: шли посредствомъ дороги—дорогою, а не лѣсомъ и не лугомъ; плыли моремъ, а не рѣкою и не озеромъ. Творительный въ этомъ пониманіи будетъ называться творительнымъ инструментальнымъ, который ничѣмъ не будетъ отличаться отъ выраженій писать перомъ, рубить топоромъ. Старославянскій языкъ съ древнерусскимъ, какъ и всѣ вымершіе индо-европейскіе языки, былъ богатъ этимологическими формами и бѣденъ синтаксическими, но это богатство этимологическихъ (морфологическихъ) формъ не могло замѣнить недостающихъ синтаксическихъ, и поэтому одна и та же синтаксическая форма должна была нести многія обязанности. Въ древнерусскомъ языкѣ была одна форма для выраженія объектовъ непосредственного и посредственного воспріятія. Между тѣмъ посредственное и непосредственное¹⁾ воспріятія въ сознаніи различались. И этой формой былъ безпредложный винительный падежъ. Слышавъ же Ярославъ волхвы приде Суздалью; это предложеніе нельзя перевести: *услышавши* (разговоръ) *волхвовъ*, пришелъ въ Суздаль. Смыслъ рѣчи требуетъ перевести ее такъ: Ярославъ, услышавши про волхвовъ, пришелъ въ Суздаль. Въ дальнѣйшемъ развитіи языка предметы посредственного и непосредственного воспріятій стали уже различаться и грамматически. Въ однихъ случаяхъ послѣ глаголовъ (*verba sentiendi et declarandi*) знати, слы-

1) Объектомъ непосредственного воспріятія называется такой предметъ мысли, о которомъ мы знаемъ черезъ посредство своихъ ощущений, а объектъ посредственного воспріятія это—тотъ, о которомъ мы узнаемъ отъ другихъ. Слышать музыку—музыку—объектъ непосредственного воспріятія, а слышать о музыкѣ—посредственного.

шати, разумѣти и т. п. ставился безпредложный винительный прямого дополненія, когда нужно было обозначить объектъ непосредственнаго воспріятія; а въ другихъ—послѣ тѣхъ же глаголовъ другія грамматическія формы: винительный съ предлогомъ, придаточное дополнительное (узрѣша наши сторожеве и мняху болгарский полкъ—увидѣли наши часовые и думали, что это болгарское войско) и т. п. Возьмемъ другой примѣръ. Въ общеславяно-литовскую эпоху жизни этихъ языковъ стало вырабатываться вмѣсто предикативныхъ именительнаго и винительнаго падежей дополненіе въ творительномъ падежѣ послѣ такихъ глаголовъ, которые не нуждаются въ другомъ именномъ словѣ для выраженія собственной предикативности. Творительный падежъ въ этомъ случаѣ ставился для того, чтобы показать превращеніе одного предмета въ другой: тотъ предметъ, который обозначенъ именительнымъ или винительнымъ падежомъ, приобрѣтая новое качество, становится другимъ предметомъ. Отцемъ мя назвалъ, и азъ его сыномъ: тотъ, который названъ теперь отцомъ, прежде не былъ таковымъ; постави Ярославъ Ларіона митрополитомъ: до поставленія Иларіонъ не былъ митрополитомъ; у Ярополка жена грекини бѣ и бѣше была черницею. Въ этомъ примѣрѣ указывается прежнее измѣнившееся положеніе жены Ярополка по выходѣ ея замужъ. Этотъ творительный превращенія въ новомъ русскомъ языкѣ дифференцируется. Наряду съ творительнымъ, развившимся изъ именительнаго или винительнаго предикативнаго, появляется винительный падежъ множественнаго числа съ предлогомъ въ. Поэтому въ современномъ языкѣ появляются двоякія выраженія: поступить офицеромъ и поступить въ офицеры; зачислиться вольноопредѣляющимся и зачислиться въ вольноопредѣляющіеся. Первые выраженія съ творительнымъ дополненія развились изъ стараго творительнаго, обозначаващаго превращеніе одного предмета въ другой. Во вторыхъ же выраженіяхъ съ предложнымъ-винительнымъ обозначается не столько превращеніе одного предмета въ другой, сколько причисленіе этого предмета къ другой категоріи однородныхъ предметовъ, что выражается и множественнымъ числомъ, и предлогомъ „въ“, обозначающимъ движеніе.

Третій законъ есть законъ разрушенія синтаксическихъ формъ. Разрушеніе синтаксическихъ формъ проявляется въ двоякомъ видѣ: или разрушенная форма исчезаетъ изъ языка безслѣдно, или же на мѣсто разрушенной формы появляется новая форма, замѣняющая старую. Сначала о безслѣдномъ исчезновеніи разрушенныхъ формъ. Въ древнерусскомъ языкѣ такъ же, какъ и въ старославянскомъ, существовало достигательное наклоненіе съ окончаніемъ ть, сходное по значенію съ неопредѣленнымъ наклоненіемъ, но употреблявшееся исключительно послѣ глаголовъ, обозначающихъ дви-

женіе, и отличавшееся отъ неопредѣленнаго тѣмъ, что послѣ этого достигательнаго наклоненія дополненіе ставилось въ родительномъ вмѣсто винительнаго. *Придоша видѣти гробъ*. Пустѣ брата своего въ Володимиръ Володимира блюсть. Изрѣдка, какъ пережитокъ старины, эта форма употребляется въ языкѣ народной поэзіи:

„Скажи, скажи, удалый дородній добрый молодець,
Былъ ли ты красть монастыря Румянцова
И былъ ли ты нести золотой казны?“

Изъ современнаго русскаго языка эта форма исчезла. Въ древнерусскомъ языкѣ существовалъ именительный падежъ въ качествѣ мнимаго подлежащаго при сказуемомъ, выраженномъ неопредѣленнымъ наклоненіемъ: Дати ему своя грамоты; како душа спасти; въ пословицахъ XVII вѣка: „барашка убить не душа погубить“; „говорить правда потерять дружба“. И этотъ оборотъ съ именительнымъ исчезъ изъ литературнаго языка. Во всѣхъ этихъ случаяхъ ставится винительный прямого дополненія. Безслѣдно исчезаютъ изъ синтаксическаго строя тѣ формы, которыя съ точки зрѣнія другого языковаго чутія становятся лишними, обременяющими безъ нужды этотъ строй. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ исчезновеніе старыхъ формъ ведетъ къ образованію новыхъ. Въ древнерусскомъ языкѣ существовалъ оборотъ, извѣстный подъ именемъ дательнаго самостоятельнаго. Приведемъ сначала примѣръ такого дательнаго и на немъ выяснимъ особенности этой формы. Да оуже едино отъ двоюго предъложимъ вамъ: или жъръшемъ богомъ, сломомъ великомъ и устемъ и даромъ достоиномъ быти, или не покоримъся отъати поясы и конистко и отнады оуже предатися мжкамъ.—Одно изъ двухъ предложимъ вамъ: или вы, принесши жертвы богамъ, вы удостоитесь большого чина, почестей и подарковъ, или же отъ васъ, не подчинившихся, отнимутся (отъ васъ) пояса и воинское званіе, и потомъ уже вы будете переданы на мученіе. Въ приведенномъ примѣрѣ въ зависимости отъ сказуемаго главнаго предложенія „предъложимъ“ поставлено въ дат. пад. дополненіе вамъ (дат. лица), съ этимъ дательнымъ согласованы причастія придаточныхъ „жъръшемъ“ и „непокоривъшемся“; согласованы они потому, что относятся къ дополненію вамъ. Можно даже предполагать, что первоначально такое дополненіе главнаго предложенія повторялось и въ придаточномъ передъ тѣми причастіями, съ которыми оно согласовывалось. Приведемъ другой примѣръ дательнаго самостоятельнаго того же типа: лѣпо есть намъ, братія, нарекшимся инокомъ, по вся дни каятися грѣховъ своихъ—хорошо бы намъ, братія, назвавшимся иноками, раскаяваться повседневно въ грѣхахъ своихъ. Сказуемое главнаго предложенія „есть каятися“ требуетъ послѣ себя дательнаго лица, каковой и имѣется

въ словѣ намъ, а съ этимъ послѣднимъ членомъ согласованы дательный причастія „нарекшимся“ и имени „инокомъ“. Мы отсюда видимъ, что дательный самостоятельный предполагаетъ такой же падежъ дополненія въ главномъ предложении, и этотъ оборотъ возможенъ былъ впервые только при этомъ условіи. Но въ дальнѣйшей жизни языка этотъ дательный лица отсутствуетъ и причастіе придаточнаго предложенія не имѣетъ согласованія. Пѣвше (дѣепр. изъ прич. пѣвъшу) пѣснь старымъ княземъ, а потомъ молодымъ пѣти (есть) = Пропѣвши пѣсню о прежнихъ князьяхъ, потомъ о молодыхъ пѣть. Въ главномъ предложеніи послѣ сказуемаго пѣть не стоитъ дополненіе лица на вопросъ кому, но это дополненіе подразумѣвается контекстомъ рѣчи—баяну. Приведенные примѣры отличаются тѣмъ, что въ нихъ одно лицо, выраженное въ дательномъ падежѣ, какъ въ главномъ, такъ и въ придаточномъ предложеніяхъ. Обороты съ дательнымъ лица, сначала подразумѣваемымъ, какъ въ только что приведенномъ примѣрѣ, а потомъ и безсубъектные, т.-е. такіе, въ которыхъ нельзя подразумѣвать этого падежа, въ языкѣ все болѣе и болѣе умножаются, и такимъ образомъ дательный падежъ лица уничтожается. Причастіе можетъ сохранить свою атрибутивную функцію, т.-е. быть опредѣленіемъ, только до тѣхъ поръ, пока оно согласуется съ именемъ; а если этого имени нѣтъ, то причастіе переходитъ въ дѣепричастную форму. Такимъ образомъ, на мѣсто прежнихъ дательныхъ самостоятельныхъ выступаютъ въ современномъ литературномъ и народномъ языкахъ обороты съ дѣепричастіями: позволено было сиди дремать (Пушкинъ). Замужъ вышедши, ни въ чемъ воли нѣтъ. Эти обороты имѣютъ только тѣнь дательнаго самостоятельнаго. „Велѣно было итти въ Оренбургъ, зарывая или потопляя тяжести и порохъ“ (Пушкинъ). Въ главномъ и придаточномъ предложеніяхъ только можно подразумѣвать имъ. Употребленіе дательнаго самостоятельнаго при такомъ сказуемомъ, у котораго нѣтъ дательнаго лица, послужило причиною того, что языкъ позабылъ о необходимости одного и того же лица въ главномъ и придаточномъ предложеніяхъ, и такимъ образомъ развился новый типъ дательнаго самостоятельнаго. Епископу слезы проливаючю и молящюся ему... онъ же не восхотѣ=хотя епископъ и проливалъ слезы и умолялъ его... онъ же не захотѣлъ. Полеми же жившемъ о себѣ и володѣющемъ роды своими... быша три братья=когда поляне жили сами по себѣ и владѣли своими племенами, тогда были три брата. Здѣсь при сказуемыхъ главныхъ предложенія нѣтъ дательнаго лица и даже невозможно подразумѣвать, но дательный самостоятельный все-таки имѣется. А вслѣдствіе этого произошло то, что тѣсная связь между главнымъ и придаточнымъ предложеніями нарушилась: придаточное какъ бы ото-

рвалось отъ главнаго. Поэтому въ такомъ видѣ этотъ оборотъ не могъ сохраняться, и онъ исчезъ, даже, какъ это видно изъ перевода на современный русскій языкъ приведенныхъ выше предложений, не сохранивъ памяти не только о дательномъ падежѣ, но даже и о причастіи хотя бы въ видѣ дѣенприслѣгія.

Законъ распаденія синтаксическихъ формъ сводится къ слѣдующему. Вслѣдствіе бѣдности этихъ формъ, въ древнѣйшую стадію жизни языка развились въ немъ сложныя синтаксическія формы. Эти сложныя формы должны были появиться въ языкѣ по двумъ важнѣйшимъ причинамъ: а) по господству согласованія словъ надъ управленіемъ (см. § 65) и б) по недостатку формальныхъ словъ съ чисто служебнымъ значеніемъ. Сначала о согласованіи словъ. Мы увидимъ, что паратактическій строй рѣчи, древнѣйшій въ жизни языка, требовалъ, чтобы тяготебніе словъ въ предложеніи выражалось при посредствѣ согласованія: сказуемое должно было согласоваться съ подлежащимъ, и потому и должно было принимать именную, причастную форму, т.-е. быть въ одномъ родѣ, числѣ и падежѣ съ подлежащимъ. И бѣ Олегъ обладая Поляны, — приспособляясь къ паратактической рѣчи, если мы хотимъ выразить сказуемое съ его именнымъ отбѣнкомъ, то и при переводѣ на современный языкъ, мы должны сохранить здѣсь именительный падежъ и не можемъ поэтому сказать: „Олегъ былъ владѣтелемъ Полянъ“, а должны перевести такъ: „Олегъ былъ владѣтель Полянъ“; тѣмъ болѣе нельзя было при господствѣ паратактическаго строя выразить сказуемое только глагольной формой безъ причастія: „Олегъ бо облада Полянъ“. Вслѣдствіе того же закона согласованія словъ, сказуемое придаточнаго предложенія могло быть выражаемо исключительно сложной формой въ тѣхъ случаяхъ, когда это сказуемое является аппозиціей (приложеніемъ) къ сказуемому главнаго предложенія. „Литва... мняще мирни суще, придоша къ Берестью“. Придаточное предложеніе этого примѣра „мняще мирни суще“—приложеніе къ сказуемому: „придоша“—пришли (какіе?) думающіе, что они находятся въ мирѣ. Въ послѣднемъ примѣрѣ ради паратактичности допущена даже трехсоставная форма: мняще мирни суще. Другой причиной развитія синтаксическихъ формъ былъ недостатокъ словъ съ чисто служебнымъ значеніемъ. Если еще и въ теперешнемъ языкѣ союзы часто сбиваются на нарѣчія („какъ аукнется, такъ и откликнется“), то въ древнѣйшую пору языка тѣ слова, которыя мы теперь считаемъ за союзы, могли употребляться въ мѣстоименномъ значеніи: „Володимеръ бо такъ баше любезнивъ: любовь имѣя къ митрополитомъ и епископомъ“, гдѣ такъ—мѣстоименіе такой. Изъяславъ же рече: князь есмь, и единъ изъ нихъ рече: а такъ (такой) ны еси и надобѣ. На себя что купить, то проториться, а ты, уда-

лой молодець, и такъ (такой, т.-е. босой и нагой) живешь. Кромѣ того, въ союзахъ слабо различалось ихъ синтаксическое значеніе. Одинъ и тотъ же союзъ могъ употребляться и въ соединительномъ, и въ противительномъ, и въ раздѣлительномъ сочетаніяхъ: и, а, же ставились одинъ на мѣсто другого. Остатокъ этого смѣшенія замѣчается въ бѣлорусскихъ говорахъ: „ляцѣли коршуны чиразь боръ“, а (вмѣсто и) сѣли коршуны къ намъ на дворъ“. По указаннымъ причинамъ союзы не могли тѣсно связывать главные предложенія съ придаточными и такимъ образомъ не могли разрушать того согласованія, которое развилось въ пору паратактическаго строя языка.

Распаденіе еложныхъ формъ приводило къ двоякимъ результатамъ: а) или исчезала одна часть, передавая свои функціи оставшейся, или б) обѣ части послѣ распаденія продолжали существовать независимо другъ отъ друга, или же въ слабой зависимости. Сначала о потерѣ составной части. Въ древнерусскомъ языкѣ такъ же, какъ и въ старославянскомъ, существовали сложные перифрастическія формы спряженія глаголовъ, образуемая отъ несклоняемаго причастія на „лъ“ (далъ, имѣлъ и т. п.) и глагола быть въ разныхъ временахъ. Въ силу болѣе частаго употребленія глагола въ 3 лицѣ сначала исчезали формы 1 и 2 лицъ, замѣнявшіяся формой 3 лица: вмѣсто язъ далъ есмь стали употреблять язъ далъ есть; вм. ты далъ еси—ты далъ есть и т. д. Этому процессу смѣшенія содѣйствовало также и тожество 2 и 3 лицъ въ аористѣ бы и въ преходящемъ бѣше. Такимъ образомъ, оставались въ обиходѣ языка для всѣхъ трехъ лицъ формы есть бы и бѣше—только формы 3 лица. Эти сложные формы въ древнерусскомъ глаголѣ существовали для выраженія послѣдовательности дѣйствій (*consecutio temporis*), и поэтому онѣ допускались только въ сложныхъ сочиненныхъ предложеніяхъ, а потому обуславливались употребленіемъ спрягаемыхъ формъ: настоящаго, протяженнаго и аориста. Тѣ тонкіе оттѣнки, которые обуславливали существованіе этихъ формъ, языкомъ были признаны излишними, да тѣ же оттѣнки, кромѣ того, могли отчасти выражаться видами глагола, которые стали на ихъ мѣсто. Съ забвеніемъ разныхъ оттѣнковъ, выражаемыхъ этими сложными формами, началось сначала беспорядочное употребленіе одной сложной формы на мѣсто другой, а затѣмъ сліянiе всѣхъ формъ въ одну. При этомъ сліянiи произошло исчезновеніе предикативной связки есть. А это исчезновеніе повело, въ свою очередь, къ измѣненію самой причастной формы въ чисто глагольную, предикативную: тѣ функціи, которыя лежали на связкѣ „есть“ перешли на причастіе, переставшее съ этого времени быть причастіемъ. Предложеніе оутѣли еси отъ прѣмѣдринѣхъ и отъкры се младенцемъ мы те-

перь переведемъ безъ еси: ты утаилъ отъ премудрыхъ и открылъ младенцамъ; а тотъ смыслъ, который былъ сопряженъ съ еси мы выражаемъ теперь только мѣстомъ сказуемыхъ, тогда какъ въ древнерусскомъ языкѣ этотъ смыслъ выражался не только мѣстомъ, но и лексически связкой есть, еси и т. п. Въ прежней стадіи языка утаилъ еси въ сопоставленіи съ другимъ сказуемымъ „откры“, значило ты сначала былъ утаившимъ это, а потомъ открывшимъ. Значить, исчезновеніе предикативной связки „есть“ повело за собой образованіе простой глагольной формы и вмѣстѣ съ тѣмъ придало въ предложеніи смыслъ за самымъ мѣстомъ, на которомъ находится сказуемое.

Теперь о распаденіи сложной формы и объ образованіи изъ этой сложной формы двухъ простыхъ. Одновременно съ потемнѣніемъ смысла сложной формы причастія на лъ (даль) съ глаголомъ есмь (даль есмь) въ историческую эпоху жизни русскаго языка появляется другая форма, добавочная по отношенію къ формѣ на лъ есмь: форма лъ былъ есмь (даль былъ есмь). Какъ добавочная форма къ лъ есмь, она была только подновленіемъ этой послѣдней, и какого-либо особаго смысла она не заключала. Черезъ эту форму только проявлялась потускнѣвшая—лъ есмь, на мѣсто которой она и стала. Но была одна особенность въ употребленіи этой формы: форма лъ есмь употреблялась въ сочиненныхъ предложеніяхъ. Эта особенность употребленія въ сочиненныхъ предложеніяхъ и измѣнила ея первоначальное значеніе: она стала допускаться въ тѣхъ случаяхъ, когда дѣйствіе прекращалось въ самый моментъ его возникновенія и притомъ въ предложеніяхъ противительныхъ. Въ новомъ языкѣ форма былъ измѣнилась послѣ распаденія сложной формы и лексически. „Былъ“, разорвавши всякую связь съ своимъ сказуемымъ (даль былъ есмь), перестало относиться къ какому-либо подлежащему и вслѣдствіе этого должно было перейти въ безсубъектную, безличную форму, т.-е. получилось изъ былъ было. У меня ту грамоту взялъ, чѣмъ я былъ пожаловалъ=у меня взялъ ту грамоту, которою онъ было меня пожаловалъ. Такимъ образомъ, вслѣдствіе распаденія сложной формы лъ былъ образовались въ языкѣ двѣ формы на лъ и было. Той же участи подвергалась и другая сложная форма на лъ буду (даль буду). По распаденіи ея на двѣ образовалась форма условнаго наклоненія съ союзомъ буде: „буде пришелъ, такъ сиди“; „буде бѣ ты не дурилъ, дуракомъ бы не слылъ“. Эти вновь образовавшіяся формы по распаденіи одной сложной, все-таки находятся между собою въ нѣкоторой хотя и слабой зависимости: выраженія было и буде употребляются всегда при глагольныхъ сказуемыхъ. Но въ языкѣ имѣются и такіе случаи, когда сложная синтаксическая форма послѣ своего распаденія

теряетъ всякую связь со своими частями. Это относится, главнымъ образомъ, къ вторымъ предикативнымъ падежамъ какъ къ прямымъ (именит.), такъ и къ косвеннымъ. Вслѣдствіе особенностей паратактического строя въ древнемъ языкѣ сложный атрибутъ (опредѣленіе) при сказуемомъ и сложное дополненіе могли ставиться только въ одинаковыхъ падежахъ. Кого *ма* глаголете быти—за *кого* меня считаете“. Видѣ ныи на трѣзницѣ стояща праздыны=видѣль, что другіе праздно стояли на базарѣ. При современномъ переводѣ на мѣстѣ сложнаго дополненія ныи стояща праздыны стоятъ разнородные члены: сказуемое дополненіе къ нему и обстоятельственное слово, и, такимъ образомъ, сложная форма дополненія всецѣло распалась.

Законъ приобрѣтенія новыхъ синтаксическихъ формъ отчасти уже выясненъ нами въ предшествующемъ изложеніи. Дифференціація, разрушеніе и распаденіе синтаксическихъ формъ ведутъ къ образованію новыхъ. Приобрѣтеніе синтаксическихъ формъ совершается двояко или а) путемъ естественнаго развитія языка, о чемъ мы уже говорили, или б) путемъ заимствованія этимъ формъ изъ чуждыхъ языковъ: изъ греческаго, латинскаго, польскаго, нѣмецкаго, французскаго и т. п., о чемъ у насъ также была рѣчь въ § 59.

§ 63. ПОСТЕПЕННЫЙ ХОДЪ ВЪ РАЗВИТІИ СИНТАКСИЧЕСКИХЪ ФОРМЪ.

Тѣ измѣненія въ жизни синтаксическаго строя, о которыхъ мы говорили въ предшествующемъ §, имѣютъ весьма продолжительную исторію. Прежде, чѣмъ перейти какой-либо синтаксической формѣ въ современную, ей приходится постепенно претерпѣвать различныя видоизмѣненія на разныхъ стадіяхъ своего развитія. Въ результатѣ этихъ видоизмѣненій, если выбросить всѣ послѣдующія стадіи развитія, и сравнить первую съ послѣднею, имѣющеюся въ современномъ языкѣ, то найдемъ столь же большое сходство, какъ между гусеницей и бабочкой, между головастикомъ и лягушкою. Приведемъ примѣры этой видоизмѣняемости формъ. Въ древнерусскомъ языкѣ, какъ и во всѣхъ вымершихъ языкахъ индоевропейской семьи, были очень рѣдки безличныя (безсубъектныя) предложенія въ родѣ такихъ, какъ гремитъ, моросить, мнѣ грустно, тебѣ спать хочется и т. п. Этимъ языкамъ были свойственны, главнымъ образомъ, личныя (субъектныя) предложенія. Объясняется эта склонность употреблять субъектныя предложенія вмѣсто безсубъектныхъ конкретностью мысли и стремленіемъ для всякаго дѣйствія находить свою причину. Съ теченіемъ времени эта конкрет-

ность мышления повела за собою абстрактность, т.-е. изъ поэтического, образнаго мышленія стало развиваться абстрактное, прозаическое. Съ развитіемъ челоѣчества увеличивался и его жизненный опытъ: мысль стала критически относиться къ унаслѣдованному отъ предковъ знанію. И это отразилось на строеніи прежнихъ субъектныхъ предложеній. Въ предполагаемомъ древнемъ субъектномъ предложеніи „громъ гремитъ“ громъ представлялся самостоятельной субстанціей: слово громъ было не именемъ дѣйствія (помен actionis), а именемъ дѣйствующаго лица (сравни сказку о царѣ Громѣ). Съ дальнѣйшимъ развитіемъ мысли громъ сталъ представляться субстанціей, связанной съ другой субстанціей, у которой онъ находился въ подчиненномъ состояніи, подобно тому, какъ свѣтъ считался особымъ предметомъ, входящимъ въ составъ огня (солнца) наряду съ другими субстанціями—теплотой, сухостью и т. п. Дальнѣйшая стадія въ развитіи мысли состоитъ въ перечисленіи этихъ мнимыхъ субстанцій (предметовъ)—свѣта, теплоты, горькости и т. п. изъ разряда словъ, обозначающихъ имена дѣйствующихъ лицъ, въ другіе разряды и, главнымъ образомъ, въ разрядъ именъ дѣйствій. Такимъ образомъ изъ прежняго предложенія громъ убилъ образуется другой оборотъ переходный отъ личнаго къ безличному „громъ убило“, въ которомъ сказуемое пытается разорвать свою связь съ подлежащимъ черезъ частичное устраненіе согласованія. Это устраненіе согласованія могло обозначать вмѣстѣ съ тѣмъ попытку критически отнестись къ причинѣ, каковой представлялся не одинъ громъ, а еще и какіе-нибудь другіе предметы, съ нимъ связанные, но неизвѣстные. Въ дальнѣйшей стадіи происходитъ исключеніе грома изъ числа причинъ, производящихъ убійство и переходъ этого слова въ разрядъ именъ, обозначающихъ орудіе; отсюда и получается современное выраженіе громомъ убило. Приведемъ примѣры субъектныхъ предложеній и безсубъектныхъ, развившихся изъ нихъ: шумъ шумитъ, стукъ стучитъ, туча тучится, темень темнится. Такіе обороты свойственны народной поэзіи. Обороты переходные отъ личности къ безличности: „въ Торжку туча на одномъ часу ровъ учинило и хоромовъ нѣсколько снесло изъ основанія“. „Того же часу (другой примѣръ) пришло трусъ (землетрясеніе) на землю, а въ небѣ *взошло облакъ* дымень“. И въ современномъ языкѣ имѣется остатокъ этихъ переходныхъ оборотовъ: „пора было начинать“, „часъ было сказать“ и т. п. Мы сказали, что вслѣдствіе постепеннаго видоизмѣненія синтаксической формы, форма, послужившая исходнымъ пунктомъ для конечной, имѣющейся въ современномъ строѣ языка, не имѣетъ съ ней никакого сходства. Приведемъ примѣры современныхъ формъ: мнѣ говорить, тебѣ начинать, вамъ сдавать—всѣ эти формы сводятся къ типу та-

кой формы: „вода же его (Иордана) мутна и сладка вельми пити и нѣсть сыти пиющимъ воду ту святую“. Особенность послѣдняго оборота состоитъ въ томъ, что сказуемое въ немъ неопредѣленно-личное (неопредѣленное наклоненіе), и это сказуемое предполагаетъ прямое дополненіе того же слова, которымъ выражено подлежащее; значить, прямое дополненіе будетъ (пити) воду и послѣ того же сказуемаго въ неопредѣленномъ наклоненіи можно поставить имя субъекта въ дательномъ падежѣ на вопросъ кому: вамъ, имъ и т. п., такимъ образомъ, этотъ отрывокъ изъ хожденія игумена Даниила въ святую землю можно передать такъ: „мутную же воду (Иордана) весьма сладко пить“. Если же отсюда выпустить прямое дополненіе и поставить имя субъекта въ дательномъ падежѣ, то и получится предложеніе такого типа: „вамъ легко говорить, да трудно сдѣлать“ и т. п.

§ 64. ВИДЫ ПРЕДЛОЖЕНІЯ СО СТОРОНЫ ЕГО СИНТАКСИЧЕСКАГО ПОСТРОЕНІЯ.

Изъ § 61 мы увидѣли, что древнерусскій строй рѣчи отличается отъ современнаго меньшей связностью. Этому строю мало извѣстно подчиненіе предложеній, и придаточныя предложенія въ немъ отсутствуютъ: управленіе словъ замѣнено согласованіемъ, потому въ этой рѣчи мало союзовъ и предлоговъ. Такой строй рѣчи и называется паратактическимъ. Паратактическій строй постепенно измѣняется: появляются въ предложеніи предлоги и союзы; принципъ согласованія словъ, продолжая развиваться, вызываетъ вмѣстѣ съ тѣмъ и другой принципъ управленія словъ и, благодаря этому, выдѣляется въ рѣчи главное предложеніе и подчиняетъ себѣ остальные. Этотъ послѣдній строй предложенія называется гипотактическимъ. Паратактическій строй можно сравнить съ теперешнимъ сочиненіемъ предложеній: съ отрывочной рѣчью, а гипотактический съ подчиненіемъ предложеній: съ періодической рѣчью.

§ 65. ПОНЯТІЕ О ПАРАТАКТИЧЕСКОМЪ СТРОѢ.

Приведемъ примѣры паратактическаго строя: „Налѣзоша, живъ есть“=нашли, что онъ живъ; увѣдаша, идетъ=узнали, что онъ идетъ; народъ же стоя и слышавъ глаголашу, громъ бысть=народъ же стоя, услышалъ и сказалъ, что гремитъ. Это образцы сложныхъ паратактическихъ предложеній. Примѣры паратактическихъ сочетаній. Прежде всего скажемъ, что называется въ синтаксисѣ со-

четаніемъ. Въ предложеніи различаются два главныхъ члена—подлежащее и сказуемое, и оба эти члена завѣдуютъ второстепенными членами, и поэтому второстепенные члены тяготеютъ или къ подлежащему, или сказуемому. Такимъ образомъ, каждое предложеніе можно раздѣлить на двѣ части. Эти-то части предложенія и называются синтаксическими сочетаніями. {Паратактическія сочетанія: шуба сукно красномалиново—выраженіе не поддающееся переводу—шуба, крытая сукномъ красномалиновымъ; бесѣда дорогъ рыбій зубъ=скамейка изъ дорогого рыбьяго зуба; чеботъ зеленъ сафьянъ=сапогъ изъ зеленого сафьяна; икона Микола=икона Николая и т. п. Приведемъ простыя парактическія предложенія: „Князь Витовтъ услыша псковскую рать=князь Витовтъ услышалъ о псковскомъ войскѣ; услышавше псковичи князя великого въ Новгородѣ=псковичи услышали, что великій князь въ Новгородѣ; знаю твое за Адама постраданіе=знаю, что ты пострадалъ за Адама; Михаилъ уже увидѣвъ принятіе киевское=узнавши о взятіи Кіева; увидѣ князя идуща=узналъ князя, что онъ идетъ, или же возможенъ и другой переводъ—узналъ, что князь идетъ. „Малые люди идоша“ можно перевести: *мало шло людей* или *шли люди малые (ростомъ)*. „Быша ему печали больша“ можно перевести: *было у него много печалей* или *была у него большая печаль*. Изъ разбора приведенныхъ образцовъ можно вывести два заключенія относительно паратактическаго строя: а) этотъ строй не знаетъ, что такое перспектива въ языкѣ, и б) онъ компактнѣе по сравненію съ современнымъ. Пояснимъ, что такое значить отсутствіе перспективы въ паратактическомъ строѣ. Перспективу въ языкѣ можно сравнить вообще съ перспективою. Для нашего глаза ближайшіе предметы и фигуры кажутся большими по сравненію съ далѣе отъ нихъ находящимися; поэтому первые рѣзче отдѣлены другъ отъ друга, а послѣдніе чѣмъ далѣе, тѣмъ они болѣе неопредѣленны: смотря издали на лѣсъ, кажется, что онъ сплошь состоитъ изъ деревьевъ; рельсы вдали кажутся сливающимися. Отсутствіе перспективы можно наблюдать у ребенка отъ 1 до 4 мѣсяцевъ: ему всѣ предметы кажутся находящимися на одной плоскости (то же и у оперированныхъ отъ слѣпоты), и онъ пытается схватить своими ручонками все то, что онъ видитъ. Въ древней живописи мы видимъ такое же отсутствіе перспективы: всѣ фигуры одинаковы по величинѣ. Нѣчто аналогичное представляетъ изъ себя и языкъ въ своемъ паратактическомъ строѣ. Здѣсь не выработалось еще отношеніе между членами: всѣ члены, кромѣ подлежащаго и сказуемаго, стоятъ на одной плоскости: ни одинъ изъ нихъ не находится въ зависимости другъ отъ друга. По законамъ паратактическаго строя надо сказать „облить ведромъ водой“, вмѣсто

„облить ведромъ воды“. Съ точки зрѣнія теперешняго языковаго строя, слово „воды“, зависимое отъ слова „ведромъ“, и слово „воды“ управляемое, а „ведромъ“ управляющее. Въ выраженіи „онъ убить ногами слонами“ такъ же, какъ и въ первомъ примѣрѣ, нѣтъ никакого отношенія между этими членами: они равноправны. Мы сказали, что въ паратактическомъ строѣ выдѣляются главные члены. Но и въ этомъ случаѣ нѣтъ того рѣзкаго обособленія подлежащаго отъ сказуемаго, какое замѣчается въ современномъ языкѣ. Чѣмъ дальше углубляться отъ позднѣйшаго старорусскаго языка къ древнѣйшему, тѣмъ больше приходится встрѣчаться съ сказуемымъ, выраженнымъ причастной формой. Отсюда, напрашивается тотъ выводъ, что причастіе есть основная форма для сказуемаго. И эта особенность замѣчается не только въ древнерусскомъ, а и въ латышскомъ и особенно въ литовскомъ языкахъ. Последнее же очень важно, потому что строй литовскаго языка во многихъ случаяхъ первобытнѣе санскрита, языка Ведъ. Причастіе, являясь сказуемымъ, обязательно уподобляется своему подлежащему, согласуясь съ нимъ въ родѣ, числѣ и падежѣ. Правда, при причастіи бываетъ и своя глагольная связка какъ изъ глаголовъ служебныхъ, такъ и знаменательныхъ, но здѣсь важнѣе всего то, что сила рѣчи падаетъ, главнымъ образомъ, на причастіе. Приведемъ примѣры предложеній съ причастнымъ сказуемымъ: Гръци суть хитро сказующе = греки суть искусные рассказчики = греки искусно рассказываютъ; кости его суть лежаче даже и до сего дѣне = кости его лежатъ и до этого дня; и мняшеся умомъ сѣдя у церкви святою (дв. ч.) = и воображалъ онъ, что сидитъ у церкви святыхъ; и яко скончавъ, украси ю иконами = и какъ кончилъ строить, украсилъ ее иконами. Образцы такихъ паратактическихъ сочетаній сохранились въ языкѣ и до настоящаго времени. Въ народной рѣчи обычны такіа выраженія: „мы сильно уставши“ = устали; мы не ѣвши и не пимши = не ѣли и не пили. Въ литературномъ языкѣ такіе паратактическіе обороты отличаются отъ указанныхъ древнерусскихъ тѣмъ, что въ нихъ сказуемое выражено существительнымъ въ именительномъ падежѣ: „сюда я больше не ѣздохъ“; „полки-то разбирать вѣдь я не мастерица“ (Грибоѣдовъ); „вѣдь ты бѣ была у насъ царь-птица (Крыловъ).

Отсутствіе связности между членами предложенія, выражающееся въ отсутствіи перспективы, вызываетъ и другую особенность: паратактическимъ строемъ невозможно выразить разнообразныя оттѣнки мысли. Предложеніе „увѣдѣ князя идуща“ можно перевести двояко: „узналъ, что князь идетъ“ и „узналъ князя, что онъ идетъ“. Смыслъ первой фразы таковъ: узналъ не непременно самъ, а возможно и отъ другихъ о томъ, что князь идетъ; а смыслъ

второй фразы тотъ, что не только узналъ князя (по лицу или по свитѣ), но и то, что онъ идетъ. Въ томъ паратактическомъ строѣ, который намъ извѣстенъ по памятникамъ письменности чаще всего употребляются безпредложныя дополненія и, главнымъ образомъ, съ объектомъ въ винительномъ падежѣ. Поэтому въ древнемъ паратактическомъ строѣ послѣ глаголовъ узнать о чемъ, услышать о комъ, говорить о чемъ и т. п. ставился винительный падежъ: „увѣдѣти другъ“ будетъ значить и „узнать о другъ“, и „узнать друга“ и т. п. „Помяну Олегъ конь свой“=вспомнилъ Олегъ о конѣ своемъ=вспомнилъ Олегъ коня своего. Другая особенность паратактическаго строя состоитъ въ компактности рѣчи, зависящей отъ ея сжатости. Гипотактическій строй рѣчи, развивши принципъ управленія словами, можетъ включать въ свое предложеніе большое количество членовъ, зависящихъ другъ отъ друга и нанизывающихся одинъ на другой. Сейчасъ у насъ рѣчь идетъ о простомъ предложеніи. Возьмемъ примѣръ этого предложенія въ паратактическомъ строѣ изъ древнерусской рѣчи и переведемъ его на современный языкъ: „зане (законъ) безаконникомъ отечестви мнѣнися“=у неимѣющихъ закона отеческіе обычаи считаются закономъ. Въ древнерусскомъ строѣ меньше словъ не потому только, что два понятія выражены однимъ словомъ („безаконникомъ“ и „отечестви“), а и потому, что при словѣ безаконникомъ нѣтъ предлога. Другой примѣръ: „князь Витовъ услыша Псковскую рать“=князь Витовъ услышалъ о томъ, что идетъ на него псковское войско. Предложеніе изъ пяти словъ на современную рѣчь передается 11-ью. То, что въ древнерусской рѣчи укладывается въ одно предложеніе, то теперь выражается въ нѣсколькихъ. Такимъ образомъ паратактическая рѣчь даетъ больше смысла, чѣмъ есть въ предложеніи на самомъ дѣлѣ: во многихъ случаяхъ требуется не только переводъ рѣчи, но и ея толкованіе, экзегесисъ.

§ 66. ПЕРЕХОДЪ ОТЪ ПАРАТАКТИЧЕСКАГО СТРОЯ КЪ ГИПОТАКТИЧЕСКОМУ.

Письменныхъ образцовъ паратактическаго строя въ его чистомъ видѣ не сохранилось ни въ одномъ изъ индо-европейскихъ языковъ. О немъ можно только судить, исходя изъ того, что имѣется въ памятникахъ письменности и въ устномъ языкѣ. Въ началѣ появленія языка не было никакого синтаксическаго строя, потому что слово вмѣстѣ было и предложеніемъ. Только съ дифференціаціей имени и глагола появляются и признаки этого строя (зерно которыхъ, какъ мы видѣли, заключалось въ строеніи самого слова). Самымъ существеннымъ признакомъ паратактическаго

строю мы указали согласованіе. На первых порахъ оно сводилось къ уподобленію сказуемаго подлежащему только въ лицѣ и числѣ. Древній паратактическій строй могъ проявляться приблизительно въ такихъ предложеніяхъ: „князь идетъ“, „живъ есть“, „морь есть“, „домъ стоитъ“, „человѣкъ думаетъ“ и т. п. Частое употребленіе 3 лица глагола повело за собою дифференціацію этой формы: изъ нея развилося причастіе и вслѣдствіе своей предикативности оно стало употребляться въ качествѣ сказуемаго со связкою, каковою могъ быть любой глаголъ, потому что дѣленіе глаголовъ на служебные и знаменательные сравнительно болѣе позднее явленіе. Эта связка не изъ чего не развилась: она ранѣе была сказуемымъ:—есть, стоитъ, думаетъ и т. п. Съ появленіемъ причастія сказуемое согласуется съ подлежащимъ уже въ родѣ и падежѣ.

Вопросъ о дополненіяхъ при сказуемомъ связывается съ вопросомъ о происхожденіи падежей. Вопросъ этотъ очень темный. Въ древнеиндійскомъ языкѣ насчитывается падежей даже болѣе, чѣмъ въ старославянскомъ. Нѣкоторые основанія для сужденія объ образованіи падежей даетъ анализъ склоненія вымершихъ индо-европейскихъ языковъ: древнеиндійскаго, старославянскаго, латинскаго и греческаго. Этотъ анализъ указываетъ на то, что въ склоненіи слова на какую-либо основу различались въ этой основѣ два звуковыхъ вида—сильный и слабый. Сильный звуковой видъ основы состоитъ въ томъ, что основа оканчивается на слоговой гласный долгій или дифтонгъ (aī, eī oī и т. п.), а слабый видъ основы имѣетъ ирраціональную полушепотную или глухую гласную изъ слоговыхъ гласныхъ въ родѣ славянскихъ ѣ и ѣ или же отсутствіе гласной. Латинское *pater* (им. пад. ед. числа) передъ *r* имѣетъ гласную *e* и въ этомъ видѣ *pater* можетъ служить примѣромъ сильной основы, въ род. п. ед. ч. *patris* основа *patr* не имѣетъ послѣ *t* никакого гласнаго,—и эта форма можетъ служить примѣромъ слабой основы. Въ русскомъ языкѣ въ склоненіи существительныхъ нѣтъ чередованія основъ. Но въ качествѣ примѣра можно взять два слова: „житіе“, заимствованное изъ церковнославянскаго, и русское „жить“. Въ первомъ основа съ сильнымъ звуковымъ видомъ „житі“, а во второмъ съ слабымъ—„жить“. Фактъ чередованія въ склоненіи индо-европейскихъ языковъ двухъ основъ—сильной и слабой, указывая на древность падежныхъ формъ, вмѣстѣ съ тѣмъ даетъ основаніе думать, что прямые и косвенные падежи возникли одновременно, потому что въ языкѣ существовали одновременно эти два вида основы. Въ падежахъ различаются грамматическое ихъ значеніе и неграмма-

тическое. Грамматическое значеніе находится въ зависимости отъ синтаксической стороны другого слова, управляющаго падежомъ (см. § 33). Такихъ падежей съ чисто грамматическимъ значеніемъ имѣлось и имѣется два: винительный въ зависимости отъ глаголовъ дѣйствительнаго залога (читать книгу, видѣть друга) и родительный принадлежности (*genetivus possessivus*) въ зависимости отъ именъ существительныхъ (домъ купца, книга брата, сынъ крестьянина) для обозначенія признака или свойства предмета. Слѣдовательно, въ древнѣйшемъ паратактическомъ строѣ эти два падежа—винительный и родительный, какъ сопутствующіе глаголу и имени, должны были раньше всего появиться. Что падежи съ грамматическимъ значеніемъ родительный и винительный появились въ индо-европейскомъ языкѣ раньше остальныхъ косвенныхъ падежей, доказательствомъ этого можетъ служить сходство въ значеніяхъ этихъ падежей въ вымершихъ индо-европейскихъ языкахъ: древнеиндійскомъ, греческомъ, латинскомъ и славянскомъ. Сначала о родительномъ падежѣ. Во всѣхъ этихъ языкахъ имѣются разновидности родительнаго падежа: *genetivus subjectivus*, *genetivus objectivus*, *genetivus partitivus* и *genetivus possessivus*. То же надо сказать и о винительномъ падежѣ. И въ немъ развились во всѣхъ упомянутыхъ языкахъ одинаковые отбѣнки значеній. Винительный падежъ употребляется: а) при глаголахъ дѣйствительныхъ; б) при глаголахъ, сложенныхъ съ предлогами, требующихъ винительнаго падежа, въ языкахъ греческомъ, латинскомъ и старославянскомъ; в) въ существительныхъ одного корня съ глаголомъ вродѣ русскихъ сочетаній шутки шутить, думу думать, срв. греч. и лат. выраженія: *μεγάλην νίκην νικᾶν* (одерживать великую побѣду); *τῇ ὑπερτάτῃ δουλείᾳ δουλεύειν* = *servitutum molestissimam servire* = служить самую тяжелую службу; *vitam exulis vivere* = жить жизнь изгнанника (жить изгнанникомъ); д) при сказуемомъ въ качествѣ второго винительнаго: постави мя пона, *te regem sceo* избираю тебя царемъ, *οἱ Ἀθηναῖοι ἀπεῖλοντο τὴν ἡγεμονίην τοὺς Λακεδαιμονίους* (афиняне угрожали господству лакедемонянъ). Изъ этого нетрудно замѣтить, что падежи винительный и родительный вырабатывали такое многообразіе значеній, общее вымершимъ индо-европейскимъ языкамъ, потому, что эти падежи появились въ праязыкѣ прежде другихъ. Эти падежи, какъ наиболѣе ярко опредѣлявшіеся, сохраняются во всѣхъ древнихъ языкахъ индо-европейской семьи и въ большинствѣ новыхъ.

Прочіе косвенные падежи въ праязыкѣ появляются позже сравнительно съ винительнымъ и родительнымъ. Косвеннымъ доказательствомъ этого можетъ служить то обстоятельство, что въ этихъ

языкахъ нѣтъ такого единообразія въ отбѣнкахъ значенія этихъ падежей, какое свойственно винительному и родительному падежамъ. Это произошло, вѣроятно, потому, что въ праязыкѣ выработалось только общее значеніе падежа, его идея, а частныя значенія появились въ каждомъ языкѣ отдѣльно. Можетъ быть, этимъ объясняется и то, что вслѣдствіе ограниченности употребленія падежей инструментальнаго и локативнаго (мѣстнаго) и невыработанности ихъ значеній, эти падежи исчезли изъ латинскаго и греческаго, потому что одно совпаденіе окончаній не можетъ служить причиной исчезновенія и самыхъ падежей: одинаковыя падежныя окончанія имѣются въ языкахъ древнеиндійскомъ, латинскомъ и славянскомъ, но они не во всѣхъ случаяхъ повели за собой смѣшеніе падежей.

Изъ падежей съ неграмматическимъ значеніемъ, надо думать, появился сначала дательный, окончаніе котораго заимствовано отъ неопредѣленнаго наклоненія (инфинитива). Мѣстный падежь позднѣйшаго происхожденія. Предполагаютъ, что окончаніе его было постпозитивной ¹⁾, предложной приставкой вродѣ греч. *ἐν*, лат. *in*, слав. *въ*. Предполагаютъ такъ потому, что при этомъ допущеніи возможно объясненіе окончанія мѣстнаго падежа *е* въ славянскихъ словахъ: *любѣе*, *кѣмене*, *матере* и т. п. Флексія мѣстнаго падежа проливаетъ нѣкоторый свѣтъ и на образованіе другихъ падежныхъ формъ. Возможно, что всѣ падежныя окончанія развились изъ такихъ же предлоговъ, но потомъ эти предложныя окончанія настолько стерлись, что не поддаются дальнѣйшему грамматическому анализу. Предположеніе объ образованіи падежныхъ формъ черезъ посредство предлоговъ имѣетъ вѣроятность и потому, что въ новѣйшихъ аналитическихъ языкахъ: французскомъ и англійскомъ падежныя формы образуются при помощи предлоговъ. Употребленіе косвенныхъ падежей въ предложеніи есть начальная стадія перехода отъ паратактическаго строя къ гипотактическому.

Дальнѣйшимъ шагомъ по пути къ переходу паратактическаго строя къ гипотактическому было распаденіе сложнаго (составнаго) сказуемаго. Это распаденіе совершалось слѣдующимъ образомъ. Причастная форма составнаго сказуемаго имѣла двоякаго рода тяготѣніе и къ своему подлежащему, и къ своему сказуемому. Въ предложеніи: „суть же кости его и доселѣ тамо лежаще“ составное сказуемое—суть лежаще; причастная форма „лежаще“ согласуется съ подлежащимъ въ родѣ, числѣ и падежѣ

*) Постпозитивнымъ называется такое слово, которое поставлено позади слова, къ нему относящагося, срв. въ русскомъ языкѣ „бояться“, „надѣяться“, гдѣ „ся“ послѣ боять, надѣять.

и вмѣстѣ съ тѣмъ тѣсно связана со словомъ „суть“, потому что это послѣднее слово даетъ предикативное (глагольное) значеніе слову „лежаще“; безъ „суть“ фраза эта не имѣла бы смысла, она означала бы: кости же его лежащія и донынѣ. Причастіе „лежаще“ при сказуемомъ „суть“ называется предикативнымъ атрибутомъ. Такое названіе дано причастию въ виду того, что оно сильнѣе всего тянетъ къ подлежащему и къ нему примѣнимъ вопросъ опредѣленія какой, какія. Причастіе этого типа на современный русскій языкъ переводится или глагольной формой изъявительнаго наклоненія, или же отглагольнымъ существительнымъ, если можно такое произвести отъ глагола. Суть же кости его и доселѣ тамо лежаще=кости его лежатъ и донынѣ тамъ. И есть церкви та стоящи въ Корсунѣ градѣ=и церковь та стоитъ въ городѣ Корсунѣ. Суть же Грѣци хитро сказующи=греки искусные рассказчики. **Отсель уеловѣтъ едешн лова**=отнынѣ будешь ловцомъ людей. Въ качествѣ связокъ съ мало знаменательнымъ значеніемъ употреблялись еще и многіе другіе глаголы, которые можно опредѣлить только отрицательно: они не могли требовать послѣ себя прямого дополненія въ винительномъ падежѣ. Къ такимъ глаголамъ относятся мнѣти (казаться), творитися (притворяться), глаголы душевнаго движенія: радоватися, съжалитися, пребыванія—пробыти, прѣстати, съврѣшити др. Кромѣ указаннаго нами типа составнаго сказуемаго, былъ еще и другой типъ. Для уясненія второго типа составнаго сказуемаго приведемъ примѣры: „Убояся побѣже Олегъ“; „И врази наши Половци пришедше возмуть землю Русскую“; „граждани же слышавше се и созвонипа вѣче“. Это сказуемое отличается отъ сказуемаго перваго типа тѣмъ, что въ немъ вмѣсто мало знаменательной связки употребляются знаменательные глаголы. Въ сказуемомъ перваго типа связку при переводѣ можно опустить и причастіе перевести формой изъявительнаго наклоненія. Во второмъ же типѣ этой связки выпустить нельзя, потому что иначе разрушится смыслъ рѣчи. Нельзя перевести: „убояся побѣже Олегъ“—„Олегъ испугался“. Вмѣстѣ съ тѣмъ нельзя не считать причастіе при знаменательной связкѣ частью составнаго сказуемаго, потому что въ немъ такъ же, какъ и въ связкѣ, заключена сила предикативности (сказуемости). Этотъ второй видъ причастія сказуемаго называется апозиціей, приложеніемъ, или, еще вѣрнѣе, апозитивнымъ предикатомъ. Такое названіе ему дано потому, что оно не обнаруживаетъ такого тяготѣнія къ подлежащему, какъ причастіе перваго типа, и къ нему вопросы опредѣленія неприменимы. При переводѣ сказуемаго этого типа на современный языкъ причастіе измѣняется въ дѣепричастную форму: Олегъ,

испугавшись, побѣжалъ; или же въ глагольную форму изъявительнаго наклоненія, но непременно съ союзомъ для того, чтобы передать послѣдовательность дѣйствій—Олеги испугался и побѣжалъ.

Распаденіе составнаго сказуемаго имѣло весьма важное значеніе для развитія новыхъ синтаксическихъ особенностей, содѣйствовавшихъ развитію гипотактического строя. Сначала скажемъ вообще объ отношеніи между подлежащимъ и сказуемымъ въ томъ и другомъ строѣ. Въ паратактическомъ строѣ главнымъ управляющимъ членомъ является подлежащее; сказуемое отъ него зависимо; эта его зависимость выражается въ его согласованіи въ родѣ, числѣ и падежѣ съ подлежащимъ. Но хотя подлежащее и является независимымъ членомъ по отношенію къ своему сказуемому, но это не значитъ, чтобы оно въ такой же мѣрѣ управляло второстепенными членами, какъ и сказуемое. Этого не могло произойти, потому что имя, каковымъ является подлежащее, отличается меньшей гибкостью: дополненіе и обстоятельственные слова рѣже употребляются при подлежащемъ, чѣмъ при сказуемомъ. Подлежащее въ паратактическомъ строѣ несвободно по отношенію къ управленію членами, которые бы могли быть отъ него зависимы еще и оттого, что подлежащее ограничивается своимъ сказуемымъ, которое его какъ бы сковываетъ изъ-за согласованія въ родѣ, числѣ и падежѣ. А сказуемое, вслѣдствіе своей предикативности, заключающейся въ глаголѣ, управляетъ большими членами предложенія. Но, обращая вниманіе на составъ этихъ второстепенныхъ членовъ при сказуемомъ, мы замѣчаемъ однообразіе въ членахъ, зависящихъ отъ сказуемаго. При сказуемомъ совсѣмъ нѣтъ обстоятельственныхъ словъ: вмѣсто нихъ стоятъ предикативные атрибуты, опредѣленія въ именительномъ падежѣ соответствующаго числа и рода. Володимѣрь язвенъ труденъ въѣха въ городъ свой—здѣсь труденъ надо перевести нарѣчіемъ: Владиміръ, тяжело раненый, въѣхалъ въ свой городъ. Дополненія въ древнѣйшемъ паратактическомъ строѣ могли стоять только въ одинаковыхъ падежныхъ формахъ: если глаголъ по своему лексическому значенію требовалъ винительнаго или родительнаго падежа, то и другое дополненіе должно было стоять въ томъ же падежѣ. Такимъ образомъ, въ паратактическомъ строѣ развились вторые предикативные падежи—вторые родительные, дательные, винительные и т. п. Это значитъ, что рядомъ съ винительнымъ не могъ находиться творительный, предложный, винительный съ предложомъ и т. п., не могло это быть потому, что сказуемое не было самостоятельно: оно, какъ мы видѣли, въ большей степени зависѣло отъ подлежащаго,

чѣмъ теперь. Въ тѣхъ случаяхъ, когда смысломъ рѣчи требовался какой-либо падежъ другой формы и значенія, то въ этихъ случаяхъ въ паратактическомъ строѣ употреблялись сложные слова, въ родѣ русскихъ: землеописание, винодѣліе, сѣнокосъ и т. п. Что этотъ приемъ имѣлъ большое распространеніе, видно изъ анализа собственныхъ именъ греческаго, латинскаго и древнеиндійскаго языковъ. Собственные имена сдѣлались таковыми потому—сначала они были нарицательными. Такъ латинское Iuppiter въ сопоставленіи съ греческимъ Ζεύς — Διὶς значитъ отецъ свѣта. Ипподаμος — укротитель коней, Virasenasuto (др.-инд.)—сынъ героя, имѣющаго войско. Такихъ сложныхъ словъ очень много въ вымершихъ языкахъ и не только именныхъ, но и глагольныхъ. Приведемъ примѣры изъ древнеиндійскаго: va-hayati=заставляетъ возить, amitrayāti=относится враждебно, āsvayati=желаетъ корней, kaviyati=дѣйствуетъ, какъ мудрецъ, satrayati=поступаетъ, какъ врагъ, и т. п. Первый членъ сложенья этихъ словъ не имѣлъ формы какого-либо падежа; онъ представлялъ изъ себя чистую основу, и эта чистая основа, вмѣстѣ со второю частью слова, замѣняла какой-либо изъ косвенныхъ падежей. Такихъ сложныхъ словъ очень много въ русскомъ переводѣ „Иліады“ Гнѣдича. Въ гипотактическомъ же строѣ на мѣстѣ вторыхъ предикативныхъ падежей развиваются разнородные съ первыми дополненія, выраженные другими падежами, чѣмъ первый винительный. Михаилъ же увѣдѣвъ тригть кіевское и бѣжа. Увѣдавши смерть князю Ростовци и Суждалицы.. и съѣхашася. Въ приведенныхъ примѣрахъ сказуемыми можно считать увѣдѣвъ бѣжа, увѣдавши съѣхашася, потому что союзъ въ рассматриваемыхъ случаяхъ развитъ въ послѣдствіи. При сказуемомъ мы видимъ дополненіе только въ винительныхъ падежахъ, которыя однако, на современный языкъ переводятся разными падежами: о взятіи Кіева, о смерти князя и т. п.

Теперь скажемъ отдѣльно о дальнѣйшей судьбѣ тѣхъ двухъ видовъ сказуемаго, которые были нами рассмотрѣны выше. Первый типъ составнаго сказуемаго съ предикативнымъ атрибутомъ имѣетъ слѣдующія особенности. Глагольная часть этого сказуемаго или, точнѣе, связка выражается глаголомъ „быть“ въ разныхъ его формахъ, а также и приведенными выше мало знаменательными словами: творится, мнѣтся, прѣбыти и др. Такъ какъ связка „быть“ въ формахъ есть и суть и др. является наиболѣе характерною среди подобныхъ ей другихъ связокъ, то мы и опредѣлимъ эту связку. Въ примѣрѣ „суть же кости его и доселѣ тамо лежаче“ суть имѣетъ широкое лексическое зна-

ченіе и отличается поэтому малознаменательностью. Суть и въ подобныхъ этому случаяхъ есть (есть църкы та стоячи въ Корсунѣ-градѣ) настолько бѣдны лексическимъ содержаніемъ, что даже не имѣютъ значенія существовать, находиться, потому что это значеніе сопряжено съ глаголами лежаще и стоячи. Есть и суть это—связки, похожія на флексіи, и поэтому онѣ употребляются только для того, чтобы придать сказуемость причастнымъ формамъ стоячи, лежаще. Въ виду чисто формальнаго значенія этихъ связокъ причастія обнаруживаютъ большую силу тяготѣнія не къ сказуемому или связкѣ, а къ подлежащему, и въ дальнѣйшемъ строѣ языка они становятся сказуемыми.

Въ качествѣ связки при атрибутивномъ предикатѣ употребляются еще глаголы: а) творитися, мыѣтисѣ, вѣдѣтисѣ; современные казаться, считаться; б) радоватисѣ, съжалитисѣ; в) прѣбывати, прѣстати, остати, съврышити; д) стати, сѣдѣти, лежати, ити. Охарактеризовать указанные глаголы и подвести ихъ подъ какую-либо рубрику невозможно, потому что они имѣютъ разнообразное лексическое значеніе, и, если мы ихъ называли малознаменательными глаголами, то въ условномъ смыслѣ. Въ указанныхъ глаголахъ лексическое значеніе яснѣе и ярче, чѣмъ, напр., въ глаголахъ, сочетавшихся прежде съ неопредѣленнымъ наклоненіемъ и обозначающихъ волевые импульсы хотѣти, начати, имати, стати. Особенность вышеприведенныхъ глаголовъ мыѣтисѣ, радоватисѣ, прѣбывати, стати и др. состоитъ въ томъ, что они недостаточно предикативны безъ другихъ, относящихся къ нимъ членовъ. Если мы скажемъ только „онъ считается“ безъ атрибута къ сказуемому, то этимъ сказуемымъ-связкою мы еще не выразимъ ничего. Другой смыслъ получится, если мы это выраженіе дополнимъ другимъ словомъ: онъ считается ученымъ, богатымъ и т. п. Въ выраженіи онъ возвратился нищимъ безъ второй части, безъ дополненія, сказуемое также мало предикативно. Значить, отличительная особенность этихъ связокъ состоитъ въ томъ, что сила сказуемости въ нихъ падаетъ, главнымъ образомъ, на второй членъ вслѣдствіе малой энергичности этихъ глаголовъ. Другое свойство этихъ частей сказуемаго выражается въ томъ, что онѣ не могутъ послѣ себя требовать прямого дополненія. Въ предложеніи „кончапа церковь владычню пишуце“ винит. пад. церковь зависить не отъ глагола кончать, а отъ причастія пишуце, хотя самъ по себѣ глаголъ кончати дѣйствительно глаголѣ. Приведемъ примѣры сказуемыхъ этого типа: а) *Мынахдохуъ видяще* =думали, что видятъ духа. Творитъсѣ ида=притворяется идущимъ; б) Не убоиашасѣ князя два имуще=не испугались, что у нихъ имѣются два князя; в) *Не прѣста о бзбыхъмачи ногъ мон*=не пе-

реставала цѣловать мои ноги; d) Святославъ...сѣде княжа ту въ Переяславци=Святославъ сѣлъ княжить здѣсь, въ Переяславцѣ.

Распаденіе составного сказуемаго этого типа повело за собою развитіе новыхъ синтаксическихъ формъ. Прежде—о тѣхъ сказуемыхъ, связкой которыхъ былъ глаголѣть *есть*, *суть*. Мы уже сказали, что связки *есть* и *суть* исчезаютъ, передавши свою предикативность второму члену—стоячи, лежащи. Второй членъ послѣ исчезновенія связки не можетъ оставаться въ причастной формѣ, и происходитъ поэтому его дифференціація—образуются въ языкѣ изъ причастія два типа сказуемыхъ: одно глагольное—*церковь та стоитъ* и *донынѣ въ Корсунѣ-городѣ*, и другое именное—изъ „*суть же Грыци хытро сказующе*“ возникло сказуемое *греки мудрые разсказчики*, изъ „*бѣ Олегъ обладая Поляны*“—*Олегъ былъ обладателемъ Полянъ*. Чисто глагольная форма сказуемаго съ личными окончаніями, мы видѣли, была свойственна языку еще въ его начальной стадіи образованія, но изъ древнерусскихъ и старославянскихъ памятниковъ видно, что она употреблялась рѣдко: только въ сочетаніи съ составными сказуемыми въ сочиненныхъ предложеніяхъ. Послѣ же этого распаденія количество случаевъ употребленія глагольнаго сказуемаго увеличилось. Именное сказуемое также существовало въ глубочайшія эпохи жизни языка: оно свойственно литовскому и древнеиндійскому языкамъ, но кругъ его употребленія былъ уже. Кажется, оно употреблялось только въ тѣхъ случаяхъ, когда сказуемое должно было обозначать имя дѣйствующаго лица (*nomen agentis*).

Причастную форму того составного сказуемаго, связка которого выражалась полузнаменательными глаголами: *мнѣтися*, *радоватися*, *прѣбывати*, *стати* и др. постигла различная судьба. Въ однихъ случаяхъ при глаголахъ *прѣстати*, *свѣршити*, *скончати* на мѣсто причастной формы стало неопредѣленное наклоненіе, и, такимъ образомъ, образовалось второстепенное сказуемое. Ростиславъ Пинскій не прѣсташе клеветца=не переставалъ клеветать. И яко сконча зѣжа, украси ю иконами=и когда окончилъ строить, украсилъ церковь иконами. Послѣ глаголовъ *мнѣтися* и *радоватися* образовалось придаточное дополнительное: *Мнимся Бога любяще*=*Думаемъ, что Бога любимъ*. *Данило... сожались отелавъ сына*=*Данилъ пожалѣлъ, что отослалъ сына*. Послѣ глаголовъ *прѣбыти*, *стати* и др. причастная форма частью удержалась, замѣнивши именительный падежъ творительнымъ: *И возвратился Андрей невреженъ, съхраненъ Богомъ и молитвою родителей своихъ*=*И возвратился Андрей невредимымъ, будучи сохраненъ Богомъ и молитвою своихъ родителей*. *Изяславъ лежаше раненъ*=*Изяславъ лежалъ раненымъ*.

Второй видъ составного сказуемаго отличается отъ перваго тѣмъ, что въ немъ при причастіи въ качествѣ его связки употребляется знаменательный глаголъ, равный по своей предикативности тому глаголу, который поставленъ въ причастной формѣ. Распаденіе этого составного сказуемаго ведетъ къ образованію многихъ синтаксическихъ особенностей: а) къ образованію втораго именительнаго при именительномъ причастіи; б) къ появленію соединительнаго союза между связкой и причастіемъ, и в) къ образованію дѣепричастій. Сначала относительно образованія втораго именительнаго. Андрей же князь, толикъ умникъ сы, во всѣхъ дѣлахъ добль сы, и потуби смыслъ свой невоздержаніемъ=князь же Андрей, будучи такимъ мудрецомъ и такимъ мужественнымъ во всѣхъ дѣлахъ, потерялъ свой разумъ чрезъ невоздержность. Преставися епископъ Володимирскыи Стефанъ, бывъ прежде игуменъ Печерскому монастырю=скончался епископъ Владимирскій Стефанъ, бывшій прежде игуменомъ Печерскаго монастыря. Вторыми именительными при причастныхъ именительныхъ сы и бывъ являются слова: умникъ, добль, игуменъ. Появленіе этихъ вторыхъ именительныхъ при причастіи имѣло весьма важное значеніе для развитія гипотактического строя. Мы сказали ранѣе, что при господствѣ паратактическаго строя именительный подлежащаго не имѣлъ при себѣ второстепенныхъ членовъ, кромѣ опредѣлений. Съ прекращеніемъ же связи между причастіемъ аппозитивнымъ и его связкою-глаголомъ, причастіе начинаетъ проявлять свое тяготѣніе не къ прежнему сказуемому, а къ подлежащему, и, благодаря этому, именительный падежъ подлежащаго черезъ аппозитивное причастіе, къ нему относящееся, начинаетъ управлять второстепенными членами. Если въ паратактическомъ строѣ большую способность къ управленію второстепенными членами проявляло сказуемое, то теперь послѣ образованія при аппозиціи втораго именительнаго восстанавливается равновѣсіе въ этомъ отношеніи между подлежащимъ и сказуемымъ. Теперь относительно образованія союза между причастіемъ и связкой. Сначала о бессоюзномъ употребленіи этого сказуемаго. До своего распаденія этотъ видъ сказуемаго отличался тѣмъ, что причастная форма въ немъ носила зачатки обстоятельственнаго значенія: причастіе походило на теперешнее дѣепричастіе и обозначало признакъ дѣйствія, выражаемаго глаголомъ-связкою: И врази наши половци пришедше возьмутъ землю Русскую. Здѣсь пришедше, отвѣчая на вопросъ когда, является обстоятельствомъ времени при сказуемомъ возьмутъ. Убояся побѣже Олегъ—къ побѣже можетъ быть поставленъ вопросъ почему, и отвѣтомъ на этотъ вопросъ

будеть служить причастіе убоая: испугавшись, Олегъ побѣжалъ. Значить, при бессоюзномъ употребленіи аппозиціи она тяготеетъ преимущественно къ своему сказуемому. Съ развитіемъ языка начинается появляться между глаголомъ и причастіемъ союзъ, и грамматическая связь между этими частями сказуемаго все болѣе и болѣе разрушается, и причастная форма становится такимъ же равноправнымъ сказуемымъ, какъ и глагольная связка. Подобное измѣненіе причастія, какъ аппозиціи, въ сказуемое произошло вслѣдствіе того, что глагольность въ немъ стала превѣшивать ту качественность, о которой у насъ сейчасъ шла рѣчь, и союзъ между причастіемъ-связкой эту глагольность дѣлаетъ болѣе ощутительною. Союзъ въ предложеніяхъ этого рода—позднее явленіе: ему предшествовало бессоюзіе: Давыдовича не доидуча шаки града, стага близъ. Волга сѣдящи въ теремѣ, посла. Ольга поимше мало дружины, легко идущи, приде. Въ приведенныхъ примѣрахъ мы имѣемъ дѣло съ распавшимся составнымъ сказуемымъ, что видно изъ того, что причастная форма имѣетъ при себѣ свои второстепенные члены, которыми она и отдѣлена отъ своей бывшей глагольной связки. Но такъ какъ причастная форма, сверхъ своей глагольности, заключаетъ въ себѣ и качественность, образность, то языкъ для того, чтобы не смѣшивать обстоятельственность съ глагольностью, когда нужно выразить сказуемость причастной формой, сталъ прибѣгать къ помощи союзовъ. Что это дѣйствительно было такъ, доказыаается безразличіемъ употребленія союзовъ: и, а, ти, та и т. п. въ одномъ значеніи указанія послѣдовательности дѣйствій. Съдумавъше Поляне, и вдаша отъ дыма мечъ. Изяславъ же и Ростиславъ угадавше, и развѣхаста. Аще бо кто и не видѣвъ ея (матери Θεодосіа), ти слышааше ю бѣсѣдующю, то пачынааше мыгѣти мужа ю суца. Ярославна рано плачетъ въ Путивлѣ на забралѣ, а ркучи. Во всѣхъ этихъ примѣрахъ союзы надо переводить союзомъ и причастную форму глагольной формой изъяснительнаго наклоненія соотвѣтствующаго времени. Поляне сговорились и дали съ каждаго дома по мечу. Изяславъ и Ростиславъ узнали и развѣхались. Если кто и видѣлъ ее и слышалъ ея рѣчи, то думалъ, что это мужъ. Ярославна утромъ плачетъ въ Путивлѣ на стѣнѣ и говорить...

Въ виду того, что причастная форма по распаденіи составнаго сказуемаго стала по своему значенію отчасти приближаться къ чистому глаголу и отчасти къ обстоятельнымъ словамъ, а также и въ виду того, что въ качествѣ атрибутивныхъ членовъ предложенія еще въ доисторическую эпоху жизни русскаго языка стало образовываться изъ причастія прилагательное съ

окончаніемъ на чій и лый (горячій, текучій, прѣлый, бѣглый) — въ виду всего этого причастіе начинаетъ постепенно исчезать изъ языка, и образуется дѣепричастіе съ нарѣчнымъ значеніемъ. Этой потерѣ причастіемъ своей атрибутивности предшествуетъ безразличное употребленіе его въ разныхъ родовыхъ, числовыхъ и падежныхъ формахъ: вмѣсто мужеского рода ставится женскій, вмѣсто именительнаго падежа — винительный, вмѣсто косвенныхъ — прямой, вмѣсто единственнаго и двойственнаго чиселъ — множественное и наоборотъ: Мнѣ ли есть, пришѣдше (пришѣдшу д. п.) къ сему попоу, ти исповѣдати грѣхи свои. Выскажавъ (вм. выскажавъше имен. пад. мн. числа) вси прочіи изъ лодыя, и рече Олегъ. Въ дальнѣйшемъ развитіи языка стали употребляться въ качествѣ дѣепричастія формы единственнаго числа именит. падежа въ мужескомъ и женскомъ родѣ безразлично. Одновременно съ образованіемъ дѣепричастій, какъ нарѣчныхъ формъ, въ языкѣ возникаютъ нарѣчія изъ именъ прилагательныхъ, стоящихъ аппозитивно при сказуемомъ. Изъ „правъ сѣдилъ еси“, образуется право сужилъ еси; изъ „кѣста мѡн снопъ правъ“ — кѣта мѡн снопъ прямо. Къ этому же времени относится и появленіе косвенныхъ предикативныхъ падежей: творительнаго, дательнаго, родительнаго, о чемъ у насъ будетъ рѣчь дальше. Дѣепричастная форма, оторвавшись сначала отъ своей глагольной связки, оторвалась вмѣстѣ съ тѣмъ и отъ подлежащаго главнаго предположенія, и сдѣлался изъ нея, такимъ образомъ, самостоятельный независимый членъ предположенія. Въ качествѣ такового дѣепричастіе становится само по себѣ управляющимъ словомъ: вокругъ него группируются второстепенные члены, и вмѣстѣ съ тѣмъ при немъ появляется свой именительный, независимый отъ подлежащаго главнаго предположенія, и появляются, такимъ образомъ, придаточныя предположенія, непохожія на аппозитивныя, изъ которыхъ въ современномъ языкѣ развились придаточныя полныя предположенія обстоятельства времени, причины и т. п. Изяславичъ Мьстиславъ ведучи въ помощь отцу своему Угры, и слыша Володимерь Галичскыи, оже идетъ Мьстиславъ Изяславичъ. Тоя же весны, приѣхавъ отъ великаго князя съ Москвы князь Ѳедоръ Юрьевичъ, и Псковичи и все священство выидоша противу его со кресты и посадиша его на княженіи. Въ виду того, что эти предположенія разорвали между собою всякую связь, и каждое имѣетъ свои подлежащія и сказуемыя, и въ виду того, что въ первомъ предположеніи сказуемыя неравноправны по своей формѣ съ сказуемыми вторыхъ предположеній, въ виду всего этого на современный языкъ надо перевести эти предло-

женія съ подчиняющими союзами—въ первомъ когда и во второмъ какъ только. Дальнѣйшую ступень развитія этихъ придаточныхъ предложеній представляютъ тѣ случаи, когда въ главномъ предложеніи нѣтъ лица подлежащаго, а въ придаточномъ предложеніи такимъ подлежащимъ является относительное мѣстоименіе кто или другое, соотвѣтствующее ему, напр., *иже*. Это относительное мѣстоименіе придаточнаго предложенія указываетъ и на подлежащее главнаго: Не бысть, кто помилоуя ихъ. Тѣ же шедъ повѣда Θεодосію, яко нѣсть, кто воды нося Въ главныхъ предложеніяхъ „не бысть“ и „яко нѣсть“ подлежащее указывается мѣстоименіемъ кто; такимъ подлежащимъ будетъ соотвѣтствующее ему мѣстоименіе тѣ. Изъ этого типа предложеній развились современныя придаточныя подлежащія предложенія. Распаденіе составнаго сказуемаго повело за собою возможность управленія прямымъ дополненіемъ со стороны глагольной связки. Видѣхомъ полкы многы стояче у города—видѣли, что много войска стоитъ у города. Шедше къ погребу видѣша ключа повреждены. Слышавше идуча Изяслава, даша ему миръ. Винительные „полкы“, „ключи“ и „миръ“ стоятъ въ зависимости отъ бывшихъ глагольныхъ связокъ: *видѣхомъ*, *видѣша*, *даша*, каковыхъ надежей до распаденія составнаго сказуемаго не могло быть. Въмѣсто существительнаго дополненіе можетъ быть поставлено въ мѣстоименіи, и тогда оно будетъ относиться къ придаточному и подразумѣваться при главномъ: Вѣдалъ ся будетъ Володимѣрь, кого заемъ—Будетъ знать Владимѣрь (того), кого задѣлъ. Не вѣста са, *чесо* просаща—Не знали (того), что просятъ.

Наряду съ причастными сказуемыми въ древнерусскомъ языкѣ существовала да и теперь продолжаетъ существовать форма сказуемаго изъ неопредѣленнаго наклоненія и личной при немъ глагольной формы. Она составлена по типу составнаго атрибутивнаго и аппозитивнаго сказуемаго съ той разницей, что вмѣсто причастной формы здѣсь употребляется форма неопредѣленнаго наклоненія. Крутъ глаголовъ, входящихъ въ связку этого сказуемаго значительно уже, чѣмъ при разсмотрѣнныхъ нами видахъ составнаго причастнаго сказуемаго. Въ качествѣ этой связки употреблялись глаголы, обозначающіе волевое движеніе: *имати*, *хотѣти*, *начати*, *стати* и *быти* въ формахъ *быль* и *буду*. По отношенію къ знаменательности эти глаголы стояли и стоятъ на разныхъ стадіяхъ развитія. Въ однихъ случаяхъ эти глаголы употребляются только съ предикативнымъ значеніемъ безъ лексическаго содержанія, въ другихъ—съ слабымъ лексическимъ оттѣнкомъ. Но всего яснѣе въ этихъ глаголахъ прогляды-

васть ихъ модальный оттѣнокъ: они выражаютъ или намѣреніе, или долженствованіе, необходимость, или вѣроятность. Этимъ модальнымъ оттѣнкомъ настолько ослабляется ихъ предикативное лексическое значеніе, что они даже въ качествѣ глагольной связки не могутъ употребляться съ причастіемъ, а требуютъ неопредѣленно-личной глагольной формы (т.-е. неопредѣленного наклоненія). Значить, въ этомъ наклоненіи заключается та часть глагольной связки, которую не въ силахъ выполнить сами по себѣ глаголы хотѣти, имати и т. п. Съ развитіемъ языка количество глаголовъ, стоящихъ въ качествѣ связки при инфинитивѣ, увеличивается. По аналогіи съ глаголами, означающими волевые импульсы, употребляются субъективные глаголы: мыѣтисѣ, творитисѣ—связки при атрибутивномъ сказуемомъ: мынѣтисѣ сѣдѣти, творитисѣ быти правъ.

Разсмотрѣнные нами случаи употребленія неопредѣленного наклоненія относятся къ простому предложенію. Это неопр. наклоненіе можетъ быть сказуемымъ и въ придаточномъ предложеніи, каковымъ оно и бываетъ въ современномъ языкѣ. Переходную ступень отъ простаго предложенія къ сложному представляетъ изъ себя оборотъ, извѣстной подъ именемъ дательнаго съ неопредѣленнымъ наклоненіемъ. Этотъ дательный падежъ употребляется послѣ объективныхъ глаголовъ, т.-е. такихъ, которые указываютъ не на лицо подлежащаго, а на лицо объекта (см. § 33), другое по отношенію къ подлежащему и при томъ въ тѣхъ случаяхъ, когда глаголъ управляетъ дательнымъ падежомъ. Не дасть имъ (сѣверянамъ) Козаромъ дани платити—Не позволилъ, чтобы они платили дань хозарамъ. Солнце помрачи и землю потрясе и твари всеи плакатисѣ сотвори—Помрачилъ солнце, потрясъ землю и сдѣлалъ, что вся тварь заплакала. Въ приведенныхъ примѣрахъ дасть и сотвори глаголы объективные по отношенію къ неопредѣленному наклоненію и требуютъ послѣ себя дательнаго падежа. Появленіе союза между связкой и неопредѣленнымъ наклоненіемъ дѣлитъ предложеніе на два—главное и придаточное: Связкъ сотвориши архисерн и старци на Нисоуа яко оукити н. Это предложеніе предполагаетъ бессоюзное: Связкъ сотвориши архисерн и старци на Нисоуа оукити н. И сдумаша яко изгонити князя своего Всеволода—И сдумаша изгонити князя своего Всеволода. Отъ этихъ придаточныхъ съ союзами яко, аки, еже и т. п. пошли придаточныя современнаго языка съ союзами что, чтобы, дабы.

§ 67. РАЗВИТІЕ ВЪ ПАРАТАКТИЧЕСКОМЪ СТРОѢ ВТОРОСТЕПЕННЫХЪ ЧЛЕНОВЪ ПРЕДЛОЖЕНІЯ.

Въ виду того, что эти второстепенные члены предложѣнія развиваются какъ при составныхъ сказуемыхъ, такъ и при простыхъ, то мы сначала скажемъ о томъ, что такое простое сказуемое. Простымъ сказуемымъ называются глаголы въ личныхъ формахъ. Въ древнерусскомъ языкѣ такъ же, какъ и въ старославянскомъ, такими личными формами, т.е. формами, имѣющими окончанія для всѣхъ лицъ, считались настоящее, прошедшее протяженное и аористъ. Въ современномъ языкѣ личной формою глагола считается только настоящее время. Прошедшее протяженное и аористъ изъ языка исчезли. Исчезновеніе простыхъ прошедшихъ временъ происходило одновременно съ утратою атрибутивнымъ причастіемъ на *лъ* (далъ есмь) своей атрибутивности, каковая началась вмѣстѣ съ утратой глагольной связки при немъ „есмь“. Вслѣдствіе утраты этой связки причастіе на-*лъ* стало терять свой именной оттѣнокъ и усиливать глагольный, а вслѣдствіе этого формы простыхъ прошедшихъ сдѣлались лишними тѣмъ болѣе и потому, что въ древнерусскомъ языкѣ эти формы и употреблялись совмѣстно съ сложными глагольными формами—съ составными сказуемыми. До своего исчезновенія эти простые прошедшія времена начали смѣшиваться между собою и употребляться безпорядочно—первое лицо вмѣсто третьяго и наоборотъ, что уже служило доказательствомъ ихъ ненужности: Умъ мой яко ноцныи вранъ на нырици забдѣхъ (вм. 3 лица забдѣ поставлено 1); тогда онъ поклонихся (вм. поклонися) азъ ту стояше (вм. стояхъ).

Теперь относительно второстепенныхъ членовъ. Подъ ними мы будемъ разумѣть предикативные члены, т.е. тѣ, которые стоятъ при сказуемомъ. Въ древнѣйшую паратактическую пору жизни языка второстепенные члены могли стоять только въ падежахъ съ грамматическимъ значеніемъ: родительномъ при именахъ существительныхъ дѣйствующаго лица (*nomen agentis*) и при глаголахъ съ дѣйствительнымъ значеніемъ. Но это не значитъ, что не употреблялись въ качествѣ второстепенныхъ членовъ и другіе косвенные падежи, а значитъ только то, что дѣйствительный глаголъ для того, чтобы ему оставаться въ этой формѣ, долженъ былъ имѣть послѣ себя прямое дополненіе, и что для обозначенія принадлежности вещи лицу, имя лица должно было стоять въ родительномъ падежѣ. При посредствѣ грамматическаго значенія падежей яснѣе и прочнѣе происхо-

дѣть спайка между двумя понятіями: именемъ и глаголомъ, именемъ лица и вещи. Падежи съ неграмматическимъ значеніемъ—дательный, творительный, мѣстный имѣютъ также давнюю исторію. Для того, чтобы различить грамматическое значеніе падежа отъ неграмматическаго, возьмемъ такой примѣръ: „дворникъ раскалывалъ хозяину дрова топоромъ“. Если мы изъ этого предложенія выпустимъ прямое дополненіе дрова, то исказится весь смыслъ фразы, потому что раскалываетъ и дрова это составляетъ какъ бы одно понятіе, но только для удобства лексически раздѣленное на два. Изъ того же предложенія другіе члены хозяину и топоромъ можно выпустить и предложеніе не проиграетъ въ своей логической ясности. Что сказано о винительномъ прямого дополненія, то же надо сказать и о родительномъ принадлежности. Значитъ, падежами съ грамматическимъ значеніемъ называются тѣ падежи, которые выражаютъ часть того понятія, которое въ его цѣломъ выражено двумя словами—управляемымъ и управляющимъ. Мы уже сказали, что второстепенные члены въ древнерусскомъ языкѣ выражались однородными падежами, теперь скажемъ о томъ, какіе второстепенные члены различались въ паратактическомъ строѣ языка. Такими членами были атрибутъ, или опредѣленіе, аппозиція, или приложеніе и объектъ, или дополненіе. Атрибутомъ называется признакъ, относящійся къ предмету и мыслимый, какъ постоянное свойство предмета. Въ атрибутъ поэтому не дается никакого намека на происхожденіе признака во времени. Въ выраженіяхъ: бѣлый снѣгъ, черная сажка высокій домъ, признаки, выраженные прилагательными бѣлый, черный, высокій, составляя качество предметовъ, какъ бы сливаются съ своими опредѣляемыми въ одно понятіе: они представляются нераздѣльными съ нимъ. Атрибуты въ современномъ языкѣ выражаются чаще всего именами прилагательными въ членной, мѣстоименной формѣ, съ полнымъ окончаніемъ на ый, ой. Но въ древнерусскомъ языкѣ такъ же, какъ и въ старославянскомъ, атрибутъ выражался чаще всего именемъ существительнымъ. Произошло это потому, что существительное по своему происхожденію древнѣе происшедшаго изъ него имени существительнаго. Атрибутъ въ этихъ случаяхъ отличается отъ аппозиціи тѣмъ, что онъ можетъ быть именемъ прилагательнымъ относительнымъ. Дунай рѣка въ позднѣйшихъ памятникахъ измѣняется—Дунайская рѣка; мужи новгородци—новгородскіе мужи; шуба сукно красномалиновое можно измѣнить—шуба суконная красномалиновая, туръ золотые рога—золоторогій туръ и т. п. А запечатали есмь хресцемъ тѣлникомъ поповымъ Ивановымъ. И прилучилося ѣхати лѣсомъ дуб-

ничкомъ молодымъ. Въ приведенныхъ примѣрахъ атрибутъ относится къ подлежащему и дополненію. Но атрибутъ можетъ стоять и при сказуемомъ, но въ этомъ случаѣ онъ не будетъ обозначать признака сказуемаго, а остается тѣмъ же признакомъ подлежащаго. Но такъ какъ онъ стоитъ при сказуемомъ, то онъ имѣетъ важное значеніе и для послѣдняго. Атрибутъ въ сказуемомъ употребляется въ тѣхъ случаяхъ, когда глагольная связка сама по себѣ недостаточна для выраженія предикативности. Эту недостающую предикативность связки и восполняетъ атрибутъ, поставленный въ прилагательномъ или существительномъ безразлично, но не выражающій отгѣнка времени. Теперь скажемъ объ исторіи атрибутивныхъ сочетаній при подлежащемъ и дополненіи. Въ древнѣйшую паратактическую эпоху жизни индо-европейскихъ языковъ, какъ это видно изъ сравненія греческаго, латинскаго, литовскаго и славянскаго языковъ, атрибутивное сочиненіе было менѣе распространено, чѣмъ въ историческую эпоху жизни древнерусскаго языка. Въ указанныхъ языкахъ на мѣстѣ атрибутивныхъ прилагательныхъ при древнерусскихъ существительныхъ стоитъ родительный принадлежности; вмѣсто древнѣйшихъ оборотовъ *царе земли* — *οἱ βασιλεῖς τῆς γῆς* въ Остромировомъ евангеліи стоитъ *царе земни*; вмѣсто *соль земли*, *соль земная*, вмѣсто *класи главы* — *класи главни* вмѣсто почитаніе книгъ — почитаніе книжное (чтеніе книгъ). Въ приведенныхъ примѣрахъ на мѣстѣ атрибутовъ стоятъ прилагательныя въ мѣстоименной формѣ, замѣнившія собою дополнение, стоящее въ родительномъ принадлежности. Но въ древнѣйшую эпоху жизни древнерусскаго языка, когда еще существовала очень слабая разница между существительнымъ и прилагательнымъ, и когда еще прилагательное не успѣло пріобрѣсти членной формы, мы на мѣстѣ атрибутовъ находимъ имена существительныя, согласуемыя со своими опредѣленными въ падежѣ и часто въ числѣ. Такимъ образомъ, получаются обороты: дубъ столъ, серыги яхойты, бесѣда дорогъ рыбій зубъ, чоботь зеленъ сафьянъ, церковь Спасъ, икона Микола и др. Во всѣхъ этихъ случаяхъ атрибутъ сознавался, какъ имя существительное (субстанція), потому что и произошеть-то онъ, какъ мы видѣли, изъ имени существительнаго. Съ дифференціаціей существительнаго, состоящей въ выдѣленіи изъ него имени прилагательнаго, для удержанія въ указанныхъ атрибутахъ существительности между опредѣляемымъ и его атрибутомъ ставится союзъ, чаще всего „и“, благодаря которому субстанціональность атрибута сильнѣе чувствуется, и, такимъ образомъ, получается оборотъ, извѣстный подъ именемъ гендіазиса: Володимеръ же прослави Бога о та-

ковомъ чудеси Божии и о помощи его—о чудесной помощи Божіей. По Божью строю и по милости своей помилова Богъ—Богъ помиловаль по милосердному устроению своему. Изъ народной поэзіи: Поѣдешь ты путемъ и дорогою не помысли зломъ на татарина. Тутъ стояли же воры и разбойники. Въ гендіазисѣ признаки предметовъ представляются въ отдѣльномъ, самостоятельномъ существованіи. Оборотъ этотъ свойствененъ и современному литературному языку: „Задумчивость ея подруга, съ дѣтства колыбельныхъ дней течение сельскаго досуга усаждала ей“. (Пшк.) Задумчивость Татьяны представляется съ отдѣльнымъ существованіемъ. Не я плачу, а горе мое плачетъ. Нужда пляшетъ, нужда скачетъ, нужда пѣсенки поетъ. Въ послѣднемъ примѣрѣ атрибутъ „нужда“ даже поставленъ безъ своего опредѣляемаго. Въ тѣхъ случаяхъ, когда атрибутъ поставленъ препозитивно, т.е. передъ опредѣляемымъ словомъ, и когда не произошло гендіазиса, то атрибутивное слово можетъ потерять свои формальныя особенности, т.е. надежныя окончанія, и сдѣлаться какъ бы частью сложнаго слова: князь Петръ, князь Петра, за Дунай-рѣкой въ Новгородѣ, Царыграда, черезъ Москва-рѣку и т. п., и, такимъ образомъ, происходитъ сліяніе двухъ субстанцій въ одну.

Вернемся теперь къ тому атрибуту, который произошелъ изъ родительнаго принадлежности: власи главніи изъ власи главы, соль земная изъ соль земли, овечье стадо изъ стадо овецъ, винная чара изъ чара вина, почитаніе книжное изъ почитаніе книгъ, псковское взятіе изъ взятіе Пскова, пріѣздъ государевъ изъ пріѣздъ государя, мечна кончина изъ смерть отъ меча и т. п. Обращая вниманіе на вышеприведенные примѣры, легко замѣтить, что опредѣляемые слова при этихъ атрибутахъ неодинаковаго значенія. Въ однихъ случаяхъ опредѣляемые явно конкретны: соль, власъ, стадо, чара, и обозначаютъ названіе вещи, а въ другихъ абстрактны: почитаніе, взятіе, пріѣздъ, кончина, и обозначаютъ названіе дѣйствія. Все выраженіе въ этомъ своемъ видѣ „почитаніе книжное“, „псковское взятіе“ отличается тѣмъ, что имя конкретное Псковъ, книга вслѣдствіе перехода своего въ прилагательное потеряло свою субстанціональность и сдѣлалось менѣе конкретнымъ, а относящееся къ нему опредѣляемое почитаніе, взятіе имѣютъ фиктивную субстанцію. Для восстановленія конкретности въ подобныхъ выраженіяхъ языкъ прибѣгаетъ къ слѣдующему способу. Строятся два предложенія; въ главномъ остаются выраженія въ родѣ приведенныхъ выше, а въ придаточномъ эти же члены главнаго выражаются конкретными частями рѣчи отъ тѣхъ же корней именемъ и глаголомъ:

Псковское взятіе, како взятъ и князь великій Василій Ивановичъ. Подписали есмя три доли владѣнія своего, чѣмъ сами владѣли, въ домъ къ Пречистой Матери Божьей. По аналогіи съ этими предложеніями, развившимися изъ атрибута и опредѣляемаго, образуются придаточныя и изъ дополненія, безразлично, будетъ ли при немъ атрибутъ, или нѣтъ: Пославъ испытай когождо ихъ службу, и како служить Богу. И по семъ скажемъ о начатіи Галича, откуда ся почаль. А се вы повѣдаю дѣти трудъ свой, оже ся есмь тружалъ, пути дѣя и ловы.

Судьба атрибута при сказуемомъ нѣсколько другая, чѣмъ при подлежащемъ и дополненіи. Атрибутъ при сказуемомъ имѣлъ два назначенія: онъ, служа опредѣленіемъ подлежащаго, вмѣстѣ съ тѣмъ восполнялъ предикативность связки. Вслѣдствіе своего тяготѣнія болѣе къ сказуемому, чѣмъ къ подлежащему, онъ во многихъ случаяхъ пересталъ съ нимъ согласоваться и выродился въ дополненіе при сказуемомъ, обратившись изъ именительнаго въ творительный падежъ. Вмѣсто прежнихъ именительныхъ „Сей же князь боголюбецъ показася“, „онъ же нынѣ ворогъ ми ся учинилъ“ въ новомъ языкѣ образовались творительные: „Этотъ князь оказался боголюбцемъ“, „онъ теперь мнѣ врагомъ сдѣлался“. Отчасти то же случилось и съ прилагательнымъ врагомъ сдѣлался“. Отчасти то же случилось и съ прилагательными атрибутами: Оттолѣ прозвася земля угорьска—Отсюда земля прозвася угорскою. **Се оставлется камъ домъ камъ поустъ**—Вотъ оставляется вамъ пустымъ вашъ домъ. Но въ нѣкоторыхъ случаяхъ изъ прилагательнаго атрибута произошло обстоятельство, а именно тогда, когда атрибутъ сталъ сознаваться качествомъ не подлежащаго, а сказуемаго: Мнози пѣша придоша съ тоѣ войны—многіе пѣшкомъ пришли съ той войны. Оставъ намъ Ляхы а самъ поиди миренъ изъ земли нашеѣ—Оставъ намъ поляковъ, а самъ смирно ступай изъ нашей земли. Обязателенъ переходъ атрибута въ обстоятельство становится въ тѣхъ случаяхъ, когда одно прилагательное является атрибутомъ другого прилагательнаго, и когда эти прилагательные принадлежатъ къ одному разряду, когда они, напр., оба качественные; Придоша воеводы и вси вои добры здоровы—Пришли воеводы и воины совершенно здоровыми. Володимеръ язвенъ труденъ въѣха въ городъ свой—Владимиръ тяжело раненъ въѣхалъ въ свой городъ. То, что сказано объ атрибутѣ при сказуемомъ, надо сказать и объ атрибутахъ предикативнаго дополненія: и здѣсь также разрушается согласованіе между опредѣляемымъ словомъ и его опредѣленіемъ въ пользу, главнымъ образомъ, творительнаго падежа: Постави Меѡдія епископа—Поставилъ Меѡдія епископомъ. Жряху имъ (кумиромъ),

наричающе я богы=Приносили имъ жертвы, называя ихъ богами. Проповѣдаша Троицу единосущну=Провозгласили Троицу единосущною. Привезоша и въ Новгородъ мертвъ=Привезли его въ Новгородъ мертвымъ. Въ народной поэзіи: Поминай меня Добрынюшку убитаго (убитымъ). Безпечальна (беззаботнымъ) мати моя породила. Не можемъ своеѣ землѣ пусты оставити=Не можемъ оставить своей земли пустою. Входяще въ церковь.. и съ страхомъ стоючи безъмолвно при стѣнѣ.. не имѣюще себѣ опоры стѣны ни стлѣпа (не имѣя себѣ опорой ни стѣны, ни столба=колонны).

Аппозиція (приложене) отличается отъ атрибута предикативностью, которую атрибутъ самъ по себѣ, безъ глагольной связи при немъ не имѣетъ. Аппозиція стоитъ какъ бы по срединѣ между опредѣленіемъ и сказуемымъ. Приближаясь къ опредѣленію, она согласуется съ опредѣляемымъ въ числѣ и падежѣ; а какъ членъ съ предикативнымъ отгѣнкомъ, она имѣетъ второстепенные члены, отъ него зависящіе. Такимъ образомъ, въ выраженіи князь Владимиръ—князь будетъ атрибутомъ, а въ другомъ выраженіи Владимиръ, князь русской земли, просвѣтилъ Русь крещеніемъ—князь русской земли будетъ аппозиція. Въ качествѣ аппозиціи, кромѣ именъ существительныхъ, могутъ стоять прилагательныя и причастія. Въ древнерусскомъ языкѣ предикативный характеръ аппозиціи, выраженной именемъ, придавался при помощи причастія сы, будучи, бывъ и другихъ глаголовъ, а позже при посредствѣ дѣепричастія: Княѣа, архіеренъ сы лютоу томоу, рече. А сіи, православныи христіане будуче (дѣеприч.), а наругаются и безчествуютъ церковъ Божию и насъ. *Отца своего глаголаше Богъ, рече, сѣ творѣа Богоу.*

Вслѣдствіе своей большей предикативности аппозиція въ гипотактическомъ строѣ языка отрывается отъ своего опредѣляемаго слова, оставаясь въ именительномъ падежѣ послѣ того, какъ опредѣляемое слово перешло въ форму косвеннаго падежа. Это свойство аппозиціи развилося уже въ историческую эпоху жизни древнерусскаго языка: А зовутъ его Власкомъ, Ивановъ сынъ (вм. сыномъ Ивановымъ, или сыномъ Ивана). Да жену свою благословляю образомъ Спасовъ Вседержитель, серебромъ обложенъ. Поставиша епископа Турову именемъ Акимъ. Ловъ дѣюще Свѣнальдицю, именемъ Лють. Фязи (французы) приступиша къ граду противу Святому Спасу, зовемый Вертетисъ. Въ народномъ языкѣ: Обвивается около чобота зеленъ сафьянъ. Илья Муромецъ на кровати рыбій зубъ. Въ приведенныхъ примѣрахъ аппозицію надо разсматривать, какъ членъ простого предложенія. Но таковымъ она перестаетъ быть и переходитъ въ придаточное предло-

женіе съ появленіемъ передъ аппозиціей союза. Появленію этого союза предшествуетъ въ языкѣ указаніе при аппозиціи на свое опредѣляемое въ формѣ мѣстоименія. Изъ выраженія стоитъ конь голова наклонена появляется болѣе предикативное приложеніе: стоитъ конь, *у него* голова наклонена, гдѣ мѣстоименіемъ у него указывается на предметъ главнаго предложенія. Даемъ шубу кумачъ турской красной на зайцехъ, *на ней* четырнадцать пугвицъ серебряныхъ. Еще большую обособленность получаетъ придаточное предложеніе изъ аппозиціи, когда при этомъ мѣстоименіи ставится имя того предмета, о которомъ шла рѣчь въ главномъ предложеніи. Руки его назади завяжутъ, подлѣ кисти веревкою, обшита та веревка войлокомъ (Котошихинъ). Употребленіе союза передъ приложеніемъ завершаетъ собою процессъ образованія этого придаточнаго предложенія: Дать калики цыра зелена вина, и тая цыра полтора ведра. (Межа идетъ) на сосну на сырую, *на соснѣ* грань старая, *да на сосну* на сухую, грани на соснѣ старые. Поставили мастера въ головахъ предъ чудотворцевымъ образомъ свѣчу, *а свѣча* болшая мѣстная, на стули на каменномъ бѣломъ.

Дополненіе (объектъ) въ паратактическомъ строѣ выражалось, главнымъ образомъ, безпредложными падежами. Кругъ употребленія дополненій въ древнерусскомъ языкѣ былъ нѣсколько иной, чѣмъ въ современномъ литературномъ: въ однихъ случаяхъ онъ былъ шире, въ другихъ уже. Родительный падежъ ставился, напр. послѣ что въ значеніи сколько: Поя дѣщерь свою жену Ярославлю и что (сколько) живыхъ новгородцѣ. Дательный падежъ иногда ставился на мѣстѣ прямого дополненія: Мастеръ олову ляти вмѣсто мастеръ лить олово. Винительный падежъ часто употреблялся послѣ тѣхъ глаголовъ, которые теперь не считаются дѣйствительными: Воевати болгарьску землю. Лѣститъ народы. Употребленіе винительнаго падежа въ качествѣ прямого дополненія часто зависѣло отъ того, что глаголъ, употребляющійся теперь въ качествѣ средняго, прежде имѣлъ дѣйствительное значеніе: *Палкаахъ ирѣжа* значить полоסקали мрежи. И не очютиша (не почували) ихъ половци.

Въ паратактическую эпоху жизни языка развилось согласованіе именныхъ дополненій разнаго качества въ одномъ и томъ же падежѣ.оборотъ этотъ извѣстенъ подъ именемъ аттракціи. Приведемъ примѣры аттракціи: Заложина стѣну свою треть=заложили треть своей стѣны. Заложена бысть церковь святаго Іоанна Богослова...камена на снѣтогорскихъ черенцехъ дворѣ=заложена церковь... на дворѣ снѣтогорскихъ чернецовъ. Все (сдѣлаю) для свекорка для старенького для приздоньку его=все для при-

Тогда стараго свекра. Особенность этого оборота, какъ это видно изъ вышеприведенныхъ примѣровъ, состоитъ въ томъ, что два дополненія—одно управляющее и другое управляемое—уравниваются между собою тѣмъ, что они ставятся въ одинаковыхъ падежахъ. Остатокъ или, вѣрнѣе, пережитокъ этой аттракціи имѣется и въ современномъ языкѣ: у нея въ гостяхъ, у меня въ глазахъ, на урокъ, на ариметикѣ и т. п. Въ послѣднихъ примѣрахъ аттракція уже ослаблена, предлогами, стоящими передъ дополненіями. Какъ возникъ этотъ оборотъ, почему возможнымъ стало въ древнемъ языкѣ согласованіе разнородныхъ дополненій? Мы говорили о томъ, что имя прилагательное по сравненію съ существительнымъ есть вторичное явленіе въ языкѣ, и что и первое произошло изъ дифференцірованія существительнаго. А если такъ, то въ оборотѣ онъ убитъ ногами слонами послѣднее дополненіе понималось съ меньшей субстанціональностью, чѣмъ ногами и приближалось къ прилагательному: онъ убитъ слоновыми ногами; у меня въ глазахъ—будетъ значить въ моихъ глазахъ. Впослѣдствіи употребленіе аттракціи расширилось, и она сдѣлалась возможною даже и въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ дополненіе нельзя превращать въ опредѣленіе: заложивша стѣну свою треть, облить ведромъ водой и т. п. Въ эпоху перехода паратактическаго строя въ гипотактическій аттракція развилась и между разнородными частями рѣчи: опредѣленіе, выраженное именемъ прилагательнымъ и находящееся при другомъ дополненіи, отрывалось отъ своего дополненія и согласовалось съ первымъ: Межа отъ виловатые грани отъ дуба прямо по перегородкѣ—Межа отъ грани на *виловатомъ* дубу прямо по перегородкѣ; искъ въ сѣнномъ перекосномъ сѣнѣ—искъ въ сѣнѣ и въ перекосѣ сѣна. Аттракція свойственна не однимъ только дополненіямъ, но и другимъ членамъ предложенія, напр., подлежащему, но объ ней мы здѣсь сказали потому, что она чаще встрѣчается въ дополненіяхъ.

Разсмотрѣніе особенностей паратактическаго строя указываетъ еще на одну особенность, характерную для этого строя. Въ паратактическомъ строѣ не было особыхъ формъ для выраженія обстоятельственныхъ словъ. Это и понятно почему. Обстоятельные слова чаще всего выражаются при посредствѣ нарѣчій, а нарѣчія появились въ позднѣйшую эпоху и развились они изъ существительныхъ и прилагательныхъ путемъ дифференціаціи ихъ грамматическаго значенія. Значить, въ паратактическомъ строѣ дополненіе совмѣщало въ себѣ функціи какъ дополненій, такъ и обстоятельственныхъ словъ.

§ 68. ХУДОЖЕСТВЕННЫЯ СВОЙСТВА ПРЕДЛОЖЕНІЯ.

Художественнымъ предложеніемъ, а отсюда сочиненіемъ и вообще произведеніемъ, можетъ быть только такое, которое вызываетъ въ душѣ зрителя, слушателя или читателя чувство удовольствія и связанное съ нимъ чувство эстетическаго волненія. Это чувство эстетическаго волненія вызывается или содержаніемъ художественнаго произведенія, т.-е. идеей, заключенной въ немъ, или формой выраженія этой идеи. Къ содержанію произведенія относятся яркость, опредѣленность и рельефность образовъ, заключенныхъ въ немъ, и это въ цѣломъ даетъ картинность и наглядность. Къ формѣ, или виѣшней сторонѣ произведенія, а отсюда и предложенія относится способъ выраженія образовъ, передачи ихъ, что проявляется въ гармоніи, симметріи, ритмѣ. Содержаніе произведенія соотвѣтствуетъ внутренней, смысловой сторонѣ слова, а способъ его выраженія виѣшной, звуковой формѣ слова.

§ 69. БЛАГОЗВУЧІЕ ПРЕДЛОЖЕНІЯ.

Въ качествѣ матеріала для художественныхъ произведеній употребляется слово, поэтому къ слову, какъ и къ всякому матеріалу, предъявляются такія требованія, по которымъ бы этотъ матеріалъ самымъ способомъ своего сочетанія, независимо отъ содержанія, вызывалъ эстетическое волненіе. Въ словѣ, какъ сочетаніи звуковъ, различаются двѣ стороны: артикуляціонная и экспираторно-тоническая. Артикуляціонной стороною опредѣляется качество звука, а экспираторно-тонической—количество и интенсивность его, другими словами,—къ артикуляціи относится производство звука тѣми или другими органами рѣчи, а къ экспираторности и тоничности—отдѣленіе однихъ звуковыхъ сочетаній отъ другихъ, посредствомъ прерыва выдыханія (слоги) и посредствомъ повышенія голоса въ однихъ звуковыхъ сочетаніяхъ и пониженія въ другихъ (удареніе).

Для того, чтобы рѣчь вызвала чувство удовольствія, требуется производство такихъ артикуляцій, которыя свойственны современному намъ произношенію и которыя легки для производства по самой ихъ обычности. Понятіе о благозвучіи однихъ звуковъ и неблагозвучіи другихъ, это—понятіе относительное, и оно обуславливается временемъ жизни языка и территоріей его распространенности. Въ индо-европейскомъ праязыкѣ существовали взрывные придыхательные звуки b, p, t,

d, k, обозначаемыя въ транскрипціи, какъ bh, ph, th, dh, kh. Особенность ихъ состояла въ томъ, что они, будучи простыми звуками, имѣли двойную артикуляцію: послѣ взрыва въ соотвѣствующихъ органахъ рта воспринималось выдыханіе воздуха изъ гортани, но такое, которое не приводило въ колебаніе голосовыхъ связокъ. Произношеніе такихъ звуковъ въ настоящее время затруднительно, но въ отдаленную эпоху жизни языка оно было обычно, а значить и музыкально. Въ современномъ русскомъ языкѣ среднебныя k, g, x не могутъ сочетаться съ ы такъ же, какъ и альвеолярныя ж и ш съ и. Первыя въ древнерусскомъ и старославянскомъ были всегда тверды, а послѣднія—всегда мягки. Но изъ этого не значить, что эти звуки въ современномъ языкѣ сдѣлались болѣе благозвучными, чѣмъ прежде, а значить только то, что перемѣстилась артикуляція. Современное произношеніе мягкихъ согласныхъ б, в, п, м и др. непріятно рѣжетъ ухо иностранца такъ же, какъ непріятно рѣжетъ слухъ русскихъ англійское произношеніи d, t, n, sch въ средней части неба при непривычномъ подъемѣ для насъ кончика языка. Что сказано о произношеніи отдѣльныхъ звуковъ, то же надо сказать и о произношеніи звуковыхъ сочетаній. Для насъ неблагозвучны сочетанія, trg, gls (трѣтъ, глѣсъ), а для сербовъ неблагозвучны наши торѣтъ, голосоѣ. Итакъ, благозвучіе слова сводится къ обычной артикуляціи звуковъ въ данное время и для данной мѣстности.

Наблюденіе надъ жизнью современныхъ индо-еврейскихъ языковъ указываетъ, что эта благозвучность рѣчи совершается путемъ сокращенія словъ. Здѣсь замѣчаются явленія двоякаго рода: а) отпаденіе конечныхъ согласныхъ звуковъ въ словѣ, характерное для общеславянскаго языка и частію греческаго, а въ современныхъ для французскаго, и б) исчезновеніе звуковъ въ началѣ и срединѣ слова. Последнее, т.е. исчезновеніе звуковъ въ началѣ и срединѣ слова, находится въ зависимости или отъ артикуляціонныхъ укладовъ органовъ рѣчи, или отъ степени напряженія голосовыхъ связокъ при производствѣ какого-либо цѣлаго звукового сочетанія (слова). Въ современномъ русскомъ языкѣ не допускается стеченіе подрядъ многихъ согласныхъ и гласныхъ. При произношеніи какого-либо звука въ словѣ артикуляція всегда зависитъ отъ послѣдующаго и предшествующаго согласнаго или гласнаго: органы рѣчи стремятся занять такое положеніе, при которомъ удобнѣе всего перейти къ укладу органовъ, нужному для послѣдующаго звука. Въ словѣ „книга“ и является не зубнымъ, а церебральнымъ, переднебнымъ, потому что отъ среднебнаго к легче перейти не къ зуб-

тому н, а къ переднебному. Поэтому въ тѣхъ случаяхъ, когда артикуляція при произношеніи слѣдующаго звука должна значительно отодвинуться, происходитъ выпаденіе звука: вмѣсто „смотри“ въ народной рѣчи говорятъ „мотри“, вмѣсто „Дмитрій“—„Митрій“, въ языкѣ XVI вѣка вмѣсто „случится“—„лучится“. Въ словѣ смотри „с“—зубной звукъ и „м“—губной; артикуляція между этими звуками рѣзко разграничена и слѣлать постепенный переходъ отъ одного звука къ другому невозможно, и потому с выпало. Выпаденіе звуковъ происходитъ также вслѣдствіе стеченія согласныхъ, и вмѣсто облако говорятъ облако, вмѣсто обывай—обычай, вмѣсто утопнуть, гляднуть, киднуть, успнуть говорятъ утонуть, глянуть, кинуть, уснуть. Въ современномъ русскомъ произношеніи большую склонность къ исчезновенію обнаруживаютъ звуки съ меньшей sonorностью и, главнымъ образомъ, взрывные, хотя возможно выпаденіе и другихъ согласныхъ. Затѣмъ, исчезновеніе звуковъ и даже цѣлыхъ словъ находится въ зависимости отъ напряженія голоса, выражающагося въ удареніи. Ударяемый слогъ является центромъ слова, и на немъ сосредоточивается вся энергія по произношенію. Поэтому гласные и согласные въ ударяемомъ слогѣ являются всегда звуками полного образованія, т. е. въ этомъ слогѣ ярче всего проявляется артикуляція по производству звуковъ. Вслѣдствіе этого въ слогахъ, стоящихъ далеко отъ ударенія, гласные, дѣлясь гласными неполнаго образованія, переходятъ въ ирраціональные, очень краткіе и, наконецъ, исчезаютъ изъ произношенія вмѣстѣ съ своими согласными звуками. Такимъ образомъ, вмѣсто крестить получается сначала крьстить и затѣмъ кстить, вмѣсто здравствуйтездрасете, вмѣсто Пльсковъ—Псковъ, вмѣсто Дбрянскъ—Дбрянскъ и затѣмъ Брянскъ, вмѣсто полѣвтора—полтора и т. п. Это сокращеніе словъ свойственно не одному только русскому языку, но и языкамъ французскому и англійскому. Ради того же облегченія артикуляціи, а вмѣстѣ и для благозвучія языкъ пользуется вставкой звуковъ въ началѣ, срединѣ и концѣ словъ. О концѣ словъ мы скажемъ немного ниже. Въ началѣ слова вставляется звукъ в передъ гласнымъ о: восемь, вострый, воспа, вотчимъ, Вольга; въ малороссійскомъ нарѣчій—„в“ и „г“: він, віткіля, гострый, гарбузь, Ганна, гаспидь. Въ великорусскомъ нарѣчій звукъ в передъ о вставляется въ тѣхъ случаяхъ, когда это о не произошло изъ общеславянскаго е и старославянскаго ѿ (ѿзеро, ѿлень, ѿднѣть и т. п.). Въ срединѣ словъ добавочными звуками бывають д и т передъ р и послѣ согласныхъ длительныхъ: ндравъ, страмъ, страженіе, островъ, ноздря, струя и др.; въ указанныхъ случаяхъ д и т

вставляются, можетъ быть, для того, чтобы диссимилировать стеченіе длительныхъ согласныхъ *нр*, *ер*, *зр*.

У насъ была рѣчь о благозвучіи отдѣльныхъ словъ, но такъ какъ слова создаются затѣмъ, чтобы ими пользоваться въ предложениі, то мы и скажемъ теперь о благозвучіи предложениі. Въ предложениі различается благозвучіе двухъ родовъ: евфоническое и евритмическое. Евфоническое благозвучіе основывается на качествѣ звуковъ, входящихъ въ составъ словъ и предложений, а евритмическое—на чередованіи ударенія въ словахъ. То, что сказано нами о благозвучіи отдѣльнаго слова, приложимо и къ сочетаніямъ словъ. Но очень часто сосѣднія слова, въ особенности предлоги, могутъ дѣлать неблагозвучнымъ все сочетаніе, хотя въ отдѣльности члены этого сочетанія и благозвучны: съ страхомъ, съ взрывомъ, съ жаждой. Неблагозвучіе въ этомъ случаѣ устраняется разными способами: а) видоизмѣненіемъ звуковой стороны предлога: ѣ въ слѣдствіе своего родства съ о въ древнерусскомъ языкѣ переходитъ въ этотъ послѣдній звукъ; б) уподобленіемъ, въ слѣдствіе чего с въ послѣднемъ примѣрѣ съ жаждой изъ глухого дѣлается звонкимъ з, а потомъ изъ зубного переходитъ въ альвеолярный ж, и все сочетаніе принимаетъ звуковую форму: ж жаждой; в) вставкой тѣхъ звуковъ, которые были въ славянско-литовскомъ языкѣ, но потомъ исчезли въ слѣдствіе того, что ни одно слово въ славянскомъ языкѣ не могло оканчиваться на согласный звукъ. Это примѣнимо, главнымъ образомъ, къ предлогамъ. Предлоги „съ“ и „въ“ въ литовско-славянскомъ языкѣ звучали какъ * *съп* (ср. *суv* и *сип*)* *уп*—**ѣп* (срв. *ѣv* и *in*). Въ срединѣ словъ они не исчезали: *сънимати*, *ѣлюшати*, *сънимѣ*, *ѣлиси* (съ нимъ, въ немъ). По аналогіи „н“ стало вставляться и въ другіе предлоги, отсюда: къ нему, объ ней.

Сами по себѣ благозвучныя слова въ соединеніи съ другими словами, сходными по своей звуковой формѣ и тоже благозвучными, въ цѣломъ могутъ составить предложеніе неблагозвучное въ своемъ произношеніи. Образцами такихъ неблагозвучныхъ предложений могутъ служить скороговорки: „На дворѣ трава, на травѣ дрова“, „Рыла свинья тупорыла, бѣлорыла; полдвора рыломъ изрыла“, „Отъ топота копытъ пыль по полю несется“, „Рѣка широка и глубока, какъ Ока“ и др. Характерный признакъ скороговорокъ заключается въ томъ, что въ нихъ сбивается артикуляція, и при быстромъ произношеніи скороговорки произносятся одни звуки вмѣсто другихъ въ слѣдствіе приблизительно одинаковаго уклада органовъ рѣчи. Но при томъ же тактѣ обычный звуковой строй рѣчи, т.-е. предложеніе, разнообразное по своей звуковой формѣ, не затрудняетъ произношенія, и ско-

рость рѣчи не искажаетъ словъ. Отсюда можно сдѣлать тотъ выводъ, что для произношенія легче всего производство разнообразныхъ звуковъ, т.-е. такихъ, когда всѣ органы рѣчи принимаютъ въ своей работѣ одинаковое участіе, и когда артикуляція не представляетъ особенныхъ усилій при переходѣ отъ образованія одного звука къ другому. Неблагозвучныя выраженія вродѣ: „Въ забавахъ забываются заботы“, „Онъ скакалъ, какъ какой казакъ“, „Не тлѣтъ ли тля сребра и злата“—утомительно дѣйствуютъ на слухъ, раздражая во внутреннемъ ухѣ только одинъ рядъ слуховыхъ волоконъ и оставляя безъ дѣйствія другіе ряды. Неблагозвучны для слуха также и такія предложенія, въ которыхъ преобладаютъ одинаковыя грамматическія формы съ одними суффиксами и окончаніями.

Евритмическое благозвучіе основывается на чередованіи грамматическихъ удареній. Для облегченія произношенія въ рѣчи выработался тактъ, мѣрой котораго является разстояніе между двумя удареніями въ предложеніи. Тактъ разговорной и немѣрной письменной рѣчи отличается отъ стихотворнаго размѣра тѣмъ, что въ стихѣ разстояніе между двумя удареніями строго ограничено: стопа состоитъ изъ опредѣленнаго количества слоговъ. Въ немѣрной рѣчи такой размѣренности и опредѣленности относительно неударяемыхъ слоговъ нѣтъ, но эту неопредѣленность языкъ восполняетъ тѣмъ, что, дѣля все предложеніе или рядъ предложеній на извѣстныя звуковыя мѣры, онъ на эти звуковыя мѣры, состоящія изъ неопредѣленнаго количества слоговъ, тратитъ приблизительно одинаковое количество времени для ихъ произношенія. Продолжительность этой звуковой мѣры въ разныхъ говорахъ и даже у разныхъ индивидуумовъ неодинакова, и она очень часто зависитъ отъ душевнаго настроенія говорящаго: въ радости одинъ размѣръ рѣчи, а въ горѣ—другой. Этой продолжительностью такта объясняется и то, почему въ однихъ говорахъ рѣчь тягучая, пѣвучая, медлительная (шенкурскій говоръ Архангельской губерніи), а въ другихъ—она отличается быстрымъ темпомъ, вслѣдствіе чего проглатываются цѣлые слоги, и слышатся только какъ бы начала словъ (вятскій говоръ). Отсюда слѣдуетъ такой выводъ: разстояніе между удареніями не должно быть слишкомъ близкимъ и слишкомъ далекимъ. Въ первомъ случаѣ получается обрывистая, рубленая рѣчь, состоящая изъ ударяемыхъ слоговъ и поэтому монотонная, во второмъ случаѣ рѣчь безъ ритма, а потому безпорядочная и тоже монотонная. Въ первомъ случаѣ слова по необходимости отчеканиваются и обрываются, а во второмъ—вслѣдствіе естественнаго стремленія создать ритмъ по необходимости слова быстро произ-

носятся, и проглатываются въ ущербъ ясности цѣлые слоги. Приведемъ образцы той и другой рѣчи: „Вдругъ вновь мнѣ мысль представилась та же“.

„Пусть говорятъ галлюманы, что мы не имѣемъ спондеевъ! Мы ихъ найдемъ, исчисляя подробно дѣянiя Россовъ:

Галлѣ, Персѣ, Пруссѣ, Финнѣ, Венгерѣ, Турокѣ, Сарматѣ
и Саксонецѣ.

Всѣхъ побѣдили мы, всѣхъ мы спасли и всѣхъ охраняемъ.

Мы ихъ найдемъ, исчисляя прекрасныя свойства Монарха:

Царь Александръ *щедръ, мудръ, храбръ, твердъ, быстръ,*
скромень и смѣтливъ.

Хочешь ли видѣть поле сраженья? *Пыль, дымъ, огонь, громъ,*
щитъ въ щитъ, мечъ въ мечъ, ядра жужжать, и летаютъ
бомбы“.

„Я шель съ нимъ чрезъ лѣсъ“. „Братъ сталъ гордъ, смѣль: самъ звалъ въ бой всѣхъ“. „Я встрѣчался съ нѣкоторыми извѣстнѣйшими и ученѣйшими кругосвѣтными путешественниками“. „Мы все долговременными трудами и неусыпнымъ бдѣнiемъ приобрѣтенное богатство знанiя дѣтямъ нашимъ преподадимъ въ наслѣдство“. „Глубокомысленнѣйшіе естествоиспытатели способствовали усовершенствованiю цивилизаціи многочисленными изслѣдованiями“.

Нарушеніе законовъ евфонiи и евритміи ведетъ за собою неблагозвучіе рѣчи, каковое свойство называется какофонiей. Для нашего времени неблагозвучна рѣчь писателей XVIII вѣка и даже Карамзина по обилію многосложныхъ словъ. Образцомъ какофонiи считаются стихотворенiя Тредьяковского. Вотъ начало его оды на день коронованiя Анны Іоанновны:

„Да здравствуетъ днесъ Императриксъ Анна,
На престолѣ сѣдша увѣнчанна,
Краснѣйше солнца и звѣздъ сіяюща нынѣ!
Да здравствуетъ на многа лѣта,
Порфирую златой одѣта
Въ императорскомъ чинѣ!“

Благозвучіе рѣчи нарушается и въ томъ случаѣ, когда въ сложномъ предложенiи не выдѣляется или съ трудомъ выдѣляется логическое удареніе вслѣдствіе того, что рѣчь загромождена придаточными предложенiями, и сказуемое главнаго предложенiя, на которомъ должна сосредоточиваться вся сила рѣчи, тонетъ

въ массѣ второстепенныхъ сказуемыхъ. При чтеніи такихъ предложеній голосъ повышается не тамъ, гдѣ слѣдуетъ. „Снѣга такъ велики, что для того, чтобы очистить дорогу въ церковь, разгребаютъ снѣгъ на двѣ стороны, которыя такъ велики, что, кажется, какъ-будто идешь между двумя снѣжными горами“. „Какъ можетъ (добрый семьянинъ) не уклоняться отъ зла; когда онъ долженъ приходить невиннымъ предъ судилище безпристрастное для него, драгоценное и святое, предъ судилище своего семейства, гдѣ обитаетъ его неизмѣнный товарищъ, который вмѣстѣ съ нимъ, одною дорогою, стремится къ одной и той же цѣли—къ счастью, основанному на совершенствѣ нравственномъ, который не узнаетъ его, унижившагося порокомъ, котораго довольный, ободряющій взоръ есть самая утѣшительная для него награда“. Жуковский.

§ 70. ОНОМАПОЭТИЧНОСТЬ ПРЕДЛОЖЕНІЯ.

Въ § 11 мы говорили о томъ, что на первыхъ стадіяхъ жизни языка хотя и возможно было появленіе звукоподражательныхъ словъ, но что впоследствии эти ономапоэтическія слова или исчезли, или измѣнились до такой степени, что въ нихъ утратилась идея звукоподражанія. Но взамѣнъ того вслѣдствіе тѣсной ассоціаціи между смысловой и звуковой сторонами слова нами стала чувствоваться звукоподражательность въ такихъ словахъ, корни которыхъ лишены ономапоэтичности. Такія слова, какъ громъ, рычать, свистѣть, олово и т. п., считаются ономапоэтическими потому, что въ нихъ нѣкоторые звуки случайно соответствуютъ идеѣ того понятія, которое выражается всѣмъ словомъ; поэтому и появляется у насъ субъективное ощущеніе ономапоэтичности. Такъ, въ словѣ „олово“ соединены звуки длительные, которыми какъ-будто бы выражается тягучесть этого металла. Въ словахъ вдремнулъ, обмахнулъ, хотя они и многосложны, чувствуется краткость, мгновенность дѣйствія. На этой субъективности основывается ономапоэтичность предложенія, а отсюда и рѣчи. Внѣшняя звуковая сторона рѣчи у лучшихъ писателей настолько соответствуетъ или, вѣрнѣе, гармонируетъ съ содержаніемъ, что она одна даетъ возможность судить о содержаніи предложенія. Эту звуковую сторону рѣчи можно уподобить мелодіи въ музыкѣ, позволяющей судить вообще о содержаніи пьесы и созидающей то настроеніе, подъ угломъ котораго должны рисоваться частности. Объ ономапоэтичности легче всего судить по рѣчи на какомъ-либо чужомъ языкѣ, значеніе словъ котораго неизвѣстно.

Приведемъ латинскіе примѣры, въ которыхъ такъ искусно подобраны слова, что они своей звуковой стороной указываютъ на дѣйствующихъ лицъ. *Quamvis sint sub aqua, sub aqua maledicere temptant.* Здѣсь рѣчь идетъ о лягушкахъ. *Quando conveniunt, Maria Camilla, Sibylla sermonem faciunt et ab hoc, et ab hac, et ab illa* Подчеркнутыми словами характеризуется женская болтовня. Многія изъ русскихъ пословицъ могутъ служить примѣромъ той же звукоподражательности. Въ „Тиге ѣдешь, дальше будешь“ преобладаніе звука *ш*, длительного со стороны слухового эффекта, гармонируетъ съ идеей пословицы. Въ пословицѣ „Громъ не грянетъ, мужикъ не перекрестится“, сочетаніе звуковъ *гр*, *кр* напоминаетъ раскаты грома. Въ пословицѣ „Что написано перомъ, того не вырубишь топоромъ“, обиліе взрывныхъ звуковъ *т*, *б*, *п* отрываетъ одинъ слогъ отъ другого, и рѣчью вызывается впечатлѣніе, похожее на стукъ топора во время рубки дерева. Нерѣдки примѣры звукоподражанія и у нашихъ писателей. У Сумарокова кваканье лягушекъ изображается такъ:

„О какъ, о какъ
Намъ къ вамъ,
О боги, не гласить“.

Вошь въ баснѣ Крылова такъ говорить о себѣ:

„Въ свой рядъ смиренный Вошь имъ такъ мычить: И мы
Грѣшны. Тому пять лѣтъ, когда зимой кормы
Намъ были худы,
На грѣхъ меня лукавый натолкнулъ“.

Тому же картинному и наглядному изображенію предмета много способствуетъ и самый темпъ рѣчи, т.-е. та или иная скорость ея произношенія. Въ соотвѣтствіи съ содержаніемъ темпъ рѣчи бываетъ, то величавый и спокойный, напр., въ монологахъ лѣтописца и патріарха въ драмѣ Пушкина „Борисъ Годуновъ“, то въ высшей степени легкій и быстрый, напр., въ поэмѣ Лермонтова „Демонъ“, то медлительный, напр., въ басняхъ Крылова съ неуклюжимъ стихомъ, когда рѣчь идетъ о неповоротливости медвѣдя. Отсюда видно, что и какофонія въ нѣкоторыхъ случаяхъ можетъ придавать рѣчи благозвучіе. У Крылова въ баснѣ „Пустынникъ и Медвѣдь“ такъ рисуется самымъ темпомъ рѣчи неотвязчивость мухи и неуклюжесть движеній медвѣдя:

„У друга на носъ муха сѣла:
Онъ друга обмахнулъ;
Взглянулъ,

А муха на щекѣ; согналъ, а муха снова
У друга на носу,
И неотвязчивѣй часъ-отъ-часу“.

Въ приведенномъ отрывкѣ быстрый темпъ рѣчи гармонируетъ съ содержаніемъ. Далѣе рѣчь измѣняется и принимаетъ другое теченіе, болѣе медленное.

„Вотъ Мишенька, не говоря ни слова,
Увѣсистый булыжникъ въ лапы сгребъ,
Присѣлъ на корточки, не переводитъ духу;
Самъ думаетъ: „Молчи-жъ, ужъ я тебя, воструху!“
И у друга на лбу, подкарауля муху,
Что силы есть, хватъ друга камнемъ въ лобъ!“

У Пушкина въ поэмѣ „Полтава“ сочетаніе звуковъ совмѣстно съ темпомъ рисуетъ страшную и ужасающую картину боя:

„Бросая груды тѣлъ на груды,
Шары чугунные повсюду
Межъ ними прыгаютъ, разятъ,
Прахъ роютъ и въ крови шипятъ.
Шведъ, русскій колетъ, рубитъ, рѣжетъ,
Бой барабанный, клики, скрежетъ,
Громъ пушекъ, топотъ, ржанье, стонъ,
И смерть, и адъ со всѣхъ сторонъ“.

Что темпъ рѣчи и звукоподражаніе имѣютъ въ высшей степени важное значеніе для картинности изображенія предмета, въ этомъ можно убѣдиться отрицательнымъ путемъ. Сравнимъ съ приведеннымъ отрывкомъ изъ Пушкина отрывокъ изъ „Тилемахиды“ Тредьяковского, въ которомъ рисуется смерть, и авторъ этого отрывка не поскупился на то, чтобы смерть изобразить какъ можно страшнѣе. Но этого впечатлѣнія не получается:

„Тамъ, на низу, при престолѣ, стояла смерть пѣтлѣбѣдна,
Дивизице мозгло, мослисто, и глухо, и нѣмо, и слѣпо;
Та жъ въ рукахъ имѣла свою преострую косу,
Кую еще изошряла оселками всю непрестанно.
Окрестъ летали черны и мрачны Печали
Лютые и Недовѣрности; кровь истощающи Мести,
Тѣ жъ изранены всѣ, и Ненависть несправедлива“.

Стихосложение.

§ 71. ПОНЯТІЕ О РИТМѢ.

Основой стихотворнаго размѣра рѣчи служить ритмъ. Ритмомъ называется чередованіе однородныхъ явленій черезъ опредѣленный промежутокъ времени. Въ ритмѣ поэтому различается смѣна явленій и постоянство этой смѣны. Ритмическія явленія наблюдаются какъ въ жизни природы, такъ и въ жизни человѣка. Ритмичны журчаніе ручейка, шелестъ деревьевъ, завываніе вѣтра, пѣніе птицъ, прибой и отбой волнъ. У человѣка ритмично дыханіе, кровообращеніе и въ зависимости отъ него бѣненіе пульса. Наблюденіе надъ поэзією первобытныхъ народовъ, дикарей, стоящихъ на самой низшей ступени культуры, показываетъ, что ихъ пѣсня первоначально не имѣетъ почти никакого содержанія и состоитъ изъ отдѣльных словъ и восклицаній междометнаго характера, но эти восклицанія и слова подчиняются ритму, который, обыкновенно, сообщается участвующимъ въ пляскахъ женщинами, зрительницами этихъ танцевъ, посредствомъ ударовъ въ гонги или барабаны черезъ правильные промежутки времени. Далѣе, ритмъ связывается уже со словами въ рабочихъ пѣсняхъ тѣхъ же первобытныхъ народовъ. Въ этомъ случаѣ развитію ритма словъ содѣйствуетъ ритмъ самой работы: удары песта при размельченіи зеренъ въ ступѣ, при размалываніи ихъ, слѣдуютъ одинъ за другимъ съ правильной постепенностью. То же надо сказать и относительно приготовленія топоровъ, стрѣлъ, наконечниковъ изъ камней путемъ постепенной ихъ отбивки. При сѣяніи хлѣбныхъ зеренъ паденіе ихъ въ почву въ связи съ движеніями сѣятеля точно также производитъ ритмъ. Вообще всѣ тѣ работы, въ которыхъ мускульная энергія тратится черезъ опредѣленные промежутки времени, сопровождаются ритмичностью. Вслѣдствіе этого и самый размѣръ рабочихъ пѣсень обуславливается ритмомъ работы. Ритмичность стихотворной рѣчи дѣлаетъ эту рѣчь пріятною для слуха и музыкальною. А благодаря этой музыкальности, стихотворный размѣръ помогаетъ болѣе быстрому и прочному усвоенію ея памятью. Иліада и Одиссея, существовавшія до Гомера въ качествѣ разрозненныхъ пѣсень до времени собранія ихъ въ одно цѣлое, что случилось въ X вѣкѣ до Рождества Христова, продолжали храниться устно въ памяти народа благодаря своей стихотворной формѣ до VI вѣка, около 4 или 5 вѣковъ. Тотъ же стихотворный размѣръ сохранилъ до нашего времени былины и другія произведенія устнаго творчества, и надо ду-

мать, что если и подверглись былины искаженію въ устахъ народа, то во всякомъ случаѣ незначительному. Это доказывается тѣмъ, что былины, записанныя въ XVIII вѣкѣ Кирией Даниловичемъ въ окрестностяхъ Барнаула, сходны по своей формѣ, а часто и тождественны съ былинами, записанными въ Олонецкомъ краѣ или въ Архангельской губерніи и притомъ въ XIX вѣкѣ, что исключаетъ мысль о потомственной передачѣ ихъ.

§ 72. РАЗВИТІЕ СТИХА.

Ритмической единицей, отдѣляющей одинъ музыкальный или ритмическій періодъ отъ другого, былъ первоначально стихъ. Одинъ стихъ отдѣлялся отъ другого, потому что онъ представлялъ изъ себя синтаксическое цѣлое, развитую и законченную мысль. Что это дѣйствительно было такъ, на это даютъ указанія стихи нашихъ лучшихъ поэтовъ. Для образца возьмемъ отрывокъ изъ „Пѣсни о Вѣщѣмъ Олегѣ“ Пушкина:

„Запомни же нынѣ ты слово мое:
Воителю слава—отрада;
Побѣдой прославлено имя твое,
Твой щитъ на вратахъ Царяграда,
И волны, и суша покорны тебѣ;
Завидуетъ недругъ столь дивной судьбѣ“.

Здѣсь почти каждая строчка представляетъ изъ себя законченное предположеніе. Примѣромъ такого же строенія стиха можно привести элегію Никитина: „Вырыта заступомъ яма глубокая“, „Василій Шибановъ“ А. Толстого, „Демьянова уха“ Крылова и многіе другіе. Ритмъ этого рода можно назвать логическимъ ритмомъ. (Не на этомъ ли основаніи и каждая строка въ стихѣ пишется съ заглавной буквы?) Но недостатокъ этого ритма заключается въ томъ, что онъ, если устранить изъ него размѣръ и риму, которыя выработались позднѣе, то не производитъ звукового эффекта. Здѣсь можетъ идти рѣчь только о ритмѣ отрывистой рѣчи, т.-е. о такомъ ритмѣ, при которомъ логически законченныя мысли слѣдуютъ черезъ одинаковый приблизительно промежутокъ времени.

Но въ ритмѣ есть и еще одно свойство—усиленіе энергіи и ея ослабленіе, maximum напряженія нервной дѣятельности и далѣе minimum этой дѣятельности. Такого рода ритмъ очень рельефно проявляется въ параллелизмѣ предположеній. Параллелизмъ предположеній соотвѣтствуетъ симметріи въ природѣ и искусствѣ, и со-

стоитъ онъ въ повтореніи того же самаго факта, той же мысли. Параллелизмъ весьма распространенъ въ поэзіи первобытныхъ и древнихъ народовъ. Приведемъ отрывокъ изъ военной пѣсни ацтековъ: „Милые друзья, мнѣ больно, что вы не раздѣляете моего пыла; мнѣ больно, что васъ не будетъ со мною при сценахъ радости и счастья, что вы не будете идти со мною однимъ путемъ. Но хорошо ли вы видите меня, мои друзья? Не ослѣпилъ ли васъ Богъ? Что такое наша земная жизнь? Развѣ есть мертвецы среди насъ? Нѣтъ, они живутъ далеко въ небесахъ, въ мѣстѣхъ утѣхъ и наслажденій... Веселитесь же вмѣстѣ со мною, дорогіе друзья, веселитесь, дѣти, и ступайте на мѣсто битвы; будьте веселы и радостны посреди этихъ цитовъ, цвѣтовъ кровавой сѣчи“. Примѣры параллелизма часты въ священныхъ ветхозавѣтныхъ книгахъ и въ особенности псалмахъ Давида: „И совершилъ Богъ къ седьмому дню дѣла свои, которыя Онъ дѣлалъ, и почилъ въ день седьмый отъ всѣхъ дѣлъ своихъ, которыя дѣлалъ“ (Бытія II гл., 2 ст.). „Избавь меня отъ враговъ моихъ, Боже мой! Защити меня отъ возстающихъ на меня. Избавь меня отъ дѣлающихъ беззаконіе, спаси отъ кровожадныхъ“ (Псал. LVIII, 2—4 ст.) „Благословлю Господа во всякое время; хвала Ему непрестанно въ устахъ моихъ“ (Псал. XXXIII, 2 ст.). Параллелизмы весьма обычны и въ русской народной поэзіи: „Нонѣ Настасья просватана, душа Дмитревна запоручена“.

„На Яикъ идти—переходъ великъ,
Въ Казань идти—грозенъ царь стоитъ,
Грозенъ царь, осударь Иванъ Васильевичъ“.
„Ужъ какъ палъ туманъ на сине море,
А злодѣй тоска въ ретиво сердце;
Не сходить туману съ синя моря,
Ужъ не выйти кручинѣ изъ сердца вонъ“.
„Поживать-то они стали все постарому,
Постарому стали все попрежнему,
Все попрежнему стали похорошему“.
„Она плакала, рыдала, сама слезно причитала“.

Параллелизмъ, какъ особый художественный приѣмъ, часто встрѣчается въ финской поэмѣ „Калевала“:

„Если ты вернешь заклѣтье,
Злой свой заговоръ воротить“.
Псы по берегу бѣжали
Брехуны по острымъ камнямъ“.
„Вотъ бѣжить-несется заяцъ,

Поспѣшаетъ длинноухій,
Скоро скачетъ кривоногій,
Быстро мчится косоротый“.

Параллелизмъ свойствененъ, главнымъ образомъ, безыскусственной, народной поэзіи, хотя имъ нерѣдко пользуются и поэты классическіе. Что онъ обыченъ въ народной поэзіи, это объясняется тѣмъ, что произведенія народнаго творчества создаются путемъ импровизаціи, въ противоположность искусственнымъ произведеніямъ, которыя составляются въ тиши кабинетовъ. Повтореніе одной и той же мысли въ другихъ словахъ освобождаетъ мысль отъ дѣятельности на то время, которое затрачивается на ея словесное выраженіе. А въ это свободное время умственная дѣятельность подготавливаетъ матеріалъ для новой мысли, такъ что мысль никогда не застаётъ человѣка врасплохъ: онъ всегда къ ней подготовленъ. Этимъ и объясняются столь частыя повторенія у греческихъ лириковъ, Пиндара и другихъ.

Параллелизмъ проявляется въ трехъ видахъ: а) въ подобіи, б) въ расчлененіи одной и той же мысли и с) въ противоположеніи мыслей. Подобіе состоитъ въ томъ, что одна мысль выражается или въ словахъ одного и того же корня, или въ синонимическихъ выраженіяхъ:

„Подъ Черниговомъ силушки *чернымъ черно,*
Чернымъ черно—черна ворона“.
„И *день-то за днемъ* будто *дождь дождитъ,*
Недѣля за недѣлей, какъ трава растетъ,
Годъ-то за годъ, какъ рѣка бѣжитъ“.

Синонимическія выраженія:

„Ходилъ же *лесливый свать*
Онъ по заячьимъ тропочкамъ,
По собачьимъ лазеечкамъ,
Онъ полями по запольицамъ,
Деревьями по задворьяцамъ“.
„Какъ чужіе-то отецъ съ матерью
Безжалосливы уродилися:
Безъ смолы у нихъ гнѣвъ раскидается,
Безъ огня у нихъ сердце разгорается“...

Расчлененіе мысли выражается въ томъ, что одна мысль содержитъ въ себѣ дальнѣйшія мысли, какъ общее содержитъ въ себѣ частное, или въ томъ, что одна мысль есть основаніе, а другая—слѣдствіе:

„Чурилушка быть молодець получше всѣхъ:
Волосыньки у него—золота дуга—серебряная;
Шея у Чурилы—будто бѣлый снѣгъ,
А личико—будто маковъ цвѣтъ,
Очи—будто у ясна сокола,
Брови—будто у черна соболя“.
„Коню вѣдь подь старымъ цѣны не было.
Почему то цѣны ему не было?
Потому то коню цѣны не было:
За рѣку то онъ броду не спрашивалъ,
Котора рѣка цѣла верста,
А скачетъ онъ съ берегу на берегъ“.

Противоположеніе состоитъ въ томъ, что допускается одна мысль затѣмъ, чтобы ее отвергнуть, или въ томъ, что одна мысль является контрастомъ по отношенію къ другой. Этотъ приѣмъ основывается на томъ, что между дѣйствіями или предметами ожидается сходство, но это ожиданіе устраняется. Противопологать поэтому можно только такія понятія, въ которыхъ есть точки соприкосновенія: истина и ложь, свѣтъ и темнота, жизнь и смерть, покой и движеніе, спать и бодрствовать, скорбѣть и радоваться, любить и ненавидѣть, гордиться и смиряться—всѣ эти парныя понятія находятся въ одной плоскости и потому они могутъ сочетаться. Примѣры:

„Не пыль въ полѣ пылится,
Не туманъ съ поля подымается,
Не грозна туча накатается,
Не изъ той тучи молонья сверкаетъ:
Подымается силушка зла—шевѣрна
Калина-царя, Тугарина“.
„Да и не дождь дождить,
Да и то не громъ гремитъ,
А и не громъ гремитъ,
Да шумъ великъ идетъ:
Налетѣла на молодого Добрынюшку змѣя“.

Изъ приведенныхъ выше примѣровъ видно, что указанные нами три вида параллелизмовъ могутъ сочетаться. Въ послѣднихъ двухъ противоположеніе мыслей—это идея, или схема для выраженія мысли, но она раскрывается посредствомъ подобія (повторенія) и расчлененія. По своему грамматическому строенію параллелизмъ отличается отсутствіемъ между его частями грамматической связи:

„Изъ Волхова воды не вылити—
Въ Новѣгородѣ людей не выбити“.
„Потухла въ соборѣ свѣча мѣстная:
Не стало царевича у насъ въ Москвѣ“.
„Цвѣли, цвѣли цвѣтики да поблекли,
Любилъ меня милый другъ да покинулъ“.

§ 73. ВИДЫ СТИХОСЛОЖЕНІЯ.

Кромѣ логическаго ритма, о которомъ была рѣчь въ предшествующемъ параграфѣ, развился въ разныхъ индо-европейскихъ языкахъ звуковой ритмъ. Этотъ ритмъ въ различныхъ языкахъ имѣетъ свои основанія, и поэтому его нельзя опредѣлить для всѣхъ языковъ вообще. Въ древнеиндійскомъ, греческомъ и латинскомъ онъ находился въ зависимости отъ количества слога, т. е. отъ долготы или краткости гласнаго; въ французскомъ, итальянскомъ и польскомъ—отъ мѣста ударенія въ словѣ, прикрѣпленнаго къ опредѣленному слогу, и въ русскомъ и нѣмецкомъ отъ музыкальнаго ударенія въ словѣ, отличающагося своей подвижностью.

§ 74. МЕТРИЧЕСКОЕ СТИХОСЛОЖЕНІЕ.

Въ древнеиндійскомъ, греческомъ и латинскомъ языкахъ, которымъ свойственно стихосложеніе этого вида, различались долгіе и краткіе гласные звуки. Каждый долгіи гласный звукъ въ указанныхъ языкахъ былъ равенъ двумъ краткимъ, и для его произношенія требовалось столько времени, сколько требуется для двухъ краткихъ. Количество гласнаго, т. е. его долгота или краткость опредѣлялись или его природой или его положеніемъ въ слогѣ. Всѣ дифтонги (двоегласные), а также и всѣ простые гласные, образовавшіеся изъ стяженія двухъ гласныхъ—долги по природѣ (claudio, coelum; amasti изъ amavisti, debeo изъ dehibeo). Гласные въ закрытомъ слогѣ, оканчивающемся на согласный, долги по положенію, если слѣдующій слогъ начинается съ согласнаго звука (disco, scripsi; σπέυδε, ἵππος). Краткость гласнаго звука опредѣляется уже сама собою. Но въ стихотворной рѣчи эти правила о долготѣ и краткости слоговъ строго не выдерживались. Такъ, въ греческомъ языкѣ окончанія α и ο, краткія по своей природѣ, въ стихѣ могутъ быть долгими; гласный передъ взрывнымъ и плавнымъ, краткій по своему положенію, по требованію размѣра можетъ быть долгимъ.

Ритмической единицей стиха (строки), мѣрой его, быть у грековъ метръ, *μέτρον* (мѣра), у римлянъ *pes*, стопа (отсюда *pedibus claudere verba*—писать стихи). Последнее названіе возникло вслѣдствіе того, что при чтеніи стиховъ отбивался тактъ ногою. Стопой отсюда называется сочетаніе долгихъ слоговъ съ короткими. Долгій слогъ въ стопѣ назывался арзисомъ, а короткий—тезисомъ. Первою стопой въ стихѣ опредѣлялся размѣръ всего стихотворенія. Если первая стопа состоитъ изъ одного долгаго и двухъ краткихъ слоговъ, то этотъ размѣръ долженъ удерживаться и во всемъ произведеніи. Первая стопа въ стихѣ называется базисомъ, основаніемъ стиха: она служитъ точкою опоры для голоса. Стопы въ литературѣ классиковъ могли быть двусложныя, трехсложныя и четырехсложныя. Последнія были мало употребительны. Въ двусложной стопѣ долгимъ слогомъ могъ быть или первый отъ конца стопы, или второй: стопа изъ краткаго и долгаго слога называлась ямбомъ: $\cup$ — . Ямбическій (*iámbo*—бросаю) размѣръ выработался изъ пѣснопѣній въ честь богини плодородія Деметры; въ пѣсняхъ, посвященныхъ ей, допускалась шутка. Этимъ размѣромъ писались басни и сатиры, а позже и другіе виды легкой анакреонтической поэзіи у грековъ. Стопа изъ долгаго и краткаго слоговъ называлась хореемъ: $\cup$ — . Въ древней метрикѣ допустима была стопа изъ двухъ долгихъ, или двухъ краткихъ слоговъ. Въ первомъ случаѣ она называлась спондеемъ: $\cup\cup$; а во второмъ—пиррихемъ: $\cup\cup$ Трехсложная стопа имѣла большее количество варіацій въ сравненіи съ двусложною. Стопа съ долгимъ слогомъ на третьемъ мѣстѣ отъ конца— $\cup\cup$ называлась дактилемъ, на второмъ $\cup$ — $\cup$ амфибрахией и на первомъ $\cup\cup$ — анапестомъ. Ямбъ, хорей, дактиль, амфибрахій и анапестъ свойственны также и тоническому стихосложенію. Трехсложная стопа, кромѣ того, могла состоять или изъ трехъ краткихъ слоговъ, или изъ трехъ долгихъ; въ ней два долгихъ слога съ короткимъ и два короткихъ съ долгимъ могли занимать различное положеніе, и соотвѣтственно тому увеличивается число размѣровъ трехсложной стопы.

Въ греческомъ и латинскомъ языкахъ удареніе было полусвободнымъ, т.е. мѣсто его ограничивалось тремя слогами отъ конца слова; на четвертомъ слогѣ уже удареніе не допускалось. Кромѣ того, удареніе классическихъ языковъ основывалось исключительно на повышеніи голоса, было тоническимъ, музыкальнымъ. Но въ виду существованія краткихъ и долгихъ гласныхъ наряду съ указаннымъ удареніемъ въ нихъ существовало и количественное удареніе, которое не совпадало съ музыкальнымъ не

только въ стихотворной рѣчи, но и въ прозаической. Въ словѣ *ἄνθρωπος* на третій слогъ отъ конца, краткій по положенію, падаетъ музыкальное удареніе, т.-е. этотъ слогъ произносится съ повышеніемъ голоса, а второй слогъ отъ конца, какъ долгій по природѣ, долженъ имѣть количественное удареніе, т.-е. на произношеніе его затрачивается вдвое большее количество времени, чѣмъ на слогъ съ гласнымъ *α*. Въ виду этого греческая и латинская рѣчь отличались пѣвучестью, и стихи у классическихъ народовъ поэтому не читались, а распѣвались.

Такъ какъ въ вышеуказанныхъ языкахъ слова состояли не только изъ трехъ слоговъ, но и болѣе, и такъ какъ въ ударяемыхъ слогахъ повышение голоса могло падать на любой изъ этихъ слоговъ, то при сочетаніи словъ въ предложеніе для приданія рѣчи ритмичности, т.-е. опредѣленной чередуемости долгихъ слоговъ съ краткими, въ этихъ языкахъ допускались въ стихотворномъ размѣрѣ уклоненія отъ обыденной рѣчи: развились случаи такъ называемой поэтической вольности. Въ однихъ случаяхъ сохраняются особенности произношенія гласныхъ, свойственныя общиндо-европейскому языку: взрывной съ плавнымъ дѣлаетъ предшествующій имъ гласный долгимъ; въ другихъ—происходитъ элизія, т.-е. выпаденіе конечнаго слога, если онъ оканчивается на носовой согласный, и если слѣдующее слово начинается съ гласнаго звука или съ придыхательнаго *h*; послѣднее явленіе, свойственное народной рѣчи, вводится въ обиходъ литературной; ради той же ритмичности гласный передъ слѣдующимъ гласнымъ выпускается.

Discite justitiam monit(i) et non temnere divos
Monstr(um) horrend(um) inform(e) ingens, cui lumen
adeptum

Слоги, заключенные въ скобки, не произносились при чтеніи (скандированіи) стиховъ. Въ метрическомъ стихосложеніи допускалось ради ритма удлиненіе краткаго гласнаго звука, называемое синкопе. Эти уклоненія отъ обычнаго произношенія, извѣстныя подъ общимъ названіемъ поэтической вольности (*poëtica licentia*), свойственны и русскому стихосложенію. У Пушкина и Лермонтова часто встрѣчаются прилагательныя съ усѣченнымъ окончаніемъ: „Стоялъ онъ думъ великихъ полъ“, „Воспоминаешь прежни битвы“; измѣняется этимологическое удареніе: „Гремитъ музыка боевая“, „Все также ль легокъ его бѣгъ“; вводится долгота слога:

„Стáрца великаго| тѣнь чую смущенной ду|шой. Неполныя стопы „тѣнь“ и „шой“ въ словѣ душой по количеству времени, затрачиваемаго на ихъ произношеніе, равняются полнымъ стопамъ. Количество стопъ въ классическихъ языкахъ не должно было

превышать шести, потому что въ противномъ случаѣ наше вниманіе не можетъ обхватить стихъ, какъ одно цѣлое. Гекзаметръ состоитъ изъ пяти дактилическихъ стопъ и изъ одной послѣдней хорейской или спондеической. Этимъ размѣромъ написаны *Иліада* и *Одиссея* Гомера и *Энеида* Вергилія. Но, впрочемъ, двухсложная стопа можетъ быть не только въ концѣ стиха, но и на любомъ мѣстѣ, и такихъ стопъ можетъ быть въ стихѣ двѣ. Въ свою очередь, и дактилическія стопы могутъ быть замѣнены спондеическими, кромѣ послѣдней. Въ лирической поэзіи, въ элегіяхъ стихъ могъ состоять изъ пяти стопъ; такой стихъ называется пентаметромъ. Количество слоговъ строго не опредѣляется размѣромъ стиха: можетъ, конечная стопа не досчитывать одного или даже двухъ слоговъ, могутъ въ концѣ стиха быть одинъ или два слога лишніе, но на нихъ не должно падать удареніе. Стихъ, заключающій въ себѣ полное количество стопъ, называется акаталектическимъ; имѣющій недочетъ въ слогахъ—каталектическимъ; стихъ съ лишними слогами называется гиперкаталектическимъ. Стихи каталектическіе и гиперкаталектическіе свойственны и тоническому стихосложенію. Они даже необходимы здѣсь, потому что въ противномъ случаѣ невозможно было бы чередованіе въ хорейскомъ размѣрѣ мужскихъ риемъ, а въ ямбическомъ—женскихъ; дактилическія риемы были бы допустимы только въ дактилическомъ размѣрѣ. Лишніе слоги и недостающіе не нарушаютъ музыкальности, потому что на нихъ не падаетъ удареніе, и они не составляютъ стопы. Въ нижеприведенномъ отрывкѣ размѣръ дактилическій и стихъ четырехъстопный, несмотря на то, что послѣднія стопы не вездѣ полныя:

„Слѣзы люд|скія, о, |слѣзы люд|скія,
 Льѣтесъ вы |рѣнней и| пѣздней по|рѣи,
 Льѣтесъ без|вѣстныя,| льѣтесъ не|зрѣмыя,
 Неисто|щѣмыя,| неисчи|слѣмыя,
 Льѣтесъ, какъ | льѣтесъ стру|и дожде|выя
 Въ ѡсень глу|хую по|рѣиу ноч|нѣи“.

Во второмъ и шестомъ стихахъ не достаеъ двухъ слоговъ, и риема мужская, въ первомъ и пятомъ одного слога, и риема женская, а въ полныхъ стопахъ 3-го и 4-го стиха риема дактилическая. Въ виду того, что шестистопный и пятистопный стихи трудно читать безъ перерыва, въ виду этого въ классическомъ стихосложеніи ритмичности стиха содѣйствуетъ цезура (caesura=

пересѣченіе, греч. *τομή* = отръзокъ), т.-е. остановка голоса въ срединѣ стиха, по окончаніи слова, но не стопы; опредѣленнаго мѣста въ стихѣ для цезуры нѣтъ: она можетъ быть въ 3-й и 4-й стопахъ. Цезура послѣ арзиса называется мужскою, а послѣ тезиса — женскою. Остановка голоса въ концѣ стопы и слова называется діэрезисомъ *). Примѣры метрическаго стихосложенія:

Ἀὐδρα μοιῖεννεπε, Μοῦσα || πολύτροπον | ὅς μάλα | πολλὰ
Πλαγχθῆ | ἔπειτα, Τροίης || ἑρὸν πτολίεθρον | ἐπέρσεν. (Иліада).
Tityre|tu patu|lae recu|bans || sub| tagmine| fagi.
(Вергилій).

Въ XVII вѣкѣ была попытка ввести метрическую версификацію и въ русскій языкъ, Мелетій Смотрицкій гласные звуки церковнославянскаго языка раздѣлялъ на долгіе и краткіе; къ первымъ онъ относилъ и, ѣ, ѡ; ко вторымъ е, о; а, ѣ, у признавались обоюдными.

Жалѣ | іисѣ | ѡсѣ | тѣи || моа | грѣхѣ. |

Но эта попытка осталась безрезультатной.

Въ новыхъ индо-европейскихъ языкахъ метрическое стихосложение не существуетъ, потому что этими языками утрачено количество слоговъ. Послѣ утраты долгихъ гласныхъ эти языки стали развиваться относительно ударенія въ двоякомъ направленіи. Въ однихъ языкахъ — славянскомъ, русскомъ, нѣмецкомъ, литовскомъ, — сохранена свобода ударенія: удареніе можетъ стоять на какомъ угодно слогѣ отъ конца; въ другихъ — французскомъ, итальянскомъ, польскомъ, — удареніе преурочивается къ опредѣленному слогу. Сообразно съ этимъ стихъ новыхъ языковъ принимаетъ двѣ формы: силлабическую и тоническую.

§ 75. СИЛЛАБИЧЕСКОЕ СТИХОСЛОЖЕНИЕ.

Слово силлабическій происходитъ отъ греческаго слова. *σλλαβή* = обхватъ, слогъ. Силлабическимъ или слогочислительнымъ стихосложеніемъ называется такое, которое основано на счетѣ слоговъ. Такъ какъ въ польскомъ, французскомъ языкахъ удареніе прикрѣплено къ опредѣленному слогу — въ французскомъ къ послѣднему, а въ польскомъ и итальянскомъ къ предпослѣднему, — и такъ какъ въ этихъ языкахъ количество слоговъ въ словѣ не опредѣлено, — могутъ быть слова не только двусложныя, но и многосложныя, то правильнаго чередованія ударенія въ словахъ не можетъ быть, а, стало-быть, не можетъ быть и стопы, и звуковой ритмъ въ этихъ языкахъ достигается чередованіемъ слоговъ, т.-е. стихъ долженъ сохранять то число слоговъ, которое легло въ основу перваго стиха, базиса всего стихотворе-

*) Знакомъ цезуры служатъ двѣ вертикальныхъ черты: ||

нія. Количество слоговъ въ силлабическомъ стихѣ колеблется отъ 4 до 13. Стихи, имѣющіе отъ 4 до 8 слоговъ, называются короткими, а отъ 9 до 13—долгими. Чаще всего силлабическій стихъ состоитъ изъ нечетнаго количества слоговъ.

Такъ какъ въ силлабическомъ стихѣ нѣтъ чередованія удареній, и вслѣдствіе этого сочетаніе словъ въ стихѣ не вызываетъ ритма, то ритмъ создается цезурой, разсѣченіемъ стиха на двѣ половины. Цезура обыкновенно падаетъ на нечетные слоги: въ 13-слоговомъ на 7-й, въ 9-слоговомъ—на 5 и т. д. Цезура свойственна также и тоническому стихосложенію. Гранью, отдѣляющею одинъ стихъ отъ другого, служитъ риема, т.-е. созвучіе окончаній,—краесогласіе, каковымъ терминомъ ее называлъ Симеонъ Полоцкій (XVII в.). Созвучными окончаниями будутъ: дѣти—сѣти, Олегъ—набѣгъ, трудную—чудную, парусами—сами. Для риемы обязательно, чтобы это созвучіе начиналось съ ударяемаго слога, и чтобы въ ударяемомъ слогѣ было тожество гласныхъ. Риемоваться не могутъ такіа слова, напримѣръ, какъ мука и скука, осмотрѣлъ—изобрѣлъ, торжество и тожество, излучина и лучина тазъ куя—таскуя (тоскуя) и т. п.

Риомы дѣлятся на богатые и бѣдные. Къ первымъ относятся тѣ, въ которыхъ созвучіе предшествуетъ ударяемому гласному. Примѣры богатой риомы: помочь—ночь, безконечной—сердечной, холодной—народной, волнь—полнь, поколочу—по калачу. Изъ этихъ примѣровъ видно, что полное совпаденіе въ звукахъ, стоящихъ предъ удареніемъ, необязательно. Требуется только, чтобы предударные звуки были однородны по своему происхожденію. Такъ въ словахъ сердечной—конечной, степей—цѣпей—предударные согласные д. и н., т. и ц. зубные, въ полнь—волнь п. и в.—губные, холодной—народной л. и р.—язычные. Созвучію риомы содѣйствуютъ также тожественные предударные гласные: холодной—народной, горами—водами, ненужный—жемчужный, гдѣ тожественными гласными являются предударные а, о, е. Значитъ богатая риема складывается изъ аллитерации и ассонанса. Бѣдными риомами будутъ всѣ тѣ риомы, которыя не удовлетворяютъ этому условію стада—берега, любви—живи, говорить—видѣ, благодать—терять и т. п. Риемоваться могутъ между собою разныя части рѣчи: рѣжетъ—скрежетъ, блѣднѣя—Андрея, цвѣли мы—палимы. Для риомы имѣетъ значеніе ея произношеніе въ живой рѣчи, а не правописаніе, поэтому полнота созвучія возможна въ разныхъ грамматическихъ формахъ: жемчужною—южную, тучи—могучій. Риомы дѣлятся на мужскія, женскія и дактилическія. Въ мужскихъ риомахъ удареніе стоитъ на конечномъ слогѣ слова (пѣвецъ—вѣнецъ), въ женскихъ—

на второмъ отъ конца (море—горе) и въ дактилическихъ—на третьемъ (чудную—трудную). Обыкновенно въ стихотвореніи допускается чередованіе разныхъ видовъ риомы. Въ „Пѣсни о Вѣщемъ Олегѣ“ Пушкина чередуются риомы мужскія и женскія: хозара́мъ—пожа́рамъ, бронѣ́—конѣ́ и т. п. Но возможно чередованіе риомъ однородныхъ. Въ „Обвалѣ“ Пушкина чередуются исключительно мужскія риомы, въ „Плѣнномъ рыцарѣ“ Лермонтова—только женскія, въ элегии Никитина „Вырыта заступомъ яма глубокая“—риомы сплошь дактилическія. Порядокъ размѣщенія риомъ бываетъ различный. Созвучія заканчиваютъ два сосѣднихъ стиха:

„Сижу за рѣшеткой въ темницѣ сырой;
Вскормленный на волѣ орелъ молодой,
Мой грустный товарищ, махая крыломъ,
Кровавую пищу клюетъ подъ окномъ“.

Одна риома слѣдуетъ за другою черезъ стихъ:

„Князь Шуйскій отъ царскаго гнѣва бѣжалъ,
Съ нимъ Васька Шибановъ стремянный.
Дородень былъ князь. Конь измученный палъ.
Какъ быть среди ночи туманной?“

Одна риома слѣдуетъ за другою черезъ два стиха, а два промежуточныхъ стиха имѣютъ сосѣдную риому:

„Кавказъ подо мною. Одинъ въ вышинѣ
Стою надъ спѣгами у края стремнины;
Орелъ, съ отдаленной поднявшись вершины,
Паритъ неподвижно со мной наравнѣ“.

Повтореніе того или другого порядка риомъ въ стихотвореніи отдѣляетъ одну часть стихотворенія отъ другой. Соединеніе нѣсколькихъ стиховъ, связанныхъ размѣщеніемъ риомы, называется строфой. Порядокъ риомъ первой строфы служитъ основной формой для всѣхъ другихъ строфъ, и, такимъ образомъ, всѣ другія строфы являются ритмическимъ повтореніемъ основной строфы. Строфы носятъ различныя названія: терцины, секстины, октавы, сонеты, рондо, канцоны, тріолеты. Въ терцинахъ строфа состоитъ изъ трехъ стиховъ: первый и третій риомуются въ томъ же трехстишіи, а второй риомуется съ первымъ слѣдующаго трехстишія. Каждое трехстишіе связывается съ послѣдующимъ риомою сосѣдняго трехстишія, и все произведеніе представляетъ какъ бы цѣль терцинъ. Терцинами написана „Божественная комедія“ Данте и „Драконъ“ А. Толстого:

I.

„Въ тѣ дни, когда на насъ созвѣздѣ Пса
Гладить враждебно съ высоты зенита
И сводъ небесъ какъ тяжесть оперся

II.

На грудь земли, и солнце, мглой обвито,
Жжетъ безъ лучей, и бѣгаютъ стада
Съ мычаніемъ, ища отъ мухъ защиты,

III.

Въ тѣ дни любилъ съ друзьями я всегда
Собора тѣнь и вѣчную прохладу,
Гдѣ въ самый зной дышалось безъ труда,

IV.

И гдѣ намъ былъ средь отдыха отрадой
Разнообразной живописи видъ
И полусвѣтъ, не утомлявшій взгляда“.

А. Толстой.

Секстинами называется строфа, состоящая изъ шести стиховъ: первый приемется съ четвертымъ, въ остальныхъ риемы сосѣднія. „Кавказъ“ Пушкина написанъ секстинами. Строфа изъ восьми стиховъ, въ которой первые шесть приемются черезъ стихъ, а два послѣдніе подъ рядъ, называется октавой:

„Четырехстопный ямбъ мнѣ надоѣлъ:
Имъ пишетъ всякій. Мальчикамъ въ забаву.
Пора бъ его оставить. Я хотѣлъ
Давнымъ давно приняться за октаву.
А въ самомъ дѣлѣ: я бы совладѣлъ
Съ тройнымъ созвучіемъ. Пущусь на славу!
Вѣдь риемы запросто со мной живутъ:
Двѣ придутъ сами, третью приведутъ“.

Пушкинъ.

Стихотвореніе изъ четырехъ строфъ, въ которомъ первыя двѣ по четыре стиха, а послѣднія по три называется сонетомъ. Риемы первой строфы могутъ повторяться во второй и риемы третьей— въ четвертой. Сонетъ возникъ первоначально въ южной Франціи и отсюда проникъ въ Италію. Этой формой стиха часто пользовался Петрарка:

„Суровый Дантъ не презиралъ сонета;
Въ немъ жаръ любви Петрарка изливалъ;
Игру его любилъ творецъ Макбета;
Имъ скорбну мысль Камозенъ облекалъ.“

И въ наши дни плѣняетъ онъ поэта:
Бордсвортъ его орудіемъ избралъ,
Когда вдали отъ суетнаго свѣта
Природы онъ рисуеть идеаль.

Подъ сѣнью горъ Тавриды отдаленно
Пѣвецъ Литвы въ размѣръ его стѣсненный
Свои мечты мгновенно заключалъ.

У насъ еще его не знали дѣвы,
Какъ для него ужъ Дельвигъ забывалъ
Гексаметра священные напѣвы“.

Пушкинъ.

Въ XVIII вѣкѣ у нашихъ писателей-поэтовъ, Ломоносова, Сумарокова, Державина и другихъ, чаще всего употреблялась въ торжественныхъ (патріотическихъ) одахъ десятистрочная строфа. Изъ такихъ строфъ состоятъ оды Ломоносова: „На взятіе Хотина“, „На день восшествія на престолъ Императрицы Елисаветы Петровны“; Сумарокова „На побѣды Государя Императора Петра Великаго“, „Государынѣ Императрицѣ Елизаветѣ Первой на день Ея рожденія“; Державина „Фелица“ и „Богъ“ и мн. др.

Канцоной называется стихотвореніе, состоящее изъ нѣсколькихъ неравныхъ строфъ. Басни Крылова нерѣдко написаны въ этой формѣ. Строфа, въ которой мысль закончена логически и синтаксически, называется стансами:

„Въ часы забавъ иль празднои скуки,
Бывало, лирѣ я моеи
Ввѣрялъ изнѣженные звуки
Безумства лѣни и страстей.

Но и тогда струны лукавой
Невольно звонъ я прерывалъ,
Когда твой голосъ величавы
Меня невольно поражалъ.

Я лилъ потоки слезъ нежданныхъ
И ранамъ совѣсти моеи
Твоихъ рѣчей благоуханныхъ
Отраденъ чистый былъ елей.

И нынѣ съ высоты духовной
Мнѣ руку простираешь ты
И силой кроткой и любовной
Смиряешь буйныя мечты.

Твоимъ огнемъ душа палима
Отвергла мракъ земныхъ суетъ
И внемлетъ арфѣ Серафима
Въ священномъ ужасѣ поэтъ“.

Силлабическое стихосложение было извѣстно въ глубокой древности и у насъ. Отъ XII или XIII вѣковъ въ нѣсколькихъ спискахъ дошло до насъ стихотвореніе Константина Болгарскаго, извѣстное подъ именемъ „Азбучной молитвы“, съ двѣнадцатисловнымъ размѣромъ, удареніемъ на предпоследнемъ слогѣ и съ цезурой послѣ пятого слога:

Ахъ словомъ снѣтъ молю са Бѣу
Бѣ вса твѣри и знеждителю
Видимымъ и невидимымъ
Га дѣхъ послѣхъ знекушалаго.

Другое стихотвореніе, написанное тѣмъ же размѣромъ, помѣщено въ Изборникѣ Святослава 1073 г. подъ именемъ „Похвалы царю Симеону“. Оба эти стихотворенія болгарскаго происхожденія. Но въ XVI вѣкѣ вслѣдствіе вліянія на нашу южнорусскую литературу польской многіе изъ нашихъ южнорусскихъ ученыхъ того времени пользовались извращеннымъ силлабическимъ стихосложениемъ; количество слоговъ въ этихъ стихахъ не всегда выдерживалось. Южнорускіе стихи назывались виршами. Такими виршами писались предисловія къ сборникамъ проповѣдей, къ букварямъ и т. п., иногда правила грамматики выражались въ той же стихотворной формѣ. Симеонъ Полоцкій и Димитрій Ростовскій виршами писали драматическія произведенія. Прологъ комедіи Симеона Полоцкаго о Блудномъ сынѣ начинается такъ:

Не тако слово въ пѣматн дѣржитса,
"Акоже аще что дѣломъ ѡбѣтса.
Христѣвъ прѣтчѣ дѣйствомъ прожѣнти
Здѣ оумыслихомъ и чѣномъ кершѣти.
О влоудномъ сынѣ вса рѣчь вѣдетъ наша,
Яки вещь живѣ оузнѣти мѣлость кѣша.

Кантемиръ, насколько то было возможно для русскаго языка, усовершенствовалъ силлабическій размѣръ въ своихъ сатирахъ. Его сатира „Объ истинномъ блаженствѣ такъ начинается:

„Тотъ въ сей жизни лишь блаженъ, кто малымъ
доволенъ,
Въ тишинѣ знаетъ прожить, отъ суетныхъ воленъ
Мыслей, что мучать другихъ, а топчетъ надежду
Стезю добродѣтели, къ концу неизбѣжну“.

Тредьяковскій теоретически доказалъ невозможность для русскаго языка съ его подвижнымъ удареніемъ силлабическаго размѣра, а Ломоносовъ далъ прекрасные образцы звучнаго тоническаго стиха, послѣ чего силлабическій размѣръ уже не употреблялся. Первое произведеніе Ломоносова, ода „На побѣду надъ турками

и татарами и на взятіе Хотина 1739 года“, написано въ противоположность Тредьяковскому, употреблявшему въ своихъ стихахъ хореическій размѣръ, ямбомъ. Эта ода начинается такъ:

„Восторгъ внезапный умъ плѣнилъ,
Ведеть на верхъ горы высокой,
Гдѣ вѣтръ въ лѣсахъ шумѣть забылъ;
Въ долинѣ тишина глубокой.
Внимая нѣчто ключъ молчитъ,
Который завсегда журчитъ
И съ шумомъ внизъ съ холмовъ стремится.
Лавровы вьются тамъ вѣнцы;
Тамъ слухъ спѣшитъ во всѣ концы;
Далече дымъ въ поляхъ курится“.

Риѣма, какъ случайное явленіе, встрѣчается у римскихъ классиковъ: Горація, Вергилія. У второстепенныхъ поэтовъ серебряной латыни риѣма имѣетъ уже важное значеніе. Христіанскій поэтъ III вѣка Коммодіанъ свой сборникъ пѣсень „Instructiones adversus gentium deos“ написалъ сплошь риѣмованными стихами. Послѣ покоренія арабами Испаніи риѣма становится извѣстною во Франціи и оттуда переходитъ въ Германію. Возможно, что арабы имѣли вліяніе на романскую поэзію, познакомивъ покоренные народы съ риѣмою, широко распространенною у семитскихъ племенъ, но возможно, что риѣма развивалась въ средневѣковой Европѣ независимо отъ какого-либо посторонняго вліянія. Риѣма извѣстна была и въ древнерусской литературѣ. Она встрѣчается въ лѣтописи: „Руси есть веселіе пѣти, безъ него же не можемъ быти“, у Даніила Заточника въ его Моленіи: „Кому Лачъ озеро, а мнѣ на немъ сѣдя плачь горки“, „Лѣшши есть камень долотити, нежели зла жена учити“. Какъ случайное явленіе, риѣмы встрѣчаются и въ народной поэзіи. Но онѣ рѣдко заканчиваютъ стихъ, какъ это обычно въ литературной рѣчи, а употребляются рядомъ или черезъ слово. Риѣма употребительна въ пословицахъ: „Обреченная скотинка ужъ не животинка“, „Взялъ боженъку за ноженьку да и о поль“, „Сказалъ бы словечко, да волкъ недалечко“. Еще чаще, чѣмъ въ пословицахъ, риѣма встрѣчается въ заговорахъ: „Пчелы роятся, пчелы плодятся, пчелы смиряются“, „Мѣсяць ты, мѣсяць, серебряные рожки, златыя твои ножки“, „Пошла я во чисто поле, взяла чашу брачную, вынула свѣчу обручальную, достала платъ вѣнчальный“. Въ виду того, что заговоръ считается дѣйствительнымъ только тогда, когда онъ произносится безъ извращенія и безъ перемѣненія и опущенія словъ, въ виду этого надо думать, что риѣмы въ заговорахъ это—своего рода мнемоническій приѣмъ для точнаго храненія текста заговора въ памяти, и риѣма

здѣсь по большой части падаетъ на главные слова: „Лежить доска, подъ доской тоска... впивайся тоска, разрастись и разродись по всѣмъ костямъ *ноетой и сухотой*, по рабѣ такой-то“. Въ былинахъ рима рѣже, чѣмъ въ заговорахъ:

„А я ржи напашу, да во скирды сложу.

Во скирды сложу, домой выволочу,

Домой выволочу, да дома вымолочу;

Драни надеру, да и пива наварю“.

„А молодущечки—по двѣ полущечки,

А красныя дѣвушки—по денежкѣ“.

Строфа возникла у грековъ. Само слово *строфѣ* значитъ поворотъ. Строфѣ противопоставляется антистрофа. Этимъ первоначально обозначалось шествіе хора направо, а антистрофой—шествіе въ обратную сторону. Первоначально изъ строфѣ и антистрофѣ у грековъ состояли пѣсни, распѣваемые дѣвушками (*παρθέναι*) во время свадебъ. Отсюда на строфы и антистрофы стали дѣлиться оды и пѣсни хора въ трагедіяхъ. Такъ какъ лирическія произведенія у грековъ распѣвались, то для различныхъ произведеній выработались свои мотивы, и этотъ мотивъ исчерпывался въ строфѣ. Въ антистрофѣ тотъ же самый мотивъ повторяется. Разматривая строфу и антистрофу съ ихъ логической стороны, можно между ними замѣтить такое же соотношеніе, какое существуетъ между повышеніемъ и пониженіемъ въ періодѣ: мысль, положенная въ основу строфы, развивается и дополняется въ антистрофѣ. Приведемъ примѣръ строфы и антистрофы изъ десятой олимпійской оды Пиндара въ честь борца Агезидама:

Строфа.

„Люди часто считаютъ достойнымъ хвалы

Дуновеніе вѣтра иль дождь, съ облаковъ

Нисходящій на пыльную землю;

Человѣка жъ, который затрудь увѣнчался побѣдой,

Прославляемъ мы пѣснью и звуками лиры,

Восхваляя заслугу высокую“.

Антистрофа.

„Никогда не завянетъ вѣнокъ олимпійскій;

Зависть его не коснется.

Наши уста прославляютъ его красоту;

Мудрыя мысли влагаются въ сердце людей божествомъ.

Знай это, сынъ Архестрата,

Агезидамъ, побѣдитель въ кулачномъ бою!“

§ 76. ТОНИЧЕСКОЕ СТИХОСЛОЖЕНИЕ.

Слово *тоническій* происходитъ отъ греческаго слова *τῶνος* *напряжение, сила, повыше́ніе* голоса. Тоническое стихосложеніе иначе называется музыкальнымъ. Особенность этого стихосложенія состоитъ въ томъ, что оно въ стихѣ пользуется тѣмъ повыше́ніемъ голоса, тѣмъ удареніемъ, которое обычно въ словѣ, и которое называется въ грамматикѣ *этимологическимъ*. Слова въ стихѣ располагаются такъ, что черезъ извѣстный правильный промежутокъ времени удареніе повторяется. Этотъ видъ стихосложенія свойствененъ языкамъ съ подвижнымъ удареніемъ, т.-е. такимъ, въ которыхъ нѣтъ опредѣленнаго мѣста въ словѣ для ударенія. Такую подвижность сохранили отъ времени общендо-европейской древности языки русскій, нѣмецкій и литовскій. Тоническое стихосложеніе отличается большею музыкальностью въ сравненіи съ метрическимъ и силлабическимъ. Кромѣ тѣхъ размѣровъ стопы, которые имъ усвоены отъ метрическаго стиха, оно знаетъ *риому*, не прибѣгаетъ къ *элизии* и *синкопе*, и въ крайнихъ случаяхъ допускаетъ измѣненіе обычнаго этимологическаго ударенія. По сравненію съ силлабическимъ стихомъ оно музыкальнѣе, потому что, пользуясь всѣми средствами силлабическаго стиха, имѣетъ болѣе опредѣленный звуковой ритмъ вслѣдствіе чередованія удареній.

Теоретикомъ тоническаго стихосложенія для русскаго языка былъ В. К. Тредьяковскій, современникъ Ломоносова. Въ своемъ „Мнѣніи о началѣ поэзіи“, доказывая, что выраженіе мыслей размѣреннымъ слогомъ ведетъ свое начало отъ языческихъ пѣсней, составленныхъ жрецами, Тредьяковскій далѣе прибавляетъ. „Сіе, равнымъ образомъ, я разумѣю и о нашихъ самыхъ первоначальныхъ стихахъ. Вѣроятно по всему, что и наши поганскіе жрецы были первыми у насъ стихотворцами. И хотя нѣтъ ни одного, оставшагося у насъ образчика языческаго нашей поэзіи, однако, видно и нынѣ по мужицкимъ пѣснямъ, что древнѣйшіе стихи наши, бывшіи въ употребленіи у жрецовъ нашихъ, состояли стопами, были безъ *риомъ* и имѣли тоническое количество слоговъ“. О силлабическомъ стихѣ въ примѣчаніи къ своему „Описанію грозы, бывшія въ Гагѣ“ Тредьяковскій такъ выражается: „По сочиненіи чего-нибудь на какую свою пѣсу ни посмотрю, вижу, что она не состоитъ стихами, выключая *риому*, но точно странными нѣкакими прозаическими строчками. Напоследокъ выразумѣлъ сему быть отъ того, что въ нихъ не было никакова по равнымъ разстояніямъ измѣреннаго слоговъ количества“. Свои стихи Тредьяковскій писалъ сначала *хореемъ*, и *ямбъ* оно считалъ *несвойственнымъ* русскому стихосложенію, но подъ вліяніемъ Ломоносова онъ измѣ-

низъ это свое мнѣніе и сталъ писать ямбомъ. Шестистопнымъ дактилемъ Тредьяковскій перевелъ Тилемахадy, начинающуюся такъ:

„Древня размѣра стихомъ пою Отцелюбнаго сына,
Кой, отъ природныхъ береговъ поплывъ и странст-
вуйа долго,
Былъ провождаемъ вездѣ Палладою Ментора въ
видѣ“.

Съ Ломоносова въ русской стихотворной рѣчи надолго водворяется ямбъ: имъ преимущественно писали не только поэты XVIII вѣка, но и XIX съ Пушкинымъ во главѣ. Этотъ размѣръ былъ любимымъ до Некрасова. Некрасовъ пользуется анапестомъ, амфибрахіемъ, дактилемъ и хореемъ.

Примѣры двухсложныхъ стопъ: Ямбъ. Формула его такая:

◡ ◡ | ◡ ◡ | ◡ ◡ | ◡ ◡ |

Удареніе въ этой стопѣ на первомъ слогѣ отъ конца: рука,
стѣна, окно, высокъ.

„Духовной жаждою | томимъ|,
Въ пустынь мрачной я | влачилъся
И шес|тикры|лый Се|рафимъ|
На пе|репуть | и мнѣ | явилъся“.

Хорей. Формула его:

◡ ◡ | ◡ ◡ | ◡ ◡ | ◡ ◡ |

Удареніе на второмъ слогѣ отъ конца: книга, всюду, кони,
мчатся.

„Мчатся | тучи,| выются | тучи|,
Невидимкою лу|на
Освѣщае|тъ | снѣгъ | летучій|,
Мутно | небо | ночь мутна“.

Трехсложныя стопы. Анапестъ. Формула его:

◡ ◡ ◡ | ◡ ◡ ◡ | ◡ ◡ ◡ |

Удареніе на первомъ слогѣ отъ конца: мужичокъ, ноготокъ,
осѣдлалъ, отдохнѣть, прискакалъ.

„Если па́смуренъ де́нь, | если но́чь | не свѣ́тла, |
 Если вѣ́теръ осе́нній бушу́етъ,
 Надъ душо́й | воца́ряется мгла́,
 Умъ бездѣ́йствуя, вя́ло тоску́етъ...“

Амфибрахій. Формула его:

◡ ◡ ◡ | ◡ ◡ ◡ | ◡ ◡ ◡ | ◡ ◡ ◡ | ◡ ◡ ◡ | ◡ ◡ ◡ |

Удареніе на второмъ слогѣ отъ конца: уби́тый, роси́нки, чер-
 пѣть, создáніе, возмо́жный.

„Послѣ́дня я т́уча | разсѣ́янной б́ури,
 Одна́ ты | несё́шься | по я́сной | лазу́ри,
 Одна́ ты | наводи́шь | уны́лую т́ьнь,
 Одна́ ты | печа́лишь | лику́ющий де́нь“.

Дактиль. Формула его:

◡ ◡ ◡ | ◡ ◡ ◡ | ◡ ◡ ◡ | ◡ ◡ ◡ | ◡ ◡ ◡ | ◡ ◡ ◡ |

Удареніе на третьемъ слогѣ отъ конца: стра́нники, ю́жную,
 чистое, рѣ́шеніе, скáтится, пла́чется.

„Вы́рыта | за́ступомъ | я́ма глу́бoкaя |.
 Ж́изнь не ве|сѣ́лая, | ж́изнь оди|но́кая |,
 Ж́изнь безпрі|ютная, | ж́изнь терп́ливая |,
 Ж́изнь, какъ о|сѣ́нная | но́чь, молча|л́ивая“.

Двусложныя и трехсложныя стопы могутъ сочетаться между со-
 бою, но такъ, чтобы не было двухъ высокихъ, ударяемыхъ сло-
 говъ рядомъ, потому что иначе нарушится ритмъ. Значить, несо-
 единимы слѣдующія стопы: ямбъ и дактиль, анапестъ и хорей. Тѣ
 стопы, которыя сходны между собой по мѣсту ударенія, могутъ
 соединяться и называются однородными стопами, таковы: дактиль
 и хорей, ямбъ и анапестъ. Амфибрахій можетъ сочетаться со
 всѣми четырьмя стопами, потому что при этихъ размѣрахъ не
 можетъ произойти встрѣчи удареній. Стихи изъ разныхъ однород-
 ныхъ стопъ называются смѣшанными.

Стихъ дактило-хоренческій:

„Ступи́ть на | го́ры, | го́ры тре|ща́тъ;
 Ляже́тъ на | мо́ре, | бездны ки|пя́тъ“.

Стихъ ямбо-амфибрахическій:

„По небу |полуно|чи Ангелъ| летѣлъ
И тиху|ю пѣсню |онъ пѣлъ;
И мѣсяцъ|, и звѣзды|, и тучи| толпой|
Внимали| той пѣсни| святой|“.

Стихи могутъ различаться по количеству стопъ, входящихъ въ составъ строки. Бываютъ стихи одноstopные, двухstopные, трехstopные, четырехstopные, пятиstopные, шестиstopные. Возможно чередованіе стопъ разнаго количества: двухstopныхъ съ трехstopными, четырехstopныхъ съ пятиstopными и т. д. Такіе стихи называются вольными.

Одноstopные стихи:

„Тихій Донъ,
Синій Донъ
И широкъ,
И глубокъ.
Казаковъ,
Удальцовъ
И носилъ,
И поилъ“.

Эти стихи очень рѣдки. Они чаще встрѣчаются въ соединеніи:

„Измучен|ный жизни |тревогой| и золь
Опять, мо|я радость|, я дѣшу| отвѣлъ
Съ тобою.
И на сердцѣ вновь и свѣтло, и тепло,
Какъ будто бы жаркое солнце взошло
Весною“.

К. Р.

Стихи двухstopные:

„Спаситель|, Спаситель,
Чиста мо|я вѣра|,

Какъ пламень| моли́твы;

Но, Бо́же, |и вѣрѣ|

Моги́ла |темна́|“.

Трехстопные:

„Го́рны|я вер|шины|

Спа́ть во |тъмѣ́| но́ч|ной|,

Ти́хи|я до|лины

По́льны| свѣ́жей| мглой|“.

Четырестопные:

„Го́рить |востокъ| за́ре|ю но́вой|.

Ужъ на |равни́|нѣ́ по́| холма́мъ|

Грохо́|чуть пу́ш|ки. Ды́мъ |багровый

Клуба́|ми всхо́|дить къ не́|бесамъ

Навстрѣ́|чу у́т|реннимъ| луча́мъ“.

Пятистопные:

„Благо́|словенъ| Всевы́ш|ній, по́|сели́вший|

Духъ ми́лости| и кро́т|каго́ |терпѣ́нныя

Въ ду́шѣ́ |твоей|, вели́|кій го́|сударь!

Ты грѣ́ш|ному́| поги́|бели́| не хо́чешь:

Ты ти́|хо жде́шь| да прои́|детъ за́|блужде́нье“.

Пятистопный стихъ называется пентаметромъ.

Шестистопные ямбическіе:

„Отцы́| пусты́|ники| и же́|ны не́|поро́чны, ?

Чтобъ се́рд|цемъ воз|летать| во о́б|ласти| заочны,

Чтобъ укѣ́рѣ|нить| его́| сре́дъ до́ль|нихъ бу́ры| и

битвѣ́,

Сложи́|ли мно́|жество́| божест|венныхъ| моли́твъ“.

Шестистопный стихъ изъ ямбовъ называется александрійскимъ, потому что этимъ размѣромъ въ средніе вѣка было составлено сказаніе объ Александрѣ Македонскомъ.

Шестистопные дактилическіе:

„Слышу у|молкнувшій| [гла́съ бо]же́ственной| э́ллин-
ской| рѣчи,

Ста́рца ве́ликаго| тѣнь| чу́ю смущѣ́нной ду́шой“.

Шестистопный дактило-хореическій стихъ называется гекза-
метромъ.

Стихи съ неодинаковымъ количествомъ стопъ—вольные:

„Въ глубо́комъ| [ущѣ́льи], 2 стопы

Гдѣ́ гнѣ́зда| [стриже́й], 2 стопы

По́ желтымъ| [обры́вамъ]| темнѣ́ютъ| пусты́нныя
кѣ́льи|, 5 стопъ

Но́ рѣчи| [не слы́шно]| ничѣ́й; 3 стопы

Все́ тѣ́хо, [по́ка не| [сберѣ́тся]| къ служѣ́нью]| 4 стопы

Отше́льни| [ковъ ро́й], 2 стопы.

И́ вто́ритъ| [тогда́ ихъ| [обря́дно| [му пѣ́нью]| 4 стопы

Оди́нь отго́лосо́къ| [глухо́й“.] 3 стопы.

Гр. А. Толстой.

Въ виду того, что стопа не можетъ состоять болѣе, чѣмъ изъ трехъ слоговъ, и въ виду того, что въ русскомъ языкѣ нѣтъ определенной границы для числа слоговъ въ словѣ, то въ русской стихотворной рѣчи выработалось добавочное, просодическое удареніе для словъ многосложныхъ. Въ словахъ пусты́нники, непоро́чны, погѣ́бели, го́рныя этимологическое удареніе падаетъ на гласные *ы*, *о*, *и*, *о*, а просодическое удареніе по требованіямъ размѣра падаетъ на второе *и* въ словѣ пусты́нники, на *е*—въ непоро́чны, на второе *и* — въ погѣ́бели, на *я*—въ го́рныя. Просодическое удареніе въ стихѣъ развилось изъ добавочнаго ударенія, свойственнаго всѣмъ многосложнымъ словамъ русскаго языка. Но въ обыкновенной, прозаической рѣчи это добавочное удареніе не выдѣляется такъ рѣзко, какъ въ стихотворной. Но и въ стихотворной рѣчи эта рѣзкость ударенія ослабляется видоизмѣненіемъ двухсложныхъ стопъ хореическихъ и ямбическихъ въ четырехслож-

ныя стопы, называемыя пэонами. Въ пэонахъ выдѣляется съ силой только одно удареніе. Пэоны съ удареніемъ на первомъ и третьемъ слогахъ называются первыми и третьими. Эти пэоны развились изъ хореевъ. Формула ихъ такая:

Первые пэоны: ◡ ◡ ◡ ◡ | ◡ ◡ ◡ ◡ | ◡ ◡ ◡ ◡ |

Третьи пэоны: ◡ ◡ ◡ ◡ | ◡ ◡ ◡ ◡ | ◡ ◡ ◡ ◡ |

Пэоны съ удареніемъ на второмъ и четвертомъ слогахъ называются вторыми и четвертыми. Они развились изъ ямбовъ. Формула ихъ:

Вторые пэоны: ◡ ◡ ◡ ◡ | ◡ ◡ ◡ ◡ | ◡ ◡ ◡ ◡ |

Четвертые пэоны: ◡ ◡ ◡ ◡ | ◡ ◡ ◡ ◡ | ◡ ◡ ◡ ◡ |

Примѣры. Вторые пэоны:

„Весною степь| зелѣная
Цвѣтами вся| разубрана,
Вся птичками| летучими
Плывучими| полнымъ-полна“.

Кольцовъ.

Третьи пэоны:

„Жарко въ небѣ|, солнце лѣтнее,|
Да не грѣтъ| меня молодца;
Сердце замер|ло отъ холода,
Отъ измѣн| моей суженой“.

А. Кольцовъ.

Въ тоническомъ стихосложеніи звуковой ритмъ достигается дѣленіемъ стиха на стопы, поэтому рима въ тоническомъ размѣрѣ необязательна. Стихи, въ которыхъ отсутствуетъ рима, называются бѣлыми. Такихъ стиховъ очень много у Кольцова. У Пушкина бѣлыми стихами написана драма „Борисъ Годуновъ“.

„Что, дремучій лѣсъ,
Призадумался?
Грустью темною
Затуманился?“

Кольцовъ.

Иногда бѣлые стихи соединяются съ римованными:

„Но синимъ волнамъ океана,
Лишь звѣзды блеснуть въ небесахъ,
Корабль одинокій несется,
Несется на всѣхъ парусахъ“.

Лермонтовъ

§ 77. НАРОДНОЕ ТОНИЧЕСКОЕ СТИХОСЛОЖЕНИЕ.

Въ народномъ стихосложеніи въ противоположность литературному звуковой ритмъ основывается на чередованіи логическихъ, смысловыхъ удареній. Логическимъ удареніемъ называется то повышеніе голоса, связанное съ измѣненіемъ его интонаціи, которымъ изъ предложенія выдѣляется наиболѣе важное слово по своему смыслу. Такимъ образомъ, народный стихъ не знаетъ дѣленія строчки на стопы съ опредѣленнымъ количествомъ слоговъ. Мѣсто стопы въ народномъ стихѣ занимаетъ ритмическій періодъ, т.-е. разсѣченіе стиха посредствомъ пезуры на двѣ части. Каждая часть этого періода имѣетъ два ритмическихъ ударенія: одно ближе къ началу періода и второе ближе къ концу. Первое удареніе совпадаетъ съ этимологическимъ. Во второмъ періодѣ или полустипіи первое удареніе занимаетъ приблизительно то же мѣсто, что и въ первомъ полустипіи, и совпадаетъ съ этимологическимъ, а второе удареніе непременно должно падать на конечный слогъ; здѣсь совпаденіе удареній не всегда возможно. Нечетныя ударенія, т.-е. первое и третье, называются главными; обозначаются они знакомъ акута и совпадаютъ съ этимологическимъ, а четныя— 2 и 4, добавочныя, и обозначаются знакомъ грависа. Совпаденіе ихъ съ этимологическимъ удареніемъ необязательно. Возможно, что четныя ударенія по своему характеру количественны, потому что въ народномъ стихѣ, на томъ мѣстѣ, гдѣ должно падать четное удареніе, часты удлиненія гласныхъ: высокіихъ, поскакучіихъ, быстрыихъ и т. п. Изъ этого видно, что народный стихъ имѣетъ только по 4 ударенія:

„Въ сто́льномъ го́родѣ || Кіе́вѣ,

У ла́скова кня́зя || Влади́мира,

У вели́каго кня́зя || ве́черинка бы́ла“.

Въ народномъ стихосложеніи различается восходящее и нисходящее ударенія. Въ первомъ случаѣ начальныя слоги не имѣютъ ударенія, а оно стоитъ на второмъ или на третьемъ слогѣ, а во второмъ случаѣ удареніемъ начинается самый стихъ.

Примѣръ восходящаго ударенія:

„Госу́дарь ты мо́й || ба́тюшка

И роди́мая || ма́тушка,

У́жъ вы всѣ́хъ || по́дчуйтѣ,

Одно́го гостя́ || не по́дчуйтѣ“.

Примѣръ нисходящаго ударенія:

„Солнышко || ведрышко,
Выгляни || въ окошечко:
Твои дѣтки || плачутъ,
Сыръ ко || лупають,
Собакамъ бро || саютъ“.

Изъ приведенныхъ пѣсень видно, что послѣдовательности удареній часто не бываетъ: первый и второй стихи имѣютъ одинъ видъ ударенія, а третій—другой и т. д. Звуковой ритмъ въ народныхъ стихахъ достигается различными способами. Для соответствія между стихами и ритмическими періодами стиха народъ прибѣгаетъ къ плеонастическимъ выраженіямъ, причемъ иногда базисъ пѣсни, начальный стихъ, состоитъ изъ сплошныхъ плеоназмовъ:

„Какъ нунечку, топеречку || гдѣ еще
Какъ намъ еще сюда || показался бы
Какъ старый козакъ || здѣ Илья Муромецъ.
Какъ нунъ то есть || было топеречку
Отъ тѣи бѣды || онъ насъ повyrучить“.

Въ виду того, что народные стихи не читаются, а поются, то по требованіямъ музыки слова могутъ удлиняться и сокращаться:

„Ты хорошъ, пригожь, || на горѣ стоишь
Промежь двухъ рѣкъ, || промежь быстрыхъ.
На той на святой || горы
Былъ богатырь || чудный“.

Въ словахъ быстрыхъ и чудныхъ удлиненіе конечныхъ слоговъ. Удлиненіе слоговъ допускается и въ срединѣ стиха:

Заворачивалъ || кунѣцъ, лисицъ,
И малыхъ || горностаюшковыхъ“.

Въ стихѣ:

„Ты воспой, воспой
Младъ жав(о)роночекъ“

Въ словѣ жавороночекъ первое о выпадаетъ.

Народному стиху свойственны аллитерація и ассонансъ. Аллитераціей называется созвучіе начальныхъ слоговъ или звуковъ въ словахъ. Аллитерація извѣстна, кромѣ русскаго языка, также и другимъ индо-европейскимъ языкамъ. Въ донесеніи Цезаря Сенату *veni, vidi, vici* звукъ *v*, общій всѣмъ словамъ, а слогъ *vi*—двумъ послѣднимъ. Другой примѣръ аллитераціи изъ латинскаго языка: „*O Tite Tati, tute tibi, tantum tyrannum tulisti*“. Примѣры аллитераціи изъ нѣмецкаго языка: *Stock und Stein, Wind und Wetter, Wohne weht mit weichem Flügel*. Аллитерація извѣстна въ древнихъ памятникахъ русской литературы. У Данила Заточника въ его Моленіи:

„Кому Любово, а мнѣ горе лютое“.

Изъ Слова о плѣку Игоревѣ:

„Которыи дотечаше, та прѣди пѣсь пояше“.

„Въ пяткѣ потопташа поганыя плѣкы половецкыя“

Изъ народныхъ пѣсень:

„Братецъ-татаринъ

Продаль сестрицу за талеръ“.

„Какъ тутъ стали Садка поपाивать,

Стали Садку поднашивать,

Какъ тутъ-то Садко сталъ похвастывать“.

„Не ходи, чадо, къ костаремъ и корчемникамъ“.

„Загребай, мамка, жаръ, жаръ,

Будетъ тебѣ дочки жалъ, жалъ“.

„Свату—свара, брату—блага“.

„Куда ни кинь, вездѣ клинъ“.

Ассонансомъ называется созвучіе между гласными; онъ извѣстенъ, кромѣ русскаго языка, также и другимъ: *Wolken folgen hoch in Lüften* (Gёte).

„И не надо двory боярскіе,

И не надо двory дворянскіе“.

„И перебилъ онъ станицу разбойниковъ,

Разбойниковъ прибилъ подорожниковъ“.

„Соходилъ старый со добра коня,

И выпускалъ...

Сорокъ королей и королевичевъ“.

„Мѣтилъ въ корову, а попалъ въ ворону“.

Ассонансъ иногда соединяется съ аллитераціей:

„Было сало, стало мыло“.

Аллитерація, какъ то мы видѣли, нерѣдко предшествуетъ риму, и тогда получается богатая риома. Аллитерація и ассонансъ много содѣйствуютъ изобразительности рѣчи. Повтореніе однихъ и тѣхъ же звуковъ дѣлаетъ и самую рѣчь оноματοпоэтическою: „Отъ топота копытъ пыль по полю несется“—самой рѣчью передается ощущеніе отъ бѣга коня и отъ пыли, развѣвающейся въ воздухѣ вслѣдствіе этого бѣга. У Гнѣдича очень наглядно изображенъ быстро бѣгушій конь: „Бурный бѣжитъ по полямъ, поражая копытами землю“.

Пластичность слога.

§ 78. ВНУТРЕННЯЯ ИЗОБРАЗИТЕЛЬНОСТЬ РѢЧИ.

Мы видѣли, что существеннымъ свойствомъ слога является его понятность, зависящая отъ ясности, точности, правильности и чистоты рѣчи, и эти его свойства въ одинаковой мѣрѣ необходимы какъ для прозаическаго, такъ и для поэтическаго выраженія мыслей. Слогъ, состоящій изъ однихъ абстрактныхъ словъ, т.-е. изъ такихъ выраженій, которыя вызываютъ понятія, въ дѣйствительности невозможенъ, потому что въ мышленіи всегда происходитъ чередованіе понятій и представленій. Исклѣчительно отвлеченное мышленіе невозможно уже и потому, что для образованія понятій надо отправляться отъ представленій, которыя по самому своему существу всегда конкретны. Для образованія чистыхъ понятій надо оторваться отъ ихъ словесной оболочки и обозначать понятія алгебраически, условно, какъ это и дѣлается въ математикѣ. И, дѣйствительно, прозаическая рѣчь въ научныхъ произведеніяхъ перемѣшана съ поэтическою. Такова рѣчь у Бѣлинскаго въ его критическихъ статьяхъ, у Карамзина въ его „Исторіи Государства Россійскаго“, у Ключевскаго въ его ученыхъ историческихъ трудахъ, у Брема въ „Жизни животныхъ“ и т. п. Наконецъ, и наша обыденная рѣчь, будучи по своему существу прозаическою, никогда не обходится безъ поэтическихъ (образныхъ) выраженій. Такія выраженія, какъ: задрать носъ, нести околесицу, сгибаться въ перегибъ, насолить кому-либо, опростоволоситься и т. п.—всѣ эти реченія образныя. Эти образныя реченія мы прежде называли словами въ несобственномъ смыслѣ, словами съ переноснымъ значеніемъ. Но это опредѣленіе не совсѣмъ точное. И вотъ почему. Это переносное значеніе должно бы чувствоваться во всѣхъ словахъ; но существуетъ въ языкѣ множество словъ и реченій съ переноснымъ значеніемъ, и оно совсѣмъ не чувствуется, или слабо; та-

ковы, напр.: солнце восходить, дождь идетъ, буря воесть, ручка (у двери), ножка (у стола), перо (для письма). Для того, чтобы почувствовать въ этихъ реченіяхъ ихъ метафорическій смыслъ, надо особое усиліе мысли: солнце, дождь и буря—не живыя существа, а потому имъ несвойственны тѣ признаки, которые прилагаются къ одушевленнымъ существамъ. Поэтическія слова нельзя называть словами съ несобственнымъ значеніемъ еще и потому, что очень часто въ подобнаго рода реченіяхъ нѣтъ никакого перенесенія. Въ выраженіяхъ: 5 *лицъ*, 100 *головъ* скота, ловить *рыбу*, вернуться подъ родной *кровъ*, слушать *музыку* и мн. др.—слова: лицъ, головъ, рыбу и пр. употреблены въ ихъ собственномъ значеніи. Но хотя часть этихъ выраженій употреблена и въ ихъ собственномъ значеніи, потому что лицо часть человѣка, голова—животнаго, кровъ—дома (оказаться подъ кровомъ своего дома), но все-таки требуется и здѣсь нѣкоторое усиліе мысли для того, чтобы не понять этихъ выраженій буквально.

Итакъ, для того, чтобы отличить поэтическое слово отъ прозаическаго, требуется нѣкоторое усиліе умственной дѣятельности. Это усиліе, или, вѣрнѣе, эта дѣятельность сводится къ представленію двухъ предметовъ мысли. Для того, чтобы понять образность выраженія „бѣлѣть парусъ одинокій“, нужно выдвинуть въ сознаніи не только мысль, соединенную со словомъ парусъ, но и мысль о кораблѣ или суднѣ, какъ предметѣ, включающемъ въ себя признакъ „парусъ“. Выраженіемъ желѣзный характеръ указывается на непреклонность воли, ея твердость, но основаніемъ для этого выраженія послужилъ признакъ твердости желѣза. Отсюда мы видимъ, что образное выраженіе отличается отъ прозаическаго тѣмъ, что мысль исходитъ отъ значенія словъ, обозначающихъ два предмета, имѣющихъ между собою ту или другую связь, близкую или отдаленную, и что сначала въ мысли происходитъ процессъ различенія этихъ предметовъ и потомъ—отождествленія.

Образность мысли нельзя понимать въ томъ смыслѣ, что она возникла въ рѣчи для приданія ей красоты, и поэтому нельзя думать, что эта образность безусловна только въ поэтической рѣчи, а отсюда, она не можетъ считаться прилаткомъ къ ней, вродѣ тѣхъ лѣпныхъ украшеній, барельефовъ и т. п., которыми украшаются стѣны зданій. Мы впоследствии увидимъ, что образность рѣчи является особенностью поэтическаго мышленія, однимъ изъ его приемовъ. Наблюденіе надъ разговорной, обыденной прозаической рѣчью указываетъ на то, что и въ этой рѣчи образность составляетъ ея существенное свойство у всѣхъ людей безъ исключенія. Очевидно, въ обыденной рѣчи, которая стремится только къ ясности понятности, не можетъ быть цѣли украшать рѣчь поэтическими

выраженіями: худы ли, хороши ли они, но они являются сами по себѣ, безъ какого-либо умысла со стороны говорящаго. И въ прозаическихъ, научныхъ произведеніяхъ, по своему существу отличающихся отъ поэтическихъ обобщеніемъ различныхъ явленій и установленіемъ для нихъ законовъ, т. - е. отвлеченностью и абстрактностью, исключаяющими мышленіе образное, т. - е. мышленіе посредствомъ представленій, эти поэтическія выраженія—обычное явленіе. Но все же поэтическія выраженія придаютъ красоту слогу, и красота эта настолько сильно чувствуется, что даже тотъ художественный слогъ, позади котораго въ рѣчи нѣтъ почти никакого содержанія или очень мало, самъ по себѣ доставляетъ наслажденіе слушателю или читателю. Это свойство слога вызывать чувство удовольствія одной своей формой, красивымъ наборомъ словъ, и дало поводъ думать, что образность слога есть только украшеніе рѣчи. Нельзя думать, что образность есть украшеніе рѣчи и потому, что тогда, во-первыхъ, можно бы было снять эту образность рѣчи, подобно тому, какъ можно снять лѣпныя украшенія съ наружныхъ и внутреннихъ стѣнъ, но этого по отношенію къ чисто поэтическимъ произведеніямъ сдѣлать нельзя: отъ нихъ тогда ничего не останется; во-вторыхъ, образность рѣчи нельзя считать украшеніемъ и потому, что тогда пришлось бы думать, что поэтъ-художникъ сначала составляетъ свою рѣчь прозаическимъ языкомъ и потомъ переводить ее на поэтическій. Но свидѣтельства самихъ поэтовъ о своей творческой дѣятельности исключаютъ подобное предположеніе. Правда, мы находимъ нѣчто подобное въ баснѣ и дидактическихъ произведеніяхъ, но, какъ увидимъ впослѣдствіи, и тамъ нѣтъ перевода прозаическаго языка на поэтическій. Изъ этого мы можемъ сдѣлать тотъ выводъ, что красота рѣчи не есть сама по себѣ цѣль, но она только слѣдствіе особенностей поэтическаго мышленія.

Если образность есть свойство не только поэтической, но даже и прозаической рѣчи, то она, очевидно, должна корениться въ особенностяхъ мышленія вообще. И это дѣйствительно такъ. Прежде всего, эта образность зависитъ отъ бѣдности прозаическаго языка, отъ невозможности выражать свои мысли только словами—понятіями. И эта невозможность лежитъ глубоко въ природѣ мышленія, и отъ нея никогда нельзя будетъ освободиться. Внѣшній міръ и всѣ явленія природы познаются нами при помощи ощущеній, и эти ощущенія воспроизводятся нами въ формѣ живыхъ представленій о предметахъ. Другого познанія міра въ смыслѣ полученія матеріаловъ для познанія инымъ какимъ-либо способомъ быть не можетъ. Такимъ образомъ, до тѣхъ поръ, пока мы будемъ получать познаніе о явленіяхъ міра путемъ внѣшнихъ чувствъ, до

тѣхъ поръ мы будемъ находиться всегда въ зависимости отъ ощущеній и связанныхъ съ ними представленій. Поэтому при всемъ желаніи освободиться отъ поэтического языка мы не можемъ, и часто не въ состояніи замѣнить поэтическихъ образовъ прозаическими выраженіями. Возможно ли, въ самомъ дѣлѣ, перевести на прозаическій языкъ такіа выраженія, какъ: солнце всходить, идетъ дождь, на дворѣ морозъ, пушки гремятъ, вѣтеръ свищетъ и т. п.? Во многихъ случаяхъ такая замѣна невозможна и во многихъ, если она возможна, то вредитъ рѣчи, нарушая принципъ экономіи мысли и непроизводительно затрачивая мысль на подборъ излишнихъ словъ. Возьмемъ выраженіе „перо его местию дышитъ“, состоящее изъ четырехъ словъ и замѣнимъ его прозаической рѣчью: „авторъ посланія (къ Грозному) настолько разгнѣванъ, что его произведеніе проникнуто чувствомъ сильной мести и вражды“. Изъ этого переложенія мы видимъ, что рѣчь, потерявши необходимую ей краткость, вмѣстѣ съ тѣмъ потеряла и выразительность, свойственную поэтическому мышленію, и вмѣстѣ съ тѣмъ утратилась и самая точность рѣчи: отгѣнокъ значенія „дышитъ“ въ этомъ переложеніи не переданъ. Такимъ образомъ, мы видимъ, что поэтической складъ рѣчи при своей краткости и сжатости отличается и большей содержательностью сравнительно съ прозаическимъ переложеніемъ.

Поэтический слогъ имѣетъ еще одно важное значеніе. Такъ какъ поэтическія слова вызываютъ живое представленіе о предметѣ, то они для мысли даютъ точку опоры, или тотъ исходный пунктъ, изъ котораго мысль должна исходить въ своей послѣдующей дѣятельности. Возьмемъ такой отрывокъ изъ Шиллера: „и пахаря потъ растоптанъ лежитъ“ и сравнимъ его съ прозаическимъ переложеніемъ: „поля, засѣянные крестьянами, уничтожены. Въ небольшомъ отрывкѣ изъ Шиллера каждое слово въ соединеніи съ другими влечетъ за собой соотвѣтствующие образы. Со словомъ „потъ“ здѣсь связывается представленіе о тяжеломъ и часто непосильномъ трудѣ пахаря-крестьянина и вмѣстѣ съ тѣмъ о тѣхъ надеждахъ, которыя онъ лелѣялъ въ виду съ ожидаемаго урожая, и которыя, быть можетъ, отчасти облегчали его работу; словомъ „пахарь“ вызывается представленіе о земледѣльцѣ, живущемъ исключительно этимъ трудомъ; со словомъ „растоптанъ“ ассоціируется представленіе о неразумнѣй подководца, по приказанію котораго войска прошли по засѣянному полю, и, наконецъ, слово „лежитъ“ вызываетъ образъ поля, уже взрослого, быть можетъ, колосащагося и. т. п. Прозаическое же переложеніе вслѣдствіе того, что слова въ немъ утратили свою живописность, или, иначе, поэтичность, никакихъ образовъ не вызываетъ: оно только схема художественнаго предложенія.

Попробуемъ переложить „Думу“ Лермонтова на прозаическій языкъ, и это переложеніе не вызоветъ тѣхъ образовъ, которые заключаются въ этомъ произведеніи. То же надо сказать и о всѣхъ поэтическихъ произведеніяхъ, а въ особенности лирическихъ, гдѣ образы изъ жизни вѣшняго міра въ особенности сжаты и вмѣстѣ ярки.

Поэтическая рѣчь имѣетъ и еще одну очень важную особенность въ сравненіи съ прозаическою. Представленія, отличаясь своей яркостью и живостью, появляются въ сознаніи всегда съ сопутствующими имъ тѣми или другими чувствованіями, находящимися въ зависимости отъ содержанія представленій. Эти чувствованія становятся еще болѣе сильными и разнообразными вслѣдствіе способности представленій такъ или иначе сочетаться между собою. И это сочетаніе образовъ, возбуждая и усиливая умственную дѣятельность, вмѣстѣ съ тѣмъ возбуждаетъ и эмоціональную, сердечную. Такъ баллада Пушкина „Бѣсы“ заставляетъ читателя испытывать видоизмѣненное чувство страха за ямщика и путешественника, сбившихся во время метели съ дороги; „Опять на родинѣ“ вызываетъ въ читателѣ сожалѣніе и тоску о минувшихъ дняхъ юности; „Среди природы“ Лермонтова умиротворяетъ человѣка, потерявшаго душевное спокойствіе, созерцаніемъ красотъ природы. Что сказано о лирическихъ произведеніяхъ, то же надо сказать и объ эпическихъ и драматическихъ. Въ „Воздушномъ кораблѣ“ Лермонтова мы удивляемся энергіи и любви Наполеона къ своей родинѣ; въ „Василии Шибановѣ“ мы восторгаемся чувствомъ любви и преданности Шибанова не только къ своему господину Курбскому, но и къ родинѣ и врагу Курбскаго Грезному, предавшему Шибанова въ руки палачей за измѣну его господина.

Чувство эстетическаго удовольствія и соединенныя съ нимъ другія лирическія чувства, находящіяся въ зависимости отъ содержанія образовъ, усиливаются и осложняются, кромѣ того, отъ самого строя поэтической рѣчи. И часто этотъ самый строй самъ по себѣ, независимо отъ содержанія рѣчи, вызываетъ въ душѣ читателя чувство эстетическаго волненія. Приведемъ въ качествѣ примѣра отрывокъ изъ монолога Пимена:

„Пришелъ я въ ночь. На утро, въ часъ обѣдни,
Вдругъ слышу звонъ... ударили въ набатъ...
Крикъ, шумъ. Бѣгутъ на дворъ царицы. Я
Спѣшу туда жъ, а тамъ уже весь городъ.
Гляжу: лежитъ зарѣзанный царевичъ,
Царица-мать въ безпамятствѣ надъ нимъ,
Кормилица въ отчаяннѣ рѣдаетъ,

А тутъ народъ, остервенясь, волочить
Безбожную предательницу-мамку...
Вдругъ между нихъ свирѣпъ, отъ злости блѣденъ,
Является Іуда-Битяговскій.
„Вотъ, вотъ злодѣй!“—раздался общій вопль,—
И вмигъ его не стало“.

Эта рѣчь состоитъ изъ словъ прозаическаго значенія. Для пониманія ея не требуется того усилія и напряженія, о которомъ у насъ была рѣчь ранѣе. И все же эта рѣчь вызываетъ въ насъ чувство эстетическаго волненія самымъ грамматическимъ строемъ. Если измѣнить этотъ грамматическій строй, связавъ въ приведенномъ примѣрѣ всѣ предложенія по способу подчиненія, введя соответствующіе союзы и замѣнивъ формы сказуемыхъ другими, то эта измѣненная рѣчь уже не вызоветъ при чтеніи того эстетическаго волненія, какое она вызывала ранѣе. Изъ разбора приведеннаго отрывка легко замѣтить, что содержаніе мысли здѣсь прозаическое, но форма, въ какую отлилось это содержаніе, поэтическая. Отчего же происходитъ, что рѣчь, по своему содержанію прозаическая, производитъ впечатлѣніе рѣчи поэтической? Оттого, что эта рѣчь, грамматическій ея строй, создается подъ вліяніемъ работы чувства. Чувство вторгается въ область мысли и строитъ рѣчь соответственно своему содержанію: въ тѣхъ случаяхъ, когда нужно употребить отрывочную рѣчь, оно производитъ эту рѣчь, а когда—періодическую, то—последнюю. Рѣчь, въ которой чувство сильнѣе всего проявляется, называется эмоціо-нальной рѣчью. Итакъ, выразительность рѣчи, ея поэтическая изобразительность зависитъ или а) отъ приемовъ мышленія, или б) отъ вмѣнательства въ работу мысли чувства. Изобразительности рѣчи способствуютъ тропы, сравненія, эпитеты и фигуры.

§ 79. ТРОПЫ.

Слово тропъ, *троπος*, греческое, происходитъ отъ глагола *τρέπω*—поворачиваю и значитъ поворотъ, направленіе. Мы видѣли изъ предшествующаго §, что изобразительность слога зависитъ отъ поэтическихъ словъ, т.-е. такихъ, содержаніе которыхъ связывается съ живымъ представленіемъ о предметѣ.

Для уясненія природы троповъ надо припомнить, что въ словѣ имѣются двѣ стороны: 1) звуковая форма его и 2) внутренняя, тотъ смыслъ и значеніе, которые связываются съ звуковой формой. Во внутренней сторонѣ слова мы различали, между прочимъ, этимологическую (см. § 34), т.-е. рядъ тѣхъ измѣ-

неній въ словѣ, которымъ оно подвергалось и подвергается въ своей жизни въ зависимости отъ различныхъ условій. Въ этой этимологической сторонѣ на первомъ мѣстѣ надо поставить первичное значеніе слова. Первичное значеніе слова зависитъ отъ того впечатлѣнія, которое оказало наиболѣе сильное вліяніе на названіе предмета тѣмъ именемъ, которое укрѣпилось за этимъ предметомъ въ начальной стадіи языка. Для примѣра возьмемъ нѣсколько словъ изъ жизни индо-вропейскихъ языковъ. Волкъ названъ въ санскритѣ волкомъ—*vṛkas*—разрывающимъ потому, что первѣе всего обращено было вниманіе на то, что онъ свою добычу терзаетъ на части; мышъ (*mus*—значитъ воръ) названа такъ потому, что она своими дѣйствіями вызвала сходство съ дѣйствіями вора; дочери дано названіе *dukte*—доильницы по специальности ея занятія въ семьѣ первобытнаго человѣка. Всѣ эти слова, въ которыхъ ясно представлялось ихъ значеніе, были словами съ живымъ представленіемъ о предметѣ, тропами.

Съ развитіемъ языка то первичное значеніе слова, о которомъ у насъ сейчасъ была рѣчь, тускнѣло вслѣдствіе того, что отъ предмета, обозначеннаго первичнымъ словомъ, стали получаться новыя впечатлѣнія и иногда противорѣчивыя съ первымъ значеніемъ. Со словомъ человѣкъ стало соединяться значеніе не только о его смертности, но и о разумности, тѣлесности и т. п. Первичное значеніе въ словѣ постепенно тускнѣло вслѣдствіе того, что каждый предметъ познавался со стороны многихъ признаковъ. Слова съ потускнѣвшимъ первичнымъ значеніемъ сдѣлались прозаическими словами. Тропы, или поэтическія слова, переходили въ разрядъ прозаическихъ, когда въ словѣ терялась посредствующая ступень между звуковой формой и его содержаніемъ, т. е. когда содержаніе примыкало непосредственно къ звуковой формѣ вслѣдствіе забвенія первичнаго значенія.

Но вслѣдствіе перехода троповъ въ слова съ прозаическимъ значеніемъ не происходило убыли словъ съ поэтическимъ значеніемъ. Это даже содѣйствовало появленію новыхъ троповъ. Мы должны предполагать, что первобытный языкъ отличался малочисленностью корней словъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ должны допустить, что умственное развитіе человѣка, выражавшееся въ количествѣ представлений и понятій о вѣншемъ мірѣ, опережало то количество словъ, которое имѣлось въ запасѣ, т. е. понятій было больше, чѣмъ словъ. Новыя представленія и понятія для того, чтобы имъ пріобрѣсти необходимую для нихъ ясность и отчетливость, должны были закрѣпиться въ словѣ, а такъ какъ словъ не хва-

тало, то первобытный человекъ такъ же, какъ и современный, пользовался для этой цѣли прежними словами. И снова стали возникать слова съ поэтическимъ значеніемъ. Матеріаломъ для этихъ новыхъ поэтическихъ словъ послужили прозаическія слова, отличившіяся богатствомъ своего содержанія.

Такъ какъ въ прозаическомъ словѣ звуковая сторона непосредственно примыкаетъ къ его содержанію, то одно слово характеризуетъ предметъ со стороны многихъ признаковъ. Незвѣстные предметы нами познаются при посредствѣ извѣстныхъ. Незнакомое намъ дѣлается извѣстнымъ, когда мы его включили на основаніи какого-либо сходства въ категорію извѣстныхъ. Положимъ мы увидѣли незнакомое намъ дерево, мы его причислили къ категоріи деревьевъ, потому что въ немъ нашли стволъ, вѣтви, листья и т. п. Въ этомъ случаѣ мы включаемъ познаваемое нами въ опредѣленную категорію предметовъ на основаніи нѣсколькихъ сходствъ. Но въ языкѣ познаніе одного предмета другимъ совершается черезъ одинъ сходный признакъ. Въ индоевропейскомъ праязыкѣ, положимъ, составилось представленіе о лапѣ, какъ рукъ человека или лапѣ животного. Разсматривая листья какого-либо дерева, форма которыхъ напоминаетъ ему лапу, онъ древесный листъ называетъ лапою (срв. *lapas*, лит. листъ). И неизвѣстный предметъ черезъ одинъ только признакъ познавъ съ преже извѣстнымъ, и сдѣлался теперь уже также извѣстнымъ. Древесный листъ отличается тонкостью своего строенія. Тонкость его строенія послужила новымъ средствомъ для образованія другого слова. Тонкостью своего строенія отличается также и бумага; отсюда бумажный листъ тоже названъ листомъ. Бумажный листъ однороденъ по своей массѣ, по своему матеріалу. Тѣмъ же свойствомъ отличается и желѣзный листъ, который названъ также однимъ именемъ съ бумажнымъ листомъ. Бумажный листъ употребляется для печати; на облигаціонныхъ, денежныхъ листахъ также печатаются разныя слова, отсюда акція и облигація—тоже листъ. Мы взяли примѣры изъ современнаго намъ русскаго языка, и количество ихъ можно пополнить до безконечности. Новые слова, образовавшіяся изъ словъ съ потускиѣвшимъ первичнымъ значеніемъ при посредствѣ одного сходнаго признака, который можно назвать членомъ сравненія, будутъ также поэтическими словами или тропами, потому что этотъ членъ сравненія, въ нихъ будетъ имѣть смыслъ первичнаго значенія и вызывать, такимъ образомъ, живое представленіе о предметѣ. Но тропъ можетъ состоять не изъ одного слова, а изъ сочетанія словъ. И въ этомъ случаѣ можно признать поэтическимъ только то сочетаніе, въ которомъ членъ сравненія связываетъ

ся со словомъ на основаніи одного какого-либо признака, характернаго для этого предмета. Въ выраженіяхъ „серебряныя волны“, „зеркальная поверхность“, „взвѣшивать слова“, „скалить зубы“, „ѣсть на серебрѣ“, „не пустить на порогъ“ члены сравненія серебряныя, зеркальная, скалить, на серебрѣ, на порогъ понятны однимъ характернымъ свойствомъ, выдѣляющимся въ нихъ и вызывающимъ живое представленіе о предметѣ. Поэтическія сочетанія, состоящія изъ нѣсколькихъ словъ, дѣлаются прозаическими, когда они не служатъ членами сравненія. Въ выраженіи „у меня изсякъ источникъ доходовъ“ сочетаніе „изсякъ источникъ“—поэтическое, а въ выраженіи „на Кавказѣ изсякъ N минеральный источникъ“ то же выраженіе будетъ прозаическимъ; „Солнце отражается и въ грязной каплѣ воды“, смотря по смыслу, можетъ быть и прозаическимъ и поэтическимъ.

Тропы дѣлятся на тропы безъ эмоциональнаго значенія и съ эмоциональнымъ. Къ послѣднимъ принадлежатъ тропы, не вызывающіе никакого спеціальнаго чувства, кромѣ общаго чувства эстетическаго волненія, таковы: синекдоха, метонимія и метафора. Къ первымъ относятся тѣ, въ которыхъ къ основному чувству эстетическаго волненія примѣшиваются другія чувства, напр: чувства моральныя, чувство насмѣшки, чувство несоотвѣтствія между природой предметовъ и т. п. Къ этого рода тропамъ причисляются: аллегорія, олицетвореніе, гипербола.

§ 80. СИНЕКДОХА.

Слово синекдоха греческое: *συνεκδοχή* значитъ уразумѣніе, догадка. Этотъ тропъ основывается на количественномъ отношеніи между представленіями и понятіями. Предметы внѣшняго міра состоятъ изъ частей. Познаніе предмета есть вмѣстѣ и познаніе его частей, и ясность представленія о предметѣ обусловливается ясностью пониманія частей, составляющихъ этотъ предметъ. О машинѣ, домѣ, деревѣ и т. п. у насъ образуется ясное представленіе только тогда, когда мы знаемъ о частяхъ, входящихъ въ эти предметы. Частями дерева служатъ: корень, стволъ, вѣтви, листья. Разложеніе сложнаго представленія на его части, анализъ его, является послѣднею ступенію познанія предметовъ. Ему предшествуетъ синтезъ, т. е. собираніе отдѣльныхъ признаковъ предмета. Этотъ синтезъ основывается на ассоціаціи смежности. Воспринимая впечатлѣніе въ цѣломъ отъ какого-либо дома, мы вмѣстѣ съ тѣмъ воспринимаемъ впечатлѣніе отъ его частей: крыши, стѣнъ, оконъ, дверей и т. п. Эти впечатлѣнія отъ

частей съ повтореніемъ ощущеній становятся болѣе яркими. Та ассоціація смежности, на которой основывается синекдоха, отличается той особенностью, что части представлений о предметахъ, входящихъ въ составъ сложнаго представленія, столь неразрывно связываются между собою, что онѣ не разъединяются, потому что выпаденіе какой-либо части представленія уничтожаетъ и самое представленіе о предметѣ. Если мы представимъ зданіе безъ стѣнъ, растеніе—безъ ствола, то не получится никакого представленія о домѣ и деревѣ. Эту ассоціацію смежности, на которой основывается синекдоха, надо отличать отъ другой, въ которой можетъ и не быть такой тѣсной связи между сложнымъ представленіемъ и его частями. Стѣну, напр., можно представить безъ иконъ, картинъ и часовъ, повѣшенныхъ на ней, или можно представить ее попеременно съ этими предметами.

Представленіе о предметѣ перерабатывается въ понятіе о немъ, когда исчезаетъ изъ представленія его конкретность. Понятія на основаніи сходства объединяются въ общія понятія. Понятія объ орлѣ, соколѣ, лебеди, ласточкѣ, соединяются въ одно общее понятіе птицы и т. п. Въ синекдохѣ предметъ познается или по части, входящей въ составъ его, или по тому понятію, частью котораго становится само понятіе объ этомъ предметѣ. Названіе корабля парусомъ, человѣка—головой, дома—кровомъ будетъ синекдохой, потому здѣсь взята часть вмѣсто цѣлаго. Наименованія человѣка смертнымъ, картины—произведеніемъ художественной кисти будутъ также синекдохой, потому что здѣсь взято родовое понятіе вмѣсто видового. Итакъ, синекдохой называется такой тропъ, въ которомъ одно представленіе или понятіе замѣняется другимъ на основаніи отношенія между ними. Различаются два вида синекдохи: синекдоха въ собственномъ смыслѣ слова и антономасія.

Синекдоха въ собственномъ смыслѣ основывается на сближеніи между двумя представленіями, изъ которыхъ одно входитъ въ другое, какъ его составная часть. Въ представленіе о домѣ входятъ порознь представленія о порогѣ, или кровѣ, или очагѣ и т. п., какъ существенныхъ частяхъ этого представленія; и одно изъ этихъ частныхъ представлений вызывается сообразно съ настроеніемъ говорящаго и сообразно съ характеромъ вообще сочетаній представлений въ данную минуту. Каждое названіе предмета, каждое имя существительное конкретное есть синекдоха, потому что въ основѣ слова всегда лежитъ представленіе только объ одномъ признакѣ предмета, почему-либо характерномъ для него. Такъ обр., медвѣдь названъ медвѣдемъ потому, что онъ ѣстъ медъ, но, кромѣ этого признака, есть еще и другіе, что онъ бурый что онъ зимой лежитъ въ берлогѣ и т. п.; поденѣжникъ названъ этимъ

именемъ потому, что онъ вырастаетъ какъ бы подъ снѣгомъ, но у этого предмета есть также свои характерные признаки: цвѣтъ, форма и т. д. Въ тѣхъ случаяхъ, когда связь слова съ корнемъ, отъ котораго оно произошло, забыта, не чувствуется уже и его синекдохичность: это слово, оторвавшись отъ своего корня, само дѣлается корнемъ. Таковы слова птица (πετῶμα — летаю) — летающая, выдра (ὕδωρ — вода) — водяная, земля (γῆ — раждаю) — раждающая и многія другія. Здѣсь синекдоха отсутствуетъ, потому что корни этихъ словъ связаны съ корнями общеиндоевропейскихъ языковъ. Смыслъ синекдохи теряется также и отъ частаго употребленія слова въ одной грамматической формѣ вмѣсто другой. Въ выраженіяхъ „ловить рыбу“, „сытый голоднаго не разумѣетъ“, „богатый—что быкъ рогатый, въ тѣсныя ворота не влѣзетъ“ и др. единственное число „рыбу“, „сытый“, „голоднаго“, „богатый“ не создается вмѣсто множественнаго, хотя оно и употреблено вмѣсто послѣдняго. Гораздо яснѣе чувствуется синекдоха этого вида въ тѣхъ случаяхъ, когда она создается впервые; а это имѣетъ мѣсто въ искусственныхъ, поэтическихъ произведеніяхъ, и есть результатъ творчества одного лица: „И рабъ судьбу благословилъ“, „Шведъ, русскій колеть; рубить рѣжетъ“,

„Скажи-ка, дядя, вѣдь не даромъ
Москва, спаленная пожаромъ,
Французу отдана“.

Пушкинъ.

Синекдоха, основанная на смѣшеніи грамматическихъ формъ, употребляется въ тѣхъ случаяхъ, когда отдѣльная единица, взятая изъ ряда однородныхъ предметовъ, включаетъ въ себѣ всѣ признаки, свойственные этому классу предметовъ. Нетрудно замѣтить, что въ этого рода синекдохѣ единственное число существительнаго или прилагательнаго переходитъ какъ бы въ разрядъ именъ собирательныхъ. Но и сами имена собирательныя могутъ имѣть значеніе синекдохи, когда значеніе собирательнаго не совпадаетъ со значеніемъ того понятія, замѣстителемъ котораго оно является. Такъ, въ приведенномъ отрывкѣ изъ Пушкина „Народъ, остервенясь, волочить безбожную предательницу мамку“ слову „народъ“ придано слишкомъ широкое значеніе: понятію, выраженному этимъ словомъ, больше всего соотвѣтствуетъ слово толпа. „Тебѣ здѣсь нужнѣе твое серебро“, здѣсь „серебро“ употреблено въ значеніи деньги. Особенную яркость синекдоха пріобрѣтаетъ въ тѣхъ случаяхъ, когда изъ сложнаго

предмета выдѣляется часть, наиболѣе характерная для этого предмета, и названіемъ этой части обозначается самый предметъ:

„Бѣлѣть *парусъ* одинокій
Въ туманѣ моря голубомъ“.
„Сюда, по новымъ къ намъ волнамъ,
Всѣ *флаги* въ гости будутъ къ намъ“.
„На берегу пустынныхъ *волнъ*
Стоялъ онъ думъ великихъ полнъ“.

Этого рода синекдоха очень употребительна и въ обычной рѣчи. Хозяйскій глазъ, рабочія руки, сто головъ скота, отереть слезу, не пускать на порогъ—все это примѣры общеупотребительной синекдохи.

Синекдоха переходитъ въ разрядъ антономасіи (*антономасія* — переименованіе, *ант!* — вмѣсто, *ономάζω* — называю), когда сближаются между собою подчиняющее и подчиненное ему понятіе по ихъ объему: видовое съ родовымъ и наоборотъ. Антономасія отъ синекдохи, въ собственномъ смыслѣ, отличается тѣмъ, что здѣсь сближеніе происходитъ не между представленіями, а между понятіями, соподчиненными одному какому-либо общему понятію въ какомъ-либо отношеніи, и на этомъ основаніи происходитъ переименованіе одного предмета другимъ, соподчиненнымъ съ нимъ: человѣка, медлительнаго въ своихъ дѣйствіяхъ, называютъ Кунктаторомъ, самодура—Китъ Китычемъ и т. п.

„Сельскіе *Циклоны*
Передъ медлительнымъ огнемъ
Россійскимъ лѣчатъ молоткомъ
Издѣлье легкое Европы“.

Пушкинъ.

„Дорога зимняя гладка,
Автомедоны наши бойки,
Неутомимы наши тройки“.

Циклопами здѣсь названы кузнецы, и Автомедонами—кучера, по имени возницы Ахиллеса. Примѣры общеупотребительныхъ антономасій: „богать, какъ Крезъ“, „задавать Лукулловы пиры“, „мѣтить въ Наполеоны“, „баловень Фортуны“ и т. п. Въ обыденной рѣчи антономасія встрѣчается рѣдко, потому что она создается подъ вліяніемъ различныхъ литературныхъ школъ и направленій; вслѣдствіе этого антономасія живетъ въ языкѣ до тѣхъ поръ, пока живо чувствуется вліяніе извѣстной литературной эпохи. Въ пору ложноклассицизма у насъ многіе предметы полу-

чали свое наименованіе изъ греческой и римской мифологіи: война называлась Марсомъ, море—Нептуномъ, вѣтеръ—Зефиромъ:

„Кровавый Марсъ страшился,
Зря въ Петровыхъ мечъ рукахъ,
И съ ужасомъ Нептунъ дивился,
Взирая на російскій флагъ“.

Ломоносовъ

Пережитокъ этого увлеченія ложноклассицизмомъ мы видимъ у Пушкина и даже у Крылова, несмотря на несочувствіе послѣдняго ложноклассицизму.

„Внимало все тогда
Любимцу и пѣвицу Авроры“.

Но въ отдѣльныхъ случаяхъ антономасія переживаетъ тѣ идеи, которыя вызвали ея существованіе. Такъ молнія въ поэтическихъ произведеніяхъ прошлаго вѣка (у Дмитріева) называлась Перуномъ, хотя мифологія русскихъ славянъ и позабыта. Митрофанушка, Скотининъ и другія выраженія, выработавшіяся въ XVIII вѣкѣ, продолжаютъ сохраняться въ качествѣ нарицательныхъ именъ, хотя ложноклассицизмъ, какъ извѣстное литературное направленіе, давно прекратился.

Подъ вліяніемъ сильнаго душевнаго волненія, какъ результата различныхъ чувствованій, переживаемыхъ въ данную минуту, синекдоха видоизмѣняется въ своемъ содержаніи. Чувства изумленія, удивленія, презрѣнія и негодованія, любви къ предмету—каждое порознь или въ сочетаніи съ другими, не исключаящими себя взаимно, препятствуютъ наблюдать естественное отношеніе между предметами. Поэтому на нѣкоторые признаки и дѣйствія предметовъ не обращается вниманія, а другія стороны ихъ преувеличиваются или преуменьшаются. Отсюда получается разновидность синекдохи—гипербола. Въ основѣ гиперболы лежитъ то же количественное отношеніе между понятіями съ тѣмъ различіемъ, что соподчиняются общему понятію такіа частныя, которыя находятся съ нимъ въ отдаленнѣйшей связи: изъ цѣпи понятій выбирается крайнее звено и подставляется вмѣсто ближайшаго. Въ выраженіяхъ „слезы въ три ручья лила“, „шарками закидаемъ“, „не стоитъ выѣденнаго яйца“—между слезами и ручьемъ, между шарками и пушечными ядрами, между выѣденнымъ яйцомъ и какой-либо вещью разстояніе промадное, но отношеніе между ними въ умѣ говорящаго все же существуетъ. Гиперболой

называется такой видъ синекдохи, по которому вслѣдствіе душевнаго волненія преувеличиваются или преуменьшаются предметы мысли.

Въ гиперболѣ различаются двѣ разновидности: гипербола въ собственномъ смыслѣ и литотесъ. Гипербола въ собственномъ смыслѣ есть преувеличеніе предмета, приданіе ему необычайныхъ признаковъ и дѣйствій:

„Да! если бы всѣ слезы, кровь и потъ,
Пролитые за все, что здѣсь хранится,
Изъ нѣдръ земныхъ всѣ выступили вдругъ,
То былъ бы вновь потопъ“!

Пушкинъ.

„Вотъ въ Римѣ, напрімѣръ, я видѣлъ огурецъ,
Ахъ, мой Творецъ!
И по сію не вспомнюсь пору!
Повѣришь ли? Ну, право, былъ онъ съ гору“.

Крыловъ.

„Шумъ отъ перьевъ былъ большой и походилъ на то, какъ будто бы нѣсколько телѣтъ съ хворостомъ проѣзжали лѣсъ, заваленный на четверть аршина изсохшими листьями“.

Гоголь.

Изъ народной поэзіи:

„Ретивый его конь осержается,
Прочь отъ земли отдѣляется,
Онъ и скачетъ выше дерева стоячаго,
Чуть пониже облака ходячаго“.
„И зачалъ (Илья Муромецъ) татаринѣмъ помахивати:
Куда ли махнетъ—тутъ и улицы лежатъ,
Куды отвернетъ—съ переулками“.

Когда въ гиперболѣ нарушено чувство мѣры, т. е. когда между двумя представленіями и понятіями не установлено количественное отношеніе, тогда гипербола перестаетъ быть тропомъ, и переходитъ въ риторическую фигуру. Примѣръ неудачной гиперболы у Державина:

„Ступить на горы—горы трещать,
Ляжетъ на воды—бездны кипятъ,
Граду коснется—градъ упадетъ,
Башии рукою за облакъ кидаетъ“.

Литотесъ есть чрезмѣрное уменьшеніе предмета. Таковы выраженія въ обыденной рѣчи: „мальчикъ съ пальчикъ“, „мужичекъ съ

ноготокъ, „воды не замутишь“, „обобратъ до нитки“, „птицы не было ни пера, скота—ни рога, лѣсу—ни кустика, людей—ни души“ и т. п.

„Какія крохотны коровки!
Есть, право, менѣе булавочной головки“.

Крыловъ.

„Въ Любекѣ улицы узенькія, есть даже такія, что можно изъ окошка протянуть руку и пожать руку того, который живетъ противъ васъ“. Гоголь. Въ литотесѣ съ отрицаніемъ ни отрицается весь предметъ посредствомъ отрицанія самой малой части этого предмета: „сѣна ни синь пороха“; „ни двора, ни кола“.

Синекдоха въ поэтическомъ мышленіи имѣетъ въ высшей степени важное значеніе. Благодаря разсѣченію представленія на его составныя части, изъ этихъ частей можно выбрать самыя характерныя и дать яркое представленіе о самомъ предметѣ, потому что въ сознаніи вмѣстѣ съ этими выраженными частями понятій всплываютъ и невыраженные. Синекдоха, состоящая изъ сложенія отдѣльныхъ представлений, называется сложной синекдхой, и поэтому она выражается грамматически не въ формѣ простого предложенія, а въ формѣ сложнаго, или даже нѣсколькихъ сложныхъ предложений:

„На гумнѣ—ни снопа;
Въ закромахъ—ни зерна,
На дворѣ, по травѣ
Хоть шаромъ покати.
Изъ клѣтѣй домовой
Соръ метлою посмелъ,
И лошадокъ за долгъ
По сосѣдямъ развелъ;
И подъ лавкой сундукъ
Опрокинуть лежить,
И, погнувшись, изба,
Какъ старушка, стоитъ“.

Кольцовъ.

§ 81. МЕТОНИМИЯ.

Слово метонимія—греческое; *metonymia* — значитъ переименованіе. Филологическое значеніе этого слова не даетъ указанія на природу этого тропа, потому что переименованіе одного пред-

мета другимъ свойственно также и синекдохъ, а въ частности антономасіи. Но важно то, что это словопроизводство указываетъ на близость между собой синекдохи и метониміи. Для изслѣдованія природы этого тропа надо обратиться къ даннымъ языка, потому что этотъ тропъ такъ же, какъ и другіе, обыченъ не для одной поэтической рѣчи, но и для прозаической и въ частности обыденной. Этотъ тропъ яснѣе всего проявляется въ категоріи именъ существительныхъ. Существительныя по своему значенію дѣлятся на 6 разрядовъ: 1) имена существительныя, обозначающія дѣйствующее лицо (*nomina agentis*): купецъ, медвѣдь, ученикъ; 2) имена орудій (*nomina instrumenti*): топоръ, грабли, шило; 3) имена дѣйствія (*nomina actionis*): чтеніе, судопроизводство, торговля; 4) имена произведеній (*nomina acti*): сочиненіе, издѣліе, ловъ; 5) имена мѣста (*nomina loci*): торгъ, площадь, улица, и 6) имена времени (*nomina temporis*): масленица, постъ, годъ. По даннымъ языковѣдѣнія основнымъ разрядомъ имени существительнаго является названіе дѣйствозателя—*nomen agentis*, а другіе разряды отъ него производные. Возьмемъ для примѣра слово „судъ“. Первоначально это слово было именемъ дѣйствующаго лица, что отчасти видно изъ сложнаго слова самосудъ,—и еще лучше изъ выраженія „судъ идетъ“. Въ другомъ выраженіи „судомъ оправдали“ это имя употреблено въ значеніи имени орудія—*nominis instrumenti*; „судъ продолжался 5 часовъ“—здѣсь „судъ“—въ значеніи дѣйствія; „пора итти въ судъ“—здѣсь значеніе мѣста—*nomen loci*; „это случилось послѣ суда“—обозначеніе времени *nomen temporis*. Солдатъ—*nomen agentis* замѣняется именемъ дѣйствія *nomen acti*, когда его называютъ словомъ служба. Въ выраженіи площадь опустѣла *nomen agentis* обозначается черезъ *nomen loci*. Подъ этотъ же разрядъ подойдутъ такія выраженія, какъ: раекъ ашплодируетъ, партеръ безучастенъ, весь домъ переполнился. Всѣ приведенныя выше слова и выраженія относятся къ метониміи. Изъ приведенныхъ примѣровъ можно замѣтить, что нѣтъ количественнаго отношенія между представленіемъ суда, какъ зданія, и суда, какъ состава лицъ, и между площадью, какъ мѣстомъ, и площадью, какъ скопищемъ людей; и что въ этомъ случаѣ метонимія отличается отъ синекдохи, потому что въ ней одно понятіе не покрывается другимъ. На чемъ же въ метониміи основывается отношеніе между представленіями? Всѣ предметы познаются нами черезъ проявленіе ими свойствъ, качествъ и дѣйствій. А это проявленіе выражается на другихъ предметахъ, объектахъ ихъ дѣйствій. Черезъ объекты выражается вмѣстѣ и способъ самаго проявленія субъекта. И, дѣйствительно, если мы попробуемъ перевести метонимію на проза-

ическій языкъ, то она окажется при этомъ переводъ на мѣстѣ объекта; при этомъ безразлично, будетъ ли этотъ объектъ при подлежащемъ, или объектомъ при другомъ объектѣ: Весь городъ говоритъ объ этомъ—Жители *всего города* говорятъ объ этомъ. Не то на серебрѣ, на золотѣ ѣдаль—я ѣдаль не только изъ посуды, сдѣланной изъ *серебра*, но даже изъ *золотой посуды*. 1812-й годъ былъ замѣчательнымъ годомъ въ русской исторіи—событія *1812 года* сдѣлали этотъ годъ замѣчательнымъ. Объектъ и субъектъ могутъ быть выражены порознь, отдѣльными предложеніями: близится война, потому что *пахнетъ порохомъ*; онъ любитъ смѣяться надъ другими, потому что *скалитъ зубы*. Съ устраненіемъ главныхъ предложеній получаютъ метонимическія выраженія: пахнетъ порохомъ, скалить зубы и др. Главныя предложенія и субъекты въ простомъ предложеніи устраняются потому, что субъектъ и объектъ здѣсь уравниваются, отождествляются, но такъ, что смыслъ субъекта переходитъ въ значеніе объекта. Въ этомъ только случаѣ метонимія и можетъ быть въ качествѣ тропа. Выраженіе „пахнетъ порохомъ“, понятое въ буквальномъ значеніи, имѣетъ совсѣмъ другое значеніе, чѣмъ въ поэтическомъ. Изъ приведенныхъ примѣровъ можно сдѣлать еще и тотъ выводъ, что метонимія отличается отъ синекдохи еще и тѣмъ, что въ синекдохѣ имѣемъ дѣло съ подстановкой одного имени вмѣсто другого, а въ метониміи—съ пропускомъ субъекта и постановкой на его мѣсто объекта въ качествѣ субъекта, или иначе съ постановкой на мѣсто подлежащаго дополненія, на мѣсто одного дополненія другого дополненія, находящагося при немъ и т. д. Психологически природа метониміи обосновывается на ассоціаціяхъ смежности и послѣдовательности.

Законъ ассоціаціи смежности связанъ съ воспріятіемъ предметовъ въ пространствѣ, а законъ послѣдовательности—съ воспріятіемъ во времени. Въ выраженіи „я три тарелки съѣлъ“ между содержащимъ и содержимымъ связь пространственная. Та же пространственная связь въ выраженіяхъ: „мѣшокъ за паузой звенитъ“, „перо его мѣстію дышитъ“, „появились мундиры и шпоры“. Мы видѣли, что хотя основаніемъ синекдохи служитъ также ассоціація смежности, но эта смежность относится къ предмету и его частямъ: человекъ—голова, лицо; годъ—весна, лѣто; корабль—парусъ, флагъ; море—морская волна и т. п.; въ метониміи же связываются разные предметы, а отсюда и представленія, соприкасающіяся между собою, но не входящія одно въ другое, не покрывающія другъ друга. Въ выраженіи „лѣсъ поетъ“—понятіе птицы не входитъ въ понятіе лѣса. Такъ какъ въ метониміи предметы познаются черезъ проявленіе ими своихъ дѣйствій на другихъ

предметахъ—объектахъ, и такъ какъ дѣйствія всегда проявляются во времени, то для метониміи имѣть гораздо большее значеніе ассоціація послѣдовательности. Въ частности на ассоціаціи послѣдовательности основывается употребленіе причины вмѣсто слѣдствія и наоборотъ. Слѣдствіе вмѣсто причины:

„Тогда смиряется души моей тревога,
Тогда расходятся морщины на челѣ“.

Лермонтовъ.

Причина вмѣсто слѣдствія:

„Ихъ села и нивы за буйный набѣгъ
Обрекъ онъ мечамъ и пожарамъ“.

Итакъ, метониміей называется такой тропъ, по которому названіе съ одного предмета на основаніи пространственной или послѣдовательной связи между ними переносится на тотъ другой предметъ—объектъ, на которомъ рельефнѣе и ярче проявляются дѣйствія и качества предмета—субъекта. Метонимія имѣетъ мѣсто въ замѣнѣ однихъ разрядовъ именъ другими. Дѣйствующее лицо обозначается именемъ орудія:

„Штыки ряды свои сомкнули“.
„И желѣзная лопата
Въ каменную грудь,
Добывая мѣдь и золото,
Врѣжетъ страшный путь“.

Вмѣсто произведенія дѣйствующее лицо:

„Въ тѣ дни, когда въ садахъ Лицея
Я безмятежно расцвѣталъ,
Читалъ охотно *Анулея*,
А *Цицерона* проклиналъ“.
„Не смѣнить на *Сенеку* онъ фунтъ доброй пудры“.

Время изображается дѣйствіемъ:

„Еще амуры, черти, змѣи
На сценѣ скачутъ и шумятъ;
Еще усталые лакеи
На шубахъ у подѣзда спятъ;
Еще не перестали топать,
Сморкаться, кашлять, шикать, хлопать;
Еще снаружи и внутри
Вездѣ блистають фонари...“

А ужъ Онѣгинъ вышелъ вонъ:
Домой одѣться ѣдетъ онъ“.

Мѣсто въ качествѣ дѣйствующихъ лицъ:

„А Петербургъ неугомонный
Ужъ барабаномъ пробуждень“
„Берегись, сказалъ Казбеку
Сѣдовласый Шать“.

Пространство замѣняется описаніемъ дѣйствія:

„Поплыль быстрѣй онъ, ступить
 торопясь на твердую землю,
 Но отъ нея на такомъ разстояннѣ,
 въ какомъ человѣчѣй
 Внятенъ намъ голосъ“.

„Одиссея“.

„А святая святыхъ отъ Воскресенія Христова есть вдалѣе, яко двою достиглихъ мужъ“ (Даніилъ Паломникъ).

Грамматически метонимія можетъ выражаться всѣми частями рѣчи, но особеннаго упоминанія заслуживаетъ употребленіе въ качествѣ этого тропа именъ прилагательныхъ и причастій: „могилушка *умершая*“; „не сидѣли мы у *трудной* у постелюшки, у *тяжела* крута складнаго зголовьца“; „не обнесъ ты меня братыней *пьяною*“; „и вокругъ *кочующихъ* шатровъ пасутся овцы калмыковъ“ (Пушкинъ). Такіе обороты употребительны и въ обыденной рѣчи: жилой домъ, постоянный дворъ, напрасная смерть, смертное платье и мн. др. Въ этихъ выраженіяхъ предмету приписываются фиктивные свойства, т.-е. такія, которыхъ у него на самомъ дѣлѣ нѣтъ. Здѣсь отвлекается признакъ отъ одного предмета и переносится на другой по ассоціаціи смежности между этими предметами. Постелюшка потому трудная, что на ней лежитъ больной (трудный) человѣкъ; зголовьце потому тяжелое, что на немъ покоится голова тяжело-больного; шатры потому названы кочующими, что кочуютъ его обитатели.

Метонимія вслѣдствіе обычнаго употребленія теряетъ свой поэтический характеръ и становится прозаическимъ словомъ. Приведемъ такія слова, въ которыхъ поэтический образъ утраченъ: кашемиръ (отъ города Кашмиръ), сардинка, стеклянка, масленица, лѣто (вмѣсто годъ), языкъ (вмѣсто рѣчь) и многія другія. Предлоги, образовавшіеся для обозначенія пространственныхъ отношеній, стали употребляться во временномъ, а потомъ логическомъ значеніяхъ: подъ гору—подъ праздникъ; итти въ лѣсъ—прибыть въ полдень; спуститься съ горы—начать работу съ весны—умереть

со скуки. Метонимія имѣть громадное значеніе не только въ поэтическомъ, но даже и прозаическомъ мышленіи. Характеры дѣйствующихъ лицъ (Плюшкина, Обломова, Собакевича) узнаются отъ изображенія той обстановки, въ которой они живутъ. Въ естественной исторіи по зубамъ животныхъ и по устройству ихъ копытъ сообщаются свѣдѣнія объ образѣ жизни этихъ животныхъ.

§ 82. МЕТАФОРА.

Слово метафора греческое: *μεταφορά*—значить перенесеніе. Буквальный переводъ этого греческаго слова слабо указываетъ на природу этого тропа, потому что и въ синекдохѣ, и въ метониміи мы имѣемъ дѣло съ перенесеніемъ, т.-е. съ подстановкой однихъ понятій и представленій на мѣсто другихъ. Метафора отличается отъ синекдохи и метониміи сферой своего примѣненія. Въ послѣднихъ двухъ тропахъ происходитъ смѣшеніе между собою понятій, какъ субстанцій, т.-е. смѣшиваются между собою самые предметы; а въ метафорѣ происходитъ смѣшеніе дѣйствій и качествъ. Въ метафорахъ „золотое сердце“, „серебряныя воды“, „юность пролетѣла“, „ручей лепечетъ“—сближеніе между золотомъ и сердцемъ, юностью и птицей, ребенкомъ и ручьемъ произошло не потому, что одно понятіе входитъ въ другое, или не потому, что одно понятіе пересѣкается другимъ, а потому, что между двумя разнородными понятіями замѣчено сходство въ проявленіи ими свойствъ и дѣйствій: золото—обладаетъ свойствами блага, и поэтому оно дорого; человекъ, отзывчивый къ несчастью и страданіямъ другихъ, тоже дорогъ для нуждающихся въ немъ; отсюда золотой человекъ (метафора) и золотое сердце (метафора и синекдоха); тихое журчаніе ручья напоминаетъ безочетный и продолжительный лепетъ ребенка. Отсюда видно, что метафора основывается на ассоціаціи сходства между такими представленіями и понятіями, которыя, различаясь по своей природѣ, вмѣстѣ съ тѣмъ вызываютъ сходство какимъ-либо дѣйствіемъ и качествомъ.

Область примѣненія метафоры въ языкѣ и поэзіи шире, чѣмъ синекдохи и метониміи. Синекдоха связана съ объемомъ понятія, а метонимія съ проявленіемъ дѣйствія субъекта на какомъ-либо объектѣ. Въ этихъ границахъ только и допустимо дѣйствіе синекдохи и метониміи. Для метафоры такихъ опредѣленныхъ границъ указать нельзя. Поэтическое мышленіе находитъ сходство между такими предметами, между которыми, повидимому, нѣтъ никакого сходства. У Пушкина пальцы серафима сравниваются со сномъ:

„Перстами легкими, какъ сонъ,
Моихъ зѣницъ коснулся онъ“.

У того же Пушкина совѣсть сравнивается съ грубымъ заимодавцемъ, докучнымъ собесѣдникомъ. У Минскаго: „льется дождикъ... тягостный, какъ голосъ совѣсти виновный; долгій, какъ изгнанье; мощный, какъ судьба“. Въ обыденномъ языкѣ „строить воздушныя замки“ значитъ мечтать, молчаніе отождествляется съ золотомъ, рѣчь съ серебромъ и т. п. Метафора очень часто употребляется также въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ прозаическое мышленіе бессильно и не находитъ для познанія предмета никакой опоры въ сложныхъ и смутныхъ рядахъ мыслей. Наташа въ романѣ „Война и Миръ“ такъ опредѣляетъ Друбецкого: „И очень милъ, очень, очень милъ! Только не совѣмъ въ моемъ вкусѣ: онъ узкій такой, какъ часы столовые... Вы не понимаете? Узкій, знаете, сѣрый, свѣтлый... Безухій тотъ синій, темно-синій съ краснымъ, а онъ (Друбецкой) четвероугольный“. Метафора имѣетъ мѣсто тамъ, гдѣ неизвѣстное познается посредствомъ извѣстнаго. Поэтому абстрактное можно познавать конкретнымъ и наоборотъ. Вслѣдствіе того, что метафора основывается на сближеніи представленій, неродственныхъ между собою, вслѣдствіе этого то представленіе, на которое переносится дѣйствіе метафоры, измѣняется въ своемъ характерѣ. Поясимъ это примѣромъ:

„Но вы, къ моей несчастной долѣ,
Хоть *каплю* жалости храня,
Вы не оставите меня“.
„И скалы тѣсною *толпой*,
Таинственной *дремы* полны,
Надъ нимъ *склонялись* головой,
Слѣдя мелькающія волны“.

Жалость—абстрактное понятіе, образовавшееся путемъ отвлеченія отъ конкретного представленія, но такъ, что изъ этого конкретного представленія взято только одно свойство. Для того, чтобы вызвать представленіе о жалости, это свойство надо вернуть тому представленію, отъ котораго оно взято: надо представить человѣка, проявляющаго это чувство. Но и въ этомъ случаѣ у насъ будетъ представленіе не о жалости, а о человѣкѣ. Пушкинъ поступилъ иначе. Онъ жалость представить въ видѣ конкретного понятія въ видѣ жидкости и, такимъ образомъ, метафора „капля“ измѣнила характеръ понятія „жалость“. Въ другомъ примѣрѣ скалы нужно представлять толпящимися, дремлющими и склоняющимися головы. И здѣсь также измѣняется обычное представленіе скалъ. Итакъ, метафорой называется такой тропъ, въ которомъ выражается познаніе неизвѣстнаго предмета черезъ посредство извѣстнаго на основаніи какого-либо сходства между этими предметами

въ проявленіи ими своихъ дѣйствій или качествъ.

Метафоры, подобно синекдохѣ и метониміи, образовались въ языкѣ съ началомъ самаго языка, т.-е. онѣ для языка являются *conditio sine qua non*: онѣ взаимно другъ друга обуславливаютъ. Корень метафоры покоится въ анимистическомъ и миѳическомъ мышленіи первобытнаго человѣка. Въ первобытную эпоху своей жизни человѣкъ не зналъ природы, но онъ думалъ, что знаетъ самого себя. Это предполагаемое знаніе о самомъ себѣ и послужило исходнымъ пунктомъ всякаго другого знанія. Себя человѣкъ считалъ одушевленнымъ существомъ, способнымъ передвигаться. Условія звѣроловнаго быта, въ какомъ находился человѣкъ въ первый періодъ своей жизни, еще болѣе содѣйствовали укрѣпленію въ немъ анимистическаго воззрѣнія на все явленія жизни. Животныя, за которыми онъ охотился, тоже отличаются способностью къ передвиженію, и образъ ихъ жизни отчасти напоминалъ ему свой собственный. Къ этому періоду жизни человѣка относятся такіа названія животныхъ, какъ: волкъ—терзающій, мышь—воръ, змѣя—ползучая, конь—быстрый и т. п. На животныхъ перенесены тѣ свойства, которыя подмѣчены человѣкомъ въ самомъ себѣ. Съ переходомъ къ кочевому и земледѣльческому быту условія жизни отчасти измѣнились. Человѣкъ сталъ въ зависимость отъ явленія природы. Урожай хлѣба и травы обуславливается метеорологическими причинами: солнце и дождь, весна и лѣто, земля и небо—вотъ что стало теперь привлекать вниманіе первобытнаго человѣка. Но къ этимъ явленіямъ онъ подходитъ съ прежде выработаннымъ анимистическимъ міровоззрѣніемъ. Этотъ анимистическій методъ мышленія въ приложеніи къ новому содержанію объектовъ мысли, т.-е. въ приложеніи къ космическимъ явленіямъ природы, далъ начало миѳологическому мышленію. Къ этой порѣ жизни человѣка относятся такіа выраженія, какъ: солнце всходитъ, дождь идетъ, буря воетъ, снѣгъ падаетъ, ручей бѣжитъ и т. п. Въ этотъ періодъ жизни человѣка явленія неорганической природы объясняются явленіями изъ жизни міра органическаго. Съ дальнѣйшимъ развитіемъ наблюденія надъ явленіями природы въ этомъ направленіи появляется миѳологія, какъ стройная система, объясняющая космическій міропорядокъ. Къ анимистической и миѳологической порѣ мышленія относится также и появленіе грамматическаго рода. Въ разсмотрѣнныхъ нами случаяхъ метафора связывается съ содержаніемъ самого слова, или, вѣрнѣе, его корневой части. Мѣсяцъ—измѣритель, солнце—стрѣляющее (лучи), волкъ—раздирающій метафоры потому, что солнце, мѣсяцъ, волкъ познаны чрезъ сравненіе съ другими предметами. Но, кромѣ того,

значеніе метафоры простирается во всѣхъ склоняемыхъ именахъ мужескаго и женскаго родовъ и на формальныя части слова, ихъ окончанія. Мѣсяцъ, день, вода, земля относятся первыя два къ мужескому роду, а послѣднія—къ женскому. Это даетъ основаніе предполагать, что въ древнѣйшую пору жизни языка предметы природы не только одухотворялись, но и олицетворялись при посредствѣ отнесенія ихъ къ тому или другому естественному роду. Что основой грамматическаго рода служатъ различіе естественнаго пола, это доказывается мифологіей древнихъ народовъ и безыскусственной поэзіей новыхъ народовъ. Въ санскритскомъ языкѣ Agni не только огонь, но и богъ огня; въ греческомъ Οὐρανός и небо, и богъ неба, Ἥλιος и солнце, и богъ солнца, Σελήνη и луна, и богиня луны, Γαῖα и земля, и богиня земли, у римлянъ Vulcanus—огонь и богъ огня, Venus—богиня любви и любовь, Fortuna—случай и богиня судьбы. Въ русской поэзіи земля не просто земля, а мать сыра-земля. Въ Словѣ о плѣку Игоревѣ обида—живое существо, принимающее образъ дѣвы: „встала Обида въ силахъ Дажьбожа внука, вступила дѣвою на землю Бояню, всплескала лебедиными крылы на синемъ морѣ у Дону плещучи“. Въ народной лирической поэзіи Сонъ и Дрема выводятся существами, взаимно дополняющими другъ друга, парными, подобно мужу и женѣ, отцу и матери:

„Сонъ ходитъ по сѣнямъ,
Дрема по новымъ,
Сонъ ищетъ Дрему,
Дрема спрашиваетъ“.

Въ пѣснѣ „Ужъ какъ палъ туманъ“ сабля острая и калена стрѣла выполняютъ обязанности свахи:

„Ужъ сосватала насъ сабля острая,
Положила спать калена стрѣла“.

При анимистическомъ строѣ мышленія первобытный человѣкъ не могъ удовлетворяться только одухотвореніемъ предметовъ: для живости и конкретности предметовъ онъ олицетворялъ ихъ, причисляя предметы къ тому или другому полу. Изъ этого мы видимъ, что въ древнѣйшую пору метафора совпадала съ прозопопеей (олицетвореніемъ).

Метафора возникла изъ одухотворенія и олицетворенія предметовъ природы. Пока рѣчь идетъ о животномъ царствѣ, этотъ процессъ одухотворенія ясенъ. Но первобытный человѣкъ одухотворялъ всю природу не только органическую, но и неорганическую.

Живыми существами представлялись и рѣки, и моря, и лѣса, и камни, и солнце, и луна и т. д. Такимъ образомъ, возникаетъ вопросъ: что послужило исходнымъ пунктомъ для одухотворенія и олицетворенія неорганической природы? Превращеніе однихъ предметовъ въ другіе. И это превращеніе первобытный человѣкъ наблюдалъ на каждомъ шагѣ. Изъ яйца, икры, личинокъ образуются живыя существа: птицы, рыбы, бабочки. Но первобытное состояніе этихъ живыхъ существъ въ формѣ яйца, икры и т. п. исключаетъ самую мысль объ одухотворенности этихъ предметовъ. Итакъ, неживыя существа, по мнѣнію первобытнаго человѣка, могли дѣлаться живыми. Въ растительномъ мірѣ также замѣчены были примѣры этихъ превращеній. Изъ сѣмени вырастаетъ растеніе, нисколько не похожее на самое сѣмя. Деревья и травы растутъ, а слѣдовательно и движутся; нѣкоторыя растенія складываютъ свои листья на ночь, и слѣдовательно спать, а насѣкомоядныя даже питаются подобно живымъ существамъ. Значитъ, у первобытнаго человѣка имѣлись основанія для одухотворенія и растительнаго міра. Отсюда явился выводъ, что превращеніе неживой природы изъ одного вида въ другой: воды въ ледъ, угля въ золу, куска дерева въ окаменѣлость совершается по тѣмъ же основаніямъ, по которымъ происходитъ превращеніе яйца въ птицу. Если вода превращается въ ледъ, то значитъ она живая. Къ тому выводу, что небесныя свѣтила живыя существа, человѣкъ пришелъ, помимо наблюденій надъ движеніемъ свѣтилъ, еще черезъ посредство наблюденія фазъ луны. Каждый предметъ, по первобытному вѣрованію, имѣетъ свою собственную душу; при чемъ душой предмета считался его характерный признакъ. По шестодневу Іоанна, экзарха Болгарскаго, душой воздуха считается теплота и мокрость (въздухъ теплъ и мокръ), огня—теплота и сухость (а огонь теплъ и сухъ), земли—сухость и студеность (земля суха сохнѣетъ и студена). Съ исчезновеніемъ въ предметъ его души, т. е. характернаго въ немъ свойства, этотъ предметъ становится неживымъ. Мѣсяцъ во время новолунія не бываетъ виденъ, потому что въ это время онъ теряетъ свою душу, свѣтъ: по воззрѣнію Іоанна, экзарха Болгарскаго, онъ умираетъ съ тѣмъ, чтобы опять воскреснуть. Въ русскихъ народныхъ заговорахъ старый мѣсяцъ считается мертвецомъ. Если мѣсяцъ живое существо, то по аналогіи съ этимъ сдѣлано было заключеніе о томъ, что и всѣ свѣтила небесныя тоже живыя существа; падающія звѣзды поэтому—умирающія звѣзды. Такимъ образомъ, повторяемъ, исходнымъ пунктомъ для одухотворенія природы было превращеніе однихъ предметовъ въ другіе.

Въ анимистическую пору мышленія метафора, кромѣ того, принимала характеръ символа. Въ ту эпоху, о которой у насъ идетъ рѣчь, люди по характеру своей жизни, по воззрѣніямъ и обычаямъ мало отличались другъ отъ друга. Эта общность интересовъ объясняется отсутствіемъ дѣленія людей на отдѣльные классы, или сословія. Отдѣльный индивидуумъ поэтому не выдѣлялся изъ своей среды: онъ всѣхъ понималъ и его всѣ понимали. Поэтому метафоры сдѣлались символами и окаменѣли; устойчивость и постоянство метафоры — ея отличительное свойство въ анимистическую эпоху жизни. Этой устойчивости метафоры много содѣйствовала и малочисленность метафоръ, соответствовавшая бѣдности языка. Метафоры поэтому перешли въ разрядъ общихъ мѣстъ „*communes loci*“. Такимъ образомъ, кукушка сдѣлалась символомъ тоскующей женщины, вода символомъ любви, мутная вода—печали, переправа черезъ мостъ—сближеніемъ двухъ любящихъ сердецъ, заходящее солнце символъ смерти, пиръ—битвы, полевые работы—также битвы, бракъ — смерти и т. п. Если въ одной пѣснѣ мы находимъ образъ тоскующей женщины, выраженнымъ въ образѣ кукушки, то этотъ же образъ найдемъ и во многихъ другихъ произведеніяхъ; то же надо сказать и о другихъ символахъ. Замужняя женщина, разлученная со своей матерью, такъ плачетъ въ пѣснѣ:

„Не буду я къ матушкѣ ровно три годка,
На четвертый къ матушкѣ пташкой полечу,
Горемычной пташечкой, кукушечкой,
Сяду я у матушки во зеленомъ саду,
Своимъ кукованьемъ весь садъ изсушу“.

Ярославна въ Словѣ о плѣку Игоревѣ свою скорбь объ отсутствующемъ супругѣ изливаетъ въ такихъ словахъ: Ярославнынѣ гласъ слышитъ; зегзицею (кукушкой) незнаемъ, рано кычетъ: „Полечу, рече, зегзицею по Дунаеви, омочу бебрянъ рукавъ въ Каялъ-рѣцѣ“. Въ народной пѣснѣ о битвѣ такъ говорится: „Распахана была папенка яровая: не сохою была распахана поляна“. О томъ же въ словѣ о плѣку Игоревѣ: „На Немизѣ снопы стелють головами, молотять чеши харулажными, на топѣ животь кладуть, вѣють душу отъ тѣла; Немизѣ кровави брезѣ не бологомъ (ячменемъ) бяхуть посѣяни, посѣяни костью русскихъ сыновъ». Наряду съ метафорой—символомъ вслѣдствіе дѣленія первобытнаго общества на классы и появленія письменности развивается индивидуальная метафора.

О грамматическомъ выраженіи метафоры можно говорить только предположительно. Признавая древнѣйшимъ строемъ рѣчи паратактическій, вмѣстѣ съ тѣмъ должно признать основнымъ свойствомъ предложенія его краткость — нераспространенность; отсюда метафора должна была выражаться однимъ членомъ предложенія. Къ тому же выводу мы должны притти еще и потому, что слово въ древнѣйшую эпоху жизни человѣка отличалось поэтичностью значенія: въ немъ не было утеряно его первичное значеніе, и поэтому не было нужды въ подновленіи его, напр., посредствомъ опредѣленій, дополненій и т. п. Наблюденіе надъ употребленіемъ метафоры въ современномъ языкѣ также убѣждаетъ насъ въ этомъ: и теперь метафора чаще всего выражается однимъ словомъ. Краткость метафоры коренится и въ самой природѣ троповъ. Для того, чтобы представленіе о предметѣ не было геопрѣдѣленнымъ и расплывчатымъ, для этого оно должно опираться только на одинъ какой-либо признакъ, или свойство, каковыя являются для этого представленія его идей. Какими падежными формами выражалась именная метафора въ періодъ образованія языка, тоже сказать что-либо трудно.

То превращеніе, о которомъ у насъ была рѣчь раньше, грамматически выражалось творительнымъ падежомъ. Надо думать, что этотъ творительный превращенія не имѣлъ связи съ именительнымъ предикативнымъ, но что онъ развился самостоятельно подъ вліяніемъ метафоры. Это наше предположеніе основывается на томъ, что творительный превращенія или 1) совершенно нельзя замѣнять никакой другой грамматической формой, или 2) эта замѣна въ тѣхъ случаяхъ, когда она возможна, влечетъ за собой искаженіе смысла. Приведемъ примѣры, въ которыхъ невозможна замѣна творительнаго именительнымъ предикативнымъ: „Все-славъ... самъ *вѣкомъ* рыскаше“, „Удороги *бѣлымъ камнемъ* осталась Марія царевна“. Замѣна возможна, но искажается смыслъ рѣчи: Игорь соколомъ полетѣлъ—1) Игорь полетѣлъ, какъ соколъ, 2) Соколъ-Игорь полетѣлъ. Бѣды вереницами ходятъ—1) Бѣды ходятъ подобно вереницамъ, 2) Бѣды-вереницы ходятъ. При этихъ замѣнахъ въ первомъ случаѣ метафора „соколомъ“ переходитъ въ сравненіе—„какъ соколъ“, а на мѣстѣ этой метафоры появляется другая—„полетѣлъ“. Во второмъ перифразѣ метафора, переходя въ эпитетъ, отнимаетъ отъ этихъ предложеній часть того смысла, который въ нихъ заключенъ. Въ выраженіи „Игорь соколомъ полетѣлъ“ имѣются два акта мысли: 1) Игорь превратился въ сокола, и 2) полетѣлъ соколъ. Въ предложеніи же Игорь-соколъ полетѣлъ первый актъ мысли остается невыраженнымъ. „У дороги бѣлымъ камнемъ осталась Марья ца-

ревна“, „Игорь соколомъ полетѣ“; „Всеславъ .. самъ вѣткомъ рыскаше“, „Бѣды вереницами ходятъ“—въ указанныхъ примѣрахъ творительный падежъ обозначаетъ творительный превращенія. Здѣсь рѣчь идетъ о древнѣйшихъ метафорахъ. Въ аналогичныхъ случаяхъ: „конь летитъ стрѣлой“, „пѣть соловьемъ“; „мой филинъ господиномъ усѣлся на хребтѣ ослиномъ“ (Крыловъ) творительные падежи нельзя считать творительными превращенія, потому что эти метафоры создались въ то время, когда анимистическій строй мышленія не имѣлъ для себя мѣста.

Въ языкѣ первобытнаго человѣка было очень много метафорическихъ выраженій. И эти метафоры сознавались имъ не какъ поэзія, а какъ проза, т.-е. научное знаніе. Первобытный человѣкъ вѣрилъ, что солнце—огненное колесо, и оно поэтому составляетъ часть колесницы, въ которую впряжены бѣлые, а потому и невидимые кони, и колесницу управляетъ лучезарный возничій (Аполлонъ); что радуга—это мостъ отъ земли на небо, и что поэтому мосту переправляются на небо души умершихъ людей; что звѣзды—это глаза неба и, стало-быть, самое небо тысячеглазый Аргусъ; что облака—это горы, на которыхъ живутъ боги и своими тяжелыми молотами куютъ желѣзо (Одинъ, Торъ); что громъ—это удары молота о наковальню, а молнія—искры, падающія на землю изъ этой небесной кузницы. Отсюда мы видимъ, что слово, образовавшееся изъ другого посредствомъ метафоры, является опорнымъ пунктомъ для развитія цѣлаго сказанія—мифологическаго разсказа. Съ теченіемъ времени метафоры тускнѣютъ. Потускнѣніе метафоры, какъ и вообще всякаго тропа, зависитъ отъ большей полноты представленія, зависящей отъ большаго и всесторонняго наблюденія надъ предметомъ. Поэтому прежнія метафоры въ настоящее время таковыми не сознаются. Къ такимъ потускнѣвшимъ метафорамъ относятся такія слова, какъ: ручка, носокъ у чайника, хребетъ горы, увѣнчать дѣло успѣхомъ, лукавый (лука—извилины), перо для письма и мн. др. Изъ этого мы видимъ, что метафора весьма много содѣйствуетъ развитію языка и увеличенію знаній о природѣ и человѣкѣ, и что безъ нея даже невозможно представить себѣ жизнь языка.

Примѣры метафоры.

Дѣйствіе отъ одного одушевленнаго предмета переносится на другой—одушевленный; этотъ видъ метафоры употребителенъ въ сказкахъ и басняхъ:

„Оселъ увидѣлъ соловья
И говорить ему“.

Съ неодушевленнаго предмета свойства переносятся на одушевленный:

„Но въ цвѣтѣ надежды и силы
Угасъ его царственный сынъ“.

Съ одушевленнаго предмета свойство переносится на неодушевленный:

„И желѣзная лопата
Въ каменную *грудь*,
Добывая мѣдь и золото,
Врѣжетъ страшный путь“.

Одинъ неодушевленный предметъ познается посредствомъ другого неодушевленнаго предмета:

„Цвѣты бирюзовы, жемчужны струи,
Изъ золота *слиты* чертоги мои“.
„Нива, моя нива, нива золотая!
Зрѣешь ты на солнцѣ, колюсь *наливая*.
По тебѣ отъ вѣтру, словно въ синемъ морѣ,
Волны такъ и ходятъ“.

Разновидностью метафоры является прозопопея, или олицетвореніе. Слово прозопопея происходитъ отъ греческихъ словъ *πρόσωπον* —лицо и *ποιέω* —дѣлать, самое слово *προσωποποιέω* значитъ маска. Прозопопеей называется такая метафора, въ которой неодушевленные предметы представляются, какъ одушевленные. Прозопопея первоначально совпадала съ метафорой, и она стала различаться отъ метафоры послѣ того, какъ расширилось значеніе метафоры; значеніе же метафоры измѣнилось съ ослабленіемъ анимистическаго мышленія и съ постепенной замѣной его мышленіемъ прозаическимъ, или научнымъ. Только при прозаическомъ строѣ мышленія сдѣлалось возможнымъ перенесеніе дѣйствій и свойствъ съ неодушевленной природы на одушевленную. Прозопопея отличается отъ метафоры большею степенью эмоціональности. Бездушные предметы олицетворяются не только потому, что привлечено къ нимъ вниманіе поэта, но и потому, что созерцаніе этихъ бездушныхъ предметовъ вызываетъ въ поэтѣ особыя чувства, и этими чувствами, помимо воли и желанія поэта, окрашивается и самый поэтический образъ. Кромѣ того, эмоціональный характеръ свойствененъ олицетворенію еще, во-первыхъ, и потому, что все живое насъ непремѣнно такъ или иначе волнуетъ, а въ олицетвореніи мы имѣемъ дѣло также съ иллюзіей; во-вторыхъ, тотъ же эмоціональный элементъ чувст-

вуется нами и вслѣдствіе контраста между живымъ и неживымъ, а этотъ контрастъ долженъ особенно ощущаться въ олицетвореніи, такъ какъ здѣсь дано и живое и вмѣстѣ неживое. Разсматривая прозопопею съ ея чисто-формальной стороны, т.-е. независимо отъ того содержанія, которое вложено въ нее, мы видимъ, что она вызываетъ комплексъ различныхъ чувствъ. Содержаніемъ прозопопеи еще болѣе увеличивается этотъ комплексъ чувствъ.

Оставляя въ сторонѣ аллегорію, одухотворяющую также неживую природу, о чемъ будетъ идти рѣчь далѣе, мы обратимъ вниманіе пока на прозопопею въ собственномъ смыслѣ слова. Вопросъ сводится къ тому, какія чувства влагаются въ тѣ предметы, которые одухотворены и очеловѣчены поэтомъ, и съ какою цѣлю въ поэтическія произведенія вводится олицетвореніе? На послѣдній вопросъ можно отчасти найти отвѣтъ въ безыскусственной народной поэзіи. Вслѣдствіе того, что народныя пѣсни являются результатомъ коллективнаго народнаго творчества, вслѣдствіе этого тѣ лирическія мѣста, въ которыхъ выражалось индивидуальное чувство первоначальнаго автора-слагателя пѣсни—послѣдующими пѣвцами видоизмѣнялись такъ, что оставалась только схема чувства. Очевидно, въ этомъ случаѣ пѣсня должна была терять свой поэтическій характеръ. Потеря пѣсней индивидуальныхъ чувствъ вознаграждается введеніемъ въ нее особой лирической обстановки: предметы окружающей природы олицетворяются съ тѣмъ, чтобы ярче выразить настроеніе пѣвца или героя пѣсни:

„На коврижѣ лежитъ удалъ-добрый молодець,
Прижимаетъ платкомъ рану смертную,
Унимаетъ молодецкую кровь, горячую.
Подлѣ молодца стоитъ его тутъ добрый конь,
И онъ бьетъ своимъ копытомъ въ мать-сыру землю,
Будто слово хочетъ вымолвить своему хозяину:
Ты вставай, вставай, удалъ добрый молодець!
Ты садись на меня, своего слугу,
Отвезу я добра молодца на родиму сторону,
Къ отцу, матери родимой, къ роду-племени,
Къ малымъ дѣтушкамъ, къ молодой женѣ“.
„Ахъ ты, ель моя, елочка,
Золотая ты макушечка!
Покачнися ты туды-сюды,
Туды-сюды—на всѣ стороны,
Посмотри-ка ты вокругъ себя:

Ти все ли тутъ твое вѣтвище,
 Все ли буйное кореньице?
 Мое вѣтвище все при мнѣ,
 Только нѣтъ одной макушечки:
 Ту макушечку вѣтры сбили.
 Молодая, ты, невѣстунка,
 Оглянися ты туды-сюды,
 Туды-сюды—на всѣ стороны,
 Вся ли тутъ твоя родина?
 Моя родина вся при мнѣ,
 Только нѣтъ одного батюшки:
 Мово батюшку пески взяли“.

Въ предметы природы влагается то настроеніе, которое господствуетъ въ данное время въ душѣ поэта. Очевидно, что характеръ прозопопеи будетъ зависѣть отъ настроенія и міросозерцанія поэта. И, дѣйствительно, если мы сравнимъ поэзію различныхъ писателей, то найдемъ у нихъ значительную разницу въ изображеніи природы. У Пушкина природа олицетворяется для того, чтобы внести въ душу читателя чувство гармоніи, успокоенія. Даже элегіи его окрашены этимъ жизнерадостнымъ чувствомъ:

„Здравствуй, племя
 Молодое, незнакомое! Не я
 Увижу твой могучій поздній возрастъ,
 Когда перерастешь моихъ знакомцевъ
 И старую главу ихъ заслонишь
 Отъ глазъ прохожаго. Но пусть мой внукъ
 Услышитъ вашъ привѣтный шумъ, когда,
 Съ пріятельской бесѣды возвращаясь,
 Веселыхъ и пріятныхъ мыслей полнъ,
 Пройдетъ онъ мимо васъ во мракъ ночи
 И обо мнѣ вспоманетъ“.

У Лермонтова природа отображаетъ протестующее и негодующее чувство самого поэта. Характернымъ произведеніемъ этого поэта является его баллада „Дары Терека“. Бурное чувство протеста выражено также въ элегіи „Парусъ“, въ особенности въ послѣднемъ четверостишіи:

„Подъ нимъ струя свѣтлѣй лазури,
 Надъ нимъ лучъ солнца золотой;
 А онъ, мятежный, проситъ бури,
 Какъ будто въ буряхъ есть покой!“

У Кольцова природа олицетворяется постольку, поскольку она является объектом труда для человѣка, и постольку она можетъ быть символомъ для объясненія явленій жизни. Природа, какъ объектъ труда, олицетворена въ пѣснѣ: „Урожай“, „Косарь“ и др. Характеристика Пушкина дана въ пѣснѣ: „Лѣсъ“.

Объектомъ олицетворенія могутъ быть не только предметы видимой природы, но и абстрактныя понятія. У Кольцова олицетворена судьба:

„Не грози жъ ты мнѣ бѣдою,
Не зови, судьба, на бой;
Готовъ биться я съ тобою,
Но не сладишь ты со мной!“

У Пушкина олицетворена юность, старость и надежда:

„Настали святки: то-то радость!
Гадаеть вѣтряная младость,
Которой ничего не жалъ,
Передъ которой жизни даль
Лежить свѣтла, необозрима;
Гадаеть старость сквозь очки
У гробовой своей доски,
Все потерявъ невозвратно.
И все равно: надежда имъ
Лжетъ дѣтскимъ лепетомъ своимъ“.

Олицетвореніе отвлеченныхъ понятій въ особенности было сильно распространено въ средніе вѣка. Въ мистеріяхъ, драмахъ религіознаго содержанія и въ моралите-правоучительныхъ драмахъ дѣйствующими лицами выводились: Правда, Истина, Милосердіе, Миръ. (Жалостная комедія объ Адамѣ и Евѣ). У св. Дмитрія Ростовскаго въ его мистеріи „Рождество Христово“ выведены: Кротость, Незлобіе, Радость, Натура, Златой Вѣкъ, Желѣзный Вѣкъ, Брань, Ненависть, Ярость, Смерть, Жизнь и т. д.

Олицетвореніе можетъ быть полнымъ и неполнымъ. Полнымъ олицетвореніемъ называютъ тотъ пріемъ поэтической мысли, въ которомъ предмету приписывается цѣлый рядъ разнородныхъ дѣйствій, свойственныхъ человѣку. Полное олицетвореніе можно назвать распространенной метафорой. Приведемъ примѣры олицетворенія зимы у Пушкина и Некрасова:

„Вотъ сѣверъ, тучи нагоняя,
Дохнулъ, завылъ, и вотъ сама

Идетъ волшебница зима.
Пришла, рассыпалась клоками,
Повисла на сукахъ дубовъ;
Легла волнистыми коврами
Среди полей, вокругъ холмовъ“.

У Некрасова:

„Морозъ-воевода дозоромъ
Обходить владѣнья свои.
Идетъ—по деревьямъ шагаетъ,
Трепцить по замерзлой водѣ,
И яркое солнце играетъ
Въ косматой его бородѣ“.

Олицетвореніе спеси у А. Толстого:

„Ходить Спесь, надуваясь,
Съ боку на бокъ переваливаясь;
Ростомъ-то Спесь аршинъ съ четвертью,
Шапка-то на немъ во цѣлу сажень,
А и зашелъ бы Спесь къ отцу, къ матери,
Да ворота не крашены!
А и помолился бы Спесь въ церкви Божіей,
Да полъ не метень!
Идетъ Спесь видить: на небѣ радуга,
Повернулъ Спесь въ другую сторону:
Непригоже де мнѣ нагибаться!“

Неполное олицетвореніе то, въ которомъ предмету приписывается одно свойство человѣка или нѣсколько однородныхъ:

„Улыбкой ясною природа
Сквозь сонъ встрѣчаетъ утро года“.

Пушкинъ.

„Ночевала тучка золотая
На груди утеса великана.
Утромъ въ путь она умчалась,
По лазури весело играя.

Лермонтовъ.

Неполное олицетвореніе можетъ сочетаться съ метафорой. Туча, которой приписаны дѣйствія человѣка—сонъ, вмѣстѣ съ тѣмъ названа золотою. Грамматически олицетвореніе можетъ выражаться въ формѣ звательнаго падежа:

„О, тѣни, тѣни черныя;
Кого вы не нагоните,
Кого не перегоните!
Васъ только, тѣни черныя,
Нельзя поймать—обнять“.

Некрасовъ.

Слѣдующую разновидность метафоры составляет аллегорія. Аллегорія слово греческое: *ἀλληγορία*— значить иносказаніе; оно сложено изъ словъ *ἄλλος*—другой и *ἀγορεύω*—говорю въ собраніи, такъ что буквально слово *ἀλληγορία* значить рѣчь о другомъ. Въ качествѣ примѣра аллегоріи можно взять пословицы: „поводился кувшинъ по воду ходить, тамъ ему и голову сломить“; „куда конь съ копытомъ туда и факъ съ клешней“; „знай, сверчокъ, свой шестокъ“ и мн. др. Аллегорическимъ будетъ изображеніе правосудія въ видѣ женщины съ завязанными глазами и съ чашками вѣсовъ, плодородія—въ видѣ богини Цереры съ колосьями въ рукахъ, торговли—въ видѣ Меркурія съ жезломъ и крыльями на ногахъ и т. п. Къ аллегоріи относятся басни и нѣкоторые стихотворенія: „Парусъ“ Лермонтова, Пророкъ Пушкина, „Два брата“ Тургенева и многія другія. Къ аллегоріи надо отнести также и евангельскія притчи. Для опредѣленія аллегоріи возьмемъ пословицу: „одна головня и въ полѣ гаснетъ, а двѣ дымятся“. Очевидно, пословицу эту, какъ и рядъ многихъ другихъ, въ буквальный смыслъ понимать нельзя, да ее никто и не понимаетъ въ этомъ смыслѣ, потому что пословица приводится къ случаю, и поэтому всегда является постояннымъ сказуемымъ къ измѣняемымъ подлежащимъ. Вышеприведенной пословицей можно воспользоваться съ тѣмъ, 1) чтобы побудить кого-либо къ женитьбѣ, 2) этой пословицей можно оправдать бездѣтельность одинокаго человѣка, 3) можно объяснить смерть мужа изъ-за печали и тоски объ умершей женѣ и т. п. То же самое можно сказать и объ аллегорическомъ изображеніи разныхъ предметовъ. Пусть формы суда измѣняются сообразно условіямъ мѣста и времени, но эмблемой суда можетъ остаться навсегда женщина съ завязанными глазами и съ вѣсами въ рукахъ. Изъ этого мы видимъ, что аллегорія основывается на замѣнѣ одного образа другимъ. Но это свойственно также и метафорѣ. Но между ними есть существенная разница. Въ метафорѣ въ качествѣ подлежащаго употребляется слово съ его прозаическимъ значеніемъ. Въ аллегоріи же и само подлежащее метафорично въ томъ смыслѣ, что оно выражается какимъ-либо тропомъ. Отсюда вытекаетъ слѣдующее свойство аллегоріи. Такъ какъ слово съ поэтическимъ значеніемъ от-

личается неподвижностью выражаемого имъ образа въ противоположность прозаическому слову, характернымъ свойствомъ котораго является измѣняемость, то слово съ поэтическимъ значеніемъ отличается громадной обобщающей силой. Въ прозѣ ему соответствуетъ общее понятіе. Какъ подъ общее понятіе можетъ быть подведено множество частныхъ, такъ и поэтическій образъ можно приложить ко многимъ частнымъ случаямъ. Это свойство поэтическаго образа можно назвать типичностью. Такимъ образомъ, аллегорія отъ метафоры отличается своей типичностью. Въ созданіи разсмотрѣнныхъ нами троповъ отсутствуетъ преднамѣренность. Синекдоха, метонимія и метафора, это—результатъ безсознательнаго мышленія: эти тропы не придумываются, а появляются, какъ бы сами собой, непроизвольно, потому что придуманные тропы отличаются дѣланностью. Въ аллегоріи же видна преднамѣренность. Это видно изъ анализа басенъ. Въ началѣ или концѣ басни, хотя это и не всегда бываетъ такъ, ставится общее положеніе, выраженное въ формѣ научной мысли. Въ другихъ видахъ аллегоріи также нерѣдко высказывается это общее положеніе. Въ стихотвореніи Пушкина: „Пророкъ“ это положеніе выражено Богомъ: „глаголомъ жги сердца людей“. Смыслъ стихотворенія (въ прозѣ) Тургенева „Два брата“ разъясненъ въ концѣ. Въ большинствѣ случаевъ и евангельскія притчи также снабжены этимъ общимъ положеніемъ. Преднамѣренность творчества въ созданіи аллегоріи объясняется ея типичностью, тѣмъ обобщающимъ характеромъ, который придается этому тропу. Надъ поэтическимъ мышленіемъ здѣсь беретъ перевѣсъ прозаическое.

Кромѣ того, имѣется и еще особенность, объясняющая эту преднамѣренность. Въ поэтическомъ образѣ имѣются двѣ стороны: а) самый образъ, вызывающій рядъ тѣхъ или другихъ представлений, и б) пониманіе этого образа, толкованіе его. Въ метафорѣ, синекдохѣ, метониміи толкованіе образа ненужно, потому что образы здѣсь ясны сами собой, такъ какъ они сотканы не только изъ поэтическихъ, но также изъ прозаическихъ нитей. Аллегорія—сплошное иносказаніе. Для того, чтобы это иносказаніе было понятно другому, поэтъ такъ подбираетъ для аллегоріи свои образы, что онъ держитъ въ сознаніи ту идею, которая имъ раскрывается въ поэтическихъ образахъ. Такимъ образомъ, происходитъ одновременно и созданіе образа и его толкованіе. Процессъ созданія аллегоріи въ высшей степени сложный. Для анализа этого процесса возьмемъ примѣръ неполной аллегоріи, т. е. такой, въ которой подлежащее не метафорично, а метафорично сказуемое и дополненіе: „Его язвительныя рѣчи вливали въ ду-

шу хладный ядъ“. Это выраженіе можно передать такъ: „ѣго язвительныя рѣчи отравляли душу“. Въ этомъ перифразѣ слово „отравляли“ употреблено также не въ его буквальномъ значеніи. Это поэтическое слово по отношенію къ приведенному выраженію путемъ синекдохи замѣнено словомъ ядъ, въ которомъ представленіе жидкости чувствуется сильнѣе, чѣмъ въ словѣ отравла (отравляли), и самое представленіе, выраженное словомъ: отравляли, распадается на два представленія: вливали и ядъ. Въ аллегоріи Лермонтова „Парусъ“ путемъ той же синекдохи взята часть вмѣсто цѣлаго, и этому подлежащему (парусъ) приданы метафорическія сказуемыя, которыя настолько ярко и сильно выражаютъ дѣйствіе этого подлежащаго, что въ цѣломъ получилась аллегорія. Процессъ созданія аллегоріи сводится къ слѣдующему. Берется въ основу какое-либо отвлеченное понятіе. А это дѣлается потому, что аллегорія по своей природѣ соотвѣтствуетъ общему понятію (закону въ наукѣ). И это общее понятіе на основаніи метониміи и синекдохи воплощается въ образъ, причемъ метонимія и синекдоха здѣсь имѣютъ значеніе красокъ въ живописи. У Тургенева въ стихотвореніи „Два брата“ это сдѣлано такъ: голодъ изображенъ въ лицѣ юноши, худого тѣломъ и желтоватаго, съ слабо виднѣющимися ребрами при вдыханіи, съ заостренными чертами лица, съ рыбьими зубами, съ сжатымъ, орлинымъ носомъ и безъ улыбки на губахъ. „Вокругъ“ его „головы... зацѣпилось нѣсколько пустыхъ, поломанныхъ колосьевъ, перевитыхъ поблеклой былинкой. Грубая сѣрая ткань обвивала чресла“. Изъ этого мы видимъ также, что аллегорія имѣетъ большое сходство съ символомъ, но отличается отъ него большей сложностью и распространенностью. Аллегоріей называется такой видъ распространенной метафоры, въ которой отвлеченное понятіе, подлежащее этой метафоры, воплощается путемъ синекдохи и метониміи въ художественный типичный образъ, прикованный для объясненія различныхъ явленій жизни.

Аллегорическое толкованіе различныхъ явленій жизни—общепотребительный приѣмъ для древнихъ временъ и народовъ. Въ книгѣ Судей (гл. IX) Іоамъ приводитъ аллегорію объ избраніи деревьями царя. Въ книгѣ Царствъ гл. XI пророкъ Наамъ рассказываетъ Давиду притчу о богатѣ, захватившемъ у бѣдняка овцу для угощенія странника. Въ V вѣкѣ до Рожд. Хр. у индусовъ былъ составленъ сборникъ басенъ подъ именемъ Панчатантры. У грековъ къ VI в. до Р. Хр. относится дѣятельность баснописца Эзопа, а у римлянъ въ I в. послѣ Р. Хр. сдѣлались извѣстными басни Федра. Принципы аллегорическаго толкованія книгъ священнаго Писанія Ветхаго и Новаго Завѣта были приняты але-

ксандрійской школой, главнѣйшими представителями которой были Климентъ Александрійскій (II в.) и Оригенъ (III в.). Божественная комедія „Данте“ (XIII в.) состоитъ сплошь изъ аллегорій и символовъ. Извѣстно было символическое толкованіе религіозныхъ истинъ и въ древнерусской литературѣ. Митр. кievскій Иларіонъ (XI в.) сравниваетъ Ветхій Заветъ съ луной, тѣнью, Ефремомъ и Манассіей. Въ особенности много аллегорическихъ образовъ у Кирилла, еп. Туровскаго: разслабленный, котораго Христосъ исцѣляетъ въ овчей купели, олицетворяетъ собою все грѣховное человѣчество. У него же пчелы—иноки, пѣвчія птицы—лики церковныхъ пѣснопѣвцевъ, жребя, на которое возсѣлъ Христосъ,—языческіе народы и т. п. До своей крайности аллегорія доведена въ проповѣдяхъ южно-русскаго проповѣдника Іоанникія Голятовскаго (XVII в.). Нитки, изъ которыхъ сшита риза Богоматери, по Іоанникію Голятовскому, знаменуютъ различныя добродѣтели Дѣвы Маріи: нитка льняная означаетъ чистоту, шерстяная—невинность, шелковая—смирненіе, золотая—мудрость и т. д.

Мы видѣли, что метафора основывается на соотношеніи между собою различныхъ представленій. Представленія эти могутъ быть двухъ видовъ: 1) Сравнимаемыя представленія или предметы съ ихъ дѣйствіями и состояніями находятся въ одной плоскости, т. е. они основываются на однихъ и тѣхъ же ощущеніяхъ. Въ отрывкѣ изъ Лермонтова: „ручей лепечетъ мнѣ таинственную сагу“ журчаніе ручья замѣнено словомъ лепетъ, но оба эти представленія своимъ источникомъ имѣютъ чувство слуха. Озеро стелется широко, — сказуемое стелется въ приложеніи къ озеру — метафора; оно употреблено здѣсь въ значеніи развертывается, т. е. постепенно для глаза озеро расширяется; обличены, такимъ образомъ, два представленія холста и озера по сходству впечатлѣній отъ того и другого на чувство зрѣнія. 2) Сравнимаемыя представленія могутъ не находиться въ одной плоскости, т. е. могутъ смѣшиваться разнородныя представленія, основывающіяся на различныхъ ощущеніяхъ. Такъ, въ выраженіи сладкіе звуки представленіе сладости перенесено отъ чувства вкуса на чувство слуха. Таковы же выраженія: потокъ словъ, горькая истина, эстетическій вкусъ и многіе другіе. Тотъ видъ метафоры, въ которой сближаются между собою представленія различнаго происхожденія, называется катахрезой (отъ греческаго слова *καταχρησας*—усиленно пользоваться). Основаніемъ катахрезы служитъ психологическій законъ ассоціаціи, или содружества, между различными ощущеніями: зрѣніемъ и слухомъ, вкусомъ и обоняніемъ и т. п. Вслѣдствіе этого закона одно ощущеніе не только допол-

няетъ другое, но даже и замѣняетъ: по голосу, напр., мы узнаемъ близкихъ знакомыхъ, по запаху—цвѣты и т. п. Необходимость употребленія катахрезы вызывается также и недостаткомъ словъ для обозначенія какой-либо группы представленій. Больше всего этотъ недостатокъ ощущается въ группѣ слуховыхъ представленій; отсюда и получаютъ такія выраженія, какъ сладкіе звуки, бархатистый голосъ, яркій тонъ, сильный звукъ и мн. др. Но катахреза очень легко переходитъ въ напыщенность и неестественность, когда не соблюдено чувство поэтической мѣры, поэтому часто катахрезой называютъ неправильное употребленіе метафоры. У персидскаго поэта Фирдуси (XII в.) царица называется луной, а фрейлины—идолами. Идолы разсѣлись вокругъ луны, это значитъ—фрейлины сѣли крутомъ царицы. У Языкова имѣется такой неудачный подборъ метафоры:

„И вотъ

Тебѣ, мой явный доброхотъ,
Стаканъ стиховъ: на, пей!“

Въ погонѣ за метафорой легко допустить взаимно исключаящія представленія, что мы видимъ у Державина въ слѣдующемъ отрывкѣ:

„На темно-голубомъ эфирѣ
Златая плавала луна
Въ серебряной своей порфирѣ“.

§ 83. СРАВНЕНІЕ.

Мы видѣли, что метафора появилась при анимистическомъ способѣ мышленія, и вслѣдствіе этого сдѣлалось возможнымъ отождествленіе различныхъ предметовъ мысли, часто даже несходныхъ между собою. Этотъ строй мысли переживается всѣми въ дѣтствѣ. Ребенокъ отождествляетъ различные предметы и представляетъ ихъ одухотворенными. Всѣхъ животныхъ онъ называетъ лошадами и собачками; о неодушевленной природѣ на первыхъ порахъ жизни онъ мало знаетъ или даже совсѣмъ ничего не знаетъ, потому у него появляются представленія о неживой природѣ чрезъ посредство игрушекъ, которыя онъ считаетъ также въ началѣ одушевленными. Окружающіе предметы домашней обстановки ребенокъ склоненъ считать живыми существами: онъ приписываетъ имъ злую волю, и когда онъ ушибется о какой-либо предметъ, то забываетъ о своей боли, когда этотъ предметъ накажутъ его

родители или няня. Потомъ съ увеличеніемъ знанія объ окружающей ребенка обстановкѣ анимистическій строй мышленія постепенно ослабѣваетъ, и у него появляется различіе живой природы отъ неживой, а вслѣдъ за этимъ его представленія начинаютъ мало-по-малу распредѣляться по различнымъ категоріямъ. Сравненіе двухъ предметовъ между собою является какъ результатъ различія предметовъ и распредѣленія по разнымъ категоріямъ. Слѣдовательно, сравненіе по отношенію къ метафорѣ— вторичнаго происхожденія: оно возникло послѣ метафоры. Но все же оно коренится на метафорѣ, т.е. на отождествленіи предметовъ, и исходитъ изъ нея (метафоры). Это въ особенности ясно видно изъ анализа отрицательныхъ народныхъ сравненій:

„Не звѣзда блеситъ далече, во чистомъ полѣ:

Куруется огонечекъ-малешенекъ“.

„Не былинуншка въ чистомъ полѣ запаталася,

Запаталася безпріютная головуншка молодецкая“.

Въ этихъ сравненіяхъ, какъ и въ другихъ отрицательныхъ, мысль исходитъ изъ отождествленія. Смыслъ сравненія можно передать такъ: „звѣзда блеситъ далече въ чистомъ полѣ; нѣтъ это не звѣзда, а куруется огонечекъ-малешенекъ“. Сначала звѣзда и огонечекъ отождествляются, а потомъ они тотчасъ же различаются. Сравненіе такъ же, какъ и метафора, психологически основывается на ассоціаціи сходства между представленіями, но оно отличается отъ метафоры тѣмъ, что сравниваемые предметы для сознанія представляются раздѣльными, существующими въ мышленіи независимо другъ отъ друга и не теряющими вслѣдствіе этого своихъ характерныхъ особенностей. Это происходитъ оттого, что при сравненіи нѣтъ сліянія предметовъ, какъ это бываетъ въ метафорѣ. Мы уже указали, что сравненіе начинается съ упадкомъ анимистическаго строя мысли. И, дѣйствительно, изученіе сравненій въ народной поэзіи указываетъ на новый поворотъ въ мысли человѣка. Въ эпоху анимистическаго мышленія человѣкъ природу познавалъ черезъ самого себя, а съ паденіемъ этого строя, или, вѣрнѣе, съ ослабленіемъ его, онъ самого себя познаетъ черезъ природу. Въ произведеніяхъ устной народной словесности сначала рисуется картина изъ жизни природы, аналогичная переживаемому пѣвцомъ настроенію, а потомъ упоминается и объ этомъ самомъ настроеніи. И очень часто изображеніе вѣншей природы полнѣе, чѣмъ описаніе переживаемого настроенія:

„Что не ласточка, не касаточка
Вкрутъ тепла гнѣзда увивается,
Увивается тутъ родимая матушка;
Она плачетъ, какъ рѣка льется,
А родна сестра плачетъ, какъ ручей течетъ,
Молода жена плачетъ, какъ роса падетъ:
Красно солнышко взойдетъ, росу высушить“.
„Съ рѣченьки утушка слетывала,
Съ тихой сѣрая вспархивала,
Прилетала утушка,
Прилетала сѣрая
На бурное, на сине море;
Не знала утушка,
Не знала сѣрая:
Гдѣ ей опуститися?
Отъ вихоря уклонитися?
Гуси стали щипати,
А утушка громко кликати:
Ой ты, рѣчка, моя рѣченька,
Ты, рѣчка ли моя, тихая!
Кабы знала я, да вѣдала
Такую надъ собой невзгодушку,
Разстаться бы съ тобой не подумала .
Сходила съ терема Машенька,
Сходила съ высокаго Ефимовна,
Приѣзжала ко свекору въ домъ“.

Во многихъ случаяхъ сравненія въ народной поэзіи идутъ отъ временъ глубокой древности и поэтому очень тѣсно связаны съ символами. Вслѣдствіе этого при новомъ христіанскомъ міросозерцаніи они кажутся непонятными и часто искажаются. Мы указывали на то, что вода въ эпоху языческаго міросозерцанія была символомъ любви, а мостъ черезъ рѣку, чаще всего калиновый, былъ символомъ брака:

„Калину съ малиною вода поняла:
На ту пору матушка меня родила;
Не собравшись съ разумомъ, замужь отдала
На чужедальную сторонушку.
Чужая сторонушка безъ вѣтру сушить;
Чужой отецъ съ матерью безвинно крушить“.

Смыслъ этой пѣсни въ настоящее время искаженъ и затемненъ „Калину съ малиной вода поняла“—значить, что бракъ былъ

неудаченъ, что видно изъ контекста пѣсни, неудаченъ потому, что былъ труденъ переходъ черезъ рѣку по затопленному водой калиновому мосту. Послѣ того, какъ народъ позабылъ значеніе этого символа, вставленъ былъ не относящійся къ смыслу пѣсни стихъ: „на ту пору матушка меня родила, и получилось искаженіе первоначальнаго текста.

Тропы, вызывая живое представленіе предмета, вмѣстѣ съ тѣмъ поглощаютъ то понятіе, которое держится въ душѣ поэта невыраженнымъ при посредствѣ слова: „изъ подъ куста мнѣ ландышъ серебристый привѣтливо киваетъ головой“—слово „головой“ употреблено вмѣсто не выраженного прозаическаго реченія „верхней частью“. Въ сравненіи этого поглощенія не происходитъ, и вслѣдствіе этого сравненіе, имѣя само по себѣ содержаніе, передаетъ часть этого содержанія сравниваемому предмету, и самый сравниваемый предметъ является какъ бы вдвойнѣ освѣщеннымъ—собственнымъ свѣтомъ и заимствованнымъ отъ сравненія.

„Во мнѣ себя изображаешь,
Какъ солнце въ малой каплѣ водѣ“.

Державинъ.

„Тяжелѣй горы, чернѣй полночи
Легла на сердце дума черная“.

Кольцовъ.

Въ послѣднемъ примѣрѣ дума представлена черною; здѣсь уже дано одно представленіе о думѣ, но это представленіе пріобрѣтаетъ и еще большую живость и наглядность послѣ того, какъ вызвано новое представленіе о тяжести горы и темнотѣ ночи. Въ первомъ примѣрѣ изъ Державина, хотя и дано представленіе, но слабое, но оно усиливается съ представленіемъ о каплѣ, изображающей въ себѣ солнце. Сравненіе не только вызываетъ яркость представленія, но оно можетъ, кромѣ того, дать тему для развитія мысли; оно можетъ быть источникомъ новаго настроенія:

„Какъ одинокая гробница
Вниманье путника зоветъ,
Такъ эта блѣдная страница
Пусть милый взоръ твой привлечетъ.
И если послѣ многихъ лѣтъ
Прочтешь ты, какъ мечталъ поэтъ,

И вспомнишь, какъ тебя любилъ онъ,
То думай, что его ужъ нѣтъ,
Что сердце здѣсь похоронилъ онъ“.

Лермонтовъ.

Мысли о могилѣ дали Лермонтову толчекъ для мысли о томъ, что его произведенія также могила, въ которой похоронены его бывшя чувства и настроенія, и что, какъ могила, дорога вслѣдствіе воспоминаній о томъ, кто въ ней погребенъ, такъ и для поэта дороги его произведенія, потому что въ нихъ погребены муки его сердца.

Сравненіе переходитъ въ уподобленіе, когда неизвѣстное познается посредствомъ извѣстнаго. Это извѣстное представленіе тогда анализируется на отдѣльныя части, аналогичныя тѣмъ частямъ, которыя заключаются въ неизвѣстномъ. Уподобленіе поэтому должно отличаться особой полнотой представленія. Приемъ этотъ особенно распространенъ въ поэмахъ Гомера „Иліадъ“ и „Одиссея“. Такъ какъ въ первой поэмѣ изображается военный бытъ грековъ, то понятіе о военной жизни дается черезъ сопоставленіе ея съ мирной жизнью грековъ, а въ Одиссее мирный бытъ жизни—черезъ сопоставленіе съ военнымъ. Въ „Иліадѣ“ такъ рисуется выступленіе Діомеда:

„Рѣялъ по бранному полю, подобно рѣкѣ наводненной,
Бурному въ осень разливу, который мосты рассыпаетъ:
Бѣга его укротить—ни мосты укрѣпленныхъ раскаты,
Ни зеленыхъ полей удержатъ изгороди не могутъ,
Если внезапный онъ хлынетъ, дождемъ отягченный Зевеса:
Вдругъ отъ него рассыпаются юношей красныхъ работы.
Такъ отъ Титида кругомъ волновались густыя фаланги
Трой сыновъ, и стоять не могли, превосходныя силой“.

Очень часто путемъ уподобленія разъясняется душевное настроеніе человѣка, часто не поддающееся непосредственному изображенію. Мерзяковъ грустное настроеніе одинаковаго человѣка передалъ въ лирическомъ стихотвореніи „Тоска одиночества“, гдѣ одинокій человѣкъ сравнивается съ уединеннымъ дубомъ. Лермонтовъ въ стихотвореніи „Поэтъ“ посредствомъ уподобленія поэта кинжалу разъяснилъ мысль о назначеніи поэта. Уподобленіе имѣетъ большое сходство съ аллегоріей, отличаясь отъ послѣдней тѣмъ, что въ немъ обязательны налицо оба сравниваемыхъ предмета.

Сравненія дѣлятся на положительныя и отрицательныя. Положительное сравненіе:

„Какъ эта лампада блѣднѣтъ
Предъ яснымъ восходомъ зари,
Такъ ложная мудрость мерцаетъ и тлѣтъ
Предъ солнцемъ безсмертнымъ ума“.
„Ужъ какъ палъ туманъ на синее море,
А злодѣй-тоска въ ретиво сердце“.

Особенность отрицательныхъ сравненій состоитъ въ томъ, что въ нихъ отрицается не сказуемое, не дѣйствіе или качество, а субъектъ или объектъ. И вслѣдствіе этой особенности отрицанія область сказуемаго простирается и на подлежащее сравниваемого предмета.

„Не бѣлы снѣги забѣлѣлися:
Забѣлѣлись каменны палаты“.
„Не сырой дубъ къ землѣ клонится,
Не бумажные листочки разстилаются:
Разстилается сынъ передъ батюшкой,
Онъ и просить себѣ благословенія“.

Отрицательное сравненіе обычно и въ художественной литературѣ:

„Не серна подъ утесъ уходитъ,
Орла слышавъ тяжкій летъ:
Одна въ сѣняхъ невѣста бродить,
Трепещетъ и рѣшенья ждетъ“.

Пушкинъ.

„Не стая вороновъ слеталась
На груды тлѣющихъ костей:
За Волгой ночью, вкрутъ огней,
Удалыхъ шайка собиралась“.

Когда отдѣльныя черты предмета порознь сравниваются съ другими предметами, то получается разсыпное сравненіе:

„Въ первомъ садѣ-виноградѣ растетъ трава—рожа:
Люби меня, другъ сердечный, хоть я непригожа.
Въ другомъ садѣ-виноградѣ растетъ трава—мята:
Люби меня, другъ сердечный, хоть я небогата“.

Изъ приведенныхъ примѣровъ видно, что грамматически сравненіе можетъ быть выражаемо разными способами: прида-

точными предложеніями съ союзомъ *какъ, что, не*, сочиненными предложеніями безъ союзовъ. Особо упомянуть слѣдуетъ о выраженіи сравненія въ простомъ предложеніи. Въ древнихъ индоевропейскихъ языкахъ сравненіе выражалось отложительнымъ падежомъ, обозначавшимъ удаленіе. Въ русскомъ языкѣ функціи этого отложительнаго падежа совпали съ родительнымъ при сравнительной степени, а въ другихъ случаяхъ этотъ отложительный выражается творительнымъ падежомъ. Так. обр., отложительный падежъ, падежъ сравненія, распался на два падежа: на родительный и творительный. „Яснѣе небесной лазури, чище перваго свѣта на горныхъ высотахъ возстаютъ, какъ образы умершихъ боговъ, прекрасныя воспоминанья“ (Тургеневъ).

„Но лучше царскихъ всѣхъ даровъ,
Былъ Божій даръ—младая дочь“.

Лермонтовъ.

Творительный падежъ сравненія надо отличать отъ метафоры. Въ стихахъ Кольцова „Соловьемъ залетнымъ юность пролетѣла“, „соловьемъ“ будетъ не сравненіе, а метафора въ зависимости отъ сказуемаго—метафоры пролетѣла. Такими метафорами будутъ выраженія: завывать волкомъ, обернуться соколомъ и т. п. Сравненіе переходитъ въ метафору во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, когда метафорично сказуемое. Сравненіе имѣетъ большое значеніе и для образованія словъ языка. Очень часто какой-нибудь предметъ называется по признаку, перенесенному на основаніи сходства съ другого предмета. Такимъ образомъ, получились слова голубка отъ голубя, коричневый отъ цвѣта корицы, оранжевый отъ цвѣта апельсины (orange) и мн. др.

§ 84. ЭПИТЕТЫ.

Слово эпитетъ греческое: *ἐπίθετος* значитъ приложенный, прибавленный. По словопроизводству эпитетъ означаетъ слово, прибавленное къ другому. Приведемъ примѣры эпитетовъ: *мать сыра-земля*, море *синее*, лѣсъ *дремучій*, облако *ходячее*, Владимиръ-*красное солнышко*, туръ-*золотые рога*, бесѣда *дорогъ-рыбій зубъ*, саночки-*самокаточки*, коверъ-*самолетъ*. 1) Если мы обратимъ вниманіе на тѣ слова, къ которымъ эпитеты приложены, то мы замѣтимъ, что эти слова употреблены въ ихъ прозаическомъ значеніи, что они сами по себѣ неспособны вызывать живого представленія, потому что первичное значеніе этихъ словъ утеряно. Присоединеніе къ нимъ указанныхъ грамматическихъ

опредѣлений и приложений придаетъ этимъ словамъ такія свойства, вслѣдствіе которыхъ выдвигается характерный признакъ въ представленіи, связанномъ съ тѣмъ или другимъ словомъ. Земля представляется матерью—производительницею, лѣсъ—дремучимъ, волкъ—сѣрымъ, дѣвица—красною и т. п. 2) Въ тѣхъ случаяхъ, когда въ словѣ не затеряно его первичное значеніе, эпитеты направляютъ мысль такъ, чтобы въ представленіи выдвигалось не то значеніе, которое уцѣлѣло въ словѣ: облако значить обволакивающее, закрывающее, но въ выраженіи „облако ходячее“ мысль должна вызывать представленіе о подвижности облака; въ выраженіи „питья медвяныя“ въ словѣ питье чувствуется этимологическое значеніе слова, но мысль направляется такъ, что питье должно мыслить, какъ вино (медъ значить вино). 3) Эпитеты не суживаютъ тѣхъ понятій, которыя связаны съ опредѣляемыми словами, т.-е. объемъ понятія и при эпитетѣ и безъ эпитета остается тотъ же самый. Поле всегда представляется чистымъ, потому что безъ этого признака поле перестанетъ существовать; трава всегда должна быть зеленою, потому что иначе она не будетъ травою. Отсюда мы видимъ, что въ качествѣ эпитетовъ употребляются такія слова, которыя указываютъ на существенныя свойства предметовъ. 4) Вслѣдствіе того, что въ качествѣ эпитетовъ употребляются слова, указывающія на характерные признаки предметовъ, вслѣдствіе этого эпитеты въ устной поэзіи отличаются своей неподвижностью, неизмѣняемостью. Итакъ, эпитетомъ называется такой оборотъ рѣчи, по которому изъ множества характерныхъ признаковъ для какого-либо понятія или представленія выдѣляется одинъ для образованія на основаніи этого характернаго признака живого представленія о предметѣ.

Въ виду того, что имя существительное по даннымъ языковѣдѣнія считается первообразнѣе прилагательнаго, въ виду этого, хотя эпитеты большей частью и выражаются прилагательными, они произошли не изъ опредѣленій, атрибутовъ, а изъ именныхъ сказуемыхъ. Значить, эпитеты образовались путемъ сужденій. Путь образованія ихъ двоякій. Въ тѣхъ случаяхъ, когда эпитетъ обозначаетъ признакъ, всегда сопутствующій предмету, постоянный, характерный, въ этихъ случаяхъ эпитеты образовались изъ сужденій аналитическихъ. Процессъ образованія этихъ эпитетовъ происходитъ такимъ образомъ: представленіе о какомъ-либо предметѣ подвергается анализу, т.-е. разложенію признаковъ, входящихъ въ составъ представленія, и изъ нихъ выбирается наиболѣе характерный, и онъ вновь присоединяется къ своему представленію, но уже въ качествѣ сказуемаго. Понятно, что этотъ процессъ происходитъ въ области безсознательнаго мышленія, за ис-

ключеніемъ послѣдняго момента. Но признакъ сказуемое еще не есть эпитетъ: онъ становится таковымъ послѣ продолжительнаго употребленія въ качествѣ такого сказуемаго, которое при этомъ подлежащемъ предпочтительнѣе другихъ сказуемыхъ, и сказуемое въ силу этого такъ срастается съ своимъ подлежащимъ, что оно остается при немъ и тогда, когда при этомъ подлежащемъ появляется другое сказуемое, но теперь прежнее сказуемое дѣлается уже эпитетомъ-приложениемъ. Пояснимъ это на примѣрѣ. При словѣ „дѣвица“ эпитетъ „красавица“ первоначально явился путемъ разложенія въ представленіи дѣвица характерныхъ признаковъ, и изъ этихъ признаковъ взявъ признакъ „красавица“ и составлено сужденіе: „дѣвица есть красавица“. При подлежащемъ дѣвица сказуемымъ чаще всего бываетъ это слово красавица, и, такимъ образомъ, между этими двумя словами создалась настолько прочная ассоціація, что они какъ бы срослись, и когда вмѣсто сказуемаго красавица стали употребляться другія сказуемыя, то прежнее сказуемое сдѣлалось эпитетомъ-приложениемъ. Отсюда мы видимъ, что путь образованія этихъ эпитетовъ такой же, какъ и синекдохи, съ тою только разницей, что въ синекдохѣ для обозначенія цѣлаго берутся части предмета, тоже отдѣльные предметы, а въ эпитетахъ—опредѣленные свойства предмета. Необходимое условіе для образованія эпитета это—потускнѣніе первичнаго значенія въ словѣ вслѣдствіе накопленія въ представленіи, выражаемомъ этимъ словомъ, все новыхъ и новыхъ качествъ и дѣйствій.

По отношенію къ потускнѣвшему первичному значенію слова эпитеты раздѣляются на два разряда: на эпитеты, воспроизводящіе первичное значеніе, и эпитеты, не имѣющіе отношенія къ этому значенію. Сначала объ эпитетѣ перваго рода. Первичное значеніе слова снова возвращается ему путемъ тавтологіи, т.-е. путемъ повторенія значенія этого корня, но посредствомъ слова отъ другого корня, такъ что тавтологія получается скрытая: дѣвица-красавица, берега крутые, рѣки текучія, день Божій; покои тихіе. Въ словѣ рѣка (ῥέω —теку) заключается уже представленіе объ ея текучести, въ словахъ день и Богъ (dies, Deus) скрыта идея свѣта. Эпитеты, которые воспроизводятъ первичное значеніе слова, называются эпитетами тавтологическими. Первичное значеніе слова вторично воспроизводится путемъ бессознательнаго мышленія. Прилагая къ слову дѣвица эпитетъ красавица, никто никогда не думалъ о томъ, что повторяется прежнее значеніе слова дѣвица. Дѣвица названа красавицей вслѣдствіе того, что въ обоихъ случаяхъ и въ разныя эпохи вниманіе было остановлено на одномъ свойствѣ предмета. Также случайно Гоголь называлъ

листья дуба лапами и возстановилъ безъ всякой филологіи первичное значеніе слова листь. Отъ тавтологическихъ эпитетовъ надо отличать тавтологическіе въ собственномъ смыслѣ, т.-е. такіе, въ которыхъ повторяется тотъ же корень: горе горькое, день деньской, святая святыня, молодая молодица и т. п. Эти эпитеты не воспроизводятъ первичнаго значенія въ словѣ, потому что они сами ничѣмъ не отличаются, кромѣ грамматической формы, отъ своихъ опредѣляемыхъ словъ. Эти эпитеты, усиливая значеніе слова, имѣютъ, главнымъ образомъ, эмоціональное значеніе.

Приведемъ примѣры эпитетовъ второго рода: волкъ сѣрый, столы бѣлодубовые, ѣства сахарныя, сапожки зеленъ-сафьянъ, бесѣда (скамейка) дорогъ рыбій зубъ (изъ моржа), ножки рѣзвыя, честитый царь. Въ указанныхъ эпитетахъ уже нѣтъ связи съ первичнымъ значеніемъ слова, и мысль обращаетъ вниманіе не на тѣ свойства, которыя скрыты въ первичномъ значеніи, а на другія. Первичное значеніе слова волкъ значить разрывающій, море—сокрушающее, рука—берущая; эпитеты сѣрый (волкъ), синее (море), бѣлыя (руки) поэтому не имѣютъ никакого отношенія къ первичному значенію слова. Это объясняется тѣмъ, что съ потерей въ словѣ его первоначальнаго значенія при новомъ анализѣ комплекса признаковъ въ этихъ представленіяхъ обращено было вниманіе на другія свойства предметовъ, показавшіяся точно такъ же характерными, и, такимъ образомъ, совпаденія вновь замѣченныхъ признаковъ съ первичнымъ значеніемъ не произошло. Причины для этого имѣются многія. Главная заключается въ накопленіи знаній о вѣншемъ мірѣ и о себѣ. Море производило впечатлѣніе сокрушающаго до тѣхъ поръ, пока не развилось мореплаваніе, и, благодаря этому, у грековъ море называется путемъ—*пѹтосъ*. Затѣмъ, обращая вниманіе на такіе эпитеты, какъ: чоботъ зеленъ-сафьянъ, честитый царь, столы бѣлодубовые, бесѣда дорогъ рыбій зубъ, нельзя не замѣтить, что здѣсь въ качествѣ эпитета взяты случайныя свойства: сѣдельце можетъ быть и не черкасское, поводья у лошади—не шелковыми, царь—не честитымъ. Въ тѣхъ случаяхъ, когда на мѣсто существеннаго признака поставленъ случайный въ качествѣ эпитета, въ этихъ случаяхъ эти свойства приравниваются къ характернымъ: эти случайные признаки считаются идеальными, желательными для предметовъ, къ которымъ они отнесены. Отсутствіе ихъ считается какъ бы недостаткомъ въ предметѣ.

Такъ какъ въ качествѣ эпитетовъ употребляются слова, обозначающія характерныя свойства предметовъ, то поэтому эти эпитеты настолько прикрѣпляются къ своимъ опредѣляемымъ

словамъ, что они составляютъ какъ бы одно цѣлое, неразрывное. Такіе эпитеты безыскусственной поэзіи называются постоянными. Постоянству тѣхъ эпитетовъ, которые состоятъ изъ однихъ существительныхъ, содѣйствовало употребленіе ихъ въ качествѣ сказуемаго. Но есть еще и другая не менѣ важная причина, по которой эпитеты сохраняютъ это свойство. Характерной особенностью устной поэзіи является окаменѣлость частей, изъ которыхъ состоитъ поэтическое произведеніе. Зачинъ сказокъ имѣетъ одну форму: „въ нѣкоторомъ царствѣ, въ тридесятomъ государствѣ“ и т. д.; если въ сказкѣ идетъ рѣчь о Бабѣ-Ягѣ, то во всѣхъ сказкахъ она сама, ея избушка и дворъ описываются совершенно одинаково, конецъ сказки также почти вездѣ одинаковъ. Въ былинахъ одинаково описывается снаряженіе богатыря на подвиги, его остановки въ степи, привѣтствіе имъ князя Владимира, убранство коня, вооруженіе богатыря. Словомъ, образовались своего рода формулы, по которымъ должно составляться поэтическое произведеніе. Мы видѣли, что въ лирическихъ пѣсняхъ такими формулами сдѣлались символы. Вслѣдствіе образованія поэтическихъ формулъ, окаменѣнія частей, должны были сдѣлаться неподвижными и эпитеты. И, дѣйствительно, эпитеты остаются неподвижными даже въ тѣхъ случаяхъ, когда они противорѣчатъ смыслу. Эпитетомъ татарскаго Калина-царя служить слово собака, и тамъ, гдѣ обращаются къ Калину-царю его придворные, онъ называется собакой; „гой, ты еси, собака; Калинъ-царь“; эпитетъ бѣлые руки прилагается и къ рукамъ палача; татарская дружинишка также, по примѣру русской, называется хороброю; Владиміръ, ласковый князь, является ласковымъ и тогда, когда онъ бросаетъ Илюшеньку о кирпичень полтъ; Илья Муромецъ называется старымъ казакомъ, какъ онъ только выѣзжаетъ на подвиги, когда ему всего было 30 лѣтъ; Маринка еретница-волшебница во всѣхъ случаяхъ жизни остается еретницей-волшебницей.

Путь образованія тѣхъ эпитетовъ, которыми обозначаются идеальныя свойства предметовъ, можетъ быть другой, чѣмъ путь образованія эпитетовъ, воспроизводящихъ первичное значеніе слова. Возьмемъ въ качествѣ примѣровъ такія выраженія: „бровисоболь“, „лицо-бѣлый снѣгъ“, „кремень-человѣкъ“. Очевидно, эти эпитеты не могли образоваться путемъ аналитическихъ сужденій, потому что въ представленіи бесѣда (скамья) не мыслится тотъ признакъ, что она сдѣлана изъ дорогого рыбаго зуба (изъ костей моржа), точно такъ же, какъ и въ представленіи скупого человѣка не мыслится сходство его съ камнемъ. Эти эпитеты, употребляясь первоначально въ значеніи сказуемыхъ, сдѣла-

лись сказуемыми послѣ продолжительной работы мысли. Эпитетъ кремень въ приложеніи къ человѣку сдѣлался эпитетомъ послѣ того, какъ произошелъ анализъ представленія о камнѣ и вмѣстѣ анализъ комплексовъ представленія о скупомъ человѣкѣ, т.е. образовались два аналитическихъ сужденія: скупой твердъ и кремень твердъ, и какъ результатъ этихъ двухъ сужденій, имѣющихъ одинъ и тотъ же предикатъ, явилось сужденіе: скупой человѣкъ есть кремень; потомъ предикатъ сталъ на мѣсто эпитета, о чемъ нами уже было сказано. Эпитеты, образовавшіеся при посредствѣ аналитическихъ сужденій, по процессу своего образованія ничѣмъ не отличаются отъ метафоры, и они дѣлаются метафорами послѣ того, какъ они становятся на мѣсто сказуемаго: въ предложеніи „этотъ человѣкъ—камень слово „камень“ будетъ уже не эпитетомъ, а метафорой. Эпитетъ можетъ имѣть связь также и съ метониміей; таковы—опредѣленія въ рѣченіяхъ: „конюшенка стоялая“, „могилушка умершая“; „церковь богомольная“, „милюстныя спасеная“. Эпитеты-метониміи такъ же, какъ и эпитеты-метафоры образовались черезъ посредство аналитическихъ сужденій съ той разницей, что представленіе, выраженное опредѣляемымъ словомъ, беретъ для себя эпитетомъ не представленіе въ его цѣломъ, а одно изъ свойствъ или дѣйствій этого другого представленія—объекта по отношенію къ опредѣляемому субъекту. Пояснимъ это примѣромъ. Церковь названа богомольною потому, что въ ней люди молятся Богу; соприкасаются здѣсь два представленія: „церковь“ и „люди“, но изъ представленія „люди“ взять не цѣлый объемъ, а выдѣлено изъ него дѣйствіе людей—то, что они молятся Богу, и это дѣйствіе, будучи адъектировано, присоединено въ качествѣ эпитета къ слову церковь. Само собой понятно, что не каждая метонимія-прилагательное можетъ считаться эпитетомъ. Въ выраженіяхъ „жилой домъ“, „платице умершее“, „постоялый дворъ“ опредѣленія метониміи эпитетами считаться не могутъ, потому что они суживаютъ объемъ понятій.

До сихъ поръ у насъ шла рѣчь объ эпитетахъ, выражаемыхъ именами существительными *) и употребляемыхъ въ качествѣ грамматическихъ опредѣленій и приложеній при именахъ существительныхъ, но это не значитъ, что эпитеты могутъ только выражаться прилагательными и стоять только при существительныхъ. Эпитеты могутъ выражаться и другими частями рѣчи и быть

*) Эпитеты и грамматическія опредѣленія находятся въ различныхъ плоскостяхъ, и поэтому указывать различіе между ними не слѣдуетъ: опредѣленіе изучается съ грамматической точки зрѣнія, а эпитетъ съ точки зрѣнія стилистической. Поэтому, если изучать эпитетъ съ грамматической точки зрѣнія, то онъ можетъ быть и опредѣленіемъ, и приложеніемъ, и обстоятельствомъ словомъ.

тоже при разныхъ частяхъ рѣчи. Возникаетъ вопросъ, какимъ критеріемъ руководиться для того, чтобы не придать эпитету слишкомъ широкаго толкованія? Мы знаемъ, что части рѣчи дѣлятся по своему значенію, или, вѣрнѣе, по яркости вызываемыхъ ими представленій, на знаменательныя и служебныя. Въ послѣднихъ значеніе слова настолько расплывчато и неопредѣленно, что они не вызываютъ въ нашемъ умѣ никакихъ представленій, а, стало-быть, невозможно и выдѣлять изъ нихъ содержанія какихъ-либо свойствъ и признаковъ, а, стало-быть, при нихъ не можетъ быть и эпитетовъ. Къ такимъ частямъ рѣчи, какъ мы знаемъ, относятся мѣстоименія, числительныя, предлоги и союзы. Знаменательныя части рѣчи способны вызывать въ нашемъ умѣ представленія, а, слѣдовательно, въ нихъ имѣются и комплексы признаковъ, и поэтому ихъ можно разлать и характеризовать посредствомъ эпитетовъ. Итакъ, значить, каждая знаменательная часть рѣчи можетъ быть эпитетомъ, и при каждой знаменательной части можетъ быть эпитетъ.

„Бейся-ратися со всякимъ богатыремъ“.

„Какъ возстали со сна родители и

Удивлялись они, испужались“.

„Сокрушится рукоять, разсыплется“.

„Птица полетѣла высоко, въ небеса“.

При существительномъ эпитетъ выражается глагольной формой:

„Вотъ пріѣхалъ погубитель мой,

Вотъ пріѣхалъ разоритель мой,

Вотъ пріѣхалъ расплети-коса,

Вотъ пріѣхалъ потеряй-красу“.

Эпитетовъ этого рода много и въ обыденной рѣчи: ужасно много, слишкомъ мало, довольно глупо—во всѣхъ этихъ подобныхъ имъ парныхъ выраженіяхъ заключаются эпитеты.

Изъ ряда эпитетовъ надо выдѣлить эпитеты украшающіе. Собственно всѣ эпитеты можно считать украшающими, такъ какъ всѣ они, вызывая живое представленіе предмета, содѣйствуютъ тѣмъ самымъ и красотѣ рѣчи; но мы выдѣлимъ изъ нихъ эпитеты другого рода. Сначала обратимся къ примѣрамъ. Въ Словѣ о плъку Игоревѣ князь называется золотымъ, золотыми называются также и сѣдло князя, и стремя, и слово, и теремъ (злато-верхъ). Князь, очевидно, называется золотымъ метафорически, но стремя, сѣдло и теремъ не могутъ быть названы

золотыми метафорически. Возьмемъ другіе примѣры: „Въ какое бы время вы ни зашли къ нему (Семену Михайловичу Булановскому)—всегда можете найти добрый привѣтъ, добрую сигару и добрый стаканъ вина“ (М. Е. Салтыковъ).

„А, свѣты вы, наши высокіе хоромы,
Кому вами будетъ владѣти....
А, свѣты бранны убрusy,
Береза ли вами крутити?
А, свѣты золоты ширинки,
Лѣсы ли вами дарити?
А, свѣты яхонты сережки,
На сучье ли васъ задѣвати?
Послѣ царскаго нашего житья,
Послѣ батюшкова преставленья
А свѣта Бориса Годунова?“

Въ этихъ примѣрахъ мы видимъ особый приѣмъ уравниванія всѣхъ предметовъ, относящихся къ одному кругу, черезъ эпитетъ. Значитъ, украшающими эпитетами называются такіе эпитеты, которые, не вызывая въ представленіи характернаго свойства предмета, уравниваютъ этотъ предметъ или эти предметы съ другими, такъ или иначе связанными между собою, и вслѣдствіе этого сближаютъ между собою разнородные предметы.

Разсматривая украшающіе эпитеты, мы замѣчаемъ, что въ нихъ надъ значеніемъ преобладаетъ эмоціональный элементъ. Если сѣдельцо названо золотымъ метафорически въ виду того, что оно дорогое, то здѣсь метафора неудачная. Въ другомъ примѣрѣ „добрая сигара“ и „доброе вино“ эпитеты даже ограничиваютъ объемъ представленій, и съ этой стороны они тоже неудачные эпитеты. Но они эпитеты постольку, поскольку въ нихъ не мыслится содержаніе, а только одна эмоціональность. Къ такимъ эмоціональнымъ эпитетамъ надо отнести всѣ эпитеты, въ которыхъ забылось ихъ первоначальное значеніе, и вслѣдствіе этого они стали словами съ широкимъ значеніемъ. Чаще всего такіе эпитеты свойственны устной поэзіи: „душа-дѣвица“, „свѣтъ-сударь Иванъ Пантелеевичъ“, „ясный-соколъ“, „свѣчавоску яраго“, „зелено-вино“. Въ эпитетахъ свѣтъ и душа значеніе слишкомъ широкое; слово ярый, потерявъ свое прежнее значеніе, отразилось въ словѣ яркій, но здѣсь не то слово, и потому слово яркій въ приложеніи къ свѣчѣ мало понятно; ясный со значеніемъ быстрый теперь не употребляется. Сильнѣе всего эмоціональный элементъ чувствуется въ словахъ съ эмоціональнымъ значеніемъ:

родимый батюшка, милый братецъ, слезы горячія, горе горькое, злодѣй-тоска подколюдная и др. Эпитеты въ произведеніяхъ индивидуальнаго творчества отличаются эмоціональностью въ большой степени въ сравненіи съ эпитетами устной поэзіи. Эмоціональность ихъ зависить отъ неожиданности тѣхъ троповъ, которые послужили основаніемъ для эпитетовъ; другими словами, эпитеты художественной литературы чужды той шаблонности, которая свойственна народнымъ эпитетамъ вслѣдствіе ихъ долговременнаго употребленія. Таковы эпитеты у Державина, Пушкина, Лермонтова и другихъ поэтовъ:

„И блѣдна смерть на всѣхъ глядитъ“.

Державинъ.

„И сердце трепетное вынулъ“.

Пушкинъ.

„Изъ подъ куста мнѣ ландышъ серебристый
Привѣтливо киваетъ головой“.

Эпитетъ становится перифразомъ, когда опущено при немъ опредѣляемое слово. Такими перифразами будутъ: „Освободитель крестьянъ“ (императоръ Александръ II), „Преобразователь Россіи“ (императоръ Петръ Великій), „великое свѣтило міру“ (солнце). Перифразъ возможенъ въ томъ случаѣ, когда на основаніи признака, заключающагося въ эпитетѣ, легко возстановить содержаніе представленія, т. е. между перифразомъ и опредѣляемымъ словомъ должно быть равенство. Иногда въ перифразѣ удерживается и опредѣляемое слово, но и въ этомъ случаѣ перифразъ равенъ одному слову: зашипѣлъ—онъ шипѣ пустил по-змѣиному; скакать—ускоки давать конинные; пировали—поднимали пирушку великую.

Въ дополненіе къ тому, что сказано нами о грамматической формѣ эпитета, мы скажемъ о грамматическомъ выраженіи сложныхъ эпитетовъ, состоящихъ изъ приложенія и второстепенныхъ при немъ членовъ, а также и о простомъ эпитетѣ, выраженномъ именемъ существительнымъ. Сначала о послѣднемъ. Мы уже сказали, что эпитетъ существительное древнѣе эпитета прилагательнаго, потому что существительное первообразнѣе прилагательнаго. Это косвенно подтверждается тѣмъ, что вслѣдствіе паратактическаго строя рѣчи приложеніе-существительное въ древнерусской письменности встрѣчается чаще, чѣмъ опредѣленіе-прилагательное, а такъ какъ съ грамматической точки зрѣнія

нѣтъ разницы между эпитетомъ-существительнымъ и приложеніемъ-опредѣленіемъ, то примѣры тѣхъ приложений, которыми чуждо значеніе эпитета, могутъ служить доказательствомъ первообразности эпитета-существительнаго: „А что мое сельце *купля* въ Лозѣ, и приказчикомъ моимъ то сельце дати“; „А то господине *сѣча* (назначенный для сруба) *лѣсъ* моя“; „А Днѣпръ рѣка течетъ изъ мху—изъ болота“. Въ устной поэзіи эпитеты изъ существительныхъ весьма обычны: „стану я, рабъ Божій, благословясь; умоюсь медовою росой, *солнышкомъ-эноемъ* обсушусь“; „Выходилъ Иванъ изъ-за *дуба стола*, изъ-за тѣхъ скатертей, изъ-за берчатыхъ“,

„А свѣты *яхонты сережки*
На сучье ли васъ задѣвати?“
„Его дворы тыномъ тынены,
Тыномъ тынены да сырымъ *дубомъ*“.

Эпитетъ въ значеніи существительнаго отличается тѣмъ свойствомъ, что замѣна его именемъ прилагательнымъ уничтожаетъ значеніе эпитета, что также можетъ служить доказательствомъ первообразности эпитета-существительнаго. Въ выраженіяхъ дубовый столъ, красивая дѣвушка, яхонтовые сережки прилагательныя уже не чувствуются эпитетами, потому что они суживаютъ объемъ понятія. Въ тѣхъ случаяхъ, когда существительное-эпитетъ принимаетъ форму прилагательнаго, въ этихъ случаяхъ къ эпитету-прилагательному присоединяется другой корень: изъ дубъ-столы появляется эпитетъ не дубовые столы, а столы *бѣлодубовые*. Эпитетъ, состоящій изъ имени существительнаго; вслѣдствіе ассоціаціи съ своимъ опредѣляемымъ словомъ настолько сростается съ нимъ, что онъ составляетъ какъ бы часть опредѣляемаго слова. Въ особенности эта прочность ассоціаціи сильно чувствуется, когда эпитетъ поставленъ впереди опредѣляемаго слова, т. е., когда онъ препозитивенъ: эпитетъ тогда теряетъ свои флексіи и остается словомъ неизмѣняемымъ: Царьградъ—Царьграда, Новъгородъ—Новъгородомъ, воронъ-конь—воронъ-коню и т. п. Эта неизмѣняемость эпитета можетъ быть объяснена тѣмъ, что вниманіе мысли останавливается на опредѣленномъ словѣ, и это послѣднее беретъ на себя всѣ грамматическія функціи: „Въ восточной сторонѣ есть синее море-океанъ, на океанъ-морѣ святой Божій островъ“; „Ключъ моимъ словамъ въ небесной высотѣ, а замокъ въ морской глубинѣ, на рыбѣ на китѣ, и никому эту китъ-рыбу не добыть“. Сложный эпитетъ въ устной поэзіи часто не согласуется съ своимъ опредѣляемымъ словомъ, т. е. при

переходъ опредѣляемаго слова въ какую-либо форму косвеннаго падежа эпитетъ остается въ именительномъ: „Обивается около чоботѣ зеленѣ-сафьянѣ“; „Илья Муромецъ на кровати дорогѣ рыбій зубъ“. Отсутствие этого согласованія объясняется тѣмъ, что для этого согласованія требуется большое усиліе мысли: нужно эпитетъ со всѣми относящимися къ нему членами поставить въ разныхъ грамматическихъ формахъ. Можно это несогласованіе объяснить также и вліяніемъ простаго, несогласуемаго эпитета на сложный.

§ 85. СКРЫТЫЕ ЭПИТЕТЫ.

Эпитетъ можетъ въ рѣчи и не выражаться отдѣльнымъ словомъ, а быть въ самомъ опредѣляемомъ словѣ. Средствомъ для выраженія эпитетовъ въ этомъ случаѣ служатъ различные суффиксы—уменьшительные и увеличительные, ласкательные и уничижительные: дочка, дитятко, чадышко, дочеришка, бабище-дурище, домина и т. п. Иногда и прилагательныя имѣютъ въ себѣ подобный же скрытый эпитетъ: хорошенкѣй, ровненкѣй, большущій и т. п. Нечуждъ этотъ эмоціональный элементъ и другимъ частямъ рѣчи: спатеньки, баенки, питоньки, дотуличка, здѣсенька, охти, мнѣшпинки и т. п. Основа этого скрытаго эпитета лежитъ въ согласованіи представленія съ его словесной формой. Если представленіе о предметѣ окрашено какимъ-либо эмоціональнымъ характеромъ, то этотъ эмоціональный характеръ долженъ отразиться и въ знакѣ этого представленія, т. е. въ словѣ. Эти скрытые эпитеты отъ выраженныхъ эпитетовъ отличаются своей многозначностью, потому что суффиксы, показатели эпитетовъ, имѣютъ по нѣскольку значеній: одинъ и тотъ же суффиксъ можетъ обозначать и ласкательность и уменьшительность и т. д.

Въ устной поэзіи встрѣчается особый приѣмъ согласованія представленій, аналогичный употребленію украшающихъ эпитетовъ: состоитъ онъ въ томъ, что согласованіе одного представленія со своимъ словомъ ведетъ за собой согласованіе и другихъ словъ, относящихся къ этому же предмету:

„Ты войди къ намъ, воръ-разбойничекъ,
Душегубишка ты окаянненькѣй!“

Въ слѣдующемъ примѣрѣ представленіе согласовано со словомъ мужъ, но это слово осталось невыраженнымъ, но, несмотря на это, къ нему примыкаютъ слова „плетка“ и „ручка“. Молодая жена объясняетъ матери свою худобу:

„Бѣлое тѣло на шелковой плеткѣ,
Алый румянецъ на правой на ручкѣ:
Плеткой ударить—тѣла убавить,
Въ щеку ударить—румянцу не станеть!“

Такимъ образомъ, скрытые эпитеты можно поставить на границѣ между тропами въ обширномъ смыслѣ слова (тропами, сравненіями и собственно эпитетами) и фигурами, потому что, съ одной стороны, черезъ согласованіе представленій познается природа предмета, такъ какъ предметъ характеризуется черезъ скрытый въ словѣ эпитетъ, а съ другой стороны, въ рѣчи вносится эмоциональный элементъ при помощи формальныхъ частей слова (суффиксовъ), обозначающихъ ласкательность и уничижительность. Но скрытые эпитеты приближаются къ фигурамъ не только потому, что они вызываютъ волненіе формой слова, но также и потому, что этотъ эмоциональный элементъ въ согласованіи представленій сильнѣе чувствуется, чѣмъ во многихъ другихъ тропахъ, потому что для сознанія эмоциональности здѣсь не требуется особаго напряженія мысли.

§ 86. ФИГУРЫ.

При посредствѣ троповъ, эпитетовъ и сравненій познается природа предметовъ, и съ этой стороны они являются актами мысли. Такъ какъ въ указанныхъ оборотахъ рѣчи предметамъ возвращаются при помощи слова тѣ признаки и качества, которые уже заключены въ самихъ предметахъ, то ту изобразительность рѣчи, которая создается указанными средствами, можно назвать объективной изобразительностью. Хотя этой изобразительности свойственна и эмоциональность, но не въ ней заключается главная особенность: эмоциональность только связывается съ этой изобразительностью; она слѣдуетъ за ней, какъ ея результатъ. Но обороты прозаической и поэтической рѣчи могутъ быть также и актомъ чувства, и они тогда получаютъ названіе фигуръ. Фигура слово латинское; *figura* значитъ видъ, изображеніе; при этомъ словѣ предполагается другое слово *dicendi*; *figura dicendi* значитъ видъ рѣчи. Такъ какъ фигуры возникаютъ подъ вліяніемъ чувства, то онѣ являются субъективными средствами изобразительности рѣчи. Въ фигурахъ отражаются настроеніе лица говорящаго и предметы поэтому являются въ извѣстномъ освѣщеніи: представленія о нихъ проходятъ сквозь призму чувства. Это освѣщеніе представленій чувствомъ проявляется въ способѣ построенія рѣчи. Матеріаломъ для построенія рѣчи служатъ слова съ поэти-

ческимъ и прозаическимъ значеніемъ, и поэтому фигура остается поэтическимъ оборотомъ, хотя бы въ ней и были употреблены сплошь прозаическія слова.

Такъ какъ фигуры не измѣняютъ значенія отдѣльнаго слова, а оказываютъ свое вліяніе на строй сужденія-предложенія, то и классификація ихъ должна основываться на характерѣ тѣхъ измѣненій, которымъ подвергается сужденіе-предложеніе вслѣдствіе вмѣшательства чувства въ сферу мысли.

По отношенію къ познавательнымъ процессамъ чувства можно раздѣлить на двѣ категоріи: 1) на чувства, задерживающія мыслительную дѣятельность, и 2) на чувства, помогающія этой дѣятельности. Къ первымъ принадлежатъ всѣ тѣ чувствованія, которыя нарушаютъ равновѣсіе въ психической дѣятельности и значительно видоизмѣняютъ теченіе фізіологическихъ процессовъ. Къ этимъ чувствованіямъ относятся тѣ стеническія и астеническія эмоціи, въ которыхъ напряженіе и возбужденность являются основнымъ направленіемъ чувствованія. Ко вторымъ чувствованіямъ относятся всѣ тѣ эмоціи, стеническія и астеническія, которыя, повышая и понижая жизнедѣятельные процессы, не нарушаютъ психической жизнедѣятельности, а еще болѣе усиливаютъ въ виду того, что ея организмъ не испытываетъ значительныхъ потрясеній. Итакъ, въ чемъ выражается вмѣшательство чувства на познавательные процессы? Актомъ познавательнаго процесса является сужденіе. Въ сужденіи различаются двѣ стороны: содержаніе его, или матерія, и форма, или словесное выраженіе этого, сужденія, или, проще, логическая и грамматическая стороны. Вмѣшательство чувства можетъ проявляться или порознь, или вмѣстѣ на обѣихъ этихъ сторонахъ. Мы будемъ говорить о вмѣшательствѣ чувствованія порознь на логическую и грамматическую стороны сужденія, потому что только при этомъ условіи и возможна классификація фигуръ. На чувствованіяхъ, задерживающихъ теченіе познавательныхъ процессовъ, основывается фигура умолчанія, а на чувствованіяхъ, содѣйствующихъ этимъ процессамъ, фигура, противоположная умолчанію,—плеоназмъ. А такъ какъ въ сужденіи различаются двѣ стороны: логическая и грамматическая, то получаютъ четыре фигуры, около которыхъ группируются всѣ прочія: 1) логическое умолчаніе, 2) грамматическое умолчаніе, 3) логическій плеоназмъ и 4) грамматическій плеоназмъ.

Существуетъ и другая классификація, основывающаяся на грамматически-стилистическихъ особенностяхъ рѣчи. Въ чувствѣ замѣчается одна сторона, вліяющая на построеніе фигуръ, это—интенсивность его, состоящая въ той или другой напряженности.

Чувство по своей напряженности можетъ проявляться двояко: 1) оно можетъ быть слабымъ, медленно протекающимъ, и 2) сильнымъ, глубоко захватывающимъ всё душевные процессы. Въ первомъ случаѣ, при слабости проявленія чувства, рѣчь замедляется. Результатомъ этого замедленія рѣчи могутъ быть слѣдующія фигуры: тавтологія, плеоназмъ, многосоюзіе, градація, апострофа. Во второмъ случаѣ, когда чувство захватываетъ человѣка, рѣчь ускоряется, и появляются фигуры: эллипсисъ, умолчаніе, бессоюзіе, отсутствіе согласованія. Но на основаніи этихъ стилистически-грамматическихъ особенностей рѣчи нельзя указать мѣста для нѣкоторыхъ фигуръ: ироніи, гиперболы, антитезы и др.

Фигуры существуетъ безчисленное множество. По выраженію одного французскаго ученаго, „на рынкѣ за день создается больше фигуръ, чѣмъ въ академіи за годъ“. Фигуры въ рѣчи, кромѣ того, могутъ смѣшиваться, и вся рѣчь получаетъ характеръ сложной фигуры. Приведемъ монологъ французскаго писателя Мармонтля въ качествѣ примѣра, въ которомъ совмѣщено нѣсколько разнообразныхъ фигуръ. Крестьянинъ сердится на свою жену: „Когда я говорю да, она говоритъ нѣтъ (*антитеза*); утромъ и вечеромъ только и знаетъ, что бранится (*усиленіе*). Никогда, никогда нѣтъ съ ней покоя (*повтореніе*). Скажи, несчастная, (*обращеніе*), чѣмъ я предъ тобой провинился? (*вопрошеніе*). О небо, что за безуміе было на ней жениться! (*восклицаніе*). Лучше бы мнѣ утопиться (*пожеланіе*). О, она плачетъ, я виноватъ, какъ видите (*иронія*). Всѣмъ извѣстно, что я злодѣй, что я притѣсняю тебя, что я тебя бью, что я убійца! (*усугубленіе*).“

Фигуры имѣютъ мѣсто въ прозаическихъ и поэтическихъ произведеніяхъ, а также и въ обыденной рѣчи. Изъ прозаическихъ произведеній онѣ предпочтительнѣе въ ораторской рѣчи, потому что дѣйствіе ораторской рѣчи рассчитано не только на умъ, но также на сердце и волю слушателя. Въ поэзии фигуры обычнѣе всего въ лирикѣ и драмѣ. Въ лирикѣ фигуры необходимы, потому что предметомъ ея является изображеніе различныхъ переживаній и волненій, свойственныхъ душѣ человѣка. Въ драмѣ фигуры обязательны, потому что драматическимъ произведеніямъ въ сильной степени свойствененъ лирическій элементъ, такъ какъ въ драмѣ сгущаются всё явленія обыденной жизни, а обыденная рѣчь, какъ мы видѣли, безъ фигуръ обойтись не можетъ. Въ романахъ и повѣстяхъ и другихъ однородныхъ эпическихъ произведеніяхъ, поскольку въ нихъ входитъ драматическій элементъ съ его діалогической формой, фигуры также необходимы.

Изъ того, что нами сказано о фигурахъ, мы должны сдѣлать тотъ выводъ, что фигуры такъ же, какъ и тропы, возникли не изъ стремленія украсить рѣчь, и, слѣдовательно, онѣ не преднамѣренны, а вызываются особенностями нашей душевной организаціи.

§ 87. ЛОГИЧЕСКОЕ УМОЛЧАНІЕ.

Фигура логическаго умолчанія связана съ физиологическимъ потрясеніемъ организма. Это потрясеніе можетъ происходить при самыхъ разнообразныхъ чувствованіяхъ и во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, когда эмоція переходитъ въ аффектъ. Въ сильной радости, горѣ, страхѣ, гнѣвѣ и т. п. мы бываемъ настолько поработаны этими чувствами, что у насъ пріостанавливается или, вѣрнѣе, значительно понижается дѣятельность познавательныхъ процессовъ, и процессы сужденія у насъ или совсѣмъ не совершаются или имѣютъ своеобразное теченіе. Процессъ сужденія не завершается, т.-е. не оканчивается, въ фигурѣ умолчанія въ собственномъ смыслѣ слова, а своеобразное теченіе имѣетъ въ апострофѣ. Поэтому фигуру логическаго умолчанія можно раздѣлить на эти двѣ основныя вѣтви: 1) умолчаніе въ собственномъ смыслѣ слова и 2) апострофа.

Умолчаніе состоитъ въ томъ, что подъ вліяніемъ чувства аффекта пріостанавливается, какъ бы парализуется, дѣйствіе мысли соотвѣтственно общему потрясенію всего организма. Такъ, Скупой Рыцарь передъ смертью, въ изнеможеніи падая, восклицаетъ: „Ключи мои, ключи!“ Когда Марія, разбуженная своей матерью, рано утромъ узнаетъ о казни своего отца, то ея душевное волненіе выражается въ слѣдующихъ словахъ: „Что со мной? Отецъ... Мазепа... Казнь“. Анализъ указанныхъ примѣровъ указываетъ, что фигуры этого вида основываются на чувствахъ субъективныхъ, эгоцентрическихъ, т.-е. тѣхъ, которыя ассоціируются съ чувствомъ самосохраненія. Этотъ видъ умолчанія связанъ не только съ порывами горя и печали, но также и радости и страха и т. п. Въ радости и страхѣ у насъ также пріостанавливается мыслительная дѣятельность, и поэтому подъ вліяніемъ этихъ чувствъ мы часто бываемъ не въ состояніи сказать что-либо. Другимъ видомъ субъективныхъ чувствъ являются эмоціи альтруистическія, связанные съ чувствомъ сохраненія жизни у другихъ; сюда относятся всѣ виды благожелательства, какъ-то: чувства любви, дружбы, преданности, долга. Чувства эгоцентрическія часто вступаютъ въ борьбу съ чувствами альтруистическими, и процессъ сужденія вслѣдствіе этой борьбы не завер-

пается: раздвоенность личности, ярко проявляющаяся во время этой борьбы, препятствует предикату опредѣлить природу подлежащаго. Борьба эта часто осложняется мученіями со- вѣсти и т. п.

„Опальному изгнаннику легко

Обдумывать мятежъ и заговоръ...

Но мнѣ ль... мнѣ ль... любимцу государя...

Но смерть... но власть... но бѣдствія народны“...

Пушкинъ.

Изъ этого примѣра мы видимъ, что, подъ вліяніемъ борьбы чувствъ альтруистическихъ съ эгоистическими и терзаній совѣсти, Басмановъ боится высказать тѣ мысли, которыя у него гнѣздятся въ глубинѣ души. Іоанна д'Аркъ, послѣ чудеснаго явленія ей Богоматери, приказывающей ей встать на защиту отечества противъ англичанъ, вслѣдствіе чувства смиренія, не можетъ согласиться съ тѣмъ великимъ назначеніемъ, какое выпало на ея долю—и монологъ ея: «Ахъ, почто за мечъ таинственный я свой посохъ отдала»...—положитъ умолчаній.

Объективныя чувствованія, т.-е. тѣ, которыя не связаны съ чувствомъ самосохраненія, точно также могутъ задерживать дѣйствіе познавательныхъ процессовъ и вести за собою фигуру умолчанія. Но прежде скажемъ о природѣ этихъ объективныхъ чувствованій. Субъективныя чувствованія своей отличительной чертой имѣютъ ту особенность, что они реагируютъ, т.-е. отвѣчаютъ такъ или иначе на тѣ измѣненія, которыя совершаются въ физиологической и психической природѣ самого субъекта: они оцѣниваютъ всѣ явленія, происходящія въ нашемъ я. Объективныя чувствованія это тѣ, которыя производятъ оцѣнку объектовъ внѣшняго міра, воздѣйствующихъ, прежде всего, на органы внѣшнихъ чувствъ и ведущихъ за собою образованіе ощущеній, представленій, понятій и т. п. Къ объективнымъ чувствованіямъ относятся чувства: восторга, изумленія, отвращенія, удовольствія и т. п.; словомъ, всѣ тѣ чувствованія, которыми сопровождаются всѣ интеллектуальные (познавательные) процессы. Фигура умолчанія при объективныхъ чувствованіяхъ: 1) можетъ возникнуть вслѣдствіе интенсивности чувства, высшей его напряженности, когда человѣкъ не въ состояніи дать себѣ отчета, вслѣдствіе сильнаго вмѣнательства чувства, парализующаго на время дѣятельность остальныхъ душевныхъ процессовъ, или 2) сознаніе можетъ быть подавлено множествомъ объектовъ и потому не успѣваетъ остановиться на дѣйствіяхъ, на сказуемыхъ этихъ объектовъ. Приведемъ примѣры того вида умолчанія, когда сознаніе подавлено множествомъ объектовъ:

«Шумъ, хохоть, бѣготня, поклоны;
Галопъ, мазурка, вальсъ».

Пушкинъ.

«Лай, хохоть, пѣнье, свистъ и хлопъ,
Людская молвь и конскій топъ».

Пушкинъ.

«Шопютъ. Робкое дыханье.
Трели соловья.
Серебро и колыханье
Соннаго ручья.
Свѣтъ ночной. Ночныя тѣни,
Тѣни безъ конца.
Рядъ волшебныхъ измѣненій
Милаго лица.
Въ дымныхъ тучкахъ пурпуръ розы.
Отблескъ янтаря,
И любзанія, и слезы,
И заря, заря!»

А. Фетъ.

Грамматически фигура логическаго умолчанія выражается въ отсутствіи одного изъ членовъ сужденія. Чаще всего отсутствуетъ сказуемое, и это потому, что сказуемымъ опредѣляется природа подлежащаго. Въ виду того, что сказуемымъ можетъ быть любая часть рѣчи, то и отсутствовать въ качествѣ сказуемаго можетъ также какая угодно часть рѣчи, и такъ какъ логическое сказуемое не всегда совпадаетъ съ грамматическимъ, то и грамматически полное предложеніе можетъ заключать въ себѣ фигуру умолчанія. Въ тѣхъ случаяхъ, когда отсутствуетъ подлежащее сужденія, умолчаніе бываетъ неполнымъ; неполное оно потому, что въ безличныхъ предложеніяхъ («тише ѣдешь—дальше будешь», «по платью встрѣчаютъ, по уму провожаютъ») актъ предикцированія все-таки совершается. Умолчаніе въ личныхъ предложеніяхъ, т.е. въ такихъ, въ которыхъ имѣется подлежащее, а нѣтъ сказуемаго, также можетъ быть полнымъ и неполнымъ. Это находится въ зависимости отъ природы подлежащаго. Неполнымъ умолчаніе бываетъ тогда, когда подлежащимъ является опредмеченное дѣйствіе, какое-либо отглагольное существительное: „лай, хохоть, пѣнье, свистъ и хлопъ“. Предикатъ здѣсь въ скрытомъ видѣ заключенъ въ субъектѣ: „лаютъ, хохочутъ, поютъ, свистятъ“. Въ тѣхъ случаяхъ, когда подлежащими употреблены названія субстанцій,

какъ въ приведенномъ примѣрѣ у Фета, въ этихъ случаяхъ умолчаніе бываетъ полнымъ. Процессъ предидицированія можетъ совершаться только въ сознаніи, и у каждаго индивидуума быть особымъ. Мы сейчасъ указали примѣры умолчанія, основывающагося на отсутствіи какого-либо члена сужденія,—или сказуемаго, или подлежащаго. Но можетъ иногда пропускаться цѣлая мысль или рядъ мыслей. Такой пропускъ узнается по контексту:

«И вотъ ввели въ семью чужую...
Да ты не слушаешь меня».

Пушкинъ.

Возстановленіе пропущенныхъ мыслей, а также и сказуемыхъ при имѣющихся налицо подлежащихъ, есть дѣло творчества слушающаго. Въ этомъ и заключается особая красота умолчанія. Умолчаніе можетъ быть фиктивнымъ—говорящій не хочетъ высказать своей мысли, но высказываетъ:

«Я... знаешь, няня... влюблена».

Пушкинъ.

Апострофа состоитъ въ томъ, что лицо говорящее настолько сильно бываетъ возбуждено какимъ-либо предметомъ, что, вслѣдствіе перевѣса чувствованія надъ интеллектуальными процессами, вся рѣчь носитъ, преимущественно, эмоциональный характеръ и состоитъ, поэтому, изъ эмоциональныхъ предложеній. Въ апострофѣ выдѣляются двѣ части: обращеніе и восклицаніе; къ нимъ часто присоединяется вопрошеніе. Этой фигурой часто выражается чувство восторга, удивленія, сомнѣнія, просьбы, негодованія и т. п. Апострофа можетъ быть результатомъ глубокаго и внимательнаго изученія природы предмета, вслѣдствіе чего чувствованіе вторгается въ дѣятельность мысли и производитъ свой актъ оцѣнки предмета. Апострофа есть своего рода заключеніе, выводъ изъ посылокъ, но основанный только на чувствѣ и потому не имѣющій значенія логическаго умозаключенія. Апострофа можетъ стоять въ началѣ рѣчи; таково обращеніе Лермонтова къ пальмовой вѣтви въ стихотвореніи «Вѣтка Палестины», таково обращеніе къ витіямъ у Пушкина въ его одѣ «Клеветникамъ Россіи». Но и въ этомъ случаѣ апострофа все равно имѣетъ тотъ же характеръ эмоциональнаго заключенія. Апострофа здѣсь явилась, какъ результатъ пережитаго настроенія и перечувствованнаго содержанія, но еще не выраженнаго пока и не закрѣпленнаго въ логической формѣ; поэтому апострофа и стоитъ впереди своихъ посылокъ. Апострофа относится къ логическому умолчанію, потому что предложенія, заключающія въ себѣ эту

фигуру, не составляют суждений: въ нихъ не раскрывается природа подлежащаго. Вопросомъ, если апострофа выражена въ этой формѣ, только намѣчается путь для дальнѣйшаго сужденія, которое можетъ состояться въ отвѣтъ на этотъ вопросъ. Точно также и восклицаніе не составляетъ логическаго сужденія, потому что въ предложеніяхъ, связанныхъ съ этой фигурой, высказывается не сужденіе о томъ или другомъ предметѣ, а, какъ мы видѣли, оцѣнка этого предмета при помощи чувства—волненія. Какъ результатъ оцѣнки предмета чувствомъ, появляется та или другая реакція со стороны волевыхъ импульсовъ по отношенію къ оцѣненному чувствомъ предмету. А эта реакція воли выражается въ волевыхъ предложеніяхъ, которые тоже нельзя считать сужденіями, такъ какъ дѣятельность интеллекта (познающаго ума) въ нихъ сказывается только съ чисто формальной стороны, со стороны построенія предложенія. Волевые предложенія можно отнести также къ апострофѣ, поскольку они выражаются въ фигурахъ восклицанія и обращенія. Фигура обращенія своимъ объектомъ можетъ имѣть предметы одушевленные и неодушевленные, конкретные и абстрактные, отсутствующіе и находящіеся на лицо:

«Гремить, благовѣй, сынъ персти!

Се Ветхій деньми перуны съѣтъ съ небеси».

Дмитріевъ.

«Всесильный, съ трепетомъ младенца,

Цѣлую я священный край

Твоей молніеносной ризы

И исчезаю предъ Тобой».

Дмитріевъ.

«О чемъ шумите вы, народные витѣи?

Что возмутило васъ?»

Пушкинъ.

„Сынъ роскоши прохладъ и нѣтъ,

Куда, Мещерскій, ты сокрылся?»

Державинъ.

«Ну, тащися, сивка,

Пашней — десятиной!»

Кольцовъ.

«Безмолвное море, лазурное море!

Стою очарованъ надъ бездной твоей».

Жуковский.

Вопрошеніе называется риторическимъ вопросомъ, когда асерторическое сужденіе, т.-е. сужденіе, имѣющее силу достовѣрности, выражается въ формѣ вопроса, чтобы придать рѣчи силу боль-

шей убѣдительности и устранить всякую тѣнь сомнѣнія. Въ формѣ вопроса такія мысли выражаются потому, что на нихъ ожидается только одинъ отвѣтъ. Эту фигуру апострофы можно назвать фиктивнымъ вопрошеніемъ. Риторическіе вопросы имѣютъ мѣсто, главнымъ образомъ, въ ораторскихъ произведеніяхъ и въ лирикѣ. Іоаннъ Златоустъ (IV в.) свое обличительное слово противъ зрѣлицъ начинаетъ такъ: «Можно ли это стерпѣть? Можно ли это снести?». Серапіонъ, епископъ Владимірскій (XIII в.), въ одной изъ своихъ проповѣдей предлагаетъ такіе вопросы: «Чего мы не навлекли на себя? Какихъ мы не понесли наказаній отъ Бога? Не была ли плѣнена земля наша? Не были ли взяты города наши?». Начало рѣчи Цицерона противъ Катилины такое: «Доколѣ, Катилина, ты будешь злоупотреблять нашимъ терпѣніемъ?».

§ 88. ГРАММАТИЧЕСКОЕ УМОЛЧАНІЕ.

Въ грамматическомъ умолчаніи различаются слѣдующіе виды: эллипсисъ, бессоюзіе, отсутствіе согласованія и вставка. Это умолчаніе отличается отъ логическаго тѣмъ, что въ немъ имѣются, если не налицо, то въ сознаніи, и подлежащее, и сказуемое. Сначала объ эллипсисѣ:

«Татьяна въ лѣсъ, медвѣдь за ней».

Пушкинъ.

«Мы села—въ пепель, грады—въ прахъ;
Въ мечи—серпы и плуги».

Жуковский.

Изъ указанныхъ примѣровъ мы видимъ, что здѣсь пропускаются преимущественно такіе члены предложенія, которые для полноты сужденія не имѣютъ особеннаго значенія, которые, съ точки зрѣнія содержанія сужденія (матеріи его), занимаютъ мѣсто связки при логическомъ сказуемомъ; но эти же связки, если разбирать эти предложенія съ ихъ грамматической стороны, являются грамматическими сказуемыми. Въ предложеніи: «Татьяна—въ лѣсъ» можно подразумѣвать сказуемыя: пошла, побѣжала и т. п. Но спѣшимъ оговориться, что эта подразумѣваемость грамматическаго сказуемаго совершенно излишняя, такъ что въ существѣ дѣла здѣсь не пропускъ, а умолчаніе. Пропуска въ эллипсисѣ нѣтъ, потому что мы не знаемъ и не въ состояніи возстановить того слова, которое было

въ сознаніи автора рѣчи: возстановленіе слова есть навязываніе его автору. Затѣмъ, при умолчаніи рѣчь отличается большей яркостью и живостью, чѣмъ при его возстановленіи. Если мы въ контекстъ рѣчи Жуковского вставимъ слово „превратимъ“, то предложеніе «Мы превратимъ села въ пепель, а грады—въ прахъ» значительно потускнѣетъ. Недостатокъ словъ въ эллипсисѣ объясняется или тѣмъ, что словесная форма не успѣваетъ слѣдовать за мыслью, вслѣдствіе сильнаго возбужденія подъ вліяніемъ чувства, или тѣмъ, что, вслѣдствіе бѣдности языка и невозможности найти въ лексическомъ запасѣ слово, соотвѣтствующее тому понятію или представленію, которое имѣется въ мысли, мы обходимся безъ этого слова. Къ фигурѣ эллипсиса можно отнести и то логическое умолчаніе, которое имѣетъ мѣсто въ придаточномъ предложеніи. Къ эллипсису мы это логическое умолчаніе относимъ потому, что сужденіе съ его логической стороны слѣдуетъ считать состоявшимся: «Нѣтъ, волчицы, я отплачу вамъ такъ, что цѣлый свѣтъ... Я накажу васъ... самъ не знаю какъ». При пропускѣ союзовъ получается новая форма грамматическаго умолчанія—безсоюзіе:

«Шведь—русскій колѣтъ, рубить, рѣжетъ».

Пушкинъ.

«За горами, за лѣсами,
За широкими морями,
Противъ неба, на землѣ,
Жили пахари въ селѣ».

Ершовъ.

Примѣры эллипсиса изъ устной поэзіи, пропущены союзы: «она тѣмъ узда дорога—царское жалованье, государево величество»; «а отъ пару было конинаго—а и мѣсяць, солнце померкнуло». При опущеніи союза рѣчь часто принимаетъ форму параллелизма:

«А и въ горѣ жить—некручинну быть,
Нагому ходить—не стыдиться».
«На Волгѣ жить—ворами слыть,
На Яикѣ итти—переходъ великъ,
Въ Казань итти—грозень царь стоитъ».

Пропускъ союза вліяетъ на грамматическій строй всего предложенія: конинный паръ былъ таковъ, что мѣсяць, солнце померкнули; если мы будемъ жить на Волгѣ, то прослывемъ ворами. Безсоюзіе принадлежитъ, какъ мы видѣли, паратактиче-

ской эпохѣ жизни языка, такъ, что если и можно здѣсь говорить о пропускѣ союзовъ, то только съ точки зрѣнія теперешняго синтаксическаго строя.

Подъ вліяніемъ быстрого теченія мыслей и сосредоточенія вниманій на предметахъ мысли, а не на строѣ предложенія, грамматическое умолчаніе можетъ выражаться въ отсутствіи согласованія. Согласованіе можетъ отсутствовать у сказуемаго съ подлежащимъ и у опредѣляемыхъ словъ съ опредѣленіями. О послѣднемъ мы сказали, когда шла рѣчь объ эпитетѣ. Въмѣсто личной формы сказуемое можетъ быть употреблено въ неопредѣленно-личной, напр., въ повелительномъ наклоненіи:

«Кто хочетъ пить и ѣсть изъ готоваго,
Валися къ Васькѣ на широкій дворъ,
Тотъ пей и ѣшь готовое,
И носи платье разноцвѣтное».

Можетъ употребляться въ сказуемомъ единственное число вмѣсто множественнаго; въ этомъ случаѣ будетъ умолчаніе числа:

„Прощай, хозяйскіе горшки“

Крыловъ.

„Стой, братцы, стой, кричитъ Мартышка“.

Крыловъ.

Умолчаніе возможно также и въ флексіи сказуемаго, и тогда сказуемое стоитъ безъ всякаго окончанія и по своей формѣ приближается къ междометію.

„Хватъ камнемъ друга въ лобъ“

Крыловъ.

По камнямъ, рывинамъ
Пошли толчки, скачки,
Лѣвѣй, лѣвѣй,
И съ возомъ духъ въ канаву“.

Крыловъ.

Отсутствіе согласованія—наиболѣе употребительная фигура въ живой разговорной рѣчи.

Вставка состоитъ въ томъ, что на нѣкоторое время мысль отвлекается отъ своего предмета, и вниманіе ея устремляется на другой предметъ, связанный съ предыдущимъ какой-либо ассоціаціей. Вставку поэтому можно отнести къ фиктивному грамматическому умолчанію. Синтаксически вставка выражается въ формѣ вводныхъ предложений:

„Вотъ въ этой самой кельѣ
(Въ ней жилъ тогда Кирилль многострадальный)
Видѣлъ я царя“.

Пушкинъ.

„Какой-то поваръ-грамотей
Съ поварни побѣжалъ своей
Въ кабакъ (онъ набожныхъ былъ правилъ,
И въ этотъ день по кумѣ тризну правилъ),
А дома стеречи съѣстное отъ мышей kota оставить“.

Крыловъ.

§ 89. ЛОГИЧЕСКІЙ ПЛЕОНАЗМЪ.

Фигуры логическаго плеоназма въ противоположность логическому умолчанію имѣютъ ту особенность, что сужденіе отличается особенной полнотой мыслей, въ немъ заключенныхъ. Мы знаемъ, что сужденіе преимущественно отливается въ словесной формѣ. Если обратить вниманіе на эту сторону логическаго сужденія, то мы замѣтимъ въ немъ несоотвѣтствіе между его словесной формой и содержаніемъ. Въ содержаніи сужденія дано больше, чѣмъ въ его словесной формѣ. Но, кромѣ этой количественной стороны, въ фигурахъ логическаго плеоназма есть качественная сторона, проявляющаяся въ контрастѣ, въ противоположности между содержаніемъ сужденія и его формой, между словеснымъ выраженіемъ и значеніемъ этого словеснаго выраженія. Въ выраженіяхъ „слезы льются *ручьемъ*“, „отколѣ, *умная*, бредешь ты, голова?“ слова „ручей“ и „умная“ употреблены не въ томъ значеніи, какое обычно для этихъ словъ. Контрастъ можетъ проявляться также въ противоположеніи одной мысли другой: „Я тѣломъ въ страхѣ истлѣваю—умомъ громамъ повелѣваю“. Логическій плеоназмъ имѣетъ мѣсто во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, когда чувствованія, повышая жизнедѣятельность организма, вмѣстѣ съ тѣмъ способствуютъ дѣятельности познавательныхъ процессовъ. Краткость словесной формы въ этой фигурѣ зависитъ отъ той напряженности чувства и мысли, вслѣдствіе которыхъ сознаніе и вниманіе останавливаются только на тѣхъ свойствахъ и дѣйствіяхъ предметовъ, которые произвели сильное воздѣйствіе на чувство. Чувство, достигая того высшаго напряженія, при которомъ не происходитъ остановки познавательныхъ процессовъ, ослабѣваетъ: за высшей напряженностью слѣдуетъ реакція. Этой мгновенностью проявленія чувства и можно объяснить краткость сло-

весной формы. Фигуры логического плеоназма отличаются краткостью словесной формы, не соответствующей содержанию суждения по двумъ причинамъ. Нѣкоторыя фигуры отличаются этой краткостью, потому что они связываются съ образомъ: слова въ этихъ фигурахъ употреблены въ поэтическомъ значеніи, фигуры, такимъ образомъ, связываются съ тропами. А такъ какъ образъ, т.-е. живое представленіе о предметѣ богаче признаками, чѣмъ понятіе, то поэтому тропы-фигуры и отличаются особенной содержательностью, стоящей въ несоотвѣтствіи съ словеснымъ выраженіемъ. Къ числу этихъ тропъ-фигуръ относятся гипербола и иронія. Тѣ фигуры логического плеоназма, матеріаломъ которыхъ служатъ прозаическія слова, отличаются большей содержательностью мысли въ сравненіи съ тѣмъ, что даетъ словесная форма, потому что въ этихъ фигурахъ имѣется пропускъ какой-либо посредствующей мысли: въ нихъ есть умолчаніе. Къ этимъ фигурамъ относятся: антитеза, поправленіе, пародія и каламбуръ. Итакъ, фигура логического плеоназма имѣетъ слѣдующія разновидности: иронія, гипербола, антитеза, поправленіе, пародія и каламбуръ.

Слово иронія по производству—греческое; *εἰρωνεία* значитъ притворство, особенно въ рѣчи; вторичное значеніе этого слова отговорка и насмѣшка. Иронія основывается на чувствѣ несоотвѣтствія между идеаломъ и явленіемъ, уклоняющимся отъ этого идеала. Разъяснимъ эту мысль. Въ сознаніи, путемъ накопленія различныхъ понятій о внѣшнемъ мірѣ и насъ самихъ, выработались, вслѣдствіе обобщенія понятій, нормы о различныхъ явленіяхъ изъ внѣшняго и внутренняго міра. Эти нормы или идеалы и служатъ масштабомъ, или той мѣркой, съ точки зрѣнія которыхъ оцѣнивается то, что подлежитъ нашему наблюденію и изученію. Совокупность идеаловъ, имѣющихся въ нашемъ сознаніи, и есть то, что обычно называется міросозерцаніемъ. Отсюда понятно, что міросозерцаніе и идеалы у различныхъ людей неодинаковы. У однихъ идеалы выработались только для пониманія явленій обычной, повседневной жизни, и отсутствуютъ или же находятся въ зачаточномъ состояніи идеалы высшаго порядка: религіозные, общественные, нравственные, научные, художественные и т. п. Но зато житейскіе идеалы, касающіеся пониманія явленій повседневной жизни, свойственны всѣмъ людямъ, хотя содержаніе этихъ идеаловъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ можетъ быть и различное. Къ этимъ идеаламъ относятся идеалы приличій, этикета, внѣшности, движеній, поступковъ и т. п.

Иронія требуетъ особеннаго умственного напряженія. Необходимость этого напряженія объясняется тѣмъ, что въ сознаніи

говорящаго имѣется непремѣнно тотъ или другой идеаль и связанные съ нимъ другіе образы: работа сознанія происходитъ какъ бы въ двухъ этажахъ, но въ верхнемъ совершается работа исключительно закулисная; поэтому часто бываетъ такъ, что говорящій думаетъ одно, а высказываетъ другое, но, высказывая это другое, ни онъ самъ, ни слушающій не ошибаются въ пониманіи смысла рѣчи: здѣсь нѣтъ ни лжи, ни хлестаковщины. Примѣры того рода ироніи, когда говорящій высказываетъ противоположное или несогласное съ тѣмъ, что онъ думаетъ, обычны не только въ поэтической и прозаической рѣчи, но и въ обыденной. „На улицѣ такое тепло, что потъ прошибаетъ!“ говорятъ во время сильныхъ морозовъ; „ждите; я къ вамъ приду“—это значитъ никогда не буду. Въ тѣхъ случаяхъ, когда значеніе образа непонятно, когда въ немъ ошибаются и говорящій, и слушающій, въ этихъ случаяхъ иронія переходитъ въ ложь и хлестаковщину.

Иронія такъ же, какъ и другія фигуры плеоназма, можетъ соединиться съ различными тропами, или, лучше, она можетъ заключаться въ разныхъ тропахъ. Въ сравненіи: „Какъ платье, волосы, такъ и умы коротки“ (Грибоѣдовъ). „Шумъ отъ перьевъ былъ большой и походилъ на то, какъ будто бы нѣсколько телѣгъ съ хворостомъ проѣзжали лѣсъ, заваленный на четверть аршина изсохшими листьями“. (Гоголь). Иронія заключается въ метафорѣ:

„Ахъ ты, конь мой, конь, лошадь вѣрная,
Ты товарищъ въ полѣ ратномъ,
Добрый пайщикъ службы царской!
Ты скажи моей молодой вдовѣ,
Что женился я на другой женѣ,
Что за ней я взялъ поле чистое;
Насъ сосватала сабля острая,
Положила спать калена стрѣла!“

Въ синекдохѣ:

„Есть и овощъ въ огородѣ—
Хрѣнъ да луковица,
Есть и мѣдная посуда—
Крестъ да пуговица“.

Некрасовъ.

Въ метониміи:

„А ваше какъ здоровье?“—„Слава Богу, не пожалуюсь,—скажутъ Собакевичъ. И точно, не на что было жаловаться; скорѣе желѣзо могло простудиться и кашлять, чѣмъ этотъ на диво сформированный помѣщикъ“ (Гоголь).

Въ гиперболя:

„Вотъ я тебя палахомъ! кричалъ! кричалъ скакавшій навстрѣчу фельдъегерь съ усами въ аршинъ“ (Гоголь). „Броситься на муху съ обухомъ“.

Чувство смѣха въ ироніи можетъ соединяться съ разнородными чувствованіями, и тогда она получаетъ множество оттѣнковъ. Смѣхъ можетъ соединяться съ благожелательствомъ къ предмету. Примѣръ этого рода ироніи мы видимъ у Некрасова въ его стихотвореніи: „Что думаетъ старуха, когда ей не спится“.

„Они (Ларины) хранили въ жизни мирной
Привычки милой старины;
У нихъ на масленицѣ жирной
Водились русскіе блины.
Два раза въ годъ они говѣли,
Любили круглыя качели,
Подблюдны пѣсни, хороводъ...
Имъ квасъ, какъ воздухъ, былъ потребенъ,
И за столомъ у нихъ гостямъ
Носили блюда по чинамъ“.

Пушкинъ.

Иронія, соединенная съ чувствомъ негодованія, называется сарказмомъ:

„Какая честь для насъ, для всей Руси!
Вчерашній рабъ, татаринъ, зять Малюты,
Зять палача и самъ въ душѣ палачъ,
Возьметъ вѣнецъ и бармы Мономаха!“

Сарказмъ можетъ быть замаскированъ доброжелательствомъ:

„Исполать тебѣ, дѣтинушка, крестьянскій сынъ,
Что умѣлъ ты воровать, умѣлъ отвѣтъ держать,
Я за то тебя, дѣтинушка, пожалуйю
Среди поля хоромами высокими,
Что двумя ли столбами съ перекладиною“.

Сарказмъ, какъ это видно изъ приведенныхъ примѣровъ, есть злая язвительная насмѣшка (*sarkasmo*—сдираю кожу), но она своимъ основаніемъ имѣетъ осмѣяніе дѣйствительныхъ или воображаемыхъ недостатковъ. Сарказмъ переходитъ въ шаржъ въ тѣхъ случаяхъ, когда осмѣиваются лучшія стороны въ жизни человѣка или общества. Аристофанъ въ комедіи „Облака“ безъ достаточныхъ основаній осмѣиваетъ Сократа и его послѣдователей, всѣхъ смѣшивая съ софистами. Монологъ Чацкаго, въ кото-

ромъ онъ предостерегаетъ отъ подражанія иностранцамъ и ставитъ въ примѣръ китайцевъ „съ ихъ премудрымъ незнаньемъ иностранцевъ“, также отзывается шаржемъ тѣмъ болѣе, что предметомъ осмѣянія у Чацкого является насмѣшка надъ модой, надъ внѣшностью.

Иронія причисляется къ фигурамъ логическаго плеоназма потому, что въ ней содержится больше, чѣмъ дано въ словесной формѣ: въ сознаніи имѣется не выраженный словесной формой идеалъ и выраженное въ словѣ уклоненіе отъ этого идеала. Итакъ, ироніей называется такая фигура логическаго плеоназма, въ которой во имя того или другого идеала осмѣивается на почвѣ какого-либо опредѣленнаго чувствованія уклоненіе отъ этого идеала.

Гипербола относится къ тропамъ, составляя разновидность синекдохи, о чемъ уже нами и было сказано въ соответствующемъ мѣстѣ. Но она можетъ быть отнесена и къ фигурѣ логическаго плеоназма, потому что между мыслью и ея словеснымъ выраженіемъ нѣтъ соответствія и совпаденія. Слезы ручьемъ, очевидно, никогда не могутъ литься.

Антитеза—слово греческое; *ἀντίθεσις* значитъ сопоставляю, противопоставляю; эта же фигура носить и другое латинское названіе—контрастъ, отъ *contrarius*—противоположный. Отъ ироніи фигура контраста отличается тѣмъ, что въ ней противоположность между предметами и качествами выражается самой словесной формой:

„Гдѣ столъ былъ яствъ—тамъ гробъ стоитъ;
Гдѣ пиршествъ раздавались клики,
Надгробные тамъ воютъ лики“.

Въ ироніи же, хотя и есть такое противопоставленіе, но оно имѣется только въ сознаніи. Есть и другое отличіе антитезы отъ ироніи: оно выражается въ томъ, что въ антитезѣ необязателенъ смѣхъ: иронія можетъ входить, но можетъ и не входить въ антитезу. Антитеза имѣетъ мѣсто въ тѣхъ случаяхъ, когда для того или другого явленія изъ жизни человѣка или природы умъ не въ состояніи подыскать закона причинности:

„Умомъ громамъ повелѣваю,
А тѣломъ въ прахъ истлѣваю“.

Державинъ.

Вслѣдствіе этого безсилія ума (безразлично, дѣйствительнаго или кажущагося) поставить то или другое явленіе въ причинную связь съ другими, какъ бы съ цѣлью исключить это явле-

ніе изъ ряда законосообразныхъ, подыскивается къ этому противоположное и ставится съ нимъ въ связь. Это безсиліе ума очень часто бываетъ результатомъ соединенія, или сочетанія въ предметъ или предметахъ извѣстныхъ свойствъ и качествъ вслѣдствіе неожиданности этихъ сочетаній:

„Они сошлись (Ленскій и Онѣгинъ). Волна и камень,
Стихи и проза, ледъ и пламень
Не столь различны межъ собой.

Пушкинъ.

Это безсиліе ума въ фигурѣ антитезы надо отличать отъ ограниченности человѣческаго мышленія, коренящагося въ самой природѣ психической организаціи человѣка. Въ фигурѣ антитезы эта ограниченность исключается, или, вѣрнѣе, она объясняется вмѣшательствомъ чувства въ область мысли, не мирящагося съ тою законосообразностью, которая существуетъ на самомъ дѣлѣ. Смертность человѣка, какъ существа физическаго, законосообразна и не стоитъ въ противорѣчій съ жизнью природы, но для Державина она не законосообразна, потому что человѣкъ—царь природы. Почему Кочубей заключенъ въ тюрьму, это объяснено Пушкинымъ въ его поэмѣ „Полтава“, но Пушкинъ не можетъ примириться съ этимъ заточеніемъ, потому что оно нарушаетъ гармонию природы: прелесть и тишина украинской весенней ночи не мирятъ Пушкина съ тѣми мученіями, которыя переживаетъ Кочубей въ своемъ заключеніи. Изъ этого мы видимъ, что въ антитезѣ противоположеніе между сопоставляемыми явленіями или предметами почвою для себя имѣетъ тѣ или другія чувствованія, ассоціируемыя съ предметами. На антитезѣ очень часто основываются цѣлыя произведенія. На противопоставленіи жизни и смерти основана элегія Пушкина „Брожу ли я вдоль улицъ шумныхъ“. На противопоставленіи личности Иисуса Христа и людей, искупленныхъ Его крестною смертію отъ первороднаго грѣха, архіепископомъ Иннокентіемъ составлено „Слово въ Великій Пятокъ“. Антитеза относится къ фигурамъ логическаго плеоназма, потому что при наличности этой фигуры сужденіе отличается большей полнотой сравнительно съ словеснымъ выраженіемъ этого сужденія: при антитезѣ можно подразумѣвать посредствующую мысль, не выражаемую словесно: сегодня лѣстнѣ надежда лѣстна, а завтра гдѣ ты, человѣкъ?—сегодня лѣстнѣ надежда лѣстна, *и слѣдовательно, можно разсчитывать на ея осуществленіе*, а завтра гдѣ ты, человѣкъ? Грамматически антитеза выражается или уступительнымъ предложеніемъ или

сочиненнымъ противительнымъ съ союзомъ или безъ союза. Примѣры сочиненныхъ противительныхъ приведены выше. Уступительное предложеніе:

„И хоть безчувственному тѣлу
Равно повсюду истлѣвать,
Но ближе къ личному предѣлу
Мнѣ бъ все хотѣлось почивать“.

Пушкинъ.

Разновидностью антитезы является поправленіе; оно состоитъ въ томъ, что приписанное тому или другому предмету свойство или дѣйствіе отвергается и на мѣсто его ставится другое свойство или дѣйствіе, исключющее первое или замѣняющее его.

„Вся наша жизнь не что иное,
Какъ лишь мечтаніе пустое;
Иль нѣтъ: тяжелый нѣкій шаръ,
На нѣжномъ волосѣ висящій“.

Державинъ.

Митрополитъ Иларіонъ въ своемъ „Словѣ о законѣ и благодати“ такъ говоритъ о святомъ Владимірѣ: „Встани, о честная главо, отъ гроба твоего, встани, отряси сонъ, нѣси бо умерлъ, но спиши до общаго всѣмъ встанія“. Сочетаніе ироніи и антитезы ведетъ за собою новую фигуру—пародію. Пародія—слово греческое; *parodia* значитъ пѣсня наизнанку. Эта фигура состоитъ въ томъ, что какой-либо предметъ съ своими признаками включается въ категорію несвойственныхъ ему предметовъ. Такъ Эней въ переводѣ Котляревскаго дѣлается казакомъ: „Эней бувъ парубокъ моторный и дитина, хотъ куды козакъ“. У Некрасова есть „Колыбельная пѣсня“ подражаніе Лермонтову, въ которой мать иронизируетъ надъ судьбой своего сына, приписывая ему пошлыя качества чиновника. Для примѣра приведемъ соотвѣтствующій куплетъ у Лермонтова и Некрасова. У перваго:

„Богатырь ты будешь съ виду
И казакъ душой.
Провожать тебя я выйду—
Ты махнешь рукой...
Сколько горькихъ слезъ украдкой
Я въ ту ночь пролью!..
Спи, мой ангелъ, тихо, сладко,
Баюшки-баю“.

У второго:

„Будешь ты чиновникъ съ виду
И подлецъ душой.
Провожать тебя я выйду
И махну рукой!
Въ день привыкнешь ты картинно
Спину гнуть свою...
Спи, пострѣль, пока невинный,
Баюшки-баю!“

Изъ отрывка Некрасова мы видимъ, что здѣсь пародируются чувства матери; приписываются ей несвойственные чувства и стремленія. У Пушкина „Лѣтопись села Горохина“ пародія на „Исторію Государства Россійскаго“ Карамзина: въ этомъ своемъ произведеніи Пушкинъ серьезнымъ карамзинскимъ слогомъ говорить о маловажныхъ и ничтожныхъ событіяхъ. Отъ ироніи пародія отличается большей рѣзкостью и выпуклостью въ обрисовкѣ тѣхъ или другихъ свойствъ предмета. Пародіи въ живописи соотвѣтствуетъ карикатура, и этимъ еще яснѣе опредѣляется природа пародіи.

Антитеза можетъ быть фиктивной; она можетъ имѣть только форму контраста; таковы пословицы и поговорки: „На недѣлѣ семь пятницъ“, „Безъ году недѣля“, „Тише ѣдешь—дальше будешь“ и т. п.

Каламбуръ—слово французское. Полагають, что свое названіе эта фигура получила отъ имени графа Каланбура или Калемберга, жившаго въ XIV или XV вѣкѣ. Эта фигура основывается на игрѣ словъ. Одно слово можетъ имѣть нѣсколько значеній, часто мало сходныхъ между собою; кромѣ того, имѣются однозвучныя слова, омонимы. Смѣшеніе въ словѣ различныхъ значеній и является особенностью каламбура. Примѣръ каламбура: „Осмотрѣлъ ваше мѣстоимѣніе. Начнемъ съ комнатныхъ пристроекъ: окна безъ всякаго притворства, двери не имѣютъ запираательства, по угламъ безобразіе: не на что человѣку помолиться. Всѣ комнаты терпятъ холодность вслѣдствіе безопасности. Лѣстницы на верхъ съ удивительными наклонностями. Крутомъ дома вся застѣчивость обвалилась, и отовсюду дуновеніе, отъ котораго страшная вспыльчивость происходитъ. Въ саду ужасное безпутство: негдѣ пройти, и всѣ деревья находятся въ склоненіи. Отъ забора остался одинъ столбнякъ“.

§ 90. ГРАММАТИЧЕСКІЙ ПЛЕОНАЗМЪ.

Изъ разсмотрѣнія фигуръ логическаго плеоназма мы замѣтили, что мыслей въ матеріи сужденія содержится больше, чѣмъ въ словесной формѣ. Въ фигурахъ грамматическаго плеоназма не замѣчается этого несоотвѣтствія между матеріей сужденія и его словесной формой. Итакъ, въ чѣмъ же состоитъ сущность грамматическаго плеоназма? Мы видѣли, что фигуры логическаго плеоназма есть актъ такого вмѣшательства эмоцій въ дѣятельность мысли, при которомъ мысль, подъ вліяніемъ сильно-возбужденнаго чувства, останавливаетъ свое вниманіе только на одной сторонѣ предмета или явленія, и при этомъ силѣ этого возбужденія прямо пропорціонально ослабленіе и паденіе этого чувства: силѣ напряженія соотвѣтствуетъ сила разряженія. Въ фигурахъ грамматическаго плеоназма чувствовавіе сказывается со стороны меньшей его напряженности, или интенсивности, но зато отличается оно большей экстенсивностью, или протяженностью (если такое слово употребительно по отношенію къ душевнымъ процессамъ), т. е. чувство продолжаетъ вмѣшиваться въ дѣятельность мысли до тѣхъ поръ, пока мысль не исчерпаетъ себя въ познаніи предмета или явленія. Благодаря этому содружеству между мыслью и чувствомъ вниманіе сознанія останавливается на всѣхъ тѣхъ свойствахъ предмета, или предметахъ, на которые укажетъ чувствовавіе, или, выражаясь метафорически, мысль разъяснитъ все то, что освѣтитъ чувство. Если въ фигурахъ логическаго плеоназма чувство—молнія, освѣщающая только абрисы предметовъ мысли, то въ фигурахъ грамматическаго плеоназма оно—свѣтильникъ, проливающий свой свѣтъ во всѣ закоулки этихъ предметовъ. Въ фигурахъ перваго рода чувство схватываетъ предметъ въ его общихъ очертаніяхъ, а въ фигурахъ втораго рода схватываются детали предметовъ и, какъ результатъ этого схватыванія, появляется предметъ мысли въ его общемъ видѣ. Фигуры грамматическаго плеоназма могутъ быть результатомъ вмѣшательства чувствъ, самыхъ разнообразныхъ по своему содержанію, и, соотвѣтственно этому, это чувство-свѣтильникъ можетъ освѣщать предметы разными огнями. Въ чувствѣ любви къ предмету оно обратитъ вниманіе на однѣ стороны предметовъ; въ страхѣ—на другія, въ ненависти—на третьи и т. д.

Къ фигурамъ грамматическаго плеоназма относятся слѣдующія разновидности: повтореніе, ретардація, многосоюзіе, медлительность, художественное обобщеніе, копуляція и градація.

Фигуры грамматического плеоназма, руководствуясь этимологическимъ принципомъ, можно раздѣлить на два разряда: на фигуры тавтологическія и на фигуры, въ собственномъ смыслѣ слова, плеонастическія. Особенностью тавтологическихъ фигуръ является то ихъ свойство, по которому повторяются слова однихъ и тѣхъ же корней; а плеонастическія фигуры своею особенностью имѣютъ повтореніе словъ, сходныхъ по значенію, словъ синонимическихъ. Къ фигурамъ тавтологическимъ относятся: повтореніе, ретардація, многосоюзіе и медлительность; фигуры плеонастическія: художественное обобщеніе, плеонастическое повтореніе, градація и копуляція.

Фигура повторенія, какъ указываетъ самое названіе ея, состоитъ въ неоднократномъ употребленіи однихъ и тѣхъ же словъ или и разныхъ словъ, но одного корня. Послѣднее, т.-е. употребленіе разныхъ словъ одного корня, какъ мы говорили ранѣе, свойственно преимущественно народной поэзіи: „мосты мостить“, „старина стародавняя“, „шутки шутить“ и т. п. Этотъ видъ грамматического плеоназма употребляется въ рѣчи затѣмъ, чтобы остановить вниманіе слушателя на томъ предметѣ или его свойствѣ, которое, по мнѣнію говорящаго, является характернымъ. Слово „старина“ безъ опредѣленія къ нему „стародавняя“ могло бы затеряться среди ряда другихъ словъ; или могло бы не выдѣлиться, а опредѣленіемъ „стародавняя“ это слово особенно отмѣчается. Устной поэзіи свойственно повтореніе предлога, чуждое или рѣдко встрѣчающееся въ литературной рѣчи:

„Кто бы намъ сказалъ *про* старое,
Про старое, *про* бывалое,
Про того Илью, *про* Муромца“.

Вслѣдствіе повторенія того же предлога въ мысли раздѣльно держатся всѣ тѣ понятія, которыя обозначены именами и поставлены въ тѣхъ надеждахъ, которые требуются предлогомъ. Употребленіе однихъ и тѣхъ же словъ и въ той же грамматической формѣ свойственно какъ устной поэзіи, такъ и художественной. Этотъ оборотъ называется палилогіей. Въ устной поэзіи:

„Это старая *калика* да *сѣдтая*,
Сѣдтая *калика* плѣштая“.
 „Того ли *соболя* заморскаго,
 Заморскаго *соболя* *ушистаго*,
Ушистаго *соболя* пушистаго“.

Въ художественной поэзи:

„Вырыта заступомъ яма глубокая,
Жизнь невеселая, *жизнь* одинокая,
Жизнь безпріютная, *жизнь* терпѣливая,
Жизнь, какъ осенняя ночь, молчаливая“.

Никитинъ.

„Послѣдняя туча разсѣянной бури!
Одна ты несешься по ясной лазури,
Одна ты наводишь унылую тѣнь,
Одна ты печалишь ликующій день!

Пушкинъ.

При повтореніи слова въ началѣ предложенія палилогія называется единоначатіемъ:

„За то, что здѣсь такъ мало свѣта,
Что воздухъ солнцемъ не согрѣтъ,
За то, что нѣтъ на мысль ствѣта,
„За то, что радости здѣсь нѣтъ,
Ни ласкъ, ни милаго объятія,
За то, что гибнетъ человѣкъ,
Я шлю вамъ всѣмъ проклятія,
Чужой оплакивая вѣкъ!“

Никитинъ.

Палилогія можетъ быть сложною, т.-е. можетъ повторяться цѣлое предложеніе или рядъ предложеній въ концѣ строфы или куплета. У Пушкина въ балладѣ „Бѣсы“ нѣсколько разъ повторяется начальный стихъ: „Мчатся тучи, выются тучи“... Въ народныхъ и художественныхъ пѣсняхъ этотъ видъ палилогіи называется припѣвомъ. Палилогія свойственна не только поэтической рѣчи, но также и прозаической: „Ему (поэту пошлости) не избѣжать, наконецъ, отъ *современнаго суда*, лицемѣрно-безчувственнаго *современнаго суда*... *ибо не признаетъ современный судъ*, что равно чудны стекла, озирающія солнца и передающія незамѣтенныя движенія насѣкомыхъ; *ибо не признаетъ современный судъ*, что много нужно глубины душевной, дабы озарить картину, взятую изъ презрѣнной жизни, и возвести ее въ перлъ созданія; *ибо не признаетъ современный судъ*, что высокій, восторженный смѣхъ достоинъ стать рядомъ съ высокимъ лирическимъ движеніемъ, и что цѣлая пропасть между нимъ и кривляньемъ балаганнаго скомороха! *Не признаетъ сего современный судъ* и все обратить въ упрекъ и поношеніе непризнанному писателю“... (Гоголь).

Ретардація состоитъ въ повтореніи цѣлаго ряда стиховъ черезъ извѣстный промежутокъ. Тотъ видъ повторенія, о которомъ сейчасъ шла рѣчь, объясняется особеннымъ вниманіемъ мысли къ предметамъ и дѣйствіямъ вслѣдствіе чувства на мысль. Въ ретардаціи, какъ мы увидимъ изъ примѣровъ, повтореніе стиховъ не вызывается требованіями чувства, а скорѣе всего объясняется безсиліемъ мысли, неумѣньемъ справиться съ выраженіемъ мысли въ новой словесной формѣ. Вслѣдствіе этого неумѣнья выразить свою мысль другими словами, въ нужныхъ случаяхъ говорящій повторяетъ то, что было сказано имъ ранѣе:

„Авдотья Рязаночка „пошла въ землю турецкую,
 Да ко славному королю ко Бахмету турецкому,
 Да она пошла полону просить.
 Шла-де она не путемъ, не дорогою,
 Да глубоки ты рѣки, озера широкія
 Тѣ она пловомъ плыла,
 А мелкія ты рѣки, озера широкія
 Да тѣ ли она бродкомъ брела.
 Да прошла ли она заставу великую,
 А чистыя поля тѣ широкія,
 Воровъ-разбойниковъ тѣхъ о полдѣнь прошла,
 Какъ о полдѣнь воры лютые
 Тѣ опочивъ держа.
 Да прошла-де вторую заставу великую,
 Да темны ты лѣса дремучіе;
 Лютыхъ звѣрей тѣхъ о полночь прошла,
 Да въ полночь звѣри люти,
 Тѣ опочивъ держа“.

Бахметъ, король турецкій, спрашиваетъ Авдотью Рязаночку, какъ она прошла заставы великія, установленныя имъ. Авдотья Рязаночка повторяетъ дословно всю ту описательную часть, которая нами приведена. Владимиръ, Красное Солнышко, отправляя богатырей на службу, даетъ имъ порученіе собрать дани невыходы у царей-королей за столько-то лѣтъ, и богатырь дословно повторяетъ порученіе, данное ему княземъ. Ретардація обычна въ былинной поэзіи и менѣе употребительна въ лирической. Отсюда можно сдѣлать тотъ выводъ, что вмѣшательство чувства здѣсь проявляется очень слабо. Народный сказатель относится безучастно къ тому, о чемъ онъ рассказываетъ, потому что чрезъ частое повтореніе сюжетовъ быliny у него притупился интересъ къ сохраненію быliny, что и проявляется въ ретардаціи.

Многосоюзіе состоитъ въ многократномъ повтореніи одного и того же союза, съ цѣлью связать въ одно общее нѣсколько предметовъ или дѣйствій:

*„И мѣсяць, и звѣзды, и тучи толпой
Внимали той пѣснѣ святой“.*

Дермонтовъ.

*„На кровлѣ аистъ носъ острить;
И въ небѣ ласточка кружить;
И дымъ клубится изъ печей;
И будить мельницу ручей;
И тихо рдѣетъ темный боръ,
И звучно въ немъ стучитъ топоръ“.*

Жуковский.

„Если ты, имѣя власть пустить невиннаго и, зная невинность его, тѣмъ не менѣе готовъ предать его въ руки враговъ, чтобы не оскорбить ихъ гордости; если, вмѣсто суда и защиты невинности, ты глумишься надъ ея несчастіями и заставляешь ее влачиться изъ одного судилища въ другое; если твоя правда состоитъ въ омовеніи рукъ передъ народомъ, то удались отъ Гроба сего: твое мѣсто не здѣсь, а въ преторіи Пилата“ (Архіепископъ Иннокентій).

Медлительность стоитъ на границѣ между тавтологическимъ повтореніемъ и плеоназмомъ. Къ тавтологическому повторенію ее можно отнести потому, что въ ней повторяются слова одной звуковой формы, но чаще всего съ различными грамматическими окончаніями; съ плеоназмами у этой фигуры то общее, что вниманіе говорящаго здѣсь останавливается на деталяхъ, мелочахъ предметовъ. Медлительность такъ же, какъ и ретардація, чаще всего встрѣчается въ устной поэзіи. Если въ ретардаціи проявляется безучастіе говорящаго къ предметамъ рѣчи, то въ медлительности любовное, внимательное отношеніе, вслѣдствіе котораго рѣчь задерживается, и говорящій уклоняется отъ сюжета. Въ медлительности слово предшествующаго предложенія служить основаніемъ послѣдующаго:

„Еще съ Люкомъ немного живота пошло:

Пошелъ тугой лукъ разрывчатой,

А цѣна тому луку три тысячи.

Потому цѣна луку три тысячи:

Полосы были серебряны...

И колчанъ пошелъ съ нимъ каленыхъ стрѣлъ,

А въ колчанѣ было за триста стрѣлъ,

Всякая *стрѣла* по десяти рублевъ,
А и еще есть во колчанѣ три стрѣлы,
А и тѣмъ *стрѣламъ цѣны нѣтъ*,
Цѣны не было и несвѣдомо“.
Богатырь „разставлялъ *шатеръ*, полы бѣлыя;
Разставя шатеръ, сталъ огонь сѣчи;
Высѣча огонь, сталъ раскладывать;
Разложя огонь, сталъ кашу варить;
Сваря кашу, сталъ расхлебывать;
Расхлебавъ кашу, сталъ опочивъ держать“.

Въ фигурахъ плеонастическаго повторенія различаются двѣ разновидности. Въ однихъ случаяхъ вниманіе мыслящаго отличается одинаковою напряженностью мысли: вниманіе не усиливается и не ослабляется; а въ другихъ случаяхъ вниманіе или возрастаетъ, или ослабляется въ своей интенсивности. Въ первомъ случаѣ получается фигура художественнаго обобщенія и плеонастическаго повторенія, а во второмъ—градація и копуляція.

Фигура художественнаго обобщенія состоитъ въ томъ, что предметъ или предметы, подвергавшіеся наблюденію лица говорящаго, не выдѣлились своими признаками изъ ряда другихъ однородныхъ предметовъ, и говорящій, не прибѣгая къ абстрактному обозначенію этого предмета, рисуетъ его конкретно, смѣшивая съ другими предметами, у которыхъ разные признаки. Фигура художественнаго обобщенія обычна въ устной народной поэзіи:

„Во ихной *во Инди* въ богатоей,
Во ихной *во Корелы* во проклятоей,
Во ихной во деревеньки *во Галичи*
Отходили отъ заутренье отъ ранней“.

„Паль паль перстень
Въ калину—малину,
Въ черную смородину“.

Изъ-подъ дуба, дуба было сыраго,
Изъ-подъ вяза, вяза съ-подъ черленаго,
Изъ-подъ кустышка да съ-подъ ракитова,
Съ-подъ ты березы съ-подъ кудрявыя,
Изъ-подъ камешка было изъ-подъ бѣлаго
Пала выпадала Нѣпра-рѣка“.

Изъ приведенныхъ примѣровъ видно, что соединяются между собою взаимно исключаютеліе другъ друга предметы: Нѣпра-рѣка пала не то изъ-подъ кустышка, не то изъ-подъ какого-то дерева;

перстень палъ не то въ калину, не то въ малину, не то въ черпую смородину. Для точности рѣчи слѣдовало бы сказать, что перстень палъ въ какой-то кустарникъ, и Днѣпръ вытекъ изъ-подъ древеснаго растенія.

Фигура плеонастическаго повторенія отличается отъ тавтологическаго повторенія тѣмъ, что въ ней повторяются слова синонимическаго значенія, съ цѣлью остановить на предметъ мысли вниманіе:

„Я накину на тя службу великую,
А я службу накину немалую“.
„Всѣ вы въ Кіевѣ переженены,
Только я, Владимиръ князь, холостъ хожу,
А и холостъ хожу, неженать гуляю“.

Когда эта фигура плеонастическаго повторенія соединяется съ медлительностью, тогда можетъ рѣчь дѣлаться неудобопонятной:

„Бдетъ старой-отъ путемъ-дорогою,
А стоитъ ту сорокъ тыщаць лихихъ воровъ,
Да стоитъ сорокъ тыщаць разбойниковъ,
Да ише сорокъ тыщаць стоитъ подорожниковъ.
— А и спроговорятъ-ту воры-разбойники,
Да спроговорятъ подорожники“...

Повидимому, здѣсь идетъ рѣчь о 120,000 разбойниковъ, а на самомъ дѣлѣ только о 40,000.

Градація въ переводѣ съ латинскаго языка (*gradatio*) значитъ восхожденіе. Градація отъ синонимическаго повторенія отличается тѣмъ, что въ ней вниманіе останавливается на предметъ мысли затѣмъ, чтобы ярче освѣтить этотъ предметъ мысли посредствомъ перехода отъ менѣе яркихъ свойствъ предмета къ болѣе яркимъ и наоборотъ. Мысли въ градаціи располагаются по степени восходящей или убывающей важности. Градація часто соединяется съ тавтологическимъ повтореніемъ. Объясняется это тѣмъ, что въ градаціи развиваются мысли объ одномъ и томъ же предметѣ:

„И блѣдна смерть на всѣхъ глядитъ,—
Глядитъ на всѣхъ: и на царей,
Кому въ державу тѣсны міры,
Глядитъ на пышныхъ богачей,
Что въ златѣ и сребрѣ кумиры;
Глядитъ на прелесть и красы;
Глядитъ на разумъ возвышенный,
Глядитъ на силы дерзновенны“...

Державинъ.

„Кто первый оградилъ царство наше искусственными твердынями? Петръ Великій. Кто первый устроилъ воинство и создалъ флотъ? Петръ Великій. Кто первый избралъ толь крѣпкое мѣсто къ населенію сего царственного града? Петръ Великій. Кто созидаетъ и украшаетъ сей градъ многокрасивыми зданіями? Петръ Великій“ (Феофанъ Прокоповичъ). „Лишить свободы римскаго гражданина—преступленіе; бичевать его—тяжкая вина; убить его—почти самоубійство; но распять его... какъ назвать это?!“ (Цицеронъ).

Градація можетъ быть смѣшанною, т.-е. въ ней могутъ мысли болѣе важныя смѣняться мыслями менѣе важными, и отъ этихъ менѣе важныхъ мыслей можетъ быть переходъ къ болѣе важнымъ и наоборотъ. Примѣромъ смѣшанной градаціи можетъ служить отрывокъ, приведенный изъ Державина.

Копуляція, отъ латинскаго *copulo*—завязываю, значить завязываніе, а затѣмъ нагроможденіе. Копуляція отъ градаціи отличается тѣмъ, что въ ней мысли не располагаются по системѣ, по плану, какъ въ градаціи, а соединяются между собою по силѣ впечатлѣній, вызванныхъ различными свойствами предметовъ. Расположеніе свойствъ и дѣйствій предмета здѣсь зависитъ отъ индивидуальнаго настроенія поэта:

„И воетъ, и свищетъ, и бьетъ, и шипитъ,
Какъ влага, мѣшаясь съ огнемъ,
Волна за волною“.

Державинъ.

„Буря мглою небо кроетъ,
Вихри свѣжныя крутя:
То какъ звѣрь она завоетъ;
То заплачетъ, какъ дитя;
То по кровлѣ обветшалой
Вдругъ соломой зашумитъ;
То, какъ путникъ запоздалый,
Къ намъ въ окошко застучитъ“.

Пушкинъ.

Копуляція, какъ видно изъ приведенныхъ примѣровъ, состоитъ изъ нагроможденія сходныхъ представлений. Копуляція можетъ соединяться съ градаціей и другими видами фигуръ.

Грамматически плеонастическія фигуры чаще всего выражаются посредствомъ однородныхъ членовъ слитнаго предложенія.

Періодъ.

§ 91. ПОНЯТІЕ О ПЕРІОДѢ.

Слово періодъ — греческое; *períodos* значить обходъ, окружность. Періодомъ въ древней Греціи называлась также и та замкнутая дорога, имѣющая видъ окружности, на которой происходили игры и состязанія во время олимпійскихъ празднествъ. Аристотель опредѣляетъ періодъ, какъ рѣчь, имѣющую въ себѣ самой начало и конецъ и легко обнимаемую умомъ. Это опредѣленіе періода, данное греческимъ философомъ, можетъ быть принято и въ настоящее время съ нѣкоторыми дополненіями. Для этого нужно точнѣе опредѣлить свойства періода. Приведемъ аристотелевскій примѣръ періода: „случается, что и умные люди наслѣдуютъ худую участь, а малоумные живутъ счастливо“. Въ основу этого періода положена идея о томъ, что счастье иногда зависитъ не отъ ума человѣка, а отъ случая. Въ періодѣ „Марка Фабія, мужа добродѣтельнѣйшаго и обладающаго глубокими свѣдѣніями, искренняя дружба ко мнѣ весьма пріятна“ заключается также идея: дружба Фабія пріятна мнѣ потому, что онъ человѣкъ добродѣтельный и свѣдущій. Въ стихотворномъ періодѣ Лермонтова „Когда волнуется желтѣющая нива“ этой идеей будетъ мысль о томъ, что человѣкъ ощущаетъ въ себѣ душевное спокойствіе тогда, когда онъ замѣчаетъ гармонію въ природѣ. Изъ разбора этихъ примѣровъ мы видимъ, что въ основу періода должна быть положена какая-либо главная мысль, или идея. Если мы сравнимъ выведенныя нами идеи періодовъ съ ихъ словеснымъ выраженіемъ, то мы замѣтимъ, что въ однихъ случаяхъ идея совпадаетъ съ словеснымъ выраженіемъ: и въ самой идеѣ, и въ ея словесномъ выраженіи заключено одно и то же количество мыслей, т.-е. мысли періода въ ихъ словесномъ выраженіи подверглись такому сгущенію, что дальнѣйшее сокращеніе ихъ невозможно. Въ другихъ случаяхъ мысли періода выражены настолько полно, что ихъ можно сгустить до одного сочиненнаго предложенія. Приведемъ примѣръ карамзинскаго періода: „Стоя на высокомъ холмѣ и видя стройные, необозримые ряды войска, безчисленныя знамена, развѣваемые легкимъ вѣтромъ, блескъ оружія и доспѣховъ, озаряемыхъ яркимъ осеннимъ солнцемъ, слыша всеобщія громогласныя восклицанія: „Боже, даруй побѣду государю нашему!“ и вообразивъ, что многіе тысячи сихъ

добрыхъ витязей падутъ черезъ нѣсколько часовъ, какъ усердныя жертвы любви къ отечеству, Димитрій въ умиленіи преклонилъ колѣна и, простирая руки къ золотому образу Спасителя, сіявшему вдали, на черномъ знамени великокняжескомъ, молился въ послѣдній разъ за христіанъ и Россію, сѣлъ на коня, объѣхалъ всѣ полки и говорилъ рѣчь къ каждому, называя своими вѣрными товарищами, милыми братьями, утверждая ихъ въ мужествѣ и каждому изъ нихъ обѣщая славную память въ мірѣ, съ вѣнцомъ мученическимъ за гробомъ“. Идея этого періода выводится путемъ сокращенія его до размѣра сочиненнаго предложенія; она можетъ быть выражена такъ: Димитрій послѣ молитвы за своихъ воиновъ, убѣждалъ ихъ въ мужествѣ: онъ предчувствовалъ ихъ смерть за отечество. Разсматривая этотъ періодъ и другіе, подобные ему, мы замѣчаемъ, что главная мысль періода получаетъ свою полноту и законченность (закругленность) въ тѣхъ случаяхъ, когда она раскрывается при посредствѣ другихъ, второстепенныхъ, мыслей, входящихъ въ составъ этой главной мысли. Такимъ образомъ, здѣсь мы имѣемъ дѣло съ анализомъ мысли. Значить, словесное выраженіе періода не совпадаетъ по количеству входящихъ въ него мыслей съ идеей періода, въ тѣхъ періодахъ, въ которыхъ главная мысль расчленяется путемъ анализа. Эти періоды мы называемъ аналитическими. Тѣ же періоды, которые не подлежатъ дальнѣйшему сгущенію, можно назвать синтетическими періодами. Путь образованія этихъ періодовъ противоположный періодамъ аналитическаго происхожденія. Здѣсь частныя мысли, путемъ сложенія ихъ, сгустились до общихъ положеній при посредствѣ индуктивнаго умозаключенія. Къ періодамъ синтетическимъ относятся всѣ пословицы: „Тише ѣдешь—дальше будешь“, „Любишь кататься—люби и саночки возить“ и т. п. Мы сказали, что идея періода выражается сложнымъ предложеніемъ. Настаиваемъ на этомъ потому, что въ періодѣ различаются двѣ части: подлежащее и сказуемое, повышение и пониженіе. При отсутствіи которой-либо изъ этихъ частей, не будетъ законченности мысли, не будетъ и періода. Сущность періода и состоитъ именно въ томъ или другомъ сочетаніи этихъ частей. Если періодъ можно сравнивать съ окружностью, то подлежащее и сказуемое періода можно сравнивать съ діаметромъ этой окружности, образовавшимся изъ двухъ радіусовъ. Идея періода выражается сложнымъ предложеніемъ, потому что такимъ предложеніемъ можно ярче выразить мысли, содержащіяся какъ въ подлежащемъ періода, такъ и въ его сказуемомъ. Выраженіе идеи сложнымъ предложеніемъ имѣетъ

еще и то важное значеніе, что при этомъ способѣ дается не только одна тема періода, какъ это было бы при выраженіи идеи простымъ предложеніемъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ и обозначается дальнѣйшее направленіе мысли объ этомъ предметѣ. Если бы идея періода была выражена однимъ предложеніемъ: „Петръ основалъ Петербургъ“, то можно бы было составить на эту идею періоды, разнообразные по своему содержанію: винословные, изъяснительные, сравнительные и т. п., но когда эта идея распространена другимъ предложеніемъ: „онъ желалъ сблизить Россію съ Европой“, то мысль должна идти по опредѣленному руслу. По своему составу это сложное предложеніе не должно состоять болѣе чѣмъ изъ двухъ предложений, сообразно двумъ частямъ, заключающимся въ періодѣ—повышенію и пониженію. Все, что нами сказано о выраженіи идеи періода,—все это относится къ схематическому построенію ея. Если мы говоримъ, что идея періода выражается сложнымъ предложеніемъ, то это мы говоримъ о логической сторонѣ ея. Поэтому грамматически идея можетъ быть выражена простымъ и слитнымъ предложеніемъ. Но должно помнить, что второстепенные члены простого или слитнаго предложения, которые должны быть обязательно налицо, могутъ быть превращены въ предложеніе, соответствующее какой-либо части періода. Поэтому логическій остоѵ періода „Когда волнуется желтѣющая нива“: „человѣкъ ощущаетъ въ себѣ душевное спокойствіе тогда, когда онъ замѣчаетъ гармонію въ природѣ“, можетъ быть выражена грамматически такъ: гармонія природы вноситъ умиротвореніе въ душу человѣка.

Отъ идеи періода нужно отличать его тему. Темой называется указаніе предмета, положеннаго въ основу періода. Такъ какъ въ предложеніи болѣе важное значеніе придается сказуемому въ виду того, что имъ опредѣляется природа предмета, то въ темѣ обозначается самое сказуемое предметомъ, а подлежащее періода объектомъ этого предмета. Такимъ образомъ, въ періодѣ: „Императоръ Петръ Великій, желая сблизить Россію съ Европой, основалъ въ 1703 году при устьѣ рѣки Невы городъ Петербургъ, новую столицу, населивъ его купцами, помѣщиками и служилыми людьми“, тема можетъ быть выражена такъ: „Основаніе Петербурга Петромъ Великимъ“, а тема періода „Когда волнуется желтѣющая нива“, приметъ такую грамматическую форму: „Успокоительное воздѣйствіе природы на душу человѣка“. Синтаксически тема можетъ быть выражаема, по образцу заглавій различныхъ сочиненій, не цѣлымъ предложеніемъ, а сочетаніемъ.

Мы сказали, что въ періодѣ различаются двѣ части: повышение и пониженіе. Теперь скажемъ о нихъ полинѣ. Повышеніе со-

отвѣтствуетъ подлежащему періода и съ нимъ совпадаетъ, а пониженіе сказуемому, съ которымъ оно также совпадаетъ. Подъ именемъ подлежащаго періода понимается грамматическое подлежащее не только съ второстепенными членами, зависящими отъ него, но и со сказуемымъ, если оно имѣется при немъ, а также и со всѣми другими предложеніями, примыкающими къ этому грамматическому подлежащему посредственно или непосредственно черезъ другіе члены. Сказуемымъ періода будетъ считаться вся остальная часть его. Повышеніе отъ пониженія обычно отдѣляется знакомъ цезуры: || „Какъ бы ни была ветха и худа его избенка, неохотно, съ горемъ покидаетъ челоувѣкъ ее: || тамъ онъ родился и выросъ, тамъ жили и померли его родители, тамъ онъ пировалъ на своей свадьбѣ и вкусилъ первыя радости семейнаго счастья, тамъ возрастили своихъ дѣтокъ“ (Буслаевъ). Подлежащее этого періода кончается словами: „покидаетъ челоувѣкъ ее“, а сказуемое начинается со словъ: „тамъ онъ родился“ и кончается вмѣстѣ съ концомъ рѣчи. Подлежащее и сказуемое различаются такъ же, какъ въ простомъ предложеніи тѣ же члены. Изъ ряда всѣхъ другихъ членовъ предложенія сознаніемъ особенно рѣзко выдѣляется сказуемое; и въ періодѣ соотвѣтственно тому изъ ряда всѣхъ другихъ предложеній вниманіе останавливается на томъ, что наиболѣе важно въ составѣ этихъ предложеній, т.-е. на сказуемомъ. Эта остановка вниманія на сказуемомъ періода выражается даже самымъ голосомъ: голосъ понижается со второй половины періода.

Вслѣдствіе того, что періодъ произносится съ перемѣнной интонаціи въ голосѣ: первая половина произносится съ повышеніемъ, а вторая съ пониженіемъ, вслѣдствіе этого періодъ въ отличіе отъ другихъ видовъ предложеній отличается музыкальностью. Его музыкальности содѣйствуетъ также и остановка голоса, пауза между повышеніемъ и пониженіемъ, имѣющая въ періодѣ такое же значеніе, какъ цезура въ стихѣ. Повышеніе и пониженіе голоса, а также цезура вмѣстѣ съ соразмѣрностью членовъ періода, о чемъ будетъ рѣчь далѣе, дѣлаютъ періодическую рѣчь ритмичною. Такимъ образомъ, періодомъ называется сложное предложеніе, отличающееся полнотою со стороны развитія въ немъ основной идеи и законченностью со стороны грамматическаго строенія и заключающее въ себѣ двѣ части—подлежащее и сказуемое, повышеніе и пониженіе, соотвѣтствующія подлежащему и сказуемому простого предложенія, и вслѣдствіе всего этого предложеніе музыкальное и ритмическое по своему произношенію

§ 92. ПЕРІОДЫ СО СТОРОНЫ ИХЪ ГРАММАТИЧЕСКАГО СТРОЕНІЯ.

Мы видѣли, что въ періодѣ различаются двѣ части—повышеніе и пониженіе. Мы сказали, что пониженіе соотвѣтствуетъ сказуемому предложенію, и поэтому оно должно выражаться главнымъ предложеніемъ. Въ способѣ же выраженія повышенія, или подлежащаго періода, различаются два случая: а) или подлежащее можетъ быть выражено придаточнымъ сокращеннымъ предложеніемъ или рядомъ такихъ же предложеній, въ которыхъ на мѣстѣ глагольныхъ, предикативныхъ формъ поставлено причастіе или дѣепричастіе, и б) или оно выражается такъ же, какъ и сказуемое пониженія, личной глагольной формой, но не причастіемъ и дѣепричастіемъ. Въ первомъ случаѣ, когда подлежащее выражено придаточнымъ сокращеннымъ предложеніемъ, періодъ называется простымъ, потому что онъ состоитъ изъ одного главного предложенія. Въ простомъ періодѣ все вниманіе останавливается только на одномъ сказуемомъ, и въ виду отсутствія въ немъ другого сказуемаго при подлежащемъ, а причастія и дѣепричастія, находящіяся въ повышеніи, не считаются за сказуемые, потому что предикативность этихъ полуглагольныхъ формъ чувствуется слабѣе, чѣмъ предикативность чистыхъ глагольныхъ, въ виду этого голосъ незамѣтно переходитъ отъ повышенія къ пониженію, чему содѣйствуетъ также и неясно выраженный характеръ паузы, или остановки, между частями этого періода. Другой особенностью простого періода является одинаковость подлежащаго для обѣихъ частей періода, при какомъ условіи и допустимо сокращеніе придаточныхъ предложеній. Но если простой періодъ, его первая половина (повышеніе) значительно распространена придаточными предложеніями, то подлежащее можетъ повторяться въ повышеніи: „Москва, бывъ еще недавно столицею безъ государства, окруженная непріятельскими владѣніями, смятенная внутренними крамолами, терзаемая голодомъ, и ввечеру не зная, кого утреннее солнце освѣтитъ въ ней на престолѣ, законнаго ли вѣнценосца російскаго или бродягу, клеветра разбойниковъ—*Москва* снова возвысила главу надъ обширнымъ царствомъ, простирая руку къ Ильмену и Енисею, къ морю Бѣлому и Каспійскому, опираясь въ стѣнахъ своихъ на легіоны побѣдоносные и наслаждаясь спокойствіемъ, славой, изобиліемъ“ (Карамзинъ). Періодъ не перестаетъ быть простымъ и въ томъ случаѣ, когда въ повышеніе періода входитъ придаточное предложеніе съ глагольнымъ сказуемымъ въ качествѣ

придаточнаго второй степени, т.-е. въ качествѣ предложенія, зависящаго отъ другого придаточнаго. Приведемъ примѣры простого періода: „Одаренный отъ природы крѣпкимъ здоровьемъ, богатыми физическими силами, съ дѣтства знакомый съ разсказами о промыслахъ на морѣ и океанѣ, Ломоносовъ не могъ не привязаться со страстью своей пылкой души къ трудамъ отца, который рано сталъ брать его съ собой на промыслы“ (Ламанскій). Вышеприведенный періодъ изъ Карамзина: „Стоя на высокомъ холмѣ...“ должно отнести къ простому періоду; хотя въ первой части его и имѣется сказуемое, выраженное въ чистой глагольной формѣ: „что многія тысячи... падуть, какъ усердныя жертвы“, но это дополнительное предположеніе зависитъ отъ сокращеннаго придаточнаго „видя“, а потому это дополнительное придаточное предположеніе и не измѣняетъ этого простого періода въ сложный. Каждый простой періодъ можетъ быть обращенъ въ сложный, если на мѣстѣ придаточнаго сокращеннаго предположенія поставить полное предположеніе съ соотвѣтствующимъ союзомъ или безъ союза. Синтетическій періодъ, соотвѣтственно аналитическому, можетъ выражаться простымъ предположеніемъ: „Безъ Бога—ни до порога“, „Суженаго конемъ не объѣдешь“, „У семи нянекъ дитя безъ глазъ“. Въ эти и подобныя имъ пословицы входитъ фигура логическаго умолчанія: „Хотя бы и хотѣла объѣхать суженаго, но не объѣдешь и конемъ“.

Сложный періодъ въ противоположность простому состоитъ изъ повышенія и пониженія со своими сказуемыми, выраженными чистой глагольной формой. Мы видѣли, что въ простомъ періодѣ отличительной особенностью его является наличность одного подлежащаго для обѣихъ частей. Не такъ обстоитъ въ сложномъ періодѣ. Здѣсь различаются два случая: а) въ обѣихъ частяхъ одно подлежащее и б) разныя подлежащія. Примѣръ сложнаго періода съ однимъ подлежащимъ для обѣихъ частей: „Іоаннъ III не только учредилъ единовластіе, до времени оставивъ права князей владѣтельныхъ однимъ украинскимъ или бывшимъ литовскимъ, чтобъ сдержатъ слово и не дать имъ повода къ измѣнѣ, но былъ и первымъ истиннымъ самодержцемъ Россіи, заставилъ благоговѣть предъ собою вельможъ и народъ, восхищая милостью, устрашая гнѣвомъ, отмѣнивъ частныя права, несогласныя съ полновластіемъ вѣнценосца“ (Карамзинъ). Примѣръ періода съ различными подлежащими въ повышеніи и пониженіи: „Какъ плавающій въ небѣ ястребъ, давши много круговъ сильными крыльями, вдругъ останавливается распластанный среди воздуха на одномъ мѣстѣ и бьетъ оттуда стрѣлой на раскричавшагося у самой дороги самца-перепела: такъ Тарасовъ сынъ, Осталь,

налетѣлъ вдругъ на хорунжаго и сразу накинультъ ему на шею веревку“ (Гоголь).

Періоды различаются также и по способу соединенія повышенія и пониженія въ одно цѣлое. Въ простомъ періодѣ обѣ его части связываются между собою по способу подчиненія предложеній: повышеніе всегда выражается придаточнымъ предложеніемъ. Въ сложномъ періодѣ части его соединяются между собою по способу сліянія, подчиненія и сочиненія. Примѣры періода, составленнаго по способу сліянія: „Языкъ нашъ выразителенъ не только для высокаго краснорѣчія, для громкой, живописной поэзіи, но и для нѣжной простоты, для звуковъ сердца и чувствительности (Карамзинъ).

„Не для житейскаго волненія,
Не для корысти, не для битвъ:
Мы рождены для вдохновенья,
Для звуковъ сладкихъ и молитвъ“.

Пушкинъ.

Въ обоихъ приведенныхъ примѣрахъ общими членами для повышенія и пониженія являются подлежащее вмѣстѣ со своимъ сказуемымъ. Если сложный періодъ составленъ по способу подчиненія, то предложеніе, управляющее другими зависимыми отъ него предложеніями, должно быть выражено въ полной формѣ съ соответствующимъ смыслу предложенія союзомъ:

„Когда бы старый Дорошенко,
Иль Самойловичъ молодой,
Иль нашъ Палѣй, иль Гордѣенко
Владѣли силой войсковою,
Тогда бъ въ снѣгахъ чужбины дальней
Не погибали казаки,
И Малороссіи печальной
Освобождались ужъ полки“.

Пушкинъ.

„Пускай страдальческую грудь
Волнуютъ страсти роковыя:
Душа готова, какъ Марія,
Къ ногамъ Христа на вѣкъ прильнуть“.

Тютчевъ.

Въ періодахъ, составленныхъ по способу сочиненія, союзы могутъ быть налицо и опускаться:

„Отцы пустынники и жены непорочны,
Чтобъ сердцемъ возлетать во области заочны,

Чтобъ укрѣплять его средѣ дольнихъ бурь и битвъ,
Сложили множество божественныхъ молитвъ:
Но ни одна изъ нихъ меня не умиляетъ,
Какъ та, которую священникъ повторяетъ
Во дни печальные Великаго поста“.

Пушкинъ.

„Ни звѣздъ блестящихъ, ни луны
На небѣ нѣтъ, и тишины
Ночной не нарушаетъ.
Порой проѣзжій лишь играетъ;
И колокольчикъ почтовой,
Звѣня надъ тройкой удалой,
На мигъ молчанье прерываетъ“.

Кольцовъ.

Теперь скажемъ относительно размѣщенія частей періода. Изъ приведенныхъ примѣровъ періода легко замѣтитъ, что повышение, т.е. подлежащее періода, стоитъ на первомъ мѣстѣ. Но такой порядокъ частей обязателенъ только для простаго періода. Въ сложномъ періодѣ можетъ быть и обратное размѣщеніе частей, т.е. на первомъ мѣстѣ можетъ стоять пониженіе, т.е. сказуемое періода: „Пойдемте въ церковь Божию, сказали старикъ-солдатъ, и помолимся вмѣстѣ, хотя нынѣ и нѣтъ праздника“ (Карамзинъ). „Римская имперія узнала, что есть славяне, ибо они пришли и разбили ея легіоны“. Для того, чтобы отличать повышение отъ пониженія и тѣмъ вѣрнѣе узнавать мѣсто той и другой частей періода, надо помнить, что въ періодѣ сопоставляются двѣ мысли, и одна изъ нихъ служитъ основаніемъ для другой. Такимъ основаніемъ періода всегда бываетъ повышение, подлежащее. Тѣ періоды, въ которыхъ повышение стоитъ на первомъ мѣстѣ называются нисходящими, а въ которыхъ пониженіе на первомъ—восходящими.

§ 93. ПЕРІОДЫ СО СТОРОНЫ ИХЪ ГРАММАТИЧЕСКАГО СОСТАВА.

Періодъ, какъ сложное предложеніе, долженъ состоятъ изъ нѣсколькихъ предложеній. Отдѣльныя предложенія, изъ которыхъ слагается періодъ, называются членами его. Но не всякое предложеніе, входящее въ составъ повышения или пониженія, называется членомъ періода: такое названіе усвоено только предложеніямъ, однороднымъ по своему грамматическому строенію:

придаточнымъ одной степени, соподчиненнымъ другъ другу и управляющимъ по отношенію къ другимъ предложеніямъ, а также тѣмъ сочиненнымъ предложеніямъ, которыя построены по одному виду сочиненія. Предложенія, зависящія отъ этихъ соподчиненныхъ предложеній, входятъ въ нихъ какъ части, не составляя изъ себя отдѣльной синтаксической единицы. „Если, какъ пишутъ очевидцы, не было ни правды, ни чести въ людяхъ; если долговременный голодъ не смирилъ, не исправилъ ихъ, но еще умножилъ пороки между ними: распутство, корыстолюбіе, лихоимство, безчувствіе къ страданію ближнихъ; если и самое лучшее дворянство и самое духовенство заражалось общезлою разврата, слабѣя къ отечеству отъ беззаконій царя, уже вообще ненавистнаго, то нужны ли были иныя, чудесныя знаменія для устрашенія Россіи?“ (Карамзинъ). Въ приведенномъ періодѣ четыре члена: три въ повышеніи и одинъ въ пониженіи; члены періода въ повышеніи начинаются съ союза если, а въ пониженіи съ—то; въ составъ второго члена входитъ сочиненное противительное предложеніе, начинающееся словами „но еще умножилъ пороки“, а въ составъ третьяго—придаточныя: причинное „слабѣя къ отечеству“... и опредѣлительное „уже вообще ненавистнаго“. Въ синтетическихъ періодахъ члены періода совпадаютъ съ его частями, но такое совпаденіе какого-либо члена съ которой-либо изъ частей возможно и въ аналитическомъ; въ приведенномъ примѣрѣ четвертый членъ совпадаетъ съ пониженіемъ. По количеству членовъ, входящихъ въ составъ періода, періоды носятъ названіе двучленныхъ, трехчленныхъ и многочленныхъ.

Члены періода содѣйствуютъ ритмичности и музыкальности всего цѣлаго. Ритмичность создается, главнымъ образомъ, соразмѣрностью частей періода, состоящей въ томъ, что для произношенія обѣихъ половинъ періода требуется приблизительно одинаковое количество времени; примѣромъ этой соразмѣрности частей можетъ служить приведенный выше періодъ: „Стоя на высокомъ холмѣ“... Но въ періодахъ эта соразмѣрность частей часто отсутствуетъ. „И простой гражданинъ долженъ читать исторію: она миритъ его съ несовершенствомъ видимаго порядка, какъ съ обыкновеннымъ явленіемъ во всѣхъ вѣкахъ; утѣшаетъ въ государственныхъ бѣдствіяхъ, свидѣтельствуя, что и прежде бывали подобныя, бывали еще ужаснѣйшія, и государство не разрушалось; располагаетъ душу къ справедливости, которая утверждаетъ наше благо и согласіе общества“ (Карамзинъ). Въ этомъ періодѣ нѣтъ соразмѣрности частей, но есть зато нѣкоторая соразмѣрность между членами: мысль возвращается нѣсколько разъ

къ тому типу предложенія, который легъ въ основу повышенія, составляющаго вторую половину періода; типъ этого предложенія—сочиненіе соединительное, и онъ повторяется нѣсколько разъ. Эта ритмичность грамматически достигается сходствомъ синтаксическаго строенія членовъ періода, выражающимся въ одинаковости формъ для выраженія сказуемаго и въ одинаковости союзовъ. Ритмичности періода содѣйствуетъ также и тѣ предложенія, которыя входятъ въ составъ членовъ періода въ качествѣ зависимыхъ. Эти зависимыя предложенія часто выражаютъ свое сказуемое чистыми глагольными формами, между тѣмъ какъ въ подчиняющихъ предложеніяхъ сказуемыя нерѣдко выражаются дѣепричастной формой, и эти второстепенныя предложенія вслѣдствіе того, что ихъ сказуемыя отличаются большей предикативностью въ сравненіи съ подчиняющими, содѣйствуютъ музыкальности періода тѣмъ, что въ этихъ случаяхъ не происходитъ незамѣтнаго сліянія повышенія съ пониженіемъ, и поэтому обѣ части чувствуются какъ двѣ величины, ярко выразившіяся.

§ 94. КЛАССИФИКАЦІЯ ПЕРІОДОВЪ.

Въ основу классификаціи періодовъ должно быть поставлено не грамматическое строеніе періода, опредѣляемое союзами и союзными реченіями, а логическая связь между повышеніемъ и пониженіемъ. Нельзя періоды классифицировать по грамматической связи, потому что союзы и союзныя реченія не имѣютъ опредѣленнаго и точнаго значенія, поэтому одинъ союзъ часто употребляется вмѣсто другого. „Дождикъ пересталъ, и со всѣхъ сторонъ начали появляться пары: тамъ вилась ужасная бѣлая змѣя въ клубящемся облакѣ дыма; тамъ множество легкихъ облаковъ летало, какъ стая привидѣній; тамъ вершина горъ была перерѣзана туманной полосой; тамъ цѣлая гора синѣла въ воздухѣ, и подъ нею волновались облака; тамъ вдоль глубокой долины тянулась и поднималась длинная полоса паровъ, похожая на дымъ отъ обширнаго пожара въ лѣсу или на необъятную, разбросанную сѣдую гриву какого-нибудь чудовища, которую раздувалъ сильный вѣтеръ, словомъ—зрѣлище неописанное“ (Жуковский). Этотъ періодъ, если измѣнить союзное реченіе „тамъ“ на союзъ „то“, а это не будетъ произволомъ, потому что словомъ тамъ, употребленнымъ въ этомъ періодѣ пять разъ, мѣсто не опредѣляется, этотъ періодъ перейдетъ изъ разряда періодовъ

относительных мѣста, въ другой разрядъ. Нельзя классифицировать періоды по грамматической связи еще и потому, что грамматическая связь въ періодахъ часто не выражается: этой связи нѣтъ въ простыхъ періодахъ, часто не бываетъ и въ сочиненныхъ. Наконецъ, опредѣлять значеніе періода по значенію союзныхъ реченій нельзя и потому, что періодъ тогда долженъ бы имѣть всѣ тѣ виды, въ которыхъ выражаются подчиненныя и сочиненныя предложенія, т.-е. періоды должны бы быть и опредѣлительными и дополнительными, но такихъ періодовъ нѣтъ, а слѣдовательно, значеніемъ союзовъ нельзя опредѣлять значеніе періода.

Но если мы обратимся къ существующимъ классификаціямъ періодовъ по ихъ значенію, то мы увидимъ, что въ составъ этихъ классификацій входятъ всѣ періоды, составленные по способу сочиненія: мы найдемъ періоды соединительные, противительные, раздѣлительные и винословные. А такъ какъ сочиненныя предложенія классифицируются, главнымъ образомъ, по логической связи между мыслями, то эту же логическую связь между мыслями надо признать единственно правильною и для дѣленія періодовъ. И, дѣйствительно, сочиненныя предложенія характеризуются, какъ предложенія независимыя другъ отъ друга, равносильныя. Такими же свойствами, какъ мы видѣли, отличается и періодъ: для періода характерно сопоставленіе двухъ мыслей, одинаково для него важныхъ. На этомъ основаніи каждый простой періодъ можно обратить въ сложный періодъ, составленный по способу сочиненія. „Одаренный отъ природы крѣпкимъ здоровьемъ, съ дѣтства знакомый съ разсказами о промыслахъ на морѣ и океанѣ, Ломоносовъ не могъ не привязаться со страстію своей пылкой души къ трудамъ отца, который рано сталъ брать его на промыслы“ (Ламанскій).— Ломоносовъ не могъ не привязаться со страстію своей пылкой души къ трудамъ отца, который рано сталъ брать его съ собой на промыслы: (сынъ) одаренъ былъ отъ природы крѣпкимъ здоровьемъ, богатыми физическими силами, съ дѣтства былъ знакомъ съ разсказами о промыслахъ на морѣ и океанѣ. Логически мысли соединяются между собою на основаніи: а) сосуществованія между собою различныхъ представленій, б) противоположности, или исключенія одной мысли, в) раздѣленія мыслей и признанія изъ этого дѣленія одной пріемлемою и д) обоснованія одной мысли другою. Такимъ образомъ, періоды дѣлятся на четыре большихъ группы, на періоды: а) соединительные, б) противительные, в) раздѣлительные и д) винос-

словные. Эти группы, кромѣ третьей, распадаются также, въ свою очередь, на нѣсколько подгруппъ.

Въ періодахъ соединительныхъ связываются между собою различныя представленія на основаніи сосуществованія ихъ въ мысли по закону ассоціаціи между мыслями. Эти ассоціаціи сосуществованія опредѣляются ассоціаціями смежности и сродства. Поэтому періодъ соединительный дѣлится на два вида: а) періодъ послѣдовательный и б) сравнительный. Періодъ послѣдовательный основывается на ассоціаціи смежности; а эта послѣдняя можетъ быть а) временною и б) пространственною. Ассоціація временная состоитъ въ томъ, что представленія группируются одно *послѣ* другого по закону преемственности ощущеній, основывающемуся на томъ, что а) одни однородныя воспріятія вызываютъ въ слѣдъ за собою другія однородныя воспріятія: за однимъ рядомъ зрительныхъ или слуховыхъ воспріятій слѣдуетъ другой рядъ зрительныхъ же или слуховыхъ воспріятій; или же б) воспріятія однихъ органовъ чувствъ слѣдуютъ за воспріятіями другихъ: за воспріятіями зрѣнія слѣдуютъ вкусовые, за зрительными—слуховыя и наоборотъ. Ассоціація пространственная выражается въ томъ, что представленія группируются одно *подлѣ* другого по закону смежности, состоящему въ томъ, что различныя воспріятія одного органа чувствъ располагаются между собою по сосѣдству; ассоціація пространственной смежности имѣетъ мѣсто, главнымъ образомъ, въ зрительныхъ ощущеніяхъ. Періодъ сравнительный основывается на ассоціаціи сродства, состоящей въ томъ, что вновь образовывающіяся представленія стремятся сливаться съ прежними, ранѣе образовавшимися представленіями, и вслѣдствіе этого стремленія къ сліянію происходитъ распадѣніе изъ представлений несходныхъ частей.

Въ періодѣ противительномъ соединяются между собою мысли, взаимно себя исключаютія, несовмѣстныя. Несовмѣстныхъ представлений существуетъ безчисленное множество, но не всѣ изъ этихъ представлений могутъ сочетаться, не всѣ они сознаются взаимно исключаютими. Такъ, противоположными представленіями будутъ представленія о черномъ и бѣломъ, о днѣ и ночи, о зимѣ и лѣтѣ, о покоѣ и движеніи, о высокомъ и низкомъ и т. п. Но представленія, напр., о растеніи и лунѣ, о высокомъ и синемъ, о камнѣ и таяніи, о летаніи и скамейкѣ, несмотря на свою несовмѣстность, не могутъ соединяться въ качествѣ противоположностей, потому что между послѣдними представленіями нѣтъ той ассоціаціи, которая имѣется между первыми. Первые представленія о теплѣ и холодѣ, о правдѣ и кривдѣ и т. п. находятся

между собою въ противоположности, потому что они являются крайними представленіями, полюсами, между которыми на той же линіи расположены сходныя представленія: противоположность между ними сознается потому, что исключены всѣ средніе ряды. Значить, противоположность, или контрастъ, есть разновидность ассоціаціи сродства. Противительные періоды могутъ подраздѣляться на: а) собственно-противительные, б) ограничительные и с) фиктивно-противительные. Собственно-противительные періоды это тѣ, въ которыхъ соединяются мысли, взаимно себя исключаящія. Ограничительные—тѣ, въ которыхъ при наличности ряда представленій, исключаящаго другой рядъ представленій въ его цѣломъ, признается совмѣстною одна часть или членъ изъ этого ряда представленій. Въ ограничительныхъ періодахъ поэтому связываются между собою сложныя представленія съ какимъ-либо другимъ единичнымъ представленіемъ. Фиктивно-противительные это тѣ періоды, въ которыхъ связываются мысли однородныя; противительный характеръ этихъ періодовъ зависитъ отъ внѣшней грамматической стороны ихъ, отъ союзовъ, связывающихъ повышеніе съ пониженіемъ. Фиктивно-противительный періодъ можно причислять къ противительнымъ и потому, что въ пониженіи періода приписывается предмету мысли, подлежащему такое сказуемое, которое выдѣляется изъ ряда всѣхъ другихъ сказуемыхъ. Періодъ фиктивно-противительный, кромѣ того, отличается тѣмъ, что въ этомъ періодѣ при подлежащемъ имѣется нѣсколько сказуемыхъ, при чемъ въ отличіе отъ періодовъ другихъ видовъ сказуемая имѣются и въ первой части періода—въ его повышеніи; понятно, что главное сказуемое свое мѣсто занимаетъ во второй части—въ пониженіи.

Періодъ раздѣлительный стоитъ на границѣ между періодами соединительнымъ и противительнымъ, съ одной стороны, и винсловнымъ—съ другой. Особенность этого періода состоитъ въ томъ, что въ немъ соединяются противоположныя между собою мысли, или, иначе, несовмѣстныя, *только въ одной изъ частей періода* или въ повышеніи или въ пониженіи, и поэтому мысли одной половины періода не исключаютъ мыслей другой половины. Но изъ той части періода, въ которую включены несовмѣстныя (противоположныя) мысли, одна изъ этихъ мыслей должна быть принята въ качествѣ основанія для другой мысли или мыслей, выраженныхъ въ той части періода, въ которой нѣтъ этихъ противоположныхъ мыслей. При допущеніи одной мысли въ качествѣ основанія всѣ другія мысли отпадаютъ. Отсюда видно, что періодъ раздѣлительный примыкаетъ къ противительному потому,

что изъ той части, въ которой находятся противоположныя мысли, одна изъ нихъ, будучи принята, тѣмъ самымъ исключаетъ всѣ прочія мысли этой части, становится по отношенію къ нимъ противоположною; съ винословнымъ періодомъ этотъ періодъ имѣетъ то сходство, что принятая мысль становится основаніемъ для другой части періода. Различіе отъ винословнаго заключается въ томъ, что основаніе въ раздѣлительномъ періодѣ не имѣетъ той логической убѣдительности, какая свойственна періоду винословному: выборъ основанія изъ тѣхъ или другихъ несомвѣстныхъ мыслей зависитъ отъ субъективной настроенности автора. Поэтому раздѣлительный періодъ слѣдуетъ считать недоразвившимся винословнымъ періодомъ.

Теперь—о періодѣ винословномъ. Укажемъ сначала связь этого періода съ другими видами, о которыхъ была рѣчь выше. Въ разновидности соединительнаго періода, въ періодѣ послѣдовательномъ, связываются между собою мысли только на основаніи временной и пространственной смежности, опирающейся на объективныхъ данныхъ опыта и исключающей тѣмъ самымъ вопросъ о причинности и внутренней связи между явленіями; въ періодѣ же сравнительномъ, хотя и связываются между собою представленія и явленія сходныя, но тотъ путь, посредствомъ котораго установлено это сходство между разными представленіями, неизвѣстенъ; тѣ основанія, по которымъ мышленіе признало извѣстныя явленія или представленія сходными, отсутствуютъ: они должны приниматься безусловно значимыми. Въ противительномъ періодѣ исключаются мысли, какъ противорѣчащія, на основаніи ихъ очевидности или на основаніи простой увѣренности въ ихъ несомвѣстности. Въ противительномъ періодѣ устанавливается только различіе между представленіями и мыслями, и чрезъ то намѣчается путь для дальнѣйшаго обоснованія мысли. О связи періода раздѣлительнаго съ винословнымъ нами уже было сказано. Винословный періодъ раздѣляется на слѣдующія разновидности—періоды: а) причинный, б) заключительный, с) условный, d) уступительный и е) изъяснительный. Дѣленіе на эти разновидности объясняется характеромъ того основанія, съ которымъ связывается та или другая мысль, нуждающаяся въ своей обоснованности. Основаніе мы условимся называть причиною. Причина можетъ быть признаваема за дѣйствительную причину, логически исполнѣ обоснованную и для мышленія имѣющую полную силу убѣдительности. Причина можетъ быть гипотетическою, т.-е. возможною или предполагаемою, находящеюся въ зависимости отъ различныхъ условій. Причина можетъ быть несогласною съ тѣми сужденіями, кото-

рыя съ нею связываются, и на этомъ основаніи она отвергается; поставляется же она на мѣсто причины потому, что она имѣетъ кажущуюся убѣдительность. Наконецъ, причина признается за таковую не вслѣдствіе ея обоснованности, а потому, что при допущенія ея объясняются различныя явленія, съ нею связанныя; раскрывается общая мысль при посредствѣ вывода изъ нея частныхъ. Основаніемъ періода причиннаго является дѣйствительная причина; условнаго—возможная; уступительнаго—несогласная; изъяснительнаго—причина съ ея слѣдствіями. Заключительный періодъ получится тогда, когда перемѣщается слѣдствіе и причина: онъ есть періодъ причинный съ переставленными частями. Для большаго уясненія вынословаго періода приведемъ схемы на каждый видъ отдѣльно. Въ качествѣ примѣровъ возьмемъ синтетическіе періоды. Причинный періодъ: „не плюй въ колодезь—пригодится напиться“. Условный: „спѣла бы и рыба, кабы голосъ былъ“. Уступительный: „вору дай хоть миллионъ, онъ воровать не перестанетъ“. Изъяснительный: „крестьянинъ такъ трудился, что градомъ потъ съ него катился“. Заключительный: „работай до поту, такъ и поѣшь въ охоту“.

§ 95. ГРАММАТИЧЕСКАЯ СВЯЗЬ МЕЖДУ ЧАСТЯМИ ПЕРІОДОВЪ И ПРИМѢРЫ НА РАЗНЫЕ ВИДЫ ПЕРІОДА.

Мы видѣли, что грамматическая связь между повышеніемъ и пониженіемъ не есть существенное свойство періодовъ: въ періодѣ союзы и союзныя реченія могутъ опускаться. Но такъ какъ многіе періоды имѣютъ эту связь, и такъ какъ въ тѣхъ періодахъ, въ которыхъ нѣтъ ея, она можетъ быть восстановлена, то мы и укажемъ для каждаго вида періода отдѣльно тѣ союзы и союзныя реченія, которыми связываются части періода.

Союзы, при посредствѣ которыхъ связываются части періода, могутъ быть подчиняющими и сочиняющими, въ зависимости отъ того, по какому синтаксическому способу сложенъ періодъ. Въ сложномъ періодѣ, построенномъ по способу подчиненія, союзы должны быть подчиняющіе; а въ періодѣ, составленномъ по способу сочиненія,—сочиняющіе. И въ томъ и другомъ періодѣ союзы могутъ быть одиночные и парные. Въ періодахъ, составленныхъ по способу подчиненія, одиночные союзы употребляются тогда, когда періодъ по соединенію своихъ частей нисходящій, т.-е. когда въ немъ пониженіе поставлено на первомъ мѣстѣ, а повышеніе на второмъ: „Автору надобно имѣть доброе, нѣжное сердце, если онъ хочетъ быть другомъ и любимцемъ нашей души; если хочетъ, чтобы дарованія его сіяли свѣтомъ немерцающимъ; если хочетъ писать для вѣчности и собирать благословенія

народовъ“ (Карамзинъ). Одиночные союзы могутъ быть также и въ тѣмъ случаяхъ, когда въ періодѣ, составленномъ по способу подчиненія, одно подлежащее въ обѣихъ частяхъ: „Если вы хотите провести нѣсколько минутъ истинно блаженныхъ; если хотите испытать этотъ неизъяснимо сладостный покой души, который выше всѣхъ земныхъ наслажденій: ступайте въ лунную лѣтнюю ночь полюбоваться нашимъ Кремлемъ; сядьте на одну изъ скамеекъ тротуара, который идетъ по самой закрайнѣ холма; забудьте на нѣсколько времени и шумный свѣтъ съ его безуміемъ, и всѣ ваши житейскія заботы и дѣла, и дайте хоть разъ вздохнуть свободно бѣдной душѣ вашей, измученной и усталой отъ всѣхъ земныхъ тревогъ“ Загоскинъ. Въ періодахъ, сложенныхъ по способу сочиненія, одиночные союзы встрѣчаются чаще парныхъ, что зависитъ отъ самой природы сочиненія, потому то парные, или соотвѣтствующие союзы, употребительны въ подчиненныхъ предложеніяхъ, рѣдки тамъ, гдѣ соединяются равносильныя предложенія.

Теперь относительно парныхъ или соотвѣтствующихъ союзовъ и союзныхъ реченій. Къ нимъ принадлежатъ союзныя реченія *тотъ — который, то — что*; союзы *потому — что, такъ—какъ, хотя—но, если—то* и др. Эти союзы употребительны въ подчиненныхъ предложеніяхъ. Въ сочиненныхъ соотвѣтствующие союзы имѣютъ мѣсто тамъ, гдѣ въ одномъ изъ равносильныхъ предложеній въ качествѣ союза употреблено слово изъ какой-либо знаменательной части рѣчи: таковы нарѣчія *не только* и соотвѣтствующій ему союзъ *но*, нарѣчіе *сколько* и соотвѣтствующее ему *но, только* и т. п. Соотвѣтствующие союзы свойственны чаще всего періодамъ подчиненнымъ. Указавши случаи одиночныхъ союзовъ въ этихъ періодахъ, мы тѣмъ самымъ чрезъ исключеніе опредѣлили и употребленіе соотвѣтствующихъ союзовъ. Въ періодахъ, построенныхъ по способу сочиненія, парные союзы встрѣчаются чаще всего въ фиктивно-противительныхъ: „Іоаннъ III *не только* учредилъ единовластіе, до времени оставивъ права князей владѣтельныхъ однимъ украинскимъ, или бывшимъ литовскимъ, чтобы сдержатъ слово и не дать имъ повода къ измѣнѣ, *но* былъ и первымъ истиннымъ Самодержцемъ Россіи, заставивъ благоговѣть предъ собою вельможъ и народъ, восхищая милостію, ужасая гнѣвомъ, отмѣнивъ частныя права, несогласныя съ полновластіемъ Вѣнценосца“. (Карамзинъ). Относительно расположенія соотвѣтствующихъ союзовъ нужно замѣтить, что предъ пониженіемъ періода, т.-е. въ нисходящемъ періодѣ чаще всего употребляются сочиненные союзы, будетъ ли этотъ періодъ построенъ по способу подчиненія

или сочиненія. Такими союзами будутъ *то, а, но, такъ* и др. Эти союзы всегда стоятъ въ началѣ пониженія въ противоположность подчиняющимъ союзамъ, которые могутъ быть и не въ началѣ повышенія. Въ періодъ восходящемъ, т.-е. въ томъ, въ которомъ повышение стоитъ на второмъ мѣстѣ, союзъ употребляется подчиняющій.

Теперь приведемъ примѣры на разные виды періода и частіе опредѣлимъ особенности этихъ видовъ.

Періодъ послѣдовательный имѣетъ два типа. Въ одномъ типѣ послѣ изображенія какого-либо ряда явленій въ первой части, какъ слѣдствіе этого ряда, слѣдуетъ другое явленіе или другой рядъ явленій во второй части. Явленія связываются между или по ассоціаціи мѣста или по ассоціаціи времени. Части этого типа послѣдовательнаго періода соединяются въ повышеніи союзами *когда*, а въ пониженіи *тогда*:

„Когда волнуется желтѣющая нива,
И свѣжій лѣсъ шумитъ при звукѣ вѣтерка,
И прячется въ саду малиновая слива
Подъ тѣнью сладостной зеленого листка;
Когда росой обрызганный душистой,
Румянѣвъ вечеромъ, иль утра въ часъ златой,
Изъ подъ куста мнѣ ландышъ серебристый
Привѣтливо киваетъ головой;
Когда студеный ключъ играетъ по оврагу
И, погружая мысль въ какой-то смутный сонъ,
Лепечетъ мнѣ таинственную сагу
Про мирный край, откуда мчится онъ:
Тогда смиряется души моей тревога,
Тогда расходятся морщины на челѣ,
И счастье я могу постигнуть на землѣ,
И въ небесахъ я вижу Бога“.

Лермонтовъ.

Второй типъ послѣдовательнаго періода отличается тѣмъ, что въ повышеніи приводится сложное нерасчлененное явленіе, а въ пониженіи это явленіе разлагается на отдѣльныя части, такъ что между общей мыслью и раскрытіемъ ея замѣчается полное равенство: въ общей мысли содержится то же самое, что и въ совокупности частныхъ. Другое отличіе періода состоитъ въ несоразмѣрности частей его. Въ первой части этого періода союзовъ не бываетъ, а во второй—союзы: *сначала, потомъ, далѣе, наконецъ*; или *во-первыхъ, во-вторыхъ, въ-третьихъ...* „Карамзинъ самъ совершенствуется съ своимъ временемъ: сначала

онъ приносить дань школъ писателей прошлаго вѣка; потомъ ищетъ вдохновеній въ Шекспирѣ, Шиллерѣ, Гете; наконецъ, удалившись отъ всѣхъ исканій свѣта, въ уединеніи, питающемъ умъ и сердце, воскрешаетъ предъ нами предковъ нашихъ, творить Палладіумъ народной славы—отечественную исторію“. Въ періодѣ сравнительномъ соединяются мысли по ассоціаціи сходства для того, чтобы посредствомъ уподобленія сдѣлать одну мысль, мысль, находящуюся въ повышеніи, болѣе ясною, понятною и наглядною. Союзы этого періода: *какъ—такъ, сколько—столько, чѣмъ—тѣмъ* и др. „Какъ хлѣбный колосъ, подрѣзанный серпомъ, какъ молодой барашекъ, почувшій подъ сердцемъ желѣзо, повисъ Андрій головой и повалился на траву, не сказавши ни одного слова“ (Гоголь).

Въ собственно-противительномъ періодѣ связываются мысли, взаимно исключаютъ для того, чтобы путемъ исключенія, выдѣливъ одни представленія изъ другихъ, чрезъ это опредѣлить мысль, положенную въ основу повышенія. Очень часто мысли противоположаются одна другой по ихъ кажущемуся сходству. Союзныя реченія: *но, а, же, напротивъ, межъ тѣмъ какъ*. „Природа, чтобъ плѣнять и удивлять своими картинами, употребляетъ утесы, зелень деревьевъ и луговъ, шумъ водопадовъ и ключей, сіяніе неба, бурю и тишину,—а бѣдный человѣкъ, чтобъ выразить впечатлѣніе, производимое ею, долженъ замѣнить ея разнообразныя предметы однообразными чернильными каракульками, между которыми часто бываетъ гораздо труднѣе добраться до смысла, нежели между утесами и пропастями до прекраснаго вида“. (Жуковский). Въ собственно-противительномъ періодѣ исключаются подлежащее или сказуемое, поэтому здѣсь и имѣется полное противоположеніе, а въ ограничительномъ противоположаются части или часть подлежащаго или сказуемаго, т.-е. второстепенные члены предложенія; поэтому въ періодѣ этого вида противоположеніе неполное. Союзы и здѣсь тѣ же, что и въ противительномъ. „Родина мила сердцу не мѣстными красотою, не пріятнымъ климатомъ, а плѣнительными воспоминаніями, окружающими, такъ-сказать, утро и колыбель человѣчества“ (Карамзинъ). Фиктивно-противительный періодъ можно назвать собственно-соединительнымъ. Особенность его въ отличіе отъ тѣхъ соединительныхъ (последовательнаго и сравнительнаго), о которыхъ рѣчь шла выше, состоитъ въ томъ, что одно дѣйствіе или явленіе, то, о которомъ говорится въ пониженіи, противоположается тѣмъ дѣйствіямъ или явленіямъ, о которыхъ утверждается въ повышеніи не вслѣдствіе того, что эти дѣйствія противорѣчатъ между собою; а вслѣдствіе того, что сказуемымъ пониженія придается болѣе

важное значеніе, чѣмъ сказуемымъ повышенія: очень часто цѣлому ряду сказуемыхъ противопоставляется только одно. Союзы этого періода: *не только—но и, кроме—еще* и т. п. „Годуновъ, великодушно расточая государственную казну для спасенія народнаго, не только не убавилъ своей обыкновенной пышности царской; но еще болѣе, нежели когда-нибудь, хотѣлъ блистать оною, чтобы закрыть тѣмъ дѣйствіе гнѣва небеснаго, особенно для пословъ иноземныхъ, окружая ихъ на пути отъ границъ до Москвы призраками изобилія и роскоши“ (Карамзинъ).

Раздѣлительный періодъ имѣетъ два типа. Въ одномъ типѣ этого періода высказывается нѣсколько предположеній въ качествѣ причинъ или слѣдствій. Въ этомъ случаѣ онъ близокъ къ винословному періоду. Другой типъ состоитъ въ томъ, что подлежащему періода приписывается нѣсколько сказуемыхъ, которые въ противоположность первому типу должны быть принимаемы одно послѣ другого въ качествѣ дѣйствительныхъ предикатовъ; между тѣмъ какъ изъ всѣхъ предположеній періода первого типа одно принимается за дѣйствительную причину или за дѣйствительное слѣдствіе. Первый типъ періода можно назвать причинно-раздѣлительнымъ, а второй—послѣдовательно-раздѣлительнымъ. Союзы этого періода: *или—или, ли—ли, либо—либо, то—то*. Періодъ причинно-раздѣлительный: „Россія въ просвѣщеніи должна была отстать отъ другихъ европейскихъ державъ или потому, что въ ней не было задатковъ къ просвѣщенію, или потому, что она не желала просвѣщенія, или потому, что она была задержана независимыми отъ нея обстоятельствами“ (Карамзинъ). Періодъ послѣдовательно-раздѣлительный: „Крыловъ имѣетъ гибкій слогъ, который всегда примѣняетъ къ своему предмету: то онъ возвышается въ описаніи величественномъ, то трогаетъ насъ простымъ изображеніемъ нѣжнаго чувства, то забавляетъ смѣшнымъ выраженіемъ или оборотомъ“ (Жуковский).

Союзы причиннаго періода—*ибо, такъ какъ, потому что*: „Сомнѣніе въ юношескомъ возрастѣ не существуетъ и не можетъ существовать, ибо оно есть уже слѣдствіе сравненія, для котораго нужны понятія, цѣлый запасъ опытовъ и воспоминаній“ (Батюшковъ). Заклучительный періодъ по своему строенію отличается отъ причиннаго тѣмъ, что союзы здѣсь имѣются не только въ началѣ періода, но и во второй его части. Это объясняется тѣмъ, что въ заключительномъ періодѣ переставлены его части, т. е. придаточное причинное поставлено на первомъ мѣстѣ, на мѣстѣ повышенія. Вторая часть связывается съ первою союзами *то, такъ, слѣдовательно*. „Такъ какъ въ то время, когда, по извѣстію Несторовой лѣтописи, варяги овладѣли страной Чуди,

Кривичей и Мери, не было другого сильного народа, кромѣ Скандинавовъ, *то* мы уже съ великой вѣроятностью заключить можемъ, что лѣтописецъ нашъ разумѣетъ ихъ подъ именемъ Варяговъ“ (Карамзинъ). Условный періодъ по своему логическому значенію можетъ быть двухъ видовъ: а) условная причина можетъ стать дѣйствительною, если не будутъ препятствовать этому какіе-либо факты и явленія, и б) условная причина дѣлается невозможною, потому что она противорѣчитъ этимъ фактамъ и явленіямъ. Условный періодъ съ причиной возможной: „Если жизнь народа была дѣятельна, разнообразна, своевольна, исполнена всего поэтическаго, и онъ при всей многосторонности ея не получилъ высшей цивилизаціи, то весь пылъ, все сильное, юное бытіе его выливается въ народныхъ пѣсняхъ“ (Гоголь). Періодъ съ причиной невозможной: „Все похоже на правду, все можетъ случиться съ человѣкомъ; нынѣшній же пламенный юноша отскочилъ бы съ ужасомъ, если бы показали ему его же портретъ въ старости“. По своему грамматическому строенію условный періодъ подраздѣляется также на двѣ разновидности: періодъ собственно-условный и періодъ относительный. Періодъ собственно-условный имѣетъ мѣсто тогда, когда въ повышеніи и пониженіи его разныя подлежащія. Союзы его: *если, если бы, когда, коль* и въ пониженіи *то*. Союзы *если бы, когда бы* употребительны въ тѣхъ случаяхъ, когда причина отвергается, какъ невозможная. Періодъ относительный тотъ же условный, но съ подлежащимъ, выраженнымъ относительнымъ мѣстоименіемъ „*кто*“; въ пониженіи ему соотвѣтствуетъ *тотъ*. Что этотъ періодъ условный, это доказывается тѣмъ, что смыслъ этого періода не измѣняется внесеніемъ условнаго союза, и еще тѣмъ, что въ этомъ періодѣ, какъ и вообще во всякомъ условномъ, въ повышеніи высказывается предшествующая мысль, а въ пониженіи послѣдующая, находящаяся отъ него въ зависимости: въ повышеніи сказуемое выражаетъ дѣйствіе, имѣющее совершиться въ будущемъ. Наконецъ, относительное мѣстоименіе *кто*, неопредѣленно по своему значенію; это видно изъ противопоставленія ему мѣстоименія „*всякій*“. Подъ значеніе мѣстоимѣнія *кто* нельзя поставить кого угодно, а только того, кто удовлетворяетъ условіямъ, выраженнымъ въ пониженіи. „Кто всякій день пользуется своими физическими и душевными силами, всякій день дышитъ чистымъ воздухомъ подъ небеснымъ кровомъ, любитъ красоты природы, изящныя искусства, книги, тотъ, конечно, никогда не будетъ боленъ скукою“ (Карамзинъ). Уступительный періодъ имѣетъ сходство съ причиннымъ и противительнымъ періодами: въ немъ такъ же, какъ и въ причинномъ, выводится слѣдствіе, но это слѣдствіе такъ же, какъ и въ проти-

вительномъ, представляетъ изъ себя выводъ, несогласный съ тѣмъ, который положенъ въ основаніе. Но онъ отличается отъ противительнаго тѣмъ, что основаніе и слѣдствіе этого періода могутъ быть и совмѣстны при другихъ условіяхъ: изъ періода „хотя услуга намъ при нуждѣ дорога, но не всякъ за нее умѣетъ взяться“ видно, что здѣсь можетъ быть и совмѣстность между услугой и ея примѣненіемъ; не всякъ не значить никто, а только нѣкоторые. Между основаніемъ и слѣдствіемъ нѣтъ полной противоположности, поэтому основаніе періода уступительнаго носитъ характеръ причины ожидаемой. Тѣ уступительные періоды, въ которыхъ возможно опущеніе союза въ повышеніи, составляютъ только разновидность противительнаго періода, такъ какъ въ первомъ періодѣ связь между мыслями можетъ быть только причинною. По своему логическому составу періодъ уступительный такъ же, какъ и всѣ виды винословныхъ періодовъ, есть силлогизмъ. Для уясненія логическаго состава уступительнаго періода мы скажемъ о логическомъ составѣ вообще винословныхъ періодовъ, такъ какъ объ этомъ у насъ не было рѣчи. Причинный періодъ есть категорическій силлогизмъ, въ которомъ пропущена большая посылка. Для примѣра возьмемъ сложное предположеніе: „такъ какъ земля планета, то она вращается около солнца“, и выяснимъ изъ какого силлогизма оно образовалось. Такимъ силлогизмомъ будетъ слѣдующій рядъ сужденій:

Всѣ планеты вращаются около солнца (большая посылка).

Земля есть планета (меньшая посылка).

Слѣдовательно, земля вращается около солнца (выводъ).

Изъ этого мы видимъ, что причинное предположеніе, а отсюда и періодъ есть силлогизмъ съ пропущенной большей посылкой, и что сказуемая этихъ посылокъ выражены въ категорической формѣ (утвердительной или отрицательной). Условный періодъ, какъ это мы увидимъ изъ разбора условныхъ предположеній, можетъ быть возводимъ или а) къ типу условнаго сужденія, или же б) къ типу условнаго силлогизма. Тѣ періоды, въ которыхъ выражается невозможная причина, излишне возводить къ условному силлогизму въ виду того, что выводъ здѣсь предусматривается уже изъ анализа большей посылки, чего нельзя сказать о чисто причинномъ и уступительномъ періодахъ. Разборъ условнаго сужденія: „если бы на цвѣты не морозы, то и зимой бы цвѣты расцвѣтали“ указываетъ на то, что въ самомъ условіи уже заключается и основаніе для вывода. Поэтому нѣтъ нужды образовывать меньшую посылку: „зимой бываютъ морозы“ и далѣе выводить заключеніе о томъ, что „цвѣты зимой не расцвѣтаютъ“. Условные же періоды съ возможной причиной должны быть возводимы къ

тому же виду силлогизма, потому что въ условіи имѣются одинаковыя основанія и для того, чтобы принять причину, и для того, чтобы отвергнуть ее. Въ условномъ сужденіи съ возможной причиной: „если трава мокра, то былъ дождь“, имѣется вѣроятность для двухъ выводовъ въ зависимости отъ того, примемъ ли меньшей посылкой сужденіе о томъ, что „трава мокра“, или сужденіе, что „трава не мокра“.

Приведемъ примѣръ уступительнаго періода: „Хотя талантъ есть вдохновеніе природы, однако жъ ему должно раскрыться ученіемъ и созрѣть въ постоянныхъ упражненіяхъ“ (Карамзинъ). Уступительный періодъ такъ же, какъ и причинный, долженъ быть возведенъ къ силлогизму. И это на томъ основаніи, что въ уступительныхъ сужденіяхъ причина обладаетъ только кажущейся вѣроятностью: она отвергается меньшей посылкой. Вслѣдствіе того, что въ уступительномъ періодѣ отвергается причина, вслѣдствіе этого мы можемъ яснѣе опредѣлить природу того силлогизма, который полагается въ основу уступительнаго періода. Въ виду того, что уступительныя предложенія близки по характеру своего содержанія къ условнымъ, то уступительный періодъ можетъ быть превращенъ только въ условную форму. Такимъ образомъ, періодъ:

„И хоть безчувственному тѣлу
Равно повсюду истлѣвать,
Но ближе къ милому предѣлу
Мнѣ бѣ все хотѣлось почивать“

превратится въ слѣдующій видъ условнаго силлогизма: Если для мертвеца безразлично мѣсто истлѣнія праха, то для меня, пока я живъ, пріятнѣе думать, что я буду почивать близко къ милому предѣлу (больш. пос.). Я живъ (меньш. пос.). Слѣдовательно, пріятнѣе для меня истлѣвать послѣ смерти ближе къ милому предѣлу. Уступительные періоды связываются слѣдующими союзными реченіями: *хотя—однако, положимъ, согласимся, допустимъ—но, правда что—однако* и т. п.

Заключительный періодъ отличается отъ чисто причиннаго тѣмъ, что въ немъ переставлены части: повышеніе занимаетъ мѣсто пониженія. Заключительный періодъ: „Всѣ люди имѣютъ душу, имѣютъ сердце: слѣдовательно, всѣ могутъ наслаждаться плодами искусства и науки“ (Карамзинъ) по перестановкѣ своихъ частей обратится въ чисто причинный: „Всѣ могутъ наслаждаться плодами искусства и науки, потому что всѣ люди имѣютъ душу, имѣютъ сердце“. Въ первой части заключительнаго періода въ повышеніи, соотвѣтствующемъ пониженію причиннаго, употребляются союзы *въ виду того*, а въ пониженіи

въ виду этого. Но чаще повышеніе остается безъ всякихъ союзовъ, а въ пониженіи союзы: *итакъ, следовательно.*

Въ изъяснительномъ выводятся тѣ слѣдствія, которыя вытекаютъ изъ природы сказуемыхъ, приписываемыхъ подлежащему повышенія: „Духъ чистѣйшаго незлобія и кротости долженъ проникать величавыя рѣчи старца такъ, чтобы молодость ничего не нашлась сказать въ свое оправданіе, почувствовавъ, что неприличны будутъ ея рѣчи, и что сѣдина есть уже святыня“ (Гоголь) Изъяснительный періодъ можно свести къ придаточнымъ образности—изъяснительнымъ. Пониженіе изъяснительнаго періода относится поэтому къ своему повышенію такъ же точно, какъ обстоятельство къ сказуемому. Союзы этого періода: *такъ—что, такъ—чтобы, настолько—что, до того—что* и т. п.

Изъ анализа приведенныхъ періодовъ легко замѣтить, что они въ силлогистической формѣ никогда почти не выражаются: въ нихъ обычно пропускается одна изъ посылокъ—большая или меньшая. Эта форма силлогизма называется энтимемою. Очень много есть и такихъ періодовъ, которые въ обычный типъ силлогизма съ двумя посылками и заключеніемъ, не могутъ быть превращены: въ нихъ окажется больше посылокъ. Эти періоды состоятъ изъ сложныхъ силлогизмовъ, называемыхъ соритами. Приведемъ примѣръ сорита:

Всякое человѣческое тѣло сложно.

Все сложное разлагается на свои составныя части.

Все разложимое можетъ разстраиваться.

Все разстраиваемое можетъ разрушаться.

Слѣд., всякое человѣческое тѣло подвержено смерти.

Примѣръ періода, въ основу котораго положенъ соритъ, или сложный силлогизмъ: „Нельзя оспаривать, что человѣкъ безсиленъ измѣнить теченіе судебъ, что онъ находится въ зависимости не только отъ физической природы, но и отъ окружающей его среды: тѣмъ не менѣе, какъ существо разумное, слѣдовательно, способное предусматривать и взвѣшивать обстоятельства, и свободное, стало-быть, дѣйствующее по собственному опредѣленію, человѣкъ самъ виновникъ своей доли“.

§ 96. РАЗВИТІЕ ПЕРІОДА.

Періодъ по своему грамматическому строенію является предложеніемъ наиболѣе совершеннымъ, а потому онъ возникъ послѣ простого и того сложнаго предложенія, которое не отличается логической законченностью мысли. Въ паратактическую эпоху жизни языка періодъ не могъ развиваться вслѣдствіе: а) того, что

строй предложеній отличался краткостью и б) вслѣдствіи того, что въ эту эпоху не успѣли выдѣлиться и обособиться отъ другихъ частей рѣчи союзы. Кромѣ того, этой бѣдности грамматическаго строенія рѣчи соотвѣтствовала также и бѣдность понятій и вмѣстѣ съ тѣмъ недостаточность синтаксическаго матеріала, или, вѣрнѣе, той синтаксической формы, въ которую должна была отливаться періодическая рѣчь.

Но такъ какъ устная рѣчь предшествуетъ письменной, то корни періода надо искать въ дописменной рѣчи, т.-е. въ устной словесности.

Въ устной словесности надо различать разные эпохи жизни и развитія словесныхъ произведеній. Начальный періодъ устнаго поэтическаго творчества, что мы увидимъ впоследствии, отличался бѣдностью и неразвитостью сюжета, а потому и поэтическія произведенія отличались краткостью содержанія. Въ этихъ первичныхъ поэтическихъ произведеніяхъ, понятно, долженъ былъ отсутствовать періодическій строй. Съ теченіемъ времени сюжеты произведеній въ зависимости отъ различныхъ историческихъ условій, о чемъ будетъ рѣчь впоследствии, развивались и усложнялись, а вмѣстѣ съ тѣмъ вглубь шло и развитіе элементовъ, изъ которыхъ состоитъ это произведеніе, т.-е. мало-помалу наряду съ простыми предложеніями стали появляться сложные, а затѣмъ и періоды. Приведемъ примѣръ періода изъ былины: „Наливалъ чару зеленаго вина въ полтора ведра, и турій рогъ меду сладкаго въ полтретья ведра, подносилъ Михайлѣ ки. Казарину; принимаетъ онъ, Михайло, единой рукой и выпилъ единымъ духомъ“. Во время образованія этой былины вниманіе пѣвца должно было сосредоточиваться на главномъ сюжетѣ былины, и поэтому мысль не останавливалась на деталяхъ; послѣ того, какъ сюжетъ былины былъ усвоенъ и перешелъ къ послѣдующему поколѣнію, то мысль пѣвца стала обращать вниманіе и на детали сюжета, и творчество поэтому направляется на эту сторону, т.-е. на частности, и простое предложеніе о томъ, что „Михайло Казаринъ выпилъ чару вина единымъ духомъ“, превратилось въ періодъ. Но пока періодъ принялъ свою правильную и законченную форму, т.-е. пока періодъ безыскусственной поэзіи приблизился по своему строенію къ тому періоду, о которомъ у насъ шла рѣчь ранѣе, т.-е. сталъ состоять изъ двухъ рѣзко выраженныхъ частей, онъ долженъ былъ пройти по разнымъ стадіямъ развитія. На тѣ стадіи, которые прошелъ періодъ, проливаютъ нѣкоторый свѣтъ, между прочимъ, памятники древнерусской письменности и въ особенности „Моленіе“ Даниила Заточника. Авторъ этого произведенія, судя по характеру

памятника, по отсутствію въ немъ плана, по обилію народныхъ оборотовъ, пословицъ и т. п., находился подъ слабымъ вліяніемъ письменности, и слогъ этого памятника можно считать просто-народнымъ русскимъ, но украшеннымъ. И въ этомъ памятникѣ встрѣчаются такія предложенія, которыя по своему грамматическому строенію должно считать просто сложными предложеніями, а по логической законченности въ нихъ мыслей и по ихъ закругленности слѣдуетъ тѣ же предложенія отнести къ періодамъ: „Богатъ мужъ вездѣ знаемъ есть и въ чужой землѣ друзи имѣть, а убогъ въ своихъ невидимо ходитъ; богатъ возглаголетъ, вси возмолчатъ, и слово его вознесутъ до облакъ, а убогъ возглаголетъ, вси нань (на него) кликнуть и уста ему заградятъ: ихъ же ризы свѣтлы, тѣхъ и рѣчь чиста“. По своему логическому строенію это предложеніе есть періодъ противительный съ законченной мыслью о богатомъ и бѣдномъ, а грамматически это сложное сочиненное предложеніе, потому что въ немъ, если можно такъ выразиться, части періода разсыпаны: въ немъ нѣтъ повышенія и пониженія или, вѣрнѣе, повышеніе и пониженіе включено во всѣ три сочиненныя предложенія.

Независимо отъ періода, развившагося на почвѣ устнаго народнаго творчества, съ принятіемъ христіанства и появленіемъ письменности у насъ появляется книжный періодъ. Этотъ періодъ по своему грамматическому строенію сходенъ съ греческо-византійскимъ періодомъ, сходенъ въ томъ отношеніи, что онъ отличается такою же симметричностью и правильностью распредѣленія частей, какъ и греческій. Приведемъ примѣръ періода изъ лѣтописи: „Яко же бо се нѣкто землю разоретъ, другиѣ же насѣтъ; ини же пожинаютъ и ядятъ пищу безсудьбу: тако и съ (Ярославъ): отецъ бо его Володимѣръ взора и умягчи, рекше крещеніемъ просвѣтивъ: съ же насѣя книжными словесы сердца вѣрныхъ людии, а мы пожинаемъ, ученье приемлюще книжное“. Если мы сравнимъ періоды нашей письменности византійскаго періода, то мы замѣтимъ, что эти періоды по своему грамматическому строенію ближе къ строю русской рѣчи, чѣмъ періоды русской схоластической и ложноклассической письменности; болѣе того, эти періоды даже совершеннѣе періодовъ Карамзина.

И въ самомъ дѣлѣ, періоды Курбскаго, Теофана Прокоповича, Ломоносова, Сумарокова и другихъ отличаются искусственностью. Подъ вліяніемъ латинско-греческой конструкціи въ этихъ періодахъ сказуемое часто ставится въ самомъ концѣ предложенія, и ему предшествуютъ всѣ члены, отъ него зависящіе, что для русскаго языка неестественно: „Ободритъ начинающія науки; утвердитъ ихъ благосостояніе, предковъ полезныя законы; оградить сво-

ею милостью, принявъ въ собственное покровительство; отворить имъ къ себѣ свободный доступъ, поручивъ ихъ доброхотному представителю изъ своихъ ближнихъ—*есть столь великое благодарѣніе*, которое въ мысляхъ и сердцахъ нашихъ во вѣкъ неизгладимо пребудетъ, и за которое мы по всей возможности и силѣ нашей, стараясь о приращеніи наукъ и превознося великую благодарѣтельную похвалами, дѣломъ и словомъ *благодареніе приносить должны*“ (Ломоносовъ). Изъ этого періода мы замѣчаемъ также и ту особенность, что второстепенные члены предложенья опредѣленья, дополненія и обстоятельственные слова прикрѣплены къ мѣсту и не отличаются той подвижностью, которая свойственна строю русскаго языка, допускающаго свободную разстановку всѣхъ членовъ. Эта странная особенность сравнительно позднѣйшихъ періодовъ, особенность, удаляющая ихъ отъ строя живой рѣчи, объясняется тѣмъ, что тѣ періоды, о которыхъ у насъ идетъ рѣчь, начали развиваться въ гипотактическую эпоху жизни языка. А такъ какъ гипотактический строй языка мало свойствененъ живой разговорной рѣчи, то періоды древнерусской письменности, паратактическіе по своему строенію, близки къ живой рѣчи, тоже по своему строю паратактической. Періоды гипотактическіе удаляются отъ строя живой рѣчи еще и потому, что на ихъ строеніе оказали свое вліяніе грамматическіе законы чуждыхъ языковъ сначала греческаго, потомъ латинскаго, польскаго, нѣмецкаго, французскаго и т. п.

Но съ теченіемъ времени русская литературная рѣчь начинаетъ постепенно освобождаться отъ иноземнаго вліянія, и карамзинскіе періоды, хотя и не чужды указанныхъ недостатковъ, но выше ломоносовскихъ. Пушкинъ, сблизивши письменную рѣчь съ живой разговорной, освободился окончательно отъ иноземнаго грамматическаго строя, и его рѣчь, а также и рѣчь всѣхъ послѣдующихъ писателей основывается на строѣ живого языковаго чутья.

§ 97. ПЕРІОДЪ, КАКЪ ПРОМЕЖУТОЧНАЯ СТУПЕНЬ МЕЖДУ ПРЕДЛОЖЕНІЕМЪ И СОЧИНЕНІЕМЪ.

Періодъ, поскольку онъ разсматривается какъ одно синтаксическое цѣлое, есть предложенье; періодъ нужно разсматривать какъ предложенье и въ томъ случаѣ, когда онъ является только частью сочиненія, потому что періодъ, выдѣленный изъ сочиненія, не составляетъ самаго сочиненія. При разсмотрѣніи строенія періода мы замѣтили, что онъ сравнительно съ предложеньемъ отличается большей сложностью, но если мы будемъ сравни-

вать строение періода съ строеніемъ сочиненія, то въ послѣднемъ мы увидимъ еще большую сложность, такъ что съ этой стороны періодъ надо разсматривать какъ высшую форму предложенія.

Но періодъ, составляя высшую форму предложенія, служитъ переходною ступенью къ сочиненію и часто бываетъ даже самымъ сочиненіемъ. Періодъ близокъ къ сочиненію, потому что въ немъ различаются тѣ же стороны, что и въ сочиненіи: тема, идея, содержаніе, изложеніе и выраженіе. Въ предложеніи хотя тоже есть эти стороны, но имѣется съ этой стороны и нѣкоторое различіе. Темой предложенія бываетъ логическое подлежащее, и въ отличіе отъ темы періода и сочиненія она очень легко узнается; идея сужденія или предложенія состоитъ въ сочетаніи подлежащаго со сказуемымъ и очень часто совпадаетъ съ содержаніемъ предложенія; изложеніе предложенія это есть его конструкція, грамматическое строеніе въ смыслѣ того или другого порядка въ строѣ предложеній, составляющихъ сужденіе; наконецъ, выраженіе предложенія состоитъ въ выборѣ тѣхъ или другихъ словъ и тѣхъ или другихъ морфологическихъ формъ для раскрытія мысли. Изъ этого нетрудно замѣтить, что предложеніе проще періода по характеру своего строенія и состава, и на составленіе предложенія затрачивается меньшее количество мыслительной энергіи, чѣмъ на составленіе періода. Тема предложенія легко узнается вслѣдствіе наличности въ немъ логическаго подлежащаго (логическихъ подлежащихъ); въ періодѣ же подлежащее узнается вслѣдствіе анализа повышенія, и трудность этого анализа усиливается въ тѣхъ случаяхъ, когда въ періодѣ очень много предметовъ мысли, и когда эти предметы мысли надо обобщить для того, чтобы тему выразить при посредствѣ одного слова. Въ качествѣ примѣровъ можно указать на стихотвореніе Пушкина „Брожу ли я вдоль улицъ“ и Лермонтова „Когда волнуется желтѣющая нива“. Идея періода не совпадаетъ съ его содержаніемъ; она познается при посредствѣ анализа обѣихъ частей періода и должна быть выражена простымъ или сложнымъ предложеніемъ, но должна быть такъ выражена, чтобы въ ней, какъ въ зернѣ, заключалось все содержаніе періода. Трудность выраженія идеи періода зависитъ отъ того, что здѣсь требуется обобщеніе мыслей, заключающихся въ обѣихъ частяхъ періода. Со стороны своего содержанія періодъ долженъ отличаться полнотою мыслей и законченностью ихъ и вмѣстѣ съ тѣмъ отсутствіемъ такихъ мыслей, которыя бы вредили пониманію темы или идеи періода: лишніе мысли въ немъ не должно быть. Въ рѣчи неперіодической та же самая идея можетъ раскрываться при посредствѣ многихъ простыхъ или сложныхъ предло-

женій, не составляющихъ изъ себя одного синтаксическаго цѣлаго. Поэтому простыми предложеніями, сложными сочиненными и подчиненными писать легче, чѣмъ періодомъ, представляющимъ изъ себя смѣшеніе сочиненія и подчиненія. Въ простомъ и сложномъ предложеніи нѣтъ того обилія мыслей, какъ въ періодѣ, поэтому и порядокъ мыслей въ простомъ предложеніи легко укладывается въ сознаніи. Между тѣмъ, періодъ должно составлять по обдуманному плану для того, чтобы второстепенныя мысли не затемняли главной и гармонизировали между собою.

Для составленія періода выработаны схоластиками общій планъ, состоящій изъ отдѣльныхъ вопросовъ, называемыхъ топики; эти топики выражены слѣдующими семью латинскими терминами: 1) *Quis* (кто), 2) *Quid* (что сдѣлалъ), 3) *Ubi* (гдѣ), 4) *Quibus auxillis* (какими средствами), 5) *Cur* (для чего), 6) *Quomodo* (какимъ образомъ) и 7) *Quando* (когда). Не надо думать, что при составленіи періода должно отвѣчать на всѣ указанные вопросы. Изъ приведенныхъ примѣровъ видно, что въ большинствѣ случаевъ эти вопросы не исчерпываются; эти топики примѣнимы въ тѣхъ случаяхъ, когда содержаніе періода отличается повѣствовательнымъ характеромъ. Словесное выраженіе предложенія и періода требуетъ одинаковой затраты умственной энергіи; къ періоду предъявляются тѣ же требованія, что и къ предложенію: словесное выраженіе должно отличаться ясностью, точностью, правильностью и чистотою рѣчи, такъ что съ этой стороны періодъ ничѣмъ не отличается отъ сочиненія. Муки слова одни и тѣ же, что при составленіи періода и предложенія.

Теорія сочиненія.

§ 98. СТИЛИСТИКА.

Тотъ отдѣлъ теоріи словесности, въ которомъ изучаются основныя свойства сочиненія, какъ прозаическаго, такъ и поэтическаго, называется стилистикой. Слово стилистика происходитъ отъ латинскаго слова *stylus*, что значитъ палочка. Этимъ именемъ у римлянъ назывались палочки для письма, съ одного конца заостренныя, а съ другого тупыя. Этими палочками писали на воцаныхъ дощечкахъ, соотвѣтствовавшихъ нашимъ карманнымъ записнымъ книжкамъ; дощечки, покрытыя воскомъ, употребительны были также и въ римскихъ школахъ вслѣдствіе дешевизны матеріала, такъ какъ пергаментъ и папирусъ, изготовлявшіеся въ качествѣ матеріала для письма книгъ, были дороги. Дощечки были пригодны для письма, потому что съ нихъ удобно было при помощи тупого конца палочки стирать написанное. Изъ-за этихъ особенностей древне-римскаго письма появилась поговорка *saepe vertere stylum*—чаще поворачивай палочку, т.-е. внимательнѣе относись къ слогу своего сочиненія. Подъ именемъ стилистики понималось вслѣдствіе буквального пониманія слова *stylus* въ значеніи слога—ученіе о слогѣ сочиненія. Но мы будемъ принимать значеніе слова стилистика въ болѣе широкомъ смыслѣ, т.-е. ученіе вообще о сочиненіи, потому что самое ученіе о слогѣ сочиненія находится въ зависимости отъ многихъ другихъ сторонъ сочиненія.

§ 99. ПОНЯТІЕ О СОЧИНЕНІИ.

Сочиненіемъ называется систематическое изложеніе мыслей о какомъ-нибудь предметѣ, выраженное словами. Изъ этого опредѣленія видно, что въ сочиненіи должно различать нѣсколько сторонъ, а именно: а) предметъ сочиненія; б) ту точку зрѣнія,

которая устанавливается на этот предмет; с) мысли, развивающія эту точку зрѣнія на предмет; d) систему, или порядок раскрытія мыслей, и е) словесное выраженіе ихъ. Значитъ, въ сочиненіи проявляются тѣ же самыя стороны, что и въ періодѣ: тема, идея, содержаніе, изложеніе и выраженіе. Ко всѣмъ этимъ сторонамъ сочиненія въ теоріи словесности предъявляются свои требованія.

§ 100. СЛОВО И СОЧИНЕНІЕ.

Въ § 97 мы указали связь періода съ предложеніемъ и сочиненіемъ, а теперь проведемъ аналогію между словомъ и сочиненіемъ и умолчимъ о той связи, какая существуетъ между словомъ и сочиненіемъ, потому что она и такъ ясна въ виду того, что слово является первичнымъ элементомъ предложенія, а предложеніе первичнымъ элементомъ сочиненія. Въ словѣ мы различали три стороны: а) первичное значеніе слова, покоящееся на чувственномъ воспріятіи предмета; б) содержаніе слова, т.-е. ту сумму свойствъ и признаковъ, которые могутъ быть мыслимы въ словѣ, какъ въ знакѣ того или другого представленія или понятія, и с) внѣшнюю звуковую форму слова. Эти же стороны легко подмѣтить и въ сочиненіи. Наименованіе какому-либо предмету дается по тому впечатлѣнію, которое ярче всего дошло до сознанія. Братъ названъ такъ потому, что въ первобытной семьѣ онъ былъ носильщикомъ тяжестей; рѣка—текущей потому, что это свойство ея ярче отразилось въ сознаніи, рука—хватающей и т. п. Отсюда мы видимъ, что первичное значеніе слова было поэтическимъ, и оно продолжало оставаться такимъ до тѣхъ поръ, пока матеріаломъ для мышленія служили только представленія, и пока слово, какъ знакъ предмета, опредѣлялось только чувственными воспоминаніями отъ этого предмета. Черезъ это свойство слова опредѣляется и сочиненіе: тѣ сочиненія, которыя вызываютъ въ нашемъ сознаніи такія же представленія, какія мы получили бы чрезъ чувственное воспріятіе предметовъ будутъ имѣть характеръ поэтическихъ сочиненій. А такъ какъ поэтическое значеніе слова предшествовало прозаическому, то и поэтическія сочиненія точно также предшествовали прозаическимъ. И, дѣйствительно, устные произведенія народнаго творчества, всѣ поэтическія по своему содержанію, предшествуютъ прозаическимъ. И это не только въ русской словесности, но и у другихъ народовъ. У грековъ произведенія Гомера и Гезіода предшествовали произведеніямъ Геродота и Фукидида. У современныхъ дикихъ народовъ имѣются только поэтическія произ-

веденія. Содержаніе первичнаго слова съ его поэтическимъ значеніемъ очень бѣдно. Представленіе, обозначаемое первичнымъ словомъ, малосодержательно, потому что предметъ получаетъ свое названіе только по измѣняющимся свойствамъ и качествамъ, т.-е. по той дѣятельности, которую проявляетъ этотъ предметъ. Корни именъ надо признать глагольными на томъ основаніи, что въ сознаніи сильнѣе всего отражаются не тѣ свойства и признаки, которые въ предметѣ неизмѣнны, а тѣ свойства или, вѣрнѣе, дѣятельности, которыя то проявляютъ себя, то прекращаютъ свое проявленіе. Трава названа такъ не по своему зеленому цвѣту, а потому что пожирается животными (трути—отрава), море (mare) названо сокрушающимъ (morigor, mors, умереть, моръ) не потому, что оно всегда причиняетъ человѣку смерть, а потому, что его дѣйствіе чередуется вмѣстѣ съ другими; если бы море всегда причиняло смерть, то это его свойство было бы замѣчено гораздо позже; волкъ, *lupus* (лупить), названъ раздражающимъ потому, что это свойство его не постоянно въ немъ проявляется. Такимъ образомъ, тѣ свойства, по имени которыхъ называются предметы (представленія), сознаются потому, что они, являясь измѣняющимися, вмѣстѣ съ тѣмъ являются и преобладающими, главенствующими въ томъ или другомъ предметѣ. На постоянныя, неизмѣняемыя свойства сознаніе обращаетъ свое вниманіе только послѣ нѣкоторой переработки чувственного матеріала согласно законамъ мыслительной дѣятельности: неизмѣняемыя качества предметовъ доводятся до сознанія, благодаря сравненію и различенію предметовъ. Одновременно съ чувственнымъ воспріятіемъ измѣняющагося свойства коровы, что она бодающая, въ воспріятіи получаютъ и другія постоянныя свойства, что она травоядное животное, съ раздвоенными копытами, съ короткой густой шерстью и т. п., но всѣ эти свойства не доводятся до сознанія. Но послѣ того, когда у насъ появится представленіе о другомъ животномъ съ другими свойствами, напр., о хищномъ (кошкѣ, собакѣ, волкѣ и т. п.), послѣ этого вслѣдствіе сравненія разныхъ животныхъ у насъ появляются въ сознаніи и тѣ свойства, которыя были воспріняты, но не были осознаны. Отсюда видно, что обогащеніе слова (представленія) разными опредѣленіями совершается или, по крайней мѣрѣ, должно совершаться очень медленно.

А потому надо думать, что и самыя раннія поэтическія произведенія (сочиненія) точно также отличались своей малосодержательностью. И, дѣйствительно, импровизаціи первобытныхъ народовъ и дикарей очень просты и немногосложны, хотя дикари и вообще первобытные народы точно такъ же, какъ и дѣти, отличаются большей возбудимостью и большей наблюдательностью.

Приведемъ пѣсню лопаря съ устьевъ Амазонки: Первый пѣвецъ поетъ: „Батюшка заболѣлъ и не могъ прійти“. Хоръ повторяетъ эти слова. Второй пѣвецъ: „Мы рѣшили на слѣдующій день пойти узнать о его здоровьѣ“. Хоръ повторяетъ. Той же бѣдностью сюжета отличаются и многія русскія пѣсни: „И я золото хороню, хороню“, „А мы просо сѣяли, сѣяли“ и др. Возможно, что во многихъ русскихъ пѣсняхъ бѣдность сюжета вторичнаго происхожденія, т.-е. пѣсни вслѣдствіе постоянныхъ передѣлокъ и сокращеній за время своего многовѣковаго существованія сдѣлались стилизованными произведеніями и потеряли свою выразительность. Но сохранились до нашего времени пѣсни, записанныя бакалавромъ-англичаниномъ Ричардомъ Джемсомъ, относящіяся къ XVII вѣку и записанныя менѣе, чѣмъ черезъ 10 лѣтъ послѣ тѣхъ событій, которыя послужили предметомъ содержанія этихъ пѣсень. Приведемъ пѣсню о смерти Скопина-Шуйскаго, послѣдовавшей въ 1610 году. Пѣсня эта записана Джемсомъ или въ концѣ 1619 или въ началѣ 1620 гг.:

„Ино что у насъ въ Москвѣ учинилося;
Съ полуночи у насъ въ колоколъ звонили.
А расплачютца гости-москвичи:
А тепере наши головы загибли,
Что не стало у насъ воеводы,
Васильевича князя Михаила.
А съезжались князи, бояре супротивно къ нимъ:
Мѣстисловской князь, Воротынской,
И межу собой онѣ слово говорили;
А говорили слово, усмѣхнулись:
Высоко соколъ поднялся
И о сыру-матеру землю ушибся.
А расплачютца свецкіе немцы,
Что не стало у насъ воеводы,
Васильевича князя Михаила.
Побѣждали немцы въ Новъ-городъ
И въ Нове-городе заперлися,
И многой миръ—народъ погубили
И въ Латынскую землю превратили“.

Сюжетъ этой пѣсни очень бѣденъ, потому что она составлена въ той средѣ, гдѣ поэтическіе образцы не могли сложиться ярко по бѣдности поэтического языка.

Но, несмотря на бѣдность своего содержанія, первичное слово отличается яркостью образа, и эта яркость слова восполняетъ бѣдность опредѣленій или даже ихъ полное отсутствіе. То же са-

мое надо сказать и о первичномъ поэтическомъ произведеніи. Тѣ картины, сюжетъ которыхъ разрабатывается въ этихъ произведеніяхъ, легко представимы, а это свидѣтельствуеъ о поэтичности произведенія. Вслѣдствіе того, что первичное слово опиралось на чувственное воспріятіе, и вслѣдствіе того, что тропы и эпитеты явились послѣ этихъ словъ, такъ какъ тропы и эпитеты предполагаютъ субъективную переработку словъ первичныхъ, то надо думать, что въ первичныхъ поэтическихъ произведеніяхъ, несмотря на то, что они носили синкретическій характеръ, преобладающимъ элементомъ быть эпическій и драматическій. Можетъ быть, этимъ и объясняется то, что въ нашихъ былинахъ, историческихъ пѣсняхъ и духовныхъ стихахъ лирической элементъ чувствуется весьма слабо.

Обогащеніе представленія, обозначаемого словомъ, различными предикатами, а потомъ и опредѣленіями, ведетъ къ такому же обогащенію и поэтическихъ произведеній образами. Поэтому сюжеты классическихъ произведеній русской и иностранной литературы сложнѣе и богаче, чѣмъ сюжеты безыскусственной поэзіи. Обращая вниманіе на эту сторону, произведенія, напр., Кольцова, надо поставить выше народныхъ пѣсень, а произведенія Лермонтова и Пушкина выше произведеній Кольцова, потому что послѣдніе въ сравненіи съ Кольцовымъ писатели болѣе образованные.

Обогащеніе содержанія слова, содѣйствуя обогащенію образа, вмѣстѣ съ тѣмъ является причиною, уничтожающею въ словѣ его поэтичность. Отъ тяжести этихъ признаковъ слово, какъ поэтическое произведеніе, прекращаетъ свое существованіе и становится словомъ прозаическимъ. Расширеніе содержанія слова вслѣдствіе накопленія въ немъ различныхъ опредѣленій стираетъ первичное значеніе; слово походитъ на монету, на которой чеканка вслѣдствіе продолжительнаго обращенія стерлась. Въ словѣ, какъ знакѣ представленія, образуется такъ много признаковъ, что вслѣдствіе узости нашего сознанія всѣхъ ихъ мыслить и представлять невозможно. Поэтому слово становится символомъ, своего рода алгебраическимъ знакомъ. Кромѣ этой причины, содѣйствующей потерѣ словомъ его поэтическаго значенія, есть и другія. Прежде всего, самый процессъ обогащенія слова новыми признаками ведетъ къ устраненію въ словѣ его образности и поэтическаго значенія. Когда первичное слово становится подлежащимъ, то оно поэтому перестаетъ быть словомъ съ какимъ-либо содержаніемъ: подлежащее, выраженное какимъ-либо словомъ, должно быть познано при посредствѣ другого слова, и подлежащее, пока къ нему не присоединенъ предикатъ, есть искомое, X.

Въ противномъ случаѣ, если бы въ подлежащемъ мыслился какой-либо другой признакъ, а не то сказуемое, которое къ нему прилагается, не могло бы получиться и самое сужденіе. Понятно, что эти операціи со словомъ, какъ подлежащимъ сужденія, содѣйствуютъ также потерѣ словомъ поэтической образности. Имѣется и еще причина. Первичное слово надо считать словомъ собственнымъ, но вслѣдствіе того, что однимъ и тѣмъ же словомъ обозначаются однородные предметы, и вслѣдствіе того, что эти однородные предметы, несмотря на свое сходство, различаются между собою, вслѣдствіе этого, въ представленіи должны бы были мыслиться и эти разности, т.-е. камень въ одно и то же время надо бы представлять и кремнемъ, и мраморомъ, и песчаникомъ и большимъ и малымъ. Но это противорѣчитъ законамъ мышленія, а потому каждое нарицательное слово должно быть непременно своего рода алгебраическимъ знакомъ. Но этотъ процессъ потери словомъ своего поэтическаго значенія совершается въ продолжительный періодъ времени, и въ языкѣ собственно онъ никогда не завершается, потому что съ потерей одними словами поэтическаго значенія, появляются другія слова съ такимъ же значеніемъ, напр., синонимы, тропы, эпитеты, неологизмы и т. п.

Пользуясь аналогіей между словомъ и сочиненіемъ, по отношенію къ прозаическому произведенію, можно сдѣлать такой предположительный выводъ. Въ началѣ развитія языка не могло быть ни поэтическихъ, ни прозаическихъ сочиненій: самое слово представляло изъ себя своего рода сочиненіе, потому что мыслительная энергія должна была тратиться на созданіе словъ. Но съ развитіемъ человѣчества, т.-е. съ пріобрѣтеніемъ все новыхъ представленій и въ соотвѣтствіи этому съ образованіемъ соотвѣствующихъ имъ словъ, послѣ того, когда создался нѣкоторый словесный матеріалъ, стали появляться и сочиненія, но сочиненія, какъ мы видѣли, поэтическія. Но въ этихъ поэтическихъ произведеніяхъ заключался и прозаическій матеріалъ. Первобытный человѣкъ слагалъ заговоры, пѣсни и гимны не потому, что въ составленіи этого рода произведеній, въ творествѣ, испытывалъ чувство удовольствія и эстетическаго наслажденія, а потому, что составленіе этихъ произведеній вызывалось для него практической необходимостью. Въ звѣроловный періодъ своего существованія весьма сильно должна была чувствоваться собственная беспомощность человѣка, зависимость его отъ природы; въ многомъ положеніе человѣка было хуже тѣхъ животныхъ, которыхъ онъ преслѣдовалъ для добыванія себѣ пищи и одежды. Но, вмѣстѣ съ тѣмъ, онъ зналъ, что одни животныя его боятся, а другія являются его злѣйшими врагами. Но ему изъ собственного опыта извѣстно было, что младшіе члены

его семьи подчиняются его волѣ и внушенію, и что своихъ враговъ онъ иногда такъ или иначе можетъ или умилиловать или обмануть. Онъ точно также поступаетъ и по отношенію къ животнымъ, отъ которыхъ зависитъ его существованіе. Онъ составляетъ заговоры и при помощи этихъ заговоровъ намѣревается подчинить животныхъ своей волѣ. Но для того, чтобы принудить предметъ повиноваться своей волѣ, надо знать этотъ предметъ съ его свойствами. Пусть знаніе этого предмета съ точки зрѣнія нашего времени ложно. Но первобытный человѣкъ убѣжденъ въ истинности знанія. Значить, въ поэтическихъ произведеніяхъ первобытнаго человѣка, поскольку въ этихъ произведеніяхъ проводится то или другое знаніе о предметѣ, безразлично ложное или истинное (съ точки зрѣнія нашего времени), постольку въ этихъ произведеніяхъ есть и прозаическій, научный элементъ. Поэтому, міеологія, какъ стройная и законченная система съ тѣми отвѣтами, которыми такъ или иначе рѣшаются вопросы о человѣкѣ и мірѣ и ихъ взаимныхъ отношеніяхъ, поэтому и міеологія для первобытнаго человѣка то же, что для насъ теперь наука. Отсюда можно сдѣлать такой выводъ о раннихъ поэтическихъ произведеніяхъ: различные научные, прозаическіе вопросы рѣшаются въ нихъ при посредствѣ поэтическихъ образовъ. Любопытный примѣръ прозаическаго произведенія, обоснованнаго поэтическими образами, представляетъ изъ себя стихъ о Голубиной книгѣ. Періодъ господства поэтической образности въ прозаическихъ произведеніяхъ продолжается очень долго. Даже у Ломоносова, не говоря объ его Посланіи о пользѣ стекла къ Шувалову, проза перемѣшана съ поэзіей въ его одахъ духовныхъ и торжественныхъ.

Это—одинъ источникъ происхожденія прозаическаго произведенія. Но есть и другой. Съ наступленіемъ пастушескаго и земледѣльческаго періодовъ жизни, люди составляютъ изъ себя отдѣльные общества для болѣе лучшаго и правильнаго выполненія различныхъ жизненныхъ цѣлей. Отдѣльные члены семей теперь чаще и чаще сталкиваются между собою; появляются общественныя и социальныя условія. Отсюда требуется предуказать путь поведенія членовъ общества другъ къ другу и къ самому обществу: появляются законы письменные или устные въ формѣ обычнаго права. И эти законы суть произведенія прозаическія. Отсюда можно сдѣлать и еще одинъ выводъ о прозаическихъ произведеніяхъ. Хотя процессъ потери словомъ поэтическаго значенія совершается и очень медленно, но къ періоду образованія отдѣльных общинъ и государствъ, въ человѣчествѣ появляется запасъ необходимыхъ для общественной и политической жизни прозаическихъ словъ. Такъ мы думаемъ потому, что прозаическое слово

точнѣ поэтическаго, какъ результатъ абстракціи и обобщенія. Мы увидимъ въ своемъ мѣстѣ, что главнѣйшее отличіе прозы отъ поэзіи состоитъ въ томъ, что проза, *какъ слѣдствіе переработки по законамъ мысленія чувственно полученнаго матеріала*, отличается обобщающей силой, и эта обобщающая сила прозы даетъ возможность все многообразіе знанія, полученнаго изъ опыта, свести къ единообразію. Понятно, что въ сложныхъ явленіяхъ социальной жизни для того, чтобы разобраться въ этомъ многообразіи жизни и поставить явленія въ тѣ или другія рамки, требуется наличность обобщающей мыслительной дѣятельности, т.-е. нужны слова прозаическія. Для болѣе полной аналогіи между словомъ и сочиненіемъ нужно бы было сказать о томъ, что сочиненіе или, вѣрнѣе, сюжеты сочиненій за время своего многовѣковаго существованія претерпѣваютъ ту же судьбу, какъ и отдѣльныя слова, т.-е. сюжеты сочиненія вымираютъ или частично или полностью заимствуются изъ чуждыхъ литературъ, такъ что сюжетъ, какъ чужеземное растеніе, совсѣмъ переносится на чужую почву, или настолько видоизмѣняется, что трудно бываетъ восстановить его первичную основу. Но обо всемъ этомъ мы скажемъ въ своемъ мѣстѣ курса, теперь же перейдемъ къ изученію тѣхъ сторонъ сочиненія, которыя были отмѣчены нами въ § 99.

§ 101. ТЕМА СОЧИНЕНІЯ И ЕДИНСТВО ЕЯ ВЪ СОЧИНЕНІЯХЪ ПРОЗАИЧЕСКИХЪ.

Слово тема—греческое, *θέμα* значитъ основаніе, положеніе (отъ *τίθημι* — ставлю). Но это номинальное опредѣленіе темы неточно. Въ качествѣ основанія или положенія сочиненія понимается идея. Темой сочиненія поэтому считается, какъ уже мы и раньше сказали, подлежащее всего сочиненія, т.-е. предметъ его. Ближе къ слову тема сочиненія стоитъ другой терминъ—заглавіе сочиненія. Но этихъ двухъ терминовъ смѣшивать нельзя. Въ поэтическихъ произведеніяхъ заглавіе сочиненія часто несоотвѣтствуетъ предмету сочиненія: оно только намекаетъ на предметъ. Заглавіе Пушкина „Капитанская дочка“ неточно: здѣсь больше говорится о Гриневѣ, чѣмъ о капитанской дочкѣ. Та же неточность въ заглавіяхъ „Обрывъ“, „Дворянское гнѣздо“, „Обыкновенная исторія“, „Шинель“ и т. п. Неточность темы въ поэтическихъ произведеніяхъ зависитъ отъ того, что въ этихъ сочиненіяхъ сложные явленія жизни объясняются при посредствѣ различныхъ поэтическихъ образовъ. И нерѣдко случается такъ, что самъ авторъ придаетъ особенное значеніе какому-либо второстепенному образу или даже просто эпизоду изъ жизни героя. Въ поэмѣ „Полтава“

Полтавскій бой не есть главное содержаніе поэмы. Но Пушкинъ, питая сильную любовь къ Петру Великому, придалъ болѣе значенія Полтавской битвѣ, побѣдителемъ изъ которой вышелъ его герой, любимецъ Петръ, нежели главному сюжету своей поэмы. Въ этомъ случаѣ Пушкинъ руководился патріотическими соображеніями. Въ романѣ „Обрывъ“ Гончарова наиболѣе трагическая и потрясающая сцена связывается съ обрывомъ, хотя не въ этомъ главная суть романа, а въ особенностяхъ душевной организаціи Вѣры. Изъ этого мы видимъ, что заглавія сочиненій даются авторами по соображеніямъ патріотическимъ, моральнымъ-альтруистическимъ и т. п. Неточность темы въ поэтическихъ произведеніяхъ зависитъ также и отъ того, что очень часто въ заглавіи сочиненія отражается толкованіе авторомъ своего собственнаго сочиненія. Таковы заглавія: „Бѣдные люди“, „Горе отъ ума“, „Антонъ Горемыка“, „Обыкновенная исторія“. Этими заглавіями авторы побуждаютъ читателя мыслить такъ, какъ они сами мыслятъ о героѣ своего произведенія, или же о предметѣ сочиненія. Гончаровъ своимъ заглавіемъ „Обыкновенная исторія“ принуждаетъ читателя соглашаться съ тѣмъ, что всѣ идеально-настроенные юноши, въ родѣ племянника-Адуева, при столкновеніи съ жизнью дѣлаются такими же трезвыми дѣльцами, какъ дядя-Адуевъ, и отъ ихъ прежняго міросозерцанія будто бы ничего не остается, или даже, хуже того, остается осадокъ горечи. Стремленіе истолковать свое произведеніе въ извѣстномъ направленіи побудило Крылова одну изъ своихъ басенъ назвать „Философъ и Огородникъ“. Изъ этого заглавія видно, что симпатія Крылова не на сторонѣ философа. Эта неточность тѣхъ заглавій, въ которыхъ дается авторомъ толкованіе своему сочиненію, основывается на томъ, что одинъ и тотъ же поэтический образъ можетъ вызывать самыя разнообразныя сужденія. Такъ, Печоринъ еще при жизни самого Лермонтова, вызвалъ самыя разнообразныя заключенія въ читающей публикѣ и критикѣ. Точно также, критика не согласилась въ оцѣнкѣ Базарова, героя романа Тургенева „Отцы и дѣти“. Различно были поняты типы Адуева, Штольца и другихъ героев произведеній нашихъ образцовыхъ писателей. Часто даже одинъ и тотъ же авторъ противорѣчитъ себѣ въ пониманіи собственныхъ произведеній. Лермонтовъ былъ подъ конецъ жизни недоволенъ поэмой „Демонъ“, а Гоголь „Ревизоромъ“ и „Мертвыми душами“.

Въ прозаическихъ сочиненіяхъ не можетъ быть такой неточности въ пониманіи предмета темы, потому что проза есть обобщеніе понятій въ противоположность поэзіи, раздробляющей сложныя явленія жизни на отдѣльныя представленія, т. е. образы.

Тема, такимъ образомъ, въ прозаическихъ произведеніяхъ является синтезомъ общихъ и частныхъ мыслей.

Изъ сказаннаго становится яснымъ и то, что въ поэтическихъ произведеніяхъ не можетъ быть рѣчи о единствѣ темы. И, дѣйствительно, если мы примемъ во вниманіе заглавія различныхъ поэтическихъ произведеній, то мы увидимъ, что иногда заголовки бываютъ двойные: „Мертвыя души, или Похожденія Чичикова“; „Война и Миръ“; „Къ уму своему“ или „На хулящихъ ученіе“, или часто бываютъ общія: „Записки Пиквикскаго клуба“, „Семейная хроника“ и т. п. Часто сами авторы не даютъ себѣ отчета въ пониманіи предмета сочиненія. Гончаровъ считаетъ предметомъ своего романа „Обрывъ“ то Вѣру, то бабушку, олицетворяющую собою дореформенную Россію съ ея свѣтлыми сторонами. Въ романѣ Тургенева „Наканунъ“ самъ авторъ предметомъ своего произведенія считаетъ вопреки своему первоначальному мнѣнію третьестепеннаго героя Уара Ивановича, изображающаго черноземную силу. Критика указываетъ на раздвоенность сюжетовъ комедій Фонвизина „Бригадиръ“ и „Недоросль“, „Горе отъ ума“ Грибоѣдова, „Полтава“ Пушкина и другихъ произведеній.

Отсутствіе единства темы въ поэтическихъ произведеніяхъ происходитъ отъ того, что при раздробленіи жизни на отдѣльныя явленія и при появленіи разныхъ типовъ въ качествѣ дѣйствующихъ лицъ трудно и даже часто бываетъ невозможно указать, какое явленіе жизни, или какой типъ первенствуетъ надъ прочими явленіями, или типами, потому что нѣтъ такой мѣрки, при помощи которой можно было бы измѣрять разнородныя явленія и типы. Понятно, что не всѣ поэтическія произведенія отличаются этой раздвоенностью темы. Раздвоенность зависитъ отъ особенностей творчества писателей. Поэты съ субъективнымъ характеромъ творчества, т. е. тѣ, которые въ своихъ произведеніяхъ ярче всего изображаютъ типы, сходные и родственные по характеру съ собою, избѣгаютъ этой раздвоенности. Такъ, у Лермонтова во всѣхъ его твореніяхъ очерчивается ярче и рѣзче самъ поэтъ подъ именами Демона, Мцыри, Печорина, Арбенина; то же надо сказать и о Л. Н. Толстомъ и С. Т. Аксаковѣ. Нѣтъ раздвоенности въ пониманіи темы также и у тѣхъ объективныхъ писателей, которые пишутъ свои произведенія съ заранѣе предвзятой идеей, напр., у Григоровича, отчасти у Тургенева и т. п.

Прозаическія произведенія въ противоположность поэтическимъ непременно должны отличаться единствомъ темы, потому что прозаическія сочиненія должны все многообразіе знанія привести къ единству въ отличіе отъ поэтическихъ, стремящихся

единообразіе свести къ многообразію. Поэтому отсутствіе одной темы въ поэтическихъ сочиненіяхъ очень часто незамѣтно, и на это указываетъ критика, а въ прозѣ это отсутствіе становится очень крупнымъ недостаткомъ. Мы не можемъ даже и привести примѣра изъ прозаическихъ сочиненій, отличающихся этимъ недостаткомъ, кромѣ, развѣ, ученическихъ сочиненій. Двухъ или нѣсколькихъ темъ не можетъ быть въ прозаическомъ сочиненіи, потому что тогда вниманіе раздвоялось бы, и ни объ одномъ предметѣ мы не получили бы надлежащаго знанія. Само собой понятно, что и при единствѣ темы рѣчь должна итти о многихъ предметахъ, но такъ, что главный предметъ занимаетъ центральное положеніе, и около него группируются другіе предметы, какъ ему подчиненные. Примѣромъ этого можетъ служить любое прозаическое сочиненіе.

Предметомъ сочиненія можетъ быть любое понятіе или представленіе, если оно обозначается какимъ-либо словомъ. Предметомъ изслѣдованій могутъ быть не только знаменательныя слова, но и служебныя: союзы, предлоги и т. п. Языковѣдѣніе изучаетъ даже отдѣльные элементы слова — звуки. Такъ о значеніи йота въ общеславянскомъ языкѣ и славянскихъ нарѣчіяхъ можно написать цѣлое изслѣдованіе, да, кажется, таковое и имѣется.

Къ темѣ предъявляются два требованія: а) предметъ сочиненія долженъ отличаться важностью и б) занимательностью. Но прежде мы должны опредѣлить, что надо понимать подъ важностью. О важности и занимательности идеи сочиненія, а отсюда, и самого сочиненія можно говорить съ двухъ точекъ зрѣнія: а) можно имѣть въ виду только одну научную цѣнность той или другой идеи или предмета, и б) можно требовать изученія тѣхъ или другихъ научныхъ вопросовъ съ точки зрѣнія пригодности ихъ для практической жизни. Отсюда и самыя науки дѣлятся на теоретическія и прикладныя. Но отстаивать независимость однихъ наукъ отъ другихъ нельзя: между ними существуетъ тѣсное соприкосновеніе. Если съ точки зрѣнія интересовъ чистой науки не важно изученіе тѣхъ или другихъ вопросовъ, то оно можетъ быть важнымъ для самой жизни. Для зоологіи изученіе позвоночныхъ животныхъ интереснѣе, нежели изученіе беспозвоночныхъ, потому что позвоночныя по своему строенію сложнѣе беспозвоночныхъ. Но изученіе строенія беспозвоночныхъ животныхъ можетъ вызываться жизненной необходимостью. Возьмемъ такіе примѣры, изъ которыхъ увидимъ, что чистое знаніе соприкасается съ утилитарнымъ. Болотный комаръ является носителемъ маляріи. Такимъ образомъ, потребности жизни прину-

ждають обратить вниманіе на изученіе строенія комара. Саранча истребляет поля и луга. Борьба съ этимъ злѣйшимъ врагомъ человека также побуждаетъ изучать особенности жизни этого насѣкомаго. Но, съ другой стороны, и то теоретическое знаніе, которое возникло и возникаетъ независимо отъ утилитарныхъ потребностей, въ послѣдствіи оказывается весьма важнымъ для послѣднихъ. Въ качествѣ примѣра такого знанія укажемъ физику и химию. Но если даже руководствоваться исключительно научными соображеніями, то все равно придется отказаться отъ дѣленія знанія на важное и маловажное. Для науки вообще нѣтъ предѣла, ибо ея изученію подлежитъ міръ внѣшній и внутренній, со всѣми проявленіями, и выдѣлять одни явленія какъ важныя, а другія маловажныя нѣтъ основанія. Выбрасывать изъ науки маловажное — значитъ нарушать самую систему науки. Если изъ зоологіи выпустить ученіе о насѣкомыхъ — мухахъ, тараканахъ, клопахъ и о пресмыкающихся и гадахъ, то изъ науки исчезнетъ ея стройность, и многое изъ жизни высшихъ животныхъ не будетъ отличаться понятностью. Возьмемъ другой примѣръ. Сатира въ прежнее время считалась низшимъ поэтическимъ произведеніемъ, потому что предметъ ея — осмѣяніе аномалій въ явленіяхъ человеческой жизни, а поэтическія произведенія должны будто бы трактовать объ идеальныхъ явленіяхъ жизни и изучать только прекрасное. Но выпустить изъ курса теоріи словесности изученіе особенностей сатиры, это значитъ вмѣстѣ съ тѣмъ выпустить и все то, что связывается съ сатирой: иронию, басню, комедию, драму, потому что во всѣхъ видахъ этихъ словесныхъ произведеній имѣется сатирическій элементъ.

При рѣшеніи вопроса о важности предметовъ для сочиненія надо обратить вниманіе на другую сторону. Знаніе научное можетъ имѣть двоякій характеръ; одна часть знанія входитъ цѣликомъ въ науку, какъ часть этой науки, а потому связывается съ другими отдѣлами науки, а другая нѣкоторая часть знанія не можетъ быть включена ни въ какую науку, и это знаніе является до поры до времени разрозненнымъ, оторваннымъ. Поясимъ это на примѣрѣ. Всеобщая исторія изучаетъ жизнь тѣхъ народовъ, которые вступали между собою въ то или другое общеніе, и которые, такимъ образомъ, содѣйствовали развитію цивилизаціи и просвѣщенія. Со времени походовъ Наполеона въ Египетъ началось французами изученіе особенностей жизни и быта древняго Египта. И это изученіе особенностей исторіи Египта на первыхъ порахъ указало на такое своеобразие египетской культуры, которое исключало въ

началъ вопросъ о какой-либо связи между Египтомъ и другими народами. Изученіе исторіи Египта въ началъ было чисто запаснымъ знаніемъ, не входящимъ въ область историческаго знанія. Но болѣе детальное изученіе исторіи древней Греціи указало на то, что Микенская культура Греціи носитъ слѣды заимствованія изъ Египта, и что греческій алфавитъ тоже заимствованъ отъ египтянъ, и, такимъ образомъ, исторія Египта была связана съ исторіей Греціи и вошла въ систему Всеобщей исторіи. Изслѣдованія о скиѣхъ и ихъ культурѣ еще и до настоящаго времени имѣютъ запасное значеніе, потому что данныя археологій не опредѣлили самаго существеннаго вопроса о расѣ, къ какой принадлежали скиѣ, и о языкѣ, на которомъ они говорили. Отсюда видно, что наибольшую цѣнность имѣетъ то знаніе, которое можетъ быть включено въ систему науки.

Отъ предмета сочиненія требуется его занимательность. Это тоже требуетъ поясненія. Подъ занимательностью понимается интересность его содержанія. Но не всѣ научныя сочиненія и не для всѣхъ читателей имѣютъ интересъ. Для математика имѣютъ интересъ спеціальныя изслѣдованія, непонятныя для другихъ читателей. Интересъ сочиненія зависитъ отъ степени научной подготовки читателя къ чтенію тѣхъ или другихъ произведеній и отъ его общаго развитія. Такимъ образомъ, занимательность сочиненія—вопросъ условный. Для повара интересна поваренная книга, а образованный человѣкъ и страницы не прочтетъ изъ этой книги.

Въ виду того, что чтеніе научныхъ книгъ требуетъ особенной подготовки, въ виду этого научное знаніе часто популяризируется, т.-е. излагается примѣнительно къ пониманію читателя мало подготовленнаго въ области той или другой науки. Въ астрономіи однимъ изъ замѣчательныхъ популяризаторовъ является французъ Фламмаріонъ, въ физикѣ—англичанинъ Тиндаль. Но популяризація науки имѣетъ свои неудобства и весьма значительныя: вслѣдствіе приспособленія къ пониманію читателя изъ науки часто выпускается самое важное—доказательства и сообщаются одни выводы, да и то не всѣ. Научность въ популяризаціи понимается потому, что система одной науки связывается съ системами другихъ наукъ. Знаніе астрономіи обусловливается знаніемъ всѣхъ математическихъ наукъ, знаніе терапіи—знаніемъ всей медицины и т. п.

§ 102. ИДЕЯ СОЧИНЕНІЯ.

Слово идея—греческое; *eidos* значитъ видъ, образъ. Это слово въ научную литературу впервые введено греческимъ философомъ Платономъ, ученикомъ Сократа, который думалъ, что всякой вещи во внѣшней природѣ соотвѣтствуетъ видъ ея, сущность этого предмета въ родѣ души, которая, однако, недоступна для чувственного воспріятія, и о которой у насъ можетъ быть трансцендентное, философское знаніе. Мнѣніе Платона объ идеѣ подверглось многимъ переработкамъ въ теченіе разныхъ вѣковъ. Для уясненія идеи, какъ главной мысли сочиненія, мы скажемъ нѣсколько словъ объ идеѣ предмета вообще. Чувственное знаніе о предметѣ съ его свойствами и дѣятельностями не даетъ полнаго и законченнаго о немъ знанія, потому что ассоціаціи этихъ свойствъ и дѣятельностей, полученные чрезъ посредство ощущеній, могутъ разрушиться. Если мы не знаемъ назначенія какой-либо вещи, напр., машины, то какъ бы детально мы ни изучали ее, знаніе это не будетъ яснымъ. Только въ томъ случаѣ знаніе о предметѣ будетъ устойчивымъ, когда мы знаемъ назначеніе этого предмета; знаемъ, какую цѣль долженъ осуществлять тотъ или другой предметъ. Если мы изъ наблюденій надъ колеснымъ экипажемъ сдѣлали тотъ выводъ, что экипажъ этотъ имѣетъ своимъ назначеніемъ передвиженіе людей при помощи силы лошади по такимъ дорогамъ, которыя не покрыты снѣгомъ, то мы, вмѣстѣ съ тѣмъ, поймемъ, почему эти экипажи имѣютъ колеса, почему колеса высокія, почему устраиваются рессоры, подножки и т. п. Въ этомъ случаѣ, а также и во всѣхъ другихъ знаніе о свойствахъ предметовъ будетъ ассоціировано съ знаніемъ о той цѣли, которую осуществляетъ предметъ, и, поэтому, ассоціаціи между свойствами и дѣятельностями предмета не разрушатся до тѣхъ поръ, пока не исчезнетъ знаніе о назначеніи предмета. Такимъ образомъ, подъ именемъ идеи предмета надо понимать знаніе о цѣли, осуществляемой предметомъ. Изъ сказаннаго легко сдѣлать также и тотъ выводъ, что идея предмета не дается посредствомъ чувственного воспріятія предмета: ее нужно выводить на основаніи изученія этихъ самыхъ свойствъ предмета посредствомъ субъективныхъ законовъ мышленія. Изъ сказаннаго объ идеѣ вообще нетрудно замѣтить, что идея предмета опредѣляется объединеніемъ и сгруппированіемъ признаковъ предмета около одного наиболѣе характернаго, являющагося для всѣхъ другихъ основаніемъ, которое, однако, само по себѣ не дано въ предметѣ и опытѣ, а познается посредствомъ умозрѣнія. Отсюда дѣлаемъ такой выводъ относи-

только идеи сочиненія: идей сочиненія о какомъ-либо предметѣ называется главная мысль, полученная послѣ предварительнаго изученія предмета со всѣми его свойствами и дѣятельностями, а потому объясняющая и раскрывающая всѣ другія мысли о томъ же предметѣ, опирающіяся на эту главную мысль, какъ на свое основаніе.

Между идей сочиненія и темой существуетъ слѣдующее отношеніе. Тема, какъ подлежащее сочиненія есть нѣчто искомое, неизвѣстное и поэтому нуждающееся въ раскрытіи и объясненіи. Уясняться природа каждаго подлежащаго можетъ только при посредствѣ сказуемаго, или предиката. Но сказуемое, взятое отдѣльно отъ своего подлежащаго, не составляетъ сужденія, или мысли, потому что можно утверждать и отрицать что-либо только *о чемъ-либо*. Если идея есть мысль, то по тому самому она должна быть сужденіемъ, потому что мысль можетъ проявляться только въ сужденіи.

Сужденія раздѣляются по своей логической природѣ на истинныя и ложныя. Но такъ какъ знаніе о внѣшнемъ мірѣ и о самихъ себѣ получается при посредствѣ истинныхъ, или достовѣрныхъ (общезначимыхъ) сужденій, то и основная идея сочиненія должна быть истинною. Но это есть идеальное требованіе для сочиненія. Въ дѣйствительности же, какъ показываетъ исторія отдѣльныхъ наукъ, къ истинѣ человѣчество приходило путемъ ложныхъ мыслей и сужденій. Астрономія, одна изъ точнѣйшихъ математическихъ наукъ, возникла изъ астрологіи, имѣвшей своимъ предметомъ предсказаніе отдѣльнымъ людямъ и цѣлымъ государствамъ судьбы по звѣздамъ, планетамъ и кометамъ. Изъ средневѣковой алхиміи, задававшей цѣлью отыскать жизненный эликсиръ, при посредствѣ котораго можно было бы жить вѣчно, возникла другая точная наука—химія. Исторія въ прежнее время сводилась къ передачѣ баснословныхъ разсказовъ и анекдотовъ о правителяхъ и полководцахъ. Казалось бы, изъ ложныхъ положеній никогда нельзя вывести истины. И это дѣйствительно такъ. Но дѣло въ томъ, что наряду съ однимъ положеніемъ ложнымъ, но которое принималось за истину, возникало другое положеніе о томъ же предметѣ, тоже претендующее на свою истинность, но ложное. И оба эти положенія при сопоставленіи ихъ между собою находились въ противорѣчьи, а это побуждало и побуждаетъ мысль къ болѣе тщательному и всестороннему изученію предмета. Такъ, въ древности у грековъ господствовало убѣжденіе въ томъ, что земля неподвижна, а подвижны всѣ другія свѣтила. Дальше, у тѣхъ же грековъ (Анаксимандръ) появилось ученіе о томъ, что земля подвижна, и что она есть доска, плавающая въ водѣ

Птоломей снова возвратился къ мысли о неподвижности земли на томъ основаніи, что она будто бы является центромъ, около котораго вращаются солнце, луна и всѣ свѣтила. Положеніе Птолемея, ложное само по себѣ, уже глубже рѣшаетъ этотъ вопросъ, и черезъ это Птоломей содѣйствовалъ еще болѣе основательному изученію этого предмета. Коперникъ и Ньютонъ чрезъ опроверженіе мыслей своихъ предшественниковъ доказали, что земля вращается около солнца по закону всемірнаго тяготѣнія. Ложныя положенія въ наукѣ существуютъ очень долго. Еще въ недавнее время въ физикѣ считалось истиннымъ ученіе о томъ, что въ основѣ теплоты лежитъ теплородъ, невѣсомая жидкость. Очень часто ложныя положенія тормозятъ движеніе науки. Ложное положеніе, господствовавшее до Торичелли о томъ, что вода въ насосѣ поднимается потому, что природа боится пустоты, видимостью своей научности отвлекало мысль отъ рѣшенія дальнѣйшихъ вопросовъ, связанныхъ съ вопросомъ объ атмосферномъ давленіи. Мнѣніе, принимавшееся да и сейчасъ принимаемое учебниками словесности о томъ, что поэтическія произведенія изображаютъ вымышленный и находящійся въ противорѣчій съ дѣйствительнымъ міръ, точно также противодѣйствовало научному пониманію природы поэтическихъ произведеній. Но иногда ложныя положенія, несмотря на то, что доказана ихъ ложность, принимаются наукою въ качествѣ такихъ положеній, которыя очень удобны для изложенія предмета этой науки. Въ космографіи принято завѣдомо ложное положеніе о томъ, что земля неподвижна и есть центръ міра, и что около нея вращаются звѣзды. Въ психологіи принято ложное ученіе о раздѣльномъ существованіи ума, сердца и воли.

Въ предшествующемъ параграфѣ мы говорили о томъ, что прозаическія произведенія должны отличаться единствомъ темы. Въ соотвѣтствіи съ этимъ мы должны сказать также и то, что въ прозаическихъ сочиненіяхъ идея должна быть единою, т.-е. къ подлежащему можетъ быть приписанъ только одинъ предикатъ, потому что проза все многообразіе знанія должна приводить къ единообразію, во всемъ сложномъ проза, т.-е. наука, должна находить единство. Въ поэтическихъ произведеніяхъ этого единства идеи можетъ и не быть, потому что, какъ мы видѣли, въ этихъ произведеніяхъ возможно допущеніе нѣсколькихъ темъ. Чѣмъ же объясняется эта противоположность между прозой и поэзіей, т.-е. почему въ поэтическихъ произведеніяхъ возможно отсутствіе единства идеи? Поэтическія произведенія, какъ мы сказали ранѣе, раздробляютъ жизнь на многообразныя и различныя между собою явленія. Оговоримся прежде всего насчетъ содержанія поэтическихъ произведеній для того, чтобы раз-

виваемыя мысли были понятны. Поэтическія произведенія своимъ матеріаломъ имѣютъ исключительно явленія человѣческой жизни во всѣхъ ея проявленіяхъ; даже тѣ поэтическія произведенія, въ которыхъ изображается міръ внѣшней природы, не составляютъ изъ этого исключенія: внѣшняя природа въ этихъ произведеніяхъ (Лермонтова, Гоголя, Пушкина и др.) очеловѣчивается, одушевляется, проходя черезъ призму поэтической настроенности автора; въ этихъ произведеніяхъ отражается тоже жизнь человѣка, создателя этихъ твореній. Пояснимъ теперь, въ чемъ состоитъ эта сложность проявленій человѣческой жизни. Уже отдѣльный человѣкъ, несмотря на свое сходство съ другими индивидуумами, имѣетъ свое особенное душевное содержаніе, проявляющееся въ томъ или другомъ міровоззрѣніи, въ тѣхъ или другихъ стремленіяхъ, чувствованіяхъ, поступкахъ, дѣятельностяхъ и т. п. Но этотъ отдѣльный человѣкъ не живетъ замкнутой, изолированной жизнью: онъ сталкивается съ другими людьми, съ семьей, обществомъ и т. п.; поэтому сталкиваются различные интересы различныхъ людей. Съ большимъ развитіемъ жизни жизнь, такимъ образомъ, все болѣе и болѣе осложняется. А интересы въ жизни людей бываютъ умственные, нравственные, религіозные, экономическіе, политическіе, общественные и т. п. Обыкновенный наблюдатель жизни слабо реагируетъ на эти интересы; жизнь проходитъ мимо его, слабо волнуя его сознаніе или даже совсѣмъ не волнуя. Жизнь вслѣдствіе повседневности этихъ явленій кажется настолько обычною и обыденною, что она ему кажется однообразною. Поэтъ, наблюдатель жизни, вслѣдствіе большаго совершенства своей душевной организаціи видитъ и сознаетъ гораздо больше другихъ людей и отзывается на эти явленія жизни своими поэтическими созданіями. Какъ же поэтъ отзывается на эти явленія? Ученые сообразно своей специальности тоже изслѣдуютъ явленія жизни. Но между поэтомъ и учеными людьми существуетъ громадное различіе. Прежде всего, ученые люди чаще всего изслѣдуютъ одну сторону жизни: политико-экономъ—условія хозяйственной жизни государства, содѣйствующія или не содѣйствующія благосостоянію отдѣльнаго человѣка; финансистъ—денежное состояніе государства въ зависимости отъ промышленности, торговли, земледѣлія; моралистъ—состояніе общества въ нравственномъ отношеніи съ причинами, содѣйствующими упадку нравственности или же подъему ея. Разумѣется, бываютъ отдѣльные геніальные ученые, компетентные въ самыхъ разнообразныхъ отрасляхъ знанія, но подобныя личности очень рѣдки, да они часто вмѣстѣ и поэты. Поэты изображаютъ различныя стороны жизни съ самыми раз-

нообразными ея проявленіями. Григоровичъ, писатель второстепенный въ сравненіи съ такими, какъ Достоевскій, Тургеневъ, Л. Толстой, и поэтому болѣе узкій, въ своихъ произведеніяхъ изображаетъ жизнь помѣщиковъ, крестьянъ, фабричныхъ рабочихъ, чиновниковъ разнообразныхъ служебныхъ положеній, акробатовъ, бродягъ, нищихъ и т. п. Не говоримъ уже о классическихъ писателяхъ. Другое, еще болѣе важное различіе, касается обработки матеріала ученымъ и поэтомъ. Ученый, если даже и наблюдаетъ явленія жизни съ точки зрѣнія своей специальности, то затѣмъ, чтобы на основаніи этого матеріала сдѣлать тѣ или другіе выводы. Факты для ученаго служатъ только матеріаломъ. А этотъ матеріалъ долженъ быть такъ или иначе объясненъ, поставленъ въ ту или другую причинную связь, приведенъ въ стройную систему и т. п. Въ поэтическихъ произведеніяхъ самые факты являются содержаніемъ. Поэтъ, разумѣется, тоже дѣлаетъ тѣ или другіе выводы, такъ или иначе подбираетъ факты, но вся эта работа у поэта происходитъ за кулисами, она не видна читателю; послѣдній можетъ только догадываться о ней. Между тѣмъ, у ученаго оцѣнка фактовъ и всѣ другія мыслительныя операціи, связанныя съ фактами, должны быть непосредственно видны читателю. Въ виду того, что въ поэтическихъ произведеніяхъ факты жизни являются содержаніемъ ихъ, что это содержаніе отличается разнообразіемъ, въ виду всего этого изъ поэтического произведенія возможно выводить разныя идеи, и значить поэтическое произведеніе не будетъ отличаться единствомъ идеи. Въ качествѣ простѣйшаго примѣра возьмемъ басню Крылова „Философъ и Огородникъ“ и разберемъ ее со стороны идеи. Самъ Крыловъ изъ этой басни выводитъ слѣдующую идею: для практической жизни наука не только бесполезна, но даже и вредна. Но изъ той же басни можно вывести и другія идеи: 1) теорія безъ практики непригодна; 2) плохой теоретикъ оказывается въ жизни и плохимъ практикомъ; 3) успѣхъ дѣла зависитъ часто отъ мелочей; 4) въ погонѣ за большимъ потеряешь малое. Если разборъ басни, простого произведенія по своему сюжету, допускаетъ разнообразные и противорѣчивые выводы, то тѣмъ болѣе такіе противорѣчивые и разнообразные выводы идеи возможны при оцѣнкѣ произведеній, отличающихся сложностью. И, дѣйствительно, исторія критики даетъ этому очень яркіе примѣры. Произведенія классическихъ писателей вызывали въ критикѣ самые ожесточенные споры. При разборѣ сочиненія Сервантеса „Донкихотъ“ одни указывали на то, что фанатики идеи—люди для жизни бесполезные; другіе утверждали что безъ такихъ фанатиковъ жизнь человѣчества была бы безцѣльною, без-

смысленною, что высшіе идеалы жизни только и осуществляются этими людьми.

Если поэтическія произведенія допускають разнообразныя и противорѣчивыя толкованія, то не лучше ли не дѣлать изъ нихъ никакого вывода, а изучать эти произведенія, имѣя въ виду только ихъ эстетическую цѣнность? Нѣтъ. Разборъ этихъ произведеній со стороны идеи ихъ обязателенъ уже по одному тому, что каждое, а въ особенности крупное поэтическое произведеніе, возбуждаетъ въ насъ пытливость. Послѣ прочтенія произведенія самъ собою напрашивается вопросъ: что авторъ хотѣлъ сказать этимъ своимъ созданіемъ? Не удовлетворять этому чувству пытливости, это значить задерживать свое умственное развитіе. Разнообразие и противорѣчивость отвѣтовъ не должны служить препятствіемъ къ уясненію идеи поэтическихъ произведеній, потому что поэтическія произведенія въ этомъ случаѣ ничѣмъ не отличаются отъ того чувственно-опытнаго матеріала, на которомъ строится каждая точная наука. Въ самомъ дѣлѣ, изъ одного и того же чувственного матеріала строятся разныя науки: физика, химія, гігіена оперируютъ надъ однимъ матеріаломъ, но даютъ разные выводы. Правда, эти выводы не исключаютъ другъ друга, не противорѣчатъ. Но не всегда и изъ поэтическихъ произведеній получаются выводы несовмѣстные. Въ точныхъ наукахъ потому возможны точные выводы, что къ нимъ по простотѣ ихъ содержанія приложимы математическіе методы. Но такъ какъ въ поэтическихъ произведеніяхъ предметомъ ихъ служить человѣкъ, существо свободное въ своей дѣятельности и въ высшей степени сложное по своей душевной организаціи, то математическій методъ къ критикѣ художественныхъ произведеній непримѣнимъ. Что касается этой противорѣчивости отзывовъ о художественныхъ произведеніяхъ, то надо замѣтить, что эта противорѣчивость для поэтическаго произведенія—явленіе временное. Разнородные отзывы появляются по выходѣ этихъ произведеній, какъ результатъ неглубокаго знакомства съ предметомъ. Съ теченіемъ времени эти разнорѣчія сглаживаются, и въ исторіи литературы, какъ и въ прочихъ гуманитарныхъ наукахъ, устанавливаются свои положенія. И въ этомъ случаѣ поэтическія произведенія раздѣляютъ одинаковую судьбу со всѣми крупными научными открытіями. Противъ вновь появляющихся медицинскихъ средствъ идутъ часто ожесточенные споры, и въ результатѣ ихъ уясняется только та или иная цѣнность этого открытія.

§ 103. СОДЕРЖАНІЕ СОЧИНЕНІЯ И ТРЕБОВАНІЯ, ПРЕДЪЯВЛЯЕМЫЯ КЪ НЕМУ.

Содержаніемъ сочиненія называется совокупность всѣхъ мыслей, раскрывающихъ идею сочиненія. Грамматически всѣ эти мысли выражаются въ формѣ различныхъ предложеній и періодовъ. Изъ этого опредѣленія содержанія видно, что оно должно отличаться единствомъ, т.е. всѣ мысли должны сводиться къ идеѣ сочиненія, какъ къ своему источнику. Стало-быть, тѣ мысли, которыя не поясняютъ идеи и не имѣютъ отношенія къ ней, будутъ лишни, и онѣ не должны входить въ составъ сочиненія для того, чтобы не затемнять главной мысли и не измѣнять русла сочиненія. Но такъ какъ второстепенныя мысли, разъясняющія идею, очень часто нуждаются въ поясненіи, и такъ какъ безъ этого поясненія не будетъ надлежащимъ образомъ понято сочиненіе, то эти, такъ называемыя, эпизодическія мысли входятъ не въ самый текстъ сочиненія, а помѣщаются внѣ его, въ качествѣ примѣчаній. Такими примѣчаніями Кантемиръ снабдилъ свои сатиры, Пушкинъ „Исторію Пугачевского бунта“. Очень часто эти примѣчанія имѣютъ большую научную цѣнность. Таковы примѣчанія Татищева къ „Россійской Исторіи“ и Карамзина къ „Исторіи Государства Россійскаго“. Единство содержанія, это—необходимое качество каждаго прозаическаго сочиненія, и оно основывается на единствѣ идеи.

Но такъ какъ поэтическія произведенія могутъ не отличаться единствомъ идеи, о чемъ мы сказали ранѣе, то единство содержанія для поэтическихъ сочиненій надо понимать въ условномъ смыслѣ. Это единство содержанія для указанныхъ произведеній будетъ находиться въ зависимости отъ той идеи, которая выведена нами вслѣдствіе разбора произведенія. Поясимъ это на примѣрѣ. Если мы изъ разбора „Полтавы“ Пушкина выведемъ идею о томъ, что преступная любовь Маріи къ Мазепѣ причинила ей страданія, то въ качествѣ мыслей, не относящихся къ раскрытію этой идеи, надо отнести третью часть поэмы, въ которой говорится о битвѣ Карла съ Петромъ. Если же идеей этого произведенія признать мысль о прославленіи Петра, какъ великодушнаго монарха и геніальнаго полководца, то эпизодическими будутъ разсказъ о любви Маріи къ Мазепѣ, о допросѣ Орликомъ Кочубея, о посѣщеніи матерью Маріи въ дворцѣ Кочубея и т. п. Если идеей „Бригадира“ Фонвизина считать осмѣяніе недостатковъ поверхностнаго воспитанія и образованія на иностранный ладъ, то осмѣяніе другихъ темныхъ сторонъ тогдашняго общества—легкости нра-

вовъ взяточничества, самодурства—также не будутъ ввязаться съ единствомъ содержанія.

Очень часто въ поэтическихъ произведеніяхъ: романахъ, повѣстяхъ, разсказахъ и т. п. встрѣчаются, такъ называемыя, лирическія отступленія. Этихъ лирическихъ отступленій много у Пушкина, Гоголя, Щедрина, Г. Успенскаго и т. п. Въ качествѣ примѣра этихъ отступленій укажемъ изъ „Мертвыхъ душъ“ мысли о русскомъ словѣ, о птицѣ-тройкѣ, о значеніи поэзіи писателя, изображающаго темныя стороны жизни и т. п. Лирическія отступленія отличаются отъ эпизодическихъ сюжетовъ тѣмъ, что въ этихъ отступленіяхъ поэты высказываютъ свои чувства и впечатлѣнія по поводу рассказываемыхъ ими явленій изъ жизни. Очень часто, вмѣстѣ съ тѣмъ, поэты этими отступленіями оцѣниваютъ то или другое изображаемое ими явленіе. Такимъ характеромъ эти отступленія отличаются у поэтовъ публицистовъ (Щедрина, Г. Успенскаго и др.). Лирическія отступленія въ русской литературѣ появились, благодаря вліянію англійской. Такихъ отступленій очень много у Байрона, усвоившаго эти отступленія отъ сентименталистовъ.

Другое требованіе, предъявляемое къ содержанію сочиненія, относится къ истинности его мыслей, входящихъ въ составъ сочиненія. Это требованіе относится одинаково какъ къ поэтическимъ, такъ и прозаическимъ произведеніямъ. Истинность второстепенныхъ мыслей въ прозаическихъ произведеніяхъ зависитъ отъ истинности главной мысли. Но это требуетъ оговорки. Несмотря на истинность главной мысли, нѣкоторыя второстепенныя мысли могутъ быть и ложными. Истинными мысли могутъ быть только въ томъ случаѣ, когда онѣ, составляя часть общей мысли, выводятся изъ содержанія этой мысли путемъ дѣленія ея, или путемъ опредѣленія понятій, входящихъ въ составъ общей мысли при условіи, если дѣленіе понятій и опредѣленіе ихъ совершалось правильно. Такъ, изъ понятія квадратъ вытекаютъ слѣдующія его свойства: четыре равныя и по-парно параллельныя линіи, четыре равныя и прямые угла. Изъ понятія четвероногое животное вытекаетъ, что оно млекопитающее, производящее живыхъ дѣтенышей, дышащее легкими, имѣющее теплую кровь; въ понятіи рыба заключается то, что она плаваетъ въ водѣ, мечетъ икру, имѣетъ холодную кровь. Но такія выводныя непосредственно очевидныя сужденія свойственны только аналитическимъ сужденіямъ. Но сочиненіе не можетъ состоять изъ однихъ аналитическихъ сужденій; оно тогда отличалось бы бѣдностью содержанія и не расширяло бы знанія, не создавало бы новыхъ понятій, а только разъясняло бы имѣющіяся старыя. Знаніе же расширяетъ

ся только отъ сочетанія между собою различныхъ понятій; а это свойственно только синтетическимъ сужденіямъ. А эти синтетическія сужденія не заключаются въ общей мысли, подобно аналитическимъ. Синтетическія сужденія нуждаются въ томъ или другомъ опосредствованіи. Если это опосредствованіе не совершено или совершено путемъ ложныхъ положеній, то при истинности основной идеи второстепенныя мысли могутъ быть ложными. Поясимъ это на примѣрахъ. Мысль о томъ, что Грибоѣдовъ раздѣлялъ ложноклассическіе взгляды на комедію—правильна; но если мы изъ этого сдѣлаемъ выводы, что Чацкій резонеръ, и что Грибоѣдовъ своей комедіей хотѣлъ доказать, по примѣру ложноклассиковъ, что добродѣтель торжествуетъ, а порокъ наказывается, то эти выводы будутъ ложны. Возьмемъ другой примѣръ. Гоголь былъ послѣдователемъ нѣмецкаго романтизма во вкусѣ Гофмана, и если мы сдѣлаемъ отсюда тотъ выводъ, что и въ „Мертвыхъ душахъ“ отразилось это вліяніе, то мы скажемъ неправду. Съ другой стороны, при ложности основной мысли второстепенныя мысли, раскрывающія главную мысль, могутъ быть истинны. Мысль о томъ, что всѣ душевныя явленія обусловливаются тѣми или другими функціями нервовъ и мозгового вещества, ложная; но мысли о локализациі тѣхъ или другихъ душевныхъ явленій въ тѣхъ или другихъ центрахъ головного и спинного мозговъ—мысли правильныя. Мысль о томъ, что для развитія таланта Достоевскаго каторга оказала благотѣльное вліяніе, что будто бы на каторгѣ укрѣпился его талантъ—ложная мысль, но выводы изъ нея о большихъ симпатіяхъ къ страждущему человѣчеству, къ униженнымъ и оскорбленнымъ, выводы правильныя. По характеру своего содержанія прозаическія сочиненія состоятъ изъ сужденій непосредственно очевидныхъ, сводящихся къ чувственнымъ воспріятіямъ, или къ апріорнымъ сужденіямъ, аксіомамъ, о чемъ у насъ будетъ идти рѣчь далѣе, и изъ сужденій, не заключающихъ въ себѣ этой непосредственной очевидности и нуждающихся въ доказательствахъ. Понятно, что въ научныхъ, т. е. прозаическихъ сочиненіяхъ всѣ сужденія, сводящіяся къ чувственнымъ воспріятіямъ, т. е. сужденія описательныя и повѣствовательныя, не могутъ быть ложными. Ни въ одномъ сочиненіи не будетъ говорить ни одинъ авторъ о существованіи одноглазыхъ людей, циклоповъ, о крылатомъ конѣ-пегасѣ, о русалкахъ, упыряхъ и т. п. Фактический матеріалъ при современномъ состояніи наукъ не можетъ быть ложнымъ. Но фактический матеріалъ въ прозѣ является только исходнымъ пунктомъ, на который наука опирается, какъ на послышки при выводѣ тѣхъ или другихъ положеній. Ошибки чаще всего и возможны бы-

вають въ этихъ выводахъ, т.-е. въ пользованіи этимъ фактическимъ матеріаломъ. Мы сказали, что и поэтическія произведенія должны отличаться истинностью второстепенныхъ мыслей и это вотъ почему. Сужденія, составляющія содержаніе поэтическихъ произведеній, должны быть или истинны или ложны, потому что еще какихъ-либо сужденій и не истинныхъ, и не ложныхъ нѣтъ. Но ложныя сужденія не могутъ служить предметомъ содержанія какихъ бы то ни было и, разумѣется, поэтическихъ произведеній, потому что въ природѣ человѣка глубоко заложено стремленіе къ истинѣ, и даже ложныя сужденія, и все ложное знаніе, которое когда-либо раздѣлялось, признавалось безусловно истиннымъ знаніемъ до тѣхъ поръ, пока оно не было опровергнуто. А такъ какъ содержаніе поэтическихъ произведеній не можетъ быть ложнымъ, то, по логическому закону *tertium non datur*, оно должно быть истиннымъ. Въ виду того, что въ поэтическихъ произведеніяхъ не всегда возможно объединить все содержаніе при посредствѣ одной идеи, а чаще всего возможно объединеніе какого-либо ряда явленій изображаемой въ произведеніи жизни, а для другихъ рядовъ надо находить другія объединяющія мысли, то предполагаемую общую идею и нельзя во всѣхъ случаяхъ примѣнять въ качествѣ мѣрки для истинности второстепенныхъ мыслей. А такъ какъ содержаніемъ поэтическихъ произведеній являются факты жизни, какъ они наблюдаются самимъ поэтомъ, то эти сужденія не могутъ быть и опосредствованы, т.-е. выведены изъ тѣхъ или другихъ посылокъ путемъ умозаключеній. Истинность этихъ сужденій должна покоиться на ихъ очевидности и на согласіи въ томъ, что изображенные въ произведеніяхъ факты жизни не противорѣчатъ наблюденію и опыту другихъ людей.

Но, повидимому, нашему положенію объ общезначимости поэтическихъ произведеній противорѣчитъ неправдоподобный вымыселъ, составляющій существенную принадлежность многихъ видовъ поэтическихъ произведеній, какъ-то: сказокъ, былинъ, басенъ и т. п. Мы и перейдемъ къ уясненію этого вопроса. Поэтическія произведенія по характеру общезначимости содержанія можно раздѣлить на два разряда: въ однихъ все содержаніе претендуетъ на истинность, а въ другихъ эта истинность заключена въ своего рода оболочку. Къ первымъ относятся бытовые историческіе романы, такія же драмы и комедіи. Ко вторымъ можно причислить басни и всѣ аллегорическіе рассказы. Что бытовые и историческіе романы, а также и всѣ подобныя имъ произведенія, должны отличаться истинностью, въ этомъ не можетъ быть сомнѣнія уже по одному тому, что не только критика, но и вообще всякій заурядный читатель, цѣняя наиболѣе такія произведе-

пія, которыя отличаются своей правдивостью. Поэтому всякая выдуманность въ произведеніи, всякая искусственность ослабляютъ значеніе поэтического произведенія. Стародумы, Правдины, Милоны, какъ головныя созданія, не имѣющія для себя основанія въ тогдашней дѣйствительности, не привлекали особаго вниманія ни со стороны публики, ни со стороны критики. Пушкинъ прославился не „Русланомъ и Людмилой“ и Гоголь не „Носомъ“, а тѣми произведеніями, въ которыхъ наивѣрнѣе отразилась современная этимъ поэтамъ жизнь. Григоровичу ставится въ упрекъ не то, что онъ намѣренно искажаетъ народную жизнь (этого у него нѣтъ), а то, что онъ ее идеализируетъ. Критика ставить въ вину писателю не только фальшь, но и всякое преувеличеніе. Типы, изображенные Гоголемъ въ его „Ревизорѣ“, въ основѣ своей вѣрны, но нѣкоторые факты изъ жизни этихъ типовъ присочинены.

Но поэтическія произведенія отличаются и тѣмъ свойствомъ, что они способны терять свою значимость. Это зависитъ отъ того, что въ большинствѣ случаевъ поэтическія произведенія имѣютъ связь съ тѣмъ временемъ, въ которое они появились: они отражаютъ въ себѣ міровоззрѣніе, стремленія и чувства людей, находившихся въ иныхъ условіяхъ жизни, чѣмъ мы. Поэтому многія произведенія становятся для насъ непонятными. Не только произведенія римскихъ и греческихъ классиковъ трудно теперь читать безъ комментаріевъ, но даже и средневѣковыя, напр., „Божественную комедію“ Данте. Болѣе того, произведенія второй половины XVIII вѣка въ настоящее время теряютъ свою значимость. Съ точки зрѣнія нашего времени Иванушка въ комедіи Фонвизина „Бригадиръ“ является лицомъ какъ будто выдуманнымъ, потому что такую наглую циничность въ трактованіи разныхъ вопросовъ морали трудно предположить въ наше время. Невѣроятны съ точки зрѣнія теперешней жизни также и всѣ отрицательные типы комедіи Капниста „Ябеда“, невѣроятны они въ своей откровенности насчетъ взяточничества. Но однако же Иванушка, Праволовъ, Хватайко и т. п. типы въ прежнее время существовали. Даже произведенія Щедрина, писателя близкаго къ нашему времени, теряютъ свою значимость. Если мы теперь отодвинемся въ глубь вѣковъ, къ тому времени, когда составлялись самыя раннія произведенія—сказки, былины, пѣсни и т. п., то мы должны согласиться съ тѣмъ, что условія той отдаленной жизни, въ которую составлялись этого рода произведенія, отличались весьма существенно отъ условій теперешней жизни. Хотя наука и старается возстановить эти условія, но нельзя ручаться за то, что это возстановленіе будетъ полнымъ и точнымъ. А безъ

этого полного и точного восстановления нельзя ручаться и за правильное пониманіе этихъ поэтическихъ произведеній. Поэтическія произведенія свою значимость теряютъ постепенно. Объясняется это тѣмъ, что произведенія, какъ результатъ извѣстной цивилизаціи и культуры, доступны для пониманія только въ то время, когда они созданы. Съ измѣненіемъ же культуры и цивилизаціи измѣняется вмѣстѣ съ тѣмъ и пониманіе этого произведенія. Но такъ какъ перемѣны эти совершаются очень медленно, и человѣчество постепенно освобождается отъ прежде выработавшихся формъ жизни, то постепенно измѣняется и пониманіе поэтическаго произведенія, но измѣняется такъ, что послѣ смѣны отжившихъ формъ жизни становится неяснымъ весь смыслъ тѣхъ частей содержанія, которыя были связаны съ отжившими условіями жизни. Такъ какъ поэтическія произведенія раздѣляются на устные и письменныя, и такъ какъ письменныя произведенія закрѣпляются при помощи письма и печати, то текстъ письменныхъ произведеній, хотя онъ и потерялъ свою значимость, продолжаетъ сохраняться, а это даетъ возможность при болѣе детальномъ изученіи литературы возстановить до нѣкоторой степени значимость произведенія. Потеря значимости письменнаго произведенія отражается на судьбѣ дальнѣйшихъ произведеній литературы. Произведенія, теряющія свою значимость, все же оказываютъ свое вліяніе на послѣдующія литературныя произведенія: появляются новыя произведенія съ заимствованнымъ, но искаженнымъ содержаніемъ. „Слово о плѣку Игоревѣ“, памятникъ XII вѣка, сдѣлалось не вполне понятнымъ для автора „Задонщины“ (XV в.), и поэтому въ послѣднемъ мы видимъ искаженіе перваго. Въ этомъ памятникѣ мы видимъ искаженіе словъ: „баянъ“ передѣлано въ „бояринъ“, „вѣщій“—„въ вѣнчаннаго гудца“, „шеломенемъ“—„Соломономъ“. Но при этомъ подражаніи часто искажаются не только отдѣльныя слова и мысли, но даже и идеи. Ложноклассическія произведенія до неузнаваемости исказили типы греческихъ героевъ, придавши этимъ послѣднимъ или черты средневѣковыхъ рыцарей, или особенности, свойственныя придворнымъ Людовика XIV. Отъ этихъ подражаній надо отличать передѣлки прежнихъ произведеній. Сюжетъ произведенія видоизмѣняется въ связи съ особенностями другой жизни и культуры. Индійская легенда о Сакья-Муни (Буддѣ) подъ вліяніемъ особенностей древнерусской жизни передѣлана въ духовный стихъ о Варлаамѣ и Іоасафѣ. Энеида Вергилія перелицована Котляревскимъ въ поэму изъ малороссійской жизни. Исторія произведеній устной словесности, теряющихъ свою значимость, отличается отъ исторіи литературныхъ произведеній. Такъ какъ

текстъ устныхъ произведеній не закрѣпляется письменно, и такъ какъ значимость произведенія теряется постепенно, то постепенно, сообразно съ измѣняющимися условіями жизни, искажается и измѣняется все содержаніе произведенія. Сказки вначалѣ своего созданія имѣли значимость, но въ связи съ измѣненіемъ формъ жизни и измѣненіемъ міросозерцанія подъ вліяніемъ принятія христіанства первоначальный сюжетъ сказки сталъ затемняться, и сказка изъ міеологическаго сказанія о богахъ и силахъ природы, превратившись въ складку, сдѣлалась плодомъ свободной фантазіи.

Теперь мы должны сказать о тѣхъ произведеніяхъ, значимость которыхъ скрывается за поэтическимъ образомъ. Къ такимъ произведеніямъ мы причислили всѣ аллегорическія во главѣ съ басней. Въ настоящее время никто не можетъ признавать значимости за аллегорическимъ образомъ. Никто не повѣритъ тому, что лисица, ворона и бездушные предметы природы способны передавать въ словесной формѣ свои мысли и чувствованія. Но при анимистическомъ міросозерцаніи, о чемъ нами было сказано ранѣе, человѣкъ вѣрилъ и былъ убѣжденъ въ томъ, что и всѣ предметы одушевленной и неодушевленной природы имѣютъ ту же душевную организацію, что и онъ самъ. Значить для первобытнаго человѣка аллегоріи не было. За этими видами поэтическихъ произведеній или, вѣрнѣе, за этими образами надо признать мнимую значимость. Аллегорическая форма этихъ произведеній остается какъ пережитокъ давней старины. Если поэтическіе образы не имѣютъ значимости сами по себѣ, то значимость скрывается за образами. Аллегорическіе образы въ настоящее время имѣютъ значеніе средствъ, при помощи которыхъ выражаются мысли поэта. Неаллегорическіе образы сами по себѣ служатъ не только средствомъ, но и главнымъ образомъ цѣлью; поэтъ создаетъ тотъ или другой неаллегорическій образъ прежде всего не потому, что онъ видитъ въ немъ средство для раскрытія тѣхъ или другихъ мыслей, а потому что его интересуетъ самый образъ, который и служить ему цѣлью. Такъ какъ аллегорическіе образы служатъ поэту средствомъ для раскрытія той или другой мысли, то эти образы должны отличаться простотой. И, дѣйствительно, смыслъ басни доступенъ для читателя даже въ дѣтскомъ возрастѣ. Въ басняхъ, напримѣръ, вмѣсто людей выводятся въ качествѣ дѣйствующихъ лицъ животныя потому, что природа животныхъ проще и прямолинейнѣе, чѣмъ сложная душевная организація человѣка. Въ тѣхъ случаяхъ, когда въ аллегорическихъ произведеніяхъ выводится человѣкъ, то онъ

настолько упрощается, что кажется похожимъ на карикатуру. Таковы герои у Щедрина.

Такимъ образомъ, какъ результатъ того, что мы сказали о значимости поэтическихъ произведеній, вытекаетъ тотъ выводъ, что значимость ихъ бываетъ безусловная и условная. Безусловной значимостью отличаются тѣ произведенія, которыя изображаютъ возможный міръ, не противорѣчащій нашимъ представленіямъ о немъ. Произведенія, потерявшія свою значимость, сказки, легенды, былины и т. п., имѣютъ тоже безусловную значимость, но уже историческую. По этимъ произведеніямъ мы возстановляемъ міросозерцаніе человѣка той или другой эпохи. Аллегорическія произведенія имѣютъ условную значимость. Но отсюда не слѣдуетъ, что изъ аллегорическихъ образовъ мы должны дѣлать тѣ или другіе выводы, какъ изъ основаній (это приложимо и къ тѣмъ и другимъ образамъ); это значить только то, что на мѣсто аллегорическаго подлежащаго или сказуемаго надо поставить значимое подлежащее или сказуемое: вмѣсто лисы—хитраго человѣка, вмѣсто осла—глупаго и т. п.

§ 104. МАТЕРІАЛЪ, ВХОДЯЩІЙ ВЪ СОСТАВЪ СОДЕРЖАНІЯ.

Такъ какъ всѣ предметы, доступные нашему пониманію, воспринимаются нами въ пространствѣ и времени, и такъ какъ пространство и время очень часто неразрывно между собою связаны, то почти въ каждое сочиненіе въ той или другой мѣрѣ входитъ матеріалъ описательный и повѣствовательный. Описательный матеріалъ въ каждое сочиненіе входитъ постольку, поскольку въ каждомъ предметѣ имѣются свойства, отличающіяся своею неизмѣняемостью. Такъ при описаніи какого-либо металла въ качествѣ неизмѣняющихся свойствъ надо привести ихъ ковкость, теплопроводность, электропроводность, блескъ и т. п. Въ описаніи животнаго—строеніе тѣхъ или другихъ частей организма, особенности его жизни и т. п. Въ тѣхъ случаяхъ, когда предметъ проявляетъ различныя дѣятельности, взаимно смѣняющіяся, или когда свойства и качества предмета измѣняются, во всѣхъ этихъ случаяхъ получается матеріалъ повѣствовательный. Такъ какъ въ каждомъ предметѣ имѣются неизмѣняющіяся свойства и измѣняющіяся качества и дѣйствія, то трудно найти такое сочиненіе, которое состояло бы сплошь изъ одного повѣствованія или описанія. Въ сочиненіи Аксакова „Лебедь“, преимущественно

описательномъ, имѣются эти оба элемента. Къ неизмѣняемымъ свойствамъ лебедя надо отнести его бѣлизну, прозрачныя небольшіе глаза, черный носъ, черныя лапы, длинную и гибкую шею. Дальше у Аксакова описываются разныя дѣятельности лебедя: пѣть, купается, охарашивается, распускаетъ крыло по воздуху. Эти дѣятельности смѣняются постепенно, слѣдовательно описаніе ихъ относится къ повѣствованію или, вѣрнѣе, въ самомъ *описаніи* ихъ заключается повѣствованіе. Такъ какъ описаніе и повѣствованіе опираются на ощущенія (чувственные воспріятія), и такъ какъ описательный и повѣствовательный матеріалъ даютъ образы предметовъ, то этотъ описательно-повѣствовательный матеріалъ можно назвать поэтическимъ матеріаломъ сочиненія. Этотъ матеріалъ въ разной мѣрѣ входитъ въ составъ каждаго сочиненія поэтическаго и прозаическаго. Тотъ матеріалъ, который доставляется нашему сознанію при помощи чувственного опыта, и изъ котораго образуются представленія, не остается неизмѣннымъ. Онъ перерабатывается нашимъ мышленіемъ согласно логическимъ законамъ, и въ этой переработкѣ этотъ матеріалъ получаетъ другое содержаніе: онъ не соотвѣтствуетъ той дѣйствительности, на которую онъ опирается. Понятіе о предметѣ не соотвѣтствуетъ тѣмъ представленіямъ, изъ которыхъ оно образовалось, потому что понятіе по своему объему шире представленія и уже по своему содержанію. Сужденіемъ о какомъ-либо предметѣ познается только тотъ признакъ или та дѣятельность, на которую указываетъ предикатъ, и поэтому всѣ другіе возможные предикаты въ этомъ подлежащемъ не мыслятся. Установленіе между явленіями причинной связи есть также субъективный процессъ нашего мышленія, потому что причина въ опытѣ не дана. Этотъ переработанный матеріалъ при посредствѣ субъективныхъ законовъ мышленія входитъ также въ составъ каждаго сочиненія, будетъ ли онъ поэтическимъ или прозаическимъ, безразлично, но входитъ онъ въ разную мѣру въ тѣ и другія произведенія. Этотъ матеріалъ можно назвать философскимъ или прозаическимъ. Классификація его будетъ дана въ теоріи прозы. Разсматривая произведеніе Аксакова „Лебедь“ со стороны прозаическаго матеріала, мы находимъ его въ самомъ началѣ и концѣ. То, что лебедь есть царь водяной, или водоплавающей птицы, есть выводъ изъ дальнѣйшаго содержанія сочиненія, слѣдовательно это относится къ прозѣ. Такимъ же выводомъ является и заключеніе о лебедѣ, что „все живописно и великолѣпно въ немъ“.

Анализируя содержаніе любого сочиненія прозаическаго или поэтическаго, мы замѣчаемъ, что матеріалъ не исчерпываетъ всего содержанія о предметѣ. Сравнивая „Лѣсъ“ Аксакова и „Лѣсъ“

Кольцова, мы находимъ разный матеріаль. У Аксакова послѣ опредѣленія краснотѣ и чернотѣ говорится въ отдѣльности о красотѣ разныхъ породъ чернотѣ: березы, липы, клена, дуба, осины; о тонкости и частотѣ молодого лѣса; о старомъ или темномъ лѣсѣ и о трупахъ лѣсныхъ великановъ; о таинственности густого лѣса; о пѣвчихъ птицахъ и травахъ; о животныхъ и бѣлкахъ-летягахъ, и, наконецъ, о томъ впечатлѣніи, которое производитъ на автора рубка лѣса. У Кольцова другой матеріаль. Лѣсъ затуманился и потерялъ осенью свою листву; пѣніе соловья не раздается; друзья и недруги отсутствуютъ; лѣсъ замолкъ и не вступаетъ въ битву съ бурей; и осилили его не сильные, а осень черная дорѣзала. Заключение сочиненія Аксакова „Лѣсъ“ можно разсматривать какъ отдѣльное сочиненіе о рубкѣ лѣса. На эту тему имѣются, кромѣ того, сочиненія у Л. Н. Толстого „Смерть дерева“ изъ разсказа „Три смерти“ и у Некрасова „Рубка лѣса“ изъ поэмы „Саша“. И во всѣхъ этихъ сочиненіяхъ также разный матеріаль. Отчего же это зависитъ? Прежде всего отъ несовершенства нашего знанія и отъ несовершенства наблюденія надъ явленіями виѣшняго и внутренняго міра. Въ каждомъ сочиненіи, не исключая и классическихъ, критика указываетъ на то, что матеріаль не весь использованъ авторомъ. Такъ, Тургеневу ставилось въ вину, что онъ въ „Дворянскомъ гнѣздѣ“ нарисовалъ только одинъ уголокъ этого гнѣзда. Пушкина упрекали за то, что кавказскій плѣнникъ очерченъ очень блѣдно, что о предшествующей жизни героя до плѣна ничего не сказано, и вся фигура вышла неясною. Карамзинъ въ „Исторіи Государства Россійскаго“, увлекшись разсказомъ о политической исторіи, позабылъ о томъ народѣ, который дѣлаетъ исторію. Другая причина неполноты матеріала, входящаго въ содержаніе сочиненія, зависитъ отъ точки зрѣнія автора на предметъ, или, что одно и то же, отъ той руководящей идеи, которая положена въ качествѣ основной мысли. Аксаковъ, избравши основной мыслью о лѣсѣ мысль о его красотѣ, понятно, не могъ говорить о значеніи лѣса для промышленности и торговли, не могъ съ точки зрѣнія ботаника классифицировать лѣсныя породы и т. п. Но въ предѣлахъ руководящей идеи матеріаль долженъ быть исчерпанъ съ надлежащей полнотой. Полнота содержанія сочиненія зависитъ отъ изученія предмета со стороны его признаковъ, свойствъ и дѣятельностей. Ручательствомъ того, что предметъ изслѣдованъ всесторонне, служитъ группировка возможныхъ признаковъ около одного какого-либо основнаго съ той или съ другой точки зрѣнія, о чемъ нами было сказано ранѣе. Такъ какъ при посредствѣ индивидуальнаго опыта и наблюденія, а также и индивидуальнаго мышленія невозможно съ

достаточной полнотой и основательностью. Изучить природу того или другого предмета, то авторъ долженъ пользоваться опытомъ, наблюденіемъ и знаніемъ другихъ людей, а для этого надо изучать изслѣдованія и сочиненія по этому предмету. Сочиненіе, въ которомъ предметъ изученъ съ опущеніемъ въ немъ признаковъ существенныхъ или второстепенныхъ, называется неполнымъ. Если въ сочиненіи раскрыты одни какіе-либо признаки и не сказано о другихъ, такое сочиненіе слѣдуетъ назвать одностороннимъ. Такъ, Карамзинъ односторонне изобразилъ Іоанна III, надѣливъ его исключительно положительными чертами и умолчавши объ отрицательныхъ—о нерѣшительности, трусости и т. п. Съ такою же односторонностью Курбскій разсказалъ въ своей исторіи о жизни Іоанна Грознаго. Сочиненіе, въ которомъ смѣшиваются существенные или основные признаки съ производными и случайными, и въ которомъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, мысли не отличаются силой доказательности, называется поверхностнымъ. Такова записка Пушкина о воспитаніи юношества и Тургенева объ освобожденіи крестьянъ отъ крѣпостной зависимости.

Выборъ матеріала, а поэтому и полнота зависятъ отъ того или другого міросозерцанія и настроенія автора. Это относится, главнымъ образомъ, къ поэтическимъ произведеніямъ, отличающимся отъ прозаическихъ большей субъективностью. Аксаковъ вслѣдствіе своего благодушнаго отношенія къ явленіямъ жизни въ „Семейной хроникѣ“ съ большей любовью останавливается на свѣтлыхъ сторонахъ жизни, и о звѣрствѣ Куролесова говоритъ поэтому мало. Гоголь подмѣчаетъ и осмѣиваетъ отрицательныя стороны жизни, поэтому у него нѣтъ такихъ положительныхъ типовъ, какъ у Тургенева. Некрасовъ и Григоровичъ сообразно съ особенностями своего міросозерцанія останавливаются съ большей полнотой на изображеніи свѣтлыхъ сторонъ жизни простого народа и сатирически относятся къ явленіямъ изъ жизни современнаго имъ интеллигентнаго общества.

§ 105. ИЗЛОЖЕНІЕ СОЧИНЕНІЯ.

Изложеніемъ сочиненія называется распредѣленіе мыслей въ той или другой связи. Связь мыслей есть необходимое условіе понятности сочиненія. Если мысли не связаны между собою, не вытекаютъ одна изъ другой, то эти мысли невозможно и запомнить. Связь между мыслями зависитъ отъ содержанія сочиненія. Если предметъ изученъ основательно и во всѣхъ деталяхъ, то тѣмъ самымъ опредѣляется та или другая послѣдовательность въ раскрытіи мыслей. Связь въ изложеніи мыслей можетъ обу-

словливаться естественной (реальной) связью между представленіями, основывающейся на ассоціаціях смежности и послѣдовательности, или логическою связью между понятіями. Реальная связь между представленіями покоится на такой же связи между предметами. Предметы ви́шняго міра познаются нами или въ пространствѣ, или во времени. Отсюда между предметами существуетъ или пространственная связь, или временная. Въ сочиненіи Л. Толстого „Классная комната“ мысли связаны по закону ассоціаціи смежности, т.е. порядокъ мыслей опредѣляется пространственною связью между предметами, описываемыми въ этомъ сочиненіи. Сначала Толстой описываетъ лѣвую отъ двери стѣну съ полочками для книгъ и книги дѣтскія учебныя и Карла Ивановича, учителя; на другой стѣнѣ повѣшены ландкарты, подклеенныя Карломъ Ивановичемъ; на третьей стѣнѣ дверь и по сторонамъ ея линейки и доска и налѣво отъ доски уголъ, въ которомъ ставили дѣтей на колѣни за проступки; въ срединѣ комнаты столъ съ табуретами и на послѣдней стѣнѣ окна и видъ изъ этихъ оконъ. Въ сочиненіи Карамзина „Битва на Куликовскомъ полѣ“ связь между мыслями временная, или хронологическая. Сначала здѣсь описываются событія, предшествовавшія битвѣ, потомъ самая битва и, наконецъ, ея послѣдствія. Изъ этого нетрудно понять, что содержаніе сочиненія располагается по естественному порядку между предметами и явленіями въ тѣхъ случаяхъ, когда матеріаломъ сочиненія служатъ данныя чувственного опыта. Такимъ образомъ, эта связь должна имѣть мѣсто, главнымъ образомъ, въ поэтическихъ произведеніяхъ и въ тѣхъ прозаическихъ, въ которыхъ описательно-повѣствовательный матеріалъ преобладаетъ надъ разсудочнымъ. Въ научныхъ сочиненіяхъ или собственно прозаическихъ порядокъ мыслей опредѣляется логическою связью между понятіями. Логическая связь устанавливается при посредствѣ главной мысли, т.е. идеи сочиненія. Идею сочиненія, выражаемую предложеніемъ, составляетъ сочетаніе двухъ понятій: подлежащаго и сказуемаго. И изъ этихъ двухъ понятій, входящихъ въ идею, уясняется или подлежащее или сказуемое. Если сказуемое идеи ясно и не требуетъ раскрытія, тогда должно раскрываться подлежащее. А такъ какъ сказуемымъ выражается всегда признакъ подлежащаго, то подлежащее раскрывается не со стороны своихъ признаковъ, или содержанія, а со стороны объема. Оно раздробляется на частныя понятія по логическому закону дѣлимости понятія, и по отношенію къ другому не раздѣленному понятію, сказуемому, эти раздробленныя понятія становятся подлежащимъ на мѣсто не раздробленнаго. Этотъ порядокъ раскрытія мыслей свойственъ

тѣмъ сочиненіямъ, въ которыхъ видъ требуется подвести подъ тотъ или другой родъ и наоборотъ. Такъ, въ сочиненіи Аксакова „Лѣсъ“ идея этого сочиненія о томъ, что лѣсъ краса природы, уясняется чрезъ раскрытіе самаго понятія лѣсъ: красивы все отдѣльныя породы чернолѣся, красивъ молодой лѣсъ, красивъ старый лѣсъ, красотѣ лѣса содѣйствуютъ и его обитатели. Если въ сочиненіи должно уясняться сказуемое идеи, то въ виду того, что сказуемымъ опредѣляется содержаніе подлежащаго и раскрываются его признаки, то въ виду этого долженъ раскрываться не объемъ понятія, а его содержаніе. Такъ, въ сочиненіи Карамзина „О любви къ отечеству“ подлежащее этой идеи—любовь дано, какъ нѣчто извѣстное, не нуждающееся въ раскрытіи, а сказуемое къ нему—*физическая, нравственная и политическая* любовь требуетъ своего раскрытія. Въ сочиненіи Аксакова „Лебедь“ идея выражена сужденіемъ: „лебедь есть царь водоплавающей птицы“. Въ этой идеѣ требуется раскрыть ея сказуемое, т.-е. дать отвѣтъ на вопросъ, почему лебедь *есть царь водоплавающей птицы*. Дѣленіемъ объема подлежащаго, какъ болѣе общаго понятія, на менѣе общія, на частныя понятія, а точно также и дѣленіемъ сказуемаго со стороны его содержанія, опредѣляется количество частей сочиненія; эти части можно назвать отдѣлами сочиненія. Въ монографіяхъ и другихъ сочиненіяхъ, наиболѣе значительныхъ по объему эти отдѣлы называются главами, и онѣ часто носятъ отдѣльныя заголовки. Отдѣлы состоятъ изъ общихъ положеній и частныхъ мыслей, входящихъ въ эти положенія. Общія положенія могутъ или 1) предшествовать частнымъ, или 2) слѣдовать за ними. Въ первомъ случаѣ изложеніе называется синтетическимъ и во второмъ—аналитическимъ. „Днѣпръ“ Кузнецова составленъ по синтетическому методу изложенія, а „Лѣсъ“ Аксакова по аналитическому. Впрочемъ, эти методы не исключаютъ одинъ другого: они могутъ примѣняться въ одномъ и томъ же сочиненіи. Къ этимъ отдѣламъ, или главамъ, предъявляются свои требованія. Главнѣйшее изъ нихъ состоитъ въ томъ, что между этими отдѣлами должна быть соразмѣрность. Это значитъ, во-первыхъ, что раскрытію второстепенныхъ мыслей должно быть отведено меньше вниманія, чѣмъ раскрытію главныхъ. У Аксакова въ сочиненіи „Лѣсъ“ о травахъ и обитателяхъ лѣса говорится меньше, чѣмъ о самомъ лѣсѣ. Во вторыхъ, второстепенныя мысли, согласно своему значенію, въ сочиненіи должны занимать соответствующее мѣсто. Карамзинъ объ окрестностяхъ Рейнскаго водопада говоритъ въ самомъ концѣ сочиненія. Это требованіе соразмѣрности между частями сочиненія предъявляется въ особенности къ прозаическимъ сочиненіямъ. Но въ

поэтических произведеніяхъ эта соразмѣрность между частями не всегда соблюдается. Въ „Преступленіи и Наказаніи“ Достоевскаго о преступленіи Раскольникова говорится гораздо меньше, чѣмъ о послѣдствіяхъ этого преступленія. Въ трагедіи Софокла „Царь Эдипъ“ о тѣхъ преступленіяхъ, за которыя Эдипъ былъ подвергнутъ карѣ со стороны рока, мы узнаемъ не изъ дѣйствія, а изъ разсказа дѣйствующихъ лицъ. Значитъ, въ этой трагедіи совсѣмъ отсутствуетъ та часть, на которую опирается все дальнѣйшее дѣйствіе.

§ 106. ПЛАНЪ СОЧИНЕНІЯ.

Отъ изложенія сочиненія надо отличать планъ. Изложеніе сочиненія есть раскрытіе всѣхъ мыслей, входящихъ въ составъ сочиненія общихъ и частныхъ при посредствѣ такой или другой связи между этими мыслями, обусловливаемой дѣленіемъ объема подлежащаго или содержанія сказуемаго. Планъ сочиненія состоитъ въ обобщеніи мыслей, входящихъ въ содержаніе сочиненія. Поэтому планъ сочиненія есть, вмѣстѣ съ тѣмъ, группировка мыслей около какихъ-либо общихъ положеній. Для изложенія сочиненія характерна связь мыслей между собою; въ планѣ эта связь не видна. „Рейнскій водопадъ“ Жуковскаго раздѣляется на двѣ части, или на два пункта: 1) видъ водопада спереди и 2) видъ сзади, со стороны галлерей. Изъ плана не видно, почему Жуковскій разсматриваетъ водопадъ именно съ этихъ двухъ сторонъ, а не съ трехъ, какъ Карамзинъ. Изъ изложенія мы увидимъ, что спереди водопадъ не представляетъ ничего разительнаго, и для того, чтобы видѣть въ немъ величественное явленіе природы надо смотрѣть на него съ галлерей. Въ планѣ сочиненія можно замѣтить двѣ стороны: а) отвлеченіе отъ содержанія и б) возвращеніе къ этому содержанію. Все содержаніе сочиненія первоначально упрощается до нѣсколькихъ общихъ пунктовъ путемъ обобщенія мыслей. Эти обобщенныя мысли затѣмъ раздробляются на частныя мысли. Такъ, общіе пункты, выведенные нами изъ анализа „Рейнскаго водопада“ Жуковскаго можно раздробить слѣдующимъ образомъ: I. Видъ водопада спереди: А) водопадъ—высокій водяной уступъ; В) тихо идущая къ уступу вода; С) зрительное впечатлѣніе отъ водопада. II. Видъ водопада съ галлерей: А) водопадъ при солнечномъ освѣщеніи; В) безъ солнечнаго. Значитъ, въ каждомъ планѣ предполагаются общіе пункты и частныя, выведенныя изъ этихъ пунктовъ. Къ плану могутъ быть предъявляемы свои требованія, относящіяся къ обобщенію мыслей и къ ихъ раздробленію. Общіе пункты

должны отличаться одинаковой равноцѣнностью, т.-е. частный пунктъ не долженъ стоять на мѣстѣ обобщеннаго, другими словами: всѣ общіе пункты должны отличаться одинаковой общностью. Если бы въ качествѣ общихъ пунктовъ сочиненія Гоголя „Днѣпръ“ мы бы выдѣлили: I. Днѣпръ днемъ при тихой погодѣ, II. Отраженіе звѣздъ въ Днѣпрѣ, III. Днѣпръ во время бури, то I и III и II пункты не отличались бы одинаковой общностью: II пунктъ это есть частный пунктъ своего общаго пункта: Днѣпръ ночью. При раздробленіи общаго пункта на частные надо помнить, что общій пунктъ есть цѣлое, состоящее изъ нѣсколькихъ частей, и что части этого цѣлаго аналогичны слагаемому; и что какъ сумма не можетъ равняться одному слагаемому, такъ и общій пунктъ не можетъ состоять изъ одного частнаго. Если мы въ первомъ общемъ пунктѣ плана „Рейнскій водопадъ“ Жуковского „Видъ водопада спереди“ укажемъ только одну часть: „водопадъ—высокій водяной уступъ“, то въ этомъ случаѣ эта часть будетъ или замаскированнымъ общимъ пунктомъ, или же, если признаемъ это за частный пунктъ, то должны одѣлать тотъ абсурдный выводъ, что часть равна цѣлому. При раздробленіи общихъ пунктовъ требуется также, чтобы частные пункты исчерпывали все содержаніе общаго пункта. Изъ всего сказаннаго нами о планѣ вытекаетъ и еще правило. Въ планѣ, т.-е. въ его общихъ и частныхъ пунктахъ, должно отражаться все содержаніе сочиненія, и что онъ не долженъ быть ни больше ни меньше самого сочиненія, а долженъ равняться ему. Надлежаще составленный планъ съ соблюденіемъ указанныхъ правилъ помогаетъ яснѣе усвоить все содержаніе сочиненія и, вмѣстѣ съ тѣмъ, разобраться въ этомъ сочиненіи послѣ его прочтенія. Для того, чтобы планъ соотвѣтствовалъ содержанію сочиненія, для этого при составленіи нужно давать себѣ отчетъ въ содержаніи общаго и частныхъ пунктовъ, входящихъ въ него. Для этой цѣли полезно прежде выраженія мыслей въ письменной формѣ разсказать для себя изустно содержаніе каждаго пункта плана. При этомъ условіи пункты, отличающіеся безсодержательностью или неопредѣленностью содержанія, сами собой отпадутъ и останутся только тѣ, въ содержаніи которыхъ авторъ даетъ себѣ отчетъ. Такъ, если бы планъ предполагаемаго сочиненія на тему „Описаніе ярмарки въ деревнѣ“ состоялъ изъ пунктовъ: 1) Ярмарка, 2) Разгаръ ярмарки, 3) Конецъ ярмарки, то эти пункты были бы составлены неудачно, потому что въ первомъ пунктѣ повторяется тема, второй пунктъ чересчуръ общій и поэтому подлежитъ раздробленію вслѣдствіе неопредѣленности. Но и оставшіеся пункты плана нужно оцѣнить при посредствѣ

темы или идеи. Если въ планъ сочиненія „Описаніе лѣса“ войдетъ описаніе поля и луга, то хотя авторъ и даетъ отчетъ въ содержаніи пунктовъ, относящихся къ лугу и полю, но долженъ эти пункты опустить изъ своего сочиненія, потому что предметомъ сочиненія должно быть описаніе лѣса. Предварительный пересказъ содержанія имѣетъ еще важное значеніе и въ томъ отношеніи, что онъ предупредитъ повторяемость однихъ и тѣхъ же пунктовъ, вошедшихъ въ планъ вслѣдствіе неправильнаго дѣленія подлежащаго или сказуемаго идеи. Неправильность дѣленія состоитъ въ томъ, что подлежащее или сказуемое идеи раздѣлены не съ одной точки зрѣнія, какъ должно бы быть, а съ двухъ или нѣсколькихъ, и это дѣленіе будетъ перекрещивающимся. Если сочиненіе „Отрицательныя стороны въ характерѣ Печорина“ будетъ состоять изъ пунктовъ: 1) Перевѣсъ ума въ Печоринѣ надъ сердцемъ, 2) Эгоизмъ въ характерѣ Печорина, 3) Сила воли, 4) Разочарованность его, 5) Презрительное отношеніе къ окружающимъ лицамъ, 6) Его жестокость къ нимъ, 7) Нечестныя отношенія къ Бѣлѣ, Вѣрѣ, кн. Мэри, 8) Недостатокъ мужества, то легко замѣтить, что здѣсь въ основу дѣленія темы приняты двѣ точки зрѣнія. Первые четыре пункта явились въ планѣ *вслѣдствіе анализа душевныхъ свойствъ Печорина, а послѣдніе четыре—вслѣдствіе анализа отношенія Печорина къ окружающимъ лицамъ*. При выполненіи этого плана сочиненіе должно отличаться повтореніемъ мыслей, потому что послѣдніе четыре пункта должны войти въ разные пункты содержанія первыхъ четырехъ, и мысли будутъ перекрещиваться. При составленіи плана нужно также избѣгать дробности дѣленія темы на слишкомъ большое количество общихъ пунктовъ, потому что въ этомъ случаѣ трудно удержать въ памяти планъ сочиненія. Эта дробность часто указываетъ также на искусственность дѣленія, не соответствующую логической природѣ того или другого понятія. Въмѣсто того общій пунктъ нужно раздроблять на частные, а частные, въ свою очередь, на еще болѣе частные.

Высказывается иногда мнѣніе о томъ, что заранѣе составленный планъ стѣсняетъ работу автора, что мысль будто бы сковывается рамками плана, и что это отражается на достоинствѣ содержанія сочиненія. Мнѣніе это навѣрно. Планъ составляется не въ началѣ сочиненія, потому что онъ не есть первый актъ мысли, а послѣдній. Самымъ первымъ актомъ надо считать обдумываніе содержанія сочиненія, т.-е. приведеніе въ извѣстность всѣхъ тѣхъ мыслей, которыя должны составить самое содержаніе. Послѣ того, какъ этотъ матеріалъ уяснится, работа мысли устремляется на обобщеніе этого матеріала и затѣмъ на его

раздробленіе. Понятно, что при воплощеніи мыслей въ ихъ словесную форму возможно возникновеніе новыхъ мыслей, не предусмотрѣнныхъ во время обдумыванія сочиненія и предварительнаго составленія плана, но это нисколько не препятствуетъ тому, чтобы эти мысли обобщить и внести въ планъ и даже измѣнить весь первоначальный планъ работы, потому что въ этой работѣ надъ своимъ планомъ заключается ручательство цѣнности содержанія сочиненія.

Въ виду того важнаго значенія, какое планъ имѣетъ для содержанія и изложенія сочиненія, въ виду этого еще въ средніе вѣка выработалась общая схема плана. Эта схема плана выработана была только для одного вида прозаическихъ сочиненій—разсужденія, но ее можно примѣнить ко всѣмъ видамъ прозы. Сочиненіе, согласно этой общей схемѣ, дѣлится на пять частей: 1) вступленіе, *exordium*, 2) предложеніе, *propositio*, 3) раздѣленіе, *partitio*, 4) изложеніе, *expositio*, 5) заключеніе, *conclusio*. Во вступленіи говорится что-либо по поводу намѣченной темы, указывается, напр., или важность темы, или связь ея съ другими отдѣлами знанія, или недостаточная разработанность темы и т. п. Во вступленіи авторъ старается возбудить у читателя интересъ къ темѣ сочиненія. Если сочиненіе въ его цѣломъ сравнивать съ планомъ архитектурной постройки, то вступленіе можно сравнить съ крыльцомъ въ эту постройку. Въ разсужденіи Карамзина „О счастливѣйшемъ времени жизни“ такимъ вступленіемъ надо считать разборъ мнѣній о томъ же предметѣ, высказанныхъ разными писателями и учеными. Вступленіемъ въ описаніи Гоголя „Дорога“ служатъ слова: „Какое странное, и манищее, и несущее, и чудесное въ словѣ дорога“. Въ предложеніи указываются или тема сочиненія или его идея. Въ сочиненіи Аксакова „Лѣсъ“ предложеніе выясняется изъ слѣдующихъ словъ: „Я сказалъ о водѣ, что она краса природы; почти то же можно сказать о лѣсѣ“. Раздѣленіемъ указываются части сочиненія, намѣчается его планъ. Въ описаніи Кузнецова „Дибирь“ раздѣленіе выражено въ слѣдующихъ словахъ: „Теченіе его можно раздѣлить на три части: верхнее, среднее и нижнее“. Предложеніе и раздѣленіе должны быть выражены какъ можно короче и яснѣе для того, чтобы легче было слѣдить за дальнѣйшимъ развитіемъ темы. Изложеніе есть главная часть сочиненія. Въ немъ приводятся всѣ фактическія данныя, подтверждаемыя различнаго рода доказательствами, примѣрами, дѣлаются соотвѣтствующіе выводы; словомъ, въ изложеніи развивается все то, что должно быть дано въ раздѣленіи. Заключеніе даетъ или общій выводъ изъ всего того, что сказано въ изложеніи, или въ немъ

резюмируется, т.-е. вкратцѣ приводится содержаніе сочиненія. Заключеніемъ сочиненія Аксакова „Лѣсъ“ слѣдуетъ считать мысли о смерти дерева, причиняемой топоромъ хищника-дровосѣка. Всѣ части сочиненія, указанныя нами, должны слѣдовать въ томъ самомъ порядкѣ, въ которомъ о нихъ сказано выше, потому что этотъ порядокъ опредѣляется самой природой сочиненія.

Подвергая разбору различныя словесныя произведенія, мы можемъ замѣтить, что эта общая схема плана не выдерживается во многихъ сочиненіяхъ. Приступъ, или вступленіе, а также и заключеніе очень часто отсутствуютъ въ разнаго рода сочиненіяхъ. Никакого приступа и заключенія нѣтъ въ „Днѣпрѣ“ Кузнецова и Гоголя, „Рейнскомъ водопадѣ“ Карамзина и Жуковского. Это и понятно почему. Эти части не имѣютъ непосредственной связи съ темой сочиненія, онѣ не входятъ въ нее, а потому безъ нихъ возможно и обойтись. Такъ какъ вступленіе и заключеніе не входятъ въ составъ темы, то отдѣлы, составляющіе эти части сочиненія, должны быть выражены наивозможно короче, въ противномъ случаѣ сочиненіе не будетъ отличаться стройностью и соразмѣрностью. Предложеніе, хотя и важнѣе указанныхъ частей, но все же и оно часто отсутствуетъ. Но это не значитъ, что предложеніе не входитъ въ произведеніе, а значитъ только то, что оно не выражено въ словесной формѣ. Идея произведенія, если только оно прозаическое, должна проникать весь составъ сочиненія. Раздѣленіе такъ же, какъ и предложеніе, тоже можетъ быть не выражено, но если есть въ сочиненіи планъ, то это обозначаетъ, что авторъ при составленіи сочиненія руководился этимъ невыраженнымъ въ словесной формѣ раздѣленіемъ. Иногда раздѣленіе совпадаетъ съ предложеніемъ; напр., у Карамзина начало его разсужденія „О любви къ отечеству и народной гордости“: „любовь бываетъ физическая, нравственная и политическая“—вмѣстѣ и предложеніе и раздѣленіе. Изложеніе есть главная часть сочиненія и потому необходимая. Поэтому полнота и основательность изложенія суть существенныя свойства этой главной части сочиненія.

§ 107. ТРЕБОВАНІЯ, ПРЕДЪЯВЛЯЕМЫЯ КЪ ИЗЛОЖЕНІЮ И ПЛАНУ СОЧИНЕНІЯ.

Кромѣ тѣхъ требованій, предъявляемыхъ отдѣльно къ изложенію и плану, о которыхъ у насъ уже сказано, имѣются и другія, которыя могутъ быть уяснены только послѣ изученія того, что такое изложеніе и планъ.

Сочиненіе должно отличаться послѣдовательностью мыслей. Это значитъ, что ходъ развитія мыслей долженъ сообразоваться и слѣдовать за выработаннымъ планомъ. Пояснимъ эту мысль и выразимъ ее другими словами. Послѣдовательность мыслей состоитъ въ томъ, что рядъ мыслей, составляющій отдѣлъ сочиненія, примыкаетъ къ другому отдѣлу на основаніи ассоціаціи смежности и послѣдовательности въ описательно-повѣствовательныхъ сочиненіяхъ и на основаніи логической природы предмета въ научныхъ, или въ собственномъ смыслѣ прозаическихъ сочиненіяхъ. Такъ, Кузнецовъ въ своемъ описаніи „Днѣпръ“ сначала говоритъ о верхнемъ теченіи Днѣпра, потомъ о среднемъ и, наконецъ, о нижнемъ. Въ историческихъ и поэтическихъ сочиненіяхъ сначала говорится о предшествующихъ фактахъ и событіяхъ, а потомъ о послѣдующихъ. Въ прозаическихъ произведеніяхъ (разсужденіяхъ) послѣдовательность должна опираться на дѣленіе подлежащаго или сказуемаго идеи, а если это дѣленіе выражено въ раздѣленіи, какъ у Карамзина въ разсужденіи „О любви къ отечеству“, то изложеніе должно держаться этого раздѣленія. Требованіе послѣдовательности отличается такой простотой своего выполненія, что уклоненія отъ него возможны развѣ только въ ученическихъ сочиненіяхъ. При описаніи дома трудно себѣ представить, чтобы сначала описывался второй этажъ, затѣмъ надворныя постройки, потомъ третій этажъ, крыша, первый, четвертый этажи и пр.

Нарушеніе послѣдовательности мыслей замѣчается не въ этой спутанности отдѣловъ сочиненія. Очень часто авторы возвращаются въ своихъ сочиненіяхъ къ тому, что было ими сказано ранѣе о томъ или другомъ предметѣ мысли. Отсюда, этого рода сочиненіямъ свойственны такъ называемыя повторенія, а черезъ это происходитъ нарушеніе послѣдовательности въ изложеніи мыслей, потому что отдѣлы сочиненія уже не стоятъ на томъ мѣстѣ, какое для нихъ указано планомъ. Недостатокъ этотъ свойствененъ и поэтическимъ и прозаическимъ произведеніямъ. Объясняется онъ тѣмъ, что авторъ вслѣдствіе недостаточной разработки того или другого вопроса потомъ возвращается къ тому же самому предмету для большаго его уясненія. Поводомъ для этого возвращенія можетъ служить какая-нибудь случайная ассоціація между двумя предметами мысли. Повторенія могутъ зависѣть и отъ увлеченія какимъ-либо предметомъ мысли. Повтореніе одной и той же мысли можетъ быть не замѣчено авторомъ, въ особенности въ тѣхъ случаяхъ, когда одна и та же мысль выражена въ разной словесной формѣ. Повтореніе однихъ и тѣхъ же мыслей свойственно авторамъ и про-

заическихъ и поэтическихъ произведеній. Обычны повторенія въ романахъ Достоевскаго, напр., въ „Бѣсахъ“, „Униженныхъ и Оскорбленныхъ“, вслѣдствіе чего эти романы утомительны для чтенія. Тотъ же недостатокъ замѣтенъ въ „Дѣтскихъ годахъ Багрова-внука“ Аксакова, гдѣ авторъ по нѣскольку разъ говоритъ о томъ, какъ семья Багрова обѣдала; о томъ, какъ Сережа удиль рыбу и т. п.

Послѣдовательности изложенія вредятъ также отступленія отъ плана, т.-е. внесеніе въ содержаніе сочиненія такихъ предметовъ мысли, которые не имѣютъ непосредственной связи съ темой. Эти отступленія, хотя и могутъ пояснять и расширять знаніе, но только не о тѣхъ предметахъ, которые входятъ въ составъ темы. Вслѣдствіе отступленій у читателя разрывается ассоціативная связь между отдѣлами сочиненія, и поэтому трудно слѣдить за развитіемъ сюжета или содержанія. Такія отступленія обычны у Гоголя въ его „Мертвыхъ душахъ“. Къ числу такихъ отступленій, кромѣ тѣхъ, которыя нами указаны ранѣе, надо отнести повѣсть о Капитанѣ Копейкинѣ; въ „Дворянскомъ гнѣздѣ“ Тургенева отступленіемъ отъ сюжета вызванъ типъ Лемма.

Послѣдовательность теченія мыслей нарушается также пропусками какого-либо разряда мыслей, обусловливаемыми неполнотою дѣленія подлежащаго или сказуемаго идеи. Такъ, если бы въ какомъ-либо произведеніи послѣ разсказа о дѣтскихъ годахъ героя дальше пошла бы рѣчь о жизни въ зрѣломъ возрастѣ или старости, то такое сочиненіе отличалось бы непослѣдовательностью изложенія, оно походило бы на книгу, изъ которой вырваны страницы. Учебные курсы русской грамматики отличаются отчасти такимъ недостаткомъ: въ нихъ вмѣсто изложенія исторіи и особенностей живого языка говорится чаще всего о правилахъ правописанія.

Другимъ достоинствомъ изложенія нужно поставить связность въ развитіи мыслей. Это означаетъ, что второстепенныя мысли, поясняющія общую мысль того или другого отдѣла сочиненія, должны слѣдовать одна за другой такъ, чтобы онѣ въ цѣломъ представляли изъ себя неразрывную цѣпь, т.-е., чтобы онѣ обусловливали другъ друга и вытекали одна изъ другой съ логической необходимостью. Но, кромѣ этой взаимной связи второстепенныхъ мыслей между собою, онѣ должны также связываться и съ общей мыслью отдѣла сочиненія, которая можетъ или предшествовать этимъ послѣднимъ или слѣдовать за ними. Въ сочиненіи Кузнецова „Днѣпръ“ сначала выставлены общія положенія. О верхнемъ теченіи Днѣпра сказано, что оно начи-

нается истокомъ изъ мѣстныхъ приговоровъ. Этимъ объясняются частныя мысли о томъ, что 1) Днѣпръ мелководенъ и 2) что по этому теченію сплавляется лѣсъ. Изъ мысли, что Днѣпръ мелководенъ вытекаетъ другая мысль о томъ, что плаваніе по его верхнему теченію затруднительно. Связность мыслей зависитъ, такимъ образомъ, отъ ихъ логической обоснованности.

§ 108. ФОРМЫ ИЗЛОЖЕНІЯ МЫСЛЕЙ.

Излагать свои мысли авторъ можетъ или отъ своего лица или отъ другихъ лицъ, вымышленныхъ или дѣйствительныхъ. Отсюда получаются двѣ формы изложенія—монологическая и діалогическая. Монологическая форма (*μόνος*—одинъ, *λέγω*—говорю) подраздѣляется на отдѣльные виды, сообразно съ тѣмъ, имѣется ли въ виду у составителя сочиненія читатель или слушатель. Въ тѣхъ случаяхъ, когда авторъ не имѣетъ въ виду читателя, а пишетъ какъ бы для своего собственнаго интереса, монологическая форма называется въ собственномъ смыслѣ монологическою. Она употребительна въ прозаическихъ и поэтическихъ сочиненіяхъ, но болѣе свойственна первымъ. Въ этой формѣ излагаются курсы наукъ (учебники), изслѣдованія по отдѣльнымъ вопросамъ; изъ поэтическихъ произведеній преимущественно лирическія произведенія пользуются этой же формой. Когда авторъ имѣетъ въ виду читателя отсутствующаго, то эта форма называется эпистолярною (*ἐπιστολή*—письмо), потому что мысли излагаются въ формѣ письма. Научныя произведенія въ этой формѣ не излагаются; въ одномъ видѣ прозы эта форма наиболѣе употребительна—это въ публицистическихъ произведеніяхъ, т.-е. въ такихъ, въ которыхъ освѣщаются различные вопросы изъ общественной жизни, одинаково понятныя для самыхъ разнородныхъ читателей. Въ „Письмахъ темныхъ людей“, составленныхъ гуманистами, осмѣивалось суевѣріе и невѣжество, происходяція въ значительной степени отъ схоластики. Разныхъ общественныхъ нестроеній касается и Новиковъ въ письмахъ Фалалѣя къ своему внуку; здѣсь осмѣивается роскошь и расточительность помѣщиковъ въ связи съ ихъ невѣжествомъ и жестокостью по отношенію къ крѣпостнымъ. Сатирическія журнальныя произведенія Крылова тоже изложены въ эпистолярной формѣ. Въ новѣйшей литературѣ этой формой пользовался Станюковичъ въ своихъ „Письмахъ знатнаго иностранца“. Эта форма весьма удобна для описанія путешествій. Фонвизинъ свои заграничныя впечатлѣнія описалъ въ формѣ „Писемъ изъ-за границы“. Въ началѣ XIX вѣка „Письмами рус-

скаго путешественника“ прославился Карамзинъ. Форма эта употребительна и въ поэтическихъ произведеніяхъ, но рѣдко: иногда пишутся такъ романы (напр., „Бѣдные люди“ Достоевскаго, „Страданія молодого Вертера“ Гете). Дневникъ составляетъ разновидность эпистолярной формы съ тѣмъ только различіемъ, что онъ не предназначается для какого бы то ни было читателя. Въ формѣ дневника Гоголь написалъ „Записки сумасшедшаго, Тургеневъ „Дневникъ лишняго человѣка“, Никитинъ „Дневникъ семинариста“.

Когда авторъ имѣетъ въ виду слушателей съ тѣмъ, чтобы такъ или иначе воздѣйствовать на нихъ, тогда сочиненіе его принимаетъ форму рѣчи къ этимъ слушателямъ. Рѣчь отличается отъ прочихъ видовъ монологической формы изустнымъ произношеніемъ.

Диалогическая (*diálogos* — разговоръ) форма очень рѣдко употребительна въ прозаическихъ произведеніяхъ. Она свойственна поэтическимъ произведеніямъ, изображающимъ явленія жизни. Ею только исключительно пишутся всѣ драматическія произведенія, поэтому она называется драматическою формою. Драматическую форму изложенія надо отличать отъ катихизической и евристической. Изъ діалоговъ дѣйствующихъ лицъ можно узнавать характеръ выведенныхъ авторомъ героевъ; а въ евристической и катихизической формахъ герои не выводятся. Вопросо-отвѣтною формою пользуются и для прозаическихъ произведеній въ чисто дидактическихъ цѣляхъ; поэтому вопросо-отвѣтная форма должна быть признана мнимо-диалогическою. Вопросо-отвѣтная форма подраздѣляется на двѣ разновидности: катихизическую и евристическую. Катихизическая форма, названная такъ потому, что въ этой формѣ преимущественно излагается катихизисъ, т.е. вѣроученіе и правоученіе церкви, отличается тѣмъ, что все содержаніе сочиненія разбивается на рядъ вопросовъ и отвѣтовъ, затѣмъ, чтобы усвоены были въ виду важности этого знанія для каждаго вѣрующаго не только общія положенія, но и всѣ частныя мысли, всѣ детали. Только одни вопросы безъ отвѣтовъ на нихъ часто предлагаются въ разныхъ учебныхъ курсахъ и хрестоматіяхъ подъ названіемъ—вопросы для повторенія и разбора. Евристическая форма (*εὐρίσχω* —нахожу, изобрѣтаю) иначе называется еще сократическою по имени греческаго философа Сократа, пользовавшагося ею при изложеніи своихъ мыслей. Особенность этой формы состоитъ въ томъ, что въ самомъ вопросѣ заключаются и основанія для отвѣта. Отличіе ея отъ катихизической выражается въ особомъ характерѣ содержанія излагаемыхъ мыслей. При

катихизической формѣ изложенія возможно излагать, главнымъ образомъ, тѣ мысли, которыя соединяются между собою при посредствѣ реальной связи, т. е. такой, которая не зависитъ отъ логической природы понятія, а основывается на фактическихъ данныхъ. Вѣроученіе церкви излагается въ катихизической формѣ потому, что догматы относятся къ области вѣры. При посредствѣ этой формы можно излагать все то, что не вытекаетъ само собою изъ анализа понятія. Евристическая форма изложенія примѣнима во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, когда мышленіе имѣетъ дѣло съ матеріаломъ, почерпнутымъ изъ того же самаго мышленія. Математическое и философское знаніе есть построеніе человѣческаго ума, отличающееся своею большей или меньшей отрѣшенностью отъ опытнаго знанія, и потому въ этомъ знаніи связь не реальная, а логическая, вытекающая изъ сущности понятій. Этой формой пользовался греческій философъ Платонъ, написавшій діалоги на различныя философскія темы, напр., о дружбѣ, о любви, о республикѣ и т. п. Математическія задачи основаны на примѣненіи этой формы, причемъ задача служитъ вопросомъ, и рѣшеніе ея отвѣтомъ, вытекающимъ изъ тѣхъ основаній, которыя заключаются въ самомъ вопросѣ. Но вообще, евристическая форма мало употребительна.

Указанныя формы и ихъ разновидности могутъ смѣшиваться и тогда получается смѣшанная форма изложенія, встрѣчающаяся почти во всѣхъ родахъ и видахъ поэзіи; монологическая форма изложенія въ собственномъ смыслѣ (напр., въ романахъ, повѣстяхъ и т. п.) перемѣшивается съ эпистолярной и драматической, драматическая съ монологической и т. д. Изъ письма старосты къ Обломову мы узнаемъ о запущенности хозяйства въ имѣніи Обломова. Въ романѣ Пушкина „Евгеній Онѣгинъ“ введены діалоги Онѣгина съ Татьяной, Ленскимъ и т. п.; отвѣты Вареньки на письма Макара Алексѣевича въ „Бѣдныхъ людяхъ“ измѣняютъ эпистолярную форму въ эпистолярно-діалогическую.

Всѣ указанныя нами формы изложенія имѣютъ свои достоинства и недостатки. Монологическая форма въ собственномъ смыслѣ весьма удобна для изложенія научныхъ, прозаическихъ произведеній, потому что мысль здѣсь можетъ быть сдерживаема отъ увлеченій и уклоненій въ сторону отъ темы; при діалогической формѣ изложенія такое урегулированіе мыслей не всегда возможно, потому что мысль можетъ, сосредоточившись на усвоеніи частныхъ, упустить изъ вниманія общее; возможно уклоненіе отъ послѣдовательности въ изложеніи мыслей и потому, что у собесѣдниковъ понятія могутъ отличаться разнымъ содержаніемъ, разной ассоціаціей между ними и поэтому

не исключена возможность приходить къ тѣмъ или другимъ выводамъ окольными путями. Недостатокъ монологической формы состоитъ въ томъ, что при пониманіи произведеній, изложенныхъ въ этой формѣ, требуются большія усилія мысли для уясненія содержанія. Возможно двоякое отношеніе къ содержанію: или 1) все принимается на вѣру безъ оцѣнки и поэтому быстро исчезаетъ изъ сознанія или 2) при оцѣнкѣ содержанія вниманіе устремляется не на весь матеріалъ, заключающійся въ сочиненіи, а только на его часть, такъ что для пониманія всѣхъ мыслей, заключающихся въ содержаніи сочиненія, надо сочиненіе перечитывать по нѣскольку разъ. Въ эпическихъ произведеніяхъ одной монологической формой изложенія невозможно пользоваться, потому что эти произведенія изображаютъ жизнь въ лицѣ героевъ, не только дѣйствующихъ, но и говорящихъ. Достоинство эпистолярной формы состоитъ въ томъ, что произведенія, изложенныя въ этой формѣ и предназначенныя по самому существу ея для одного читателя, отличаются свободнымъ выраженіемъ чувствъ, окрашивающихъ все содержаніе письма и, вмѣстѣ съ тѣмъ, краткостью содержанія и доступностью его для пониманія. Но имѣются и существенные недостатки: при изложеніи мыслей въ эпистолярной формѣ авторъ не слѣдуетъ за связностью и послѣдовательностью ихъ. Драматическая форма изложенія весьма пригодна для объективнаго изображенія жизни въ поэтическихъ произведеніяхъ въ виду того, что сами герои отъ своего собственнаго лица высказываютъ свои мысли и выражаютъ чувства, и поэтому исключается односторонность въ освѣщеніи героевъ и пристрастіе къ нему автора, такъ какъ мнѣніе автора о своихъ герояхъ отсутствуетъ; и, вмѣстѣ съ тѣмъ, въ сравненіи съ эпическими произведеніями, драматическія произведенія побуждаютъ читателя или слушателя къ большей самостоятельности мысли при оцѣнкѣ тѣхъ или другихъ характеровъ и типовъ. Но для изображенія явленій жизни эта форма одна изъ наиболѣе трудныхъ, потому что она требуетъ отъ автора точнаго и вѣрнаго воспроизведенія дѣйствительности: всякая фальшь въ изображеніи характера здѣсь становится, благодаря дѣйствию, явнѣе, чѣмъ въ эпосѣ. Этимъ и объясняется то, что великіе писатели, какъ Тургеневъ, были посредственными драматургами, и что драматическихъ произведеній появляется меньше, чѣмъ эпическихъ. Достоинства и недостатки катихизической и евристической формъ уяснены при оцѣнкѣ монологической формы.

§ 109. ВЫРАЖЕНИЕ МЫСЛЕЙ.

Выраженіемъ сочиненія называется воплощеніе мыслей въ словесную форму. Въ этомъ воплощеніи надо различать двѣ стороны: во-первыхъ, матеріаль, въ который облекается или воплощается мысль, и во-вторыхъ, тотъ способъ, при помощи котораго этотъ матеріаль спаивается или скрѣпляется для того, чтобы получилось изъ разрозненныхъ частей цѣлое. Матеріаломъ для выраженія мысли служитъ слово, а способомъ, при посредствѣ котораго слова связываются въ цѣлое (сочиненіе), является слогъ, или стиль. Отсюда видно, что слова—выраженіе и слогъ не синонимическія, и поэтому между ними есть разница. И, въ самомъ дѣлѣ, обычное словоупотребленіе указываетъ на то, что эти два слова нельзя смѣшивать. Можно сказать словесное выраженіе мыслей и нельзя сказать словесный слогъ мыслей. Для того, чтобы отличить одно слово отъ другого, надо обратиться къ ихъ филологіи. Слово *выраженіе*—одного корня со словами *вырѣзывать* и *образъ*, а *слогъ* одного корня со словомъ *складывать*. Такимъ образомъ, слово *выраженіе* относится къ выбору (*вырѣзыванію*) словъ изъ языка для построенія сочиненія, а *слогъ* къ складыванію, т.-е. самому построенію изъ словъ сочиненія. Эти двѣ совершенно разныя стороны въ учебникахъ теоріи словесности смѣшиваются, и поэтому происходитъ путаница и неясность въ отдѣлѣ, именуемомъ стилистикой. Но, безъ сомнѣнія, эти стороны относятся къ ученію о внѣшнемъ, грамматическомъ строѣ сочиненія: *выраженіе*—къ этимологической сторонѣ сочиненія и *слогъ*—къ синтаксической. Нужно бы эти два понятія—*выраженіе* и *слогъ* объединить при помощи одного слова, но такъ какъ это общее понятіе не наименовано, то *выраженіе* мы будемъ называть просто *выраженіемъ сочиненія*, а *выраженіе въ смыслѣ выбора словъ*, *выраженіемъ въ собственномъ смыслѣ*.

§ 110. ВЫРАЖЕНИЕ ВЪ СОБСТВЕННОМЪ СМЫСЛѢ.

Въ словѣ, какъ средствѣ выраженія мыслей имѣются многообразныя функціи. Къ выясненію этихъ функцій слова мы теперь и перейдемъ. Слово служитъ не только матеріаломъ для мысли, но формой мышленія и его орудіемъ. Мы рассмотримъ эти функціи въ такомъ порядкѣ: 1) слово, какъ орудіе мысли; 2) слово, какъ матеріаль, въ которомъ воплощается мысль, и 3) слово, какъ форма мысли.

§ 111. СЛОВО, КАКЪ ОРУДІЕ МЫСЛИ.

Мыслительная дѣятельность интеллекта проявляется въ образованіи представленій съ понятіями и сужденій. Но такъ какъ представленія съ понятіями и сужденіями являются двумя разными сторонами мыслительной дѣятельности, то, очевидно, различные произведенія мысли должны пользоваться и различными орудіями. И это дѣйствительно такъ. Въ словѣ, какъ орудіи образованія представленій съ понятіями, выдвигается его лексическое значеніе, которое одно только и нужно, поэтому, признать въ качествѣ орудія. Въ образованіи же сужденій выдвигается грамматическая природа слова, выражающаяся въ связи однихъ членовъ предложенія съ другими. Поэтому, въ качествѣ орудія образованія сужденій надо поставить эту именно сторону слова.

Сначала мы укажемъ значеніе слова, какъ орудія, для образованія представленій и понятій, а потомъ перейдемъ къ вопросу о словѣ, какъ орудіи для производства сужденій. Представленія предметовъ, получаемыя отъ чувственныхъ воспріятій, вначалѣ отличаются своею неопредѣленностью и хаотичностью. Вслѣдствіе повторяемости чувственныхъ воспріятій отъ однихъ и тѣхъ же предметовъ представленіе становится болѣе опредѣленнымъ, но только въ томъ смыслѣ, что оно отграничивается отъ другихъ представленій сходныхъ и несходныхъ. Но эта отграниченность однихъ представленій отъ другихъ недостаточна для того, чтобы орудовать этими представленіями, какъ матеріаломъ для мыслительной дѣятельности: требуется, чтобы эти представленія были сознаны относительно тѣхъ частей, изъ которыхъ слагается цѣлое представленіе. Эта сознанность представленія съ его частями или признаками и можетъ быть причиною вызова этихъ представленій независимо отъ чувственныхъ воспріятій. Въ необходимости сознанія представленій можно убѣдиться изъ наблюденій надъ жизнью животныхъ. Собака имѣетъ отграниченныя представленія: она узнаетъ хозяина и близкихъ ему людей, но она орудуетъ этими своими представленіями только при наличности чувственныхъ воспріятій. Процессъ сознанія представленій посредствомъ слова совершается двоякимъ образомъ: посредствомъ синтеза и анализа представленій. Сначала—о синтезѣ. Въ представленіи, отграниченномъ отъ ряда другихъ, выступаетъ вначалѣ какой-нибудь одинъ признакъ, доминирующий надъ всѣми. Этотъ признакъ и является въ качествѣ наименованія для всего представленія (см. § 112). Но такъ какъ одинъ признакъ бываетъ недостаточенъ для того, чтобы различать разнородныя представленія въ виду того, что этотъ признакъ мо-

жетъ быть общимъ для многихъ представленій, то въ представленіи выдѣляется и обозначается посредствомъ слова другой признакъ, потомъ третій и т. д. Латинское слово *pecus* въ значеніи домашній скотъ, перейдя въ славянскую семью языковъ, стало обозначать только собаку. И это измѣненіе первичнаго значенія на славянской почвѣ произошло вслѣдствіе того, что слово *pecus* не различало многихъ другихъ видовъ домашнего скота. Необходимость этихъ другихъ признаковъ вызывается также и тѣмъ, что первичное названіе, какъ это видно изъ анализа нѣкоторыхъ родственныхъ словъ индо-европейской семьи языковъ, бываетъ нехарактерно для этого предмета, и представленіе поэтому нуждается въ перемѣнѣ названія. Отрокъ въ смыслѣ мальчикъ и отроковица въ смыслѣ дѣвочка названы вопреки природѣ представленія о мальчикахъ и дѣвочкахъ, потому что дѣти этого возраста уже въ совершенствѣ владѣютъ рѣчью, и ихъ нельзя называть неговорящими (отъ *рскъ*). Поэтому въ русскомъ языкѣ эти славянскія названія замѣнены другими словами—мальчикъ отъ слова малый и уменьшительное дѣвочка отъ слова дѣва. Затѣмъ, представленіе можетъ отличаться такимъ богатствомъ характерныхъ признаковъ, свойственныхъ именно этому представленію, что эти признаки надо закрѣпить для того, чтобы каждый разъ возможно было вызывать это представленіе только съ какимъ-нибудь однимъ характернымъ значеніемъ. И въ этомъ случаѣ слово приходитъ на помощь и образуются такіа синонимическія слова, какъ: горница, свѣтлица, покой; монахъ, инокъ, чернецъ, отшельникъ.

Такимъ образомъ, вслѣдствіе дѣятельности слова, какъ орудія мысли, представленіе уясняется со стороны признаковъ, характерныхъ для этого представленія, и чрезъ это представленіе дѣлается болѣе отчетливымъ въ виду того, что получаютъ свое отдѣльное названіе разнообразныя признаки этого предмета, и представленіе рѣзче отграничивается не только отъ несходныхъ, но и сходныхъ съ нимъ. Этому послѣднему способствуетъ также и то, что представленіе, сложное по своему происхожденію, считается сложнымъ опять-таки вслѣдствіе дѣятельности слова. Хотя слово и не можетъ осложнить представленія, потому что сложность его зависитъ отъ дѣятельности ощущеній, но зато при посредствѣ слова всѣ расчлененные признаки представленія можно закрѣпить и отдѣлить одинъ отъ другого путемъ ихъ наименованія.

Представленіе о предметѣ расширяется при посредствѣ слова какъ на основаніи синтеза этого представленія, такъ и на основаніи анализа. Синтезъ представленія совершается двоякимъ

путемъ: вслѣдствіе анализа того же самаго представленія и присоединенія къ нему, или, вѣрнѣе, возвращенія къ нему того признака, который получился отъ анализа этого представленія, или же вслѣдствіе сочетанія признака или признаковъ одного представленія съ признаками другого или другихъ представлений; тотъ признакъ, что вода кипитъ при 80°R., получился вслѣдствіе синтеза двухъ представлений о водѣ и огнѣ. Но при анализѣ того же самаго представленія признакъ, выдѣленный изъ этого представленія, можетъ быть и не возвращенъ послѣднему. Это происходитъ въ тѣхъ случаяхъ, когда признакъ ассоціируется на основаніи его сходства съ признаками другихъ представлений. Этотъ признакъ, отдѣляясь отъ своего представленія, субстантируется при посредствѣ того же орудія мысли—слова и получаетъ отдѣльное названіе. Такимъ путемъ произошли существительныя: сладость, занятіе, ясность, игра и т. п. Определенныя представленія существуютъ въ нашемъ сознаніи только вслѣдствіе дѣятельности слова. Но представленія не только создаются при помощи слова, но они и вызываются къ дѣятельности также при посредствѣ слова. И, дѣйствительно, въ актѣ внутренней рѣчи сначала происходитъ наименованіе представленія и потомъ уже его вызовъ изъ памяти. И что важнѣе всего—представленія, благодаря дѣятельности слова, могутъ быть вызываемы произвольно и непроизвольно. Между тѣмъ, у животныхъ, вслѣдствіе отсутствія рѣчи, представленія вызываются только непроизвольно, т. е. только при наличности чувственнаго воспріятія. Понятія образуются также, благодаря дѣятельности слова, путемъ вычитанія изъ представленія несходныхъ признаковъ.

Изъ § 112 мы увидимъ, что матеріаломъ для образованія сужденій являются, главнымъ образомъ, слова и рѣже представленія. Поэтому въ сужденіяхъ слово съ его лексическимъ значеніемъ не можетъ въ одно и то же время быть матеріаломъ мысли и его орудіемъ. Но въ качествѣ орудія мысли здѣсь выступаетъ другая сторона слова—его грамматическая природа. Подлежащее, сказуемое и второстепенные члены предложенія связываются между собою при посредствѣ синтаксическихъ формъ (см. § 114).

§ 112. СЛОВО, КАКЪ МАТЕРІАЛЪ ДЛЯ МЫШЛЕНІЯ.

Въ мысли, т. е. въ сужденіи самое главное значеніе принадлежитъ сказуемому, т. е. тому признаку, черезъ который познается подлежащее. Сказуемое поэтому должно отли-

чаться элементарностью, т.-е. простотою своего содержанія: оно должно указывать только на одинъ признакъ и оставлять въ сторонѣ всѣ другіе. Представленіе въ качествѣ сказуемаго не допустимо, потому что каждое представленіе отличается сложностью содержанія. Если представленіе поставить на мѣсто сказуемаго, то неизвѣстно, какой изъ признаковъ этого представленія надо считать предикатомъ подлежащаго, и, значить, природа послѣдняго опредѣлена не будетъ. Представленія могутъ быть сказуемыми единственно только въ сужденіяхъ наименованія, которыя и сужденіями-то собственно нельзя называть. Въ предложеніяхъ „это—книга“, „это—камень“ никакого акта познанія не заключается. Этими предложеніями указывается только на то, что чувственное впечатлѣніе отъ того или другого предмета тождественно съ прежде образовавшимся представленіемъ о томъ же предметѣ; въ сужденіяхъ наименованія подлежащее и сказуемое равны какъ по объему, такъ и по содержанію. Представленія теоретически могутъ быть подлежащими и въ сужденіяхъ въ собственномъ смыслѣ, но они рѣдко бываютъ таковыми, потому что они очень громоздки, требуютъ большого нервнаго напряженія и, кромѣ того, они нескоро вызываются; въ качествѣ подлежащихъ представленія зато часто бываютъ въ сновидѣніяхъ. Понятія не могутъ быть не только потому подлежащими и сказуемыми, что они имѣютъ объемъ и содержаніе, а слѣдовательно и сложны *); но, главнымъ образомъ, еще и потому, что понятія не представимы. Въ самомъ дѣлѣ, треугольникъ, дерево, высота, сила представимы только въ томъ случаѣ, когда на мѣсто этихъ понятій подставить тѣ представленія, съ которыми они связаны, или изъ которыхъ они выдѣлились: вмѣсто дерева можно представить эту сосну, цвѣтъ можно представить вмѣстѣ съ носителемъ этого качества и т. д. Другими свойствами отличается слово, какъ матеріалъ для мысли. Слово въ качествѣ сказуемаго и подлежащаго отличается всѣми необходимыми свойствами. Слово, какъ сказуемое, прежде всего однозначно, т.-е. оно имѣетъ только одинъ опредѣленный смыслъ, и поэтому оно является элементомъ представленія или понятія, и тѣмъ самымъ опредѣляетъ природу подлежащаго, исключая всякую двусмысленность, т.-е. всякое другое пониманіе. Подлежащее не отличается этимъ свойствомъ: оно многозначно и потому неопредѣленно, потому что, если бы оно

*) Объема не имѣютъ опредѣленные признаки и дѣйствія: бѣлизна, сладость, пѣніе, чтеніе.

было опредѣленно въ своемъ значеніи, то и не нуждалось бы въ предикатѣ, какъ въ своемъ разъясненіи. Эта неопредѣленность и многозначность свойственна не только подлежащему сужденія, но и представленію. Но представленіе при всемъ томъ въ качествѣ подлежащаго не будетъ отличаться тѣми свойствами, какія имѣются въ словѣ, какъ подлежащемъ. Слово по своему объему шире представленія и богаче послѣдняго по своему содержанію. Происходитъ это оттого, что ассоціируются между собою не представленія, а слова, и эта ассоціація между словами содѣйствуетъ обогащенію слова, и только черезъ посредство его представленія. Поэтому, если вмѣсто слова дерево, на его мѣсто въ качествѣ подлежащаго поставимъ представленіе, то въ этомъ представленіи какъ разъ и не можетъ быть нужнаго предиката: мы хотимъ поставить предикатомъ ростъ или кривизну, а вмѣсто того въ представленіи будутъ другіе признаки. Между тѣмъ, слово отличается въ качествѣ подлежащаго такой многозначностью, что можно выбрать изъ его содержанія любой предикатъ, или, вѣрнѣе, слово въ качествѣ подлежащаго отличается такой пустотой значенія, что оно представляетъ изъ себя сосудъ, въ который можно помѣстить или влить любой матеріалъ. И, въ самомъ дѣлѣ, если мы обратимъ вниманіе на то, какъ совершается у насъ мыслительный процессъ, то замѣтимъ въ этомъ процессѣ только работу надъ словомъ. Мышленіе безъ слова не представимо. Правда, бываетъ и такъ, что мысли какъ будто и безъ словъ многосодержательны и даже какъ будто ясны, но какъ только начнешь эти мысли воплощать въ словесную форму, то оказывается полнѣйшая иллюзія: или ничего не скажешь, или скажешь очень мало. Это чаще всего наблюдается въ тѣхъ случаяхъ, когда не даешь себѣ отчета въ содержаніи и планѣ. Мы сказали, что въ мыслительномъ процессѣ и замѣтна только работа въ словѣ. И, дѣйствительно, даже простое чтеніе текста недопустимо безъ воспроизведенія слова. При чтеніи, если слова и не произносятся, то органы рѣчи выполняютъ въ слабой степени всѣ артикуляціонныя работы, не доводя ихъ до конца. При мышленіи еще болѣе замѣтна эта артикуляціонная работа, такъ какъ она совершается интенсивнѣе; а при напряженномъ мышленіи слова даже произносятся вслухъ для того, чтобы они не исчезали изъ сознанія и оставались въ немъ до тѣхъ поръ, пока не будутъ продѣланы съ ними всѣ нужныя операціи. Даже и въ сновидѣніяхъ мы не прекращаемъ этой работы, пользуясь все тѣмъ же матеріаломъ—словомъ. Эта, такъ называемая, внутренняя рѣчь представляетъ изъ себя такое необходимое свойство нашей сознательной жизни, что разстройства ея связываются съ психическими заболѣваніями.

Слова являются болѣе удобнымъ матеріаломъ для образованія сужденій, чѣмъ представленія потому, что мыслительные процессы при вызовѣ однихъ только словъ совершаются легче и съ меньшей затратой умственной энергіи, нежели при вызовѣ словъ вмѣстѣ съ представленіями. При изученіи конкретныхъ наукъ вслѣдствіе неясности значенія тѣхъ словъ, которыя стоятъ на мѣстѣ подлежащихъ, вызывается вмѣстѣ со словомъ и представленіе. Работа мысли надъ этимъ представленіемъ является трудною вслѣдствіе того, что не выдѣлены и не созданы отдѣльно тѣ признаки, которые должны быть присоединены къ этому представленію въ качествѣ предикатовъ. Послѣ того, какъ представленіе раскрылось со стороны нѣкоторой части признаковъ, вызовъ представленія становится излишнимъ, и новые предикаты для этого представленія уясняются уже безъ вызова представленія. Разучиваніе наизусть, напр., стихотвореній, можетъ совершаться двоякимъ путемъ: возможно а) разучиваніе только словъ съ ихъ значеніями и б) заучиваніе тѣхъ же словъ при помощи вызова представленій. При послѣднемъ способѣ заучиванія стихотворенія требуется болѣе времени для чтенія стихотворенія, чѣмъ при первомъ. Эта медленность чтенія объясняется тѣмъ, что при вызовѣ представленія необходимо разъединять отъ этого представленія его предикаты и вновь сливать послѣдній съ первымъ.

Затѣмъ, слово является наиболѣе удобнымъ матеріаломъ для мысли еще и потому, что при обогащеніи представленія новыми признаками слѣдъ этого обогащенія остается не въ самомъ представленіи, а въ словѣ, такъ что представленіе всю полноту своего содержанія, всѣ свои признаки, передаетъ слову. Это происходитъ оттого, что представленія подвижны, неопредѣленны, легко измѣняемы, между тѣмъ какъ въ словѣ закрѣпляются всѣ свойства представленій и отсюда предметовъ. И изъ этихъ свойствъ въ тѣсную ассоціацію вступаютъ между собою не только постоянныя свойства, но и всѣ случайные признаки, хотя ассоціація ихъ какъ между собою, такъ и со словомъ неодинакова. Между словомъ, замѣстителемъ представленія, и его постоянными признаками существуетъ болѣе тѣсная связь, нежели между словомъ и случайными признаками. Вслѣдствіе этого въ словѣ надо различать два значенія: основное и побочное. Основное значеніе всѣмъ понимается одинаково, безъ особенныхъ разногласій, и оно въ особенности ярко выступаетъ въ сужденіяхъ наименованія. Со словомъ картина у всѣхъ связывается мысль о рисункѣ, со словомъ столъ—объ извѣстномъ видѣ мебели. Основное значеніе слова развивается вслѣдствіе упо-

требленія слова въ одномъ опредѣленномъ смыслѣ. Эта опредѣленность зависитъ отъ того, что слово, какъ знакъ представленія, сочетается съ другими знаками представлений (словами), кажушимися для извѣстной языковой группы наиболѣе близкими и связанными съ нимъ. Такъ, въ нѣмецк. яз. для представленія, обозначаемого словомъ *das Glas*, характернымъ свойствомъ является хрупкость стекла, поэтому *Glas* обозначаетъ всѣ вещи, сдѣланныя изъ стекла; а въ русскомъ языкѣ съ этимъ словомъ ассоціируется прозрачность стекла, а поэтому словомъ „стекло“ называются только оконныя стекла и стекла для лампъ. Латинское слово *caput*, ассоціировавшееся съ представленіемъ о головѣ въ буквальномъ значеніи, въ французскомъ языкѣ видоизмѣнило свой смыслъ: *chapitre*—заглавіе и *chapeau*—шляпа.

Изъ этого мы видимъ, что слова въ разныхъ языковыхъ группахъ и даже въ одномъ языкѣ измѣняютъ свое основное значеніе. Эта измѣняемость основного значенія находится въ зависимости отъ побочныхъ, или случайныхъ значеній. Къ уясненію побочнаго значенія мы теперь и перейдемъ. 1) Слово является знакомъ представленія, и поэтому съ нимъ ассоціируются различные признаки этого представленія и не только главные, но второстепенные и случайные. Когда эти послѣдніе признаки выдвигаются въ сознаніи и занимаютъ мѣсто основного, тогда въ словѣ выступаетъ побочное, случайное значеніе. Таковы всѣ слова, образовавшіяся путемъ синекдохи (см. § 80). 2) Но слова, какъ знаки представлений, ассоціируются не только съ признаками одного и того же предмета, но и со знаками другихъ представлений, являющихся для первыхъ въ качествѣ объектовъ. Отсюда развиваются въ словѣ всѣ случайныя значенія, возникшія чрезъ посредство метониміи (см. § 81). 3) Вслѣдствіе сходства однихъ представлений съ другими появляются новыя побочныя значенія на почвѣ метафоры (см. § 82). Такое богатство въ одномъ и томъ же словѣ случайныхъ значеній (столъ въ смыслѣ мебели, постный столъ въ смыслѣ способа питанія, адресный столъ въ смыслѣ учрежденія, сидѣть за карточнымъ столомъ—заниматься картежной игрой и т. п.) зависитъ отъ того, что слово вслѣдствіе своей подвижности легче ассоціируется съ другими словами, какъ знаками представлений, чѣмъ представленія съ представленіями. Эта способность слова, пріобрѣтать новыя случайныя значенія служить вмѣстѣ съ тѣмъ причиною того, что слово для образованія сужденій даетъ болѣе богатый матеріалъ, чѣмъ представленіе.

Изъ сказаннаго не трудно понять также и то, что случайное значеніе слова, имѣющее въ высшей степени важное значеніе въ

процессъ познанія, можетъ возникнуть въ словѣ только при условіи оторванности слова отъ того представленія, которое даю жизнь самому слову. И эта оторванность не только не уменьшаетъ въ словѣ его значенія, но служитъ причиною того, что слово приобрѣтаетъ новыя функціи. Послѣ оторванности слова отъ представленія слово ничего не теряетъ: слово эквивалентно представленію, т. е. послѣ разрушенія ассоціаціи между представленіемъ и словомъ, послѣднему передается все содержаніе и весь объемъ представленія. Поэтому для познанія какого-либо предмета со стороны свойствъ, входящихъ въ этотъ предметъ, намъ нѣтъ нужды вызывать представленіе о предметѣ, а достаточно вызвать изъ сознанія то слово, которымъ обозначается представленіе или понятіе, и вмѣстѣ съ этимъ у насъ въ сознаніи появится и все содержаніе представленій и понятій со всѣми свойствами, качествами, дѣйствіями и т. п. При разсказѣ о какомъ-либо событіи, напр., о Куликовской битвѣ, при описаніи Сахары или устройства лунной поверхности, если бы мы даже и хотѣли вызвать соотвѣтствующія представленія, то сдѣлать этого не въ силахъ по недостатку воображенія и по отсутствію для этого чувственныхъ образовъ; даже и воспроизведеніе чувственного образа не всегда возможно въ представленіи: тысячеугольникъ не представимъ при какихъ угодно средствахъ воображенія; и поэтому у насъ вызываются не представленія, а только слова—символы представлений и понятій.

Результатомъ той же оторванности слова отъ представленія является въ словѣ новая функція: оно отличается легкостью, эластичностью и гибкостью и тѣмъ самымъ содѣйствуетъ экономіи мышленія. Слово имѣетъ свою связь съ представленіемъ или понятіемъ и расширяетъ свое значеніе только до тѣхъ поръ, пока не опредѣлилось представленіе или понятіе въ смыслѣ отграниченія этого представленія или понятія отъ другихъ, родственныхъ ему. Какъ только это отграниченіе произошло, слово теряетъ свою связь съ представленіемъ или понятіемъ, становясь только оболочкою представленія. Характернымъ свойствомъ для этого состоянія является пустота содержанія слова, легкость его въ смыслѣ оторванности отъ представлений и понятій. Если мы разсказываемъ о какомъ-нибудь обыденномъ явленіи жизни, напр., о своей прогулкѣ, то мы не представляемъ себя уходящимъ на прогулку въ такомъ-то платьѣ, не представляемъ мѣстности, по которой гуляли, извѣстныхъ намъ лицъ и т. п. Въ этомъ случаѣ слова служатъ очень удобнымъ матеріаломъ для мысли, значительно облегчая ее отъ излишней

работы, потребной для вызова представлений. Но эту оторванность слова отъ представленія не нужно понимать въ смыслѣ потери словомъ значенія: значеніе въ немъ всегда остается.

Для опредѣленія природы значенія слова надо обратить вниманіе на два вопроса: изъ чего состоитъ значеніе слова, и чѣмъ оно уясняется? Мы указали на то, что слово, какъ матеріалъ для мышленія независимо отъ представленія въ томъ отношеніи, что оно не нуждается въ вызовѣ представленія. Но слѣдь связи слова съ представленіемъ остается и выражается въ томъ, что словомъ, какъ символомъ представленія, указывается на это представленіе. Этимъ указаніемъ слова на представленіе (см. § 25) характеризуется внутренняя сторона слова. Поэтому, слово, оторванное изъ рѣчи и лишенное своей грамматической категоріи, независимо отъ связи его съ другими словами, заключаетъ въ самомъ себѣ смыслъ, поскольку оно служитъ указаніемъ на представленіе. Но въ виду того, что слово имѣтъ два значенія: основное и случайное, въ виду этого смыслъ каждаго слова выясняется изъ сочетанія слова съ другими словами. Слово ассоціируется съ другими словами, вызываетъ другія слова, или, вѣрнѣе, цѣлый рядъ словъ, примыкающихъ къ этому и составляющихъ сужденіе въ формѣ предложенія. Слово яблоко у одного связывается съ мыслью о вкусѣ этого плода, у садовника съ мыслью о сортѣ, у торговца о цѣнности товара, у врача о качествѣ яблока, какъ пищевого вещества, у читателя «Обрыва» Гончарова съ мыслью о Маркѣ Волоховѣ и т. п.

Что слово вызываетъ не представленіе о предметѣ, а значеніе, связанное съ значеніями другихъ словъ, это особенно замѣтно при переводѣ съ иностраннаго языка на отечественный. Это самонаблюденіе за умственной дѣятельностью во время перевода удобно въ томъ отношеніи, что дѣятельность мысли тогда очень интенсивна и протекаетъ очень медленно и легко потомъ припоминать о ней. Во время перевода, пока обучающійся чужому языку не усвоилъ лексическаго значенія словъ, онъ каждое иностранное слово переводитъ на чужой языкъ, подставляя на мѣсто иностранныхъ словъ только отечественныя слова безъ какихъ бы то ни было представлений; и при этой подстановкѣ выбираются изъ массы сходныхъ словъ слова съ подходящимъ значеніемъ по мнѣнію самого переводящаго; по мѣрѣ усвоенія чужого языка эта подстановка постепенно становится излишней, и мышленіе совершается на чужомъ языкѣ опять безъ какихъ-либо представлений, связанныхъ съ значеніемъ слова. Въ поэтическихъ произведеніяхъ, впрочемъ, возможна ассоціація значенія слова и съ представленіями о предметахъ. Такъ, Гоголь рассказываетъ о себѣ, что

во время обдумыванія имъ предполагаемаго труда по исторіи Малороссіи въ голову его проникали безъ его желанія представленія о театрѣ съ его партеромъ, ложами, сценою, возгласами, аплодисментами и т. п. Но представленія, во всякомъ случаѣ, должны ассоціироваться съ значеніемъ словъ.

Изъ сказаннаго о природѣ слова легко замѣтить, что слово само по себѣ даетъ очень богатый матеріалъ для мысли. И это вотъ почему. Мы видѣли, что слово отличается разнообразіемъ значеній. Но эта многозначность значеній можетъ сознаваться въ словѣ, какъ рядъ послѣдовательныхъ сужденій, т. е. въ одинъ данный моментъ сознается въ словѣ только одно значеніе, связанное съ сказуемымъ. Въ этомъ случаѣ слово непремѣнно должно быть однозначнымъ, потому что въ противномъ случаѣ мысль не можетъ отличаться ясностью. Единство мысли есть необходимое условіе каждаго сужденія. Итакъ, сказуемое заключаетъ въ себѣ только одинъ смыслъ. Но это же сказуемое можетъ быть подлежащимъ новаго сужденія, и поэтому, пока сужденіе не отлилось въ опредѣленную форму, это прежнее сказуемое, являясь въ качествѣ подлежащаго, снова становится многозначнымъ и, благодаря этой его многозначности, и допустимъ выборъ изъ многихъ его значеній одного значенія для выраженія сказуемаго. Такимъ образомъ, въ каждомъ словѣ, рассматривая его со стороны значенія, можно замѣтить двойственность его природы: а) въ качествѣ подлежащаго оно становится означаемымъ и потому многозначнымъ, и б) въ качествѣ сказуемаго знакомъ и потому однозначнымъ. Эта чередуемость въ словѣ однозначности съ многозначностью даетъ неисчерпаемый матеріалъ для сочиненія, и такимъ образомъ каждое сужденіе вызываетъ другое, третье и т. д.

Этой многозначностью слова объясняется также и неодинаковое пониманіе содержанія сочиненія различными читателями, и на ней основывается возможность критики тѣхъ или другихъ произведеній. Неодинаковость пониманія и непониманіе зависятъ отъ того, что у слушателя или читателя въ качествѣ сказуемаго *) ассоціируется не то значеніе, съ какимъ оно ассоціировалось у говорящаго; отсюда у слушающаго составляется сужденіе съ другимъ содержаніемъ. Дама пріятная изъ «Мертвыхъ душъ» Гоголя о губернаторской дочкѣ думаетъ, что она нестерпимо манерна, что румянецъ на ней въ палецъ толщины и отваливается, какъ штукатурка. У дамы просто пріятной съ мыслью о губернаторской дочкѣ связывается другая ассоціація о томъ, что она статуя

*) Сказуемое здѣсь понимается не въ грамматическомъ, а логическомъ значеніи.

и блѣдна, какъ смерть. Къ одному и тому же подлежащему вслѣдствіе многозначности слова приданы разныя сказуемыя, отчего и произошло непониманіе. Многозначность слова, хотя она часто и ведетъ къ непониманію мыслей, но при всемъ томъ имѣетъ громадную важность для расширенія знанія. Если бы въ словѣ было одно только значеніе, тогда невозможно было бы и самое мышленіе: ему тогда не на чемъ было бы опираться. Многозначность зависитъ отъ субъективности представленій и понятій у разныхъ людей и даже у одного и того же человѣка, но въ разное время. Эта субъективность объясняется подвижностью и неполнотою представленій и понятій, подлежащихъ обозначенію посредствомъ слова.

Многозначность разныхъ словъ неодинакова: въ конкретных словахъ она проявляется сильнѣе, чѣмъ въ абстрактныхъ. Объясняется это тѣмъ, что конкретныя слова, какъ знаки представленій, богаче своимъ содержаніемъ въ сравненіи съ абстрактными, обозначающими понятія. Конкретныя слова отличаются большей многозначностью, потому что представленія, соотвѣтствующія этимъ словамъ, основываясь на чувственныхъ воспріятіяхъ, включаютъ въ свое содержаніе не только родовыя и видовыя свойства, но и индивидуальныя. Въ понятіяхъ многозначность идетъ постепенно на убыль, потому что въ содержаніе ихъ входятъ только родовыя свойства, а потому у подлежащаго, обозначающаго понятіе, число сказуемыхъ также соотвѣтственно этому уменьшается. Слѣдуетъ, впрочемъ, различать понятія по ихъ происхожденію двухъ видовъ: одни понятія образуются путемъ обобщенія разнородныхъ представленій, таковы: растеніе, жидкость, минераль и т. п., и другія путемъ отвлеченія отъ представленій свойствъ и дѣйствій: высота, величина, терпѣніе, усердіе и т. п. Въ понятіяхъ, полученныхъ путемъ обобщенія съ увеличеніемъ объема понятія многозначность уменьшается; такъ понятіе дерево отличается большей многозначностью въ сравненіи съ понятіями растеніе и организмъ, и, такимъ образомъ, самыя общія понятія, такъ называемыя категоріи, каковы: вещь, качество, дѣйствіе и отношеніе, отличаются минимальной многозначностью. Таковая же минимальная многозначность свойственна и понятіямъ, полученнымъ путемъ отвлеченія. Во всякомъ случаѣ, въ тѣхъ и другихъ понятіяхъ не можетъ быть менѣе двухъ предикатовъ, потому что въ противномъ случаѣ они не могутъ быть пригодны для мышленія, такъ какъ ихъ нельзя будетъ опредѣлять. Возьмемъ понятіе, обозначаемое словомъ величина. Въ значеніи этого слова могутъ мыслиться два предиката: положительная величина и от-

рицательная *). Значеніе словъ положительный и отрицательный ассоціируется уже съ большимъ количествомъ предикатовъ. Изъ этого положенія объ убыли многозначности словъ вытекаетъ тотъ выводъ, что философскія сочиненія, напр., изслѣдованія по логикѣ, а также и математическія науки, имѣя своимъ предметомъ изученіе общихъ понятій, не допускаютъ такого широкаго и разнообразнаго пониманія, какъ произведенія поэтическія, черпающія свое содержаніе изъ представленій. Науки повѣствовательно-описательныя занимаютъ въ этомъ отношеніи среднее мѣсто между науками философскими и произведеніями поэтическими.

§ 113. СЛОВО, КАКЪ ФОРМА МЫСЛИ.

Слово является наиболѣе совершенной формою для выраженія мысли. Этимъ мы не хотимъ сказать, что слово есть вообще самая совершенная форма, т.-е., что при помощи слова можно выражать и представленія и чувства и т. п. Зрительныя представленія совершеннѣе выражаются живописью, чувства—музыкой, моторныя представленія—скульптурой и т. п. И въ самомъ дѣлѣ, портретъ, нарисованный Тургеневымъ или Л. Толстымъ при посредствѣ слова, не произведетъ такого впечатлѣнія, какъ портреты Рѣпина, Верещагина и другихъ художниковъ, не произведетъ такого впечатлѣнія потому, что слова не въ состояніи такъ воздѣйствовать на воображеніе, чтобы представленіе отличалось такой же полнотою и живостью, какъ зрительный образъ. Слово потому должно считать самой совершенной формою для выраженія мысли, или сужденій, что представленія, разнообразныя по своему происхожденію—зрительныя, слуховыя, моторныя и т. п., могутъ опредѣляться въ ту или другую форму при посредствѣ слова. Между тѣмъ, другія формы выраженія представленій не отличаются такимъ свойствомъ. Живописью можно изображать только зрительныя представленія, а всѣ прочія, не связанные съ этими представленіями, можно изображать только символически, и пониманіе живописи, а также и всѣхъ видовъ искусствъ поэтому затруднительнѣе пониманія словесныхъ произведеній. Въ этомъ одно преимущество выраженія представленій при посредствѣ слова. Сужденій нельзя выражать какимъ-либо другимъ способомъ, потому что въ сужденіи соединяются разнородные по своему происхожденію и составу члены. Подлежащимъ и сказуемымъ могутъ быть и

*) Понятіе о мнимой величинѣ вытекаетъ не изъ анализа понятія величина, а изъ анализа понятій извлеченія корня.

конкретныя и абстрактныя слова. Въ сужденіяхъ подлежащее можетъ соотвѣтствовать зрительному представленію, а сказуемое слуховому или моторному и наоборотъ; словомъ, здѣсь могутъ быть самыя разнообразныя комбинаціи, такъ что для выраженія одной мысли надо прибѣгать къ помощи разныхъ искусствъ. Если общія понятія и можно выразить символически въ какой-либо другой формѣ, кромѣ словесной, то отвлеченныя понятія, опредмеченныя дѣйствія и качества, а также и всѣ части, происшедшія отъ дѣленія содержанія понятій, невыразимы ни въ какой другой формѣ за исключеніемъ словесной. Сейчасъ у насъ рѣчь о подлежащемъ сужденія. Если подлежащее и можно выразить при помощи условныхъ символовъ, то сказуемое вслѣдствіе однозначности его значенія выражать труднѣе. Что слово есть совершенная форма мысли, это видно изъ того, что произведенія искусствъ: живопись, скульптура, архитектура и музыка оцѣниваются при помощи слова. Пониманіе произведеній различныхъ искусствъ становится яснѣе и точнѣе, когда мы даемъ себѣ отчетъ въ тѣхъ чувственныхъ впечатлѣніяхъ, которыя возникли подъ вліяніемъ тѣхъ или другихъ художественныхъ образовъ; а это возможно только тогда, когда мы составимъ тѣ или другія сужденія и облечемъ ихъ въ словесную форму. Математика отвлекается въ своихъ доказательствахъ отъ словесной формы, прибѣгая къ буквенному обозначенію понятій, но свои законы и положенія она переводитъ на словесный языкъ *).

§ 114. ЛОГИЧЕСКАЯ ПРИРОДА СЛОГА.

Слогъ сочиненія мы опредѣлили, какъ способъ складыванія, т.е. соединенія словъ въ одно цѣлое. Это соединеніе словъ въ одно цѣлое производится для того, чтобы сдѣлать мысли ясными для пониманія. Этимъ цѣлымъ является предложеніе. Такъ какъ предложеніе есть то же сужденіе, но только облеченное въ словесную форму, то слогъ находится въ зависимости отъ природы сужденія. Мы видѣли, что сужденіе отличается отъ предложенія тѣмъ, что въ первомъ сочетаются между собою два понятія, а въ послѣднемъ эти два понятія ставятся при посредствѣ грамматическихъ формъ въ то или другое отношеніе между собою: одно изъ нихъ сказуемое сочиняется съ другимъ, т.е. съ подлежащимъ, и, благодаря этому, оба члена въ нашемъ сознаніи объединяются. Безъ этого объединенія невозможно пониманіе рѣчи. Если мы, желая выразить мысль о бѣлизнѣ снѣга, слова

*) Къ выраженію мыслей при помощи слова предъявляются разные требованія, но объ этомъ у насъ уже была рѣчь въ § 59.

„бѣлый“ и „снѣтъ“ поставимъ въ произвольныхъ грамматическихъ формахъ, не объединенныхъ между собою, то не получится смысла: нельзя вывести никакого смысла изъ фразъ „снѣгомъ бѣлаго“, „снѣгу бѣлыхъ“; неясенъ смыслъ будетъ даже и въ томъ случаѣ, когда мы скажемъ „бѣлый снѣтъ“, потому что здѣсь нѣтъ предиката. Между тѣмъ, въ предложеніи „снѣтъ бѣлъ“ мысль выражена ясно: при помощи именительныхъ падежей объединяются оба понятія, а при помощи усѣченного окончанія „бѣлъ“ выражена и предикативность. Значить, отсюда можно сдѣлать тотъ выводъ, что слогомъ, т.е. употребленіемъ тѣхъ или другихъ грамматическихъ формъ а) объединяются подлежащее и сказуемое и б) выражается предикативность, т.е. совершается высказываніе мысли о подлежащемъ. Далѣе, слогъ находится въ зависимости отъ природы подлежащаго и сказуемаго сужденія. Понятій существуетъ безчисленное множество, но словъ для обозначенія этихъ понятій меньше. Такъ какъ словъ меньше, чѣмъ понятій, то каждое понятіе разбивается на рядъ мелкихъ понятій, и эти мелкія, т.е. элементарныя понятія, выражаются въ соответствующемъ имъ рядѣ словъ. Въ предложеніи „Впередъ поѣхала пушка, окруженная пѣхотными солдатами“ (Пушкинъ), если разбирать его съ логической стороны только два понятія: „пушка, окруженная пѣхотными солдатами“ и „впередъ поѣхала“, но эти два понятія не могутъ быть выражены каждое при посредствѣ только одного слова. Такимъ образомъ, одно понятіе разбивается на рядъ другихъ. Но недостаточно этого раздробленія понятій. Нужно ихъ раздробить и вновь соединить слова, обозначающія эти понятія, при помощи грамматическихъ формъ такъ, чтобы всѣ понятія, относящіяся къ главному, находились отъ него въ зависимости, въ подчиненіи. Очевидно, что и въ этомъ случаѣ нельзя ставить слова въ произвольныхъ грамматическихъ формахъ. Слова, группирующіяся около главныхъ членовъ, называются второстепенными. Изъ приведеннаго выше примѣра легко замѣтить, что второстепенные члены находятся въ разной зависимости отъ главныхъ и между собою. Слово „окруженная“ согласовано со словомъ „пушка“, а отъ „окруженная“ зависитъ „солдатами“. Приспособляемость одного члена предложения къ другому посредствомъ уравненія окончаній (пѣхотными солдата—ми) называется согласованіемъ словъ, а зависимость одной формы отъ другой въ смыслѣ требованія одной формою другой—управленіемъ словъ. Отсюда можно сдѣлать другой выводъ о слогѣ: посредствомъ согласованія и управленія словъ сложные понятія, подлежащее и сказуемое, такъ раздробляются, что не только не нарушается цѣлость

этихъ понятій, но еще ярче выясняется единство ихъ вслѣдствіе перспективной связи между второстепенными понятіями, выражаемыми при помощи второстепенныхъ членовъ.

Подобно тому, какъ подлежащее, сказуемое и второстепенные члены находятся между собою въ различныхъ отношеніяхъ, подобно этому и различные предложенія также могутъ находиться между собою въ различной связи. Эта неодинаковость связи зависитъ отъ логической природы сужденій, составляющихъ одно логическое (синтаксическое) цѣлое. Мысли, т.-е. сужденія, могутъ находиться между собою въ равносильной связи, выражающей въ сочиненіи ихъ между собою, т.-е. въ приведеніи ихъ въ извѣстный порядокъ, исключая зависимость одной мысли отъ другой. Таковы будутъ всѣ предложенія, составленныя по способу сочиненія. Сочиненіе предложенія похоже на согласованіе отдѣльных членовъ. Предложенія могутъ находиться въ зависимости одно отъ другого, т.-е. одни предложенія могутъ подчинять себѣ другія, подобно тому, какъ одни сужденія обуславливаютъ другія, изъ нихъ вытекающія. Предложенія, находящіяся въ зависимости одно отъ другого, называются подчиненными. Подчиненіе сходно съ управленіемъ словъ. При управленіи словъ управляющимъ словомъ являются не всѣ члены предложенія, а только одинъ изъ нихъ; и при подчиненіи придаточное предложеніе относится не ко всѣмъ членамъ главнаго по отношенію къ нему, а только къ одному изъ этихъ членовъ. Изъ этого вытекаетъ и еще выводъ о слогахъ: посредствомъ слога отдѣльныя мысли приводятся между собою въ различные отношенія, выражающіяся въ сочиненіи и подчиненіи ихъ. Такимъ образомъ, слогъ сочиненія находится въ зависимости отъ различныхъ отношеній между подлежащимъ, сказуемымъ и второстепенными членами и отъ различной связи между предложеніями, составляющими одно синтаксическое цѣлое, а все это вмѣстѣ обуславливается не только одной логической природой сужденія, но и многими другими причинами, относящимися ко всѣмъ сферамъ психической дѣятельности: интеллектуальной, эмоциональной и волевой. Комбинація различныхъ видовъ этой психической дѣятельности ведетъ къ индивидуализаціи слога, т.-е. къ тому, что не только у каждаго писателя, но и у каждаго говорящаго чловѣка свой складъ рѣчи, свой слогъ.

§ 115. ПРОЦЕССЪ ОБРАЗОВАНІЯ СЛОГА.

Слогъ, т.-е. тотъ или другой синтаксическій строй сочиненія, выработался изъ разговорной рѣчи. Это не требуетъ какихъ-либо особенныхъ доказательствъ и ясно изъ того, что письменныя произведенія появились позже устныхъ. И, дѣйствительно, синтаксическій строй нашихъ устныхъ пѣсень отражаетъ въ себѣ особенности разговорной рѣчи. Въ пѣсняхъ дѣйствующія лица ведутъ разговоръ между собою или съ отсутствующими лицами. Таковы всѣ свадебныя пѣсни и обрядовыя. Въ свадебныхъ пѣсняхъ невѣста обращается къ родителямъ, братьямъ, свахѣ и т. п.; въ пѣснѣ «А мы просо сѣяли» ведутъ между собою діалогъ хоръ дѣвушекъ и юношей; въ пѣснѣ «Ужъ какъ палъ туманъ» раненый на войнѣ разговариваетъ со своимъ конемъ. Сравнительное изученіе изустныхъ произведеній различныхъ народовъ указываетъ на то, что синкретизмъ поэзіи, т.-е. смѣшеніе эпоса, лирики и драмы, предшествовалъ раздѣльному существованію этихъ родовъ поэзіи. Особенностью же этого синкретизма служить хоровое исполненіе съ особыми заглавленіями различныхъ поэтическихъ произведеній, составляемыхъ путемъ импровизаціи. Мы уже говорили, что паратактическій строй предшествовалъ гипотактическому, а потому и перейдемъ къ уясненію общаго вопроса о томъ, какъ создавался слогъ. Мы видѣли, что синтаксическія формы создаются въ рѣчи непрерывно, и что наряду съ созданіемъ новыхъ формъ продолжаютъ жить и нѣкоторыя изъ старыхъ. Появленіе письменности служитъ причиной того, что эти старыя синтаксическія формы закрѣпляются и, вмѣстѣ съ тѣмъ, различное сочетаніе ихъ между собою и съ вновь появляющимися формами ведетъ все къ большому и большому разнообразію слога и все къ большому и большому отклоненію письменнаго строя рѣчи отъ устнаго. Это отклоненіе письменнаго строя отъ устнаго развивается еще и потому, что съ возникновеніемъ письменности въ литературахъ различныхъ народовъ появляются въ томъ или другомъ количествѣ переводныя сочиненія. Переводчики иноземныхъ произведеній вслѣдствіе большаго знакомства съ языкомъ оригинала или вслѣдствіе вліянія языка этого оригинала усваиваютъ и особенности конструкціи, чуждыя тому языку, на который переводится то или другое произведеніе. Такъ въ «Остромировомъ евангеліи» и въ другихъ богослужебныхъ книгахъ очень много синтаксическихъ оборотовъ, заимствованныхъ съ греческаго языка: нерѣдко греческій членъ *ε*, которому нѣтъ

соотвѣтствія въ славянскомъ языкѣ, переводится мѣстоименіемъ *насе*. Подъ вліяніемъ того же греческаго языка все болѣе и болѣе входятъ въ употребленіе формы простыхъ прошедшихъ временъ—аориста и прошедшаго протяженнаго вмѣсто описательныхъ, состоящихъ изъ причастія и какого-либо при немъ глагола. Съ развитіемъ образованія въ Польшѣ, сначала въ Западной и Южной Руси, а потомъ и въ Московской, усваиваются польскіе синтаксическіе обороты, далѣе нѣмецкіе, французскіе и т. п.: Всѣ эти солецизмы взаимно уживаются, и слогъ, напр., Ломоносова въ его прозаическихъ произведеніяхъ отражаетъ многія изъ этихъ особенностей. Чѣмъ болѣе литература испытываетъ вліяніе иноземныхъ произведеній, тѣмъ конструкція все болѣе и болѣе удаляется отъ синтаксическаго строя разговорной рѣчи, и, напр., разсужденіе Шафирова о причинахъ войны 1712 года со шведами малопонятно для читателя. Съ удаленіемъ литературнаго слога отъ строя разговорной рѣчи и лексическая сторона сочиненія все болѣе и болѣе удаляется отъ народнаго языка: употребляются слова, чуждыя и мало свойственныя языку, и языкъ литературныхъ произведеній отличается лексической бѣдностью. Ломоносовъ совѣтуетъ употреблять исключительно русскія слова въ родѣ: «говорю», «ручей», «который», «пока», «лишь», только въ произведеніяхъ «низкаго штиля»: эпиграммахъ, комедіяхъ и т. п. По порученію императрицы Екатерины II Богдановичъ, авторъ Душеньки, перелагала простонародныя пословицы въ наиболѣе литературную, по его мнѣнію, форму. У французскихъ ложноклассиковъ слова: «комната», «пѣтухъ», «платокъ», «носъ» считались неприличными, подобно тому, какъ и всѣ произведенія устной народной словесности у насъ въ XVIII вѣкѣ считались «подлыми» произведеніями.

Но не всѣ произведенія въ одинаковой мѣрѣ испытываютъ вліяніе иноземной конструкціи. Сочиненія утилитарнаго характера, какъ-то: разные юридическіе документы въ родѣ грамотъ, договоровъ, а также проповѣди и т. п., со стороны своего выраженія и слога мало чѣмъ отличаются отъ конструкціи живой рѣчи. Эти произведенія утилитарнаго характера появляются одновременно съ произведеніями собственно-литературными. „Домострой“ и „Посланія Грознаго къ кн. Курбскому“ принадлежатъ одной эпохѣ; но первое отличается всѣми особенностями живой русской рѣчи, а второе—слѣдами разнородныхъ вліяній. Но съ теченіемъ времени и слогъ дѣловыхъ памятникѣвъ начинаетъ подпадать подъ иноземное вліяніе. Грамота объ избраніи на Россійскій престолъ Михаила Ѳеодорови-

ча представляет образец такого произведения. „Духовный регламент“ и „Наказ“ имп. Екатерины II еще болѣе яркіе образцы этого же рода.

Въ силу указанныхъ выше условій и слогъ каждой отдѣльной эпохи, подобно слогу отдѣльнаго человѣка, индивидуализируется и носитъ на себѣ отпечатокъ всевозможныхъ вліяній, характерныхъ для той или другой культуры. Въ періодъ господства французскаго ложноклассицизма слогъ отличался высокопарностью, риторичностью, напыщенностью латино-греческой конструкціей въ расположеніи членовъ предложенія и въ самомъ строѣ ихъ. Слогъ этой эпохи соотвѣтствуетъ тону того придворнаго этикета, который выработался въ эпоху Людовиковъ, и тому увлеченію греко-римской культурой, которая была характерна для XVII и XVIII в.в. Въ наше время, время особенно напряженнаго и повышеннаго темпа жизни, новѣйшіе писатели обращаютъ вниманіе не на синтаксическую сторону рѣчи, а на выразительность мысли. Поэтому, предложенія кратки, между собою не связаны; придаточныя не имѣютъ при себѣ главныхъ и т. п. Этотъ складъ рѣчи соотвѣтствуетъ тому вѣку, въ который кинематографомъ вытѣсняется театръ, въ который каждая минута расцѣнивается деньгами.

§ 116. УСТНЫЯ И ПИСЬМЕННЫЯ ПРОИЗВЕДЕНІЯ.

Произведенія эти различаются по содержанію, изложенію и выраженію. Но это различіе обнаруживается только въ томъ случаѣ, когда устное произведеніе представляетъ изъ себя импровизацію, т.-е., когда оно облается въ словесную форму передъ слушателями, а не представляетъ изъ себя устнаго повторенія сочиненія, составленнаго заранѣе. Устныя произведенія со стороны содержанія отличаются меньшей полнотой и обстоятельностью, чѣмъ письменныя, потому что недостатокъ времени препятствуетъ развить всѣ мысли такъ, какъ онѣ были бы развиты на бумагѣ. Въ устномъ произведеніи меньше связности между мыслями, чѣмъ въ письменномъ, что зависитъ отъ того, что во время предварительнаго обдумыванія темы авторъ не успѣваетъ въ своемъ сознаніи обхватить всего предмета, а потому во время произнесенія рѣчи онъ возвращается къ сказанному ранѣе. Эти повторенія и отступленія объясняются также стремленіемъ ярче и доступнѣе передъ слушателями объяснить предметъ рѣчи, потому что рѣчь эта запечатлѣвается

не на бумагѣ, а только въ памяти слушателей. По своему выраженію изустныя произведенія отличаются со стороны выбора словъ и слога рѣчи. Выборъ словъ объясняется составомъ слушателей, и поэтому употребляются слова, доступныя для пониманія всѣхъ слушателей, а техническія выраженія или исключаются или по поводу ихъ вводятся въ рѣчь отступленія. Устные произведенія поэту часто грѣшатъ противъ правилъ стилистики вслѣдствіе употребленія въ нихъ плеоназмовъ и тавтологическихъ выраженій. Слогъ устныхъ произведеній также можетъ рѣзко отличаться отъ слога письменныхъ сочиненій. Это зависитъ отъ того, что одновременно происходитъ обдумываніе сочиненія и воплощеніе его въ словесную форму. Эта интенсивность умственной работы поэту часто вредитъ правильности синтаксическаго строя. Но устная рѣчь имѣетъ и свои преимущества. Авторъ содѣйствуетъ пониманію слушателей интонаціей голоса, мимикой, жестами. Воодушевленіе его передается и слушателямъ. Поэту часто остроты устной рѣчи во время чтенія того же самаго произведенія не имѣютъ свойственнаго имъ характера: онѣ перестаютъ тогда быть островами.

Corrigenda.

Страница.	Строка.	Напечатано:	Слѣдуетъ читать:
5	12 снизу	того,	того, что—
13	18 снизу	заключенностью	законченностью,
30	15 сверху	hustibus	gustibus,
31	14 снизу	различнымъ	различныхъ.
42	6 сверху	kwas	* kwas
48	1 сверху	хладно	хладно
—	8 сверху	ь, а,	ь, а
—	17 сверху	по истеченіи	по исчезновеніи
52	15 снизу	pelula	nebula
57	6 снизу	αλς	ᾱλς
62	8 снизу	ομος	ὁμός ¹
—	—	οοομα	ὄοομα
63	3 снизу примѣч.	βωλος	βῶλος
73	11 снизу	флексій	флексии
109	1 сверху	πόντος	πόντος
116	16 сверху	νέος	νῆος
154	22 сверху	веселье	веселье
176	10 снизу	до полненіе	дополненіе
194	15 сверху	вѣдени	вѣдени
196	10 сверху	Virasenasuto	Virasenasutas
288	10 снизу	Мерзнякавъ	Мерзляковъ
—	—	одинакого	одиокаго
